

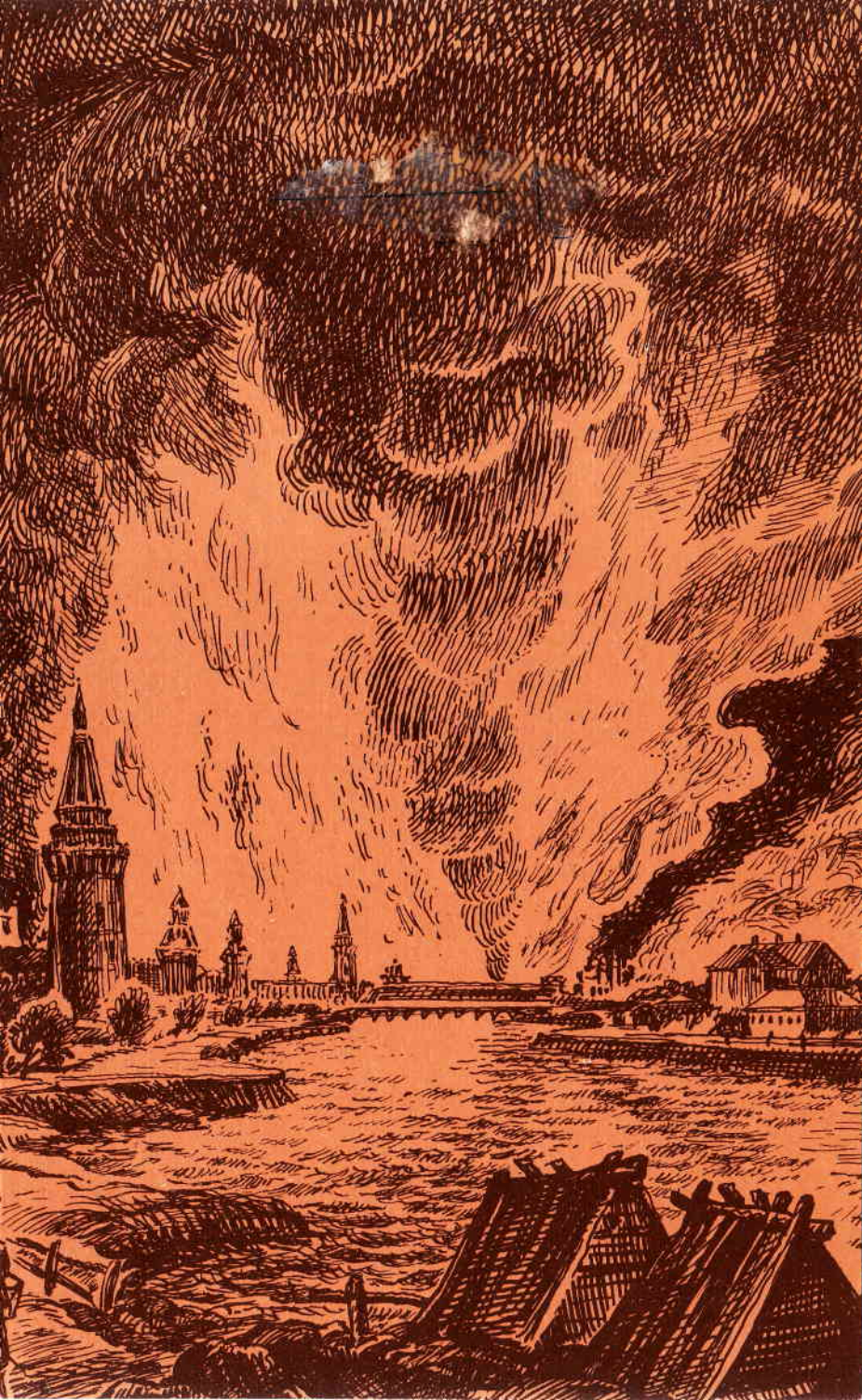
РОССИЯ

ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX в.

ГЛАЗАМИ
ИНОСТРАНЦЕВ

БИБЛИОТЕКА "СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА"

РОССИЯ

ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX в.

ГЛАЗАМИ
ИНОСТРАНЦЕВ

84.34(4)

P76

*Подготовка текстов
и вступительная статья*
Ю. А. ЛИМОНОВА

Примечания
В. Г. ДАНЧЕНКО

Р $\frac{4703010400-165}{M171(03)-91}$ 184—91
ISBN 5-289-00944-2

© Ю. А. Лимонов, составление,
вступительная статья, 1991
© В. Г. Данченко, примечания, 1991
© Д. К. Титов, оформление, 1991

РОССИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СОЧИНЕНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Россия первой половины XIX в. привлекала взоры всего мира. Ей посвящено огромное число зарубежных мемуаров, путевых дневников, сочинений по истории, политике, экономике. Чем можно объяснить подобный интерес? Безусловно, тем, что авторитет России — один из решающих факторов международной политики, прежде всего европейской. Роль России в «европейском доме» огромна. От ее политики зависят стабильность, мир, процветание и в конечном итоге существование самой политической системы государств Европы. Начало XIX в. ознаменовалось становлением нового периода развития, прогрессом мировой цивилизации и культуры, изменением психологии и образа жизни человека. Но эта эпоха дала человечеству и страшные примеры военной агрессии, тотальной войны против целых народов, массового уничтожения мирного населения, цветущих городов, памятников культуры. Она же продемонстрировала классические образцы политического и идеологического волюнтаризма, возведенного в абсолют, когда желание и воля одного человека, даже независимо от поддержки той или иной социальной группы, становятся законом для десятков миллионов других. Наглядное тому подтверждение — наполеоновская эпопея.

В Отечественной войне 1812 г. Россия продемонстрировала беспрецедентный духовный подъем народа, его патриотизм, его жертвенность во имя Родины. Без усилий, героизма и долга русского мужика и солдата, ратника-ополченца и горожанина, небогатого дворянина и армейского офицера, аристократа и купца, без самого государства, и, наконец, без великого подвига русской женщины история страны, континента и, видимо, всего мира была бы иной. Почти полумиллионная армия Наполеона прекратила свое существование, Россия и Европа были освобождены.

После разгрома Наполеона Россия играет значительную роль на Европейском континенте. Она возглавляет «Священный союз» — блок европейских монархов, заключенный для борьбы с революционным движением; она ведет активную политику в отношении черноморских проливов и Средиземноморья, она

определяет основные аспекты европейских международных отношений. Ее положение в сфере дипломатии 20—40-х гг. XIX в. блестяще. Но успехи во внешней политике не могли в достаточной степени влиять на внутреннее положение Российской империи. Крепостное право тормозило развитие экономики, не давало возможности широко использовать вольнонаемный труд, а следовательно, создавать крупную машинную индустрию. Политика Николая I, ставшего императором в 1825 г. после смерти Александра I и восстания декабристов, была реакционной. Для его правления характерны сохранение и усиление принципов самодержавной власти, подавление демократических и либеральных взглядов, господство бюрократии. Конечно, вся эта политика не остановила поступательный ход развития страны, хотя весьма ощутимо тормозила ее прогресс. Николаевская Россия чрезвычайно интересовала современников-иностранцев. Это нашло отражение в ряде сочинений, в том числе и в таком оригинальном жанре, как политический памфлет.

Блестящим образцом европейской литературы о путешествиях стала книга воспоминаний известной писательницы и критика Жермены де Сталь (1766—1817). Автор была в России летом 1812 г., в период нашествия Наполеона. Один из разделов воспоминаний де Сталь целиком посвящен нашей стране. Но кто такая мадам де Сталь? Сейчас ее имя известно только тем, кто интересуется культурой и историей Франции конца XVIII — начала XIX в. А в эпоху Великой французской революции, якобинской диктатуры и империи Наполеона оно гремело по всей Европе. И это в то время, когда в салонах европейских столиц отнюдь не наблюдалось недостатка в привлекательных и одаренных собеседницах, тонких ценительницах литературы, музыки, живописи. Тем не менее имя мадам де Сталь было известно в самых разных слоях европейского общества. Блестящая светская дама и очаровательная женщина, умный собеседник и строгий критик, хозяйка политического салона и теоретик идеи национальной самобытности европейских литератур, де Сталь пользовалась огромным успехом и славой. Но не только этим объясняется ее известность. Она была одним из немногих представителей европейской интеллигенции, кто прямо и открыто выступил против диктатуры Наполеона, его деспотизма и самодержавия, принесших столь неисчислимые страдания всем народам Европы, и прежде всего французскому. Именно она, казалось, далекая в своих литературных интересах от политики и милитаризма, дала убийственную характеристику императору Франции, его кровавым деяниям, его полицейскому государству. Император с корсиканским темпераментом и мужественной прямоотой солдата

так излагал свое отношение к писательнице: «Эта старая ворона», «Эта сумасшедшая старуха», «Она настоящая язва». Оставляя в стороне «императорское счисление» лет красивой, привлекательной женщины, пользовавшейся огромным и вполне заслуженным успехом в обществе, отметим только, что реплики «властителя французов» относились к тридцатипятилетнему здоровому человеку, бывшему, кстати сказать, лишь на два с половиной года старше самого Наполеона. Несмотря на все нападки, де Сталь оставалась верным и последовательным защитником конституции и демократии. Она противопоставляла военной диктатуре Наполеона и тотальной милитаризации общества свои идеалы — личную свободу человека и гражданские права, провозглашенные и закрепленные законом. Она не скрывала своих убеждений. Мало того, что она открыто, вслух осуждала милитаризм, диктатуру, личную грубость и солдафонство императора, — она имела смелость письменно и печатно пропагандировать свои взгляды. Статьи де Сталь, ее критические суждения доводили императора до бешенства. Наконец последовал императорский указ о высылке писательницы из Парижа, о запрещении ей жить в радиусе сорока лье от столицы (примерно 200 километров). Под конвоем писательница была доставлена на границу, где, парижанка по духу, французенка по языку и культуре, была выставлена за пределы «прекрасной Франции» как иностранка (она была дочерью швейцарского банкира Неккера). Один из очагов оппозиции в стране был удачно подавлен. Сын корсиканского адвоката Карло Бонапарте из местечка Аяччо, он же император великой Французской империи, преемник славы Александра Македонского, Наполеон I мог быть спокоен. Этой «старой язвы» в Париже не стало. Зато появилась первая диссидентка нового времени...

В эмиграции де Сталь создает свои лучшие произведения — романы «Дельфина», «Корина», путевые дневники, мемуары. Одним из интереснейших ее сочинений являются записки о России. Де Сталь посетила страну в 1812 г., накануне нашествия французов. По форме это изящные путевые заметки, материалы которых расположены в хронологической и топографической последовательности.

Дорожный дневник де Сталь изобилует лирическими отступлениями о необъятных просторах России, о ее природе, о населении. За неполные три месяца путешественница увидела и украинскую степь, и леса Центральной России, и болота Петербургской губернии, и гранит и озера Финляндии. Но не только это привлекало де Сталь. Она затрагивает многие политические и этические проблемы: рассуждает об истории России, о русском крестьянине, о Наполеоне, сравнивает рус-

ский характер с характерами других народов Европы. Конечно, ее волнует и собственная судьба, и судьба своей родины и своего народа. Здесь, на просторах России, ей приходят мысли об отношении к покинутой Франции. Тонкое и глубокое проникновение сквозит в ее отношении к таким высоким, но, казалось бы, абстрактным понятиям, как «родина», «отечество». В одном из отступлений читаем: «Любовь к отечеству после любви к Богу есть одно из самых возвышенных чувств, испытываемых человеком». И эти слова принадлежат «антипатриотке», беглянке, спасающейся от победоносной наполеоновской армии. Чем вызвана подобная мысль? Быть может, это реакция на патриотизм русских?

Вероятно, ни один русский город не привлекал такого внимания на Западе в начале XIX в., как Москва. Она стала для европейцев символом сопротивления наполеоновской агрессии, борьбы за национальную самостоятельность. Вот почему де Сталь отводит значительную часть своих дорожных заметок Москве. Взгляд честного и объективного наблюдателя позволяет ей отразить действительность. Она пишет о расположении Москвы, о ее архитектуре, планировке. Перед нами Москва начала XIX в., буквально за месяц до исторического пожара 1812 г.: «Кто-то справедливо заметил, что Москва скорее деревня, нежели город. Все смешалось там: лачужки, дома, дворцы, базары, подобные восточным, церкви, общественные учреждения, пруды, рощи и парки. Вы найдете в этом огромном городе все разнообразие нравов и племен, составляющих Россию. (...) Азия и Европа соединены в этом огромном городе». Де Сталь поражена богатством и разнообразием Москвы, сочетавшей функции центра европейской и азиатской торговли с очагом национальной культуры, религиозного символа России — с идеями высокого патриотического подъема. Де Сталь рассказывает о наборе в армию и в ополчение, касается и такого актуального вопроса, как отношение крепостного крестьянства к войне. Много внимания уделяет писательница истории и религии русских — двум областям духовной культуры, так тесно связанным с Москвой. Москва понравилась де Сталь. Обычно довольно осторожная и сдержанная в своих оценках, она пишет: «Я покидала Москву с сожалением».

Подробно описывает де Сталь и Петербург. Она превосходно понимает, что это столица России, мозг империи, руководитель политических и военных решений, источник культуры, науки, просвещения. Де Сталь интересуется буквально все: общество, архитектура, музеи, педагогические учреждения. Первое, что заставляет писательницу взяться за перо, это внешний вид города — его улицы, дворцы, набережные, памятники. Она описывает символ города — Медный всадник, памятник

Петру I, поставленный Екатериной II. Это описание — одно из первых сообщений о монументе в записках иностранцев. Рассуждая о символике памятника, о его значении, де Сталь замечает: «Они двое (т. е. Петр I и Екатерина II. — Ю. Л.) сумели высоко поднять народное сознание и внушить народу мысль, что он непобедим...» Превосходны зарисовки Петербурга конца августа 1812 г.: «Здания блистают ослепительной белизной, а ночью, освещаемые луной, они кажутся громадными белыми привидениями, которые, став неподвижно, смотрят за течением Невы. Я не нахожу ничего особенно красивого в этой реке, но таких прозрачных вод я не видела нигде. Гранитная набережная длиною в тридцать верст окаймляет ее русло, и величие этого сооружения человеческих рук достойно хрустальных вод, которые оно украшает».

Но, пожалуй, больше всего ее интересовали сами русские, их характер, их психологический настрой. Она внимательно присматривается и к людям из светского общества, и к воспитанницам Смольного института, и к купцам, и к простолюдинам. Де Сталь пытается дать краткие характеристики этим группам. Естественно, не все эти определения верны. Надо помнить, что в России она была недолго, что не знала русского языка и что могла непосредственно общаться только с теми, кто знал французский.

И все же особенности внутреннего положения страны, специфику русского общества и черты национального характера де Сталь определила правильно, многие ее наблюдения не вызывают возражений. Так, она не идеализирует самодержавие. Писательница констатирует отсутствие полной гласности в обществе, свободы выражения мыслей. Она пишет, что «деспотическое правительство развило крайнюю осторожность» во мнениях и суждениях русского общества. Но все же вопрос о том, как русские отразят агрессию Наполеона, был тем основным вопросом, на котором базируется ее интерес к России. Безусловно, он естествен для противника Наполеона. Впрочем, для современного русского читателя проблема возникновения и созревания массового патриотического движения не менее интересна, и здесь нельзя отказать де Сталь ни в пытливости журналиста, ни в глубине анализа политика, ни в четкости отражения беллетриста. Она стремится определить и в фиксации событий, и в своих комментариях внутренней жизни России начало того массового подъема, который овладел русским обществом, всем русским народом в период наполеоновской агрессии. Возможно, страницы, посвященные отношению русских к защите своего Отечества, — лучшие и наиболее интересные из публикуемого сочинения.

Самый большой цикл известий о России начала XIX в. составляют дневники и воспоминания участников наполеоновского похода 1812 г. Это поразительные документы эпохи. Вряд ли вообще возможно найти им аналогию за всю историю XIX в. Они отражают главное: эволюцию человеческого духа и восприятия действительности — от наивного, самодовольного, подчас весьма ограниченного — к трагическому прозрению, к страшной реальности, к пониманию основной причины гибели сотен тысяч людей — войне, развязанной Наполеоном. Именно русская действительность — героическая борьба русского народа, битва при Бородино, пожар Москвы, партизанское движение — поставила перед каждым участником похода, независимо от его чина, происхождения, национальности, один глобальный вопрос: ради чего эти страдания, потеря человеческого облика и конечная гибель? И каждый из них так или иначе отвечает на этот вопрос. Эти муки были приняты не ради жизни, не ради духовных или даже материальных благ, а ради удовлетворения честолюбия одного человека — императора Наполеона.

Они очень разные, эти воспоминания солдат Наполеона. И принадлежат они самым разнообразным людям. Некоторые авторы хорошо известны, их литературные и научные труды вошли в золотой фонд европейской мемуаристики или истории военного искусства XIX в. Это, например, блестящий военный писатель Сегюр, сын посла Людовика XVI при Екатерине II, или родоначальник военной педагогики нового времени, чье имя носит французское военное училище, — маршал Сен-Сир, или, наконец, теоретик военного искусства, труды которого вошли в историографию мировых войн, — генерал Жомини. Может быть, менее известны такие мемуаристы, как талантливый военный администратор маркиз Пасторе или генерал Рапп, один из способнейших военачальников Наполеона, его генерал-адъютант. Пожалуй, только специалисты по истории наполеоновских войн знают имена известного военного медика лейб-хирурга Ларрея, дворцового префекта Боссе, голландского генерала Ван-Дедема. И уж совершенно неизвестны имена таких мемуаристов, как молодой кавалерийский офицер Комб, полковой врач Де ла Флиз, режиссер французской труппы Домерг.

Интересно, что и национальный состав авторов неоднороден. Если Сегюр, Сен-Сир, Бургонь, д'Изарн — уроженцы прекрасной Франции, то Рапп — эльзасец, Ван-Дедем и Ван-вир — голландцы, Штейнмюллер — немец, Ложье — итальянец, Солтык и Бранд — польские офицеры. Социальная их принадлежность также различна; естественно, не совпадает и их культурный и интеллектуальный кругозор. Но эта особенность

мемуаров, пожалуй, самая интересная, ибо перед читателями раскрывается целый спектр восприятий и отражений действительности с собственной, личной, оценкой каждого автора, наблюдателя, очевидца. В результате читатель может оценить и сравнить восприятие и реакцию разных авторов на одно и то же событие, действие, поступок.

Число и объем воспоминаний огромны. Вот почему было целесообразно сконцентрировать их по событиям, выделив такие, как переход наполеоновской армии через Неман, захват Вильны, Полоцка, Витебска, бои за Смоленск, Бородино, вступление французов в Москву, пожар столицы и уход захватчиков из города, битва под Малоярославцем, отступление по Старой Смоленской дороге, бои под Красным, Оршей, переправа через Березину, бегство императора, судьба остатков великой армии. Подобная структура расположения материала позволит читателю в достаточной мере оценить различное восприятие участниками похода кардинальных событий эпопеи 1812 г.

Какие основные темы затрагивают авторы мемуаров в первый период войны? Что больше всего волнует солдат великой армии? Ответ только один — отношение к войне. Оказывается, не все с восторгом оценивают подобное событие: «пессимисты» существовали даже среди французского генералитета, в том числе среди наиболее приближенных генералов, каким был Огюст Коленкур, брат посла Франции в Петербурге Армана Коленкура.

В мемуарах затрагивается и такой интересный вопрос, как отношение Наполеона к полякам. Определенные польские круги надеялись восстановить национальное государственное образование на территории захваченных польских и литовских областей Российской империи. Мемуары довольно объективно освещают создавшееся положение. Прежде всего, вопреки традиционному мнению об антирусских настроениях польской шляхты, обнаруживаем, что часть ее поддерживала Россию и императора Александра I. В то же время магнатские круги, крупные помещики, связывали приход Наполеона с реконструкцией государства под протекторатом французского императора. Но он не давал повода для особых иллюзий. Вот что пишет современник об ответе императора польской делегации: «Если император Александр предложит мне заключить мир на возможных условиях, то я буду вынужден оставить вас». Этот ответ в достаточной степени показывает, что Наполеон предназначал польским губерниям Российской империи роль разменной монеты при торге о мире с Александром I.

Одна из интереснейших проблем политики Наполеона в России — его отношение к самодержавному строю, к крепостному

праву. Казалось бы, освобождение крестьян давало французскому императору всемогущего союзника в борьбе против Александра I и русского дворянства. Ведь незадолго до этого освободилась от многих своих монархов и от Австрийской феодальной империи Италия. Эту свободу принесла ей французская армия, которой командовал генерал Бонапарт. Быть может, такая же судьба ожидала Россию и русское крестьянство? Но Наполеон не пошел на это. То, что можно было делать республиканскому генералу, нельзя было императору Наполеону. Такой сведущий историк и участник войны 1812 г., как Сегюр, пишет: «Кроме того, это средство претило Наполеону, природа которого влекла его больше к интересам королей, чем народным».

Почти во всех мемуарах красной нитью проходят сообщения о грабежах и насилиях над мирным населением захваченных областей, о мародерстве французских солдат. Причем речь идет не о грабеже при отступлении деморализованной армии зимой 1812 г. Насилия были уже в начале войны. Грабеж не только не осуждался Наполеоном, а даже поощрялся. Чуть ли не официально он рассматривался как одно из средств (а иногда и основное) пополнения фуража и продовольствия действующей армии, как материальный стимул, как поощрение войск. Неудивительно, что все, пожалуй, без исключения, захваченные города (Ковно, Полоцк, Витебск, Смоленск) были разграблены.

Несмотря на захват территории и общее отступление русской армии, французские войска сталкивались с ожесточенным сопротивлением. Эта тема проходит сквозь все воспоминания участников войны 1812 г. Уже в августе кровопролитные сражения развернулись под Боярщиной и Полоцком, прикрывавшими дорогу на Санкт-Петербург. «Русские храбро защищались, но должны были отступить, и притом с громадными потерями», — пишет современник. В воспоминаниях указано, что потери французов также были большие. В сражении погибла тридцать одна тысяча человек, сам командующий армией маршал Удино был ранен. Вскоре последовал бой в районе Смоленска, прикрывавшего пути в Центральную Россию. Современников поразило сопротивление русской армии. Один из участников боев в Смоленске, признанный теоретик военной мысли нового времени, генерал Жomini, сразу сформулировал характер войны, которую ведут русские: «Можно было предвидеть, что ко всем лишениям, перенесенным нами в Литве, здесь еще присоединятся все ужасы национальной войны. Мы найдем здесь новую Испанию...»

Подчас в батальных зарисовках участников Бородинского сражения неожиданно сталкиваемся с четкими, объективно ре-

алистическими оценками деятельности Наполеона. По мнению одного из ветеранов французской армии, такие события мировой истории, как битва под Маренго, Аустерлицем или Бородино, совершались Наполеоном «единственно в интересах его славы». И далее: «Кровь 80 000 русских и французов лилась ради укрепления или ослабления его (т. е. Наполеона. — Ю. Л.) власти, а он с наружным спокойствием следил за кровавыми перипетиями этой ужасной трагедии. Мы были недовольны; суждения наши были суровы». Как видим, даже из среды военных исходит критика культа императора, его бездушного гипертрофированного честолюбия, приводящего огромные массы людей к смерти.

Что же увидели в захваченной Москве французы? Сохранились воспоминания лейб-хирурга Ларрея. Сухой, педантичный человек и одновременно внимательный и объективный наблюдатель, он дает интереснейшую зарисовку русской столицы первых дней вступления в нее великой армии: «...нас не могли не удивлять и обширность Москвы, и большое число ее церквей, и прекрасная архитектура ее зданий, а также удобное расположение зажиточных домов, богатство их мебелировки и наличность в большей части из них различных предметов роскоши. Улицы были просторны, правильно расположены, и все вообще гармонировало одно с другим. Все указывало на богатство города, на его огромную торговлю товарами всех стран...» Ларрей восторгался богатством и своеобразной красотой Москвы. Особенно его поразили Кремль и кремлевские храмы.

Но вскоре, как отмечают сами современники, восторг по поводу захвата древней столицы России сменился у наполеоновских солдат недоумением, растерянностью и страхом. Уход из города жителей и начало пожаров показали французам, что страшная народная война только начинается. Многие участники похода превосходно это понимали. В одном из воспоминаний приводятся слова французского офицера по поводу начала пожаров: «Это скверное событие, оно сулит много зла, оно разом уничтожает надежду на мир и разрушает то, что нам так необходимо. Это не злая воля наших, это признак большого озлобления наших противников, это жертва, которую они приносят, чтобы погубить нас».

Наконец, пожар Москвы. Кто поджег ее, французы или сами русские? Видимо, и те и другие. Мародерство, грабеж, разрушение, поджог домов и даже минирование некоторых зданий, в том числе Кремля, абсолютное пренебрежение судьбой города и его жителей — все это, без сомнения, указывает на французов как виновников пожара. С другой стороны, длинные, путанные заявления московского генерал-губернатора В. Ф. Ростопчина о пожаре Москвы, стремление самих жителей

столицы уничтожить город, чтобы он не достался оккупантам, как будто показывают на причастность к пожару самих москвичей. Наконец, в ряде районов города возникли случайные пожары, которые некому и нечем было тушить. И так, скорее всего винить в пожаре только одну сторону нельзя. Москва сгорела в результате деятельности противоборствующих сил. Конечно, в записках современников-французов сообщается, что в поджоге повинны русские. Но в то же время в этих же сочинениях содержится ряд фактов, указывающих на поджог города французскими солдатами.

Пожалуй, наиболее интересными, но и наиболее трагическими являются воспоминания о заключительном этапе Отечественной войны 1812 г. Это страшные свидетельства катастрофы агрессора, бесплодия, ненужности и аморальности войны. Именно агрессивная война, как показывают воспоминания, разрушает человеческую личность, превращает храбрых солдат-завоевателей в страшные привидения, бродящие по дорогам России с единственной целью — выжить, любой ценой сохранить свои жизни. Война 1812 г. закончилась роковым финалом для сотен тысяч европейцев, для стремившегося к мировому господству Наполеона, наконец, для Французской империи, через год переставшей существовать. На несколько десятилетий мир был избавлен от войн между европейскими государствами.

В 1839 г. в Петербург прибыл известный французский путешественник и писатель маркиз Астольф де Кюстин. Он собирался писать о России. В доброжелательности этого произведения в Петербурге не сомневались. Маркиз принадлежал к аристократической семье, которая пострадала в период Великой французской революции. Дед и отец Кюстина были казнены якобинцами, сам он подчеркивал свой непоколебимый монархизм и свою глубокую религиозность. Но в Петербурге ошиблись. По возвращении Кюстин действительно написал книгу, но из дорожных записей она превратилась в памфлет, а по своей тенденции носила антирусский характер. Что же произошло?

Дело в том, что ни Кюстин, ни его родители никогда и не были теми, за кого их принимали в Петербурге. Генерал Кюстин, отец писателя, казненный в период якобинского террора, яростно сражался против Бурбонов, эмигрантов и интервентов. Мать писателя была представлена Талейраном консулу Бонапарту уже в 1801 г. Но ни она, ни ее сын не были противниками существующего во Франции режима. Верность свергнутым Бурбонам, идеалы погибших отца и деда были элементами литературной легенды, впрочем сохранившейся до

сих пор в нашей историографии. Подобный красивый образ был очень удобен журналисту, «политическому писателю» А. Кюстину, чьи симпатии и антипатии могли определяться вполне реальными вспомоществованиями правительства Франции Луи-Филиппа Орлеанского. Романтический образ «борца за реставрацию Бурбонов» — свергнутую династию — всерьез воспринимали только в Петербурге, но не в Париже. Там автора памфлета «Россия в 1839 году» знали достаточно хорошо.

XIX столетие — век памфлетов. Они возникали по любому поводу и событию в политике, литературе, искусстве. Они могли касаться деятельности социальных групп, определенных кругов общества и даже отдельных лиц. Но главное условие возникновения произведения — тенденция. Это условие в «России в 1839 году» соблюдено. Тенденция существует. Она антирусская.

Конечно, в памфлете Кюстин высказывал не только свою точку зрения. Каждый осведомленный читатель понимал, что за самим автором, видимо, стоят определенные политические круги общества, а быть может, и само правительство. Можно привести много примеров подобного творчества Кюстина. Вот один из них. В конце 30-х гг. XIX в. в Испании вспыхнула гражданская война. Официально Франция соблюдала нейтралитет. Кюстин побывал в стране и в 1838 г. выпустил о ней книгу. Тенденция поддержки автором одной из сторон в гражданской войне несомненна. Это не было секретом для общественного мнения Европы, впрочем, как и то, что мнение Кюстина полностью разделяется и правительством Франции, и появление книги — явление закономерное.

Создание антирусского памфлета Кюстина было продиктовано определенными политическими условиями. В 30-е гг. XIX в. Франция, с ее новой Орлеанской династией, занимала враждебную позицию в отношении России Николая I. Она искала и нашла себе союзника в лице Англии. Последняя опасалась могущества России. Сама атмосфера парижского общества того периода способствовала созданию памфлетов подобных тому, что написал Кюстин. В стране процветал культ Наполеона, неприкрытый национализм. Книги, публицистика, театр восхваляли императора, великую армию, Французскую империю. Даже сам термин «шовинизм», обозначающий крайнюю степень национализма, возник именно в 30-е гг. XIX в. именно в Париже. Более того, именно в этот период возникает и основа современной расовой теории, так повлиявшей на труды Ф. Ницше. У ее истоков стоял Карл Густав Карус, читавший лекции в Париже в Этнологическом институте и на их основе опубликовавший в 1838 г. свои исследования о расовой теории. Как видим, политические и общественные тенденции в это время во Франции были таковы, что они могли

влиять, и в значительной степени влияли, на произведение Кюстина. Во всяком случае, тенденции шовинизма и культа личности Наполеона в памфлете хорошо прослеживаются.

Что же описывает Кюстин? Это преимущественно города России — Петербург, Москва, Ярославль, Нижний Новгород. Особенно подробно описаны светское общество и дворцовые круги. Как и полагается при составлении памфлета, критике и сарказму подвергалось буквально все, что видел в России Кюстин: царь и дороги, климат и правительство, архитектура и нравственность дам, кутежи молодежи и православная религия, деспотия и педагогические учреждения. Впрочем, более всего досталось русскому народу. Пожалуй, нет таких отрицательных черт характера, которые не были бы приписаны русским. Естественно, изучить народ, нацию за полтора месяца невозможно. И здесь, в книге, возникает замена одного предмета другим. Россия для Кюстина — не русский народ, а чиновничество, бюрократия, царский двор. Автор преимущественно это и описывает. Понятно, другого он просто не видел. Тем паче, что обозначенные темы, особенно царское окружение, — благодатный материал для критики. Деспотия царя, самодержавие, бюрократия, крепостное право и даже плохие условия для туристов действительно заслуживают осуждения. Образ России складывается из суммы неблагоприятных черт, причем весьма отрицательных: жестокость, безнравственность, лицемерие, лживость, анархизм и в то же время склонность к тирании. Все это приписывалось русскому народу. Допускаем, что все перечисленные черты не столь уж характерны для любого народа, в том числе и русского, скорее, они типичны для формы правления — самодержавия, автократии, тоталитаризма, причем для любой страны, даже для родины Кюстина — Франции Луи-Филиппа.

Текст памфлета содержит и фактические ошибки. Впрочем, критиковать Кюстина за это — дело неблагодарное и, видимо, не очень нужное. Ошибки, неточности, встречающиеся буквально на каждом шагу, лишний раз подтверждают распространенное мнение, что фактология, точность описания событий, отражение действительности — не главное достоинство любого памфлета. Приведем лишь несколько наиболее анекдотических ошибок. При описании Петербурга Кюстин, рассказывая о достопримечательностях, сообщает, что сфинксы на Неве, у Академии художеств, — копии. Это, естественно, не так. Они подлинные и были вывезены из египетского города Фивы и доставлены в Петербург в 1832 г. Об этом гласит даже надпись на цоколе. Увы, Кюстин не мог ее прочесть — русской грамоты он не знал. Кюстину не понравился Медный всадник. Естественно, восприятие искусства сугубо индивидуально. Зависит

оно от культуры, знаний, ощущений и даже ума. В подобной оценке Кюстин одинок. Медный всадник — признанный шедевр мировой скульптуры.

Для французского путешественника свойственны пренебрежительные отзывы о русской литературе. Вряд ли современный читатель примет всерьез рассуждения о связи Наполеона с восстанием декабристов...

Впрочем, в устах просвещенного путешественника не так безобидны некоторые суждения, подобные тем, которые он высказывает о Московском Кремле или в отношении православной религии. Описывая раку святого Сергия Радонежского, вдохновителя Руси на борьбу против татаро-монгольского ига, любознательный путешественник замечает: «Рака с мощами Сергия ослепляет невероятной пышностью. Она из вызолоченного серебра великолепной отделки. (...) Французам досталась бы здесь хорошая добыча». Подобная запись говорит о многом. Но прежде всего о чем же сожалеет автор? О том, что святыня не была разграблена наполеоновскими солдатами. Подобная реакция, видимо, более пристала профессиональному мародеру и замороженному атеисту, нежели рафинированному интеллигенту, аристократу, французскому писателю, верному сыну католической церкви. Но тогда, может быть, реакция на архитектуру Кремля, а также и на другие особенности русской жизни не случайна и на них взирал не объективный наблюдатель, знаток церковных памятников, а человек, опьяненный культом императора и его победами и жаждущий реванша за поражение Франции в 1812—1813 гг.? Ведь приведенная деталь не единична и в тексте памфлета иногда мелькают если не такие, то довольно откровенные намеки, которые показывают, что автору не чуждо понимание идей реванша.

В чем же видит Кюстин альтернативу России? Он дает совершенно недвусмысленный ответ. Эта альтернатива — Франция. Кюстин противопоставляет России королевство Луи-Филиппа. Россией правит реакционер, консерватор, поборник самодержавия Николай I. Он непопулярен в Европе. Ну а что происходит во Франции, на родине Кюстина? Там правит Луи-Филипп, чье знаменитое изображение — «король-груша» — объект европейских карикатуристов. Король — азартный игрок, он спекулирует на парижской бирже.

Кюстин осуждает русское общество, оно погрязло в пороках. Но параллель этой констатации во Франции, видимо, даже не надо искать. Представителей французского общества знает каждый русский читатель. Достаточно вспомнить романы Стендаля, Бальзака, Э. Сю, Жорж Санд, и перед вами возникнут картины парижского и провинциального обществ, членами которых были прототипы таких литературных героев,

как Левен, Растиньяк, Гобсек, Вотрен, Горио... Все они — герои-персонажи романов о Франции 30—40-х гг. XIX в.

В России — самодержавие, бюрократия, царь, отсутствие демократических свобод. Во Франции — демократия, парламент и в то же время не проходит и двух лет, чтобы полиция не подавила стачки, не расстреляла мирной демонстрации. Попытки восстаний 1831 г., 1834 г. в Лионе, в 1832 г., 1834 г. и, наконец, в 1848 г. в Париже заканчиваются революцией. За что же борются? За свободу, за демократию, наконец, за парламентскую реформу. В свободной многомиллионной Франции во времена Кюстина имели право голоса всего 240 тыс. человек.

Русская «воинственность» в отношении народов Европы не могла быть сравнима с классической колониальной войной, которую вела Франция в этот период. Наступление стотысячной армии, убийство мирных жителей, женщин, стариков, детей, расстрел заложников, пленных — таковы действия «просвещенных демократов» эпохи Луи-Филиппа в Алжире.

Как видим, при всей прогрессивности буржуазной Франции, раскрыть альтернативу, конкретно показать, что в демократической стране действительно лучше, чем в самодержавной России, Кюстин не захотел. Сравнение могло быть отнюдь не в пользу Французского королевства. Видимо, то, что Кюстин не дал конкретных сравнений, свидетельствует о его политической ловкости. Этим он избежал нежелательного резонанса и острой критики.

Понимали ли современники, французы 40-х гг. XIX в., цели памфлета? Вне всякого сомнения. Несмотря на известную критику автора за лживость, легкомыслие, некомпетентность и праздную болтовню, была отмечена главная заслуга Кюстина — предупреждение о якобы возможной агрессии России в отношении Западной Европы и необходимость объединения Англии и Франции перед лицом такой опасности. Нельзя сказать, что никто из современников не выразил возмущения подобной тенденциозностью памфлета, столь ожесточенной направленностью автора. Сохранилось мнение такого знатока «политической кухни» Франции 40-х гг., каким был Оноре де Бальзак. Он посетил Россию вскоре после Кюстина. По возвращении на родину, как отмечали современники, Бальзак заметил, что, судя по приему в Петербурге, «он получил... оплеуху, которую следовало бы дать скорее Кюстину». Сама реплика указывает, что Бальзак оценил памфлет в достаточной степени определенно и что политическая направленность произведения не составляла для него загадки. Не надо было быть гениальным Бальзаком, великим знатоком эпохи и французского общества, Франции Луи-Филиппа, чтобы сказать:

Кюстин смотрел на Россию «через английские или парижские очки». Это было понятно многим.

Совершенно по-другому относились к книге Кюстина русские читатели, хотя некоторые из них понимали основное назначение памфлета. И тем не менее каждый русский, кто знакомился с произведением Кюстина, испытывал чувство горечи, с одной стороны, а с другой — чувство удовлетворения за критическое отношение к действительности, свято памятуя, что для излечения болезни необходимо ее определение. Книгу Кюстина восторженно приветствовал А. И. Герцен. Правда, через некоторое время он стал ее оценивать более трезво. Он полагал, что «следует исследовать Россию немного глубже той мостовой, по которой катилась элегантная коляска маркиза де Кюстина» *. Герцен также указывал на легкомыслие автора «России в 1839 году», на гиперкритику оценок, наконец, на отождествление народа и правительства.

И все же необходимо отметить популярность книги Кюстина в России. Ее основная антирусская тенденция — создания европейского альянса против внешней политики России — уходит на второй план. На первое место для нашего читателя выходят такие положения, как самодержавие, структуры власти, крепостное право, которые подвергались самой ожесточенной критике здесь, на родине, в России. Даже с отменой крепостного права в 1861 г. ряд указанных проблем сохранился. Самодержавие оставалось в России. Следовательно, критика Кюстина ретроспективно могла быть использована. Более того, «Россия в 1839 году» интересна и в настоящее время. Это объясняется тем, что структура власти, лишенная демократии, заботы о гражданине, и командно-административная система всегда являются предметом критики с позиций демократического восприятия действительности. Диапазон объектов критики может быть чрезвычайно широк. Везде, где нет широких элементарных гражданских свобод (или они ущемляются), где общество находится под жестким «патронажем» государства, а государство «куруется» отдельной личностью или узкой группой лиц, критика, подобная Кюстиновой, всегда существует. Памфлет Кюстина — это универсальная критика любого общества (феодалного, буржуазного, социалистического), в котором нет элементарных демократических свобод. Конкретный русский материал книги мог быть заменен на любой другой (почерпнутый даже из жизни Франции 40-х гг. XIX в.). Подобная универсальность примечательна. Книга Кюстина представляет интерес и для современного читателя, столь искушенного в любой политической критике. Он найдет в ней не только

* Герцен А. И. Собр. соч. Т. XX. С. 81.

важные реалии прошлого, но и многие злободневные параллели кризисного состояния современного общества.

Одними из интереснейших записок о России являются воспоминания полковника Гагерна, побывавшего в стране в том же 1839 г., что и Кюстин. Фридрих Балдуин Гагерн (1794—1848) в свите голландского принца Александра Оранского (племянника Николая I) совершил поездку к петербургскому двору.

Воспоминания Гагерна — типичный путевой дневник. По датам расписаны все события, встречи, наблюдения. Лето и начало осени Гагерн провел в Петербурге и его пригородах, а затем, побывав в Новгородской губернии и Твери, прибыл в Москву, откуда вскоре уехал на Запад. Основная тема впечатлений путешественника — северная столица. Что интересует путешественника? Прежде всего, как профессионального военного, — армия. Он стремится узнать комплектование и тактические характеристики родов войск — кавалерии, артиллерии, пехоты. Но Гагерн не только офицер, но и военный дипломат, отсюда интересные, хотя подчас и беглые, зарисовки всех тех выдающихся современников, кого он встречал на приемах, балах, празднествах. Это и портреты Николая I, наследника — будущего императора Александра II, членов императорской семьи, главы внешнеполитического ведомства России графа Нессельроде, военного министра графа Чернышева, начальника III отделения графа Бенкендорфа и многих других. Краткие упоминания находим и о таких известных деятелях культуры, как представитель романтизма поэт Жуковский, певица графиня Росси (Генриетта Зонтаг). Не чужды автору записок и описания самого Петербурга и его пригородов. Сообщает он и о памятниках столицы — Зимнем дворце, Исаакиевском и Казанском соборах. Несмотря на определенную направленность автора — он не любит Россию и откровенно этого не скрывает, — записки все же отличаются от сочинения Кюстина: они более заземлены, более объективны, более реалистичны. В этом, пожалуй, их главная ценность для современного читателя.

Воспоминания, мемуары, сочинения иностранцев первой половины XIX в. чрезвычайно разнообразны. Они несут информацию о многих сторонах русской жизни, культуры, политики. Они не идентичны по своей направленности. И тем не менее, несмотря на всю их пестроту, они составляют яркую картину жизни великой страны, великого народа и в годы тяжелых испытаний, и в эпоху великого подъема, спасшего Европу от жестокой тирании.

Ю. ЛИМОНОВ

1812 год
БАРОНЕССА де СТАЛЬ
В РОССИИ

Было 14 мая, когда въезжала я в Россию. Эта годовщина первого дня революции была для меня особенно знаменательна. Тут для меня закончился круг французской истории, начавшийся 14 июля 1789 года¹. Когда застава, отделяющая Россию от Австрии, открылась, чтобы пропустить меня, я поклялась никогда не вступать в пределы страны, подчиненной так или иначе Наполеону². Неужели эта клятва не позволит мне опять видеть прекрасную Францию?

Первым, с кем я встретилась в России, был француз, служивший когда-то в конторе у моего отца, о котором он говорил мне со слезами на глазах, и это имя, произнесенное как напутственное слово, показалось мне добрым предзнаменованием. В самом деле, в России, так несправедливо называемой варварской страной, я испытала лишь чувства добрые, благородные. Пусть моя признательность призовет благословение на эту страну и на ее государя! Я вступила в Россию, когда французская армия прошла уже далеко в русские пределы, а между тем иностранка-путешественница не подвергалась никаким неприятностям и притеснениям: ни я, ни мои спутники не знали ни слова по-русски. Мы говорили на языке врагов, опустошавших страну. По досадной случайности у меня даже не было прислуги, которая говорила бы по-русски, и если бы не врач-немец (доктор Реннер), великодушно согласившийся быть нашим проводником до Москвы, мы, право, заслужили бы название глухих и немых, как русские называют иностранцев. Наше путешествие было спокойно и безопасно: так сильно в России гос-

теприимство и у знати, и у простого народа. С первых же шагов мы узнали, что прямой путь на Петербург уже занят войсками и, чтобы попасть в столицу, надо проехать через Москву. Это лишних двести миль, но мы уже сделали их полторы тысячи, и теперь я радуюсь, что мне удалось увидеть Москву.

Первой губернией, через которую нам пришлось проезжать, была Волынь, часть Русской Польши. Это страна очень плодородная, переполненная евреями, подобно Галиции; но она не так бедна, как сия последняя. Я остановилась во дворце одного польского пана, к которому меня направили; он посоветовал мне поспешить отъездом, потому что французы уже шли на Волынь и они могли достигнуть ее через восемь дней. Поляки вообще любят более русских, чем австрийцев. Русские и поляки — народы славянского племени: они прежде были врагами, но они уважают друг друга, между тем как немцы, опередившие славян в европейском просвещении, не относятся к ним справедливо. Легко было заметить, что поляки на Волыни не боялись нашествия французов и хотя образ их мыслей был известен, но их не преследовали в мелочах, что могло бы только возбудить, а не сдерживать ненависть; а все-таки покорение одного народа другим явление весьма печальное: должно пройти много веков, пока водворится единение и изгладятся из памяти имена побежденного и победителя.

В Житомире, губернском городе Волыни, мне рассказывали, что в Вильну отправился начальник русской полиции, чтобы узнать повод к наступлению Наполеона и надлежащим образом высказаться против его вторжения в пределы России. Трудно поверить, каких жертв стоило Александру <I>³ поддерживать мир; а на самом деле не в отступлении от Тильзитского договора⁴ мог Наполеон обвинить Александра, скорее в слишком добросовестной верности губительным условиям мира заслуживал упрека русский император. Александр вправе был объявить войну, так как Наполеон первый нарушил договор. В то время как Россия закрывала двери англичанам, Наполеон позволял ввозить во Францию колониальные товары, и, сказать правду, главной целью войны Франции и Европы против России было стремление сосредоточить в руках дома Бонапартов и компании всю торговлю английскими товарами. Достойный повод, чтобы взволновать все народы материка! В разговоре с министром юстиции Балашовым французский император пре-

давался непонятной болтливости, которую можно было бы счесть за уступку, если не знать, что она была нужна ему, чтобы усилить страх, который внушал он, показывая, будто стоит выше всяких расчетов. «Вы думаете,— сказал он Балашову,— что я забочусь о якобинцах-поляках?» И на самом деле, в канцелярии Румянцева⁵ вот уже несколько лет лежит письмо г<-на> Шампаньи⁶, в котором он предлагает вычеркнуть имя Польши и поляков из всех европейских деловых бумаг. Какое несчастье для этой нации, что император Александр не принял титул короля Польского и не приобщил участь этого угнетенного народа к свободной жизни других народов. Наполеон спросил при Балашове одного своего генерала, был ли он в Москве и какой это город. Генерал отвечал, что Москва показалась ему скорее большой деревней, чем столицей. «А сколько там церквей?» — продолжал Наполеон. «Около тысячи шестисот (сорок сороков)». — «Совершенно непонятно,— возразил Наполеон,— и при том, когда уже никто больше не верует!» — «Простите, ваше величество,— сказал Балашов,— русские и испанцы еще сохранили свое благочестие». Ответ удивительный; он предвещал, надо было ожидать, что москвичи будут кастильцами Севера⁷.

Тем не менее французская армия делала быстрые успехи. Французов, которые дома не могли сопротивляться никакому игу, привыкли повсюду видеть победителями, и я имела основание бояться, что встречу их уже на пути к Москве. Странная моя судьба: сначала бежать от французов, среди которых я родилась, которые прославили моего отца, и бежать от них до пределов Азии! Неужели судьба не может низвергнуть человека, которому выпало на долю унижать род человеческий? Я думала, что должна направиться в Одессу, город, сделавшийся благоустроенным благодаря просвещенному управлению герцога Ришелье⁸; оттуда я отправилась бы в Константинополь и в Грецию. Я решилась на это большое путешествие, думая о поэме «Ричард Львиное Сердце»⁹, которую я предполагаю написать, если мне это позволит мое здоровье. Эта поэма должна обрисовать нравы и природу Востока и осветить большой период истории Англии, когда энтузиазм крестовых походов уступил место увлечению свободою. А так как рисовать возможно только то, что мы чувствовали, то я должна бы отправиться в Константинополь, в Сирию и в Сицилию, чтобы там ознакомиться с обликом Ричарда. Мои спутники, лучше меня зная мои

силы, не советовали мне предпринимать это путешествие и уверяли, что, поторопившись, я могу ехать на почтовых скорее, чем движется армия. Мы увидим, что на самом деле у меня оставалось мало времени.

В Киеве я познакомилась с русским гостеприимством. Губернатор генерал Милорадович¹⁰ окружил меня любезными заботами. Он был адъютантом Суворова и так же, как и тот, неустрашим. Он вселил в меня больше веры в военные успехи России. Такой веры у меня до той поры не было. Мне приходилось ранее встречаться только с некоторыми офицерами немецкой школы, но с русскими они не имели ничего общего. В Милорадовиче я увидела настоящего русского человека, пылкого, храброго, доверчивого и не зараженного духом подражания, под которым иногда у его соотечественников скрывается их народный характер. Он рассказывал мне много о Суворове. Все говорит, что это был человек высокообразованный, хотя сохранивший природное чутье, основанное на непосредственном знании людей и вещей. Он много работал, но скрывал это, чтобы сильнее поражать воображение своих солдат, во всем стараясь казаться вдохновленным.

По-моему, русские имеют гораздо больше общего с народами Юга или Востока, нежели Севера. По природе своей они жители Востока. Генерал Милорадович рассказывал мне про один полк калмыков, который стоял гарнизоном в Киеве. Начальник отряда этих калмыков пришел однажды к Милорадовичу и признался, что ему очень тяжело проводить зиму в городе и он хотел бы получить разрешение перейти со своим отрядом в соседний лес. Ему не могли отказать в этом незатейливом удовольствии, и он двинулся со своим отрядом по снежным сугробам и расположился в повозках, служивших им одновременно и хижинами. Русские солдаты легко переносят усталость, все неудобства климата и войны, а народ во всех сословиях пренебрегает препятствиями и физическими трудностями. Все это свидетельствует, что он способен совершить великие подвиги. Калмыцкий князь, которому деревянный дом казался жилищем слишком изысканным, на зимних балах дарил алмазы дамам, которые особенно ему нравились. Не имея возможности говорить с ними, он заменял комплименты подарками, как это делают в Индии и во всех безмолвных странах Востока, где слово не имеет такой выразительной силы, как у нас. Милорадович в день моего отъезда пригласил меня на бал к одной молдавской княгине. К великому сожа-

лению, я не могла там быть. Все иноземные страны и народы, по своему складу еще далекие от европейцев, особенно возбуждают воображение. Россия — это преддверие иной, неведомой земли Востока, откуда вышло столько вероисповеданий, где еще сокрыты необъятные сокровища настойчивости и духовных дарований.

Почти девятьсот верст отделяют Киев от Москвы. Русские возницы мчали меня с быстротой молнии; они пели песни и этими песнями, как уверяли меня, подбадривали и ласкали своих лошадей. «Ну, бегите, голубчики», — говорили они. Я не нашла ничего дикого в этом народе; напротив, в нем есть много изящества и мягкости, которых не встречаешь в других странах. Русский возчик не пройдет мимо женщины, какого она бы ни была возраста или сословия, чтобы не поклониться, а она отвечает наклоном головы, полным грации и благородства. Один старик, который не мог объясняться со мною словами, показал мне сначала на землю, а потом на небо; это означало, что через землю достигнет он скоро небес. Я знаю, что, возражая мне, могут вполне основательно указать на жестокие злодеяния, имевшие место в русской истории; но я обвиняю во всем не народ, а бояр, развращенных деспотизмом, который они поддерживали и от которого сами же страдали. К тому же политические раздоры всегда и всюду искажают народный характер, и нет ничего печальнее в истории, как появление властелинов, которые через преступление достигают власти и через преступление лишаются ее; но это явление всегда сопровождает роковым образом неограниченную власть. Люди низшего класса, ставшие через темные происки правителями своей страны, не имеют ничего общего с жителями деревни, и я понимаю все худое, что о них говорили и должны говорить. Для того чтобы узнать воинственный народ, надо узнать солдата и тот класс, из которого выходит он, — земледельцев-крестьян.

Хотя двигалась я с большой быстротой, но мне казалось, что стою на месте: настолько природа страны однообразна. Песчаные равнины, редкие березовые леса да крестьянские поселки, находящиеся на большом расстоянии один от другого, с их деревянными, построенными по одному образцу избами, — вот все, что встречала я на пути. Меня охватил своего рода кошмар, который приходит иногда ночью, когда кажется, что делаешь шаги и в то же время не двигаешься с места. Бесконечную казалась мне эта страна, и целая вечность нужна, чтобы ее пройти. Посто-

янно на пути попадались гонцы; мчавшиеся ехали с невероятной быстротой; сидели они на деревянных скамеечках, в телеге, запряженной парой лошадей, и ничто не останавливало их ни на мгновение. Толчки подбрасывали их чуть ли не на два фута над повозкой, и, падая на свое место с удивительной ловкостью, они спешили крикнуть: «Ну, пошел!» — с воодушевлением, какое охватывает француза в день битвы. Славянский язык удивительно звучен; я даже скажу, что в нем есть что-то металлическое, слышится бряцание меди, когда произносят славяне некоторые созвучия, столь непохожие на западные наречия. Мимо нас проходили резервные батальоны: спешившие к военным действиям казаки присоединялись к армии, но в беспорядке, без определенной формы в одежде, с большим копьем в руке, в сероватом одеянии, большой капюшон которого они надевали на голову. Я совсем иначе представляла себе этот народ. Они живут за Днепром и ведут независимый образ жизни подобно диким, но на войне отдаются в полную власть военачальникам. Грозные армии мы привыкли представлять себе в прекрасных мундирах наиболее ярких красок. Тусклые цвета, в какие одеваются казаки, наводят тоже страх, но своеобразный. Кажется, что это мертвецы поднялись на вас.

На полпути от Киева до Москвы стало труднее на станциях доставать лошадей, ибо мы находились совсем вблизи армии. Я боялась, что меня остановят как раз в то время, когда особенно надо было спешить и когда мне приходилось ждать по пяти и шести часов у почтовой станции, где редко встречалась удобная для отдыха комната. Я с содроганием думала, что вдруг почти на краю Европы настигнет меня армия и как трагично и в то же время смешно будет мое положение; полной неудачей закончилось бы мое предприятие. Обстоятельства, какие побудили меня к нему, не всем известны: могут спросить, почему покинула я родину, и даже некоторые не лишние доброты люди, зная, что родина стала мне тюрьмой, с сокрушением скажут, что, конечно, это очень тяжело, но все же было бы лучше не покидать ее.

Я прибыла в Орловскую и Тульскую губернии, которые потом столь часто упоминались в бюллетенях той и другой армии. Проезжая через русские провинциальные города, я была принята во многих домах. Многие дворяне из окрестностей приезжали повидаться со мною, сказали много приятного о моих произведениях, и, призна-

юсь, мне было очень лестно узнать о моей литературной известности в таком отдалении от родины. Жена губернатора приняла меня по-азиатски, с шербетом и розами; ее комната была изящно украшена картинами и музыкальными инструментами. Повсюду в Европе резка противоположность богатства и нищеты, в России же ни то, ни другое не выделяется. Народ не беден, а знать способна, когда это необходимо, вести такой же образ жизни, какой ведет народ. С одной стороны, суровые лишения, с другой — изысканные удовольствия отличают эту страну. Сами вельможи, в палатах которых вы найдете все, что есть блестящего и роскошного во всех странах и у всех народов, питаются в пути гораздо хуже французского поселянина и способны переносить не только на войне, но и во многих житейских случаях физическое существование очень стесненное. Суровость климата, болота, леса и пустыни, покрывающие значительную часть страны, заставляют человека бороться с природой. Фрукты и цветы произрастают лишь в оранжереях, возделывание овощей не распространено, виноградников совсем не встречаешь. Обстановка жизни, в которой находится французский крестьянин, возможна в России лишь при больших затратах. Необходимое можно получить только в роскоши; отсюда происходит, что когда роскошь невозможна, отказываются даже от необходимого. Нет в России совсем того, что англичане называют «комфортом», а мы, французы, просто довольством. Ничто не в состоянии удовлетворить воображение русского вельможи; но когда поэзии богатства нет, они пьют квас, спят на полу и едят день и ночь в открытой повозке, не сожалея о роскоши, к которой, казалось, они так привыкли. Они любят в жизни ее величие и пышность более, чем тихие радости, которые она может дать. Они, подобно людям Востока, выказывают необычайное гостеприимство иноземцу; его осыпают подарками, а сами часто пренебрегают обыкновенными удобствами личной жизни. Всем этим надо объяснять то мужество, с которым русские перенесли пожар Москвы, соединенный со столькими жертвами. Они заботятся о внешнем блеске более, чем о своем благосостоянии; роскошью не изнежены, а денежная жертва удовлетворяет их гордость тем полнее, чем с большей пышностью они ее приносят. В народе этом есть что-то исполинское, обычными мерами его не измерить. Я не хочу этим сказать, что там нет ни истинного величия, ни постоянства, но отвага, пылкое воображение рус-

ских не знают предела; у них все более колоссально, чем соразмерно, во всем более смелости, чем благоразумия; и если они не достигают цели, которую себе поставили, то это потому, что они перешли ее.

Я подъезжала к Москве, но ничто не говорило о близости столицы. Те же далекие одна от другой деревни, то же безлюдье и тишина вдоль широких полос, называемых в России большими дорогами. Деревенские избы не были многочисленнее. В России такой простор, что все в ней теряется, даже дворцы, даже само население. Кажется, что мы проезжаем по стране, из которой ушли обитатели. Отсутствие птиц усиливает впечатление безмолвия. Животные тоже редки,— по крайней мере, их мало встретишь по дороге. Все тонет в необъятном пространстве, над всем царит оно и захватывает воображение подобно многим метафизическим идеям, от которых не может освободиться мысль, раз они охватили ее. Накануне моего приезда в Москву, вечером после утомительно жаркого дня, я остановилась среди поля в местности довольно красивой. Крестьянки, живописно одетые по обычаю страны, возвращались с работ и в песнях Украины воспевали любовь и свободу, но непонятная грусть и печаль слышались в этой мелодии. Я попросила их поплясать, и они согласились. Я не знаю ничего более миловидного, грациозного, как эти народные пляски; в них выливается непосредственная красота, которою природа обогащает искусства; в них вы найдете и долю стыдливого сладострастия. Индийские баядерки, по-моему, должны воплощать это сочетание истомы и живости, в котором заключается прелесть русской пляски. Эта истома и эта живость говорят о мечтательности и страстности, двух чертах народного характера, которых не коснулась еще образованность, которые она не успела еще <ни> видоизменить, ни усмирить. Я была поражена милой веселостью этих крестьянок, как поражена была видеть ее в различных оттенках у большинства людей, с которыми имела дело в России. Я воображаю, как страшны бывают они, когда их страсти возбуждены: у них нет выдержки, какую дает воспитание, и обуздать свою страстность они не в силах. Вследствие невежества, какое господствует в их среде, требования нравственности развиты слабо: кражи весьма часты в России, но наряду с ними развито и гостеприимство. Русские дают вам и берут от вас, следуя непосредственным чувствам своим, великодушную или хитрости: и то, и другое развито в этом народе. В подоб-

ном образе жизни много общего с дикарями; но мне кажется, что теперь только те народы сильны, которые не вышли из состояния, какое мы бы назвали варварским, то есть необразованным, или те, которые свободны. Народы, вполне образованные, равнодушные к рабству, помышляют только о личном благосостоянии, и тем, которые вынесли из образованности лишь умение рассуждать о могуществе и рабстве, суждено быть побежденными. Я часто думаю, что представляют собою теперь места, которые я видела такими тихими, где те милые молодые девушки, те крестьяне с длинными бородами, в которых было столько покорности воле провидения; может быть, они уже погибли; быть может, принуждены были бежать, ибо никто из них не отдался в руки неприятеля. Любопытно отметить, как проявляется в России общественное самосознание. Слава победоносности, которую доставили этому народу бесчисленные успехи его войск, горделивое самомнение знати и способность самопожертвования, которая так сильна в народе, вера, влияние которой велико и могуче, ненависть к иноземцам, которую старался искоренить Петр I, желая сделать страну просвещенной, но которая все же осталась в крови русских и пробуждается при всяком случае,— все это, вместе взятое, делает народ могучим. Несколько темных анекдотов о предшествовавших царствованиях, какие-то русские, промотавшиеся в Париже, да остроумные слова Дидеро¹¹ составили французам представление, что Россия состоит лишь из развращенного двора, придворных камергеров да крестьян-рабов. Если бы это соответствовало действительности, это было бы ужасно. Надо хорошо взглянуть в этот народ, чтобы узнать его: мне пришлось наблюдать его при обстоятельствах, в которых он представился весь, в пору несчастий и воодушевления, время самое удобное для наблюдения. Не лишним будет повторить, что народ этот создан из противоположностей поразительно резких. Быть может, совмещающиеся в нем европейская культура и азиатский характер тому причина. При встрече русские так ласковы, что с первых же дней чувствуешь себя с ними другом, каким, пожалуй, не почувствуешь с иным через десять лет. Молчаливость русских совершенно особенная: они молчат тогда, как предмет их живо занимает. Впрочем, иногда они очень разговорчивы; но разговор их не больше как любезность: в нем не выражают они ни своих чувств, ни своих мнений. Часто сравнивали их с французами; но я думаю, что

это сравнение в высшей степени ошибочно. Гибкость их природы делает русских способными подражать во всем. Сообразно с обстоятельствами они могут держать себя как англичане, французы, немцы, но никогда они не перестают быть русскими, т. е. пылкими и в то же время осторожными, более способными к страсти, чем к дружбе, более гордыми, чем мягкими, более склонными к набожности, чем к добродетели, более храбрыми, чем рыцарски-отважными, и такими страстными в своих желаниях, что никакие препятствия не в состоянии удержать их порыва. Русские гораздо гостеприимнее французов; но у них общество не состоит, как у нас, из круга развитых мужчин и женщин, которым доставляет удовольствие взаимный обмен мнений. Собираются вместе, как на какой-то праздник, где можно встретить много посетителей, найти вкусные плоды, видеть редкости Европы и Азии, послушать музыку, поиграть, — одним словом, ищут развлечений в предметах внешних, а не удовлетворения запросов ума и сердца; их потребность взаимного общения удовлетворяется чисто деловыми сношениями, а не обществом. Кроме того, будучи вообще очень малообразованны, они не находят удовольствия в дельных разговорах; блистать умом у них не льстит самолюбию. Поэзия, красноречие, литература еще совсем не развиты в России. Гордости и честолюбию у русских льстят лишь роскошь, могущество и храбрость. Все другие способы отличиться кажутся еще этому народу изнеженностью и пустою забавою.

Но нам возразят: ведь народ находится в рабстве; какой характер можем предполагать у него? Конечно, было бы лишнее говорить, что все просвещенные люди желают русскому народу выйти из этого состояния, и, наверно, император Александр желает этого больше всех; но рабство в России в своей сущности не похоже на то рабство, как мы его понимаем на Западе. Здесь не победители подчинили побежденных суровым законам, как это было во время феодального правления; отношение господ к народу похоже скорее на отношение к челяди у древних, нежели на отношение к крепостным нашего времени. Третьего, или среднего, сословия в России не существует вовсе; это большое препятствие процветанию наук и искусств, ибо зачастую в этом третьем классе развиваются таланты; однако по отсутствию промежуточного звена между господами и народом между ними существует больше взаимной привязанности. Расстояние

между двумя сословиями кажется значительнее потому, что между обеими крайностями нет ступеней, а в действительности они соприкасаются гораздо теснее потому, что их не разлучает средний класс. Таким общественным устройством всегда задерживается просвещение высших классов, но оно не служит в ущерб благополучию низших. Впрочем, в стране, где нет представительного строя, где государь соединяет в себе власть законодательную и исполнительную, люди часто более чувствуют унижение, жертвуя своим убеждением и своим характером, чем в этом огромном государстве, где простые понятия о всех и о родине управляют несметным множеством народа, руководимого несколькими вождями. Огромное пространство русского государства тоже содействует тому, что деспотизм господ не ложится слишком тяжелым бременем на народ; наконец, более всего над умами господствует дух веры и воинственности. И можно наверное сказать, что он поведёт русских от их заблуждений к великим и прекрасным подвигам. Один умный человек выразился, что Россия похожа на шекспировские пьесы, где все величественно, что не ошибочно, и все ошибочно, что не величественно. Это замечание весьма верно; но в то опасное время, когда я проезжала страну, первыми предметами удивления были сила сопротивления и готовность к жертвам, которую выказал этот народ. Видя такие добродетели, никто не осмелился бы заметить недостатки, какие можно было бы порицать в другое время.

Еще издали завидите вы золоченые куполы московских церквей. Москва стоит среди равнины; ведь и вся Россия не что иное, как огромная равнина, и потому, подъезжая к большому городу, вы даже можете не заметить его обширности. Кто-то справедливо заметил, что Москва скорее деревня, нежели город. Все смешалось там: лачужки, дома, дворцы, базары, подобные восточным, церкви, общественные учреждения, пруды, роши и парки. Вы найдете в этом огромном городе все разнообразие нравов и племен, составляющих Россию. Не желаете ли вы, говорили мне, купить кашемировую шаль в Татарской части? Видели вы Китай-город? Азия и Европа соединены в этом огромном городе. В нем живет свободнее, чем в Петербурге, где на все двор неизбежно кладет отпечаток. Знатные жители Москвы за местами, за положением не гонятся, но большими пожертвованиями доказывают свою любовь к Отечеству: в мир-

ное время они жертвуют на общественные учреждения, во время войны — на военные действия. Огромные богатства русских вельмож идут на разнообразные коллекции, на предприятия и на пиры, подобные пирам «Тысячи и одной ночи», но часто необузданно-страстные обладатели богатств прожигают их бесцельно и безумно. Когда я приехала в Москву, все говорили лишь о жертвах, которые приносились на войну. Молодой граф Мамонов ставил свой полк и сам хотел служить в нем только подпоручиком. Графиня Орлова, по-азиатски любезная и богатая, жертвовала четвертую часть своих доходов. Когда я проходила мимо дворцов, окруженных обширными, как в деревнях, садами, мне говорили, что вот владелец этого дал государству тысячу крестьян, тот — двести. Мне странно было слышать выражение «дать людей», но надо сказать, что сами крестьяне шли на войну с воодушевлением и на войне господяне были лишь их руководителями. Как только русский поступает в солдаты, ему бреют бороду и с того времени он свободен. Предполагали дать свободу всем шедшим на военную службу; тогда бы вся страна оказалась свободной, ибо на войну поднялись почти все. Будем надеяться, что государству удастся провести без особых потрясений столь желанное освобождение подневольных. Но с бородой не так легко расставались: она придавала много силы и достоинства лицу. Русский, с его долгой бородой, не пройдет мимо церкви, чтобы не перекреститься. Глубоко трогательна вера русских в образа. Убранство церквей отличается роскошью; вкус к роскоши, вообще свойственный русским, сближает их с Азией, вы видите в церкви лишь золото, серебро, рубины. Рассказывают, что кто-то из русских предлагал написать Библию буквами, составленными из драгоценных камней. Он знал, что этим возбудит любовь к чтению, подействовав на воображение. Удивительно, что этот дар воображения не проявился еще ни в искусствах, ни в поэзии. Русские во всех областях могут быстро достигнуть определенной точки успеха, но дальше они не идут. Первые шаги делают всегда произвольно и лишь вторые стараются обдумать. Надо сказать, что вообще русские, столь непохожие на жителей Севера, до настоящего времени не показали себя способными к глубокомыслию. Некоторые дворцы в Москве, для ускорения постройки, воздвигнуты из дерева: народ от природы непостоянен во всем, кроме веры и любви к родине, склонен и любит перестраивать свое жилище. Многие из этих прекрасных

зданий воздвигались для какого-нибудь праздника, предназначались для блеска лишь одного дня; при сооружении их затрачивались огромные богатства, и они сохранились до рокового дня всеобщего разрушения. Многие дома выкрашены разноцветными красками: зеленой, желтой, розовой, и резьба на них тщательна, как украшение десерта.

Кремль, эта крепость, служившая опорой русским царям в борьбе с татарами, окружен высокой зубчатой стеной с башнями по углам; башни своей странной формой похожи скорее на турецкие минареты, чем на укрепления; в этом их сходство с крепостными башнями Востока. Но хотя внешний вид городских строений носит восточный характер, влияние христианства сказывается повсюду. О нем говорит множество церквей, которые столь почитаемы в России и которые в этом городе привлекают ваш взор на каждом шагу. Невольно сравниваешь Москву с Римом, но не потому, что она имеет сходство с ним в стиле своих зданий, этого нет; но удивительное сочетание сельской тишины и пышных дворцов, обширность города и бесчисленное множество церквей сближают Рим Азии с Римом Европы. Мне довелось видеть внутренность Кремля в первых числах августа. Я входила туда по лестнице, по которой несколько дней тому назад шел император Александр. Его окружало необъятное множество народа, все благословляли его и клялись до последней капли крови защищать Отечество. Свое слово они сдержали. Сначала мне открыли залы, в которых хранилось оружие русских воинов. Подобные арсеналы других стран заслуживают большего внимания. Русские не пережили рыцарства, они не принимали участия в крестовых походах. Военственный дух русских воспитывался в войнах с татарами, поляками и турками, среди жестокостей, которые поддерживались, с одной стороны, дикостью азиатских народов, с другой — лютостью тиранов, правивших Россией. Их отвага не благородное мужество Баярдов и Персиев¹², но неустрашимость неистовой храбрости, которою жила Россия в продолжение многих веков. Впервые выступив в европейском обществе, русские не обнаружили духа благородного рыцарства, который так свойствен народам Запада; они показали себя безжалостно страшными к своим недругам. Постоянные усобицы в русской истории до Петра Великого и даже после него дурно отразились на нравственности народа,

особенно в высших классах: деспотическое правление, единственным исходом из которого было убийство самого тирана, уничтожало сознание чести и долга в умах народа. Но любовь к Отечеству и преданность верованиям вышли сильными и непреклонными из всех кровавых бедствий истории, а народ с такими добродетелями может еще удивить мир.

Из арсенала меня повели в покои древних русских царей: там хранятся одеяния, в которые облачались они в дни венчания на царство. Ничего красивого в этих покоях нет, но их убранство согласуется со строгостью жизни, которую вели раньше, да и теперь ведут, русские цари. Во дворце Александра царит пышное величие, но он сам спит на жесткой постели и путешествует как простой казацкий офицер. В Кремле показывают двойной трон, который сделан был для Петра и его брата Иоанна. Их сестра царевна София ставала обыкновенно за местом Иоанна и подсказывала ему, что он должен был говорить. Но несамостоятельность Иоанна скоро должна была уступить врожденным силам Петра, и он один завладел престолом. Начиная с его царствования русские цари перестали носить азиатские одежды. При Петре Россия увидела парик эпохи Людовика XIV¹³. Не умаляя своего восхищения перед этим великим человеком, я все же скажу, что весьма неприятным является в нем противоположность необузданной силы дарований со стремлением провести церемонную правильность в одежде. Имел ли он повод искажать восточные нравы своего народа, имел ли он право переносить столицу на север, на границу империи? Это большой вопрос, и еще не решенный, лишь века могут дать на него ответ.

Я всходила на соборную колокольню, называемую колокольней Ивана Великого. С нее открывается вид на весь город. Оттуда смотрела я на дворцы царей, покоривших своим оружием царства Казанское, Астраханское и Сибирское. Я слушала пение в церкви, где служил экзарх Грузии; в нем можно видеть представителя христианского единения Азии и Европы. Сорок сороков церквей свидетельствовали о набожности жителей Москвы. Торговые учреждения Москвы тоже носят азиатский характер. Люди в чалмах и в разнообразных восточных костюмах раскладывают перед вами редкие товары; сибирские меха, индийские ткани могли вполне удовлетворить страсти к роскоши русских вельмож, у которых воображение пленяется и соболями самоедов, и рубинами

персов. В московском дворце, в саду Разумовского, вы найдете превосходную коллекцию растений и подбор минералов; граф Бутурлин тридцать лет жизни посвятил собиранию прекрасной библиотеки. На некоторых книгах, ему принадлежащих, сделаны пометки рукою Петра Первого. Этот великий человек и не думал, что европейская образованность, которую он так ревностно поддерживал, придет в Россию лишь для того, чтобы разорять просветительные учреждения, которые основал он в стране, стремясь образованием воспитать ее неуимчивый дух. Далее находится приют подкидышей, одно из наиболее человеколюбивых учреждений всей Европы. Больницы для людей всех сословий встречаются в различных частях города. Наконец, кругом видишь лишь богатство, дела милосердия, роскошные здания и благотворительные учреждения, церкви и дворцы, которые расточают благодеяния для значительной части населения и проливают кругом себя блеск роскоши. Как на ладони представились перед нами все извилины Москвы-реки, которая после нашествия татар не видела уже потоков крови в своих водах. День был великолепный, солнце радостно играло лучами на блестящих куполах церквей. Мне вспомнился престарелый архиепископ Платон, пастырское письмо которого, написанное к Александру в восточном духе, так меня тронуло: он посылал икону Божией Матери, чтобы отратить от России человека, готового покорить Россию. На мгновение мне пришла в голову мысль, что ведь Наполеон может прийти сюда, очутиться на этой самой башне, с которой я любовалась городом, может уничтожить ее; мелькнула вдруг и другая мысль, что дерзнет он стать на место царское, как дерзнул завладеть им на время хан Золотой Орды. Но небо было так безоблачно и прекрасно, что я отогнала свой страх. Спустя месяц этот прекрасный город был обращен в груды пепла. Этим русские заявили, что они опустошат всю покоренную врагом страну тем самым огнем, который он принес с собой. Но разве русские и их монарх не искупили своей ошибки? Несчастье, постигшее Москву, возродило страну; этот благочестивый город погиб, как мученик, пролитая кровь которого дает новые силы братьям, его пережившим.

Известный граф Ростопчин¹⁴, имя которого столь часто встречается в приказах государя, пришел навестить меня и пригласил на обед. При Павле I¹⁵ он был министром иностранных дел. В беседе он казался человеком своеобычным, и можно было предсказать, что он

обнаружит свой решительный и сильный нрав, когда этого потребуют обстоятельства. Графиня Ростопчина любезно подарила мне сочинение, написанное ею о торжестве веры. Ее книгу украшают прекрасный слог и высокие нравственные идеалы. Я навестила графиню в ее подмосковном имении*; дорога туда лежит через лес и озеро. С приближением французов граф Ростопчин сам поджег это имение, этот прелестный уголок русской равнины. Конечно, подобный поступок должен был удивить даже врагов. Император Наполеон сравнил графа Ростопчина с Маратом¹⁶, совершенно забыв, что губернатор Москвы жертвовал личным достоянием, Марат же поджигал дома других (а Наполеон не допускает в этом разницы). Графа Ростопчина можем упрекнуть только в том, что он слишком долго скрывал неблагоприятные известия об армии; трудно сказать, себе ли он этим льстил или другим. Англичане, с их удивительною прямою в нраве, всегда отдают отчет как в успехах, так и в неудачах, и у них одушевление поддерживается лишь правдою, какова бы она ни была. Русские не достигли еще этого нравственного совершенства, оно возможно лишь в государстве с политической свободой.

Ни одна образованная народность так не близка к дикарям, как русская, и людей сильных, способных на великий подвиг, всегда можно упрекнуть в пороках, которые так свойственны их необузданной природе. Много восхваляли знаменитые слова Дидеро: «Русские сгнили прежде, чем созрели». Я не знаю мнения более ошибочного: даже их пороки, за небольшим исключением, мы должны приписать не их испорченности, но силе их нравственного закала. Один выдающийся человек сказал: «Стоит русскому пожелать, и город взлетит на воздух». Ярость и хитрость сменяют одна другую, когда русский решается на какой-либо поступок, дурной или хороший. Скороспелое преобразование Петра I отнюдь не изменило у русских характера. К своему счастью, они пребывают еще в состоянии, которое мы назвали бы варварским; ими управляет чутье, подчас благородное, но всегда произвольное, которое допускает размышление лишь при выборе средств, но отнюдь не цели; я говорю, к счастью для них, но не потому, что хочу восхвалять варварство; под этим словом я подразумеваю первобыт-

* Т. е. в Сокольниках. <Прим. перев.>

ную мощь, которая лишь одна у народов может заменить силу гражданской свободы.

Я встретила в Москве людей просвещенных как в науках, так и в литературе; но здесь, как и в Петербурге, почти все профессорские кафедры заняты немцами. Во всех областях русской жизни чувствуется недостаток в людях сведущих. Большинство молодых людей идут в университет лишь для того, чтобы выйти скорее на военную службу. Чины гражданской службы соответствуют в России чинам военным. Все умы направлены на войну; во всех других областях управления, в политической экономии, народном просвещении другие народы далеко опередили русских. Однако в литературе русские сделали некоторые попытки. Мягкость и звучность их языка замечают даже те, которые его не понимают; он должен быть особенно хорош в музыке и поэзии; но русские, как и многие другие народы материка, пошли по ложному пути, когда стали подражать французской словесности, которая даже в достоинствах своих подходит только к французам. Мне кажется, что русские должны скорее черпать образцы словесности у греков, чем у римлян. Сходство русского письма с письмом греческим, древние сношения с Византийской империей и будущие судьбы России, которые зовут ее, может быть, в Спарту, быть может, в Афины,— все должно побуждать русских изучать Грецию; но главное, необходимо, чтобы их писатели почерпали поэзию из тайников своей души. До сих пор их творения были непроницаемы, а сильная народность никогда не может удовлетвориться такими слабыми приемами.

Я покидала Москву с сожалением. Неподалеку от города остановилась я в лесу, куда в праздничные дни приходит народ поплясать и порадоваться солнышку, блеск которого так непродолжителен, сияние которого видят они так редко даже в Москве. А что же дальше, к северу? Говорят, что по мере приближения к Архангельску становятся все более редкими березовые леса, столь утомительные своим однообразием; их тщательно оберегают, как апельсиновые деревья во Франции. Направляясь от Москвы к Петербургу, вы видите кругом вначале лишь голый песок, а затем бесконечные болота. Когда идет дождь, земля становится черной, и тогда уже не найдете дороги. Но все же и здесь избы говорят о довольстве. Крестьяне украшают свои жилища столбиками, вокруг окон вы видите резные украшения из

дерева. Хотя проезжала я летом, но везде стоял передо мной угрожающий призрак зимы; казалось, он скрывался за тучами. Плоды, которые давали мне, были все жесткие, их созревание было искусственно ускорено. На розу смотрела я с грустью; она напомнила мне наш родной прекрасный край; а цветы, казалось, не поднимали уже так горделиво своих головок, как будто чувствовали над собой леденящую руку севера, готовую сорвать и уничтожить их.

Мне пришлось проезжать через Новгород. Этот город шестьсот лет назад был республикой и входил в состав Ганзейского союза¹⁷. Новгородцы в продолжение многих веков сохранили свой гордый дух республиканской независимости. Привычно думать, что свобода провозглашена в Европе в последнее столетие; мне же кажется, что она принесла нам не свободу, а деспотизм.

В самой России закрепощение крестьян введено было лишь в шестнадцатом веке. До царствования Петра I государственные указы начинались такими словами: «Царь указал и бояре приговорили». Петр I сделал неоцененное благодеяние России, но он принизил значение родовитых вельмож и объединил в своих руках светскую и духовную власти; все это делал он, желая устранить препятствия в исполнении его начертаний. Ришелье¹⁸ поступал так же во Франции; вот почему так восхищался им Петр I. Известно, что, увидев гробницу Ришелье в Париже, он воскликнул: «Великий человек, я отдал бы половину своей страны, лишь бы научиться у тебя управлять другою!» В этом случае царь был очень скромн, ибо имел над Ришелье много преимуществ. Он был великим полководцем и, кроме того, создал в своей стране флот и насадил промышленность, тогда как Ришелье был лишь тираном-правителем во внутренней политике и коварным дипломатом во внешней. Но возвратимся к Новгороду. В 1470 году этим городом завладел царь Иван Васильевич¹⁹; он лишил его свободы и приказал перевезти в Московский Кремль так называемый «вечевой колокол», звон которого призывал граждан на площадь, где они обсуждали свои общие дела. Лишившись свободы, Новгород стал беднеть, его торговля падала и население уменьшалось. Так губительно и вредно, говорит лучший русский историк, сказывается на всем неограниченный произвол самовластия! В настоящее время Новгород представляет необыкновенно печальную картину. Окружающий его вал свидетельству-

ет, что город был некогда большим и населенным; теперь вы видите лишь разбросанные, редкие дома, обитатели которых кажутся теньями, рыдающими над могильной плитой. Быть может, то же зрелище представляет теперь и Москва. Но народ отвоевал ее, он же ее и возродит.

Бесконечные болота тянутся от Новгорода до Петербурга. Когда подъезжаешь к одному из самых красивых городов мира, кажется, что невидимый волшебник чудотворным мановением жезла перенес сюда на пустынную почву все, что есть прекрасного в Европе и Азии. Основание Петербурга говорит нам о той могучей силе русской воли, которая не знает ничего непреодолимого. Кругом города все низменные места, и сам он построен на болоте, и под мрамором подложены сваи; но, видя величественные здания, забываешь о непрочности их оснований и невольно остановишься в раздумье перед чудом, как мог этот прекрасный город построиться в такое короткое время. Этот народ отличается неслыханной настойчивостью в борьбе с природой и полчищами врагов. Необходимость делает русских терпеливыми и непобедимыми, но в обыкновенной жизни они очень непостоянны.

По приезде в Петербург первым чувством моим было желание возблагодарить небо за то, что я нахожусь на берегу моря. Я увидела на Неве английский флаг, знак свободы, и почувствовала, что могу, поручая себя океану, отдаться под непосредственное покровительство провидения, доверившись стихиям, а не быть в зависимости от людей, в особенности же от человека, который, кажется, пришел для восстановления злых начал на Земле.

Против дома, в котором я поселилась в Петербурге, находится статуя Петра I²⁰. Он представлен сидящим на коне, который на дыбах взбирается на крутой утес посреди змей, задерживающих его шаги. Правда, змеи помещены там, чтобы поддерживать громадную тяжесть коня и всадника. Но идея памятника малоудачна: в действительности государь никогда не боялся зависти, символом которой служат эти змеи; пресмыкающиеся не были его врагами, и Петр I ничего не боялся в своей жизни, как только русских, которые печалились о старых обычаях страны. Но то обаяние, которое сохранилось к его личности, свидетельствует о несомненном благе, которое сделал он для России, ибо сто лет после своей

смерти деспоты уже не имеют льстецов. На пьедестале его статуи начертано: «Петру Первому Екатерина Вторая»²¹. Эта простая и тем не менее гордая надпись заслуживает похвалу за свою правдивость. Они двое сумели высоко поднять народное сознание и внушить народу мысль, что он непобедим; это значит уже сделать его таковым, по крайней мере, у своего домашнего очага, ибо победа есть нечто случайное, что зависит чаще от ошибок побежденного, чем от дарований победителя.

В Петербурге, конечно, нельзя сказать о женщине французскую поговорку: *elle est vieille, comme les gues* *, ибо улицы имеют совершенно новый вид. Здания блистают ослепительной белизной, а ночью, освещаемые луной, они кажутся громадными белыми привидениями, которые, став неподвижно, смотрят за течением Невы. Я не нахожу ничего особенно красивого в этой реке, но таких прозрачных вод я не видела нигде. Гранитная набережная длиною в тридцать верст окаймляет ее русло, и величие этого сооружения человеческих рук достойно хрустальных вод, которые оно украшает. Если бы Петр I предпринял подобные работы на юге, он не получил бы того, чего желал,— флота; но его начинания на юге более бы отвечали духу народа. Русские, живущие в Петербурге, кажутся южанами, осужденными жить на севере и, выбиваясь из сил, бороться с климатом, который им совсем не привычен. Жители севера обыкновенно большие домоседы и боятся холода, ибо он для них постоянный враг. Простонародье в России совсем иных привычек: кучера зимою ждут по десяти часов близ ворот и не жалуются; они ложатся на снег под повозки и ведут образ жизни неаполитанских бедняков на шестидесятом градусе географической широты. Вы видите их расположившимися на ступенях лестниц, как немцы на своих перинах. Иной раз они спят стоя, прислонившись к стене головою. То беспечные, то пыльные, они предаются с одинаковой страстностью и сну, и неутомимым трудам. Многие из них большие пьяницы и тем отличаются от жителей юга, которые очень трезвы. Но и русские бывают трезвы, когда требуют этого трудные обстоятельства войны. Русские вельможи тоже южане по своим привычкам. Надо посмотреть на их дачи, построенные на острове, образуемом Невкою, в обводе самого Петербурга. Южные растения, благоволия Восто-

* Она стара, как улицы (фр.). (Прим. перев.)

ка, азиатские диваны украшают их жилища. Огромные оранжереи, где зреют плоды всех стран, создают искусственный климат. Обладатели этих дворцов стараются уловить каждый луч солнца, пока оно видно на горизонте. Они радуются ему, как другу, который скоро уйдет от них, но которого знали они некогда в какой-то более счастливой стране.

На другой день моего приезда я отправилась на обед к одному из купцов, особенно уважаемых в городе. Он славился русским гостеприимством и всякий раз, когда обедал у себя, вывешивал над домом флаг и этим приглашал к себе друзей своих. Обед был устроен на открытом воздухе, все наслаждались прощальными днями уходящего лета, а подобные дни на юге Европы даже не называли бы летними. Сад был очень живописен, его украшали цветы и деревья, но уже в нескольких шагах от дома начинались пустыня и болото. Природа окрестностей Петербурга представляется мне вечным неприятелем, который захватывает свои права, как только человек перестает с ним бороться.

На следующее утро я пошла в церковь Казанской Божией Матери, построенную Павлом I по образцу собора Св<ятого> Петра в Риме. Внутренность церкви, украшенная многочисленными мраморными колоннами, необычайно красива; само же здание мне не нравится, и именно потому, что напоминает храм Святого Петра, но отличается от него тем резче, чем больше старались подражать ему. Разве можно в два года выполнить то, что стоило целого столетия лучшим художникам мира? Русские затем предпочли скоростью наверстать время, как и пространство; но время сохраняет только то, что оно создало, а произведения искусства, которые, казалось бы, создаются вдохновением, требуют вдумчивой и долговременной обработки.

Из храма Казанской Божией Матери я направилась в Александро-Невскую лавру, посвященную одному из доблестных русских князей, который своими завоеваниями продвинул границы России до берегов Невы. Императрица Елисавета²², дочь Петра I, перенесла мощи святого в серебряную раку, на которую богомольцы имеют обыкновение класть монету, когда просят о чем-либо святого. В Александро-Невской лавре находится гробница Суворова, и памятник украшен лишь его именем. Покойному большего не надо; но русские не должны довольствоваться этим в увековечении памяти человека,

оказавшего России столько услуг. Впрочем, этот народ столь воинствен, что геройские подвиги удивляют его гораздо менее, чем могли бы удивить других. На кладбище Александро-Невской лавры многие знатные люди воздвигают памятники своим предкам, но ни один из этих памятников не выделяется ни красотой художественного выполнения, ни величием творческого замысла. Правда, смерть не производит на русских особенно сильного впечатления, и, быть может, причиною тому бодрое настроение русских; быть может, их непостоянство; но долговременная печаль не в русском характере. Они более склонны к суеверию, чем глубокому благочестивому чувству; суеверие связано с условиями земной жизни, а вера — с загробной; суеверие основано на сознании неизбежности судьбы, вера — на добродетели.

Русский министр иностранных дел Румянцев был со мной чрезвычайно любезен; к сожалению, он был таким же в дипломатических сношениях с Наполеоном и поддерживал его континентальную систему, тогда как было бы гораздо лучше, если бы, следуя английским министрам, отказался от нее, как только она была нарушена. Без сомнения, в стране с неограниченной властью монарха воля государя направляет все, но сан первого министра требует, чтобы одни и те же уста не произносили противоречивых слов. Воля государя есть воля всей страны; страна же может менять политику, когда этого требуют обстоятельства. В лице министра представлено лишь единичное мнение, и оно должно быть одинаково в столь важных делах в течение всей его жизни. Нельзя себе представить человека более изысканных приемов и более любезного в обхождении с иностранцами, как Румянцев. Я была у него, когда стало известно, что посланником Англии назначен лорд Тирконнель и адмиралом — Бентинк; как тот, так и другой — личности выдающиеся; это были первые англичане, возвратившиеся на материк, с которого были изгнаны властью тирана. После десяти лет ожесточенной борьбы, после десяти лет, в продолжение которых при всех успехах и неудачах англичане оставались верны главному правилу своей политики — безусловной добросовестности, — после этих десяти лет они наконец возвратились в страну, которая прежде всех других сбросила ненавистное иго всемирной монархии. Их выговор, их простота, их гордость обнаруживали в них людей правдивых во всех отношениях, и они знали истинное положение дел, кото-

рое Наполеон сумел скрыть от людей, читавших лишь его известия и сообщения его агентов. Даже противники Наполеона на материке настолько опутаны и запуганы распространившейся ложью, что не могут уже, как мне кажется, довериться своему личному мнению; что касается меня, то я держалась всегда собственного мнения, отбросив все советы благоразумия и нередко и низости, которые душат всех в бонапартовской системе. Мое происхождение не позволяло бы мне отказаться от этого, но мой разум не всегда был бы в силе защищать себя от стольких софизмов. Поэтому я с душевным волнением опять слушала голос Англии, с которой почти всегда можно жить в согласии, когда желаешь заслужить уважение честных людей и своей личности.

На другой день граф Орлов²³ пригласил меня на остров, названный в честь его Орловским. Этот остров самый живописный из всех, которые образует Нева. Сад украшен тенистыми дубами, столь редкими в этой стране. Граф и графиня Орловы не жалеют средств для приема иностранцев, которые находят у них и предупредительность, и пышность. В их доме чувствуешь себя покойно, как в тихом сельском пристанище, в котором, однако, пользуешься всеми удобствами и роскошью городской жизни. Граф Орлов является представителем просвещенных русских вельмож, и его любовь к родине тронула меня глубиной своей. В первый раз я была у него в день объявления мира с Англией. Это было в воскресенье; в его саду, открытом в этот день для гуляющих, мы видели много русских торговцев. Они носят длинные бороды и одеваются, как мужики, то есть простые крестьяне. Гуляющие собрались на острове, чтобы послушать чудную музыку графа Орлова; музыканты исполнили английский гимн «God save the King»; эту песнь свободы поет страна, которая считает монарха главным ее хранителем. Мы были растроганы и от души рукоплескали этому гимну, который должен стать родным для всех европейцев. Европейцы должны или служить тирании, или ненавидеть ее. Граф Орлов подошел к купцам и объявил им, что сегодня празднуется мир России с Англией. Услышав это, они перекрестились и возблагодарили бога за то, что море вновь открыто для них. Орловский остров находится в середине других островов, на которые летом переезжают петербургские вельможи и даже государь с государыней. Неподалеку находится Строгановский остров; богатый владелец его

выписал из Греции очень много ценных предметов древности. Двери его дома всегда были гостеприимно открыты, и туда мог идти каждый, кто был представлен хозяину; он не назначал званых обедов или ужинов, но радушно встречал всех, кто хоть раз был принят в его доме. Часто он не знал и половины тех лиц, которые у него обедали, но ему нравилась пышность гостеприимства, как нравился всякий блеск роскоши. Подобные обычаи гостеприимства приняты во многих петербургских домах, а потому вполне понятно, что вы не найдете здесь тех оживленных разговоров, которые так любят французы. Общество слишком многочисленно, чтобы могла завязаться постоянная и общая беседа. Все люди высшего света отличаются изысканными приемами, но они недостаточно образованны; среди людей, близких ко двору и чувствующих на себе давление власти, нет взаимного доверия, и они не могут понять прелести умственного общения.

Речь многих русских вельмож блистает изяществом и благородством, так что вначале составишь себе ложное представление об уме и образованности своего собеседника. Начало почти всегда блестяще: ваш собеседник, будь он мужчина или женщина, поражает вас своим умом, но часто дело не идет дальше блестящего начала. Русские совсем не привыкли быть в беседе задушевными и говорить, что думают. Еще недавно русские так боялись своих повелителей, что и теперь не могут привыкнуть к разумной свободе, которую старается водворить Александр.

Некоторые русские дворяне пытались блеснуть на поприще словесности, но просвещение не так еще распространено в России, чтобы обо всем этом могло составить общественное мнение, основанное на мнении каждого. Русские слишком страстны, чтобы любить отвлеченные идеи; их забавляет лишь то, что налицо, и у них не было еще ни времени, ни желания обобщить наблюдения мыслью. Да к тому же весьма опасно высказываться в этом великосветском, близком ко двору, обществе, где все наблюдают друг за другом, где так часто друг другу завидуют. Молчание Востока заменили здесь слова любезные, но пустые и поверхностные. Эта атмосфера блеска и веселья может пленить, но лишь на мгновение; она не воспитывает человека, не развивает его дарований. Люди, которые так проводят время, не приобретают способности ни к труду умственному, ни

к другим занятиям. Совсем не то встречала я в парижском обществе. Людей благородных и образованных объединяют беседы либо деловые, либо остроумные.

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

Наконец мне удалось увидеть и самого монарха, не ограниченного в своей власти ни законом, ни обычаями, но умеряющего ее своими личными наклонностями. Вначале я была представлена императрице Елисавете, и она показалась мне ангелом-хранителем России. Ее приемы сдержанны, но то, что говорит она, полно жизни. Она черпает свои мысли и чувства из источника великих и благородных мыслей. Я была тронута, слушая ее; меня поразило в ней нечто невыразимое, что отражало не величие ее сана, но гармонию ее души. Давно не приходилось мне встречать более тесное слияние могущества и добродетели. Когда я разговаривала с императрицей, дверь открылась и император Александр удостоил меня чести беседовать с собою. Первое, что особенно изумило меня в нем, это выражение необычайной доброты и величия, которыми озарено его лицо; эти два качества казались нераздельны в нем. В первых же словах, сказанных мне, тронула меня благородная простота, с которой подходил он к великим вопросам, волновавшим Европу. Я всегда считала признаком посредственности боязнь говорить о важных вопросах, боязнь, которая свойственна почти всем государям Европы. Александр, наоборот, беседовал со мною так, как сделали бы это государственные люди Англии, которые видят силу в самих себе, а не в цепи заграждений, которыми можно себя окружить. Александр, достоинства которого умышленно не признавал Наполеон, — человек выдающегося ума и редкой образованности, и я не думаю, чтобы он мог найти в государстве министра, более, нежели он сам, способного разбираться в делах и направлять их к цели. Он не скрыл от меня, что сожалеет о восторгах, которые возбуждал в нем Наполеон. Дед Александра чувствовал подобное преклонение перед личностью Фридриха Второго²⁴. Подобные увлечения необыкновенными личностями основываются всегда на каком-нибудь благородном чувстве, но им присущи заблуждения и ошибки. Александр с редкой проницательностью обрисовал впечатление, какое произвели на него беседы с Бонапартом, когда тот высказывал свои резкие мысли, как будто все

должны поражаться каждою из них вопреки их резкости. Он рассказал мне о макиавеллистическом наставлении, которое Наполеон счел нужным преподать ему. «Видите, — говорил он Александру, — я стараюсь всегда поссорить моих министров и генералов для того, чтобы каждый открывал мне недостатки и ошибки своего соперника. Я поддерживаю постоянное соревнование своим обращением с людьми, которые меня окружают: один день отдаю предпочтение одному, другой — другому, и никто никогда не может быть уверен в моей благосклонности». Какая простая и вместе с тем порочная теория! Вдруг придет человек, который станет выше его и покажет всю бесполезность подобной системы? Святое дело нравственности состоит в том, что она блестяще содействует великим успехам в нашем мире. Тот, кто сознает всю святость дела, тот с радостью принесет ему в жертву все свои временные успехи, а гордецы, которые в пороках своей души видят величие мысли, должны знать, что если безнравственность и блистает иногда остроумием, то истинное величие и гениальность — лишь в добродетели. Уверенная в чистосердечности Александра в его сношениях с Наполеоном, я в то же время была убеждена, что он не последует примеру несчастных государей Германии и не заключит мира с врагом властителей и народов. Душа благородная не может дважды обмануться в одном человеке. Доверяется и разочаровывается Александр не сразу; он относится к таким переменам, немного подумав. Молодость и внешние преимущества государя наводили на подозрение о легкомыслии его характера, но он вдумчив, как человек, испытавший несчастье. В разговоре со мной Александр выразил сожаление, что он не полководец. На эту благородную скромность я заметила, что труднее быть государем, чем генералом, а поддерживать своим примером общественный дух своего народа — значит выиграть главное сражение и одержать победу, которой еще не было равной. Император с восторгом говорил мне о своем народе и о его великой будущности. Он сказал мне о своем желании (которое признает за ним весь мир) улучшить положение крестьян, еще закованных цепями рабства. «Государь, — сказала я, — в вашем характере есть залог конституции для вашего государства, и ваша совесть тому порукой». — «Если бы это было так, то я не был бы не чем иным, как счастливой случайностью». Прекрасные слова и, думаю, в своем роде первые, произнесенные государем с неограниченной властью. Сколько доблести нужно, чтобы судить о деспо-

тизме, будучи самому деспотом, сколько доблести, чтобы никогда не злоупотреблять им, когда управляемый народ удивляется и редкой умеренности власти. В Петербурге высокопоставленные господа менее свободолюбивы в своих началах, чем сам государь. Привыкшие к неограниченному господству над своими крестьянами, они хотят, чтобы монарх так же был всемогущ для того, чтобы поддерживать иерархию деспотизма. Сословия городского, или буржуазии, еще не существует в России, но она начинает уже развиваться: сыновья священников, купцов, некоторые крестьяне, получившие свободу от своих господ, чтобы поступить в артисты, могут считаться зачатками третьего сословия в государстве. При том русская знать не похожа на знать Германии или Франции: в России считаешься знатным, когда достигнешь военного чина. Без сомнения, знатные семейства, каковы Нарышкины, Долгорукие, Голицыны и др., всегда будут занимать первые места в государстве; однако верно и то, что аристократические привилегии имеют люди, которые по воле государя вдруг сделались знатными и из-за честолюбия граждан стремятся к тому, чтобы их сыновья достигли офицерских чинов и числились состоящими в классе привилегированных. Потому и воспитание кончается на пятнадцатом году: все спешат поступить в военное сословие во что бы то ни стало, о прочем же заботы нет. Конечно, не время теперь осуждать порядок вещей в стране, выступившей на неприятеля. В более спокойное время можно было бы открыто сказать истину, что у нации много мощи и величия, но у нее нет порядка, не распространено просвещение. Это заметно и в общем ходе управления, и в действии отдельных лиц. Петр I, причисляя Россию к европейским державам, без сомнения придал ей много добра, но зато он утвердил в ней деспотизм, подготовленный его отцом. Но Екатерина II, не будучи сторонницей неограниченной власти, несколько ослабила ее тяготу. Если бы политические условия водворили мир в Европе и если сеятель зла не тревожил бы народы, то Александр посвятил бы все заботы свои улучшению благосостояния своей страны и он обдумал бы законы, могущие обеспечить стране благосостояние. Только от него может ждать себе блага Россия.

От императора я направилась к его уважаемой матери. Никакая клевета не могла пробудить к ней чувства неблагожелательного от ее супруга, ее детей или от несчастных семейств, которым она покровительствовала. Я ниже расскажу, как она правит своим царством благотвори-

тельности, которое создала она во всемогущем царстве своего сына. Она живет в Таврическом дворце, и ход в ее покои идет через залу, построенную Потемкиным²⁵. Зала эта поражает своей огромностью. Часть ее занята зимним садом; видишь растения и деревья из-за колонн, окружающих центр. В этом жилище все исполинских размеров. Замыслы князя были широки и причудливы. Потемкин строил города лишь для того, чтобы императрица их видела во время своего путешествия, приказывал штурмовать крепость, чтобы понравиться красивой княгине Долгорукой, не удостоившей его своего внимания. Любовь к Отечеству после любви к Богу есть одно из самых возвышенных чувств, испытываемых человеком. Только Родина должна сильно отличаться от других стран, окружающих ее, чтобы внушить к себе глубокую привязанность. Народы, сливающиеся друг с другом своими особенностями или такие, которых история разделила на несколько областей, не преданы с истинной любовью условному союзу, которому они дали имя Родины.

Я провела день на даче камергера двора Нарышкина, человека любезного, общительного и вежливого, но большого любителя всяких празднеств: по нему можно составить себе понятие о переменчивости вкусов, обнаруживающей недостатки и свойства русских. Дом Нарышкина всегда открыт; когда у него на даче соберется не более двадцати человек гостей, он скучает в подобном философском уединении. Учтивый к иностранцам, всегда суетливый и тем не менее не забывающий, как должно вести себя при дворе; ищущий пищи для своего воображения и находящий ее лишь в вещах, а не в книгах; везде нетерпеливый, только не при дворе, остроумный, когда ему это выгодно, склонный скорее к роскоши, чем властолюбивый, стремящийся во всем к известному азиатскому величию, в котором богатство и положение предпочитаются личным достоинствам. Его дача так приятна, как может быть приятна природа, созданная рукою человека: все ее окрестности безводны и болотисты; это именно точно оазис. Взойдя на террасу, видишь Финский залив, и вдали на берегу виднеется дворец, построенный Петром I; расстояние, отделяющее море от дворца, почти не возделано, и лишь парк Нарышкина восхищает взоры. Мы обедали в доме молдаван, то есть в зале, построенной во вкусе этого народа; она была приспособлена для защиты от солнца — предусмотрительность почти излишняя в России. И здесь кажется, что живешь у народа,

лишь случайно поселившегося на севере: русские во многом придерживаются обычаев юга, как будто намерены в Петербурге водворить климат своей древней родины. Стол был уставлен плодами всех стран, сообразно восточному обычаю выставляя на вид лишь плоды, в то время как толпа слугителей обносит каждого из гостей мясом и зеленью. Мы слушали музыку редкого и известного в России оркестра. Состоял он более чем из двадцати музыкантов, и каждому из них назначено брать особую ноту; по названию этой ноты дают кличку и самому музыканту. Так, например, когда проходит один из них, говорят: «Вот это „соль“», другой — «Вот это „ми“ или „ре“ Нарышкина». Исполнение оркестра отличалось постепенным *crescendo**. Эту музыку кто-то назвал «живым органом». Подобного рода игра производит хорошее впечатление, но не на близком расстоянии; точность и чистота гармонии возбуждают самые возвышенные чувства, но, подойдя ближе к этим жалким исполнителям, слыша одни трубные звуки, не выражающие никаких душевных настроений, получаешь разочарование. Неприятно видеть, как изящное искусство сводится к искусству механическому и художественное произведение разучивается через механические же упражнения. Затем жители Украины в красных одеяниях стали петь мелодичные народные песни. И были те песни то радостные, то грустные; они иногда резко обрываются, как будто воображение этого народа не в силах закончить то, что ему нравилось сначала, и задерживают прелесть именно в ту минуту, когда она наиболее властно и сильно действует, подобно тому, как султанша в «Тысяче и одной ночи» прерывает рассказ, когда внимание наиболее возбуждено.

Во время этих разнообразных увеселений вельможный Нарышкин предложил провозгласить здравицу за успех объединенного оружия русских и англичан и в это время дал знак своей артиллерии, почти столь же громкой, как артиллерия любого государя. Восторг объял всех гостей, меня же душили слезы. Недоставало еще, чтобы чужой властелин заставил меня желать поражения французам! Я тогда сказала в ответ, что желаю поражения тому, кто притесняет как французов, так и Европу, и

* *Crescendo* — крещендо (муз.) — усиление звука, постепенный переход от тихого звучания к громкому (ит.).

его падение для истинных французов будет торжеством. Англичане, русские и сам Нарышкин выразили одобрение моим чувствам, и имя Франции, некогда подобное имени Армиды, еще раз было произнесено с глубоким уважением к славным рыцарям моря и Востока, шедшим в поход против нее.

Калмыки, со сплюснутым лицом, воспитываются у русских господ как бы для сохранения типа татар, которых победили славяне. В этом дворце Нарышкина бегали два-три таких полудиких калмыка. Они довольно приятны в детстве, но с двадцатилетнего возраста теряют всю прелесть юности. Упрямые, хотя и рабы, они забавляют господ упрямством, как белка, бьющаяся о прутья клетки. Этот образец униженной человеческой породы производит тяжелое впечатление; мне казалось, что я ясно видела посреди всей пышной роскоши, до чего может быть доведен человек, не имеющий ни религии, ни закона, и это служило укором всей горделивой пышности.

На долгушах, запряженных отличными лошадьми, доставили нас после обеда в парк. Дело было в конце августа, когда небо бледнело и зелень лужаек поддерживалась искусственно уходом садовника. Самые цветы были лишь аристократической прихотью, стоившей больших затрат. Не слышно было даже чириканья птичек в лесу, они совсем не доверяли этому короткому лету; на лугах не видно было скота: ему не могли бы предоставить пастбищем растительность, стоившую стольких забот. Вода текла с помощью машин, направляющих ее по саду, где вся эта природа походила на праздничную декорацию, которую убирают прочь с уходом зрителей. Наши коляски остановились перед садовым сараем, представляющим целый татарский стан; здесь мы опять услышали музыку; треск и грохот труб и кимвалов ошеломляющим образом действовали на слух. Для того чтобы не слышать его, устроили нечто подобное зимнему катанию на санях, быстрота которого так забавляет русских; катались на лодках с высокой деревянной горы со скоростью молнии. Эта игра восхищала как женщин, так и мужчин и доставляла нам некоторое ощущение войны от необыкновенной скорости ввиду опасности. Так они проводили время почти ежедневно. Это был какой-то сплошной праздник. Подобное времяпровождение у большинства петербургской знати. У них, как видно, не может быть речи о каком-нибудь собеседовании, и польза ученья

в таком обществе незаметна; когда захотят собрать большое общество, такие развлечения представляют единственный способ разогнать скуку, которую всегда наводит многолюдная салонная толпа. Может ли быть среди всего этого шума любовь, спросили бы итальянки, которые идут в общество лишь для того, чтобы видеть человека, которым они хотят быть любимы. Я провела слишком мало времени в Петербурге и не могу составить себе правильного понятия о том, чем держится русская семья; однако мне казалось, что, с одной стороны, в них было больше семейных добродетелей, чем мог бы кто сказать; но, с другой стороны, сентиментальная любовь у них большая редкость. Обычай Азии, которые попадают на каждом шагу, ведут к тому, что женщины совсем не вмешиваются в дела хозяйства; муж управляет всем, а жена только занимается нарядами и принимает гостей по приглашению. Нравственность в Петербурге теперь гораздо выше, чем она была при прежних правителях и правительницах, которые своим поведением давали дурной пример; две нынешние императрицы заставили любить добродетели, которых они сами служат образцом. Но все-таки законы нравственности не совсем прочно водворились в умах русских. Власть повелителя у них столь сильна, что при переходе от одного царствования к другому все взгляды на вещи могут подвергнуться коренному изменению. Русские, мужчины и женщины, обыкновенно вносят в любовь свойственную им пылкость, но по непостоянству характера они легко изменяют. Подобная неустойчивость их мысли делает счастье для них непродолжительным. Усовершенствование духа поэзией и искусствами — весьма редкое явление у русских, и при характерах необузданных и пылких любовь есть скорее прихоть и вред, нежели глубокое, разумное чувство. Высшее общество в России представляет какой-то непрерывный круговорот; деспотическое правительство развило крайнюю осторожность так, что русские обходят предметы, могущие иметь какие-либо последствия. Такая замкнутость и скрытность при смене правительств была им необходима, и ею объясняется недостаток правдивости, в котором обвиняют русских. Утонченность цивилизации искажает во всякой стране прямоту характера; но когда государь имеет неограниченное право высылать, заключать в тюрьму и ссылать в Сибирь и т. д., его могущество становится непосильным для человека. Можно быть достаточно гордым, чтобы пренебрегать благосклонностью, но чтобы

выносить страшные преследования, для этого нужен героизм, а героизм свойствен немногим.

Ни одно из этих суждений, конечно, не относится к современному правительству, ибо его верховный вождь в высшей степени справедлив как император и особенно великодушен как человек. Но подданные все еще находятся в состоянии рабства, которое сам государь давно уж решил устранить. Тем не менее в продолжение этой войны можно было заметить, какие добродетели выказали русские даже из круга придворных. В бытность мою в Петербурге в обществе почти не видно было молодых людей — все ушли в армию: женатые, единственные сыновья, господа, владельцы огромного состояния служили простыми добровольцами и при виде опустошенной страны и своих имений они не падали духом, но воодушевлялись побуждением отомстить и не сдаваться неприятелю. Такие качества спасают народ от беспорядков, злоупотреблений и несправедливости, которую причинили ему плохое управление, недавняя цивилизация и деспотические учреждения.

Мы отправились посмотреть кабинет естественных наук, замечательный сибирскими произведениями. Меха этой страны заманили русских, как испанцев золотые рудники Мексики. Было время в России, когда разменной монетой еще служили меха куниц и белок: столь велика была потребность в защите на зимнее время. Самое замечательное в Петербургском университете — это богатая коллекция костей допотопных животных и особенно остатки исполинского мамонта, найденного почти нетронутым в сибирских льдах. По геологическим исследованиям оказалось, что история мира гораздо древнее, чем нам он известен. Мысль о бесконечности всегда заставляет содрогаться. Жители и даже животные этих крайних пределов обитаемого мира как будто обдают холодом, которым дышит вся природа на много миль от их страны, и цвет шерсти животных белый, как снег; земля так как будто теряется во льдах, и мгла приостанавливает растительную жизнь. Меня удивил вид жителей Камчатки, которых так искусно изобразили в петербургском музее. Священники той страны, называемые шаманами, некоторого рода гадалки: они носят у себя под кафтаном из древесной коры (лыка) что-то похожее на стальную сетку, к ней привязано несколько железных

пластинок, бряцание которых при каждом движении гадателя сильно поражает слух. В минуты вдохновения они очень подобны людям, пораженным нервным припадком, и впечатление, производимое на внимающих, похоже скорее на колдовство, нежели на силу духа. Внутренняя жизнь в этих печальных странах проявляется только в страхе; сама земля, видимо, отталкивает от себя человека своими ужасами.

Затем я была в крепости, посетила храм, где находятся гробницы всех государей после Петра Великого²⁶. Эти гробницы стоят как бы в день похоронного обряда, но не помещены в склепах, так что чувствуешь себя весьма близко к этим мертвецам*. Когда Павел I вступил на престол, он повелел короновать останки своего отца, который не получил этого почета при жизни и не мог быть помещен в крепости. По повелению Павла I совершен был вторично обряд погребения его отца и матери — Екатерины II. Оба гроба снова были выставлены, четыре камергера стояли на страже у их тел, как будто скончавшихся накануне, и они были помещены рядом и примирены лишь под властью смерти. В числе государей, унаследовавших деспотическую власть от Петра I, есть несколько таких, которые свергнуты были с престола кровавым заговором. Те же придворные, у которых нет силы характера, чтобы сказать правду своему государю, способны возмущать народ против него; и это притворство и лицемерие — неизбежные спутники всякой политической революции; им необходимо окружать лестью свою жертву. Однако до чего дошла бы страна, управляемая деспотически, если бы тирану помимо всех законов не угрожал кинжал? Ужасный выбор, могущий показать, какого рода эти учреждения, в которых преступление составляет противовес власти.

Поклонившись праху Екатерины II, я отправилась в ее летнее местопребывание (Царское Село). Дворец и парк устроены с большим искусством и великолепием. Воздух становился уже холоден, хотя было только I сен-

* Петропавловский собор состоит в военном ведомстве. По отношению к царским гробницам в военном министре (Д. А.) Милютине демагог пересилил историка. Бывало, в соборе наглядно пред посетителем проходит вся новая русская история. Д. А. Милютин поручил своему обожателю И. П. Арапетову над всеми царскими гробницами устроить одинаковые беломраморные памятники. Надписи на них выцвели и теперь с трудом читаются, а с Александра Павловича ключи города Парижа сняты и повешены так высоко, что их не видеть. *(Прим. перев.)*

тября, и в это время большим несоответствием были южные цветы, обвеваемые северным ветром. Все записи, собранные о Екатерине II как о государыне, возбуждают восхищение, и я не знаю, не обязаны ли русские больше ей, нежели Петру I, уверенностью в свою непобедимость, принесшую им столько успехов. Обаяние женщины умеряло суровость власти и вело рыцарскую вежливость к победам, за которые ей поклонялись. Екатерина II обладала в высшей степени здравым умом правительницы; люди с большими дарованиями, казалось, менее походили на гениальных; ее высокий ум внушал глубокое уважение тем русским, которые не доверяли собственному мышлению и вверялись ее мудрому руководству. Невдалеке от Царского Села находится дворец Павла I, прелестное здание; в нем вдовствующая императрица с дочерью поместила лучшие произведения своего таланта и своего изящного вкуса. Они свидетельствуют об удивительном терпении этой матери и ее дочерей, верно хранящих семейные добродетели.

Я увлеклась новыми впечатлениями и не знаю, как я забыла о войне, от которой зависела судьба Европы. Я порывалась высказать всему миру тайные чувства моей души и была вполне уверена, что нечего бояться высказывать истины, которые, признанные всеми, могут получить силу. Но между тем неудачи следовали одна за другой, а общество не было о них осведомлено. Один остроумный человек сказал, что в Петербурге все скрывают, хотя ничто уже не было тайною, а на самом деле правду уже предчувствовали (но по привычке молчали). Русские сановники скрывают накануне то, что должно быть известно сегодня, и правду можно узнать лишь случайно. Один иностранец открыл мне, что Смоленск уже взят и Москва находится в величайшей опасности. Мною овладело уныние. Я опасалась, не произойдет ли повторение печальной истории мира Австрии и Пруссии после покорения их столиц. Я боялась, что третий раз с успехом повторится эта история. Я не замечала народного воодушевления; непостоянство характера у русских мешало мне наблюдать его. Уныние сковало все чувства, и я не знала, что у людей с сильной впечатлительностью после этого уныния последует тоже потрясающее возбуждение. До возбуждения у простого народа царило непонятое равнодушие; но когда народ пробудился, перестали существовать для него все преграды и опасности, и он, не страшась, пошел вперед на неровную борьбу с людьми

и стихиями. Я знала, что внутреннее управление, как военное, так и судебное, часто попадало в руки продажных людей и что вследствие растрат невозможно было составить понятия ни о числе войск, ни о мерах, принятых для его обеспечения продовольствием; ложь идет рука об руку с воровством в этой стране, где так мало образования; среднее сословие не сохранило простодушия крестьян и не приобрело великодушия бояр, никакого общественного мнения не создано еще в новом третьем сословии, лишившемся простосердечия народной веры. Во взаимных отношениях было тоже заметно, что у начальников армии замечалась зависть. Интересы правителя деспотического требуют всегда возбуждать соревнование между его подданными, и воля одного человека, властная изменить судьбу отдельной личности, постоянно возбуждаемые надежды и опасения естественно поддерживают постоянную зависть и соревнование, усугубляемые ненавистью к иностранцам. Генерал, командовавший русской армией, Барклай де Толли²⁷, хотя и рожденный в России, не был вполне славянского происхождения, и этого достаточно, чтобы мешать ему вести русских к победе; кроме того, он направлял свои блестящие дарования на лагерную жизнь, на позиции, на маневры, между тем как главным боевым приемом у русских считается атака (приступ). Заставлять отступать, даже по мудрому и разумному требованию, значит охлаждать в них пыл, в котором состоит вся их сила. Поэтому следствие похода было самое печальное, а замалчивание о неудачах имело еще более ужасные последствия. Англичане в своих газетах сообщают всегда наиболее точные сведения о всех раненых, пленных и убитых в сражении. В этом видна благородная искренность правительства, одинаково правдивого как в отношениях к народу, так и к государю и признающего за обоими право знать, в каком положении находятся общественные дела. С глубокой скорбью смотрела я на прекрасный город Петербург, которым скоро завладеет неприятель, и, когда вечером возвращалась с островов и видела золоченый шпиль на крепости, сверкавший в воздухе подобно огненному лучу, в то время как Нева отражала мраморные набережные и окружающие ее дворцы, я представляла себе все эти чудесные творения померкнувшими от высокомерия властелина, готового сказать, подобно сатане на вершине горы: «Царства земные принадлежат мне». Все прекрасное в Петербурге казалось мне близким к гря-

душему разрушению, и я не могла наслаждаться этой картиной без чувства скорби.

Я собралась посмотреть воспитательные учреждения, основанные императрицей, и там еще более, чем среди дворцов, росла моя тоска: достаточно было дуновению бонапартовской тирании коснуться учреждений, имеющих целью совершенствование народа, чтобы их чистота исчезла. Институт Святой Екатерины * состоит из двух домов, в каждом из них воспитывается по ста пятидесяти девиц дворянского и купеческого сословий; их воспитанием руководит сама императрица и доставляет им все, что может дать богатая семья своим детям. Порядок и изящество замечаются даже в мелочах жизни институтской, и в основу преподавания изящных искусств положены религия и нравственность. В русской женщине много природной грации, и я, войдя в залу, где воспитанницы нас приветствовали, видела, сколько учтивости и скромности выразила каждая из них в почтительном поклоне. Затем были вызваны девицы, из которых каждая отличалась каким-либо талантом, и одна из них, зная наизусть отрывки (из книг) лучших французских писателей, прочла мне несколько наиболее красноречивых страниц моего отца в его «Cours de morale religieuse». Вероятно, это нежное внимание исходило от самой императрицы. Я испытала сильное волнение, когда вдруг слышала слова, столь дорогие моему сердцу. В каждой стране за пределами империи Бонапарта грядущее потомство воздаст справедливость тем, которые даже в могиле чувствовали удары императорских наветов. Всякий раз перед обедом воспитанницы в институте Святой Екатерины пели псалмы хором. Это приятное и звучное пение возбудило во мне умиление и грусть. Как отразится война на этих просветительных учреждениях? Куда скроются эти голубки перед победителем? После обеда девушки собрались в великолепной зале, где начали танцевать. Их лица не выделялись красотой, но сами они были необыкновенно грациозны; это дочери Востока, которых христианство воспитало в скромности. Сначала они исполняли древний танец по мелодии: «Vive Henry quarte, vive se roi vaillant!» (Да здравствует Генрих IV, да здравствует сей храбрый король!). Сколько прошло лет с тех пор! Две маленькие девочки с круглыми личиками закончили балет русской пляской; этот танец порою прини-

* Это Смольный монастырь. (Прим. перев.)

мает слишком развязный вид, но, исполняемый детьми, становится невинной русской пляской. Не нахожу слов описать, как я была очарована талантами девушек, взлеянных нежной заботливостью императрицы.

Под покровительством государыни находятся институты глухонемых и слепых. Со своей стороны император уделял много забот Кадетскому корпусу, директором которого состоял генерал Клингер²⁸, человек большого ума. Все эти учреждения приносят большую пользу, но в чем их можно упрекнуть — это в излишней роскоши. Было бы целесообразнее учреждать подобные школы по всему государству, обставить их не такими удобствами, но позаботиться, чтобы они распространяли в народе просвещение. Все в России начинается с роскоши, и кровлю строят ранее основания. Есть только два большие города в России, Петербург и Москва, другие едва заслуживают этого названия; и, кроме того, они находятся друг от друга на большом расстоянии; даже дворцы вельмож столь удалены один от другого, что их владельцы могут сообщаться между собою с трудом. Жители разбросаны по всему пространству государства, и один человек едва ли может помочь своим знанием другому. Крестьяне считают посредством особого счетного прибора: его я видела у служащих на почте. Греческие попы гораздо менее образованны, чем католические священники, и еще менее, чем протестантские пасторы; поэтому духовенство в России совсем не способно действовать на народ, как это мы видим в других странах Европы. Связующим звеном нации служат вера и любовь к родине; но нет у них очага, лучи которого могли бы разливаться на все части государства; и обе столицы не в состоянии еще сообщать провинциям приобретенные ими знания по литературе и по искусствам. Если бы эта страна имела возможность пользоваться миром, она бы с успехом шла по пути преобразований, начертанных императором Александром. Но кто знает, не проявятся ли в этой войне добродетели, влиянием которых возродится народ. Русские до настоящего времени имели даровитых людей лишь на военном поприще; во всех других областях они оказывались лишь подражателями, и книгопечатание у них было введено сто двадцать лет назад. Другие европейские народы развивали свои природные дарования под влиянием приобретенных знаний; у русских не наступило время такого развития. Подобно тому, как две реки по

слиянии текут в одном русле, не смешивая своих вод, так и природные дарования у русских не проникаются образованием, и часто видим, как один и тот же человек представляется вам то европейцем, живущим в общественном укладе, то славянином, действующим под влиянием бурных порывов. Талант проявится у них в искусствах, а в особенности в литературе, когда они найдут средство воплотить в речи свою природу, как они ее проявляют в своих действиях.

Я видела представление русской трагедии, предметом которой было освобождение москвитян, когда они оттеснили татар к Казани. Смоленский князь выступал в боярском наряде, и татарское войско называлось Золотой Ордою. Эта трагедия почти вся была составлена по правилам французского драматического искусства; ритм стихов, декламация, постановка сцен — все было французское; только одно явление составлено было в русском духе: изображался потрясающий ужас молодой девушки перед проклятием своего отца. Авторитет родителей у русского народа почти так же силен, как в Китае, и поэтому силу народного гения всегда должно искать в простом народе. (...) Во всей русской истории одна личность меня особенно занимает — это Иван Грозный²⁹. Будучи уже в преклонных летах, он осаждал Новгород. Бояре, видя его дряхлым, просили его передать начальство над войском его сыну. Это предложение привело старика в страшную ярость, и ничто не могло успокоить его: сын бросился ему в ноги, но он оттолкнул его с такой силой, что несчастный умер на третий день. Отец в отчаянии сделался равнодушным как к войне, так и к своей власти и через несколько месяцев по смерти сына скончался сам. Это возмущение старика деспота против требования времени — нечто великое и торжественное. Перед вами первобытный человек, который живет лишь инстинктами: чувства эгоизма и дикой ярости сменяются нежными чувствами человеколюбия.

В России существовал закон, каравший одинаково за увечье руки, как и за убийство. Русский человек крепко своей военной силой; все другие виды деятельности, относящиеся к образованности, к деятельности на пользу общества и государства, слабо развиты в России. Но женщины, которых встречала я в Петербурге, казались мне воодушевленными горячею любовью к родине, в чем заключается главное нравственное могущество государства. Княгиня Долгорукая, баронесса Строганова и многие

другие из высшего общества лишились своих имений от разорений в Смоленской губернии, но они не падали духом, а поощряли других к подобным жертвам. Княгиня Долгорукая рассказывала мне об одном старике с длинной бородой, который, сидя на горе у города Смоленска, со слезами на глазах говорил своему сыну, которого держал на коленях: «В старину, сын мой, русские одерживали победы в далеких краях Европы, а теперь чужеземцы нападают на них в их родине». Эта скорбь старца не была напрасна, и мы скоро увидим, чем искупятся эти слезы.

Император покинул Петербург, и стало известно, что он поехал в Або³⁰, где должен был видеться с генералом Бернадотте³¹, шведским принцем. Тогда не было сомнения, чью сторону принял он в нынешней войне; от этого зависело благо России и всей Европы. Мы увидим дальше, какое влияние имело это на ход событий. Известие о вступлении французов в Смоленск прибыло во время переговоров шведского принца с русским императором. Здесь они обязались никогда не подписывать мира. «Если Петербург будет взят,— сказал Александр,— отступим в Сибирь. Там я восстанавливаю древние обычаи, и по примеру наших длиннородых предков мы вернемся снова завоевать царство». «Это решение освободит Европу!»— воскликнул шведский принц. Его предсказание начинает исполняться. Второй раз я видела императора Александра по его возвращении из Або, и беседа, в которой я имела честь участвовать, настолько убедила меня в твердости его решения, что, вопреки занятию Москвы и всей последовавшей тревоге, я уверена была, что он не сдастся никогда. Он изволил мне сказать, что по взятии Смоленска маршал Бертье³² писал русскому главнокомандующему относительно некоторых военных дел и в конце письма говорил о том дружеском чувстве, которое всегда питал Наполеон к императору Александру. Но это было насмешкой. Наполеон дал русскому императору урок политики и урок войны, допуская в первом наглый обман, а во втором надменное пренебрежение; но он ошибся в Александре; он принял благородство его характера за лесть; он не сумел заметить, что увлекался им Александр лишь потому, что считал его борцом за идеи Французской революции, которым сам горячо сочувствовал; но Александр никогда не имел намерения войти в союз с Наполеоном для порабощения

Европы. Наполеон в этом случае, как и во всех других, был уверен, что он сумеет ослепить человека посредством ложного толкования его собственной пользы, но он ошибся в своих расчетах: он встретился с совестью, нравственной силою, которой он не знал и с которой он никогда не считался. Русские очень уважали своего полководца Барклай де Толли; но после неудач в начале похода он должен был уступить начальство известному генералу, князю Кутузову³³. Тот прибыл в армию за шесть только дней до большого сражения, данного почти у ворот города (Москвы) при Бородине. Мне довелось видеть князя накануне его отъезда. Это был старец весьма любезный в обращении; в его лице было много жизни, хотя он лишился одного глаза и получил много ран в продолжение пятидесяти лет военной службы. Глядя на него, я боялась, что он не в силе будет бороться с людьми суровыми и молодыми, устремившимися на Россию со всех концов Европы. Но русские, изнеженные царедворцы в Петербурге, в войсках становятся татарами, и мы видели на Суворове, что ни возраст, ни почести не могут ослабить их телесную и нравственную энергию. Растроганная, покинула я знаменитого полководца. Не знаю, обняла ли я победителя или мученика, но я видела, что он понимал величие подвига, возложенного на него. Перед ним стояла задача восстановить добродетели, насажденные христианством, защитить человеческое достоинство и его независимость; ему предстояло выхватить все эти блага из когтей одного человека: ибо французы, немцы и итальянцы, следовавшие за ним, неповинны в преступлениях его полчищ. Перед отъездом Кутузов отправился помолиться в церковь Казанской Божией Матери, и весь народ, следовавший за ним, громко называл его спасителем России. Какие мгновения для простого смертного! Его годы не позволяли ему надеяться пережить труды похода; однако в жизни человека бывают минуты, когда он готов пожертвовать жизнью во имя духовных благ.

Уверенная в великодушии и благородстве шведского принца, я решила ехать в Стокгольм прежде, чем отплыть в Англию. К концу сентября я покинула Петербург, чтобы через Финляндию направиться в Швецию. Мои друзья, с которыми я сошлась по родству наших душ, пришли проститься со мною: то были Роберт Вильсон, везде ищущий случая состязаться, своим бодрым духом воодушевляющий друзей; господин Штейн, человек античного склада, который живет лишь одной надеж-

дой видеть свое отечество свободным; испанский посол; английский министр лорд Тирконелль; остроумный адмирал Бентинк; Алексий Ноель, единственный французский эмигрант, бежавший от императорской тирании, единственный вместе со мною представитель Франции; полковник Дернберг, неустршимый гессенец, которого ничто не может отклонить от его цели; также много русских, прославившихся потом своими подвигами. Мировая история не знает времени более тревожного, чем то, которое мы переживали; но это хорошо сознавал каждый; единственная я, как женщина, не была в опасности, но мне много уже пришлось пережить. Прощаясь с этими достойными рыцарями человечества, я не знала, кого из них опять увижу, и вот теперь уже не стало двух. Когда человеческие страсти в безумном круговороте поднимают одних против других, когда народы ожесточенно бросаются друг на друга, тогда с горечью сознаешь, с какими бедствиями связана человеческая судьба; но когда видишь, как человек, перед которым, подобно лапонскому идолу, из страха зажигают кадило, как он потоками разливает по всей земле ужасные бедствия и несчастья и делает всех честных людей своими жертвами, тогда испытываешь несказанный суеверный ужас.

В Финляндии картина сразу меняется; вы видите новую страну, вы имеете дело с новым племенем, неславянского происхождения. Говорят, что финны пришли прямо из Северной Азии и что их язык не имеет никакого сходства со шведским языком, средним между английским и немецким. По облику финны большей частью вида германского; у них светлые волосы, белый цвет лица, в котором мало жизни, какую видишь на лице у русских; их нравы гораздо мягче, и простой народ обладает сознательной честностью, почерпнутой из протестантского учения, и чистотой нравов. Вы видите, как по воскресеньям девушки возвращаются от проповеди верхом на конях, а молодые люди идут пешком за ними. У финляндских пасторов встречаешь гостеприимство и радушный прием; они считают своей обязанностью принимать путешественников, как членов семьи. В Финляндии почти нет замков, ни вельмож, и пастор считается первым в ряду с остальными жителями страны. Преобладающими и первыми жителями страны являются пастухи. В финской песне девушка обещает подарить своему возлюбленному жилище пастуха, если оно ей достанется при разделе. Это напоминает изречение молодого пастуха-француза: «Если

бы я был царем, то пас бы моих овец верхом на коне». Даже фантазия у них не простирается за пределы им известного. Природа Финляндии во многом отличается от природы России: вместо болот и равнин, окружающих Петербург, — скалы, горы и леса; но эти горы однообразны, а леса состоят только из ели и березы. Огромные глыбы гранита, разбросанные на полях и по краям больших дорог, придают вид мощи стране; но около этих земных гигантов мало жизни, и растительность постепенно исчезает по направлению к северу. Мы проезжали лесом, который наполовину уничтожен пожаром: северный ветер, усиливающий пламя, содействует опустошительным пожарам как в городах, так и в селах. Человек всеми средствами борется с природой в этом ледяном климате. Города в Финляндии встречаются редко, и те немногочисленны. Они не являются средоточиями общественной жизни, в них нет живой деятельности; это вы видите в северных городах как шведских, так и русских: на восемь зимних месяцев все живое погружается здесь в сон.

Император Александр завладел Финляндией по Тильзитскому договору в то время, когда расстроенные силы царствовавшего тогда Густава IV⁵⁴ не были в состоянии защищать страну. По своему нравственному облику государь этот внушал много уважения, но, как и сам убедился с первых лет, он не был в силах держать бразды правления. Шведы сражались в Финляндии с необыкновенною храбростью, но без воинственного державного вождя малочисленный народ не мог одолеть могущественного противника. Александр стал властителем Финляндии в силу завоевания и договора, но должно отдать ему справедливость в том, что он благоустроил эту новую провинцию и уважает свободу, которую она пользовалась прежде. Он предоставил финнам всевозможные льготы в податях и в воинской повинности и великодушно оказал помощь городам, пострадавшим от пожара; его милости восполнили до известной степени то, что потеряли финляндцы, лишившись свободы; не знаю, все ли свободные люди могут согласиться на такого рода обмен.

Господствующие в XIX веке мысли о естественных границах вели Россию к завоеванию Финляндии; она нужна была ей, как Норвегия Швеции, и достоверно известно, что везде, где не существовало естественных границ, там подымалась из-за них война.

Я села на корабль в Або, столице Финляндии. В этом городе есть университет и заметна духовная образован-

ность; но медведи и волки так близки зимою, что поневоле всякий думает лишь о защите своей жизни; на это тратится много времени, которое в других странах посвящено образованию. Эта борьба с окружающей природой закаляет характер человека и ограждает от вредных последствий праздности. А все-таки повсюду я грущу и тоскую о юге и ярких лучах южного солнца, с которыми сроднилась моя душа. Одни лишь ужасы и привидения вы видите в мифологических преданиях жителей севера, они перед вами и ночью, и днем; тусклые облака, которые будто зовут на землю мертвецов подышать холодным могильным воздухом, окружающим людей живых. В этих странах выступают резко две противоположности: там, где борьба за существование наполняет всю жизнь, там, где умственная работа легко становится мистической, внешний мир не вдохновляет человека, он живет одним внутренним миром.

С тех пор как император начал столь жестоко меня преследовать, я лишилась веры в судьбу; но зато больше верю в провидение и не ищу земного счастья. Всякий решительный шаг пугает меня, но я в изгнании, и обстоятельства заставляют поступать решительно. Я боялась моря, и меня утешали, говоря: сколько людей совершали это путешествие и все шло благополучно. Такие речи успокоительно действовали почти на всех путешественников; но воображение не поддается таким утешениям, и ему страшна морская пропасть, от которой отделяет тебя слабая снасть корабля. Г. Шлегель * заметил мое волнение перед отплытием в Стокгольм. Он показал мне близ Або тюрьму, где был заключен незадолго до своей смерти (в другой тюрьме, близ Гриисгольма) один из наиболее несчастных королей Швеции — Эрик IV³⁵. «Если бы вы были там,— сказал он мне, указывая на тюрьму,— как бы желали вы плыть по этому морю, которое вас теперь пугает». Это справедливое суждение скоро дало другое направление моим мыслям, и первые дни нашего плавания были мне даже приятны. Мы проходили вдоль островов. Хотя у самого берега больше опасности, чем в открытом море, зато не испытываешь того ужаса, который производит вид волн, поднимающихся чуть не до облаков. Я попросила показать мне землю на горизонте, открывавшемся нашему взору: бесконеч-

* Этот известный немецкий писатель находился при баронессе Сталь и сопровождал ее в ее переездах. <Прим. перев.>

ное возбуждает страх, тем не менее оно нравится. Мы проходили мимо острова Аланда ³⁶, где вели переговоры о мире послы Петра I и Карла XII, определяя границы захваченной ими холодной земли, которую не успела еще согреть кровь, пролитая их подданными. Мы надеялись прибыть в Стокгольм на следующий день; но противный ветер заставил нас бросить якорь близ одного острова, сплошь покрытого скалами со скудной растительностью. Мы поспешили на этот остров, чтобы почувствовать землю под ногами. <...>

ФРАНЦУЗЫ В РОССИИ

1812 год

по воспоминаниям
современников-иностранцев

В ГЕРМАНИИ

Наш поход казался нам блестящей и приятной военной прогулкой. Добродушное, терпеливое, флегматичное, культурное население, подчиненное военному режиму, всюду принимало нас ласково; и, несмотря на свое утомление слишком частыми визитами французской армии, оно не потеряло ни своего обычного гостеприимства, ни своего природного добродушия.

Подчиненные деятельно помогали своему начальству. Так поддерживается равновесие между высшими и низшими чинами нашей армии. Благородная дисциплинированность наших войск увеличивает почтение, внимательность и восхищение населения, среди которого мы останавливаемся на отдых.

На этом походе царит радость и веселье; итальянским войскам присуще в высшей мере самолюбие, рождающее чувство собственного достоинства, соревнование и храбрость. Не зная, куда их ведут, солдаты знают зато, что идут они в защиту справедливости; им даже неинтересно разузнавать, куда именно их отправляют.

Правда, у нас, как и во всех армиях, есть люди неразумные и необразованные, которые на все взирают невежественным и недоверчивым оком и делят мир на две половины: счастливую, где растет виноградная лоза, и совсем безрадостную, где нельзя получить вина. Слыша в начале каждой войны, что они должны нанести последний удар колеблющемуся могуществу Англии, солдаты в конце концов смешали с Англией все существующие державы. Они судят о расстоянии, которое их от нее от-

деляет, по числу переходов, которые уже несколько лет они совершают с одного конца Европы на другой, и все же никак не могут добраться до цели всех своих усилий — до этой пресловутой страны, которая беспрестанно от них ускользает. Одни своими безыскусственными и грубоватыми рассказами, своим философским и воинственным видом приучают других к стоицизму, учат презирать страдания, лишения, самую смерть: они не знают другого божества, кроме своего повелителя, другого разума, кроме силы, другой страсти, кроме стремления к славе.

Другие — этих больше всего, — не имея той грубости, которая не подходит к нахарю, сделавшемуся солдатом, столь же добродушны, но поразвитее и пускают в ход патриотизм, жажду славы. И все это уравнивает дисциплина, пассивное повиновение — первая солдатская добродетель.

Новобранцы загрубевают, пройдя ряд различных bivakov: постоянные марши дают им военный пыл и осанку.

Ветераны своими военными рассказами подстрекают новичков; частым преувеличением своих подвигов они ставят себя в необходимость подтвердить своим поведением те свои рассказы, которые наши доверчивых слушателей.

Соревнование наше еще больше возбуждается, когда мы узнаем о славных подвигах наших товарищей по оружию в Испании, и каждый из нас тревожно ожидает, когда же наступит момент и мы сравняемся с ними, а то и превзойдем их. Да и полки, которые мы встречаем по дороге, не менее электризуют нас рассказами о героических подвигах в последних походах. При таких разнообразных ощущениях, при постоянной перемене места, среды, при ежедневных новых предметах для разговора приятно совершить поход.

Но какова же цель нашей прогулки? Ничего об этом не знаю. Дипломаты окружают себя такой таинственностью, что, как в Баварии, так и здесь, на границах Силезии, мы не можем сказать, с кем придется сражаться. Солдаты живут весело, нисколько не думая о том, будут ли они воевать с Россией или Персией, — есть между нами и такие, которые считают целью экспедиции Персию или Ост-Индию.

ДОЖЬЕ

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ НЕМАН

Трудно вообразить величественную картину, которую представляло 60-тысячное войско, расположившееся у подошвы холма, на котором Наполеон приказал разбить свои палатки. С этой возвышенности он обозревал всю армию, Неман и мосты, приготовленные для нашей переправы. Мне удалось случайно полюбоваться этим зрелищем. Дивизия Фриана¹, которая должна была находиться в авангарде, сбилась с пути и достигла возвышенности в то время, когда вся армия была уже в сборе. Император, увидев, что мы наконец появились, подозвал Фриана и стал давать ему приказания. В это время дивизия остановилась в ожидании своего начальника перед императорской палаткой; я подошел к группе генералов, составлявших свиту Наполеона. Среди них царствовало зловещее молчание, чуть не уныние. Когда я позволил себе пошутить, генерал Огюст Коленкур^{2*}, с которым я был в дружественных отношениях, сделал мне знак и сказал тихонько: «Здесь не смеются. Это великий день». Он указал при этом на противоположный берег реки, как будто хотел присовокупить: «Вот наша могила».

Когда император прекратил разговор с генералом Фрианом, дивизия прошла мимо всех армейских корпусов, направляясь к мостам; вскоре она очутилась на противоположном берегу. Тогда солдаты испустили громкие крики радости, которые привели меня в ужас; они как будто хотели сказать: «Теперь мы на неприятельской земле! Наши офицеры не будут более наказывать нас, когда мы будем кормиться за счет жителей!» До тех пор, согласно строгому предписанию императора, начальству удавалось поддерживать строгую дисциплину. Прокламации напоминали войску, что, проходя по владениям короля прусского, мы находились на территории союзника и что к нему следовало относиться так, как будто мы находились на французской земле. Мы видели, к сожалению, что это приказание нередко было забыто или пренебрежено; но, по крайней мере, войско поступало в таких случаях вопреки приказанию начальства, которое удерживало солдат, говоря: «Когда мы будем на русской земле, вы будете брать все, что захотите...»

¹ Убитый при Бородине. (Прим. авт.)

Авангард обошел лес, росший у берега, но мы нашли в нем только кое-где следы людей; мы были уже в стране пустынной. Император, принц Невшательский³, король Неаполитанский⁴ и принц Экмюльский⁵ проехали по сосновому бору и были удивлены или, быть может, испуганы тем, что они не видели нигде ни жителей, ни русских солдат. Поляки, посланные на высокие, поросшие лесом холмы, чтобы обозреть местность, донесли, что издали виден арьергард неприятеля, двигавшийся по направлению к Вильне...⁶

В два часа мы вошли в Ковно...⁷ Уже в Ковно армейские полки убедились в том, что им придется все уступить гвардии, чем они были весьма недовольны. Мы нашли в городе много всяких съестных припасов, но вскоре было получено приказание поставить у городских ворот караул и не впускать ни солдат, ни офицеров, ни даже генералов, так как все должно быть предоставлено в распоряжение императорской гвардии, которая одна вступит в город; остальные корпуса, не исключая авангарда, должны были стать по другую сторону города. Таким образом мы стали биваком по дороге в Вильну в двух верстах от города, в сосновом лесу, на берегу Вилии, между тем как император остановился в Ковно, а гвардия грабила магазины и частные дома. Жители разбежались и разнесли ужас и уныние по окрестностям. Этот пример, конечно, не мог побудить население прочих городов встречать нас с удовольствием и доставлять нам все необходимое. Однако энтузиазм поляков и их желание вернуть самостоятельность были столь велики, что многие из них все же встречали нас как желанных гостей...

ДЕДЕМ

ВИЛЬНА

Мы вступили в Вильну 28-го числа <июня>. Польские помещики, державшие сторону России, выехали из города; польская партия приняла нас восторженно; но Наполеон не был доволен теми средствами, коими он располагал для дальнейших действий, поэтому он не мог обнадеживать поляков относительно их будущей независимости.

— Воспользуйтесь случаем,— сказал он польским депутатам,— постарайтесь вернуть свою независимость, пока я веду войну с Россией. Если вы усилитесь, то я вклю-

чу вас в условия мирного договора, но я не могу проливать за вас кровь французов; и если император Александр предложит мне заключить мир на возможных условиях, то я буду вынужден оставить вас.

Этот ответ, редкий по откровенности со стороны завоевателя, был переделан и смягчен министрами и приближенными императора, но поляки напрасно полагались на слова этих подчиненных лиц. Им следовало руководствоваться словами самого Наполеона; они также напрасно обвиняли его впоследствии по поводу его мнимых обещаний. Я слышал от одного из депутатов, что Наполеон даже сказал им:

— Я вижу, что у вас нет достаточно средств; советую вам не компрометировать себя по отношению к русскому императору: я с минуты на минуту могу заключить с ним мир.

В Вильковыцках Наполеон обнародовал прокламацию против русских и их монарха. В Вильне же мы познакомились с содержанием прокламации императора Александра, которая была написана не менее энергично; за нею было право и справедливость. Что же касается воззвания, с коим Литовский комитет обратился к полякам, то в нем, равно как и (в) высокопарном донесении Варшавского сейма, возвещалось восстановление Польского королевства.

Но все, кто знал близко Наполеона и его манеру выражаться, понимали, что в этих прокламациях гораздо менее было видно намерение императора восстановить королевство Польское, нежели чрезвычайное желание поляков, чтобы это совершилось, хотя все их надежды основывались только на двусмысленных обещаниях французских министров. Решив что-либо, Наполеон имел обыкновение выражать свое намерение вполне ясно. Обманчивые надежды, честолюбие и поверхностное знание человека, с которым им приходилось иметь дело, разногласия между словами министров и тайными планами монарха, в которых поляки не могли дать себе отчета, — вот что ввело в заблуждение этих восторженных людей, которым было простиительно горячо желать восстановления независимости их отечества...

ДЕДЕМ

14 июля в Вильне совершилось присоединение Литвы к федерации великого герцогства Варшавского⁸.

Уполномоченные составили акт о присоединении, утвердил его король Саксонский; император изъявил согласие. Весь обряд происходил в самом соборе. Я выпишу здесь отрывок из моего собственного письма, написанного на другой день и, как кажется, точно передающего те чувства, которыми все тогда были одушевлены.

«Мне было любопытно посмотреть, как примет известие о своем освобождении тот самый народ, который две недели тому назад разными празднествами приветствовал императора Александра. И вот к полудню я прибыл в Виленский собор, где должны были служить обедню. Там же собралась большая часть местной знати, мужчины с саблями на боку и женщины в белых платьях, с кокардами национальных цветов, лилового и красного. Немного погодя явились представители Варшавской федерации и члены Виленской юнты. Некоторые из них были в церемониальной одежде; большинство же предпочло старинный народный костюм: коротко остриженные или обритые головы, зашнурованный шафрянной кафтан, длинную саблю, висящую спереди, и особый пояс (отличительный знак шляхетства), тканый из золотой, украшенной драгоценными камнями материи. Их встретили два виленских епископа, греческий и латинский; местная гвардия поставила свои знаки в притвор, и служба началась...

Казалось, что в это мгновение были забыты как все вероисповедные распри, так и все политические разномыслия. По обе стороны разместились друг возле друга знатные поляки, тщеславные и гордые своей старинной одеждой и вызываемыми ею воспоминаниями. Легкомысленный и чуждый истинного благоговения, хотя и набожный, народ этот присутствовал с величайшим вниманием на службе, освящавшей его свободу. По окончании обедни один из уполномоченных от Варшавы поднялся с $\langle o \rangle$ своего места и, положив поклон перед алтарем, во всеуслышание прочитал приветственное послание от федерации, представителем которой он был, и акт, в котором предлагалось присоединение. Народ, всегда любящий новизну впечатлений, хотя и не понимал точно значения слова «свобода», но знал, по крайней мере, что дело шло о какой-то перемене. Женщинам предоставлялся случай говорить об отечестве, чести и преданности долгу; лиц, принадлежащих к знати, ласкала надежда на происки при выборах, честолюбивые мечты о вновь откры-

вающейся карьере и виды на большую независимость и на возвращение к старым феодальным правам. Вот почему все с каким-то исступлением разразились рукоплесканиями; после же речи Сераковского все ринулись к скамье представителей и наперерыв подписывали свои имена. Когда же после хвалебных и благодарственных молений те в порядке вышли из храма и понесли акт присоединения к герцогу Бассано⁹, можно было быть уверенным, что все, невзирая на различные сердечные помышления, одушевлявшие их, готовы были воскликнуть: «И у нас тоже есть отечество!»

МАРКИЗ ПАСТОРЕ

Пока главная квартира находилась в Вильне, император прибегал к различным мерам, чтобы обеспечить за собой завоевание. Его щедрые обещания возбуждали энтузиазм в армии, которая шла на величайшие жертвы. Дворяне также поддерживали всеми силами завоевателя в его стремлении обеспечить самостоятельность Польши и вернуть ее к тому блестящему состоянию, в котором она находилась при Владиславах и Сигизмундах¹⁰.

Вид польских знамен, водруженных на стенах древней столицы литовских великих князей, вызывал радость всех жителей и пробуждал славные воспоминания в сердцах всех, кому была дорога былая слава родины. Эти мысли о былом величии разгорались всего ярче при появлении на берегах Вилии тех воинов, которые посвятили время своего изгнания прославлению польского имени на берегах Нила, Тибра, Таго и Дуная. Повсюду их встречали кликами радости; народ толпой шел за ними; всем хотелось любоваться на них, всем хотелось запечатлеть в сердце образ этих храбрых соотечественников, и все были воодушевлены благородным желанием идти вместе с ними под одними знаменами.

Наполеон велел прежде всего выстроить нечто вроде укрепленного лагеря на правом берегу Вилии; на горе, где находился прежний дворец Ягеллонов¹¹, он велел построить цитадель, и мосты, сделанные на плотках, были поставлены на сваи. Среди этих военных работ он принял <Виленский> университет в полном составе и расспрашивал ректора о разных науках, преподававшихся в этом знаменитом университете. Затем он приступил к преобразованию гражданской администрации, расстроив-

шейся совершенно вследствие выезда должностных лиц и увоза книг и списков, принадлежавших городским архивам. По образцу Франции он разделил захваченные провинции на префектуры, назначил инспекторов, сборщиков, частных приставов и особенно интендантов ради ускорения взноса его многочисленных реквизиций.

Больше всего ему хотелось побудить литвинов к головному ополчению для образования новых отрядов. Он предлагал оружие всем крестьянам, желавшим восстать против своих господ, и старался вызвать гражданскую войну между дворянством и народом, как это было в начале нашей революции.

Эти проекты дали известный толчок в городе, где распорядился император, но в местечках и деревнях они не дали желательных для него результатов. Между тем Наполеон ежедневно обращался к литвинам с призывом к помощи; чтобы удивить их, он говорил с ними в одну и ту же аудиенцию о театре и религии, о войне и об искусстве, затем садился на лошадь и объезжал войска, а в кабинете, среди самых серьезных занятий, делал вид, что интересуется самыми пустыми вещами.

Комиссия, организованная для общего управления страной, состояла сначала из 5 членов, но Наполеон увеличивал это число по мере возрастания числа его приверженцев. В день своего основания эта комиссия обнародовала 3 прокламации: в 1-й, обращенной к народу, провозглашалось введение временного правительства и указывалось на то, как народ должен быть благодарен тому, кто его создал. Во 2-й духовенство призывалось к поддержанию усердия в нации и к испрашиванию в горячих молитвах милости Божьей. В 3-й, имевшей целью привлечь на свою сторону литвин, находившихся на русской службе, говорилось следующее:

«Поляки! Вы служите под русскими знаменами. Эта служба была вам дозволена, пока у вас не было отечества, но теперь все изменилось. Польша воскресла, и теперь надо сражаться ради ее полного восстановления, ради того, чтобы заставить русских признать права, которые были у вас отняты несправедливостью и силой. Генеральная конфедерация Польши и Литвы отзывает всех поляков с русской службы. Польские генералы, офицеры, солдаты! Повинуйтесь голосу отечества: покиньте знамена ваших притеснителей, спешите все к нам, чтобы стать под знаменем Ягеллонов, Казимиров, Собесских!»¹²

Об этом просит вас отечество, повелевают честь и религия».

Правительственный комитет, учрежденный в Вильне и, без сомнения, действовавший заодно с Наполеоном, только ради помощи народу, обездоленному ужасами войны, работал с неутомимым усердием над улучшением администрации. Виленский округ был уже образован, и захваченная территория разделена на 11 подпрефектур. Однако это устройство, по-видимому выгодное, не принесло никакой пользы: поля были опустошены, деревни безлюдны, все крестьяне бежали в леса и можно было встретить только нескольких жалких евреев в лохмотьях; они предпочитали из алчности подвергаться притеснениям наших солдат, лишь бы не покинуть своих смрадных жилищ.

Чтобы дать понятие о беспорядке, царившем среди этого мнимого благоустройства, я расскажу такой факт: подпрефект, ехавший из Вильны в Новые Троки, чтобы занять там свою должность, был остановлен отсталыми солдатами, которые его ограбили. К тому же его собственный конвой съел его провизию и увел его лошадей, и он явился пешком и в таком плачевном виде, что все принимали его за шпиона...

ЛАБОМ

ПОЛОЦК

1 августа перед нами очутился весь корпус русской армии под предводительством генерала Витгенштейна¹³. Битва началась в десять часов утра и продолжалась до пяти часов вечера. Русские храбро защищались, но должны были отступить, и притом с громадными потерями*. Мы все еще находились в 480 верстах от С.-Петербурга, и нам очень хотелось войти в эту императорскую резиденцию. К несчастью, очень трудные препятствия пресекали нам путь. Почти во всех местах, куда мы приходили, съестные припасы были вывезены или сожжены русскими, деревни были пусты, жителей не было: они убежали, унося с собой свою провизию, в большие окрестные леса. На нашем пути мы не встретили ничего, кроме жалких и безлюдных деревень, дома которых были скорее несчастными избами. Скот, обозы со съестными и боевыми припасами, предназначенными для

* Речь идет о сражении под Бояршиной. <Прим. авт.>

нас, были по большей части захвачены и уничтожены казаками, которые проскальзывали мимо наших флангов. К тому же длинные переходы, которые приходилось совершать, чтобы преследовать и настигнуть неприятеля, частый дождь и рыхлая почва полей, а временами страшная жара, быстро меняющаяся погода, недоброкачественная пища или же полное отсутствие ее, а также и других необходимых предметов — одним словом, голод и усталость истощали солдат и вызывали болезни. Уже армия понесла значительные потери. Госпитали, или, вернее, места, предназначенные для приема раненых и больных, были от нас слишком далеко, и обозы с этими несчастными чаще всего попадали в руки русских. Ввиду всех этих обстоятельств наша армия ослабевала с каждым днем, в то время как русские набирались сил, и хотя до сих пор мы их оттеснили со всех их позиций, все же наш главнокомандующий был принужден вместо того, чтобы продолжать идти на С.-Петербург, отступить к Полоцку. Об этом переходе ничего точного указать не могу, так как мы проходили лишь через самые незначительные деревни и останавливались отдыхать в пустынных степях или лесах.

8 августа мы пришли в Полоцк. Шестой корпус, в котором было тридцать восемь тысяч баварцев, предупредил нас несколькими днями и находился также около Полоцка. 9-го мы были уже перед Полоцком.

11-го мы атаковали там русских, которые собрались в большом количестве на хороших позициях и встретили нас сильным артиллерийским огнем.

Несколько раз возобновлялась атака. Битва продолжалась от семи часов утра до трех часов дня, но окончательного результата еще не было. Четвертый полк французских кирасир страдал ужасно. Наша дивизия не принимала большого участия в этой битве, так как ее держали в резерве. К вечеру наша армия отступила в Полоцк.

Русская армия под предводительством генерала графа Витгенштейна, сильно подкреплённая, двинулась вслед за нами и энергично атаковала нас. Это правильное сражение растянулось по фронту на шесть верст; оно было очень кровопролитно и продолжалось три дня сряду. Каждое утро атака возобновлялась и длилась под страшно жарким солнцем до ночи. 19 августа был день самый кровавый из всех трех.

Наконец русские принуждены были оставить поле битвы. Но они отступили всего на несколько верст. Было сочтено, что на поле битвы осталась тридцать одна тысяча человек. Потери русских были еще значительно наших. Сам маршал Удино¹⁴ был ранен в этой битве. Тогда генерал С(ен)-Сир¹⁵ взял на себя временно командование армией.

Дома и церкви в Полоцке были полны ранеными. К несчастью, за недостатком помощи и вследствие громадного количества раненых уход за ними не мог быть достаточно хорошим и большинство из них умерло там. В этой стычке баварцы потерпели громадные потери. Но наш полк пострадал немного.

20 августа я был назначен, чтобы следить на следующий день за погребением убитых на поле битвы. Эта грустная обязанность выпадала на мою долю несколько раз. Для этой тяжелой работы я нарядил сто русских пленных, которые с лопатами и заступами должны были работать под присмотром сотни наших вооруженных солдат. Невозможно описать того плачевного вида, который представляет из себя поле битвы с массой раненых, умирающих, мертвых, людей, находящихся в агонии. Многие несчастные солдаты, раздавленные артиллерией и кавалерией, взывали к смерти, чтобы покончить со своими мучениями. Мы велели перенести в Полоцк всех тех несчастных, которых еще можно было спасти, не различая врагов от своих.

22 августа наш полк расположился гарнизоном в Полоцке. После долгого скитания по полям мы радовались, что наконец устроились в домах. Однако и в них мы нашли только мертвых солдат. Жители разбежались. И прежде чем занять жилища, мы должны были похоронить мертвых, которые в них находились. Все остальные полки 2-го и 6-го корпусов остались в деревнях, расположившись на пространстве в 2—4 версты от Полоцка. Генеральный штаб был, как и мы, в городе; он занял бывший монастырь иезуитов, где еще жил старый монах, с которым я познакомился и который впоследствии оказал мне большие услуги.

Число больных в армии все время увеличивалось. Солдаты получали пищу очень неправильно: мясо без хлеба и соли. Часто в Полоцке невозможно было дышать, потому что воздух был отравлен (мы были там летом во время страшной жары) злокачественными испарениями

от трупов, которые лежали вокруг города, еле погребенные и наполовину разложившиеся. Хотя в этой стране зима бывает холодной и очень долгой, однако жара в июне, июле и августе по крайней мере такая же сильная, как и у нас.

Чтобы предупредить недостаток пищи, жилища и ухода, многих больных и раненых отправили из Полоцка в Вильну. Во время этого путешествия, почти в сто верст, большинство этих несчастных умерло от голода и нищеты.

ГАСПАР ШУМАХЕР

ВИТЕБСК

В течение двенадцати дней, которые я стоял лагерем в двух верстах от Витебска, мне пришлось, чтобы не умереть с голоду, посылать партии людей за провиантом для моих батальонов и для главного штаба. Эти партии отправлялись за 20—25 верст, переправлялись даже за реку и возвращались обыкновенно с хорошей добычей, но некоторые из них попадались в руки казакам. Известно, что мародерство действует на армии развращающим образом, уничтожает дисциплину, способствует дезертирству и вызывает со стороны солдат жестокие поступки, коими они потом хвастаются; слушая их, я содрогался. Война ожесточает человеческое сердце. Новобранцы были кротки и человеколюбивы, многие же из старых солдат утратили всякое нравственное чувство.

Немецкие корпуса соблюдали обыкновенно порядок и дисциплину даже при отступлении. Голландцы менее всего переносили лишения, форсированные переходы, холода. Их нравственный дух был вскоре поколеблен. Ими были довольны в отношении храбрости и обучения офицеров; но молодые люди в особенности страдали сплинном, падали духом при мысли о том, что их ведут далеко от родины, тосковали по своим методическим привычкам, и большинство из них не отличалось той веселостью, любовью к завоеваниям и господству, какими отличались французы, что, поддерживая в них бодрость духа, давало им возможность легче переносить лишения и суртолку, среди которой нам приходилось жить. Маршал Даву¹⁶ пользовался еще по-прежнему влиянием; дела шли еще, на взгляд, достаточно хорошо для того, чтобы император не имел повода упрекать его за то, что он со-

ветовал ему начать поход в то время, когда Испания причиняла еще Франции довольно большие затруднения. Наполеон надеялся, что в Витебске к нему явится русская депутация для переговоров, но он ошибся в своих расчетах.

Пронесся слух, что император Александр убит! Эта новость не произвела неприятного впечатления на генеральный штаб. Напротив, там надеялись теперь половить рыбку в мутной воде. Благодаря горячему характеру великого князя Константина¹⁷ можно было ожидать революции и перемены системы войны, которая была нам прямо необходима. Чтобы выйти как-нибудь из нашего сомнительного положения, мы все желали хотя бы раз сразиться с русскими! Император собрал совет, чтобы решить: идти ли на Москву и Петербург, или же остановиться, чтобы устраивать Польшу, устроить продовольственные магазины и двинуться дальше не ранее, как освободившись от русской армии, возвращающейся с границ Турции. Попробовали вступить в переговоры с казаками, которым пообещали создать собственное независимое государство*.

Ответ от них получился неопределенный и уклончивый. Казаки совсем не верили в наш успех. Они хотели видеть более ясные результаты, прежде чем компрометировать себя перед Россией, и они дали нам понять, что не видят никакой выгоды в том, чтобы, избавляясь от русского владычества, подпасть под иго Наполеона, который предлагал им перемену деспотизма, давая лишь слабую надежду на будущую свободу...

В окрестностях Витебска население проявило революционные чувства. Помещики со всех сторон стали обращаться к витебскому губернатору, генералу Шарпантье¹⁸, с просьбою прислать охрану для их защиты от крестьян, которые грабили помещичьи дома и дурно обходились с самими помещиками (я сам видел, как многие семейства переехали в Витебск, заботясь о своей безопасности). Я полагаю, что император мог бы возбудить восстание в русских губерниях, если бы он хотел дать волю народу, так как народ этого ожидал, но На-

* Наполеону приписывали намерение вызвать восстание народа против дворянства и даже говорили, будто он принял к этому меры. Но подобный образ действий шел слишком вразрез с его личными интересами и с его деспотической системой правления, чтобы можно было этому поверить. *(Прим. авт.)*

полеон был уже в то время не генерал Бонапарт, командовавший республиканскими войсками. Для него было слишком важно упрочить монархизм во Франции, и ему трудно было проповедовать революцию в России...

ДЕДЕМ

В Витебске Наполеон действительно поручил двоим из близких себе людей выведать настроение в народе. Надо было привлечь их свободой и более или менее общим восстанием втянуть их в наше дело. Но действовать пришлось только среди отдельных, почти диких крестьян, оставленных русскими среди нас, может быть, в качестве шпионов. Эта попытка послужила только к разоблачению его проекта и заставила русских насторожиться против него.

Кроме того, это средство претило Наполеону, природа которого влекла его больше к интересам королей, чем к народным. Он пользовался им небрежно. Позднее, в Москве, он получил несколько прошений от разных отцов семейств. В них были жалобы на то, что помещики обращаются с ними, как со скотом, который, сколько угодно, продают и меняют. В них просили, чтобы Наполеон отменил крепостное право. Они предлагали себя в вожди отдельных восстаний, обещая обратить их во всеобщее.

Эти предложения были отвергнуты. Ведь у варварского народа и свобода варварская, необузданная, ужасная распущенность! Это показали раньше бывшие отдельные возмущения. Русское дворянство погибло бы, как колонисты в Сан-Доминго¹⁹ во время восстания негров. Такое опасение взяло верх в мыслях Наполеона; это выразилось в том, что он решил не стараться поднимать движение, которое он не смог бы направить.

Впрочем, господа сами не доверяли своим крепостным. Среди всех опасностей они более всего боялись восстания крепостных. Прежде всего они старались влиять на настроение своих несчастных крепостных, которые отупели от всевозможных тягостей. Священники, которым крестьяне привыкли верить, обманывали их своими лживыми речами; крестьян уверили, что мы легионы дьявола под начальством Антихриста, духи ада, вид которых вызывает ужас, что наше прикосновение оскверняет. Пленные французы заметили, что несчастные не реша-

лись пользоваться посудой, которая служила им, и что они ее сохраняли для самых нечистых животных.

Между тем мы приближались, и перед нами должны были рассеяться все эти грубые выдумки. Но вот помещики со своими крепостными спасаются в глубь страны, как при наступлении сильной заразы. Богатства, жилища — все, что могло бы их удержать или послужить нам, — все это приносится в жертву. Они выдвигают между собой и нами преграду — голод, пожары и опустошение, и это направлено не только против Наполеона, но и против крепостных. Приходилось уже вести не войну с королями, но войну с классами, войну с партиями, войну религиозную и национальную — все войны разом.

Император увидел тогда всю необъятность своего предприятия. Пока на его пути были только короли, для него, более великого, чем они, победа над ними была безделицей; но короли побеждены, он перед народами; и здесь, на другом конце Европы, он опять наталкивается на ту же Испанию, но далекую, бедную, бесконечную. Он удивлен, он колеблется и останавливается.

Каково бы ни было его решение, но в Витебске ему нужен был Смоленск, и он отложил свое решение до Смоленска. Потом та же нерешительность охватила его; она становится сильнее под влиянием этих пожаров, эпидемии и тех жертв, которые окружают его; лихорадочное беспокойство охватывает его, его взоры обращаются к Киеву, Петербургу и Москве.

В Киеве он окружил бы Чичагова²⁰ с его армией; он вывел бы из затруднения правый фланг и тыл великой армии: он прикрыл бы польские провинции, наиболее богатые людьми, провиантом и лошадьми, а в то же время Могилев, Смоленск, Витебск, Полоцк, Динабург* и Рига, с размещенными в них войсками, защищали бы остальное. Зимой за этой линией он бы поднял и организовал всю старую Польшу, чтобы весной двинуть ее на Россию, противопоставить народ народу и сделать войну равной.

Между тем в Смоленске он находится как раз в узле Петербургской и Московской дорог, в двадцати девяти переходах от одной из этих двух столиц и в пятнадцати от другой. В Петербурге — центр управления, узел, где связаны все административные нити, голова России: там сухопутные и морские арсеналы, наконец, там он завладеет

* Сейчас г. Даугавпилс. (Прим. сост.)

единственным пунктом сообщения между Россией и Англией. Полоцкая победа, о которой он только что узнал, кажется, толкает его туда. Направившись вместе с Сен-Сиром на Петербург, он окружит Витгенштейна и заставит Ригу пасть перед Макдональдом²¹.

С другой стороны, в Москве он нанесет удар имуществу и исконной чести дворянства и нации: дорога к этой столице короче, на ней находится главная русская армия, которой он не может пренебрегать, которую надо уничтожить; здесь же, следовательно, и возможность сражения, и надежда поколебать нацию ударом в сердце в этой национальной войне.

Единственным возможным из этих трех проектов кажется ему последний, несмотря на позднее время года. Однако ж история Карла XII была у него в руках, не вольтеровская²², которую он нетерпеливо отбросил, считая ее романтической и неточной, а журнал Адлерфельда²³, который он читал, но который не остановил его. Сравнивая эти два похода, он находил тысячи различий, которые подчеркивал; ибо кто может быть судьей в своем деле? И к чему может сослужить пример прошлого в мире, где нет никогда двух сходных людей, двух вещей, ни двух совершенно сходных положений? Во всяком случае, в это время имя Карла XII часто было у него на устах.

СЕГЮР²⁴

В то время как армия отдыхала и снова выступала в поход, император занимался введением нового управления как в Витебской, так и в Могилевской губерниях.

Ему хотелось придать некоторый блеск возрождению Польши, и для того употребил он средство, почти всегда достигающее цели: обаяние громких имен. К действию в устройстве нового управления были вызваны один из князей Сапегов, князь Огинский, граф Пржеческий, граф Тизенгаузен, граф Косаковский. С тем же расчетом произведены были выборы и в Витебске. К участию в губернской комиссии были призваны князь Павел Сапега, князь Радзивилл, граф Борх, литовец, из семьи, выдающейся своим состоянием; Шадурский и Вейсенгоф, род которых почитался в северных областях; наконец, некто Серит, простой дворянин, но из уважаемой семьи, многочисленные члены которой пользовались большим доверием местного населения. Меня назначили интендантом...

Было тогда два значительных препятствия, которые должны были помешать всем начинаемым предприятиям. Во-первых, в стране царил самый крайний беспорядок, распространяемый восстанием крестьян, убежденных тайными агентами революции, что свобода, о которой шла речь, состоит именно в безудержном произволе. Во-вторых, денежных средств не было вовсе, а без них обойтись было чрезвычайно трудно. Власть государя в силах была уничтожить первое препятствие, и оно было уничтожено. А что было предпринято против второго, я сейчас скажу.

Дворяне Витебской губернии по собственному побуждению обратились к императору, надеясь, что ему удастся подавить эти беспорядки, наконец раздражавшие их, так как они посягали уже на их права. Император принял их просьбу и приказал мне обнародовать вместе с комиссией и от ее имени прокламацию, которую он лично поправил и в которой несколько строк продиктовано им самим. Губернатору было поручено послать по деревням летучие отряды, которые должны были выполнить двоякое назначение: подавить крестьянское восстание и перехватить мародеров. Благодаря ужасу, повсюду внушаемому этими войсками, и благодаря суровости некоторых дворян, может быть получивших на то приказ, скоро было подавлено это мимолетное восстание, которым наши враги не сумели воспользоваться, после того как возбудили его.

Менее удачною была попытка улучшить финансовое положение страны.

Русским правительством для порядка денежного обращения была принята особая система, которая будто бы оправдывалась целым рядом примеров. На помощь к ходячей монете была призвана монета идеальная. Недостаток денежных знаков был пополнен выпуском кредитных билетов С.-Петербургского банка стоимостью в 5, 10, 20, 50 и 100 рублей; а по соображениям, может быть, менее справедливым и менее благовидным правительство употребило всю свою власть, чтобы распространить эти билеты в присоединенных провинциях и обменивать их на естественные ценности. Это было бы еще злом терпимым, если бы количество выпущенных билетов не превысило стоимости находящейся в обращении звонкой монеты. Но русское правительство без всяких ограничений воспользовалось тем правом, которое многие правительства воображают себе присутим: оно насилвало доверие народа, принуждая его

принимать в уплату обменные денежные знаки, стоимость которых ничем не была обеспечена. Почти немедленно пришлось ему стать жертвой этой добровольной ошибки и видеть, как его билеты пали сначала на 50%, потом на 65, на 75 и, наконец, когда появление французов удвоило все страхи, — на 78 и даже на 82%. Новое управление Белоруссией не было в силах вернуть этим бумагам какую бы то ни было законную цену, потому что назначение им определенной стоимости повело бы к их полному обесцениванию.

Между тем надо было предвидеть, что император в своих расчетах со страной будет платить этими банковыми билетами по их номинальной цене, а население согласится их принимать по действительной стоимости. Действительно, в конце концов добились, что император стал их принимать по обычному курсу дня и так, как это делалось в Литве, т. е. с узаконенной потерей 75%, платя по рублю металлическому за четыре рубля кредитных. Но этого еще не было довольно: в торговых сделках их не хотели принимать по такому расчету. Кроме того, целью всех надежд было тогда возрождение королевства Польского, и ввиду этого приходилось помышлять о прискании средств, которые могли бы вернуть стране ее старинное богатство. Я со своей стороны предлагал финансовую систему, подобную предприятию Лоу, с некоторыми видоизменениями, вызываемыми требованиями времени и места; я просил разрешения испытать ее постепенно, применяя ее действия к соляной торговле, достигшей в Витебске громадных размеров. Но замысел мой был непрочен в самом его основании. Император не одобрил его; он приказал мне идти обычным путем и постараться довести курс до признанной высоты 75%. Приказание это было выполнено довольно счастливо, несмотря на представлявшиеся трудности, как только положение дел несколько окрепло, бумаги поднялись до 73 и 72%.

Намерением императора в то время было провести зиму в Витебске, дать там отдых войскам, образовать запасные склады припасов, сосредоточить операционную линию на Двине и заняться из Витебска или из Вильны преобразованием и устройством королевства Польского. Дней десять все появлявшиеся приказы исходили из этих соображений, и мы уже могли думать, что этот тридцатидневный поход привел к великим действительным последствиям. Но мы увлекались нашим злым роком. Самохвальство короля

Неаполитанского одержало верх над волей императора и над советами истинной мудрости. Витебск был оставлен, армия снова выступила в поход и двинулась на Смоленск. Император выехал из Витебска 12 августа и направился по назначенной дороге. Главная квартира последовала за ним на другой день.

МАРКИЗ ПАСТОРЕ

ОТ ВИТЕБСКА ДО СМОЛЕНСКА

Около 6 часов (Сураж, 29 июля) император выходит из палатки. Королевская гвардия приветствует его обычными восклицаниями. Наполеон без шляпы, со шпагой на боку. Он садится на складной стул, который ему принесли, и обращается с расспросами к двум велитам*, стоящим на часах при входе в палатку. Черты лица его выразительны, носят отпечаток силы и здоровья. Обращаясь к офицеру тех же велитов, тому, который всех ближе к нему, он спрашивает, какова действительная численность его полка; сколько людей потеряли при переходе; много ли больных. Офицер отвечает ему:

— Ваше величество, у нас есть роты, которые от самой Италии не потеряли до сих пор ни одного человека.

Не выказывая изумления, император говорит в ответ:

— Как! Они так же сильны, как были, уходя из Милана?

— Да, ваше величество.

Потом, после небольшой паузы:

— Ваш полк еще не мерился силой с русскими?

— Нет, государь, но он страшно желает этого.

— Я это знаю. — прервал император. — Он покрыл себя славой в Испании, Далмации, Германии — всюду, где только ни был... А, вот они, старые аустерлицкие усы! (Этот шуточный намек относился к гренадерам гвардии.) Итальянцы храбры... У них такие славные летописи!.. У вас в жилах течет кровь римлян... Вы не должны никогда этого забывать.

Слова императора всегда оставляли глубокое впечатление.

* Велиты — в Древнем Риме — легковооруженные пехотинцы. Здесь: личная охрана императора. (Прим. сост.)

Дисциплина, чистота, порядок, учение, распределение времени, правила службы, установленные в Милане,— все это применяется и в Сураже. Но самый отдых вызывает массу заболеваний, которые до тех <пор>, ввиду напряженной деятельности и напряжения сил, перемогались. Еще королевская гвардия вместе с одной дивизией счастливо устроились и отдохнули от пережитых бедствий, но далеко не для всех выпало такое счастье. Многие отряды и теперь испытывают слишком тяжелые лишения; настоящего отдыха, в котором они так нуждаются, для них нет...

Верные своей системе, русские и здесь (повсюду, где успели) сожгли свои магазины, рассыпали зерно и уничтожили все, чего не могли захватить.

Отдельным отрядам приходится для поддержки своего существования прибегать к собственным средствам: они делают набеги, которые в результате только подрывают основы дисциплины, разоряют население и озлобляют его против нас.

Армия уже уменьшилась на треть со времени перехода через Неман. Многие солдаты, под влиянием голода, отделялись от армии, отыскивая пищу, и были убиты на флангах; другие заперлись в покинутых господских домах, где нашли достаточно припасов, чтобы жить в довольстве, выбрали себе начальника и охраняют себя по-военному, не помышляя об армии, к которой принадлежат. Считайте еще больных, отсталых, умерших и раненых, и вы представите уменьшение наличного состава армии.

Мне тяжело постоянно говорить на эту тему. Уменьшение армии следует, конечно, приписать недостатку провианта, происходящему от запаздывания в подвозе, истреблению русскими всяких источников продовольствия и препятствиям, которые самый характер почвы и жаркое время года создают нам на каждом шагу; но все же, может быть, предусмотрительность начальства могла бы предупредить такое сильное и быстрое развитие зла.

Высшее начальство, насколько это возможно, все еще запрещает мародерство и отдельные набеги солдат в поисках пропитания. Но иногда, в силу необходимости, приходится прибегать к таким средствам. Тогда действуют методически и с возможным соблюдением требований гуманности. Делом тогда заведуют особо выбранные офицеры из наиболее развитых...

Довольно часто бывало, что расположимся на биваке, раздобудем топлива, изготовим скудную порцию мяса, ра-

зобьем палатки — и вдруг неожиданный приказ: идти дальше. Тогда при новой остановке приходится начинать все сначала! Это, может быть, единственные случаи, при которых теряются и забрасываются припасы. Ничего не известно, далеко еще идти или нет; может быть, даже предстоит сражение. И вот солдаты, усталые, раздосадованные, приведенные в уныние этими приказами и контрприказами, опрокидывают котелок с готовым уже супом и, придя на новый этап, подавленные усталостью, бросаются на землю и засыпают, ни о чем больше не думая.

Мы часто теряем людей, остающихся на полях, с которых мы уходим. Сколько раз из-за стремительности наших выступлений отставшие солдаты не знали, где найти свой отряд. Они бродят тогда на авось по здешним обширным равнинам, по громадным лесам, прорезанным столькими дорогами; охваченные усталостью, побежденные ею или сном, они становятся жертвою озлобленных крестьян или добычей казаков, кружащихся около наших флангов.

А между тем эти усиленные переходы мы делаем, чтобы спастись от голода, скорее кончить войну и добраться до неприятеля. И тем не менее в конце концов войско теряет пыл первых дней. Оно истощает свои силы и с каждым днем уменьшается. Войско ослабело, поэтому поневоле сокращается и число отрядов, отправляемых на поиски провианта. А питаться людям надо, и в результате, во имя гуманности, из сострадания, по тяжелой необходимости, мы должны терпеть досадное мародерство, которого хотели бы не допускать.

Поддаются мародерству и самые твердые люди: иногда они возвращаются, иногда нет. Возвратившись, приносят с собой очень немного. Биваки, недоедание, форсированные марши все более разрезают наши ряды.

ЛОЖЬЕ

10 августа. Погода прояснилась, и жар начал понемногу спадать. На параде, перед тем как нам уходить, император обратился к группе офицеров и начальников наших с такими словами:

— Господа, служба у вас идет плохо; у вас слишком много отсталых. Офицеры останавливаются на походе и проводят время у помещиков. Биваки их утомляют, тогда как храбрость не берет в расчет дурную погоду. И в грязи

сохраняется честь. Солдаты нарушают дисциплину; под предлогом искания припасов не возвращаются к своим корпусам и бродят в беспорядке. В окрестностях возникают жалобы на их насилия. Надобно прекратить этот беспорядок, господа, и строго наказывать тех, которые осмелятся уйти не спросясь. В случае встречи с неприятелем полки наши недосчитались бы своих людей; наличный состав войска такой, каким он мог бы оказаться после сражения, тогда как мы еще не видели неприятеля. Если корпуса маршалов Удино и Макдональда одержали победу, то потому, что полки их были в полном составе, когда они пришли на берега Двины и Дрисы, особенно храбрый 84-й пехотный полк, который так отличился и понес наибольшую потерю ранеными*.

Потом император потребовал барона Ларрея²⁵, но как тот был в отсутствии, то на место его явился доктор Паулет, начальник походного госпиталя. Император спросил его:

— На сколько раненых заготовлены у вас перевязки?

— На десять тысяч,— отвечал доктор.

— Скажите мне,— продолжал Наполеон,— сколько примерно необходимо дней для излечения раненого?

— Тридцать дней,— отвечал доктор.

— В таком случае,— возразил Наполеон,— не из чего подавать помощь 400 человекам. Нам понадобится гораздо более.

Тут глухой ропот прошел в нашей толпе, а кто-то заметил: «Сколько ж, по его мнению, должно быть убитых?» Наполеон, по-видимому, расслышал эти слова, но, не обратив на них внимания, продолжал разговор с доктором и спросил:

— Где находятся госпитальные припасы и аптека?

— Они остались в Вильне за недостатком средств к перевозке.

— Следовательно,— вскричал Наполеон,— армия лишена медикаментов, и если б мне понадобилось принять лекарство, то я не мог бы его получить?

— В распоряжении Вашего Величества собственная аптека,— возразил доктор.

Эти слова рассердили императора.

* Я привожу буквально слова Наполеона. Меня удивила ссылка на полк, в котором я служил. Император дал ему девиз: «1 против 10». Мне кажется, что речь эта никогда не была записана историею. (Прим. авт.)

— Я первый солдат в армии, — сказал он, возвысив голос, — и я имею право на лечение в войске в случае нездоровья.

Потом он спросил:

— Где находится главный аптекарь?

Ему отвечали:

— В Вильне.

— Как? — возразил император. — Один из старших из медицинских чинов не находится при армии? Я приказываю отправить его обратно в Париж. Пусть он отпускает там лекарства девкам <с> улицы Сент-Оноре. Назначить на его место другого, и чтобы вся госпитальная часть немедленно примкнула к армии.

Возвратясь на свои квартиры, мы принялись толковать обо всем, сказанном императором. «Император, — сказал один из нас, — жалуется на войско, но войско имеет более причин жаловаться на него; он требует многого, тогда как недостаток у нас во всем. Разве он не видит, что здешний край не Австрия и не Италия! Местность дикая, дороги непроходимые; каждый день нам приходится бороться со всевозможными затруднениями, испытывать усталость, превосходящую силы человеческие; оставаться каждый день голодными, не получать даже водки, которая точно так же полезна для французского солдата, как для всякого другого. На походе у нас нет палаток и никакой защиты ночью от холодных дождей. Придет солдат усталый и голодный в местность, где нет припасов, — как ему запретить идти на поиски пищи? Не заставляйте делать усиленные переходы; подвигайтесь медленно, как следует поступать в дальних походах, когда идешь в неизвестные страны, где ничего не заготовлено для войска; оказывайте войску отеческое попечение, снабжая его исправно каждый день надлежащими припасами, а на ночь палатками, — словом, меньше опасайтесь издержек, а больше гибели солдат, тогда никто не подумает бросить свое знамя, как это и было в странах, где войско постоянно находило все необходимое. Что касается до обвинения Наполеона, что офицеры заходят в помещичьи усадьбы, то надобно благодарить помещиков за их гостеприимство, спасавшее от голода не только отдельных офицеров, но даже целые роты. Странно забывать, что люди не могут существовать без пищи, ни проводить ночи, подобно зверям, без крыши. Наконец, что касается отставшего госпитального обоза, то виноват ли был наш главный аптекарь, ученейший париж-

ский химик Сюрю, что для него не хватило лошадей? Отставлять его было несправедливо. Но вот то-то и есть, что прежние примеры довольства и избытка в цивилизованных странах избаловали войско так, что уже трудно ему привыкать к лишениям, испытываемым в крае, чуждом цивилизации. Человек, так сказать, — раб привычки. Она-то и заставила Наполеона не обратить внимания на разность климата. Здесь надо было подвигаться медленно, чтобы усиленными переходами не причинить столько же потери, сколько может причинить неудачное сражение. Наконец, постоянное отступление русских должно же надоумить нас, что этим нам готовят очевидную гибель, заманивая нас все глубже в страну — страну, где на тысячу человек едва один пользуется достатком. Итак, невзирая на гений свой, Наполеон обманут незнанием того края, куда он перенес войну. Многие его генералы не больше его сведущи. Только поляки могли бы с успехом действовать на русское население, и если б император поручил князю Понятовскому²⁶ окончить этот поход, то несдобровать бы русским. Но Наполеон не доверяет полякам; он помнит только их революцию 1794 г., когда польские магнаты продавали русским свою родину, а между тем времена уже не те. Он так ошибается в поляках, что говорит: «Если б я восстановил Польшу, поляки продали бы меня русским; храбрость их не более как вспышка соломы». Вот к чему ведет ложное мнение великого человека. Судя о польской нации по старинным ее заблуждениям, Наполеон забывает, что ошибки польских сеймов прошлых столетий послужили нации уроком для будущих времен; новое поколение, поняв это, не возобновит старого; так точно, как невозможны ужасные религиозные войны, возбужденные суеверием и иезуитством».

Де ла ФЛИЗ

Причиной нашего спешного ухода из Витебска, по видимому, было то обстоятельство, что лагерное место производило впечатление только что брошенного русскими. Мы умчались очень далеко и все-таки не нагнали их в этот день...

От Рудни дорога шла на восток. Вскоре мы увидели в отдалении поместье, сразу привлечшее наше внимание. Прекрасное высокое каменное главное его здание в три этажа ласково манило нас: оно расположено было словно

в весенней роще, на склоне отлого поднимавшейся горы; за ним тянулись прекрасные темные еловые леса, а вокруг виднелись почти созревшие хлеба и сочные луга.

Мы очень приятно провели там несколько дней; прекрасные поля давали нашим коням много корма, более спелого, чем до сих пор; не было недостатка в хлебе и мясе, ибо можно было ежедневно печь хлеб и резать скот. Погода стояла хорошая и теплая; солдаты увеселялись на качелях, построенных у дороги. Одно было неприятно: приходилось довольствоваться скверной водой, что плохо отзывалось на людях и увеличивало поносы...

К нам прибыл полковой аудитор Крафт, который за Неманом должен был взять на себя распоряжение по доставке нам провианта и фуража. Он привез с собой захваченную добычу, деньги и вести о том, что делается в тылу армии; утешительного оказалось мало. Он рассказывал о великой нужде и о все возраставшем бедственном положении людей, о пожарах, грабежах, разбое, о развалинах, опустошенных дорогах, полях и лесах, об огромном количестве трупов солдат, погибших от жары, голода и жажды, об отощавшем скоте и о болезнях, царивших во всех лагерях; и рассказы его были потрясающие. наших земляков он встретил в лагере под Лесной; грустно было видеть, прибавил он, как офицеры и солдаты лежали по лагерю больные, понос захватил их настолько сильно, что нельзя было производить учения, — больше того, едва возможно было отправлять обычную службу. Все дома наполнены были больными, многие умирали, а в самом лагере замечалось такое непрерывное бегание из фронта, как будто всем полкам сразу дали слабительного.

Этот аудитор с большим трудом и медленностью доставил в Вильну транспорт съестных припасов, фуража и скота. Он убедился в невозможности двигаться со всем этим дальше и думал, что ему никогда не нагнать нас, если бы даже истомленный выучный скот выдержал дорогу. А потому он продал там евреям все, что припас для нас, за исключением убойного скота; зато привез много денег, которые и передал полковнику. Сам он, по его словам, ничего не удержал себе; однако этому, странно сказать, не хотели верить. Но как все земное тленно, так и солдатское добро. Два дня спустя эти деньги были в руках русских.

Должно быть, командир был осведомлен, что нам предстоит пробыть здесь некоторое время. Вскоре после нашего

прибытия он послал одного знавшего по-польски унтер-офицера с шестью человеками в местность впереди и вправо от нас раздобыть съестного...

Однако сведения, сообщенные прибывшим, вскоре заставили вытянуться все лица, сначала столь радостные вследствие обилия припасов. «Здесь,— говорил он,— приходит конец таким местам, где население за нас; дальше — люди становятся другими. Все против нас; все готовы либо защищаться, либо бежать; везде меня встречали неприязненно, с упреками и бражью. Никто ничего не хотел давать; мне пришлось брать самому, насильственно и с риском, меня отпускали с угрозами и проклятьями. Мужики вооружены пиками, многие на конях; бабы готовы к бегству и ругали нас так же, как и мужики. Верховые разъезжают от места до места, сообщают о том, что делается; есть у них доски для подачи сигнала, а распоряжаются ими помещики».

РООС

БОЙ ПОД СМОЛЕНСКОМ И ВАЛУТИНОЙ

Утром 16-го числа (августа) Ней²⁷ с авангардом пошел к Смоленску. Император шел недалеко за ним. Замечено было менее укрепленное место, и был отдан приказ взять его приступом. С редкой неустрашимостью бросились сюда три колонны; неприятель встретил их с удивительным хладнокровием. Паскевич²⁸ из половины своей дивизии устроил засаду в овраге, а вторую половину укрыл за бруствером артиллерийской цитадели. Два раза храбрецы Нея переходили рвы и достигали откосов контрэскарпа* цитадели, и оба раза они были отброшены благодаря вовремя присланным резервам Раевско-го²⁹ и Паскевича. Корпус Дохтурова³⁰ занял южные предместья. Французские полки тоже постепенно приближались, и к ночи под стенами Смоленска расположились лагерем около 230 000 человек. Не имея возможности взять город приступом, Наполеон решил обойти его. Он поручил генералу Гиллемино³¹ отыскать переправу через реку выше города, чтобы перекинуть мост и отрезать неприятелю путь к Москве. Жюно³² с вестфальцами дол-

* Контрэскарп — передняя (ближайшая к противнику) отлогость внешнего рва укрепления. (Прим. сост.)

жен был это исполнить, но он заблудился и не мог этого сделать. Между тем разгорелся серьезный бой под Смоленском, так что этот проект был оставлен. Очень может быть, что благодаря близости армии Багратиона³³, которая стояла по дороге к Москве, проект этот был трудноисполним, но это был один из лучших исходов, и необходимо было бы попытаться это сделать.

17-го был горячий день! Русские генералы, расположившись на возвышенном правом берегу Днепра, выслали свежий корпус, состоящий из 30 000 человек, чтобы сменить отряд Раевского. Император думал, что они намереваются вступить в открытый бой, и приготовился принять их, но, видя, что они не хотят сами перейти в наступление, приказал начать атаку. Слева Ней атаковал цитадель, справа, с верховья Днепра, наступал Понятовский, а Даву в центре атаковал Рославские предместья. Такая атака с разных сторон представляла массу опасностей, так как атакующие подвергались огню стар орудий, расположенных по берегу Днепра. Однако Понятовскому под защитой батареи удалось добраться до бреши, пробитой в стене города, а Ней почти завладел цитаделью. В центре Даву после ужасной битвы выбил из предместий Дохтурова. Но, несмотря на все усилия храбрецов, ничего нельзя было сделать; около самого города, который неприятель мужественно защищал, Наполеон велел собрать всю запасную артиллерию, чтобы пробить брешь в стене, но напрасная попытка — ядра застревали в этих огромных каменных стенах, не производя им никакого ущерба. Единственная возможность пробить брешь была бы, если сконцентрировать огонь на одну из круглых башен, но мы не имели никакого понятия о толщине их стен.

Так как наши гранаты произвели пожары в городе, дома которого были по большей части деревянные, и так как неприятель потерпел большой урон и не хотел дать нам сражение вне города, то Барклай³⁴ решил отступить ночью, предоставив Корфу³⁵ прикрывать его отступление. И он действительно отступил, но, уходя, поджег сначала дома, не сгоревшие еще от наших гранат.

Въезд Наполеона в Смоленск был еще более зловец, чем это было даже в Вильне, несмотря на то что наше вступление в Вильну сопровождалось ее полным разрушением. Вся армия считала Смоленск концом своего утомительного похода. Все рассчитывали войти в город, изо-

билующий всем необходимым, и здесь отдохнуть как следует. Все отважные, рискованные предприятия действуют на чернь совершенно особенным образом. Войска, утомленные тяжелым и гибельным походом, видя, как цель этого похода все от них удаляется и удаляется, начали беспокоиться, вспоминая огромное расстояние, отделяющее их от Франции; было решено остановиться в Смоленске, но теперь это стало невозможным. Немудрено, что войска упали духом!

Этот город русских считался у иностранцев главным базисом всего государства, и на него были обращены с надеждой все взоры французской армии, и теперь этот город представлял из себя лишь огромный костер, покрытый трупами и ранеными. Пожар, причину которого трудно выяснить, уничтожил половину города; жители бежали...

С большим трудом завоеванный и покинутый своими жителями город не мог, конечно, избежать разграбления, и все то малое, что осталось в нем, сделалось жертвой солдат, раздраженных постоянными лишениями. Единственный священник, оставшийся в городе и не желавший покинуть своей паствы, доказал нам своими ответами, как настроены были жители против французов, которых им описывали в самых черных красках. Все, что было связано с религиозным или патриотическим чувством,— все было сожжено. Можно было предвидеть, что ко всем лишениям, перенесенным нами в Литве, здесь еще присоединятся все ужасы национальной войны. Мы найдем здесь новую Испанию, но Испанию без полей, без виноградников, без городов; мы не найдем здесь, конечно, Сарагосы, так как все деревянные дома были во власти огня благодаря поджогам и гранатам, но не менее ужасные препятствия, только в другом роде, ожидали здесь наступающую армию...

ЖОМИНИ

15 августа перед императором продефилировали все войска. Все были воодушевлены по поводу дня его рождения. Позабылись все прошлые невзгоды и стойко выдерживались теперешние лишения, с нетерпением ждали дня сражения в надежде, что мир будет наградой за все.

Однако неприятель все отступал в полном порядке.

16-го утром на горизонте перед нами открылся Смоленск. Мы все были уверены, что неприятель покинул город. Сам император разделял это убеждение, и, призвав на рассвете около трех часов утра генерала Коленкура, отдал ему приказ перенести в город главный штаб. Мне же было приказано находиться при нем.

Мы отправились. Миновав дивизии 3-го корпуса, разбросанные колоннами по дороге, мы очутились в полуверсте от Смоленска, впереди первой стрелковой линии, обменивающейся с неприятелем ружейными выстрелами.

Маршал Ней, недовольный медленным передвижением своего отряда, появился среди своих стрелков: это сам бог Марс — его вид, взгляд, его уверенность могут воодушевить самых трусливых. Вдруг отряд из 700 или 800 казаков, находящихся до сих пор под прикрытием земли и хвороста, с громким криком «ура!» бросается на нас. Сняв и обратив в бегство нашу кавалерию, они окружают маршала и генерала Коленкура; они так теснят их, что пуля, пущенная прямо в упор в герцога Эльхингенского³⁶, пробивает ему воротник мундира. Однако смятение продолжалось недолго, так как бригада Доманже³⁷ оправилась и, освободив маршала, преследовала казаков до самого Смоленска; пехота генерала Разу³⁸ подкрепила их и тем дала возможность маршалу дойти до самых стен города и убедиться, что русские намерены защищать его.

Тем не менее император был настолько уверен, что защита Смоленска не могла быть серьезной и что русские не намеревались там удержаться, что он не придавал никакой веры рапортам, привозимым ему; до тех пор, пока генерал Коленкур не явился к нему сам и не подтвердил этого. Это обстоятельство объяснилось полным незнанием местности, отсутствием шпионажа и главным образом неправильными указаниями, получаемыми императором от людей, которые должны были знать страну.

Однако же все-таки последовал приказ взять Смоленск приступом, как будто бы все должно было преклоняться перед императором и его фортуной.

Печальная и пагубная самонадеянность!

Во все время похода армия мужественно переносила всякие лишения, отважно подвергалась всевозможным опасностям, побеждала неприятеля при всевозможных

обстоятельствах и полила своею кровью весь путь, по которому влекла ее судьба...

Стены города были снабжены большим количеством орудий, но самый сильный и уничтожающий огонь шел с батарей, поставленных русскими на высотах внутри города. Император сам поставил нашу артиллерию на позиции, и атака началась. Неприятель, силы которого совершенно не убывали, оказал упорное сопротивление геройским усилиям наших солдат. Их гранаты и картечь опустошали наши ряды, и русские, то атакая, то отступая, отстаивали шаг за шагом каждую пядь земли до тех пор, пока уже к вечеру они быстрым натиском не были отброшены к стенам города; тогда наши метко направленными выстрелами усилились по всей линии, хотя все-таки не смогли пробить стен. Наконец наступила ночь, и, вместо того чтобы хоть немного успокоить нервы от всех пережитых сцен, она только усилила весь ужас дня, и вид горящего города, от которого скоро останутся только груды пепла, был благодаря темноте ночи еще ужаснее. Покидая город, русские подожгли его и оставили после себя только одни развалины. Итак, исчезла надежда завладеть городом, который мы не без основания считали снабженным всем необходимым.

Вечером дивизии Морана³⁹ и Гюдена⁴⁰ расположились в предместье и смогли войти в город лишь на следующее утро.

Между тем русские, отступая, сожгли мост, соединяющий петербургские предместья с городом, и заняли выгодные позиции по пути к Москве и Петербургу. Взятие Смоленска стоило жизни 12 000 человек: теперь необходим был продолжительный отдых после такого урона...

БАРОН ДЕННЬЕ

8 августа 1812 <года> наша дивизия вновь выступает в поход, 13 августа мы переходим Днепр, Борисфен греков. 16-го французская армия идет тремя колоннами на Смоленск: в шесть часов вечера она собрана у этого города. 17-го, в три часа утра, она поднимает оружие. Линия застрельщиков 13-й легкой кавалерии нашей дивизии открывает огонь по левой стороне города, в то время как 1-й корпус главной армии маневрирует... под огнем местной артиллерии. После нескольких часов

маневров, все время под неприятельским огнем, мы захватываем площадку Большовки, на которой расставлена батарея из шестидесяти пушек. Во время этой операции наш полк получает приказ от маршала Даву идти вперед и нападать. Мы теряем много людей, строясь к сражению под пальбою пушек русских; но мертвые на своем месте, так как мы находимся на кладбище. Другие полки нашей дивизии подвигаются за 30-м. Мы стоим на небольшом расстоянии от города, и потому наш полк обстреливается не только орудиями с вала, но еще пушками с башни, которые нас сильно терзают. И страдаем мы от этого до такой степени, что полковник Бюке велит нам встать позади контрэскарпа рва, окружающего кладбище. Неприятель, стоящий выше, чем мы, продолжает осыпать нас ядрами и чем-то вроде гранат с тремя отверстиями. В два часа граната, изрыгающая пламя через свои три отверстия, падает пред моей ротой. Я бросаюсь на нее, схватываю ее руками и бросаю ее в колодец, который находится недалеко от меня позади. Я обжигаю себе немного руки и перед моей одежды. Мои начальники и весь батальон кричат: «Браво! Да здравствует капитан Франсуа!» Если бы эта граната разорвалась, она взорвала бы два зарядных ящика налево от батальона. Полковник Бюке, очень любивший меня, сделал по этому поводу представление обо мне, но меня опять забыли, как в нескольких других случаях, о которых я говорил. Моею наградой, той, которая была самая лестная для меня, было одобрение, громко выраженное моими начальниками и моими товарищами.

В три часа орудия установлены по всей линии и выпускают адский огонь. В четыре часа начинается жаркая пальба по предместьям. В пять часов мы отталкиваем неприятеля, идем в штыки, добираемся до прикрытого пути. Тогда битва делается ужасною. Несмотря на убийственный огонь русской артиллерии, мы захватываем укрепленные предместья, действуя все штыками, доходя даже до самого жерла пушек.

В шесть часов были установлены три батареи, в то время как мы продолжаем атаку прикрытого пути. Эти батареи начинают стрелять и посредством гранат, производящих пожар в городе и во многих башнях, заставляют русских покинуть эти башни. Мы мало подвигаемся на прикрытом пути, но две батареи, стреляющие анфиладой, заставляют наконец русских вернуться в

крепость. Две роты минеров, поддержанные нашим полком, заняты копанием мотыгой у основания вала. В семь часов неприятель защищается уже слабо, и мы слышим большой шум, идущий от города, который весь объят пламенем. В час утра этот шум прекращается. Русские отступили на другой берег Днепра и занимают позиции на возвышенностях.

В два часа гренадеры нашей дивизии входят в Смоленск: все улицы в огне и наполнены мертвыми и ранеными. Дивизии Морана и Фриана переезжают Борисфен на пароме, соблюдая полнейшее молчание, и взбираются, как козы, на возвышенности, где выстраиваются к сражению. Они долго перестреливаются с русским арьберггардом. Наша кавалерия нападает на этот арьберггард и побеждает его после сражения, данного 3-м корпусом.

Потеря русских под Смоленском была 4000 убитых, 7000 раненых и 2000 пленников; наша потеря равнялась 1200 убитым и 3000 раненых, причем большая часть приходилась на долю нашей дивизии, которая принимала самое деятельное участие в этой битве. На долю 30-го выпало 90 убитых и 107 раненых.

18 августа 1-й батальон 30-го входит в Смоленск с польским батальоном. Мы выстраиваемся для сражения на плац-параде, среди горящих домов. Полчаса спустя после нашего вступления расставляют посты и охрану в те магазины, которых пожар не достиг еще. Потом составляют козлы, и каждый ищет, что бы поесть, что отыскивается с трудом в городе, подожженном, опустошенном и потерявшем свое население. Мы находим некоторых жителей, которые говорят по-французски и помогают нам в наших поисках. В пять часов мы покидаем Смоленск. Мы переезжаем Борисфен, или Днепр, на пароме, и наша дивизия соединяется в большом саду на правом берегу реки. Мы уходим ночью и идем вдоль Днепра. Мы отбрасываем несколько сотен казаков, которые хотят нас тревожить.

ФРАНСУА

Смоленск явился пред нашими глазами со своими древними и толстыми стенами. Это был святой город. Религия заставляла русских стараться изо всех сил не дать ему подпасть под чужеземное иго; они выполнили

свой долг. Французы нападали со своим обычным мужеством на людей, которые с яростью защищались. Нужно сказать, что русские были возбуждены обильными возлияниями водки: мы нашли на валах множество бочек, почти пустых. Французы, которым эта роскошь была запрещена, повиновались только духу чести, которая воодушевляет их в присутствии опасности; они стремились покончить с этим, достигнув решительной победы.

Я продвинулся вперед чрез маленький лес, в конце которого легко было видеть движения обеих армий. Картечь, свалившая драгуна в нескольких шагах от меня, напомнила мне, что мне следовало бы умерить мое любопытство, и я вернулся назад к госпиталю. Туда только что привели артиллериста, которого молодой офицер поддерживал, и он горько рыдал; его рука была раздроблена; ампутация была произведена: во время операции несчастный призывал смерть громкими криками. Глухой шум вдруг возвещает о прибытии императора, который вскоре появился в сопровождении блестящего штаба. «Ваше Величество, — восклицает раненый, — подойдите ко мне, подойдите ко мне!» Наполеон слышит его и подходит. «Что тебе?» — говорит он ему. «Ваше Величество, трое из моих братьев были убиты на Вашей службе; видите, я сам теперь не в состоянии Вам долее служить; поручаю себя Вашей милости». — «Твое имя?» Наполеон сказал Бертье записать в его памятной книжке имя раненого, а раненый более не жаловался уже. В эту самую минуту прискакал галопом Мюрат⁴¹; на нем был ментик, обшитый галуном; панталоны телесного цвета обрисовывали его формы, на голове была шляпа, украшенная богатым султаном. Ней, облеченный в свой мундир французского маршала, тоже только что прибыл. Оба отдали отчет в своих действиях своему начальнику, и после нескольких минут совещания каждый удалился.

После двадцати четырех часов упорной и кровавой борьбы наши солдаты вошли в Смоленск, который был покинут русскими ночью. Довольно много домов не было охвачено пламенем: были употреблены все возможные усилия, чтобы остановить пожар. Я расположился биваком на ступенях одного храма; камень служил мне подушкой, и я глубоко заснул, завернув голову моим плащом.

Мосты были восстановлены на Борисфене; армия совершила свой переход и пустилась в погоню за неприятелем.

телем. От семи до восьми тысяч раненых были покинуты русскими в слободе, которая находится на противоположном берегу; они все погибли, истребленные пожаром, который их соотечественники зажгли, чтобы задержать наше наступление. Я прошел среди этих останков людей и обломков домов, избегая, с религиозным уважением, наступить на трупы, обугленные огнем и ставшие почти детскими, и обходя со страхом рытвины, которые образовались на каждом шагу благодаря провалу погребов и колодцев и едва были прикрыты пеплом и углем.

ДЮВЕРЖЕ

Город подвергался со всех сторон страшному бомбардированию, и подземными минами взметнуло на воздух целые части стен. Неприятельская артиллерия не в состоянии была отразить это нападение и бросила свою позицию; русские решились отступить, потеряв 12 000 человек убитыми, ранеными и пленными, и перед отступлением зажгли город со всеми его магазинами. Общий пожар охватил город. Канонада прекратилась. Мы двинулись вперед и увидели императора: он слез с лошади у ворот города и стоял, окруженный несколькими генералами. Он отдавал приказания, как в это время из города выехали три кареты, направляясь в его сторону. Из карет вышли несколько русских в светло-зеленых мундирах с красным воротником; они держали шляпы в руках и низко кланялись императору. Наполеон поговорил с ними с четверть часа. То были русские гражданские власти и во главе их уездный предводитель дворянства. Они, как говорили, поднесли ключ города, объявляя, что армия русская выступила вон из города. Предавая его в руки императора, они умоляли Наполеона приказать подать помощь тысячам раненых, разбросанных по городу, и затем возвратились в город. Император вызвал вперед несколько дивизий для занятия Смоленска и приказал немедленно образовать группы врачей и лекарей со служителями из гвардии, с тем чтобы все они разделились по кварталам города, лечили бы всех раненых без разбора и свезли бы в госпитали. Приказание это было немедленно исполнено.

Де ла ФЛИЗ

Около двух часов пополудни Наполеон приказал атаковать по всей линии; битва была одна из самых кровопролитных. Когда она уже завязалась, я был к нему призван. «Скачи сейчас же в Витебск с этим вот ордером, приказывающим всякому, к какому бы роду оружия он ни принадлежал, помогать тебе расседлывать лошадь. В случае необходимости сменить лошадь, все лошади в твоём распоряжении, исключая артиллерийских. У тебя есть лошадь?» — «Есть, государь, у меня их две». — «Бери обеих. Когда ты загонишь одну, пересаживайся на другую; вообще выполни дело со всей возможной быстротой. Я жду тебя завтра; теперь три часа, поезжай!» Я сажусь на лошадь. Граф Монтион говорит мне: «Время не терпит, мой друг, берите за повод другую лошадь, а первую потом бросите на пути». — «Но у меня они оседланы». — «Лучшее седло оставьте у моей прислуги и не теряйте ни минуты».

Я лечу как молния, держа в руке повод другой лошади. Когда первая стала сгибаться подо мной, я соскакиваю наземь, в один миг расседлываю ее, седлаю другую и оставляю мое бедное животное на месте. Продолжаю свой путь. Въезжаю в лес и вижу там маркитантов, которые спешили к своему отряду. «Стой! Лошадь! Скорее! Оставляю вам свою. Страшно тороплюсь. Берите, расседлайте мою лошадь!» — «Вот четыре прекрасные польские лошади, — говорит маркитант, — какую хотите?» — «Вот эту! Седлай! Седлай! Время не терпит, у меня ни минуты свободной».

Ах, как хороша была моя новая лошадь, как далеко она меня унесла! В этом лесу я нашел пост для охраны пути. Являюсь к начальнику поста и говорю: «Видите мой ордер? Скорее лошадь! Храните мою!»

Я не терял ни часу, чтобы доскакать до Витебска. Передаю депеши начальствующему здесь генералу. Прочтя их, он говорит: «Дайте обедать этому офицеру, положите его на час на постель, приготовьте ему хорошую лошадь и вооруженного проводника. Около лесу вы найдете стоящий там полк. Можно и в самом лесу, на сторожевом посту, переменить лошадь».

Через час генерал приходит. «Пакет для вас готов, поезжайте, мой храбрец. Если вы не замедлите в пути, то не потратите и 24 часов, включая сюда потерю времени на смену лошадей». Я еду на хорошей лошади и хорошо охраняемый. В лесу нахожу полк. Представляю полков-

нику ордер. Быстро прочитав его, он сказал: «Дайте вашу лошадь, адъютант, таков приказ императора. Расседлайте его лошадь, время не терпит».

Я рассчитывал встретить в лесах кавалерийские пикеты, но их не оказалось. Все или разбежались, или были смяты. Я совершенно один, без спутника. Соображаю, замедляю шаг и довольно далеко от себя вижу стоящих на бугорке кавалеристов. Сворачиваю в сторону, чтобы не быть заметным, так как, конечно, это казаки, поджидающие врага. Пробираюсь дальше у самого леса. Вдруг оттуда выходит крестьянин и говорит мне: «Казаки!» Я ясно его разглядел; без всяких колебаний слезаю с лошади и, держа пистолет, подхожу к крестьянину, показывая ему в одной руке золото, в другой пистолет. Он понял и говорит мне: «Так! Так!», т. е. он хочет сказать этим: «Хорошо!» Положив золото в жилетный карман, взяв лошадь за уздечку в правую руку и продолжая держать пистолет в левой, я иду справа от моего русского, который ведет меня по тропинке. Прodelав большой крюк, он опять выводит меня на дорогу со словами: «Нет, нет казаков!»

Вижу березы и по ним узнаю свою прежнюю дорогу. Полный радости, даю три наполеона (наполеондора) моему крестьянину и сажусь на лошадь. Отчаянно гоню лошадь и, к счастью, достигаю какой-то фермы прежде, чем лошадь окончательно выбилась из сил. Влетаю во двор и вижу там трех молодых врачей, соскакиваю с лошади и бегу в конюшню. «Лошадь скорей! Оставляю вам свою. Читайте ордер».

Еще раз сажусь на славную лошадь. Идет она хорошо, но мне потребуется по крайней мере еще одна, чтобы добраться до Смоленска. Между тем наступила ночь, и я ничего не видел перед собой. К счастью, встречаю четырех офицеров с хорошими лошадьми и продельваю опять ту же церемонию. «Взгляните, если можете прочесть, на этот ордер императора и перемените мне лошадь». Толстый господин, которого я принял за генерала, обратился к одному из своих спутников: «Расседлайте вашу лошадь и дайте ее этому офицеру. Дело спешное, помогите ему». Я спасен. Въезжаю на поле битвы и отыскиваю императора.

КУАНЬЕ

Нам хотелось отвернуться от этих сцен резни. Русские убегали, и кавалерия бросилась за ними в погоню; вскоре она настигла арьергард, Корф хотел оказать сопротивление, но был подавлен численностью наших. Подоспел Барклай со своими силами, но и мы получили подкрепление; завязалась отчаянная схватка. Ней атаковал с фронта, Жюно с фланга; неприятельская армия была бы разрезана пополам, если бы герцог ринулся вперед. Раздраженный ожиданием, Мюрат бросился к нему: «Что с тобой? Отчего ты не идешь вперед?» — «Мои вестфальцы начинают колебаться». — «Я их расшевелю». Король Неаполитанский во главе нескольких эскадронов бросается вперед, ударяет на русских, опрокидывая все на своем пути. «Вот маршальский жезл уже наполовину и твой; доканчивай, русские пропали». Но Жюно не довел дело до конца; от усталости ли или из-за нерешительности, но храбрый из храбрых дремал под пушечные выстрелы, а неприятель, возвратившийся на помощь своему арьергарду, восстановил свою боевую линию.

Схватка завязалась жестокая; храбрый Гюден погиб, и русская армия ускользнула от нас. Наполеон посетил места, где происходил бой. «Узел битвы был не у моста, а вон там, в деревне, где должен был выйти восьмой корпус. А что делал Жюно?» Король Неаполитанский попытался смягчить его вину. Он ссылался на численность неприятеля, на препятствия, пустил в ход все обычные доводы... Бертье⁴², всегда любивший герцога, принял в нем участие; Коленкур со своей стороны тоже. Все по мере возможности говорили в защиту храбреца, которого можно было упрекнуть лишь в минутной растерянности. Правда, из-за этого мы потеряли весьма большие преимущества. Наполеон призвал меня к себе. «Жюно теперь окончательно утратил все шансы на маршальский жезл. Я назначаю вас командиром вестфальского корпуса: вы говорите на их языке, вы подадите им пример и заставите их сражаться». Я был польщен этим доверием и высказал ему это; но ведь Жюно был весь покрыт ранами. Он отличился в Сирии, в Египте, везде; я просил императора забыть одну минуту его рассеянности во внимание к двадцатилетнему мужеству и преданности. «Из-за него русская армия не сложила оружия: ведь это может мне помешать пойти на Москву. Примите команду над вестфальцами». Тон, — каким он произнес эти слова, был уже значительно более мягкий. Заслуги бывшего адъютанта

заставляли легче относиться к бездействию, проявленному восьмым корпусом. Я продолжал: «Ваше Величество только что говорили мне о Москве. Армия не ожидает этого похода». — «Дело начато, надо довести его до конца. Я только что получил хорошие известия: Шварценберг⁴³ на Волыни, Польша организуется; у меня будет всякого рода помощь».

Я покинул Наполеона, чтобы сообщить князю Невшательскому и герцогу Виченцскому⁴⁴ о немилости, грозившей Жюно. «Мне крайне тяжело, — сказал мне князь, — что его лишают командования; но не могу не сознаться, что из-за него не удалась самая лучшая операция за всю кампанию. Вот от чего зависят успехи в войне: от забывчивости, от минутной рассеянности и растерянности — не сумеешь на лету схватить подвертывающуюся случайность, а она ускользнет и уже не вернется более. Ведь ни у кого нет такой отваги, таких способностей. Воинские качества соединяются в нем с обширными познаниями; он неустрашим, умен, приветлив и добр. Он забылся на час, а врагов у него много. Впрочем, я поговорю с Коленкуром». Оба действовали настолько успешно, что Жюно сохранил за собой командование; я был очень доволен этим, во-первых, потому, что лишение командования было бы для него ударом, а во-вторых, потому, что для меня не было большой радости в его солдатах. К несчастью, неукротимость и пылкость юных лет сменились у него усталостью. В битве под Москвой он не проявил того увлечения и той энергии, которые он прежде неоднократно выказывал; а дело под Вереей довело недовольство им Наполеона до последних пределов.

Несколько дней спустя мы узнали о движении Торماسова⁴⁵. Мы были в тревоге и обсуждали эти отступления в сторону от намеченного пути, говорили об опасностях, которым подвергаешься, чрезмерно удаляясь от операционной базы. Без сомнения, Наполеон слышал наши разговоры. Он подошел к нам, много говорил о том, как он обезопасил свой арьергард, о войсках, составлявших наши фланги, и о той цепи постов, которые тянулись от Немана вплоть до тех мест, где мы находились. «Тормасов, — сказал он нам, — взбудоражил всех варшавян. Они уже видели его действующим в Праге! Но, как видите, его выставили даже скорее, чем он пришел». Наполеон ушел в свой кабинет и начал диктовать совершенно рав-

нодушно, но настолько громко, чтобы мы могли слышать все от слова до слова, свои инструкции герцогу Беллуно ⁴⁶

РАПП ⁴⁷

Корпус, прикрывавший отступление русских, занял позицию на Валутиной горе, где находилась часть их армии, выстроенной для битвы. Герцог Эльхингенский приказал 11-й дивизии остановиться, чтобы дожидаться 10-й и 25-й; неприятель принял нашу осторожность за колебание; не видя за собой преследования, он захотел в свою очередь перейти к наступательным действиям и с удвоенным усилием напал на дивизию Разу, но был отброшен. Храбрый 18-й полк выказал при этом энтузиазм, который не поддается описанию: он один прорвал первую линию осаждавших. Около четырех часов дня началась снова перестрелка; герцог Абрантес ⁴⁸, заблудившийся вправо от Смоленска, сделал неправильное движение и не мог поспеть вовремя на Московскую дорогу, чтобы отрезать отступление нашим противникам. Поэтому первые неприятельские эшелоны вернулись обратно и последовательно завязали сражение с четырьмя дивизиями. Русским было тем более важно защитить эту дивизию, что, будучи на самом деле сильной, она считалась в стране неодолимой; в прежние войны поляки всегда терпели тут поражения. Поэтому москвичи, по религиозной традиции, связывали с этой площадкой надежду на победу и дали ей громкое название — «Священное поле».

Но если Барклай де Толли придавал большое значение тому, чтобы сохранить за собой эту позицию, мы не менее горячо желали взять ее, тем более что это дало бы нам возможность завладеть обозом и телегами с ранеными, выехавшими из Смоленска под охраной арьергарда. В 6 часов вечера дивизия Гюдена, посланная в помощь 3-му корпусу против многочисленных войск, которые неприятель собрал, подошла в виде колонны к центру позиции, поддерживаемая дивизией Ледрю ⁴⁹ и дивизией генерала Маршана ⁵⁰, оставшейся в резерве. Когда распоряжения были сделаны, наши солдаты по данному сигналу бросились на неприятеля, который бился с яростью. 7-й легкий полк, полки 12, 21 и 127-й, составлявшие дивизию Гюдена, с такой стремительностью ударили в шты-

ки, что русские бежали, оставив нам позицию; они были, очевидно, уверены, что имеют дело с императорской гвардией. Это геройское дело стоило жизни храброму генералу, командовавшему этой дивизией; это был один из наиболее выдающихся офицеров армии, достойный сожаления по своим нравственным качествам, талантливости и редкой отваге. Впрочем, эта смерть была хорошо отомщена: его дивизия произвела жестокую резню среди неприятелей, которые бежали к Москве, оставив Священное поле усеянным телами убитых. Во время стычки один генерал из русской дивизии был взят в плен одним из наших пехотных офицеров.

На другой день император раздавал в 3 часа утра на поле битвы награды отличившимся полкам, и так как вновь сформированный 127-й полк вел себя хорошо, Наполеон дал ему право носить «орла»⁵¹; до сих пор он не имел еще этого права, так как не участвовал ни в одном сражении. Эта раздача наград среди мертвых и умирающих и к тому же на месте, прославленном победой, представляла величественное зрелище, которое как бы уподобляло наши подвиги наиболее геройским подвигам древности. Впечатление, произведенное этим смотром на Наполеона, имело пагубные последствия: говорят, что он предполагал закончить поход этой битвой, но при виде валутиных победителей он был так восхищен их военной выправкой, что сказал окружающим: «Будем продолжать побеждать; с такими войсками надо идти на край света».

ЛАБОМ

Прибытие Наполеона, как всегда, вызвало шумные клики; даже самые тяжело раненные делали последнее усилие, чтобы еще раз приветствовать его... Он прошел мимо гренадера, занятого перевязкой раны на ноге. «Ah Mon Empereur! *— сказал этот служака.— Почему не Вы были вчера во главе нас? Мы бы раздавили русских!» Вид поля битвы был ужасен. Нам ежеминутно приходилось поворачивать лошадей, чтобы не наткнуться на груды трупов; и в награду за столько жертв ни одного трофея, ни одного орудия, ни одной мундационной повозки! Захват этого участка, покрытого мертвыми,— вот

* О мой император! (Фр.) <Прим. перев.>

единственный плод победы. Лучезарное солнце заливало светом это поле боя.

Император сделал смотр войскам Нея, вручил «орла» 127-му полку, который только что получил боевое крещение. Эта церемония, сама по себе внушительная, приобрела на этом месте прямо эпический характер. Полк построился в каре; в рядах виднелось много лиц, еще черных от пороха, много окровавленной амуниции. Полковник и офицеры построены были полукругом около императора. «Солдаты,— сказал он,— вот вам «орел»! В часы опасности он будет служить вам центром единения. Клянитесь мне никогда не покидать его, оставаться всегда на стезе чести, защищать отечество и никогда не давать в обиду Францию, нашу Францию!» Все, как один человек, ответили: «Клянемся!» Тогда император взял «орла» из рук Бертье и вручил его полковнику, который передал его знаменосцу. В тот же момент каре расступилось, полк перестроился и знаменосец, предшествуемый барабанщиками и музыкой, занял свое боевое место в центре отборного взвода...

Сержант гренадерской роты того же полка тут же на месте произведен был в подпоручики. «Немедленно провозгласите об этом производстве»,— сказал Наполеон. Полковник произнес обычные торжественные слова, но не подумал обнять нового офицера. «Ну, что же вы, полковник! Лобзанье-то, лобзанье!»— живо произнес Наполеон. Действительно, было очень некстати забыть это. Ордена, производства, награды сыпались градом. Видно было, что Наполеон и в себе и в других чувствовал повелительную потребность подавлять печальные мысли... Подойдя к 95-му полку, он попросил полковника позвать ему отличившихся накануне, и, когда тот, естественно, начал с офицеров, император прервал его на шестом или седьмом: «Как, полковник, значит, ваши солдаты — трусы?» И он сам вызвал из рядов унтер-офицеров и солдат, которых ему указали как достойных производства или отличий.

При виде этой сцены я понял, я сам почувствовал то непреодолимое очарование, которое производил Наполеон, когда он этого хотел, и притом всюду, где он бывал. Но он не мог быть везде!

БРАНДТ

СМОЛЕНСК ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ

Единственными свидетелями нашего вступления в опустошенный Смоленск являются дымящиеся развалины домов; лежащие вперемешку трупы своих и врагов засыпают в общей яме.

В особенно мрачном и ужасном виде предстала пред нами внутренность этого несчастного города. Ни разу с самого начала военных действий мы еще не видали таких картин; мы ими глубоко потрясены. При звуках военной музыки, с гордым и в то же время нахмуренным видом проходим мы среди этих развалин, где валяются только несчастные русские раненые, покрытые кровью и грязью. Наши уже подобраны, но сколько трупов, должно быть, скрыто под этими дымящимися грудями! Сколько людей сгорело и задохлось!

На порогах еще уцелевших домов ждут группы раненых, умоляя о помощи. Подбирают наиболее пострадавших и переносят их на руках. Я видел повозки, наполненные оторванными частями тела; их везли зарывать отдельно от тел, которым они принадлежали! Город кажется покинутым. Немногие оставшиеся жители укрылись в церквах, где они, полные ужаса, ждут касающегося их постановления. На улицах встречаем в живых только французских или союзных солдат, уже водворившихся в городе. Они отправляются шарить по улицам, надеясь отыскать что-нибудь, пощаженное огнем...

ЛОЖЬЕ

На другой день (19 августа) мы вошли в Смоленск по предместью, идущему вдоль реки; мы шли среди развалин и трупов; дворцы еще догорали и представляли собою только стены, потрескавшиеся от пламени; под их обломками виднелись почерневшие от дыма скелеты сгоревших жителей. Немногие уцелевшие дома были заняты солдатами, а на пороге их стояли их прежние хозяева с оставшимися членами своей семьи и оплакивали или умерших детей своих, или гибель всего имущества, добытого долгим и тяжелым трудом. Одни церкви доставляли некоторое утешение несчастным, оставшимся без крова. Собор, известный в Европе и очень почитаемый русскими, сделался убежищем бесприютных жителей, бежавших с пожарища. В этой церкви, возле самых алта-

рей, целые семьи лежали на лохмотьях; в одном месте умирающий старик вглядывался потухающим взором в лики святых, которым он молился всю жизнь; в другом невинные младенцы сосали грудь у матери, поблекшей от горя и обливавшей их слезами.

Вся эта картина бедствия представляла поражающий контраст с видом армии, вступавшей во внутреннюю часть города. С одной стороны было горе побежденных, с другой — гордость победителей; одни все потеряли, другие обогатились добычей и, не испытав ни одного поражения, шли горделиво под звуки военной музыки, поражая ужасом и восхищением несчастные остатки покоренного населения.

ЛАБОМ

Осада Смоленска не задержала нас даже на три дня. На третий день город был уже пуст; но он горел, и соединительные мосты через Днепр были сломаны.

Мы были принуждены пройти через этот пылающий ад. Достигнув берега реки, мы свели своих лошадей вниз по откосу и, не тратя времени на розыски брода, переправились через реку вплавь.

С целью помочь моему молодому нормандцу, которого я очень любил, я... поплыл рядом, поддерживая одной рукой патронташ и пистолет над поверхностью воды. Однако я вымочил себя совершенно напрасно, так как наши лошади почти повсюду доставали своими ногами дна; оставаясь подобно своим товарищам верхом, я вышел бы сухим, по крайней мере большею частью, но я был молод, полон сил и боялся болезни так же мало, как смерти.

Впрочем, на другом берегу мы нашли пылавший уже костер, который способен был высушить целый фонтан.

Старый город, куда мы пришли, состоял, как я уже заметил, сплошь из деревянных построек.

Русская армия, надеясь, по-видимому, на более продолжительное сопротивление, эвакуировала в Смоленск раненных под Красным, Могилевом и во всех других предшествовавших боях.

И вот перед нашими глазами предстало ужасное зрелище.

При приближении французской армии всех этих раненых собрали в Старый город.

В первый же день осады несколько гранат вызвали здесь пожар. Сила атаки и стремительность преследования дали неприятелю лишь время разрушить мосты, но не позволили ему эвакуировать раненых; и эти несчастные, покинутые таким образом на жестокую смерть, лежали здесь кучами, обугленные, едва сохраняя человеческий образ, среди дымящихся развалин и пылающих балок.

Многие после напрасных усилий спастись от ужасной стихии лежали на улицах, превратившись в обугленные массы, и позы их указывали на страшные муки, которые должны были предшествовать смерти.

Я дрожал от ужаса при виде этого зрелища, которое никогда не исчезнет из моей памяти. Задыхаясь от дыма и жары, взволнованные этой страшной картиной, мы поспешили выбраться за город.

Казалось, что я оставил за собою ад.

КОМБ

Штурм Смоленска был одним из самых кровопролитных, какие только мне удавалось видеть. Ворота, брешы в стенах, главные улицы города — все это было завалено трупами и умирающими, и притом почти исключительно русскими, потери которых были громадны. Трудно исчислить огромное количество трупов, которые отыскивали постепенно и в городских ямах, и в пригородных оврагах, и по берегу реки, и под мостами. Мы с〈о〉 своей стороны потеряли 1200 чел. убитыми и 6000 чел. ранеными; при этом большей части раненых первая помощь была оказываема на самом поле битвы по мере того, как их приносили. Я сделал в походном госпитале массу операций; отсюда мы уносили раненых со всей возможной поспешностью в 15 обширных зданий, превращенных в госпитали. Одни из последних находились поблизости от главных пунктов сражения, другие помещались в слободах, третьи и самые обширные — в городе.

Как и в Витебске, мы ощущали большой недостаток в необходимых материалах. Мне, как и раньше, приходилось измышлять разные средства, чтобы чем-нибудь заменить недостающее. Так, вместо белья, которое мы, исключая белье раненых, израсходовали в первые же дни, я пользовался бумагой, найденной в архиве, здание которого было обращено в госпиталь. Пергамент заменял

лубок, пакля и тонкая береста — корпию, на бумагу же клали раненых. Но зато как много приходилось работать, какие затруднения надо было преодолевать! Горожане почти все разбежались, а большая часть удобных зданий погибла от пожаров или была разграблена.

Большую помощь оказывали мне коллеги главного штаба и гвардии. День и ночь мы перевязывали пострадавших от огня и холодного оружия людей, и, несмотря на недостаточность наших материалов, все операции мы успевали делать в течение первых суток после поранения...

Большое число больных и раненых, как французов, так и русских, сильно затрудняло дело по продовольствию госпиталей. Русские лежали вперемешку с нашими и пользовались одинаковым с ними уходом.

Кое-как удалось спасти от огня и грабежа значительное количество самых необходимых медикаментов, а также вина и водки. В окрестные деревни мы послали добыть мяса и провизии. Из резервных походных госпиталей нам прислали белья и корпии. Все эти средства, а также неусыпный надзор наших хирургов помогли выздороветь всем легкораненым, а тяжелораненые получали необходимый уход. Однако месяц спустя в провизии стал ощущаться недостаток, и только муки было довольно, так как несколько обозов ее было доставлено из отдаленных местностей. Военные, не раненные в нижние конечности, еще могли мириться с этим недостатком, но другие сильно страдали.

Необходимость обеспечить помощь почти 10 000 раненых русских и французов, собранных в госпиталях Смоленска, а также мое внутреннее убеждение, что армия после такого крупного успеха и с началом осенних дождей не пойдет далеко на север, побудили меня оставить в Смоленске кроме всех военных врачей резерва 5 отделений наших легких походных госпиталей.

ЛАРРЕЙ

На следующий день, 23 августа, император произвел смотр корпусу Понятовского и обнаружил при этом ту же щедрость на награды. Несомненно, он хотел изгладить воспоминание о жестоком и несправедливом нагоняе, какой он задал князю в первые дни кампании в ответ на заявленные им претензии по поводу задержки жалованья

и припасов. Письмо это, почти оскорбительное по тону, тайно распространено было во множестве экземпляров. Говорили также о посещении князем и его генералами императорского бивака перед взятием Смоленска. Император сначала принял их довольно хорошо. Но скоро, недовольный сведениями, которые ему давали относительно убыли наличного состава войск с момента начала кампании, он запальчиво сказал начальнику главного штаба, генералу Фишеру:

— Но, черт возьми! Куда же вы дели своих людей?

— Государь! Недостаток припасов, утомление...

— А! Вы все поете мне ту же песню; почему же другие корпуса не потеряли половины своего состава в дороге? Но я отлично знаю, отчего все это происходит; вы только и хороши со своими варшавскими *танцовщицами*. (Некоторые уверяли даже, что он употребил еще более характерное слово.)

К этому добавляли, что Понятовский, задетый этой новой выходкой, готов был покинуть армию. Наконец, ходили еще слухи, что после этого смотра, 21-го числа, когда император обнаружил большую благосклонность к полякам, Понятовский отправился к нему вместе с Даву и *на коленях* умолял разрешить ему двинуться к Киеву для организации поголовного ополчения в бывших польских областях; но император с запальчивостью отклонил его просьбу и будто бы грозил даже расстрелять его, если он будет настаивать на своем проекте. Я воспроизвожу это происшествие, не ручаясь за его достоверность, в такой форме, в какой я слышал его в тот же день в Смоленске, от людей, обычно хорошо осведомленных...

После нас дошла очередь до старой гвардии, которую я мог в этот день разглядеть на досуге. С той поры мне приходилось видеть более красивые войска, но никогда — более внушительные. Смешное приключение, случившееся за несколько дней до этого у нашего полковника с одним из этих старых солдат, отлично показывает, каково было их положение в армии, положение, принуждавшее даже офицеров высокого чина считаться с ними.

Дело было на биваке. Я был у нашего полковника Хлусевича, который как раз брился около входа в палатку. Чашка, полная воды, стояла на столе около него. Вдруг в палатку врывается огромный белый пудель и без всякого стеснения принимается лакать воду из чашки. Ни

полковник, ни я не успели пошевелиться, как следом появляется гренадер старой гвардии и, пробормотав себе в усы: «Извините, господа», принимается привязывать веревку к шее собаки. Собака отбивается, опрокидывает наземь чашку; а надо сказать, что на этой лагерной стоянке было необычайно много пыли и весьма мало воды. «Видали ли вы когда-либо подобного нахала?»— сказал взбешенный полковник, схватив за плечи и вытолкнув из палатки пораженного изумлением гренадера, который исчез вместе со своей собакой...

Полковник и думать перестал об этой истории, как вдруг два часа спустя гренадер вернулся назад в сопровождении офицера главного штаба; оба были в парадной форме. «Господин полковник,— сказал офицер,— вы поставили в очень неловкое положение почтенного человека, который пользуется уважением всего своего полка. Я являюсь от лица маршала Бертье, чтобы уладить эту неприятную историю, заранее уверенный, что достаточно будет одного слова разъяснения с вашей стороны».— «Действительно,— сказал, не смущаясь, полковник,— я давеча погорячился: я сейчас уже пожалел об этом и немедленно сказал бы это этому почтенному человеку, если бы он не исчез так быстро. Я очень рад, что это посещение избавляет меня от необходимости отыскивать его, чтобы сказать ему, как я раздосадован тем, что так грубо обошелся с ним. Ну, а теперь, не правда ли, гренадер, вы ничего больше не имеете против меня?»— прибавил он, протянув руку ворчуну, который сердечно пожал ее, заявляя, «что получил самое лучшее удовлетворение в мире». Полковник, который в глубине души был совершенно доволен, сказал мне потом, что он охотно покорился из страха, как бы эта история не имела дурных последствий для полка. Может быть, она повредила бы и его производству, потому что как раз в ту пору шла речь о его переводе в гвардию; действительно, он был назначен майором второго полка легкой кавалерии...

БРАНДТ

Вот уже пять дней, как Наполеон с главной квартирою пошел вслед за армией по Московской дороге; итак, тщетно мы ожидали, что войска наши останутся в Польше и, сосредоточив силы свои, станут твердою ногою. Жребий брошен; русские, отступая во внутренние облас-

ти, находят везде сильные подкрепления, и нет сомнения, что они вступят в битву лишь тогда, когда выгода места и времени даст им уверенность в успехе.

Несколько дней раздача провианта становится весьма беспорядочной: сухари все вышли, вина и водки нет ни капли, люди питаются одной говядиной от скота, отнятого у жителей из окрестных деревень. Но и мяса надолго не хватает, так как жители при нашем приближении разбегаются и уносят с собою все, что только могут взять, и скрываются в густых, почти неприступных лесах.

Солдаты наши оставляют свои знамена и расходятся искать пищи; русские мужики, встречая их поодиночке или несколько человек, убивают их дубьем, пиками и ружьями.

Собранный в Смоленске провиант, в небольшом количестве, отправлен на возах за армией, а здесь не остается ни одного фунта муки; уже несколько дней нечего почти есть бедным раненым, которых здесь в госпиталях от 6 до 7 тысяч. Сердце обливается кровью, когда видишь этих храбрых воинов, валяющихся на соломе и не имеющих под головою ничего, кроме трупов своих товарищей. Кто из них в состоянии говорить, тот просит только о куске хлеба или о тряпке или корпии, чтобы перевязать раны; но ничего этого нет. Новоизобретенные лазаретные фуры еще за 200 верст отсюда, даже те фуры, на которых уложены самые необходимые предметы, не успевают за армией, которая нигде не останавливается и идет вперед ускоренным маршем.

Прежде, бывало, ни один генерал не вступит в сражение, не имея при себе лазаретных фур, а теперь все иначе: кровопролитнейшие сражения начинают когда угодно, и горе раненым — зачем они не дали себя убить. Несчастные отдали бы последнюю рубашку для перевязки ран, теперь у них нет ни лоскутка, и самые легкие раны делаются смертельными. Но всего более губит людей голод. Мертвые тела складывают в кучу, тут же, подле умирающих, на дворах и в садах; нет ни заступов, ни рук, чтобы зарыть их в землю. Они начали уже гнить; нестерпимый смрад на всех улицах, он еще более увеличивается от городских рвов, где до сих пор навалены большие кучи мертвых тел, а также множество мертвых лошадей покрывают улицы и окрестности города. Все эти

мерзости, при довольно жаркой погоде, сделали Смоленск самым несносным местом на земном шаре.

ПИСЬМО (ПЮИБЮСКА) ОТ 27 АВГУСТА

Мы получили приказание отправить из Смоленска в армию всех, кто только в состоянии идти, даже и тех, которые еще не совсем выздоровели. Не знаю, зачем присылают сюда детей, слабых людей, не совсем оправившихся от болезни; все они приходят сюда только умереть. Несмотря на все наши старания очищать госпитали и отсылать назад всех раненых, которые только в состоянии вытерпеть поездку, число больных не уменьшается, а возрастает, так что в лазаретах настоящая зараза. Сердце разрывается, когда видишь старых, заслуженных солдат, вдруг обезумевших, поминутно рыдающих, отвергающих всякую пищу и через три дня умирающих. Они смотрят выпуча глаза на своих знакомых и не узнают их, тело их пухнет, и смерть неизбежна. У иных волосы становятся дыбом, делаются твердыми, как веревки. Несчастные умирают от паралича, произнося ужаснейшие проклятья. Вчера умерли два солдата, бывшие в госпитале только пять дней, и со второго дня до последней минуты жизни (они) не переставали петь.

Даже скот подвержен внезапной смерти: лошади, которые сегодня кажутся совсем здоровыми, на другой день падают мертвыми. Даже те из них, которые пользовались хорошими пастбищами, вдруг начинают дрожать ногами и тотчас падают мертвыми. Недавно прибыли пятьдесят телег, запряженных итальянскими и французскими волами; они, видимо, были здоровы, но ни один из них не принял корма: многие из них упали и через час околели. Принуждены были оставшихся в живых волов убить, чтобы иметь от них хоть какую-нибудь пользу. Созваны все мясники и солдаты с топорами, и — странно! — несмотря на то, что волы были на свободе, не привязаны, даже ни одного не держали, ни один из них не пошевелинулся, чтобы избежать удара, как будто они сами подставляли лоб под обух. Таковое явление наблюдалось неоднократно, всякий новый транспорт на волах представляет то же зрелище.

В то время, как я пишу это письмо, двенадцать человек спешат поскорее отпрячь и убить сто волов, при-

бывших сейчас с фурами девятого корпуса. Внутренности убитых животных бросают в пруд, находящийся посредине той площади, где я живу, куда также свалено множество человеческих трупов со времени занятия нами города. Представьте себе зрелище, какое у меня перед глазами, и каким воздухом должен я дышать! Зрелище до сих пор вряд ли кем виденное, поражающее ужасом самого храброго и неустрашимого воина, и, действительно, необходимо иметь твердость духа выше человеческого, чтобы равнодушно смотреть на все эти ужасы.

ПИСЬМО ПЮИБЮСКА <ОТ> 5 СЕНТЯБРЯ

ОТ СМОЛЕНСКА ДО ГЖАТСКА

Надежда на то, что мы отдохнем в Смоленске, не осуществилась. Я получил в 4 часа утра приказание двинуться далее и занять укрепления за Днепром, затем мы прошли по развалинам предместья, и вся армия двинулась к Москве. От Наполеона зависело окончить войну в Смоленске, восстановив королевство Польское, за что Европа была бы ему признательна. Если верить тому, что я слышал, то русские ожидали этого. Говорили, будто генерал Вильсон⁵², бывший представителем Англии в главной квартире, писал в Петербург и Лондон в первой депеше: «Все погибло; Смоленск взят», а два дня спустя он послал второго курьера с известием: «Все спасено, французы идут на Москву». Император Наполеон не сумел остановиться в Смоленске...

ДЕДЕМ

Мы быстро догнали русский арьергард. Была образована стрелковая цепь наперерез большой дороги из Смоленска в Москву, и таким образом мы преследовали неприятеля до наступления ночи, положившей конец бою.

Русский генерал, впрочем, по обыкновению, вполне ясно дал нам знать о своем намерении не отступать дальше, заняв позицию и пожелав нам пушечными выстрелами спокойной ночи.

Был конец августа. В русском климате в это время года жара не та, что в южных странах Европы. Нам приходилось переносить не только солнечный зной, но и раскаленные испарения земли.

Наши лошади поднимали своими ногами облака жгучего, мелкого, как пыль, песку, который покрывал всех нас настолько, что трудно было различить цвет нашей формы. Проникая в глаза, этот песок причинял сильные боли. Я едва мог дышать. Но, несмотря на убийственную жажду, вызванную стечением всех этих обстоятельств, мы не могли остановиться, чтобы освежить себя глотком чистой воды из источников, мимо которых мы проезжали. Наши лошади были более счастливы. Они почти с бешенством погружали в воду свои горячие морды, но также не имели ни времени, ни возможности пить с удилами во рту. Некоторые из них с наслаждением валялись в воде, несмотря на притворные или действительные усилия своих всадников, которые вовсе не прочь были иметь предлог сделать то же самое. Словом, даже в Италии я никогда не испытывал в такой мере невыносимой жары.

Бивачный дым каждый вечер еще увеличивал полученное днем раздражение глаз, и я не знаю, каким чудом я не потерял своего зрения.

Однако мы все же подвигались вперед. Нашему авангарду ежедневно приходилось вступать в бой с русским арьергардом; сопротивление неприятеля заметно становилось все более упорным.

Бой 4 сентября явился уже настоящим сражением.

Русская армия имела, несомненно, намерение задержать наше наступление и тем выиграть время, чтобы закончить укрепления, сооружавшиеся на знаменитом Можайском поле, обширной равнине, на которой, как утверждало национальное предание, ни одна русская армия не могла быть побеждена.

КОМБ

Переход от Смоленска до Гжатска (24 авг.—3 сент.) был одним из самых утомительных. Жара стояла удручающая; бешеные порывы ветра поднимали вихри пыли, до того густой, что часто мы не могли уже видеть деревьев, растущих по краям дороги.

Эта беспрестанная горячая пыль была прямо пыткой. Чтобы уберечь от нее хотя бы глаза, многие солдаты устраивали себе из стекол что-то вроде очков. Другие шли с киверами под мышкой, обернув голову платком и оставив самое маленькое отверстие, чтобы можно было дышать.

Третьи устраивали себе покрытия из листьев. Таким образом, армия в эту пору имела иногда довольно странный вид, но зато всякие следы этого маскарада исчезали при малейшем ливне. Ночные биваки были едва ли не тягостнее этих переходов. Очень сильная жара резко сменялась довольно чувствительным холодом; вода в большинстве случаев была очень плоха, а порой ее и вовсе не было. Тогда солдатам приходилось жарить себе мясо на углях, а мясо это почти всегда было лошадиное, потому что крестьяне уводили свой скот настолько далеко, что его никак невозможно было поймать.

Недостаток припасов жестоко давал знать о себе в этот вечер (5 сент.). Пришлось пообедать поджаренными хлебными зернами и кониной. Ночь была холодная и дождливая; многие офицеры и солдаты, окоченевшие и, быть может, охваченные печальным предчувствием, тщетно пытались уснуть. Они вставали и, подобно блуждающим теням, ходили взад и вперед мимо лагерных огней...

БРАНДТ

В Дорогобуже мы нашли объятами пламенем все дома, которые могли бы послужить приютом. Пожар быстро распространялся, и мы должны были ночевать на биваках. Город подожгли русские солдаты, а горожане все разбежались. Отсюда начались для нас всевозможные лишения. И этот случай как бы предупреждал нас об иных несчастьях, которые ожидали нас на нашем дальнейшем пути к Москве. Но, увлекаемые какой-то необходимой силой и убаюкиваемые пустыми надеждами, мы все продолжали идти вперед.

Вскоре мы достигли Вязьмы — довольно значительного города, служившего посредником в торговле между двумя половинами России. Здесь имелись обширные склады масла, водки, мыла, сахара, кофе и мехов.

Город весь пылал, и армия проходила через него с большим трудом; дул сильный ветер, и потому остановить пожар было невозможно. И здесь горожане покинули свои дома. Можно себе представить, как мы страдали от такого разорения.

Солдатам, однако, удалось добыть из нескольких уцелевших домов и даже из погребов уже пылавших домов муку, масло, водку, сахар и немного кофе.

Из Вязьмы мы скоро пришли в Гжатск — город менее значительный и в котором почти все дома были деревянные. В городе была всего одна, очень длинная, улица. Через Гжатск, как и через два предыдущих города, мы прошли окруженные с обеих сторон пылающими зданиями. Но проливной дождь, разразившийся над городом, когда мы туда входили, прекратил пожар, так что штаб и гвардия могли приютиться в уцелевших домах. Кочанная капуста, росшая на окрестных полях, а также свиное сало и сухари, найденные в одном магазине, позволили солдатам на время утолить свой голод.

Дожди, хотя и непродолжительные, сделали дороги непроходимыми для артиллерии. В ожидании хорошей погоды армия должна была остановиться возле Гжатска. К нашему большому и неожиданному удовольствию, подул северный и северо-восточный ветер и послал нам сухую погоду.

Во время стоянки под Гжатском пришло известие, что русская армия остановилась на Можайских высотах, близ Москвы.

Был отдан приказ готовиться к большому сражению; главнокомандующий уведомил меня, чтобы и я готовился по своей части. Известие это сильно меня взволновало, так как все мои хирурги остались в Смоленске, а походные госпитальные фуры были позади. Для исполнения недостатка в военных врачах я попросил отдать в мое распоряжение всех полковых хирургов, исключая главного хирурга и двух его помощников для пехоты и главного хирурга с помощником для кавалерии.

Таким образом, я получил 45 хирургов и их помощников, которых и прикомандировал к главной квартире.

Продление на сутки нашей стоянки под Гжатском позволило многим фурам походного госпиталя догнать нас, и я был сравнительно счастлив, что могу, несмотря на отдаленность резерва, оказать в нужную минуту необходимую помощь.

ЛАРРЕЙ

Для нас, легкой кавалерии авангарда, бой следовал за боем, без перерыва, каждый день. Неприятельская армия отступала в удивительном порядке, оставляя после себя очень мало убитых и ни одного раненого. После

перехода через Днепр мы начали испытывать уже большие лишения вследствие редкости съестных припасов. Сделали только одну раздачу провианта в Смоленске: и чем дальше мы подвигались вперед в этой дикой стране, тем сильнее давал себя чувствовать голод.

Оба полка саксонской и баварской легкой кавалерии, входившие в состав нашей дивизии, настолько растаяли вследствие дезертирства, что едва могли выставить по два эскадрона каждый. Мы, следовательно, были слишком слабы, чтобы, подобно пехоте, посылать на фуражировку большие отряды на значительное расстояние от дороги. Если мы приходили в деревню или хутор, мы находили их в огне. Казаки покидали их, лишь поджегши, опустошив все, что не могли унести с собой, разбив бочки с пивом и овсяной водкой, которая в большом количестве потребляется в этой стране.

Мы не могли найти ни одного ягненка, ни какого-либо другого животного, годного для пищи, разве только время от времени тощую курицу, спасающуюся от всеобщей эмиграции, или молодого жеребенка, слишком слабого еще для того, чтобы следовать за своею матерью, и жалобно ржавшего в поле.

Сделав такую находку, наши стрелки вводили его в свои ряды; жеребенок волей-неволей должен был следовать за передвижениями полка. Став лагерем, его убивали и съедали в виде бифштексов без всякой приправы, что было вполне естественно.

Я никак не мог привыкнуть питаться кофиной и брался за нее лишь после нескольких дней вынужденной голодовки, когда я стоял уже перед альтернативой или есть, или умереть с голоду. Это мясо так жилисто и жестко, что, взяв его в рот, казалось, что растираешь зубами пучок конопли. Сердце и печень этого животного так же, как и мясо жеребенка, более сносны. Но я с удовольствием обедал только тогда, когда мне удавалось найти скрытый где-нибудь запас картофеля.

Благодаря ловкости моего денщика Бастьена на мою долю выпадали иногда великолепные находки, которыми я делился со своими товарищами по роте и особенно со своим полковником.

Так как лошади не были редки, Бастьен легко доставал себе маленькую лошадку местной породы.

Накинув на себя *овчинный тулуп* и надев на голову шапку, снятую с убитого казака, он удалялся иногда

на довольно большое расстояние от армии и в конце концов всегда открывал не покинутую еще жителями деревню.

Здесь с помощью переодевания и своих познаний в русском языке он выдавал себя за жителя сожженной французами деревни и просил съестных припасов для себя и своей семьи, бежавшей от французов. Если иногда ему не хотели давать даром, то никогда не отказывались продавать; и так как карманы убитых не всегда оказывались пустыми и так как считали совершенно бесполезным хоронить деньги вместе с их владельцами, то он добывал себе чем заплатить местной монетой за то, что <приносил> с собою вечером в лагерь...

Мы подвигались к Москве, но очень медленно: русская армия не отступала так, как до взятия Смоленска, а защищала каждую пядь земли, причиняя нам большой урон артиллерийским огнем всякий раз, когда ее артиллерия находила удобную позицию для того, чтобы поставить батарею.

Каждый вечер после захода солнца, еле живые от усталости, умирая от голода и жажды, мы разбивали свой лагерь в поле или в еловом лесу. Здесь, растянувшись у ног своих лошадей, мы ждали, пока мародеры не найдут деревни, хутора или даже покинутой хижины. Желаемую весть приносили нам стрелки, которые возвращались к своим ротам, нагруженные соломой, картофелем, всем, что можно было спасти от пожара.

Тогда все устремлялись туда в надежде найти немного пищи для себя или по крайней мере для своей лошади, но только очень редко в селении находилось достаточное количество запасов, чтобы удовлетворить эту голодную толпу, и поневоле приходилось ограничиваться отложенным еще днем куском конины, поджаренным на острие сабли, которая тогда выполняла роль вертела, на огне лагерного костра.

КОМБ

В Дорогобуже мы наконец узнали обо всем, что делалось в великой армии за наше отсутствие; что произошло у Смоленска и от Смоленска до Дорогобужа; как Наполеон победоносно и быстро движется к Москве; что он уже в Вязьме и что вся большая дорога от самого Смо-

ленска так же опустошена, как здесь, вокруг нас, у Дорогобужа. Нам советовали запастись необходимым, ибо на всем пути позади армии ничего не найдешь ни для людей, ни для лошадей. Но где взять, когда брать нечего? Пришлось двигаться дальше наудачу, без всяких запасов.

Мы продолжали свой путь по разоренной дороге. Ранним утром нам попался курьер, отправленный Наполеоном из Вязьмы в Вильну. Ему некогда было отвечать на наши расспросы, однако он крикнул нам, что не помешало бы нам поторапливаться, чтобы принять участие в генеральном сражении. Мы прошли в этот день 42 версты.

На полдороге, приблизительно на версту вправо от большой дороги, мы увидели монастырь (Болдино), о котором у нас ходила молва, что это женский монастырь, в котором французы помимо грабежа насильственным и весьма нехристианским образом предавались любви. К вечеру нам опять ласково светило солнце, мы расположились у прекрасного поместья на возвышенности и в изобилии нашли созревшие хлеба для своих усталых коней, зато все остальное давно уже было съедено.

В глаза нам бросались такие же предметы, как и вчера. На прекрасной дороге и близ нее виднелись остатки сожженных или брошенных и начисто разграбленных домов и деревень, шалаши русских и французов, следы тех и других, какие часто остаются при быстрых передвижениях, — клочки одежды, сломанные колеса и телеги, сбруя, трупы, дохлый выючный и убойный скот. Жителей тех мест мы не видели даже тогда, когда мы ради корма лошадям и пропитания себе далеко отклонялись от большой дороги. И не только города и села, но и прилегавшие к дороге леса носили на себе самые явные следы этой опустошительной войны.

Теперь мы ежедневно встречали все больше отсталых от великой армии в странных сочетаниях и образах. Нередко попадались небольшие телеги, запряженные в одну или в пару тощих лошадей (их звали в ту пору не конями, а коняками); на телеге кое-какие припасы и три-четыре гордых гвардейца или гренадера, довольствующихся кое-как. Телегу обычно окружало еще несколько солдат, изнуренных жарой и тяжестью своего вооружения и багажа, либо спешенных кавалеристов со своей поклажей, не приспособленной к носке. Иногда попадались

огромные кирасиры на мелких польских крестьянских лошадках, волочившие ноги по земле. Иногда такой всадник окружен был многими своими товарищами, но уже без лошади. В другом месте двое — четверо егерей гнали перед собой усталую скотинку. То в смешном, то в жалком виде такие отряды грабителей, мародеров, легкораненых и отставших в поисках за провизией тянулись за великой армией к одной великой цели — к Москве.

Борясь с нуждой и кое-как перебиваясь, мы прибыли 4 сентября в Вязьму. Здесь военные события были еще свежее, а опустошение только что началось. Ласково встретившая нас часть города, со стороны нашего прибытия, пострадала лишь от грабежа, но не от огня; зато противоположная часть, откуда дорога повела нас на Гжатск и Можайск, еще дымилась от пожара.

Мы встретили много раненых офицеров и солдат из легкой кавалерии Мюрата, рассказавших нам, что за городом русская конница оказала упорное сопротивление, что могло показаться, будто здесь дело дойдет до настоящей битвы, что было много раненых.

Мы шли дальше по большой дороге, которая все более и более являла картину войны. Нам попадались нагромождения телег и лагерные огни, встречались раненые, кругом валялись тела павших воинов, и по всему можно было узнать, что мы все ближе к великой армии...

В эту ночь и на следующее утро в первый раз стало заметно холодней; мы очень зябли, однако полуденное солнце снова согрело нас. Еще чувствительнее холод стал 5 сентября, когда мы на заре подошли к городку Гжатску. Уже попадались всадники в бабьих шубах и наушниках из овчины и т. п. Эти новые костюмы давали богатую пищу смеху, однако не были запрещены. Полковий майор фон Гайсберг в последнюю ночь подарил мне шубу. За этот дар я по сию пору ему признателен. Я тщательно берег этот дар — вообще в то время хлеб и другое необходимое ценилось дороже золота — до тех пор, пока на обратном пути, за Оршей, я не лишился лошади и не был вынужден, идя пешком, сбросить шубу; так она и осталась в придорожном рве.

Нередко случалось, и в эту войну в особенности, что наши предшественники разбрасывали много соломы вокруг опустевших домов вдоль дороги; приходилось покидать лагерь, не потушив костров, огонь разгорался, ох-

ватывал уцелевшие от прежних пожаров деревянные дома, и мы покидали лагерные свои стоянки в огне, вовсе не будучи сознательными поджигателями. Такова уж война! Трубач трубит, бьют барабаны, хватаешься за оружие, идешь и не приходится думать о том, что делается позади.

РООС

Мы стоим лагерем в Веремееве (2 сентября).

Вице-король⁵³ занимает очень красивый дворец, принадлежащий князю Кутузову. Спустя немного времени после своего прихода в сопровождении адъютантов и обычного конвоя драгун он пожелал ознакомиться с окрестностями, но едва прошел версту, как увидел, что впереди вся долина полна казаков. Они надвинулись, чтобы захватить довольно малочисленную группу, состоящую из вице-короля и его конвоя. Лейтенант Бокканера во главе нескольких драгун, понимая опасность, которой подвергался принц, бросился смело им навстречу, решаясь скорее погибнуть, чем допустить, чтобы рука опустилась на его начальника. Не знаю, случайно или благодаря отваге, которую выказали наши храбрецы, или, быть может, в силу новых полученных приказаний, но только казаков, собиравшихся помериться с нами оружием, стало значительно меньше. Их скоро привели в расстройство, и они спешно галопом поскакали догонять своих.

Нам прочитан был приказ императора, помеченный сегодняшним днем, в Гжатске, предписывающий дневной отдых и общую перекличку в три часа дня, перекличку, несомненно, для того, чтобы знать число людей, которыми можно располагать в сражении. Нам было приказано тщательно осмотреть оружие, патроны, артиллерию и госпитали; мы должны были также предупредить солдат, что момент большого генерального сражения наступил, что нужно быть к нему готовым.

Перекличка показала, что боевые силы состоят из 103 000 пехотинцев, 30 000 кавалерии и 587 пушек.

Все менее необходимые повозки приказано было поставить в хвосте колонны и сжечь все поврежденные. Несомненно, что движение артиллерии благодаря этому значительно облегчилось. Но многие из генералов и начальников войск не желали терять из виду как своих,

лично им принадлежащих повозок, так равно и тех, которые были нагружены провиантом для их отрядов. Наконец, мы постоянно нуждаемся в наиболее необходимой утвари для лагеря, для кухни, для съестных припасов. И тем не менее, желая показать пример, император приказал в своем присутствии сжечь две повозки своего адъютанта Нарбонна...⁵⁴

В виду Валуева, 5 сентября. Сегодня на заре мы выступили в поход в обычном порядке; мы шли по кровавым следам войск Коновницына⁵⁵. При выходе из леса, запруженного казаками, обращенными в бегство итальянской кавалерией, мы прошли несколько деревень, опустошенных русскими. Разорение, которое оставляли за собой эти татарские орды, указывало нам дорогу. Подойдя к склону холма, мы увидели на одной из возвышенностей несколько их эскадронов, развернутых в боевом порядке вокруг прекрасной усадьбы, возвышавшейся над всей местностью. Вице-король тотчас отделил легкую кавалерию авангарда, которая, несмотря на трудности пути, вошла на возвышения в прекрасном порядке. По мере того как она подвигалась вперед, враг отступал.

По другую сторону холма легкая артиллерия гвардии, которая успела построить батарею в несколько орудий на террасе господского дома, послала им вдогонку несколько пушечных выстрелов, затем лишь, чтобы заставить их только ускорить шаг. И мы видели, как длинные ряды неприятельских колонн удалялись, прогоняемые нашим авангардом, видели, как они взобрались потом на возвышенность, стоящую в пол-лье от нас.

Трудно представить себе окружающую нас картину опустошения. Ни травы, ни соломы, ни деревца; нет ни одной деревни, которая не была бы разрушена вконец. Невозможно найти в них хоть сколько-нибудь пищи для лошадей или съестных припасов для себя, ночью нечем поддерживать огонь. Одно только притягивает к себе наше внимание в этой печальной и жалкой картине — это Колоцкий монастырь, который сам по себе составляет целую деревню. Он находится в трех верстах от Гривнева и в полверсте от речки Колочи, протекающей направо от него. Построенное во времена готов, это сооружение часто служило цитаделью во время междоусобных войн, да и до сих пор оно окружено траншеями.

На первый взгляд этот огромный монастырь, снизу поднимавшийся перед нами, производил впечатление горо-

да. Разноцветные крыши его блестели под лучами солнца. Наша кавалерия торопилась и на бегу своим поднимала густые облака пыли. Это было полным контрастом печальному и безжизненному виду, окружавшему нас. Было два часа дня. Одни авангарды медленно подвигались. Итальянская армия остановилась и выстроила свои батальоны колоннами на нескольких возвышенностях.

Вице-король после прогулки некоторое время прохаживался по террасе господского дома, а затем направился к авангарду, сопровождаемый гвардейскими драгунами, между которыми было и несколько стрелков; он обозревал русские позиции. Только что он прибыл туда, как подъехал император; они долго беседовали вместе, рассматривая окрестность. Затем, сделав необходимые распоряжения, император ускакал галопом, чтобы присоединиться к корпусу, с которым он шел. Вице-король, не покидая занятого им холма, разослал своих адъютантов с приказаниями снова продолжать движение.

Мы — среди песков, с длинными рядами ив и кустарника по сторонам; за ними скрывается Валуево, где император устроил свою главную квартиру. Только что мы расположились в нашем лагере, как перед нами открылось грандиозное зрелище: русские, стоящие лагерем на возвышении в форме амфитеатра, зажгли массу огней, которые в целом образовали большой полукруг. Огни отбрасывали яркие отблески на горизонт и производили поразительный контраст с нашими слабо мерцавшими кострами. Дело в том, что мы в совершенно незнакомой местности, ничего у нас не приготовлено и в топливе недостаток. То немногое, что мы находим второпях и в потемках, — мокро и сыро. Наши огни поэтому не только не сияют, но они распространяют вокруг нас облака густого черного дыма и отбрасывают во мраке лишь бледный отсвет. Одни стараются как-нибудь устроить себе шалаши из листвы, так как погода суровая. Другие сидят вокруг котлов и присматривают за своим скромным ужином. Те, у кого есть ржаная мука, готовят род теста, который зовут, не знаю почему, пульта. Около полуночи начинает накрапывать мелкий холодный дождь при сильном ветре: очень скоро наш лагерь становится сплошной топью.

На заре мы с радостью узнали, что русская армия осталась на своих позициях: мы смотрели, как они окапывались.

Император сам поехал под выстрелы батарей обозревать передовые посты. Почти весь день, как с той, так и с другой стороны, прошел в разведках и приготовлениях.

Тишина нарушалась время от времени или пушечными выстрелами, или перестрелкой на аванпостах.

ЛОЖЬБЕ

ШЕВАРДИНСКИЙ РЕДУТ

Направо, ниже нас, виднелся Колочский монастырь: большие башни придавали ему вид города. Глянцевитые черепицы его крыш, освещенные солнечными лучами; блестяли сквозь густую пыль, поднятую нашей многочисленной кавалерией, и только еще сильнее заставляли выступать темные и мрачные тона, разлитые по всем окрестностям; русские, намереваясь остановить нас перед этой позицией, ужасающим образом опустошили равнину, на которой мы должны были расположиться. Еще зеленая рожь была срезана, леса вырублены, деревни сожжены — словом, нам нечего было есть, нечем кормить лошадей и негде приютиться.

Мы остановились на одном холме, между тем как центр армии усердно преследовал неприятеля и принуждал его отступать на возвышенность, где он окопался. В таком бездействии мы оставались до второго часа пополудни, когда вице-король, сопровождаемый своим штабом, поехал осматривать траншеи позиции, выбранной Кутузовым. Мы начинали объезжать строй, когда наши караульные драгуны сигнализировали о приезде императора: его имя тотчас же передалось из уст в уста, и мы остановились, ожидая его; он скоро явился в сопровождении своих главных офицеров. Стоя на возвышенности, с которой легко было увидеть лагерь русских, он долго наблюдал их позицию; потом он осмотрел окрестности и с довольным видом стал напевать какие-то незначительные слова; поговорив с вице-королем, он сел на лошадь и ускакал галопом, чтобы сговориться с командирами других корпусов армии, которые должны были содействовать атаке...

У русских около нашего крайнего правого фланга был редут, расположенный между двумя лесами над деревней Шевардино, его убийственный огонь нес ужас в наши

ряды. Они устроили его для укрепления левого крыла, являвшегося слабой стороной их укрепленного лагеря. Наполеон понял это, и с этого момента вопрос был только в том, чтобы захватить этот редут; честь захвата была вверена солдатам дивизии Компана⁵⁶ (пятой дивизии первого корпуса). Эти храбрецы, построенные в колонну для атаки, шли на деревню с такой отвагой, которая обеспечила нам успех всего предприятия. В это время князь Понятовский с нашей кавалерией на правом фланге обходил позицию; поднявшись достаточно высоко, дивизия Компана окружила редут и взяла его после часового боя. Попытавшийся вернуться неприятель был наголову разбит; наконец после десяти часов вечера он покинул соседний лес и в беспорядке бежал на большую возвышенность, чтобы соединиться с центром своей армии.

Дивизия Компана, выйдя с честью из такого предприятия, поплатилась значительными потерями. Тысяча наших солдат купила свою кровью эту важную позицию, и более половины из них полегли в тех самых окопах, которые они захватили с такой славой. На другой день, делая смотр 61<-му> полку, наиболее пострадавшему, император спросил полковника, куда он девал один из своих батальонов. «Государь, — было ответом, — он в редуте».

ЛАБОМ

БОРОДИНО

Наполеон, приказав произвести рекогносцировки, отдал приказания двинуться и приготовиться к следующему дню. Король Неаполитанский считал все эти распоряжения излишними: он овладел главным редутом, левая сторона позиции была обойдена. Он не думал, чтобы русские пожелали принять бой; он полагал, что за ночь они отступят. Но не таково было их намерение: они копали окопы, носили землю и укрепляли свою позицию. На следующее утро мы заметили, что все они были за работой. Было 11 часов, когда Наполеон послал меня на рекогносцировку: мне было поручено приблизиться, насколько возможно, к неприятельской линии. Я снял свои белые перья, надел солдатскую шинель и осмотрел все с наивозможной тщательностью; сопровождал меня один лишь гвардейский стрелок. В нескольких местах я проник за линию русских пикетов. Деревня Бородино отделялась от наших

постов всего лишь одним узким и глубоким оврагом. Я слишком далеко зашел вперед, и в меня два раза выстрелили из пушки картечью; я удалился и часам к двум вернулся к своим и явился к Наполеону с докладом обо всем виденном. Наполеон разговаривал с королем Неаполитанским и князем Невшательским. Мюрат изменил свое мнение: к удивлению своему, увидев на рассвете, что неприятельская линия была по-прежнему развернута, он решил, что предстоит бой, и приготовился к нему. Однако другие генералы продолжали утверждать, что русские не рискнут на битву; что касается меня, я думал противное; я заметил, что у русских много войска и довольно хорошая позиция; по моему убеждению, они должны были атаковать нас, если мы не предупредим. Наполеон сделал мне честь согласиться с моим мнением, которое разделял и Бертье. Он потребовал своих лошадей и лично произвел ту же рекогносцировку, что и я*. Под Бородином его встретили так же, как и меня; картечный огонь заставил его удалиться. Все виденное им укрепило его в убеждении, что он не ошибся, и, вернувшись, он отдал соответствующие приказания.

Настала ночь. Я был дежурным и спал в палатке Наполеона. Отделение, где он спал, обычно было отделено полотняной перегородкой от другого, где спал дежурный адъютант. Император спал очень мало. Я будил его несколько раз, чтобы передать ему рапорты с аванпостов, которые все доказывали, что русские ожидали атаки. В три часа ночи Наполеон позвал камердинера и приказал принести себе пунша; я удостоился чести пить его вместе с ним. Он осведомился у меня, хорошо ли я спал; я ответил, что ночи стали уже свежими и что меня часто будили. Он сказал мне: «Сегодня нам придется иметь дело с этим пресловутым Кутузовым. Вы, конечно, помните, что это он командовал под Браунау. Он оставался в этом месте три недели, ни разу не выйдя из своей комнаты; он даже не сел на лошадь, чтобы осмотреть укрепления. Генерал Беннигсен⁵⁷, хотя тоже старик, куда бойчее и подвижнее его. Я не знаю, почему Александр не послал этого ганноверца заместить Барклая. — Он выпил стакан пунша, прочел несколько донесений и продолжал: — Ну, Рапп, как ты думаешь, хорошо у нас пойдут сегодня дела?» — «Без сомнения, Ваше Величество; мы исчерпали

* 6 сентября 1812 г. <Прим. авт.>

все свои ресурсы и должны победить по необходимости». Наполеон продолжал свое чтение и потом заметил: «Счастье — самая настоящая куртизанка; я часто говорил это, а теперь начинаю испытывать на себе». — «Как, Ваше Величество, помните, Вы сделали мне честь сказать под Смоленском, что дело начато и надо довести его до конца? Именно теперь это справедливо более, чем когда-либо; теперь уже некогда отступать. Кроме того, армия знает свое положение: ей известно, что припасы она может найти только в Москве, до которой ей осталось всего лишь 120 верст». — «Бедная армия! Она сильно-таки поубавилась; но зато остались лишь хорошие солдаты; кроме того, и гвардия моя осталась неприкосновенной». Он послал за Бертье и работал до половины шестого. Мы сели на лошадей. Трубили трубы, слышался барабанный бой. Лишь только войска заметили императора, раздались единогодушные клики.

— Это энтузиазм Аустерлица! Прикажите прочесть воззвание*.

«Солдаты!

Вот битва, которой вы так желали! Победа зависит от вас; нам она необходима; она даст нам обильные припасы, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение на родину. Ведите себя, как под Аустерлицем, Фридрихсдорфом, Витебском, Смоленском, чтобы самое отдаленное потомство приводило в пример ваше поведение в этот день. Пусть о вас скажут: „Он был в этой великой битве под Москвою“».

Клики усилились, войска сгорали нетерпением сразиться, и бой скоро начался.

Итальянцы и поляки стояли на флангах. Наполеон действовал против левого фланга неприятеля. Впрочем, никаких точных сведений мы не имели; женщины, дети, старики, скот — все исчезло; не оставалось никого, кто мог бы дать нам малейшие указания. Ней двинулся на неприятеля и прорвал его с той силой и стремительностью, которые он проявлял уже неоднократно. Мы овладели тремя редутами, поддерживавшими неприятеля. Последний подоспел со свежими силами, в наших рядах произошло замешательство, и мы очистили два из этих укреплений; даже третье было в затруднительном положении. Рус-

* Помеченное императорским лагерем, под Бородином 7 сентября, в два часа утра. (Прим. авт.)

ские стояли уже на гребне рвов. Король Неаполитанский, заметив опасность, примчался, спешился, вошел в редут и появился на парапете; своим призывом он воодушевил солдат. Редут снова наполнился, огонь принял страшные размеры, атакующие не решились рискнуть на приступ. Появилось несколько эскадронов; Мюрат сел на лошадь и опрокинул колонны, рассеянные по равнине. Мы снова овладели ретраншементами* и утвердились в них, чтобы больше уже не покидать их. Этот отважный удар решил судьбу дня.

Генерал Компан был ранен, я принял командование его дивизией. Она входила в состав корпуса маршала Даву. Она овладела одной из укрепленных окопами неприятельских позиций и сильно пострадала. По прибытии к ней я сговорился с маршалом Неем, на правом фланге которого я находился. Наши войска были в беспорядке; мы собрали их и, ринувшись на русских, заставили их дорого поплатиться за успех. Канонада, оружейный огонь не прекращались. Пехота, кавалерия с ожесточением бросались друг на друга в атаку из одного конца боевой линии в другой. Мне еще ни разу не приходилось видеть такой резни.

Мы слишком усилили свой правый фланг, и король Неаполитанский один подвергся губительному огню батарей Семеновского. У него были лишь конные войска; глубокий овраг отделял его от деревни, и овладеть ею было нелегко: тем не менее это было необходимо, чтобы не быть в конце концов разгромленным картечным огнем. Генерал Беллиар⁵⁸, видя перед собой лишь неглубокие ряды легкой кавалерии, предлагает оттеснить ее подалее и, повернув налево, ударить на редут. «Скачи к Латур-Мобуру**», — отвечает ему Мюрат, — прикажи ему взять бригаду кирасир французских и саксонских, перейти овраг, изрубить всех, галопом влететь с задней стороны на редут и заклепать орудия. Если это ему не удастся, пусть он возвращается в том же направлении. У тебя в распоряжении будет батарея в сорок орудий и часть резерва, чтобы прикрывать отступление». Латур-Мобур двинулся, опрокинул и рассеял русских и овладел укреп-

* Ретраншемент (*уст.*) — вспомогательная фортификационная постройка для усиления внутренней обороны после захвата противником части расположенной впереди полевой позиции или долговременного укрепления. *(Прим. сост.)*

** Генерал кавалерийской дивизии. *(Прим. авт.)*

лениями. Фриан явился и занял их. Весь резерв прошел и расположился с левой стороны деревни. Оставался лишь один окоп, обстреливавший нас с фланга и сильно нам мешавший. Резерв, только что овладевший одним окопом, решил, что может справиться и с другим. Двинулся вперед Коленкур, сея издали смятение и смерть. Он внезапно обрушился на редут и овладел им. Но один солдат, спрятавшийся в амбразуре, убил его наповал. Он почил сном храбрецов и не был свидетелем наших злоключений*.

Все бежали, огонь прекратился, резня приостановилась. Генерал Беллиар отправился на рекогносцировку в лес, находившийся на некотором расстоянии. Он заметил дорогу, ведущую по направлению к нам; она была наполнена удалявшимися войсками и обозами. Если бы перерезать ее, вся правая (часть) неприятельской армии была бы замкнута в том сегменте, в котором она теперь находилась. Он предупредил об этом Мюрата. «Скачи и доложи об этом императору», — ответил ему тот. Беллиар поскакал, но Наполеон не счел момента подходящим. «На моей шахматной доске для меня еще не все ясно. Я жду известий от Понятовского**». Поезжайте, осмотрите все и возвращайтесь». Генерал вернулся, но время уже было упущено. Русская гвардия двигалась вперед; пехота, кавалерия — все надвигалось для возобновления атаки. Генерал еле успел собрать несколько орудий. «Картечь, опять картечь и все время картечь», — сказал он артиллеристам. Открыли огонь, результаты его были ужасны; в несколько минут земля покрылась трупами, разгромленная колонна рассеялась подобно тени. Она не успела дать ни одного ружейного залпа. Артиллерия ее появилась лишь несколько минут спустя, и мы овладели ею.

Битва была выиграна, но жестокий огонь все еще продолжался. Пули, гранаты сыпались градом вокруг меня. В течение часа я был задет четыре раза: сначала двумя пулями довольно легко, затем в левую руку пулей, которая сорвала сукно с моего рукава и рукав рубашки вплоть

* Битва под Москвой (Бородино) 7 сентября 1812 г. Кроме Коленкура в этот день были убиты генералы Монбрен⁵⁹, Тарро, Камьер, Гюар, Марнон, Маршан, Ланабер, Дюма, Ромеф⁶⁰. *⟨Прим. авт.⟩*

** Понятовский — племянник последнего польского короля, сражался в рядах французской армии. За его блестящие подвиги в битве под Вахау 16 октября 1813 г. он был возведен в маршалы Франции, но три дня спустя, во время битвы при Лейпциге, он потонул вместе с лошадью при переправе через Эльстер. *⟨Прим. авт.⟩*

до тела. Я командовал в это время 61-м полком, который я знал еще с Верхнего Египта. В нем от того времени оставалось еще несколько офицеров, и странно было нам встретиться здесь. Вскоре я был ранен в четвертый раз, картечью ударило меня в левое бедро, и я свалился с лошади. То была в общей сложности двадцать вторая моя рана. Я вынужден был покинуть поле битвы и сообщил об этом маршалу Нею, войска которого перемешались вместе с моими.

Генерал Дессе*, единственный генерал из этой дивизии, еще не раненный, сменил меня; через минуту у него была перебита рука. Фриан был ранен позже.

Перевязку мне делал хирург Наполеона. Император сам навестил меня. «Опять, значит, твоя очередь? А как дела?» — «Ваше Величество, я думаю, Вам придется пустить в дело гвардию». — «Я не сделаю этого, не хочу рисковать ею. Я уверен, что выиграю битву без ее участия». И действительно, гвардия в бою не участвовала, за исключением тридцати орудий, сделавших прямо чудеса.

День кончился; пятьдесят тысяч человек легли на поле битвы. Множество генералов было убито или ранено: их выбыло из строя около сорока.

Мы захватили пленных, отняли несколько орудий, но этот результат не вознаграждал нас за потери, которых он нам стоил.

РАПП

7 сентября. Всю эту ночь мы принуждены были провести на сырой земле, без огней. Дождливая и холодная погода резко сменила жару. Внезапная перемена температуры вместе с необходимостью обходиться без огня заставила нас жестоко страдать последние часы перед рассветом. Кроме того, мы умирали от жажды, у нас не доставало воды, хотя мы и лежали на влажной земле.

В эту ночь наконец пришел к нам приказ о решительной атаке. Наступал великий, столь нетерпеливо ожидавшийся день. Вице-король должен будет овладеть деревней

* Дессе — родился в 1764 г. в Ганоне, в Савойе, был выдающимся дивизионным генералом, ум(ер) в 1834 г. Его прозвали «Савойским Баярдом». (Прим. авт.)

Бородино и затем, перейдя три моста, занять высоты, а находящиеся под его начальством генералы Моран и Жерар⁶¹ должны будут двинуться вперед для захвата главного неприятельского редута, — все это в порядке и методически, с соблюдением возможно большей осторожности. Таковы распоряжения императора, поскольку они касаются нас. С восходом солнца мы находимся уже на позиции. Я не могу не провести параллели между русской армией и нашей. Мы выступаем плохо одетые, наполовину замерзшие, утомленные, невыспавшиеся. «Слава и честь, — шутят солдаты, — вот единственные напитки, которые дают нам смелость для того, чтобы сражаться и побеждать».

Вице-король нашел, что мы чересчур открыты, и сейчас же приказал заняться кое-какими защитительными работами — их начинают вести вокруг итальянской батареи, стоящей под руководством генерала <д'>Антуара⁶². Батарея находилась в расстоянии около 850 туазов* от главной русской батареи, но ее двинули вперед еще на 500 туазов. Русские, вопреки ожиданиям, нисколько этому не противились...

В 5¹/₂ часов утра солнце рассеивает туман. Тотчас же новые адъютанты рассылаются во всех направлениях, чтобы окончательно увериться, хорошо ли выполнены приказания, отданные в эту ночь. Бьет барабан, и каждый полковник громким голосом читает своему полку прокламацию императора...

Тысячекратные возгласы: «Да здравствует император!» — были ответом на это лаконическое приглашение. Все удивляются выразительности, простоте и мощной силе императорской прокламации, которая так хорошо соответствовала теперешним обстоятельствам. «Она достойна главы армии», — слышались замечания. Пушечный выстрел послышался с батареи правой стороны и дал наконец сигнал к сражению. Было ровно 6 часов.

В 6¹/₂ часов вице-король дает приказ генералу Дельзону⁶³ атаковать деревню Бородино, занятую егерским полком русской гвардии. В момент, когда 106-й полк, которому поручено было это дело, пробирался в деревню, стоявший во главе его генерал Плезон⁶⁴ падает, смертельно раненный. Деревня взята, и русские стрелки отступили по ту сторону Колочи.

* Туаз — единица длины во Франции, равна 1,949 м. <Прим. сост.>

Этим, собственно, ограничились инструкции, данные 106 <-му> полку, но, охваченный наступательным пылом, он быстро переходит мост, устроенный неприятелем на Колоче позади деревни, и двигается к неприятельским рядам.

Русские стрелки, подкрепленные двумя новыми полками, ставят себе задачей отразить 106-й полк. Последнему дорого пришлось бы заплатить за свой риск, но 82-й полк на звуки пушечных выстрелов устремился на помощь к нему беглым шагом, атакуя три неприятельских полка, освободил 106-й и с триумфом возвращается в Бородино согласно полученным приказаниям.

Помощник полкового командира Буассерфей заменил несчастного Плозона. Он тотчас делает несколько превосходных распоряжений для сохранения за собой Бородина, за которое, по общим инструкциям, нельзя было переходить в данный момент. В 8 часов с небольшим император посылает принцу Евгению⁶⁵ приказ повести решительное наступление на главный неприятельский редут, поддерживая этим движение Нея и Даву...

Поле битвы скрыто было от королевской гвардии возвышавшимся перед ней холмом, и мне решительно ничего нельзя было видеть. Но на другом склоне холма стояла итальянская батарея, и я выпросил у полковника Морони разрешение направиться к ней. Капитан Дальштейн и лейтенант Гвидотти также получили разрешение, и мы трое пустились в путь. Да, до конца жизни не позабуду я возвышенного впечатления, какое произвел на нас вид этого длинного и широкого поля сечи. Нельзя представить более благоприятной для наблюдения позиции, чем та, где мы находимся. Наш взгляд обнимает все изгибы широкого пространства, расположение различных армий, все действия, какие где-либо завязываются. Дивная панорама раскрывается перед нами.

Прежде всего нам бросается в глаза позиция русских; она образует половину амфитеатра, или полукруг, кривые которого соответствуют на другой стороне месту, где находится Наполеон. Находясь на левом фланге этого полукруга, я вижу перед собой в далеком расстоянии густой лес, заставляющий меня вспомнить о чудесных описаниях Тассо⁶⁶ и Ариосто⁶⁷. Из этого леса все время вырываются громадные столбы огня, сопровождаемого страшными ударами; под действием этих вихрей огня и дыма колеблются глубокие массы, чтобы идти навстречу другим огням, не менее страшным. Под блеском солнца свер-

кают оружие и амуниция пехотинцев и кавалеристов, марширующих навстречу одни другим. Внизу холма на нашем левом фланге бригада Плозона уже овладела Бородином, этим необыкновенно важным стратегическим пунктом при слиянии Колочи и Войны. Покатости этого холма спускаются к Колоче; несколько мостов ведут к широкой и открытой плоской возвышенности, через которую идет большая дорога в Москву, охраняемая расположенным влево от нее главным редутом.

В этот момент 30-й полк, под предводительством генерала Бонами⁶⁸, бросается в атаку. Солдаты держат себя удивительно, и я не могу оторвать глаз от этой группы героев. Отвлекает меня только непрерывающийся треск пальбы, поднимаемой во всех пунктах, где завязывается стычка, при различных шансах на успех. Мною овладевает неопишное волнение. Ведь я смотрю на все это, как посетитель цирка может смотреть на все происходящее перед ним на арене.

Но экстаз, овладевший мною, внезапно уступает место чувству сострадания. Несчастный полк, которым я только что восторгался, в данный момент подставляет себя на убой, и новые русские батареи выдвинуты для отражения итальянских батарей, расположенных на возвышенности, на которой я стою*.

В тот же момент звуки барабана заставляют меня вопреки желанию покинуть свою позицию. Сила обстоятельств вынуждает королевскую гвардию братья за оружие. Я спешно возвращаюсь к своему полку, который идет, чтобы принять участие в деле. Теперь я уже не могу видеть того, что происходит на нашем правом фланге. Я могу говорить лишь о том, что делается около нас. Несчастный 30-й полк не мог удержаться на занятой позиции. Русские, укрепленные успехом, стараются выгнать нас с высот и атакуют правый фланг дивизии Морана, и вице-король немедленно противопоставляет им дивизию Жерара. Наш

* 30-й полк действительно был буквально расстрелян: Оторванные части тел летали в воздухе, и солдаты умирали с криками: «Да здравствует император!» Русская дивизия Паскевича, защищавшая форт, должна была уступить. Только несколько человек 30-го полка проникли в форт вместе со своим генералом. В этой атаке особенное удивление вызывает адъютант Мармона⁶⁹ Фавье. Накануне он прискакал из Испании, чтобы сообщить Наполеону о проигранной битве. Он был принят очень плохо. Желая показать, чего стоила испанская армия, он на другой день добровольно сражался в первых рядах. Он пал раненный на этом форте рядом с ген. Бонами, который также был ранен. *(Прим. авт.)*

1-й полк легкой кавалерии, атакованный русскими драгунами, моментально разбивается на ряды, которые подпускают к себе русских, затем открывают пальбу рядами. Пальба отличается такой силой, что в мгновение ока площадь покрывается телами людей и лошадей, мертвых или раненых, и они создают новый барьер вокруг наших доблестных батальонов*.

Русская кавалерия исчезает. Батальоны 7-го полка, прикрытые дивизией Бруссье⁷¹ и итальянской артиллерией и выступом холма защищенные от огня русских батарей, пытаются сохранить свои позиции. Часть холма открывается нашим взорам, и мы видим ужасное зрелище корчащихся и изуродованных тел людей и лошадей, делающих последние усилия в борьбе со смертью; перед нами и вокруг нас обезображенные трупы, туловища, оторванные части тела — все это покрывает землю.

Русские опять получили новые подкрепления и удваивают усилия, чтобы выгнать с позиции наши дивизии.

Вице-король, видя, что его первая линия удерживается с трудом, дал приказ отрядам легкой артиллерии, гренадерам и стрелкам гвардии броситься вперед на небольшой бугорок подле Колочи. В королевской гвардии мы получаем приказ перейти эту речку, чтобы пойти на помощь атакованным дивизиям.

Огонь наших новых батарей в конце концов совершенно истребил русскую дивизию, стоящую против нас, но взамен ее мы сейчас же видим другую. Вся ярость битвы сосредоточивается теперь на пункте, где мы стоим. Четыре часа мы держимся под градом железа и свинца. Стойкость принца Евгения и доблесть его солдат выше всякой похвалы.

Общий бой ведется и в деревне Бородино и захватывает пространство до Старой Смоленской дороги. Более тысячи орудий сеют смерть. Пальба непрерывная, ужасная.

Вот новое положение, в каком мы очутились: дивизии Жерара, Морана и Бруссье, поддерживаемые королевской гвардией, борются с многочисленными русскими силами, упорно стремящимися к тому, чтобы выгнать их с возвышенности, которая ведет к главному редуту.

Вице-король в свою очередь решается сделать еще одно усилие: он соединяет войска, чтобы накрыть неприятеля

* В этом именно деле убит был наповал русский генерал Кутайсов⁷⁰, смело подший в огонь своих кавалеристов. <Прим. авт.>

со всех сторон и овладеть фортом. Королевская гвардия, до сих пор пассивно страдавшая от потерь, причиненных ей пушечными выстрелами, не будучи в состоянии производить ответные выстрелы, теперь волнуется от своего бездействия. Она убеждена, что от взятия этого окопа может зависеть результат дня; она ревниво хочет взять на себя всю честь за это дело и через посредство своих начальников добивается от вице-короля, чтобы исключительно ей поручен был натиск. Вице-король уступил. Все мы испускаем радостные крики. Полки строятся справа во взводную колонну. Легкие отряды открывают путь, за ними идут гренадеры, стрелки и драгуны. Радость, гордость, надежда сияют на всех лицах.

Русские заметили наше движение и тотчас же направляют в нашу колонну огонь из сотни орудий. Одни только крики: «Да здравствует император!», «Да здравствует Италия!» — раздаются в шуме падающих бомб и гранат, непрерывающегося свиста железа и свинца. Почти в тот же миг приходят спешные донесения вице-короля, что многочисленные отряды неприятельской кавалерии выступают из леса, чтобы отрезать наш левый фланг, и угрожают нас обойти. Последний прибывший адъютант сообщает нам, что Дельзон и Орнано⁷² смяты превосходящими силами неприятеля и вынуждены отступить для прикрытия итальянской батареи, Бородина, Войны и провианта. Они требуют поддержки прежде, чем неприятель получит подкрепление и еще подвинется вперед.

В сопровождении своего штаба принц Евгений сам скачет к этим местам, чтобы дать себе отчет в положении дела, предупреждает об этом императора, задерживает движение вперед королевской гвардии, заставляет ее повернуть и приказывает ей следовать за собой беглым шагом на другую сторону Колочи. Королевская гвардия, к огорчению своему, видит, что ее движение вперед остановлено, но не теряет надежды, что найдет случай вознаградить себя за вынужденный перерыв. Мы идем назад и в хвосте колонны доходим до атакованного пункта.

Новые неприятельские отряды (корпуса Уварова⁷³ и Платова⁷⁴) с каждым мгновением увеличиваются, выступают из леса, испуская пронзительные крики, и бросаются между войсками Дельзона и Орнано.

Эти последние, как слишком слабые, отступают в полном порядке после отчаянной схватки и стараются прикрыть Бородино и итальянские батареи. Русские батареи

с удвоенной яростью стреляют по нашему правому флангу и покрывают своими огнями деревню. Артиллерийский полковник Демэй убит.

Генерал Литуар⁷⁵ и полковник Милло, не прекращая огня впереди, вынуждаются теперь обратить все внимание на аррьергард. Они немедленно ставят туда несколько орудий, чтобы подготовиться ко всякой случайности. Итальянские артиллеристы, сохраняя порядок и хладнокровие, быстро проделывают все маневры, хотя все пространство покрыто трупами наших товарищей.

Вице-король галопом прискакал на позицию и, не находя другого, более подходящего места, выезжает в каре 84-го полка, на который тут же поведена была атака. Вице-король подбодряет людей, обещая, что скоро на помощь им явится королевская гвардия; и действительно, мы в этот момент переходим уже вброд Колочу и быстро двигаемся туда. Несмотря на внутренний пыл, усиливающийся от слухов, что принц находится в опасности, мы сохраняем величайшее хладнокровие. А тем временем силы русской кавалерии, непрерывно увеличивающиеся, возобновляют свои атаки против колонны 8-го кротского, 84-го и 92-го полков.

Мы без конца повторяем свои крики, чтобы предупредить о нашем приближении принца и войска, его окружающие. Но наши крики в то же время привлекают к себе и внимание наших противников (т. е. войск Уварова и Платова). Только что прибывшие полки королевской гвардии очутились лицом к лицу с неприятельской кавалерией. Разбившись на каре, мы устремились ей навстречу. Русские почти уж подступили к итальянским батареям и заставили их прекратить огонь; затем они опрокинули полки Дельзона. В этот-то момент они очутились перед королевской гвардией, поджидающей их со скрещенными штыками. После одной неудачной попытки русские в конце концов были отброшены сильным огнем с нашей стороны и побежали во всю прыть. Легкая кавалерия Орнано, которая перед тем должна была укрыться за нашими рядами, теперь желает взять свой реванш. С помощью драгун и отряда почетной стражи она вновь нападает на русских. Эти последние, страшно напуганные, спешно бегут через Войну и Колочу и не осмеливаются возвращаться.

Вице-король оставляет тогда кавалерию гвардии на этой позиции, лицом к лицу, и галопом возвращается на возвышенность к главному редуту в сопровождении гвардейской пехоты. Было около трех часов.

Все усилия сосредоточиваются теперь на редуте, который представляется поистине адской пастью. Но вот как-то внезапно на этой самой высоте, которая господствует над нами и которая в течение стольких часов сеяла смерть над нами и кругом нас, мы не замечаем более огней, все приняло вид какой-то горы из движущейся стали.

Кирасы, каски, оружие — все это блестит, движется и искрится на солнце и заставляет нас забывать об остальном. Это кирасиры Коленкура. Вице-король следует за ними во второй линии.

Командир батальона Дель-Фанте, из штаба вице-короля, обходит тогда слева редут во главе 9-го и 35-го полков и, несмотря на храбрую защиту отчаянно бьющихся русских, захватывает его. Осажденные не хотят сдаваться, и там происходит поэтому ужасная резня. Сам Дель-Фанте, увидав в схватке русского генерала — это был генерал Лихачев⁷⁶, — бросился к нему, обезоружил, вырвал его из рук освирепевших солдат и спас ему жизнь против его воли. «Ваше поведение, brave Дель-Фанте, — сказал ему вице-король, — было нынче геройским!» Он тут же, на поле битвы, назначил его адъютантом — награда, украшающая и принца и солдат. В тот же приступ мы завладели 21 русской пушкой, которую наши враги не успели увезти с редута.

Взятие этого редута, воздвигнутого нашими противниками с такими заботами, кажется, заканчивает в данный момент наши подвиги. Действительно, приходит приказание держаться на нем в ожидании новых предписаний. Обе армии опять располагаются лицом к лицу, причем наша на поле битвы, захваченном ценою таких героических усилий.

Ночь настала, и битва везде прекратилась.

ЛОЖЬЕ

Наполеон хотел обойти левое крыло русских; для предотвращения нашей атаки они поместили весь корпус Тучкова⁷⁷ (третьего) и московское ополчение в засаду за густым кустарником, прикрывавшим их крайний левый фланг, а их корпуса — второй, четвертый, пятый и шестой — образовали сзади две линии пехоты, прикрытой флангами, соединявшими лес с главным редутом. Несмотря на это препятствие, наши стрелки возобновили бой с новым ожесточением; и, хотя день кончался, огонь

с обеих сторон продолжался с тем же пылом. В то время распространился ужасный свет от нескольких подожженных направо деревень; горячность сражающихся, железо и огонь, изрыгаемые сотней пушек, несли всюду опустошение и смерть; солдаты нашего корпуса, построены в боевом порядке, с оружием в руках встречали смертельные удары и без замешательства смыкали ряды, как только ядро уносило нескольких товарищей.

Темнота ночи ослабила перестрелку, но не уменьшила нашего пыла; каждый, не будучи уверен в наносимых им ударах, решил, что лучше сохранить силы и боевые запасы на завтра. Как только мы прекратили стрельбу, русские, расположенные амфитеатром, зажгли многочисленные огни. Яркие симметрично расположенные огни придавали этому холму почти волшебный вид и составляли сильный контраст с нашими биваками, где лишенные дров солдаты отдыхали впотьмах, слыша вокруг только стоны несчастных раненых...

Окрыленный достигнутыми успехами, Кутузов приказал двинуть резерв, чтобы попытаться в последний раз счастья: императорская гвардия участвовала в этом деле. Собрал все вспомогательные войска, он атаковал наш центр, на который опирался наш правый фланг; был момент, когда мы боялись, что будем опрокинуты в этом месте и потеряем захваченный третьего дня редут. Однако первому польскому батальону после больших усилий удалось взять штурмом холм, господствующий над всей равниной; но, несмотря на поддержку батальонов, сопротивление неизмеримо большей силе было невозможно. Отброшенные с этого холма, они держались в перелеске. Император послал им приказ стойко держаться и осыпать потерянную ими позицию снарядами большого калибра. В это время генерал Дюфур⁷⁸ защищал во главе 15-го полка легкой кавалерии высоты впереди деревни, примыкающей к одному редуту; подоспевший с остатками своей дивизии и двадцатью четырьмя пушками генерал Фриан остановил неприятельские колонны, которые в течение двух часов продержались под картечью, не смея двигаться вперед и не желая отступать. Этою их нерешительностью воспользовался Неаполитанский король и вырвал у них победу, которая, казалось, уже была в их руках; сейчас же он отдает приказ всей кавалерии заехать за редуты; корпус Латур-Мобура, бывший в резерве, последовал за нею; король приказал ему, перейдя овраг, ударить на массы русских и на их кирасирские эскадроны. Приве-

денные в замешательство таким смелым наступлением, они отступают и рассеиваются во все стороны.

Принц Евгений пользуется удобным моментом, летит на правый фланг и приказывает одновременно начать атаку первой, третьей и четырнадцатой дивизиям, которые все еще сражались. Построенные в боевом порядке, спокойно двинулись эти полки вперед; они уже приближались к неприятельским окопам, когда все пушки батареи стали стрелять картечью, что внесло в наши ряды опустошение и ужас. Наши солдаты сначала пришли в замешательство от этого губительного отпора; заметив это, вице-король стал ободрять их, напоминая каждому полку заслуженную им в различных обстоятельствах славу, говоря одному: *«Сохраните доблесть, которая дала вам имя непобедимых»*, другим: *«Подумайте, ведь ваша слава зависит от этого дня»*, потом, обратившись к 9-му линейному полку, он воскликнул с волнением: *«Храбрые солдаты, вспомните, что при Ваграме вы были со мной, когда мы опрокинули центр врага!»* Он настолько воспламенил их такими словами, а еще больше своим примером, что повсюду прошло радостное волнение и, двинувшись снова на редут, все поклялись честью и родиной, что ни пули, ни ядра, ни раны не заставят их ни на шаг отступить. Принц хладнокровно командовал атакой, объезжая ряды, и вел ее сам, ободряя дивизию Бруссье, в то время как генерал Нансутти⁷⁹ во главе первой дивизии кавалерии генерала Сен-Жермена⁸⁰ мужественно атаковал все, что было направо от редута, и очищал равнину до оврага перед одной сожженной деревней. Вместе с ним во главе шла стрелковая бригада под начальством генералов Пажоля⁸¹ и Шуара⁸², опрокидывая все, что встречалось ей на пути. Она покрыла себя славой, равно как и стрелки генерала Пажоля.

Только что генерал Монбрен во главе своей кавалерии закончил свою доблестную жизнь, как принадлежащая к тому же корпусу кирасирская бригада получила приказ атаковать бывшего налево врага и идти на приступ большого редута, который обстреливал все фланги нашей кавалерии. Эта бригада под командой генерала Коленкура сейчас же бросилась на редут, и мы были поражены представившимся нам изумительным зрелищем; казалось, что вся возвышенность, господствующая над нами, обратилась в движущуюся железную гору: блеск оружия, касок и панцирей, освещенных солнечными лучами, смешивался с огнем орудий, которые, неся смерть со всех

сторон, делали редут похожим на вулкан в центре армии.

Стоявшая вблизи за оврагом неприятельская пехота встретила таким ужасным залпом наших кирасир, что принудила их отступить; наша пехота заняла их место... Наши полки, выйдя из окопов, произвели страшное истребление русских, все усилия которых были направлены к тому, чтобы помешать нам захватить окопы снова. Несмотря на ужасающий огонь неприятеля, вице-король и его штаб шел впереди дивизии Бруссье, за которой следовали 7-й и 13-й легкой кавалерии, 21-й и 30-й полки. Добежав до редута, они ворвались в него через горловину и перебили артиллеристов на орудиях, которые те обслуживали. Изумленный этой атакой Кутузов сейчас же выдвинул гвардию, чтобы постараться взять обратно позицию; это была лучшая часть его кавалерии. Туда поспешили генерал Лагуссе⁸³, принявший командование после того, как был ранен граф Груши⁸⁴, и генералы Шастель⁸⁵ и Думер⁸⁶; столкновение русских кирасир и наших драгун было ужасно. Генерал Тири⁸⁷ и полковник де Лафорс были ранены; ожесточение боя обнаружилось, когда после отступления неприятеля поле битвы оказалось покрытым убитыми...

Внутренность редута была ужасна; трупы были навалены друг на друга, и среди них было много раненых, криков которых не было слышно; всевозможное оружие было разбросано на земле; все амбразуры разрушенных наполовину брустверов были снесены, и их можно было только различить по пушкам, но большинство последних было опрокинуто и сорвано с разбитых лафетов. Я заметил среди этого беспорядка труп русского артиллериста, у которого было три ордена в петлице: казалось, что храбрец еще дышит; в одной руке он держал обломок сабли, а другой крепко обнимал пушку, которой так хорошо послужил.

Неприятельские солдаты, занимавшие редут, предпочли погибнуть, чем сдаться; та же участь постигла бы и командовавшего ими генерала, если бы уважение перед его храбростью не спасло ему жизнь. Этот достойный воин хотел сдержать данное слово и умереть на своем посту; оставшись один, он бросился нам навстречу, чтобы погибнуть; он был бы задушен, если бы честь захвата такого пленника не остановила жестокость солдат. Вице-король ласково принял его. Принц, желая уважить храбрость и в несчастии, поручил полковнику Асселину отвести его к императору, который в течение этого памятного дня все время оставался за центром, нетерпеливо ожидая

результатов горячего боя на нашем крайнем правом фланге, в котором участвовали первый корпус и поляки. Обойдя русских в этом месте, принц Экмюльский облегчил герцогу Эльхингенскому кровавую повторную атаку, сделанную третьим корпусом, чтобы опрокинуть центр неприятеля. На его левом крыле Багратион стойко выдерживал наш напор; подкрепленный гренадерскими дивизиями Строганова⁸⁸ и Воронцова⁸⁹, он сперва нанес большой урон полякам; но, когда наш успех в центре был обеспечен, князь Понятовский повел новую атаку на холм, с которого раньше был отброшен; успех был полный благодаря помощи кавалерии генерала Себастиани⁹⁰. Подкрепив наше правое крыло вестфальцами, герцог Эльхингенский не только облегчил возобновление на момент упущенного с этой стороны наступления, но и содействовал отражению всех усилий неприятеля захватить позиции. Соединив дивизию Ледрю с дивизией генералов Морана и Жерара, этот маршал действовал одновременно с принцем Евгением; обойдя левый фланг русских, он послал вперед многочисленные батареи, которые внесли ужас в ряды неприятеля. Такая отвага укрепила за нами наконец поле битвы и дала потом герцогу Эльхингенскому славный титул*, связавший его имя с одной из наиболее достопамятных наших побед.

Внимание вице-короля сосредоточивалось на центре, когда сильное движение неприятельской кавалерии, направленное на его левый фланг, привлекло его туда. Генерал Дельзон, которому уже с утра угрожала эта кавалерия, построил свою первую бригаду в каре налево от Бородина: несколько раз ему грозила атака, но неприятель, видя, что не сможет его поколебать, напал на наш крайний левый фланг и неожиданно ударил на нашу легкую кавалерию под командой графа Орнано и на минуту привел ее в замешательство, потом напал на кроатов, которые и отразили его сильным огнем. Находившийся недалеко принц стал в середине каре, образованного 84-м полком под командой полковника Пего: он уже готовился двинуть его, когда казаки в свою очередь были отбиты и, пустившись в бегство, освободили наше левое крыло; тогда был восстановлен полный порядок.

Между тем вице-король объезжал ряды во всех направлениях, убеждая генералов и полковников честно

* Князя Московского. (Ред.)

исполнить их долг, напоминая им, что от этого дня зависит слава французов; подъезжая к каждой батарее, он велел продвигать пушки вперед, по мере того как русские отступали, и, презирая опасность, указывал артиллеристам, куда они должны целить. Посещая с ним все эти опасные места с начала битвы, его адъютант Морис Межан был ранен в бедро; лошади были убиты под самим принцем, под генералом Жифленгом⁹¹ и под шталмейстером Беллизоми. Стоя на бруствере большого редута и не обращая внимания на летавшие вокруг него пули, принц с(о) своими офицерами наблюдал в амбразуры движение неприятеля...

Мы захватили два редута, но у неприятеля все еще оставался третий, расположенный на другой возвышенности, за оврагом; установив там хорошо действующие батареи, он осыпал ужасным огнем наши полки, из которых одни были в закрытых траншеях, другие — за окопами. В течение нескольких часов мы бездействовали, уверенные, что Кутузов отступает; одна артиллерия изрыгала повсюду огонь и смерть...

Хотя победа была на нашей стороне, но пушки не прекращали сильную пальбу и постоянно вырывали все новые жертвы. Под градом картечи и пуль, презирая опасность, всегда неутомимый вице-король объезжал поле битвы; огонь не утихал и вечером был настолько силен, что пришлось поставить на колено расположенный за большим редутом Привислинский легион под командой генерала Клапареда⁹². Более часа были мы в этом мучительном положении, когда у князя Невшательского началось совещание с вице-королем, длившееся до ночи: по окончании его принц Евгений разослал различные приказания своим дивизиям и приказал прекратить огонь. Тут и неприятель стал спокойнее; он дал еще несколько залпов с промежутками, и тишина его последнего редута убедила нас, что он отступает по Можайской дороге.

Прекрасная в течение всего дня погода стала к ночи холодной и сырой; армия расположилась на поле битвы и частями разместилась по редутам, захваченным с такой славой. Это был плохой привал; корма не было ни людям, ни лошадям, а недостаток дров был очень чувствителен в эту дождливую, холодную ночь.

ЛАБОМ

После дождливой, холодной ночи 6 (сентября) был прекрасный день, и мы могли обстоятельно рассмотреть неприятельский лагерь, весь освещенный ярким солнцем.

С утра я отправился на захваченный накануне редут. Множество лежавших кучами трупов свидетельствовало об энергичном сопротивлении и об усилиях наших солдат. Парапеты были во многих местах разрушены нашими пушками; русские орудия сзади были сброшены с лафетов и опрокинуты; артиллеристы, обслуживавшие их, лежали тут же мертвые. Особенно много убитых было во рвах и на внутренней стороне валов. На наружной их стороне лежали трупы французских солдат, которых во время приступа погибло еще больше, чем русских гренадер на противоположном конце вала, куда они несколько раз пытались взобраться, после того как мы заняли редут. Когда я подъехал, на редуте было несколько маршалов и командиров корпусов, между ними генерал Монбрен, который был убит на следующий день; я некоторое время разговаривал с ним.

6 сентября обе стороны наблюдали друг друга, и, хотя во многих местах наши позиции были очень близки от неприятельских, не было даже перестрелки. Готовившееся великое событие делало отдельные атаки позиций и патрулей ненужными, почти смешными и только к вечеру открыли огонь батареи, установленные императором на позиции против правого фланга противника; пальба продолжалась часть ночи и возобновилась на рассвете. В сопровождении маршалов и генералов Наполеон проехал вдоль фронта армии, чтобы сделать последние распоряжения и указать ей на завтра арену ее славы, по его выражению.

В сущности, трудно себе представить вид нашего лагеря в эту ночь. У нас царила шумная радость, вызванная мыслью о битве, исход которой никому не казался сомнительным. Со всех сторон перекликались солдаты, слышались взрывы хохота, вызываемые веселыми рассказами самых отчаянных, слышались их комически-философские рассуждения относительно того, что может завтра случиться с каждым из них. Горизонт освещали бесчисленные огни, довольно беспорядочно разбросанные у нас, симметрично расположенные у русских вдоль укреплений; огни эти напоминали великолепную иллюминацию и настоящий праздник. Мало-помалу шум стихает, огни бледнеют, потом гаснут, и людей охватывает сон, для многих — последний.

На рассвете 7-го на пространстве обоих лагерей раздаются звуки труб и барабанов, сливающихся вскоре с канонадой установленных ночью батарей. Люди берутся за оружие, строятся, и в каждой колонне прочитывают приказ императора...

Наш корпус приближался к большому редуту. Мы построились за глубоким рвом, отделявшим нас от него. Я же перевел свою артиллерию за овраг и поставил батарею, тотчас открывшую огонь против артиллерии редутов, бывших направо и налево от нас, и против масс пехоты и кавалерии впереди. Скоро весь кавалерийский резерв собрался в этом пункте и построился несколькими рядами вправо от моих батарей. Огонь все усиливался. Пули, ядра, гранаты и картечь градом сыпались на нас со всех сторон и делали большие борозды в рядах нашей кавалерии, простоявшей несколько часов неподвижно под огнем. Равнина была покрыта ранеными, направлявшимися к перевязочным пунктам, и лошадьми без всадников, скачущими в беспорядке. Недалеко от меня был полк вюртембергских кирасир, на который как будто всего больше сыпалось снарядов; каски и латы, сверкая, взлетали над всеми рядами. Французские стрелки, поставленные впереди, тоже сильно пострадали, в особенности от ружейных выстрелов, причем пули звенели, ударяясь об их латы. Здесь был смертельно ранен в низ живота молодой Ларибуазбер, капитан этого корпуса, сын генерала от артиллерии. Моя артиллерия тоже очень потерпела; вскоре два орудия были сдвинуты с лафетов и убито много людей и лошадей. В это время генерал Груши подъехал со своим штабом к краю оврага позади меня и велел меня позвать. Не успел я подойти к нему, как неприятель стал стрелять по нашей группе, и в несколько минут были убиты или ранены картечью многие ординарцы и штаб-офицеры; раненная пулей в грудь лошадь генерала Груши упала, придавив его; мы думали, что он убит, но он отделался сильной контузией. Одновременно был ранен в шею картечью ординарец из стрелкового полка, бывший при мне.

С той и другой стороны продолжалась сильная пальба, не приводившая к окончательным результатам, когда в 2 или 3 часа дня появился Неаполитанский король с многочисленной блестящей свитой. С самого начала сражения мы видели одного принца Евгения, но и он был около нас только минуту, потому что его отвлекало направо нападение казаков, и теперь мы были очень рады прибытию короля Мюрата. Мы были уверены, что он,

прекратив убийственную, ни к чему не ведущую канонаду, которая уже ослабевала из-за недостатка снарядов, сумеет воспользоваться таким количеством войска, собранного в одном месте, и поведет открытую решительную атаку. Действительно, ознакомившись с положением и осмотрев место, на котором несколько часов теснилась наша кавалерия, он замечает, что насыпь большого редута почти снесена нашими снарядами. Он приказывает кавалерии атаковать этот редут и войско прикрытия. Тотчас все приходит в движение; многочисленная кавалерия строится в колонны; во главе идут кирасиры 2-го корпуса — это был, насколько я помню, 5-й кирасирский полк, — они переходят в галоп, опрокидывают все перед собою и, обойдя редут, устремляются на него по узкому проходу и по тем местам, где осыпавшаяся земля облегчает подъем. Тем временем вице-король со своею пехотой атакует редут справа.

Но скоро каски и сабли наших храбрых кирасир сверкают уже на редуте, огонь которого сразу прекращается. Он взят! Трудно представить, что мы почувствовали при виде этого блестящего подвига, которому нет, может быть, равного в военных летописях народов. Каждый следил глазами и хотел бы помочь руками этой кавалерии, когда она переправлялась через рвы, перескакивала через заграждения под картечью, и восторженные крики понеслись отовсюду, когда редут был взят. Эту атаку вел Коленкур, нашедший себе здесь славную смерть.

От обладания этим укреплением зависела судьба сражения. Чувствуя его значение, к нему устремились многочисленные колонны русских. Момент был важный. Мы получаем приказ наступать. Вскоре мы сталкиваемся с неприятелем. После нескольких атак он в беспорядке отступает от редута. Но успех дорого стоил нам, и мы потеряли здесь много людей...

День кончался. Я присоединился к своему корпусу, опять вступившему в битву, так же как и моя артиллерия, вправо от редута, где мы оставались еще час после того, как стемнело. Ибо, хотя битва и была выиграна, неприятель все еще стоял против нас на сильных позициях; на нас сыпались пули и ядра. Пальба прекратилась, только когда совсем стемнело. Тогда все корпуса расположились биваками, и я провел ночь с частью своих пушек на позиции, которую мы первую взяли в это утро. Холод был очень чувствительный, у нас не было топлива и почти не было припасов, но в сознании успеха мы

забывали о лишениях за рассказами о подвигах. Но усталость скоро заставила нас погрузиться в глубокий сон.

Эта битва, названная французами битвой на Москве, а русскими — Бородинской, началась в 6 часов утра и продолжалась до наступления ночи без перерыва. С обеих сторон огонь был ужасен. Обширное пространство, на котором шла битва, было во всех направлениях изрыто ядрами, и потери были громадны с обеих сторон. Русские весь день шаг за шагом отстаивали свои позиции, становясь на новую, когда не могли удерживать старой, с которой мы их оттеснили, и только среди ночи массы их начали окончательно отступать к Можайску.

Во время битвы они по обыкновению отправили нам в тыл и на фланги многочисленные отряды казаков, которые внесли беспорядок в наши обозы, оставленные в 4 верстах от поля сражения. Даже наутро они произвели нападение на наше правое крыло неподалеку от императорской квартиры; но первый отряд, взявшийся за оружие, прогнал их к их армии.

Я уверен, что если бы использовано было одушевление войск, если бы движения их были целесообразны и атаки единодушны, сражение вышло бы решительное и русская армия была бы уничтожена. И такого успеха можно было добиться в 9 часов утра, после взятия большого редута. Общий натиск на русскую армию, поколебленную этим блестящим успехом, вероятно, загнал бы ее в бывший у нее с тылу лес, в котором были проложены только узкие тропинки. Но для этого было необходимо присутствие императора; он же оставался все время на одном месте правого фланга с $\langle o \rangle$ зрительной трубой в руке и не показывался вдоль остальной цепи. Если бы он употребил те решительные приемы, которые дали ему столько побед, если бы он показался солдатам и генералам, чего бы только он не сделал с такою армией в подобный момент! Может быть, война закончилась бы на берегах Москвы. Такие мысли приходили на другой день офицерам и старым солдатам при виде количества пролитой крови: неприятель уступил нам несколько миль опустошенной страны, и надо было опять сражаться.

ГРИУА

7 сентября, в день кровавой битвы при Бородине, я был с пяти часов утра около офицеров, которые ожидали приказаний Наполеона. Мы находились у подножия реду-

та, отнятого накануне у неприятеля; это был центр, откуда шли все движения и все приказания... Отсюда-то я видел, как поскакал полным галопом, весь горя боевым пылом, один из самых замечательных наших витязей — генерал Монбрен. Он только что получил от Наполеона приказание атаковать большой и грозный редут, расположенный в центре неприятельской армии, который изрыгал уже смерть во все стороны. Я не могу выразить той боли, которую я испытал, когда два часа спустя сообщили Наполеону, что этот славный воин пал под огнем неприятеля в момент атаки, которую можно считать одною из самых блестящих. Я знал и любил графа Монбрена, который был моим земляком. Он унес с собой уважение, привязанность, сожаление всей армии... Я выражал свои сожаления Огюсту Коленкуру, который был в нашей группе, когда император, бросив взгляд в нашу сторону, заметил его, подозвал и передал ему командование славными войнами, которых смерть генерала Монбрена оставила без начальника. Коленкур вернулся к нам с сердцем, полным благородной радости, которую я не разделял и которая навеяла на меня самые грустные предчувствия. Он велел привести своих лошадей, пожал руку лучшему из братьев, попрощался с нами и помчался как молния, сопровождаемый своим адъютантом... И он так же! Во главе пятого полка кирасир он пал в этом убийственном редуте, который был взят приступом и где была решена участь сражения. Он умер, оставив молодую и прекрасную жену, с которой он обвенчался за несколько часов до своего отъезда в армию. Он был похоронен в редуте, скорбном театре стольких славных подвигов.

Утром того дня, который был таким гибельным и таким славным для французской армии, над головой Наполеона и той группы, в которой были мы позади него, пролетело несколько ядер. Он отдал приказ генералу Сорбье⁹³ придвинуть несколько батарей гвардейской артиллерии, чтобы избавить нас от таких неожиданностей. Через два часа ядра стали пролетать снова, и один момент мы думали, что неприятель берет верх... Но мало-помалу огонь стал ослабевать, и ядра на излете катились и останавливались у ног Наполеона; он их тихо отталкивал, как будто отбрасывал камень, который мешает во время прогулки. Он разговаривал с маршалом Даву, под которым только что была убита лошадь и который, страдая от контузии, с трудом следовал за Наполеоном на маленьком пространстве, по которому он ходил

взад и вперед. К двум часам пополудни огонь русских пушек стал удаляться.

Большой редут был взят, беспорядок воцарился в рядах неприятельской армии, которая стала отступать и билась еще только затем, чтобы не понести больших потерь. Победа была полная... трофеи громадны... но безжалостная смерть бросила на поле битвы более пятидесяти тысяч воинов всех наций; говорят, что русские там оставили более тридцати тысяч человек, не считая раненых и пленных.

Часто случается, что в самое серьезное дело врываться комичный элемент. Молодые солдаты пользовались обстоятельствами, чтобы покинуть опасные ряды под предлогом доставки на перевязочный пункт раненых товарищей... Вот собралось несколько человек, чтобы нести легко раненного товарища; к их несчастью, им пришлось проходить мимо маршала Лефевра⁹⁴, который командовал гвардией и был около нас... «Виданное ли дело, чтобы эти проклятые солдаты вчетвером несли Мальбрука? На места!» — крикнул он им, прибавляя еще более энергичные эпитеты. Они повиновались; но что было еще смешнее, так это то, что раненый герой нашел достаточно силы, чтобы подняться и дойти одному до перевязочного пункта... Многие русские генералы, тяжело раненные, получили, по приказанию Наполеона, первую помощь: между другими князь Потемкин⁹⁵, получивший удар саблей по голове... Доктор Ивон, хирург императора, наложил ему в нашем присутствии первую повязку.

В 12 часов дня я спросил Наполеона, не хочет ли он завтракать... Битва не была еще выиграна, и он сделал мне отрицательный жест: я неосторожно сказал ему, что не существует причины, которая могла бы помешать завтракать, раз это можно; тогда он довольно резко попросил меня удалиться... Позднее он съел кусок хлеба и выпил стакан красного вина, не разбавляя его водой. Он выпил стакан пунша в 10 часов утра, так как у него был сильный насморк.

Штаб артиллерии показал, что с нашей стороны было выпущено более пятидесяти пяти тысяч выстрелов. Русские дали по крайней мере столько же: я предоставляю таким образом судить об адском грохоте, который сопровождал эту памятную битву.

К 4 часам Наполеон сел на лошадь и поехал к авангарду, которым командовал Неаполитанский король, и к корпусам вице-короля и маршала Нея, которые сражались

так мужественно. Было 7 часов вечера, когда он вернулся в свою палатку, которая была устроена позади Шевардинского редута, впереди которого император находился во время сражения. Он пообедал с князем Невшательским и маршалом Даву. Его палатка была разделена на несколько комнат: первая служила гостиной и столовой, во второй была его походная кровать, а последняя служила кабинетом для его секретарей.

Я заметил, что против обыкновения лицо его было разгоряченное, волосы в беспорядке и вид усталый. Он страдал, потому что потерял столько храбрых генералов и храбрых солдат. Должно быть, впервые ему показалось, что слава куплена слишком дорогой ценой; и это чувство, которое делает ему честь, было, наверное, одной из причин, которые заставили его отказаться двинуть кавалерию гвардии *, как того просили Неаполитанский король, вице-король и маршал Ней, чтобы преследовать неприятеля и сделать победу еще более полной... А может быть, занятый больше общим положением дела, чем деталями, которые имели в виду эти три героя, и видел он гораздо дальше, чем они. Что касается меня, то, по моему, его нужно только благодарить за то, что он пощадил свое отборное войско, из которого состояла гвардия, потому что мы были ему обязаны нашим спасением при отступлении; именно в отступлении мы найдем ее благородной, великой, великодушной, верной, и она единственная сохраняла свое оружие в то время, как остальные части армии упали духом.

Как бы там ни было, но победа была полная, настолько полная, что русская армия ни одной минуты не могла поверить в возможность отстоять свою столицу. Но это не помешало им служить там молебны. Благодарили Бога за успех, когда сражение было проиграно... Эти молебны теперь ничего не означают... Каждая сторона превеличивает и умаляет... Например, в Австрии есть правило, которое обязывает каждого офицера, приносящего вести из армии, собирать всех почтальонов из всех соседних с Веною почт — у них у всех есть маленькие рожки, вроде охотничьих, — и входить в столицу под резкие и громкие звуки фанфары. Но все эти выдумки этикета

* На том расстоянии, на котором мы находились от Франции, ему казалось необходимым сохранить отборное войско. Если бы гвардия пострадала под Бородином, то французская армия, ядро которой все время составляла эта гвардия и которая поддерживала мужество во время отступления, едва ли перешла бы обратно Неман. *(Прим. авт.)*

ничуть не меняют содержания депеш, которые он привозит: часто бывало, что вслед за таким шумным выражением торжества следовал приказ укладывать наиболее драгоценные вещи и отправлять их в Венгрию; туда же направлялся и двор, выходя из храма, где только что пели молебны в благодарность Богу за «большую победу».

В петербургских церквях раздавались подобные же песни победы, и лондонская биржа, получив соответствующие сведения от английских комиссаров в России, ликовала в продолжение 24 часов; но ликование скоро исчезло, когда они прочли 19-й бюллетень великой армии, который возвещал наше вступление в старую столицу России...

БОССЕ

Наконец 5 сентября отыскивали главную часть неприятельской армии. Она была в 20 верстах от Гжатска (и приблизительно в 100 верстах от Москвы) и решилась принять сражение. Она занимала прекрасную позицию, которую еще укрепила линией редутов, снабженных многочисленными артиллерийскими орудиями. Один из этих редутов, который, господствуя над позицией нашей армии, мешал ей развернуться, был захвачен вечером того же дня дивизией генерала Компана. Весь следующий день прошел в приготовлениях к предстоящему большому сражению. Император объехал с фронта всю русскую линию. Каждый из нас мог делать свои наблюдения относительно находившихся перед нами или бывших у нас на виду пунктов и судить, какие из них будет более или менее трудно взять. Весь тот день 6 сентября, как мне помнится, ни разу не стреляли. Корпуса, пришедшие на линию накануне, как, например, наш, имели возможность отдыхать целый день, но другие, бывшие в арьергарде, едва успели прийти на место. Все были рады, что наконец-то дождались той желанной битвы, которую считали решительной. Между тем для скольких нас день этот оказался последним.

Я после довольно продолжительной поездки, посвященной изучению, насколько позволяло мое зрение, взаимного положения двух армий, вернулся к своему биваку, где брал первые уроки шахматной игры у командира Фанфета, страстного любителя той игры. Он всегда возил с собой маленькую складную картонную шахматную доску, которую сам же очень искусно сделал.

Я должен был прервать игру и ехать верхом, но, когда я вернулся, он показал мне прерванную партию, записав положение всех фигур; месяца 3—4 спустя мы доиграли ее в Берлине. Храбрый командир Фанфет был большой оригинал, и, если бы рассказ о нашей партии в шахматы не отклонил слишком в сторону моего рассказа о Бородинском сражении, я не устоял бы против искушения нарисовать здесь портрет этого человека. Но надо вернуться к партии, интересной совершенно в ином смысле и которую император собирался разыграть вблизи старинной русской столицы и так далеко от нашей родины.

6-го вечером он приказал созвать к себе всех маршалов и главных генералов, чтобы дать им инструкции на следующий день, которые те должны были передать по своим дивизиям. Генерал Десэ только в полночь получил инструкции, касавшиеся его дивизии. Мы стали читать их при свете костра, вокруг которого отдыхали в полудремоте. Но это чтение (сулившее нам успех ввиду приобретенного знакомства с неприятельскими позициями, которые предстояло брать) не могло не возбудить в нас наивысшего интереса. Приказ гласил, чтобы наша дивизия двинулась на рассвете и следовала бы на близком расстоянии сомкнутыми колоннами за дивизией Компана, которую должна была подкрепить в ее атаках на неприятельские редуты, которые нужно было взять.

И действительно, еще до рассвета мы уже выстроились. Погода была пасмурная. Жара прекратилась уже несколько дней тому назад, и природа уже была окрашена осенними красками.

Каждому корпусу была прочитана прокламация императора при повторных криках: «Да здравствует император!»

Из нашего 85-го два батальона были оставлены при батареях императорской гвардии, которая открыла бал пальбой 60 орудий, искусно расставленных на площадке, слегка господствовавшей над неприятельскими позициями. Это было на рассвете.

Следуя за дивизией Компана, мы с остальной частью нашей дивизии сошли с этой площадки и среди густого тумана стали спускаться по довольно крутому откосу. Едва мы вышли из лесу, как командование дивизией перешло к генералу Десэ, так как Компан был опасно ранен. Он во главе дивизии пустился галопом, сопровождаемый только капитаном Буржэ (поручиком), Магнаном (адъютантом генерала Бресанда⁹⁶) и мной. Мы приска-

кали в тот момент, когда редуты только что были взяты. Эти редуты были простые реданы *, или лагерные работы в форме шеврона, не закрытые у входа, так что вторые позиции неприятеля оружием и картечными залпами выметали находившихся внутри <и>их. Удержаться в них было несравненно труднее, чем завладеть ими. Солдат 5-й дивизии поэтому поместили за этими редутами и в углублениях, находившихся в той местности, стараясь в ожидании новой атаки по возможности укрыть их от неприятельского огня.

Генерал Десэ, которому нельзя было отказать в личной храбрости, оставался несколько минут совершенно открытым возле одного из редутов, исследуя позиции и движение русских войск, бывших перед нами. Я находился возле него, созерцая ту же картину. Вдруг пуля попала в кобуру у его седла и разбила бутылку с водкой, которой он запасся. Он очень огорчился и с досадой воскликнул, обращаясь ко мне: «Этим я обязан вашей проклятой белой лошади». Моя лошадь, одна из тех, которых я приобрел у генерала Бресанда, была действительно ослепительно белой масти, а такие лошади правда часто служат мишенью для неприятельских выстрелов, тем более что на них обыкновенно ездят генералы, да и приметить их издали легче, чем лошадей темных мастей.

Пока мы так стояли в течение нескольких минут, капитан Буржэ, желая лучше укрыться, столкнул свою лошадь в яму самого редана; когда мы поехали дальше вперед, он выехал из ямы, но тут же упал мертвый: пуля пробила ему череп. Вечером, проезжая по тому месту, я узнал его труп, хотя все одежды были с него сняты. Бедный малый не намеревался остаться на службе. Имея хорошее состояние, он желал только получить чин командира эскадрона или старшего офицера и затем выйти в отставку, но ему не было суждено снова увидеть берега озера Буржэ.

Несколько времени спустя генералу Десэ пришлось снова взять на себя командование своей дивизией, так как командовать 5-й был послан императором один из его адъютантов, генерал Рапп. Эта дивизия, вследствие понесенных ею при взятии редутов потерь, была отведена на вторую позицию, а дивизия Десэ перешла на первую.

Пройдя некоторое расстояние вперед, мы на опушке леса, тянувшегося вправо от нас, выстроились колонна-

* Редан — полевое укрепление в виде рва, окопа, имеющего форму выступающего в сторону противника острого угла. <Прим. сост.>

ми. В это время мы заметили отряд русских кирасир, мчавшихся как ураган. Они направлялись не прямо на нас, а на батарею из 30 орудий, которая вследствие нашего движения заняла позицию несколько сзади и левее нас. Проходя мимо нас, отряд отведаль наших пуль, но это не замедлило его движение; не сделала этого и картечь нашей батареи; он опрокинул последнюю и изрубил на местах не успевших укрыться артиллеристов. Однако несколько французских эскадронов быстро смяли кирасир, и тем пришлось еще раз проехать мимо фланга нашей колонны, перенести ее огонь и штыки солдат, которые, выйдя массами из рядов, побежали им навстречу, преграждая путь наступления. В этом отряде было, по нашему счету, до 1500 русских кирасир, а вернулось из них к своим линиям едва ли более 200 человек. Остальные, и люди и лошади, пали на месте, и я даже не помню, чтобы кого-нибудь из них взяли в плен. Они были бронированы только спереди; их брони и каски были черного цвета.

Едва скрылись последние из отряда кирасир, как мы увидели на близком расстоянии массу пехоты, продвинувшейся во время атаки первых. Эта пехота после отступления кирасир оказалась открытой и одинокой. Одну минуту мы видели, как она как будто закружилась на одном месте и затем отступила слегка в беспорядке. Но, уходя, она в свою очередь обнаружила присутствие батареи, пославшей нам несколько картечных залпов, причинивших нам большой вред, и, между прочим, в это самое время пуля перебила генералу Десэ правое предплечье. Мы с поручиком Магнаном отвели его назад, так чтобы неприятельские выстрелы не могли до него долетать. Здесь нам попалось несколько хирургов, шедших навстречу раненым, и среди них был главный хирург Неаполитанского короля. Он оказал генералу первую помощь и по исследовании его раны стал уговаривать его согласиться на ампутацию предплечья.

Явившийся почти вслед за тем главный хирург Ларрей держался того же мнения и еще решительнее настаивал на операции, на которую генерал ни за что не соглашался. Впрочем, у Ларрея это было системой — удалять серьезно пораженные члены, и он приводил в ее защиту красноречивые аргументы. Он говорил генералу: «Конечно, можно с некоторым шансом на успех постараться сохранить вам руку, но для этого долгое время вам необходим тщательный уход и известные условия, на которые

в походе и в стране, подобной этой, за тысячу лье от родины, вы не можете наверное рассчитывать. У вас впереди еще долгие лишения и тяжелые труды, и, наконец, вы не застрахованы от несчастных случайностей. А между тем ваша рана при ампутации прекрасно зарубцуется через какие-нибудь 2 недели».

Генерал Десэ не внимал никаким увещаниям и оставался непоколебимым в своем решении сохранить свою руку. Он был прав, как будет видно дальше, но лишь благодаря стечению невероятно счастливых обстоятельств. И кроме этого, он страдал от своей раны всю жизнь, и еще 10 лет спустя из нее продолжали выходить обломки костей.

Поместив генерала в безопасное место, где за ним был обеспечен нужный уход, я счел своим долгом вернуться в гущу сражения и перейти под начальство генерала Фредерикса⁹⁷, принявшего на себя после раны Десэ командование 4-й дивизией. Поручик Магнан остался при Десэ, к которому присоединились еще два брата, доктор, командир и прислуга.

Возвращаясь к дивизии, я встретил несколько в арьергарде от нее полковника Ашара из 108-го со знаменем и кучкой людей. «Вот все, что осталось от моего полка», — печально сказал он мне.

4-ю дивизию я нашел почти в том же положении, в каком оставил, — за мое отсутствие в этом пункте не произошло ничего важного.

Генерал Фредерикс похвалил меня за мое возвращение и почти немедленно послал меня за инструкциями к маршалу Нею.

Маршал Даву был сильно контужен пушечным ядром, сбросившим его с лошади, и оказался вынужденным в это самое время покинуть поле сражения. Маршал Ней, когда я к нему явился (это было в 2 часа пополудни), один командовал по всей линии. Следует заметить, что огонь с той и другой стороны стал затихать и можно было надеяться на скорый конец сражения ввиду недостатка сражающихся — так велики были потери обеих армий в течение утра. Только батареи продолжали на очень значительном расстоянии переговариваться частыми залпами, и я по пути к маршалу Нею, направляясь по дну небольшой долины, слышал, как пули скрещивались над моей головой и летели со свистом. Очевидно, утренние волнения сильно возбудили мою добрую, обычно смиренную лошадь. Она упрямылась до того, что я был вынуж-

ден слезть и вести ее в поводу. Особенно удивительно то, что она дрожала всем телом не от гула пушек, а от жужжания пуль: очевидно, она понимала, что в них, а не во взрыве кроется опасность.

Маршал Ней послал меня к генералу Фредериксу с приказом идти вперед и то же самое велел передать герцогу Абрантесу, стоявшему с вестфальским корпусом вправо от нас.

Насколько было возможно быстро я исполнил это двойное поручение. Генерал Фредерикс повиновался приказу и занял позицию, так что имел вестфальцев в арьергарде, соприкасаясь справа с польским корпусом князя Понятовского.

Жюно я нашел на лесной поляне. Он сошел с лошади и приказал солдатам составить ружья в козлы. Повидимому, он не был расположен тронуться с места. На все сказанное мною он не обратил ни малейшего внимания и вел себя так же, как и при Валутиной горе.

Приближался вечер. Неприятель везде отступил. Мы все ожидали, что вот император со своей гвардией сойдет с площадки, на которой он пробыл все утро, и решительным движением завершит поражение русских. Но он не трогался с места, и генерал Кутузов мог спокойно отступить, увозя с собой все орудия, экипажи и походные госпитали, оставляя только убитых и тех из раненых, которые пали на занятой нами территории, отбитой у него.

Я в этот день был по обыкновению очень счастлив — ни одна пуля не задела даже мое платье или головной убор. Лошадь моя была задета пулей выше колена, но получила только царапину, а другая пуля пролетела у нее вдоль шеи, опалив шерсть, но не тронув кожи.

Вечером я отправился к биваку генерала Десэ. Я нашел его среди своих терпеливо переносившим боль от раны. Он поручил мне немедленно составить рапорт на имя маршала Даву и подписал его левой рукой.

ЖИРО де л'ЭН

В следующие два дня, 5 и 6 сентября, мы продвинулись вперед лишь на очень небольшое расстояние, так как русская армия всюду оказывала нам самое решительное сопротивление, пользуясь всеми удобными для артиллерии позициями для того, чтобы громить нас из

пушек, и прикрывая свое отступление частой цепью стрелков, составленной из казаков, калмыков и башкир.

Последние были вооружены луками и стрелами, свист которых был для нас нов, и ранили нескольких из наших стрелков. Шея лошади капитана Денсону из моего полка была пронзена под гривой одною из этих стрел, имевших приблизительно четыре фута в длину.

Мы убили нескольких башкир, и я никогда не видел более безобразной расы людей.

Наконец вечером 6 сентября русская армия стянулась на равнине у г. Можайска и заняла там позиции. Наш авангард получил приказание сделать движение налево: стало ясным, что мы займем наши боевые позиции. Мы остановились недалеко от дороги из Смоленска в Москву.

Эта ночь прошла очень тревожно. Все время непрерывно слышался заглушенный шум передвигающихся артиллерийских обозов и кавалерийских отрядов. Каждая дивизия, каждый армейский корпус передвигался на боевую линию и занимал место, указанное ему адъютантами императора и главнокомандующих.

Многими овладело беспокойство; многие не закрывали всю ночь глаз. Немало рассуждали о важном значении той драмы, которая должна была разыгратися на следующий день, арена которой, столь далекая от нашей родины, делала возможным для нас или победу, или смерть.

На рассвете мы получили приказание двинуться вперед вдоль Московской дороги и остановиться против Бородина. Дивизия выстроилась в колонну побригадно перед тянувшимся через все поле оврагом, на дне которого протекал ручей.

Едва только солнце начало освещать горизонт, прискакал адъютант генерала Груши и передал полковнику для прочтения перед полком замечательную прокламацию императора.

Едва успели закончить чтение этого воззвания, как показалось лучезарное солнце. Погода была великолепная, и перед нашими глазами открылось все поле битвы.

Мы должны были защищать двадцать пять орудий, поставленных между нами и дивизией Монбрена, наблюдать и следить за дорогой в Москву и селом Бородином.

Битва завязалась почти в одно и то же время по всей линии.

Против нас на крайнем правом фланге неприятельской линии находился редут, огонь которого был направ-

лен против нашей артиллерии, расположенной вправо от нас. Но несколько орудий обстреливали и нас.

Все ядра попадали рикошетом в наши ряды, и мы ждали их, обнажив сабли.

В таком ужасном положении мы пробыли шесть часов...

Бедный восьмой стрелковый полк понес очень большие потери, его ряды были сильно разрежены; большое количество трупов людей и лошадей покрывало позицию, которую мы занимали с восхода солнца.

Было около 11 часов. По всей равнине раздавался ужасный артиллерийский грохот. Земля дрожала от кавалерийских атак. Наконец во весь опор к нам прискакал адъютант генерала Груши и передал приказание двинуться в атаку, сделав движение налево, чтобы перейти дорогу немного выше Бородина. Никогда осужденный на казнь, получая помилование, не чувствовал больше радости, чем мы, когда нам поручили выполнить этот маневр, освобождавший нас от этого ужасного бездействия.

Полки построились в эскадроны на скаку и мчались галопом, пока, достигнув правого фланга неприятеля, не очутились перед русскими кирасирами.

Мы выстроились в боевой порядок — колоннами по целому полку.

Шестой гусарский находился во главе отряда; он произвел решительную атаку и смял русских кирасир. Восьмой стрелковый, бывший вторым, налетев с быстротою молнии, dokonчил их поражение.

В полном беспорядке они повернули назад, и мы начали бешено рубить, как бы стараясь вознаградить себя за потерянное время.

Так как русские кирасиры носят панцирь только на груди, мы могли с особым успехом колоть их именно во время бегства.

Мы настолько ожесточились, что многие из нас продолжали преследование еще долгое время после того, как трубы уже протрубили отбой, так что для того, чтобы соединиться с нашей дивизией, нам пришлось прокладывать себе дорогу через густую цепь казаков.

Русские кирасиры, которым удалось наконец выстроиться, бросились вперед в атаку.

Они остановились на расстоянии ста шагов от нашего фронта. Мы, твердо держась на стременах, сабли наголо, были готовы встретить их.

Казачи, по своему обыкновению, расступились в стороны, чтобы оставить свободным поле битвы.

Видя нашу твердость, неприятель начал колебаться; он не осмелился произвести атаку и выполнил повзводно шагом полуоборот с такою правильностью, как будто дело происходило на маневрах на Марсовом поле. Казачи бросились в промежуток, как стая свирепых волков, и с не ббльшим порядком. Чтобы сдержать их, выслали значительное количество стрелков. Но так как битва не была еще окончательно выиграна и так как нам было дано приказание не наступать, то остальная часть дня прошла без каких-либо решительных действий и мы разбили свой лагерь перед Бородином.

Так как я сильно страдал от полученной в ногу раны, полковник разрешил мне устроиться на ночь самым удобным образом, какой только окажется возможным, с тремя товарищами, также ранеными, и полковым врачом хирургом Жераром, которого очень любили в полку.

Наступившее за этим достопамятным днем утро было очень смертоносно для 8-го стрелкового полка. Наступила наша очередь стать во главе колонны.

На рассвете наши аванпосты были атакованы, и мы бросились к ним на помощь. Но нам пришлось сражаться, не говоря уже об очень сильном арьергарде, с бесчисленной массой казаков и батареей из тридцати орудий, которая, подпустив на короткое расстояние, стала осыпать нас градом картечи.

Более шестидесяти стрелков было убито; очень много людей было ранено, в особенности унтер-офицеров.

Слева от нас находились уланы. Сражаться вместе с ними было прямо наслаждением, удивительна была их блестящая храбрость и та ярость, с которою они бросались на врага, где бы тот ни появлялся и какова бы ни была его сила.

Мы сделали фланговое движение, чтобы следовать за стрелками и не подставлять себя без пользы под неприятельский огонь, как вдруг я, стараясь увидеть что-нибудь в окружавшем нас облаке дыма и пыли, почувствовал, как кто-то схватился обеими руками за мою ногу и цеплялся за нее с крайними усилиями.

Я уже был готов освободить себя ударом сабли от этого крепкого объятия, как увидел молодого, замечательно красивого польского офицера, который, волочась на коленях и устремив на меня свои горящие глаза, воскликнул:

— Убейте меня, убейте меня, ради Бога, ради вашей матери!

Я соскочил с лошади и нагнулся к нему. Чтобы обследовать рану, его наполовину раздели, а затем оставили, так как он не в состоянии был выдержать переноски.

Разорвавшаяся граната отрезала ему позвоночник и бок; эта ужасная рана, казалось, была нанесена острой косой.

Я вздрогнул от ужаса и, вскочив на лошадь, сказал ему:

— Я не могу помочь вам, мой храбрый товарищ, и мой долг зовет меня.

— Но вы можете убить меня, — крикнул он в ответ, — единственная милость, о которой я прошу вас.

Я приказал одному из моих стрелков дать мне свой пистолет и взять себе другой в первой кобуре, которую он найдет, и, передав заряженное оружие несчастному, я удалился, отвернув голову.

Я все же успел заметить, с какой дикой радостью схватил он пистолет, и я не был от него еще на расстоянии крупа лошади, как он пустил себе пулю в лоб.

Не думаю, чтобы, оказав ему эту услугу, я совершил дурной поступок, и, что бы ни говорили ригористы, моя совесть никогда не упрекала меня за это: смерть была здесь несомненна, а мучения ужасны.

Наконец мы вышли из сферы действия неприятельской артиллерии, и после того, как дым рассеялся, мы увидели, что находимся на правой стороне от той позиции, которую она занимала.

КОМБ

Генерал Нури⁹⁸ привез мне печатный приказ, который я и прочел артиллеристам и солдатам. Это был приказ об обходном движении нашей батареи: маневр, благодаря которому мы прославились. Нас называли победителями Аустерлица, Иены и Фридланда; еще одно подобное сражение здесь — и мы войдем в Москву, где найдем удобные квартиры, где будет заключен продолжительный мир и получится наконец уверенность в быстром возвращении во Францию... Все кричали «ура».

Немного спустя генерал Нури приказал мне именем фельдмаршала поставить мою батарею на передовую линию, чтобы прикрыть императорскую стоянку.

Я велел стать на позицию и сняться с передков. Как

сейчас вижу всю картину боя: сзади и сбоку от меня стояла в полном порядке пехота старой гвардии; в центре — пехота молодой гвардии; налево — кавалерия; в центре же моей батареи находился император в своей серой шинели, со скрещенными на груди руками, ходивший в большой ажитации по маленькому пространству; немного далее — офицеры с подозрными трубами в руках. Две новые батареи под командой Марена поместились налево, прикрывая собою фронт кавалерии. Моя батарея продержалась таким образом до четырех часов дня. Мы слышали со всех сторон ужасную перестрелку, едва разбирая сквозь дым позицию неприятеля. Более ста офицеров главного штаба подбегали один за другим к императору: он выслушивал их рапорты и отсылал движением руки, ни разу не промолвив слова.

Я не сводил с него глаз и могу поручиться, что с самого начала битвы и до четырех часов он не покинул своего места, не отдал ни одного приказа.

ПЬОН де ЛОШ

Справа от дороги возвышался громадный редут, откуда расстреливали все, что к нему ни приближалось. Попытались страшные усилия, чтобы его взять. Наконец это удалось кирасирам, и тогда наши колонны высыпали на равнину. Главный резерв помещен был слева от большой дороги; боевых колонн не было видно, так как деревья и кустарник заслоняли их. Ночью войска были расставлены, а на рассвете все было уже на ногах и артиллерия начала действия с обоих флангов. Император приказал своим резервам сделать большое движение и разместил их на этот раз справа от большой дороги, у левого бочога оврага, где они и выстояли, не трогаясь, целый день. Здесь находилось 20 или 25 тысяч человек, отборные силы Франции; все они были в парадной форме. Наши войска прилагали все усилия, чтобы захватить редуты, расстреливавшие на нашем правом фланге нашу пехоту, но их все время отражали, а между тем занятие этой позиции решало победу.

Генерал проводил меня к императору. «У тебя хорошая лошадь?»—«Да, государь!»—«Скажи сейчас же и передай этот приказ Коленкуру, ты найдешь его справа отсюда, вдоль леса; ты заметишь там кирасир, которыми он командует. Возвращайся только по окончании дела».

Приезжаю, являюсь к генералу и передаю ему приказ. Он прочел и обратился к своему адъютанту со словами: «Вот приказ, которого я ждал. Трубите, чтобы сдвинулись на лошадей, и зовите сюда полковников». Они прибыли верхами и стали в круг. Коленкур прочел им приказ, чтобы редуты были взяты, распределил, кому какой редут брать, и прибавил: «Я беру на себя второй. Вы, офицер штаба, следуйте за мной и не теряйте меня из виду». — «Слушаю, генерал!» — «Если я паду, то вы, полковник, примите командование. Редуты надо брать при первой же атаке». Затем он обратился ко всем полковникам: «Вы слышали мои слова, становитесь во главе своих полков. Гренадеры нас ждут. Не терять ни минуты! За мной рысью, а как только подойдем на ружейный выстрел — галопом. Гренадеры атакуют с фронта».

Кирасиры понеслись вдоль леса и ринулись на редуты с задней стороны, тогда как гренадеры устремились к валу. Кирасиры и гренадеры врассыпную сражались с русскими. Храбрый Коленкур упал подле меня, убитый наповал. Я присоединился к старому полковнику, принявшему на себя начальствование, и все время не выпускал его из виду. Атака кончена, и редуты в наших руках. Старый полковник говорит мне: «Поезжайте, скажите императору, что победа наша. Я сейчас отправлю ему штаб-офицеров, взятых в плен на редутах».

Все силы русских двинулись на помощь к этим редутам, но маршал Ней расстреливал их с их правого фланга. Я поскакал галопом через поле битвы, видел, как ядра взрывали поле, и не надеялся выбраться отсюда. Подъехав к императору, соскакиваю с лошади, подхожу к нему, снимаю шляпу и тут замечаю, что у нее недостает заднего угла. «Ну, — сказал император, — ты дешево отделался». — «Я и не заметил этого; редуты взяты, генерал Коленкур убит». — «Ах, какая потеря!» — «К вам сейчас приведут много офицеров».

Император потребовал свою медвежью шкуру; он находился в это время на склоне оврага в полулежачем положении. Сюда привели взятых в плен офицеров, сопровождаемых гренадерской ротой. Их разместили в порядке их чинов. Император обошел их и спросил, не сделали ли им солдаты чего дурного; они ответили, что ни один солдат не задевал их. Старый гренадер выходит из строя и говорит, передавая оружие императору: «Я взял в плен этого старшего офицера». Император выслушал гренадера, спросил его имя и затем задал вопрос: «А

что сделал твой капитан?»—«Он первым вошел на третий редут». Обращаясь к капитану, император говорит: «Я назначаю тебя батальонным командиром, твои офицеры получают по кресту. Капитан,— закончил он,— командуй им равнение направо и отправляйтесь все на поле чести».—«Да здравствует император!»— кричат они и быстро несутся к своему знамени. Ночь мы провели на поле битвы, а на другой день император приказал подобрать раненых. Зрелище, которое мы увидали, привело нас в дрожь: русские ружья покрывали землю; около их громадных походных госпиталей лежали груды трупов; кучей лежали части тела, оторванные от туловища. Мюрат преследовал русских так энергично, что они сжигали всех своих раненых: мы видели их обуглившиеся тела. Вот как преступно обращаются они с солдатом.

КУАНЬЕ

Странное и удивительное явление — современный бой: две противные армии медленно подходят к полю сражения, открыто и симметрично располагаются друг против друга, имея в 140 шагах впереди свои артиллерии, и все эти грозные приготовления исполняются с(о) спокойствием, порядком и точностью учебных упражнений мирного времени; от одной армии до другой доносятся громкие голоса начальников; видно, как поворачивают против вас дула орудий, которые вслед за тем понесут вам смерть и разрушение; и вот, по данному сигналу, за злобющим молчанием внезапно следует невероятный грохот — начинается сражение.

В течение нескольких часов обе армии остаются неподвижны, одна только артиллерия говорит и действует; число орудий и меткость стрельбы — вот что дает первый успех; тот, кто подобьет более орудий, тот, кто, произведя в линиях противника более опустошений, внесет в ряды его более ужаса, тот и вынудит своего противника к отступлению.

Нужно отдать справедливость французской артиллерии, что она превосходила артиллерии других государств живостью и меткостью огня, что признавалось всей Европой. После нескольких часов оживленной канонады, потому ли, что неприятель заметил некоторое замешательство в наших рядах, или наше нетерпение нашло этот обмен снарядов слишком продолжительным, но только мы перешли в наступление, и наша пехота атаковала ре-

дут, расположенный посреди равнины и посылавший нам смертоносный огонь. Этот редут, ключ поля сражения, был блистательно атакован и столь же мужественно обороняем. Вся местность перед редутом была завалена телами французов, а самый редут и местность позади — телами русских. На этом пункте русские переходили несколько раз в наступление, но новая атака в штыки заставила их отступить. Тела убитых затрудняли движение сражающихся, они ходили по крови, которую насыщенная земля отказывалась поглощать.

Наконец император, утомившись сопротивлением и чувствуя, что от успеха на этом пункте поля сражения зависит успех дня, приказал пехоте отступить, что было принято русскими с торжеством: они думали, что мы уже сдались перед их сопротивлением, и уже было восхваляли победу. Но напрасно, так как пехота была заменена лишь кавалериею, в составе всех почти кирасирских полков армии, в числе до 15, считая в том числе саксонцев и полк голландцев. Мгновенно развернутая, эта железная линия, предводимая Мюратом, понеслась в атаку. Ничто не устояло, все было опрокинуто, пройдено и взято (т. е. только до оврага). 5-й кирасирский полк, бывший фронтом к редуту, перешел ров, взобрался на небольшой вал и ворвался в редут, рубя и давя пехоту своими конями.

Мы продолжали нашу атаку на равнине вплоть до артиллерии, поддерживаемой русскими кирасирами и драгунами. Доскакав до них, мы были поражены их неподвижностью, не понимая, почему неприятельская кавалерия не вынеслась перед своей артиллерией для ее защиты и для встречи нашей конницы; только очутившись в 100—110 шагах от русской артиллерии, мы поняли, в чем дело, ибо причина стала ясна — это условия местности, что не могло быть нами принято в соображение. Та часть России, по которой мы двигались, представляла собой равнину, частью покрытую лесами, но никакие возвышения не представлялись взору, а между тем на пути было немало крутых спусков и подъемов. Обстоятельство это объясняется тем, что равнины эти (т. е. равнины для глаз) изборождены оврагами, которые только тогда и заметишь, когда они уже у вас под ногами, подобный же овраг находился теперь перед линией русского расположения, играя роль рва и вала, которые и помешали нам атаковать эту линию. Доказывая наше желание видеть русскую армию поближе, мы спустились

в овраг с целью выскочить на противоположный берег, но дно оврага оказалось болотистым, передовые лошади в нем завязли, и нам волей-неволей пришлось вернуться обратно и стать в боевом порядке фронтом к неприятелю, по сию сторону оврага и на краю его.

В подобных условиях расположения мы очутились в 100 шагах от русских орудий, которые не замедлили встретить нас беглым огнем. Признаюсь, редко когда приходилось мне переживать подобную передрагу. Во время атаки, которая к тому же и не может быть продолжительной, каждый всадник, находясь в оживлении, наносит удары, отражает, если может, ему наносимые,— вообще тут существует движение, действие, борьба человека с человеком, но в данном случае было нечто совсем другое. Неподвижно стоя перед русскими, мы отлично видели, как орудия заряжались теми снарядами, которые должны были лететь в нашу сторону, и как производилась наводка орудий наводчиками; требовалось известное хладнокровие, чтобы оставаться в этом неподвижном состоянии. К счастью, вследствие ли взволнованного состояния прислуги или плохой стрельбы или по причине близости расстояния, но только картечь перелетала наши головы в нераскрытых еще жестянках, не успев рассыпаться и рассеяться своим безобразным веером.

Долго простояли мы здесь, ожидая пехоты.

Наконец подошла вестфальская дивизия и стала позади нас, отделенная от русских двумя шеренгами наших лошадей, совершенно нами прикрытая, но когда поворотом «повзводно направо» мы открыли интервалы между взводами, по которым пехота могла бы пройти вперед, стать перед нами и вступить в бой, то бедные вестфальцы, наполовину рекруты, изумленные подобной близостью орудий, а также и под впечатлением того обстоятельства, что мы собираемся отходить, начали кричать: «Wir bleiben nicht hier, Wir bleiben nicht hier!»*— и пожелали присоединиться к нашему отступательному движению.

Это обстоятельство вынудило нас вернуться, чтобы поддержать или, вернее, успокоить пехоту, по пятам которой шли наши лошади. Этим маневром мы продвинули пехоту эту к краю оврага, в который и заставили ее спуститься на несколько шагов, с расчетом укрыть людей от

* Мы здесь не останемся! (Нем.)

огня русской артиллерии... Эта пехота из оврага немедленно открыла огонь по артиллерии и прикрывающей ее кавалерии. Тогда русской артиллерии и кавалерии, очутившейся в 85 шагах под огнем пехоты вестфальцев, только и оставалось, что отойти назад и дать место своей пехоте, которая и завязала ружейный огонь с вестфальцами. Нас отодвинули назад, чтобы вывести из сферы ружейного огня.

ТИРИОН

В 6 часов утра пушечный выстрел гвардейской артиллерии является сигналом начала боя. 120 жерл начинают действовать с нашего правого фланга. Наш полк спускается в овраг и взбирается по другую его сторону по линии сражения; трудный, утомительный путь, особенно когда гранаты разрываются над нашими головами и несут смерть в наши ряды. Пока мы маршируем, все другие части армии производят свое движение. В 8 часов наш полк взобрался на холм и перешел Колочу, маленькую речку, впадающую в Москву-реку и отделяющую нас от русских. Не доходя на 10 футов до уровня равнины, скрытой гребнем оврага, мы строимся в боевую линию, и генерал Моран ведет нас на большую неприятельскую батарею. Объезжая линию, чтобы ободрить солдат, генерал подъезжает и к моему отряду и, видя, что я серьезно ранен, говорит мне: «Капитан, вы не можете идти, отойдите к страже знамени». Я отвечаю: «Генерал, этот день слишком привлекателен для меня: я хочу разделить несомненную славу полка». — «Узнаю вас», — сказал генерал, пожимая мне руку, и продолжал объезд боевой линии среди сыпавшихся со всех сторон ядер. Наш полк получает приказ идти вперед. Мы достигаем гребня оврага и уже находимся на расстоянии половины ружейного выстрела от русской батареи. Она осыпает нас картечью, ей помогают несколько прикрывающих ее батарей, но мы не останавливаемся. Я, несмотря на раненую ногу, скачу, как и мои стрелки, перескакивая через ядра, которые катятся среди наших рядов. Целые ряды, полувзводы падают от неприятельского огня, оставляя пустые пространства. Стоявший во главе 30-го генерал Бонами приказывает нам остановиться и под пулями выстраивает нас, а затем мы снова идем.

Русская линия хочет нас остановить; в 30 шагах от нее мы открываем огонь и проходим. Мы бросаемся к

редуту, взбираемся туда через амбразуры, я вхожу туда в ту самую минуту, как только что выстрелили из одного орудия. Русские артиллеристы бьют нас банниками, рычагами. Мы вступаем с ними в рукопашную и наталкиваемся на страшных противников. Много французов вперемишку с русскими падает в волчьи ямы. Я защищаюсь от артиллеристов саблею и убиваю нескольких из них. Солдаты были до того разгорячены, что перешли редут шагов на 50. Но другие полки, имевшие свои схватки с русскими, не последовали за нами, и нам помогает только один батальон 13-го легкого. Мы вынуждены отступить и пройти через редут русскую линию, успевшую оправиться, и через волчьи ямы. Полк наш разгромлен. Мы снова строимся позади редута, все под пулями неприятеля, и пытаемся сделать вторую атаку, но без поддержки нас слишком мало, чтобы иметь успех. Мы отступаем, имея 11 офицеров и 257 солдат, — остальные убиты или ранены. Храбрый генерал Бонами, все время сражавшийся во главе полка, остался в редуте: он получил 15 ран и взят русскими в плен.

Я участвовал не в одной кампании, но никогда еще не участвовал в таком кровопролитном деле и с такими выносливыми солдатами, как русские. Вид мой был ужасен: пуля сорвала с меня кивер; полы моего платья остались в руках русских солдат во время моей рукопашной схватки с ними; повсюду у меня были ссадины, а рана моей левой ноги причиняла мне сильные страдания. После нескольких минут отдыха на площадке, где мы снова выстраиваемся, я ослабел от потери крови и падаю без сознания. Мои стрелки приводят меня в чувство и относят в госпиталь, где в то время перевязывали раненного в подбородок генерала Морана. Он узнает меня, пожимает мне руку и, когда перевязка его сделана, делает знак хирургу, чтобы он оказал мне помощь. Подходит доктор, исследует мою рану. «Счастливое поранение», — говорит он и вынимает осколки. Затем, наложив первоначальную повязку, он велит мне отправиться в госпиталь в Колочский монастырь, где собраны тысячи раненых, но среди них из 30-го мало: они остались в редуте. Я вхожу в палату; 27 офицеров полка, из них 5 ампутированных, лежат на соломе или на полу и нуждаются решительно во всем. В госпитале находится с лишком 10 000 раненых; ими полны все помещения монастыря.

Мой верный солдат, уцелевший среди резни, идет вечером на поле сражения, чтобы отыскать меня; товарищи

говорят ему, что я в госпитале, и он является туда, ведя моих лошадей. Ему и нескольким моим товарищам обязан я своей жизнью: они так энергично добывали мне пищу. Я платил за яйцо 4 франка, за 1 фунт говядины — 6 франков и за трехфунтовый хлеб — 15 франков. К счастью, у меня имелись 400 франков, присланные мне в госпиталь моими начальниками.

На другой день в госпиталь пришло несколько легко раненных солдат из 30-го. Заметя меня, один из моих стрелков воскликнул: «Боже мой, капитан! А говорили, что вы убиты. Как я рад вас видеть! Почему, черт возьми, вы не удовлетвоились одной вашей раной?»

Это выражение участия, которое я всегда видел со стороны своих служащих, заставило меня на минуту позабыть свое печальное положение. Тот же стрелок сообщил мне, что мой поручик убит, а подпоручик тяжело ранен, мой фельдфебель, 3 унтер-офицера, 6 капралов и 57 солдат убиты и что из всей моей роты осталось только 5 человек. Из 4100 человек полка уцелело всего 300.

ФРАНСУА

7 сентября. Сигнал был дан около 7 часов, и 300 наших пушек немедленно открыли пальбу по такому же приблизительно числу русских орудий, ядра которых с не поддающимся описанию шумом и свистом бороздили наши ряды. К несчастью, в этот роковой момент начала сражения наши резервы, даже кавалерии, стояли на слишком близкой позиции и, из гордости или, скорее, чтобы не подать повода к фальшивой тревоге, не захотели отступить хотя бы на несколько сотен шагов, где бы могли укрыться и избежать бесполезных потерь. Мы были свидетелями, как тысячи храбрых всадников и крайне нужных нам лошадей гибли без всякой пользы для армии.

Стоявший влево от нас корпус вице-короля дивизией Дельзона храбро атаковал и взял укрепленную деревню Бородино. Принц Евгений не верил, чтобы атака эта кончилась успешно, и приказал только взять Бородино. Но 106-й полк, увлеченный победой, перешел вслед за русскими по мельничному мосту через ручеек Колочу и продолжал их преследовать в то время, как они поднимались на высоты укреплений деревни, закрытой длинной насыпью реданов. Скакавшие не переводя духу сол-

даты этого полка при подъеме на крутой косогор отделились от колонны, которая еще только переходила мост.

Генерал Планзон (Плозон), заметя это расстройство и зная в то же время, что эта атака не была подготовлена и не будет поддержана, приказал 106-му полку остановиться, выстроиться и приготовиться отразить нападение русской колонны, спускавшейся к нам сверху. Генерал Планзон (Плозон) был в ту минуту убит. Немедленно среди его солдат произошло замешательство, которым и воспользовались русские, так что в живых остались лишь немногие из этих храбрецов.

Между тем к ним на помощь пришел 92-й полк, и Бородино осталось за нами, несмотря на все старания русских его отбить.

Как участник в этом деле, я докладывал императору о его подробностях, когда маршал Ней овладел высотами, где во всю их длину были устроены редуты, стояла артиллерия, громившая наши ряды. Маршал был прекрасен: спокойно стоял он на парапете одного из редутов и командовал сражавшимися, толпившимися у его ног и терявшими его из виду лишь в те моменты, когда его заволакивали густые клубы дыма. В нескольких шагах оттуда ядро только что сразило нашего блестящего генерала Монбрена. Принц Экмюльский продолжал отстаивать занятые им редуты, откуда неприятель старался его вытеснить. Мне было поручено передать ему грустное известие, что князь Понятовский, который, маневрируя слева, должен был обойти с польским корпусом левый фланг русских и произвести среди них замешательство, не мог этого сделать, так как встретил препятствие в слишком частом и болотистом лесу.

В эту минуту положение маршала было на самом деле критическое, так как хотя кавалерия короля Мюрата и покрывала впереди равнину и довольно удачно атаковала русскую кавалерию, но страшный огонь сыпался на его войско со стороны русской пехоты и артиллерии. Он был ранен в руку, но продолжал командовать, а его начальника штаба генерала Ромефа пуля пронзила в то время, как он говорил с нами. Смущенный тем, что приходилось брать с фронта позицию, которая по его предложению должна была быть сразу атакована с трех сторон, маршал сказал мне с досадой: «Черт возьми, хотят, чтобы я взял быка за рога».

Я поскакал к королю Мюрату, чтобы указать на затруднительное положение Даву, и тот немедленно вы-

строил значительную часть своей кавалерии в подкрепление дивизии генерала Фриана, которому я доставил приказ взять Семеновское. Я увидел, как моментально равнина покрылась бесчисленной кавалерией; русские, казаки, французы, союзники сплетались самым прихотливым образом, и наконец после получасового боя поле осталось за французами, которые заняли Семеновское, превращенное во время схватки в пепел.

Эту радостную весть я повез императору. Когда я подъехал к нему, он с живым интересом следил за этим зрелищем, самым поразительным в этот день. Было, вероятно, 3 часа.

Русская артиллерия продолжала наносить большие потери нашим рядам из большого центрального редута. Императору было необходимо овладеть этим редутом, и соответственные приказы были посланы генералу Жерару, пехота которого стояла у подошвы возвышения, а королю Мюрату было поручено поддержать атаку Жерара многочисленным корпусом кавалерии. Генерал Беллиар, его начальник штаба, отдал приказ Коленкуру, уловив момент, когда инфантерия Жерара начнет подниматься на холм к редуту, немедленно выстроиться в колонну, имея во главе 4 кирасирских и 2 стрелковых полка, и вести колонну рысью направо, немного объехать редут как бы с намерением атаковать корпус русской кавалерии, стоявшей на равнине справа, и, дав пехоте время подняться на холм, внезапно пуститься галопом влево к входу в редут и войти туда в момент, когда Жерар будет готов напасть на парапеты; таким образом неприятель будет обойден с тылу и поставлен между двух огней.

Коленкур понял и прекрасно выполнил этот маневр, поразивший неприятеля. В мгновение ока внутренность этого огромного укрепления была заполнена кирасирами и артиллеристы неожиданно перебиты возле своих орудий кавалеристами; в то же время пехота проникла через амбразуры и парапеты.

Генерал Кутузов, считавший этот редут как бы ключом всей позиции, немедленно, чтобы нас оттуда вытеснить, велел направить на этот пункт 100 пушечных жерл, а значительная избранная колонна русских гренадер, спрятанная позади редута в овраге, полезла отбивать редут штурмом.

В эту минуту не перестававший дуть сильный ветер поднял на редуте огромный столб пыли и дыма, доходивший

чуть не до облаков и в котором чуть не задохлись люди и лошади, и эта густая туча все росла благодаря ожесточенной схватке. Наконец, когда дым рассеялся, мы отбросили русскую колонну в овраг. Редут был наш. Артиллеристы лежали убитые у своих орудий; нам достались 30 пушек, так как неожиданность и быстрота натиска нашей кавалерии не дали неприятелю времени их вывезти. В плен были взяты один генерал, несколько полковников и много других военных.

Со своей стороны мы понесли тяжкую потерю в лице генерала Коленкура, убитого при нашем вступлении в редут, и многих других достойных офицеров.

Я смотрел на всю эту картину еще и глазами живописца. Очень эффектно выделялись столбы пыли и серебристого дыма. Вот осколок гранаты разбил бочонок с дегтем, которым русские смазывают оси орудий и повозок, и немедленно багровое пламя полилось по земле, извиваясь как рассерженная змея, и поднялось вверх, сливаясь с облаками и отбрасывая на землю темные пятна. Проживи я еще 100 лет, и то никогда не забуду этой трепетной картины.

Довольный этой удачей, а также успехом генерала Фриана и других дивизий маршала Даву, император решил, что наступил момент пустить в дело всю гвардию, чтобы завершить победу. Внутренний голос нашептывал ему, что Париж остался за 800 лье, что перед ним Москва. Мысль вступить в этот город с торжеством победителя, казалось, оживила его взор, и он сказал мне: «Отыщите Сорбье, пусть он поставит всю артиллерию моей гвардии на позицию, занятую генералом Фрианом, куда вы с ним поедете; он развернет 60 орудий под прямым углом над неприятельской линией, чтобы раздавить ее с фланга, а Мюрат его поддержит. Идите».

Я мчусь галопом к горячему генералу Сорбье. Он не верит мне, едва дает мне время объясниться и нетерпеливо отвечает: «Мы должны были это сделать более часу тому назад» — и велит следовать за ним рысью. Немедленно вся эта внушительная масса орудий с лязгом цепей и звоном подков 2000 лошадей спускается, пересекает долину, поднимается по отлогому скату, где неприятель устроил укрепления, находящиеся теперь в наших руках, и пускается галопом, чтобы занять пространство, где бы она могла развернуться.

Далеко впереди себя по равнине я вижу короля Мюрата, гарцующего на лошади среди своих стрелков, го-

раздо менее занятых им, чем многочисленные казаки, которые узнали его, вероятно, по султану, по его бравурности, а главное, по его короткому плащу с длинной козьей шерстью, как у них. Они рады ему, окружили его с надеждой взять и кричат: «Ура! Ура! Мюрат!» Но приблизиться к нему никто не смел, а нескольких наиболее дерзких он ловко сразил острым лезвием своей сабли. Когда я принес ему приказ, король Мюрат покинул линию стрелков, чтобы поспешить на помощь Сорбье. Его движение казаки приняли за бегство или отступление и бросились за нами. Моя лошадь, не такая быстрая, как прекрасный арабский скакун Мюрата рыжей масти, была задета мчавшимся орудием. Удар ранил и опрокинул животное, но оно встало, не выбив меня из седла, и я помчался к Сорбье, в самый пыл сражения, откуда на неприятельскую линию по всей ее длине посыпался град картечи, ядер и гранат. Тщетно неприятельская кавалерия пыталась разбить эту линию орудий. Кавалерия Мюрата сильно ей мешала своими блестящими атаками, о которых историки не преминут упомянуть.

Их укрепленная позиция, которую они считали неприступной, осталась в наших руках.

Я поехал к императору доложить о подробностях.

День клонился к вечеру. Дорогой ценой купили мы успех на всех пунктах, но не было никаких доказательств тому, чтобы и на следующий день бой не возобновился.

Когда я прибыл к императору, он уже имел время убедиться в благотворной деятельности артиллерии своей гвардии и колебался, не повторить ли ее выступление, прибавив блестящую колонну гвардейской кавалерии (чего многие из нас очень желали).

В это время к нему привели пленного русского генерал-лейтенанта. Поговорив с ним очень вежливо несколько минут, император сказал одному из свиты: «Принесите мне его шпагу». Немедленно была принесена русская шпага, которую император любезно вручил генералу со словами: «Возвращаю вам вашу шпагу». Случайно оказалось, что это не была шпага того генерала, и он, не понимая, что было почетного в предложении императора, отказался ее принять. Удивленный такой нетактичностью генерала, Наполеон пожал плечами и, обращаясь к нам, сказал настолько громко, чтобы тот слышал: «Уведите этого глупца».

Между тем сражение, казалось, замирало; заметно стихал гул артиллерийских орудий; солнце близилось к закату.

Скоро ночь стала очень темной. Мало-помалу по той и другой линии зажглись огоньки...

В ожидании простого обеда, который должен был подкрепить наши силы, я мысленно подводил итоги всему виденному за этот день. Сравнивая это сражение с другими, бывшими при Ваграме, Эслинге, Эйлау, Фридланде, я удивлялся тому, что сегодня мы не видели, чтобы император проявлял, как раньше, ту энергию, которая решала нашу победу. Он только приехал на поле сражения и сел поблизости от своей гвардии, на холме, откуда ему все было видно и над которым пролетело много пуль.

Возвращаясь из всех своих поездок, я неизменно находил его на этом месте. Он сидел все в одной и той же позе, с помощью карманной зрительной трубы наблюдал за всеми движениями армии и с невозмутимым спокойствием отдавал свои приказания.

Мы не имели счастья видеть его таким, как прежде, когда одним своим присутствием он возбуждал бодрость сражающихся в тех пунктах, где неприятель оказывал серьезное сопротивление и успех казался сомнительным. Все мы удивлялись, не видя этого деятельного человека Маренго, Аустерлица и т. д., и т. д. Мы не знали, что Наполеон был болен и что только это не позволяло ему принять участие в великих событиях, совершавшихся на его глазах единственно в интересах его славы. Между тем татары из пределов Азии, сто северных народов, все народы Адриатики, Италии, Калабрии, народы Центральной и Южной Европы — все имели здесь своих представителей в лице отборных солдат. В этот день эти храбрцы проявили все свои силы, сражаясь за или против Наполеона; кровь 80 000 русских и французов лилась ради укрепления или ослабления его власти, а он с наружным спокойствием следил за кровавыми перипетиями этой ужасной трагедии.

Мы были недовольны; суждения наши были суровы.
ЛЕЖЕН

ПОСЛЕ БИТВЫ

С поля сражения Наполеон отправился в бивак, в котором провел предшествующую ночь. Усталый и сильно страдая от насморка, он нуждался в отдыхе и уходе.

Однако и эту ночь он провел в палатке, что увеличило его недомогание, и он совершенно потерял голос. На рассвете я явился в императорский бивак, чтобы узнать новости и получить инструкции от обер-штабмейстера. Перед палаткой, занятой Наполеоном, был разведен большой костер, вокруг которого грелись дежурные офицеры. Вскоре подошел к нам погреться Неаполитанский король; он справился о здоровье императора и о том, можно ли его видеть. Несколько минут спустя явился маршал Ней. Оба героя сражения дружелюбно поздоровались друг с другом, и король сказал маршалу:

— Вчера был жаркий день, я никогда не видел сражения с таким артиллерийским огнем. При Эйлау не меньше стреляли из пушек, но то были ядра, а вчера обе армии так близко стояли друг от друга, что почти все время стреляли картечью.

— Мы не разбили яйца, — возразил маршал. — Потери неприятеля должны быть громадны, и нравственно он должен быть страшно потрясен. Его надо преследовать и воспользоваться победой.

— Он, однако, отступил в полном порядке, — заметил король.

— Просто не верил этому, — возразил маршал. — Как это могло быть после такого удара?

Тут этот интересный разговор был прерван, так как император позвал к себе маршала.

Утром Наполеон сел на лошадь и в сопровождении многочисленной свиты, среди которой был и я, отправился на поле вчерашней битвы и сделал смотр разным корпусам, так храбро на нем сражавшимся. Я заметил значительное уменьшение в составе наших батальонов, так что некоторые, на мой взгляд, не насчитывали в своих рядах и 100 человек. Эта громадная потеря не может быть приписана исключительно гибели солдат в сражении; многие из солдат были посланы подбирать раненых и относить их в госпитали, другие были отправлены добывать припасы по окрестным деревням.

Подъехав к маленькой, дотла сожженной деревне, мы увидели, что земля была сплошь покрыта убитыми; попадались целые ряды московских гвардейцев — это были полки Семеновский и Литовский, совершенно разгромленные.

Оттуда мы направились к Бородину вдоль высот, где была выстроена русская армия. Они также были покрыты трупами. Мы заметили, что по всей линии в общем на одно-

го убитого француза приходилось трое русских, и это может дать понятие о пропорциональности потерь обеих армий, тем более что мертвых еще не успели похоронить и они лежали там, где пали. Что касается наших раненых, то под центральный госпиталь был приспособлен Колочский монастырь. Этот обширный монастырь, расположенный всего в 8 верстах от поля сражения, мог вместить большое их число. С появлением на поле сражения Наполеона этот долг гуманности был исполнен и в отношении русских раненых, он сам указывал, кого из них следовало перенести, по мере того как он их находил или до него доносились их стоны. Постепенно он разослал всех офицеров своего штаба, чтобы ускорить дело и оказать этим раненым быструю помощь. Наполеон принимал в них самое горячее участие, и я видел, как его глаза не раз наполнялись слезами. Бесстрастный и спокойный во время сражения, он был гуманен и чувствителен после победы.

СОЛТЫК

Бородино, 8 сентября. Еще одна ужасная ночь! Проведя предыдущую в грязи, истребив, несмотря на всю нашу бережливость, весь провиант до последней крохи, мы остались без продовольствия: нечего есть, нечего пить. Колоча, куда многие кидались, чтобы избегнуть резни, запружена трупами, вода окрашена кровью. Нам пришлось расположиться среди мертвецов, стонущих раненых и умирающих. Усталые и изнуренные, мы не можем помочь им. Наконец, погода, прекрасная в течение всего дня, с наступлением ночи стала сырой и холодной. Большинство полков осталось без огня, его разрешили зажечь только в полночь, когда усталым людям, умирающим от голода, не оставалось другого средства от страданий, как согреться!

Утром мы были изумлены; русская армия исчезла. Какое грустное зрелище представляло поле битвы! Никакое бедствие, никакое проигранное сражение не сравняется по ужасам с Бородинским полем, на котором мы остались победителями. Все потрясены и подавлены. Армия неподвижна, она теперь больше походит на авангард. Многие солдаты отправляются в окрестности искать пропитания или дров; другие стоят на часах, а некоторые наконец заняты подачей помощи и переноской раненых. Несчастных отправляют или в Колочский монастырь, в 4 верстах от поля битвы, или в соседние дома. Но места для всех не хватает.

Часть утра Наполеон употребил на осмотр вчерашних русских позиций.

Решительно ни на одном поле сражения я не видел до сих пор такого ужасного зрелища. Куда ни помотришь, везде трупы людей и лошадей, умирающие, стонущие и плачущие раненые, лужи крови, кучи покинутого оружия; то здесь, то там сгоревшие или разрушенные дома.

Огромная площадь трех главных редутов взрыта ядрами; на ней виднеются тела, разбросанные члены, глубокие ямы, вырытые снарядами, с погребенными на дне их трупами. Ясно видны те места, где разорвавшимся снарядом разбиты лафеты пушек, а кругом убиты все — люди и лошади. В некоторых местах битва была такой ожесточенной, что трупы нагромождены там кучами. Солдаты роются не только в мешках, но и в карманах убитых товарищей, чтобы найти какую-нибудь пищу. Говорят, что Наполеон велел переворачивать трупы офицеров, чтобы определить, чем они убиты. Почти все изранены картечью. Трудно представить себе что-нибудь ужаснее внутренних частей главного редута. Кажется, что целые взводы были разом скошены на своей позиции и покрыты землей, взрытой бесчисленными ядрами. Тут же лежат канониры, изрубленные кирасирами около своих орудий; погибшая тут почти целиком дивизия Лихачева, кажется, и мертвая охраняет свой редут.

Иногда под кучами мертвецов завалены раненые, призывов и стонов которых никто не услышал в течение ночи. С трудом извлекают некоторых из них. Одежда и оружие — все покрыто грязью и кровью; штыки согнулись от ударов по лошадям.

Пасмурное небо гармонирует с полем битвы. Идет мелкий дождь, дует резкий однообразный ветер, и тяжелые, черные тучи тянутся на горизонте. Всюду угрюмое уныние.

Не один император объезжает поле сражения: генералы, офицеры, солдаты, подвижные любопытством, молча бродят везде, осматривая с изумлением каждый кусочек земли. Они смотрят друг на друга, как бы изумляясь, что еще живы. Незнакомые начинают разговаривать, каждому хочется рассказать, что с ним случилось за этот день. Вокруг рассказчиков образуются кружки слушателей; разговор оживляется, и картинные рассказы несколько оживляют это унылое место.

ЛОЖЬЕ

Я возвращаюсь к главной квартире, где мы еще находились восьмого числа. В то время как мы отдыхали, около 12 часов дня поднялась тревога: многочисленный отряд казаков, отделившись от русской армии, по ошибке приблизился к нам. Достаточно было небольшой демонстрации, чтобы заставить их повернуть обратно и рассеяться; через час после этого Наполеон сел на лошадь, сопровождаемый своим штабом, и объехал поле битвы. Я следовал за ним, и мне приходили на ум самые горькие размышления об ужасных результатах недоразумений между земными царями. Целыми линиями русские полки лежали распростертые на окровавленной земле и этим свидетельствовали, что они предпочли умереть, чем отступить хоть на один шаг. В этих грустных местах Наполеон собирал все сведения и приказывал замечать даже номера на пуговицах мундиров, чтобы знать, какие части действовали со стороны неприятеля. Эти сведения нужны были ему для его бюллетеней. Но что его занимало больше всего, это забота о раненых. Он приказал перенести их в соседний обширный монастырь, который был обращен в госпиталь. Вслед за ним вошли мы в тот самый большой редут, взятие которого стоило крови стольких славных жертв. Двое из нас не последовали за Наполеоном, это Коленкур и Канвилль; проливая слезы, они отвернулись от этого печального места, в котором лежали славные останки их братьев. Скорбь их была вполне понятна.

БОССЕ

При наступлении утра 8 сентября я прошелся по полю битвы; я увидел, что во многих местах трупы были навалены один на другой; текли ручьи крови; поле было все осыпано ядрами и картечью, точно градом после сильной бури; в местах, которые больше подверглись огню, особенно против нашей батареи, ядер, осколков гранат и картечи было такое множество, что можно было подумать, что находишься в плохо убранном арсенале, где разбросали кучи ядер и рассыпали картечь. Я не мог постичь, каким образом хоть один человек мог уцелеть здесь. Я еще больше удивился, подойдя к рвам: здесь была такая масса гранат, что, не видевши, невозможно себе это представить!

Признаюсь, что первая моя мысль при виде всего этого хаоса была, что я нахожусь в каком-то складе; ничего

подобного я раньше не видел и не мог уверить себя, что все это произошло! Я стоял как только что проснувшийся человек, который не верит своим собственным глазам; я оплакивал несчастных раненых, которые по какому-то инстинкту забрались в эти рвы, где они хоть немного были защищены от ветра. Эти несчастные, не получая помощи, молили как милости, чтобы их прикончили. Их было такое огромное количество, что походных госпиталей не хватало; кто не мог до них дотащиться, тот оставался на поле битвы, подвергаясь опасности быть раздавленным ногами лошадей и колесами фургонов. Почти все они погибли или от ран, или же от голода. Я видел французского солдата, ему оторвало ногу ядром, но она еще немного держалась на коже, и он сам отрезал ее своей саблей, чтобы она не мешала ему поползти до какого-нибудь места, где он мог бы умереть спокойно, не рискуя быть растоптанным ногами. Он дополз до маленького костра, который зажгли мне солдаты; я велел насколько только возможно удобнее поместить его; другие раненые увидели это и также поползли ко мне. Я видел русского сержанта с двумя оторванными ногами, он говорил немного по-французски: он был пленником во Франции и присутствовал при свидании в Тильзите. Вскоре мой бивак был настолько переполнен ранеными, что мне пришлось покинуть его и искать другого убежища. Мои слуги и вестовые сердились на мою доброту и унесли с собой то небольшое количество дров, которые они разыскивали, и несчастные вновь остались без всякого утешения.

Я продолжал ходить по полю битвы и осматривать позиции. Я убедился, что атака нашим левым крылом была бы невозможна и что если бы мы попытались это сделать, то гибель наша была неизбежна. Пока я продолжал мой обход и делал свои наблюдения, мой повар отрезал кусок конины и приготовил мне жаркое к моему возвращению; он сварил мне еще кашу, которая должна была заменить мне хлеб. Все это я нашел очень вкусным и ел с большим аппетитом.

ВЬОНЕ де МАРЕНГОНЕ

Нам приказано было расположиться на этом самом месте, среди умирающих и мертвых. У нас не было ни воды, ни дров, зато в патронницах у русских найдена была водка, каша и иная провизия. Из ружейных при-

кладов и обломков нескольких фургонов удалось развести огни, достаточные для того, чтобы поджарить конину — основное наше блюдо. Для варки супа приходилось снова спускаться за водой к речке Колоче. Но вот что было ужаснее всего: около каждого огня, как только блеск его начинал прорезывать мрак, собирались раненные, умирающие, и скоро их было больше, чем нас. Подобные призракам, они со всех сторон двигались в полумраке, тащились к нам, доползали до освещенных кострами кругов. Одни, страшно искалеченные, затратили на это крайнее усилие, последний остаток своих сил: они хрипели и умирали, устремив глаза на пламя, которое они, казалось, молили о помощи; другие, сохранившие дуновение жизни, казались тенями мертвых! Им оказана была всякая возможная помощь не только доблестными нашими докторами, но и офицерами и солдатами. Все наши биваки превратились в походные госпитали.

БРАНДТ

Две трети всех раненных прошли через наш госпиталь, который вся армия знала и благодаря сделанному извещению, и потому еще, что он находился близ главной квартиры. Едва только я успел окончить необходимые приготовления, как раненные стали появляться массами.

Я делал трудные операции без перерыва до поздней ночи следующего дня. Работу затрудняла очень холодная, временами туманная погода.

Северные и северо-восточные ветры, дувшие весь этот месяц, были очень холодны; приближалось равноденствие. Ночью с большим трудом удавалось держать передо мной зажженную восковую свечу, в которой я, впрочем, нуждался только при наложении на кровеносные сосуды лигатуры...

В общем раны, полученные в этом сражении, были тяжелые, так как почти все они были причинены артиллерийским огнем, раны от ружейных пуль были получены в упор и на очень близком расстоянии. К тому же, как мы неоднократно замечали, русские пули были гораздо крупнее наших.

Большая часть артиллерийских ран требовала ампутации одного или двух членов. В течение первых суток я сделал до 200 ампутаций. Исход их мог быть вполне

благоприятным при наличии у наших раненых убежища, соломы для постелей, одеял и достаточной пищи. Всего этого мы были, к сожалению, лишены, а местности, где бы мы могли добыть нужное, были далеко.

Прежде всего недостаток перевязочных средств принудил нас оставлять больных в окрестных деревнях, в том числе и в Колочском монастыре, где их больше всего скопилось.

Пребывание кавалерии в лесном районе, занятом ранеными, истребило весь запас фуражу, и мы с большим трудом могли найти количество соломы, чтобы хотя на первые дни уложить раненых.

Небольшой запас муки, имевшийся в армии, скоро был съеден. Раненые остались при конине, картофеле и капусте, из которых им варили суп. Скоро и эта пища иссякла, а проезду наших обозов мешали казаки, наводившие дороги.

Повсюду мы терпели недостаток в белье и корпии. Многие предметы первой необходимости, как-то: хлеб, муку, пиво, медикаменты, белье для перевязок — можно было бы привезти из мест, где мы отыскивали запасы их, и высшее начальство, согласившись с моим представлением, дало соответствующий приказ. Но обыкновенно выполнение таких приказов затрудняется тем, что в том замешано слишком много чиновников. Время шло, а раненые не получали того, надеяться на что они имели полное право.

Хирурги, единственные утешители этих несчастных, вынуждены были стирать сами — или заставлять делать это при себе — белье, уже употребленное для перевязок, чтобы таким образом иметь возможность менять его ежедневно. Именно хирургам, их неутомимому труду и искусству обязана большая часть раненых своим спасением...

ЛАРРЕЙ

Человек тридцать, раненных более или менее тяжело, но еще способных к передвижению, предпочли во всяком случае отправиться в путь с нами. Увидев одного из этих несчастных, такого, который едва в состоянии был тащиться, я тщетно уговаривал его остаться в походном госпитале. «Не расставаясь с полком,— отвечал он мне,— я имею хоть какую-нибудь надежду спасти свою

шкуру; в худшем случае я, по крайней мере, похоронен буду товарищами. Иначе, я уверен, меня все равно съедят волки, живого или мертвого».

Я чуть было не забыл одного характерного обстоятельства: три дня кряду совсем не раздавали продовольствия; приходилось жить припасами, найденными на мертвых русских. Бешеные порывы ветра неоднократно разметывали наши бивачные костры. Уже поговаривали, что эти ураганы обещают ужасную зиму.

БРАНДТ

ВСТУПЛЕНИЕ В МОСКВУ И НАЧАЛО ПОЖАРА

На следующий день (14 сентября) мы выехали рано, желая поспеть как можно скорей в Москву. По дороге нам попадались только разрушенные и безлюдные деревни; слева, по берегам Москвы-реки, тянулись великолепные дворцы-усады, которые уничтожали и разоряли татары, чтобы лишить нас тех удобств, которые мы бы могли там получить; спелый хлеб еще на корню был вытопан лошадьми, а скирды сена были подожжены на всем протяжении окрестных полей, и густой дым стлался по воздуху. Когда мы подъехали к деревне Черепково, вице-король поднялся на возвышенность и долго смотрел, не видать ли Москвы — цели наших общих стремлений, потому что в достижении этой цели мы видели конец нашим мучениям, нашей усталости и нашему странствованию. Москва была конечной целью нашего похода. Ее еще не было видно за пригорками; нам видно было только облако пыли, которое шло параллельно нашему пути, указывая нам направление, по которому следовала великая армия. Несколько пушечных выстрелов, долетевших до нашего слуха, очень отдаленных и редких, показывали нам, что наши войска подходили к Москве без особого сопротивления. Спускаясь, мы слышали отчаянные крики: это были несколько отрядов казаков, выскочивших из соседнего леса и нападавших со свойственной им манерой на наших стрелков, порываясь остановить наш авангард. Наши храбрецы не струсили и не поддались этому неожиданному нападению, они смело отпарировали напрасные усилия орды, желавшей задержать наш въезд в столицу России. Их отчаянные усилия действительно были последними. Их отбили и рассеяли так, что

им ничего не оставалось делать, как скрыться за стенами Кремля, так же как и раньше у берегов Колочи. Вдали сквозь пыльное облако мелькала длинная линия неприятельской кавалерии, идущая по направлению к Москве; она постепенно в полном порядке, по мере того как мы приближались, скрывалась за городом. Отступление это продолжалось все утро.

Пока строили переправу через Москву-реку, к одиннадцати часам генеральный штаб расположился на высоком пригорке. Оттуда мы вдруг увидели тысячи колоколен с золотыми куполообразными главами. Погода была великолепная, все это блестело и горело в солнечных лучах и казалось бесчисленными светящимися шарами. Были купола, похожие на шары, стоящие на шпиге колонны или обелиска, и тогда это напоминало висевший в воздухе аэростат. Мы были поражены красотой этого зрелища, приводившего нас еще в больший восторг, когда мы вспоминали обо всем том тяжелом, что пришлось перенести. Никто не в силах был удержаться, и у всех вырвался радостный крик: «Москва! Москва!!!» Услышав долгожданный возглас, все толпой кинулись к пригорку; всякий старался высказать свое личное впечатление, находя все новые и новые красоты в представшей нашим глазам картине, восторгаясь все новыми и новыми чудесами. Один указывал на прекрасный, видный слева от нас дворец, архитектура которого напоминала восточный стиль, другой обращал внимание на великолепный собор или новый другой дворец, но все до единого были очарованы красотой панорамы этого огромного, расположенного на равнине города. Москва-река течет по светлым лугам; омыв и оплодотворив все кругом, она вдруг поворачивает и течет по направлению к городу, прорезывает его, разделяя на две половины и отрывая таким образом друг от друга целую массу домов и построек; <они> тут деревянные, и каменные, и кирпичные; некоторые построены в готическом стиле, смешанном с современным, другие представляли из себя смесь всех отличительных признаков каждой из отдельных национальностей. Дома выкрашены в самые разнообразные краски, купола церквей — то золотые, то темные, свинцовые и крытые аспидным камнем. Все, вместе взятое, делало эту картину необычайно оригинальной и разнообразной, а большие террасы у дворцов, обелиски у городских ворот и высокие колокольни на манер минаретов — все это

напоминало, да и на самом деле представляло из себя, картину одного из знаменитых городов Азии, в существование которых как-то не верится и которые, казалось бы, живут только в богатом воображении арабских поэтов.

15 сентября наш отряд снялся с места рано утром и вышел из деревни, где была последняя стоянка, направляясь в Москву. Подходя к городу, мы с удивлением заметили, что не было стен. Простая земляная насыпь указывала на первоначальное его зарождение.

Ничего, казалось, не давало нам следа обитаемости города; дорога, по которой мы шли, была так пустынна, что мы не только ни одного москвича, но даже и французского солдата не встретили. В этой торжественной тишине и полном одиночестве не слышно было ни звука, ни возгласа; руководил нами один страх, увеличившийся еще более при виде густого дыма, высоким столбом поднимавшегося в центре города. Сперва мы было подумали, что загорелось несколько магазинов, которые по своему обыкновению перед уходом зажгли русские.

ЛАБОМ

Мы не захотели переходить первую заставу, которую встретили по пути, и решили, взяв влево, продолжать обигать город. По приказанию принца Евгения я стал расставлять войска для охраны Петербургской дороги. Тринадцатая и пятнадцатая дивизии расположились у Петровского дворца⁹⁹; четырнадцатая стояла в деревне на полпути от Москвы к дворцу; легкий баварский кавалерийский полк под началом графа Орнано занял позицию в семи верстах от вышеупомянутой деревни. Под такой охраной въехал вице-король в Москву и остановился во дворце князя Мамонова на Санкт-Петербургской улице. Эта часть Москвы, отданная в наше пользование, была одной из лучших в городе. Сплошь стояли чудесные большие здания и дома, хотя и деревянные, но они нам казались и громадными, и поразительно богатыми.

Магистраты (судьи), оставшись без дела и занятий, могли каждый по желанию выбрать для своего жилья один из дворцов, и каждый простой офицер жил в огромном, великолепно отделанном помещении, где чувствовал себя вполне хозяином, не видя никого кругом, кро-

ме послушного робкого дворника, отдавшего в полное распоряжение все ключи от дома. Накануне с вечера Москва принадлежала нам, но, несмотря на это, в том квартале, где мы расположились, не видно было ни солдат, ни обитателей — до того город был велик и казался безлюден. Тяжелое безмолвие царило в нем. Самые смелые из нас и те были потрясены. Улицы были так длинны, что всадники не узнавали своих на другом конце их; когда кто-нибудь медленно приближался с другого конца улицы, видевший это не мог разобрать, враг это или друг, и, так приближаясь осторожно один к другому, они вдруг испуганно поворачивали назад и бежали друг от друга, воображая, что встретили врага, хотя оказывалось потом, что служили под одними и теми же знаменами.

Прежде чем занять новый квартал, туда отправляли разведчиков; они осматривали дворцы и церкви, но никого не находили, кроме детей и стариков, и только изредка им попадались русские офицеры, раненные в прежних боях. В некоторых церквях алтари были разукрашены, как в дни больших праздников; горели тысячи свечей у престола, что свидетельствовало о том, что москвичи неустанно продолжали молиться до последней минуты своему любимому святому. Торжественность и святость окружающей обстановки внушали нам сильное уважение к побежденному нами народу и невольный страх, который порождает всякая сделанная большая несправедливость. Мы робко подвигались среди этого ужасающего опустошения, часто останавливались, оглядываясь назад, часто прислушивались, так как страх перед огромностью нашей победы внушал нам постоянно мысль о какой-нибудь западне или засаде. Малейший шум — и нам везде чудились крики нападающих и бряцание оружия. По мере приближения к центру города, особенно около базара *, нам стали попадаться изредка жители Москвы, собравшиеся у кремлевских стен. Эти несчастные, веря в старинную легенду о неприкосновенности этих стен, решились даже накануне оказать сопротивление нашему авангарду под начальством короля Неаполитанского. Наши войска моментально разогнали их, и они, пораженные своей неудачей, в слезах смотрели на высокие башни

* Большая площадь в Китай-городе, окруженная галереей из кирпича, где помещается бесконечное количество маленьких лавочек.
(Прим. авт.)

Кремля, твердыню, которую до сих пор считали «палладиумом» города. Тут же попалась нам толпа солдат, открыто торговавших краденными товарами. Охрана была поставлена только у главных магазинов со съестными припасами. Чем дальше мы шли, тем больше нам попадалось солдат, возвращавшихся с целыми свертками различных товаров, они тащили за спиной огромные куски сукна и целые головы сахару. Мы положительно не знали, чем оправдать весь этот беспорядок, но фюзелеры* гвардии объяснили нам, что дым, который бросился нам в глаза при входе в город, шел от пожара в огромном здании, где были собраны все товары: здание это называлось биржей**. Русские сами подожгли его отступая. Вчера, рассказывали нам солдаты, мы вошли в город в полдень, а сегодня утром мы увидели огонь. Сначала мы было хотели тушить его, думая, что загорелось от какой-нибудь неосторожности на наших биваках, но нам пришлось отказаться от этого, так как мы узнали, что само русское правительство отдало приказ поджечь город и убрать пожарные трубы, чтобы мы не могли ничего спасти. Очевидно, правительство рассчитывало этой отчаянной мерой нарушить дисциплину в нашем лагере и разорить класс торговцев, восставших усиленно против общего бегства из города.

Вполне понятное любопытство тянуло меня вперед: чем ближе мы подходили к горящему зданию, тем больше улицы были заполнены солдатами и нищими, тащившими всевозможные предметы, причем менее ценные тут же бросались на землю, и скоро вся улица была забросана разными вещами.

Наконец-то я добрался до желанной цели. От прежнего, известного своим величием здания почти ничего не осталось. Это был просто огромный горящий костер — печь, откуда валились горящие балки. Двигаться можно было только по галереям, где шли рядами магазины; в этих магазинах солдаты и хозяйничали, они выламывали крышки сундуков, разбивали кассы и делили затем между собой добычу.

В этой ужасающей обстановке даже не было слышно ни криков, ни возни; всего было так много, что можно

* Фюзелер — пехотинец, вооруженный фюзесей — тяжелым дальнобойным ружьем. (Прим. сост.)

** Торговые ряды на Красной площади. (Прим. сост.)

было насытить самый алчный аппетит. Слышался только треск пламени, шум высаживаемых дверей и изредка страшный гул, когда обваливался вдруг подгоревший свод. Бумажные ткани, бархат, кисея, самые дорогие материи Европы и Азии — все неудержимо горело; в подвалах горели склады сахара, деревянного и постного масла, смолы и купороса, и из этих подвальных этажей пламя потоками вырывалось наружу сквозь железные толстые решетчатые отверстия.

ЛАБОМ

14 сентября вечером мы вступили в одно из московских предместий. Мы узнали здесь, что, уходя из города, русская армия увела с собой всех горожан и чиновников, так что осталось только немного простонародья и прислуга. На следующий день, проходя по главным улицам, мы почти никого не встречали. Дома были поквинуты. Особенно удивило нас появление огня во многих отдаленных кварталах, в которые еще не вступил ни один из наших солдат. Горели и Кремлевские ряды — огромное здание с портиками, похожее на парижский Пале-Рояль.

После всего виденного нами нас не могли не удивлять и обширность Москвы, и большое число ее церквей, и прекрасная архитектура ее зданий, а также удобное расположение жилищных домов, богатство их мебелировки и наличность в большей части из них различных предметов роскоши. Улицы были просторны, правильно расположены, и все вообще гармонировало одно с другим. Все указывало на богатство города, на его огромную торговлю товарами всех стран света. Красоту города значительно увеличивало разнообразие построек дворцов, церквей, домов. Некоторые кварталы особенностью своих построек указывали, какая народность их населяла, — так легко было отличить кварталы французский, китайский или индийский, немецкий. Кремль можно назвать московской крепостью. Он находится в центре города на довольно значительной возвышенности и окружен зубчатыми стенами, там и здесь пересекаемыми башнями, вооруженными пушками.

Упомянутые выше Кремлевские ряды, обычно наполненные индийскими товарами и дорогими мехами, стали добычей пламени, так что воспользоваться можно было

только вещами, сложенными в подвалы, куда наши солдаты проникли по окончании пожара. Наружные же части этого прекрасного здания были дотла истреблены огнем.

Остальную часть Кремля занимали дворец императоров, сенат, арсенал и два очень старинных храма. Все эти памятники роскошной архитектуры величественно вздымались вокруг военной площади. Казалось, что вас перенесли на общественную площадь древних Афин, где можно было любоваться с одной стороны Ареопагом¹⁰⁰ и храмом Минервы¹⁰¹, а с другой — академией и арсеналом.

Между двумя храмами возвышалась в виде колонны почти цилиндрическая башня, известная под именем колокольни Ивана Великого. Она походила на египетский минарет. Внутри ее было повешено множество колоколов различной величины, а один — удивительной величины, о котором упоминают историки, стоял возле нее на земле. С высоты башни можно видеть весь город, который представлялся в виде звезды с четырьмя раздвоенными концами, а разноцветные крыши домов и покрытые золотом и серебром верхушки многочисленных церквей и колоколен придают картине весьма живописный вид.

Едва ли найдется что-либо богаче одного из храмов Кремля (того, где хоронили императоров). Его стены покрыты золотом и вызолоченными пластинками, толщиной в 5—6 линий, на которых рельефно изображена вся история Ветхого и Нового завета. Массивные серебряные паникадила поражают своими огромными размерами.

Привлекшие мое особенное внимание больницы сделали бы честь самой цивилизованной нации. Они делятся на военные и гражданские.

В обширном военном госпитале мы нашли очень немного больных, которых и перевели в другой, меньший, устроенный при институте для сирот военных.

Больницы гражданские менее примечательны. Четыре главные из них это—Шереметьевская, Голицынская, Александровская и Воспитательный дом.

Воспитательный дом расположен на берегу Москвы-реки под охраной кремлевских пушек. Это, без сомнения, лучшее во всей Европе из учреждений подобного рода. Здание делится на две части. Первая, та, где входная дверь, включает в себе помещение для заведующего,

назначаемого из старых заслуженных генералов, квартиры служащих, контору и т. п.

Вторая часть — в виде правильного четырехугольника. Внутри расположен довольно обширный двор, посередине которого фонтан и резервуар, снабжающий речной водой все части здания. Каждая сторона представляет собой 4 высоких этажа, окруженных изнутри довольно широким коридором, далее идут залы, в одних помещаются девочки, в других — мальчики. Крозатки с пологими стоят в 2 ряда и соответствуют росту детей. Повсюду образцовый порядок и чистота.

Следует заметить, что в первой части здания и в главных залах второй потолки сводчатые и постройка настолько прочная, что может противостоять пожару. Кухни и все принадлежности устроены прекрасно.

Русские, покидая Москву, увезли всех детей обоюго пола старше 7 лет, так что осталось всего небольшое число детей меньшего возраста. Их поместили в особом отделении, а больницу приготовили для французских больных, которых нельзя было перевезти. Выбрали это убежище в надежде, что казаки скорее его пощадят, если бы армии пришлось внезапно покинуть Москву.

ЛАРРЕЙ

В виду Москвы, 14 сентября. Сегодня утром за деревней Черепково при нашем приближении к Хорошево, пока саперы перекидывали мост через Москву-реку для третьего перехода через нее, кто-то из разведчиков, прикрывающих сбоку колонны, указал на один холм... последний!

«Новый мир, — так буквально говорят они, — открылся нам». Прекрасная столица под лучами яркого солнца горела тысячами цветов: группы золоченых куполов, высокие колокольни, невиданные памятники. Обезумевшие от радости, хлопая в ладоши, наши, задыхаясь, кричат: «Москва! Москва!» Я не смогу, конечно, лучше и красивее выразить наше впечатление при виде этого города, как напомнив стихи Тассо, когда он в третьей песне изображает армию Готфрида Бульонского¹⁰², увидевшего впервые башни Иерусалима: «У каждого как бы крылья выросли на сердце и на ногах; как легко стало идти. Солнце лило свои горячие

лучи на бесплодные поля, оно дошло до зенита, когда Иерусалим предстал перед нами! Да, это Иерусалим, мы видим его, мы осязаем его, тысячи голосов, как один, звучат в воздухе, приветствуя Иерусалим!..»

При имени Москвы, передаваемом из уст в уста, все кучей бросаются, карабкаются по собственной охоте на холм, откуда мы слышали этот громкий крик. Каждому хочется первому увидеть Москву. Лица осветились радостью. Солдаты преобразились. Мы обнимаемся и поднимаем с благодарностью руки к небу; многие плачут от радости, и отовсюду слышишь: «Наконец-то! Наконец-то Москва!»

Мы не устаем смотреть на огромный город с его разнообразными и причудливыми формами, с куполами, крытыми свинцом или аспидом; дворцы с цветущими террасами, островерхие башни, бесчисленные колокольни заставляют нас думать, что мы на границе Азии.

От нетерпения войти в Москву мы, не дождавшись постройки моста, вброд переходим Москву-реку. Вице-король, видя настроение войск, дает своей кавалерии приказ тронуться; пехота следует за ней.

Наши сердца разрываются от радости по мере приближения; но нас изумляет то, что все окрестные дома покинуты, как везде, где мы только проходили. Мы всматриваемся в огромный город и не решаемся верить, что и он пуст, как его окрестности.

Мы скорее склонны думать, что жители предместий, уstraшенные нашим приближением, массами укрылись в столицу. Всякого, высказывающего предположение, что Москва покинута, сейчас же поднимают на смех товарищи. И действительно, можно ли предположить, что столько роскошных дворцов, великолепных церквей, богатых магазинов покинуты своими обитателями?

Беседуя так, дошли мы до деревни Хорошево, находящейся в расстоянии полторы мили от Москвы. Колонна остановилась, чтобы привести себя в порядок, надеть парадную форму и подождать возвращения адъютанта вице-короля с приказаниями от императора. Приказания эти жестоко нас разочаровали. Наше вступление в столицу царей было отложено на завтра.

Москва, 15 сентября. С зарею мы покинули это скверное Хорошево и в парадной форме двинулись к Москве. Приближаясь, мы заметили, что город открыт.

Простой земляной вал служит ему единственной защитой. В то же время мы не замечаем ни одного дымка над домами — это плохой знак. Дорога наша идет прямо в город: мы нигде не видим ни одного русского и ни одного французского солдата.

Страх наш вырастает с каждым шагом; он доходит до высшей точки, когда мы видим вдали, над центром города, густой столб дыма.

Сначала мы все думали, что горит какой-нибудь магазин: русские приучили нас к таким пожарам. Мы уверены, что огонь скоро будет потушен солдатами и жителями. Мы приписываем казакам все эти ненужные разрушения и опустошения...

Вице-король во главе королевской гвардии въезжает в Москву по прекрасной дороге, ведущей от предместья Петровско-Разумовского. Этот квартал, один из наиболее богатых в городе, назначен для квартирования итальянской армии. Дома, хотя большею частью и деревянные, поражают нас своей величиной и необычайной пышностью. Но все двери и окна закрыты, улицы пусты, везде молчание! Молчание, нагоняющее страх.

Молча, в порядке проходим мы по длинным пустынным улицам: глухим эхом отдается барабанный бой от стен пустых домов. Мы тщетно стараемся казаться спокойными, тогда как на душе у нас беспокойно: нам кажется, что должно случиться что-то необыкновенное.

Москва представляется нам огромным трупом; это — царство молчания: сказочный город, где все здания, дома воздвигнуты как бы чарами для нас одних!..

Мы выходим на красивую и широкую площадь и выстраиваемся в боевом порядке в ожидании новых приказов. Они скоро приходят, и мы одновременно узнаем о вступлении императора в Москву и о пожарах, начавшихся со всех сторон.

ЛОЖЬЕ

Ранним утром 14 сентября мы снова очутились на большой дороге, которая по холмам и долинам повела нас к цели. Быстро вызванные полки с артиллерией указывали на серьезность предприятия, и всеобщее ожидание стало крайне напряженным. Скоро все стихло, и разнеслась быстрая весть о перемирии. Но наше ожидание оставалось напряженным, ибо перед нами в получасе пути лежала огромная Москва, раскинувшаяся

на таком протяжении, какого я еще никогда не видел ни у одного большого города.

Мы теперь стояли по левую сторону дороги, в можжевелевом кустарнике. Голод вынуждал нас подкрепляться ягодами последнего, а лошади пожирали его ветки. Затем мы вступили на большую дорогу и двинулись вперед.

Вправо, близ дороги, ехал по полю Наполеон в сером сюртуке, на белом коне; он прибыл сегодня к самой главе авангарда в сопровождении небольшой свиты; с левой стороны его шел длинный польский еврей в своем национальном костюме. Наполеон устремил свои взоры на столицу, лежавшую теперь еще ближе к нам, а еврей делал указания и разъяснения, по-видимому касавшиеся некоторых пунктов города. Тут мы увидели и окопы, сооруженные русскими перед нашим прибытием. Когда мы совсем подошли к первым домам города, во главе дивизии стал Мюрат, а Наполеон ускакал от дороги вправо, как бы направляя свой путь в близкую усадьбу...

Напряженное внимание к грядущим событиям, мысль, что мы после стольких страданий, лишений и трудов дожили до этого дня, что мы в числе первых вошли в эти любопытные стены,— все это заставляло нас забыть о прошлом.

Всякий более или менее охвачен был гордостью победителя, а где эта гордость не подсказывала соответствующих чувств, там всегда находился офицер или старый вояка, умевший проникновенными словами объяснить величие места и момента.

Нашей дивизии отдан был строжайший приказ, чтобы никто, под страхом неминуемой смертной казни, не смел слезать с коня или выезжать из строя. Нам, врачам, этот приказ внушен был с такою же настойчивостью, как и войскам, и мы охотно ему повиновались.

Пока мы ехали по улице до реки Москвы, не было видно ни одной обывательской души. Мост был разобран, мы поехали вброд; ушишки ушли в воду до оси, а лошади до колен. По ту сторону реки мы встретили несколько человек, стоявших у окон и дверей, но они, казалось, были не особенно любопытны. Дальше попадались прекрасные здания, каменные и деревянные, на балконах иногда виднелись мужчины и дамы.

Наши офицеры приветливо отдавали честь, им отвечали столь же вежливо; но все-таки мы видели еще очень мало жителей, а около дворцов все стояли люди,

имевшие вид прислуги. Во внутренних частях города мы наткнулись на истомленных русских солдат, отсталых, пеших и конных, на брошенный обоз, на серых убойных быков и т. п. Все это мы пропускали мимо. Медленно, с постоянными поворотами продвигались мы по улицам, в которых наше внимание привлекало множество церквей с их столь для нас чуждой архитектурой, особенно многочисленностью башен и внешним их убранством, а также прекрасные дворцы и окружавшие их сады. Мы проехали через рынок, его деревянные лавки были открыты, товары, разбросанные в беспорядке, валялись и на улице, словно перед нами здесь хозяйничали грабители. Шествие наше совершалось крайне медленно, остановки были очень часты, и вот наши пронюхали, что у валявшихся по улицам отсталых и спящих русских во фляжках есть водка. Не смея слезать с коня, они ухитрились перерезывать кончиком сабли ремни, которыми фляжки привязаны были к ранцам, и подхватывать самые фляжки крючочками, выточенными на концах сабель. Этим хитроумным способом добыта была водка, которая давно уже была большой редкостью.

Мюрат проезжал взад и вперед по нашим рядам, был очень серьезен и деятелен и глядел даже туда, куда не успевал попасть сам. Он шел во главе нас, когда мы, идя между большими старыми зданиями, добрались до арсенала. Арсенал был открыт, и всякого рода люди, в большинстве, по-видимому, мужики, выносили оттуда оружие, некоторые старались пробраться внутрь. На улице и на влощади, где мы теперь остановились, валялось множество всякого оружия разного вида, по большей части нового.

В воротах арсенала возникла перебранка адъютантов короля с выносившими оружие. Несколько адъютантов въехало внутрь здания, перебранка стала очень громкой. Тем временем было замечено, что на площади позади арсенала собралось много народа, шумного и беспокойного. Все это заставило короля придвинуть ко входу на площадь наши пушки и дать залп. Трех выстрелов оказалось достаточно, чтобы толпа с невероятною успешностью рассеялась по всем направлениям...

...В это время заходило солнце при ясной погоде, совсем не такой, как утром, когда было пасмурно и холодно. Более трех часов продолжалось наше вступление, и с каждым шагом, с каждым часом росла наша надежда на столь желанный и необходимый для нас мир, и мы

сладко мечтали об отдыхе. Это настроение еще более усилилось, когда мы, выбравшись за город, увидели несколько русских драгунских полков, частью построенных, частью проходивших мимо. Мы с самыми мирными намерениями выстроились против них. Они обнаружили подобное же настроение, офицеры и солдаты сблизилась, протягивали друг другу руки и фляжки с водкой и разговаривали, как умели. Все это, однако, продолжалось лишь короткое время; подскочил с своим адъютантом какой-то крупный русский офицерский чин и настрого воспретил всякие переговоры. Мы остались, русские медленно потянулись дальше.

Тем временем мы подметили, что русским так же, как и нам, мир был желателен, и мы видели, что лошади у них так же истощены, как и у нас, ибо при переправе через канаву многие из лошадей попадали, поднявшись потом медленно и с трудом, совсем как это бывало и у нас.

Наступила наконец ночь и с нею время отдыха. Вместе с артиллерией и одной дивизией кирасир мы стали лагерем в недалеком расстоянии от города, вправо от дороги, ведущей на Владимир и Казань. Влево от нее находится огромное, широко раскинувшееся здание, которое мы принимали за монастырь. Лагерные костры наши горели необычайно ярко, а невдалеке перед нами виднелись и русские костры. Воинственный шум вокруг нас, яркое пламя костров, а в особенности наше удовлетворение, что мы дожили до этого знаменательного дня, и все еще напряженное ожидание грядущих событий, суматоха близкого города и кое-какие раздобытые припасы — все это ободряло нас, и давно наш лагерь не был так полон оживления при всей необходимости отдыха.

Много разного вида людей из русской армии проходило мимо нашего лагеря по Казанской дороге. Среди них были и раненые: одни — уже перевязанные, другие — окровавленные, страдающие от ран, полученных недавно при отдельных случаях насилия и близ ворот. Наши офицеры отправляли их к нашему костру. Пока я перевязывал одного такого пехотного офицера, у которого на голове было несколько ран, он рассказал мне, что отправился переменить белье к родным и хотел явиться к ним здоровым и невредимым; их он дома не застал, и тут-то с ним произошло несчастье.

После перевязки я направил этого офицера к русским лагерным огням; мы и вообще направляли туда всех этих отсталых.

Вокруг и среди нас настроение было настолько бодрое, что всякий забывал об усталости и сне; да если бы этого и не было, обстоятельства, вскоре наступившие, отняли бы всякую охоту ко сну.

Не могу сказать, в центре ли города или на окраине — ведь ночью так легко ошибиться, но я скорее склоняюсь к первому — вдруг последовал взрыв такой ужасающей силы, что у всякого должна была явиться мысль, что это взорван склад снарядов, пороховой погреб либо так называемая «кадская машина» очень большой силы. Из возникшего сразу огромного пламени большими и малыми дугами стали взвиваться кверху огненные шары, словно разом выпустили массу бомб и гранат, и на далекое пространство рассеивался со страшным треском их губящий огонь. Этот взрыв, далеко распространивший страх и ужас, длился минуты три-четыре и казался нам сигналом к началу столь рокового для нас пожара Москвы. Вначале пламя виднелось только на этом месте, но уже несколько минут спустя мы увидели, как пламя поднимается во многих местах города; мы увидели скоро восемнадцать таких мест, и их число быстро возрастало.

При таком зрелище мы смолкли и с изумлением глядели друг на друга; казалось, мы читали на всех лицах, что каждый считает это за дурное предзнаменование. Тогда штаб-ротмистр фон Рейнгардт сказал: «Это скверное событие, оно сулит много зла, оно разом уничтожает надежду на мир и разрушает то, что нам так необходимо. Это не злая воля наших, это — признак большого озлобления наших противников, это — жертва, которую они приносят, чтобы погубить нас».

Мы с первого момента ясно видели всю эту потрясающую картину, ибо наш лагерь стоял выше города. Вскоре пламя стало вспыхивать и в частях города, лежащих ближе к нам, озаряя нас и все окрестности; но с увеличением света и пламени наш только было встрепенувшийся дух снова начал падать, и мы сквозь этот яркий свет грустно глядели навстречу тем более темному будущему.

Наступила полночь. Широко раскинувшееся пламя подобно морю бушевало над огромным городом. Шум все усиливался, и вместе с тем увеличивалось количество отсталых и бегущих из города, которые валялись мимо нашего лагеря.

Страшное зрелище в конце концов утомило нас, и мы легли спать. После короткого сна мы заметили, что пламя значительно усилилось, а с наступлением дня стали видимы и огромные облака дыма, разноцветные и различные по очертанию.

Таким образом, я видел старую, славную Москву, город царей, в последний ее день и видел самое начало того пожара, который уничтожил ее и погубил нас. Много наших уже погибло; с нами была лишь половина тех, кто стоял на Дунае; в таком же положении были и другие полки нашей дивизии; и все-таки мы гордились настоящим, питали суетные надежды и предъявляли большие требования к будущему!

Утром, с восходом солнца, я решил пройтись и зашел во двор ближайшего, похожего на монастырь здания, ища возможности умыться, что мне и удалось. К удивлению своему, я увидел там людей, занятых обычными делами, как будто все происшедшее со вчерашнего дня в городе не оказало на них никакого влияния или даже не было замечено ими. Я был единственный чужой среди них, но не привлек на себя их внимания.

Вернувшись в лагерь, я застал все приготовления к посадке на коней.

С наступлением дня было замечено, что русские бросили свой лагерь поблизости от нас. Мы последовали за ними, увидели их скорее, чем ожидали, и снова расположились на глазах у них, у первой пригородной деревни, которая лежит по Казанской дороге. Передовые посты казаков были так близко от наших, как еще ни разу в эту войну, и все-таки мы позволили себе некоторые удобства в этот холодный день. Лежавшее впереди нашей линии картофельное поле доставило работу многим из нас и накормило всех. Должен признаться, плоды тамошней почвы были настолько вкусны и привлекательны, что у меня на родине таких не бывает даже от лучших голландских семян.

РООС

14 сентября в семь часов утра мы выступали. Мы рассчитывали на сопротивление; вместо этого в четырех километрах от Москвы появился парламентар, поручавший раненых милосердию короля Неаполитанского и просивший не обстреливать города, наполненного

пьяными русскими солдатами. Я обезоружил и взял в плен двенадцать из них.

В этом не было большой заслуги — достаточно было только их встретить. С казачьей пикой в руке я отвел их в штаб императора, устроенный в предместье, затем, минуя Кремль, вернулся в город, чтобы устроить помещение для моего генерала. Кое-какие жители еще оставались. Я вынужден был заставлять впускать себя с саблей в руке. Я был один среди дюжины не понимавших меня русских; они мне дали поужинать и хорошего вина, и я заснул в этом брошенном жилище. Это было не слишком благоразумно, так как в квартале было много отсталых русских солдат. Меня разбудил пожар, вспыхнувший в ту же ночь в Гостином дворе. Русское правительство оставило своих полицейских для выполнения этой операции.

ИЗ ДНЕВНИКА КАСТЕЛЛАНА

Маршал доложил императору, что в Кремле собралось множество вооруженных людей — большею частью преступников, выпущенных из тюрем, и что они стреляют в кавалерию Мюрата, составлявшую авангард. Несмотря на многократные требования, они отказывались отпереть ворота. «Все эти негодяи пьяны,— добавил маршал,— и не хотят слушать никаких резонов». — «Пусть же выбьют ворота пушками! — отвечал император.— И выгонят оттуда все, что там засело».

Так и сделали; король Мюрат взял на себя эту обязанность: два пушечных выстрела — и весь сброд рассыпался по городу. После этого король Мюрат двинулся дальше по городу, преследуя русский арьергард.

Послышались раскаты всех барабанов, затем раздалась команда «Garde à vous!»*. То был сигнал вступления в город. В половине четвертого пополудни мы вступили колонной, тесно сплоченной по взводам. Авангард, в состав которого входил и я, состоял из тридцати человек, командовал им Цезарис, поручик нашей роты.

Только что вступили мы в предместье, как увидели идущих на нас тех самых негодяев, которых выгнали из Кремля: у всех были убийственные рожи и вооружены они были ружьями, пиками, вилами. Едва перешли мы через мост, отделявший предместье от города, как из-под

* Берегитесь! (Фр.)

моста выскочил какой-то субъект и направился навстречу войскам: он был в овчинном полушубке, стянутом ремнем, длинные седые волосы развевались у него по плечам, густая белая борода спускалась до пояса. Он был вооружен вилой о трех зубьях, точь-в-точь, как рисуют Нептуна, вышедшего из вод.

Он гордо двинулся на тамбурмажора, собираясь первый нанести ему удар; видя, что тот в парадном мундире, в галунах, он, вероятно, принял его за генерала. Он нанес ему удар своей вилой, но тамбурмажор успел уклониться и, вырвав у него смертоносное оружие, взял его за плечи и спустил с моста в воду, откуда он только что перед тем вылез; он скрылся в воде и уже не появлялся, его унесло течением: больше мы его и не видели.

Далее нам встретились и другие русские, стрелявшие в нас, но так как они никого не ранили, то у них просто вырывали ружья, разбивали, а их самих спроваживали, ударяя прикладами в зад. Часть оружия была взята ими из арсенала в Кремле, оттуда же были взяты ружья с трупом вместо кремней -- труп кладут всегда, когда ружья новы и стоят в козлах. Мы узнали, между прочим, что эти несчастные покушались убить одного офицера из генерального штаба короля Мюрата.

Пройдя мост, мы продолжали путь по широкой прекрасной улице. Нас удивило, что не видно было ни души, даже ни одной женщины, и некому было слушать нашу музыку, игравшую «Победа за нами!». Мы не знали, чему приписать такое полное безлюдье. Мы воображали, что жители, не смея показываться, смотрели на нас сквозь щелки оконных ставней. Кое-где попадались только лакеи в ливреях да несколько русских солдат.

БУРГОНЬ

В надежде, что французская армия действительно сменила арьергард русских, мы осмелились открыть ставни. Подняли створы; прижав лица к стеклам, мы старались узнать, что происходило на улице, как вдруг сильные удары в дверь снова возбудили в нас ужас. Мы поскорей закрыли окна и ставни. Опять стучат. То же молчание с нашей стороны. Наконец энергическое восклицание на чистом французском языке уничтожило всякое сомнение в том, кто были наши посетители. Это французы, освободители! Мы суетимся, спешим, де-

тим отворять... «Черт возьми, сударыня! Когда люди сделали две с половиной тысячи верст беглым шагом, чтобы иметь удовольствие видеть вас, вы могли бы, кажется, проворнее отворить, потому что, если я не ошибаюсь, судя по кокарде нашего великого императора, вы француженка, не так ли?» Субъект, столь любезно обошедшийся со мною, был унтер-офицер егерей императорской гвардии. Он вошел в сопровождении нескольких товарищей, так же, как и он, умиравших с голоду. С полной готовностью мы дали им все, чем только могли располагать. По нашей заботливости скорее, быть может, чем по языку, они могли узнать, что находятся у соотечественников...

Между тем как солдаты занимали опустелые дома, иностранцы стали показываться на улицах. Число их, считая и тех обывателей, которые не решились бросить свои очаги, доходило все-таки тысяч до двадцати пяти. Но, рассеянные там и сям или скрываясь в глубине своих подвалов, они терялись в громадном, безмолвном городе, имеющем 35 верст в окружности. Пустота, запертые дома, оставленные богатства — все это заставляло французскую армию подозревать, нет ли тут какой ловушки. Вследствие этого офицеры и солдаты запирались в своих квартирах и ложились спать не раздеваясь, имея под рукою оружие. Эти предосторожности делались по инстинкту, потому что никакого приказа в этом роде не было отдано. Этого было достаточно, чтобы снова возбудить подозрения в несчастных иностранцах. Что значила подобная осторожность, недоверчивость, которыми сопровождались малейшие движения французов, столь доверчивых и легкомысленных по природе? Не было ли это запустение только притворным, не скрывало ли оно какой-нибудь обширный заговор? А куда делись те злодеи, разбойничьи песни которых еще недавно леденили нас ужасом?

В то время как императорская гвардия и некоторые другие полки занимали Москву, остальная часть армии, не предназначенная войти в город, стояла лагерем в окрестностях. Запрещение входить в город исполнялось этими войсками только до наступления ночи. Но каким образом помешать изнуренным людям взять то, что находится у них под руками? Многие солдаты, тайком пробравшись в город, рассеялись по всем направлениям, чтобы поискать только пищи, но, найдя опустелые дома, они без церемонии стали брать вещи, которые им нра-

вились и которые прежние владельцы, казалось, молча им уступали. Французские солдаты встретили также несколько отсталых русских, на которых приманка добычи и вино оказали больше действия, чем страх неприятеля. Вследствие этой встречи последовали с обеих сторон ружейные выстрелы, но сражение скоро прекратилось, так как и те и другие явились сюда вовсе не затем, чтобы драться.

Около двенадцати часов ночи нам едва не пришлось подвергнуться нападению войск, бывших в лагере; это были итальянцы. Они уже влезли на стену, окружавшую сад, когда наши гвардейцы, при первой тревоге бывшие уже на ногах, мужественно их отразили. Бедняки говорили, что умирают от голода. Им подали через забор несколько хлебов, после чего они ушли.

По-видимому, все дома один за другим подвергались подобной же участи. Москва, несмотря на громадное протяжение и обезлюдение, царствовавшее в ней, не представляла для французов никакого затруднения относительно распознавания местности, что обыкновенно случается в незнакомом городе. Самые положительные сведения, мельчайшие топографические подробности доставлены были еще до начала войны нашим консулом Дорфланом. Он находился тут же, при армии, так что указания его переходили ко всем, начиная с офицеров и до последнего солдата. Любопытно было видеть, как французы среди громадного города, за 2500 верст от родины, ориентировались и расходились отрядами в Кремль, в Китай-город, в Белый город, как будто все это происходило в городе, отлично известном.

ДОМЕРГ

Наконец 14 сентября, когда наши стрелки, выехав из лесу, поднялись на возвышение, у подошвы которого простиралась великолепная равнина, перерезанная рекой Москвой, мы увидели вдали на горизонте огромную древнюю столицу этого обширного государства — великую Москву, где мы надеялись насладиться несколькими днями покоя, купленного такой дорогой ценой.

Эта роскошная картина решительно превзошла все, что рисовало себе наше воображение относительно азиатской роскоши. Невероятное количество раскрашенных в яркие цвета колоколен и церквей с золочеными крестами, которые соединялись между собой также вызоло-

ченными цепями, резко выделялось на красноватом фоне солнечного заката. Над всей этой панорамой доминировал Кремль, древний и обширный, и его колокольня, на вершине которой сверкал большой крест, сделанный если и не из массивного золота, то по крайней мере из позолоченного серебра. Река Москва, очень широкая в этом месте, протекала через весь этот конгломерат пышных дворцов и роскошных садов и извивалась по равнине, куда мы должны были спуститься.

Все это произвело на нас магическое впечатление, и наша радость была тем живее, что, так как орудийные выстрелы перестали раздаваться, по всей линии начали говорить о перемирии, которое должно было явиться преддверием мира. В веселом настроении подошли мы поэтому к берегу реки, переправились через нее вброд и разбили лагерь на противоположной стороне.

Было около пяти часов вечера. Я и один из моих товарищей по имени Паскаль, сын богатого землевладельца в Дофине, тот самый, которому было поручено захватить тирольского партизана Андрея Гоффера¹⁰³, услаждали себя мыслью об удовольствиях, которые мы надеялись вкусить в Москве, как вдруг почти в одну и то же самое время под влиянием одной и той же мысли мы оба воскликнули: «Э! Да зачем же дожидаться до завтра? Сядем на своих коней и едем в Москву провести там ночь! Мы возвратимся рано утром, чтобы быть уже в седле, когда выступит полк». Эта смелая идея была почти безумием, но мы были слишком молоды, слишком ветрены, у нас слишком уже разыгрался аппетит, чтобы устоять перед искушением тонкого ужина и ночи, полной удовольствий.

Мы были готовы в одно мгновение, несмотря на доводы наших старых и более благоразумных товарищей. Я сел на серую, найденную Бастьеном лошадь, и мы галопом отправились по большой дороге в Москву.

Достигнув аванпостов, занятых легкой кавалерией нашей дивизии, мы спросили командующего офицера, очистила ли неприятельская армия город и можно ли будет нам направиться туда.

Он нашел наше предприятие очень опасным, сообщил нам, что рекогносцировки доходили до внешней стены, но что, хотя ворота были отперты, еще не решились проникнуть внутрь города.

Один баварский офицер прибавил, что, по полученным

им сведениям, в другом месте Неаполитанский король в сопровождении своего генерального штаба встретился с казаками, которые высказали ему свой восторг, и что он, в ответ на их похвалы его рыцарской храбрости, хорошо известной большинству из них, раздал им часы всех своих адъютантов и других офицеров своего штаба.

Несмотря на неопределенность этих указаний, мы дали лошадям шпоры. Мы скакали уже около десяти минут, как вдруг увидели вполне отчетливо кавалерийскую колонну, которая направлялась в нашу сторону. Так как расстояние, отделявшее ее от нас, не позволяло еще узнать форму и так как мы не знали, с кем нам придется иметь дело, с друзьями или русскими, то мы обнажили сабли и, несколько разъехавшись, двинулись вперед с большой осторожностью. Когда мы приблизились на расстояние ружейного выстрела, от авангарда отделились под командой унтер-офицера несколько человек и направились к нам, и мы могли узнать французскую форму. Тогда, вложив сабли в ножны, мы подъехали к колонне. Ею командовал генерал Брюйер¹⁰⁴. Он спросил нас, откуда мы приехали, куда направляемся и к какой части войска принадлежим. Зайдя слишком далеко вперед, чтобы отступить, не находясь к тому же под его начальством, ободренные его добрым видом, мы сознались ему во всем.

— Я слишком рад узнать, где находится итальянская армия, с которой мне приказано соединиться и за которой я гоняюсь уже в течение трех часов, чтобы делать вам какие-либо замечания или упреки,— сказал он нам.— Отправляйтесь в Москву веселиться... если можете.

Мы не заставили говорить себе это два раза. Пустив лошадей во весь опор, мы проскакали мимо кавалерийской колонны и скоро очутились перед въездом в город, на что указывали большие ворота, оба створа которых были широко раскрыты, как бы для того, чтобы оказать нам гостеприимство.

Мы готовы были переехать уже их порог, как я увидел старуху, которая, остановив одной рукой за узду мою лошадь и поддерживая другою края своего фартука, криками и жестами приглашала меня взять его содержимое. Я нагнулся к ней и, опустив в ее фартук руку, вытащил оттуда большую печеную грушу, похожую на те, что продают во всякую погоду на набережных или на Новом мосту в Париже. Но в надежде на более утон-

ченный ужин я с презрением бросил назад то, что принял бы накануне с благодарностью.

Мы проникли в великолепную улицу, по обеим сторонам которой тянулись тротуары и стояли прекрасные особняки. Мы заметили, что эти особняки отделялись друг от друга обширными садами, обнесенными высокими стенами, что объяснило нам величину этой огромной столицы.

Но хотя ночь только что наступила, мы не встретили ни одного жителя. Нигде не видно было света, все ставни были закрыты. Ни малейшего шума, ни малейшего признака жизни как внутри домов, так и снаружи: всюду царствовало глубокое молчание, молчание могилы...

Мы остановили своих лошадей. Нам было страшно.

Великое решение, принятое неприятелем, покинуть город предстало пред нашими глазами, как призрак, угрожающий и ужасный. Все иллюзии разрушены. Прощайте, наши надежды на отдых, на спокойное возвращение на родину, которая была так далеко от нас. Перед нами — цепь бесчисленных битв и лишений. Таковы были те жестокие мысли, которые сами пришли нам в голову и которые выразились в одном скорбном восклицании, охватывавшем их все: «Город покинут!..»

В данный момент нечего было уже думать о хорошем ужине, о ночи, полной удовольствий. Я почти сожалел о печеных грушах старухи.

Мы были ошеломлены этим внезапным ударом судьбы, словно в нас ударила молния. Мы стояли неподвижно, предаваясь нашим печальным размышлениям и не зная, что предпринять, как вдруг послышался шум, сначала глухой и смутный, но потом все более и более отчетливый и ясный, указывавший нам на приближение артиллерийского обоза.

Скоро мы стали отличать голоса и проклятья на французском языке. Улица осветилась красноватым светом факелов, которые несли шедшие впереди артиллеристы. Мы подъехали и познакомились с майором Шопеном, который, проникнув в город, уже довольно давно старался теперь выйти из него, двигаясь почти наугад, к счастью в верном направлении.

Мы дали ему все нужные указания и в свою очередь спросили его, не заметил ли он по дороге, по которой он сейчас прошел, что-нибудь вроде гостиницы, ресто-

рана, трактира или даже кабака, так как мы не собирались уже быть очень разборчивыми.

Он рассмеялся и стал уверять нас, что не встретил ни одной живой души.

«Если вы, мои юные безумцы, — прибавил он, — желаете сделать то же, что и мои канониры, которые только что выломали дверь в двухстах шагах отсюда, то присоединяйтесь к ним и берите \langle на \rangle удачу то, что найдете».

Я сознаюсь, что мы должны были бы устоять перед этим искушением, чтобы не компрометировать честь мундара. Но, с одной стороны, печальная перспектива вернуться с пустыми руками в лагерь и стать предметом насмешек товарищей, с другой стороны, гнев, охвативший нас, когда мы увидели, что все наши надежды обмануты благодаря эвакуации города, наконец, голод, который пожирал нас, — все это вместе привело нас к тому, что мы совершили поступок, который мы не только не позволили бы себе, если бы жители остались в городе, но и подавили бы всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, если бы кто-либо другой попытался его сделать.

Как бы то ни было, после некоторых колебаний мы продолжили свой путь и скоро очутились перед очень красивым домом. В нем раздавались голоса и смех. Дверь, выходящая на тротуар, была вышиблена, и из подвальных окон ярко сверкал среди глубокой тьмы, окружавшей нас, свет, словно огненные глаза.

Мы слезли с лошадей и, привязав их, проникли внутрь дома. Осторожно ступая и руководясь исключительно шумом раздававшихся под землею голосов, мы нащупали первые ступени лестницы, и через несколько мгновений перед нами открылся ряд сводчатых погребов, ярко освещенных прислоненными к стене или вставленными среди бочек факелами.

Успевшие уже изрядно выпить артиллеристы пели песни во все горло. Но при нашем неожиданном появлении среди них воцарилось глубокое молчание; несмотря на молчаливое разрешение майора Шопена, они сочли себя пойманными на месте преступления. Мы поспешили успокоить их и принялись за осмотр подвалов.

Написанные на бочках крупными буквами \langle названия \rangle наиболее известных французских виноградников заставили нас почувствовать большую радость и живо напомнили нам родину.

Можно было прочесть: «Château-margaux», 1804, 1805; «Médoc», «Sauterne», 1803, 1804 и т. д. Мы нашли множество мелких бочонков вместимостью от десяти до двадцати бутылок. В них было фронтиньянское вино и несколько лучших сортов испанских вин. Словом, мы не могли напасть на лучшее место: было из чего выбрать. Узнав от одного из артиллеристов, что мы находимся у аптекаря, мы решили, что он продавал своим клиентам скорее тонические, чем фармацевтические средства.

Переходя из подвала в подвал, мы заметили мертвеца пьяного русского солдата, который валялся в луже вина, вытекшего через кран из почти уже пустого бочонка.

Далее мы увидели двух высоких, свирепых на вид субъектов, которые, прислонившись к стене, надвинув свои широкополые шляпы на глаза и закутавшись в овчинные тулупы, стояли неподвижно, как статуи, скрещенными на груди руками. Они кидали на нас дикие и удивленные взгляды, но не выражали ни малейшего опасения.

Может быть... у них были спрятаны кинжалы, и я думаю, что если бы мы были вдвоем, то они могли бы оказаться для нас очень опасными. Но так как у них не было видно оружия, то они не вызвали в нас никаких подозрений.

Однако мне трудно было объяснить их присутствие. Наполняя один бочонок бордо, а другой малагой, я спросил Паскаля, как могло случиться, что эти люди, вместо того чтобы последовать за общей эмиграцией своих соотечественников, остались здесь и спрятались в подвале. Были ли это дезертиры русской армии или крепостные крестьяне, стремившиеся стряхнуть с себя неволю, воспользовавшись вступлением французской армии в Москву?

Мы терялись в догадках, потому что если великий акт эвакуации города был очевиден, то еще не начали приводить в исполнение отчаянное решение сжечь город: огонь показался только в следующий день, день торжественного вступления французов.

КОМБ

Наконец 14 сентября в полдень мы подошли к Москве, не встретив ни одного неприятеля. Под предводительством Неаполитанского короля авангард проник в город

и прогнал казаков, которые безжалостно грабили последних жителей, не пожелавших удалиться из города. Между регулярными казаками и Неаполитанским королем на одной из главных площадей было нечто вроде переговоров о приостановке враждебных действий. Они просили и получили отсрочку, чтобы подобрать всех своих и удалиться, не делая беспорядка. В особенности обращались они к великодушному победителю, поручая ему многочисленных раненых, которых они должны были оставить. Это и было справедливо, хотя сомневаться в лояльности французской армии значило не знать ее. К несчастью, зажженный самими же русскими пожар долгое время не давал возможности оказывать им помощь, которая была обещана. Пока шли эти переговоры, казаки, постоянно видевшие Неаполитанского короля, одетого всегда очень эффектно, бывшего всегда впереди авангарда, подошли к нему с чувством уважения, смешанного с восторгом и радостью. Он один во всей армии носил на шляпе большой султан из белых страусовых перьев и был одет в какой-то особенный польский плащ цвета серого льна, опушенный соболем и куницей. Король отдал им все деньги, бывшие при нем, даже часы, а когда у него уже больше ничего не оставалось, он занял часы у полковника Гурго, у своих адъютантов и офицеров (его щедрость не была обременительна для храбрцев, которые его окружали, так как позднее они получили подарки стоимостью, значительно превышающей те предметы, которые они ему одолжили). Казаки выражали свой восторг и громко говорили, что великодушные этого героя французской армии равно его храбрости.

Наполеон сошел с коня у Московской заставы и остановился там, где русские устроили несколько укреплений. Он ждал, пока авангард не очистит город от последних неприятелей, а может быть, и ожидал он каких-нибудь местных властей, которые пришли бы к нему и преподнесли ключи столицы. Но губернатор Ростовчин¹⁰⁵ сумел навести там порядок. Город был совершенно пуст, не считая двух-трех тысяч колодников. Все, что можно было собрать, — это каких-нибудь пятьдесят-шестьдесят человек разных наций, которые издавна жили в Москве и которые, далекие от мысли о каких бы то ни было подвиги, сами приходили просить помощи и защиты, потому что они подвергались насилиям и грабежам со стороны уходивших русских. Наконец Наполеон ре-

шился войти в ту часть города, которая называется Дорогомилово, и устроил свою главную квартиру в прекрасном деревянном доме. Армия тоже расположилась в этом предместье города, которое почти отделено от лучшей части Москвой-рекою. Не успели мы прийти, как граф Филипп де Сегюр и я получили приказание тщательно осмотреть Кремль с отрядом жандармов. По рассказам русских пленных и иностранцев, живших в Москве, мы знали, что с некоторых пор были приготовлены горючие вещества и воспламеняющиеся снаряды одним химиком, про которого говорили, что он немец, и который, как позднее мы узнали, был настоящим англичанином. Этот субъект, которому помогали многочисленные рабочие, долгое время скрывался в усадьбе Вороново, недалеко от Москвы, под покровительством губернатора Ростопчина. Чтобы больше успокоить жителей, официально было объяснено, что там сооружается большой воздушный шар, который должен был поднять пятьдесят человек, снабженных горючими веществами, для того, чтобы бросить их на палатку Наполеона: простодушные москвичи поверили этому. Но вполне вероятно и даже достоверно, что в этом притоне заготавливалось громадное количество пакли, напитанной дегтем, серой и смолой, для распространения задуманного пожара такой силы, чтобы невозможно было его потушить. Действительно, все это можно было найти в оставленных домах. И даже трубы печей губернаторского дома, который не был сожжен и в котором жил генерал Делаборд¹⁰⁶, были полны маленькими адскими машинами*, взрывом которых стены должны были обрушиться и задавить наших солдат. Я знаю об этом от нашего доктора Жоанна, который состоял при корпусе генерала Делаборда и жил во дворце Ростопчина все время нашего пребывания в Москве. К счастью, догадались осмотреть трубы и печи**.

Было вполне естественно предполагать, что подобные вулканические манипуляции были изготовлены и в Крем-

* Предусмотрительность в деле разрушения была доведена до такой степени совершенства, что только после того, как разрубили поленья, которые казались предназначенными для топки печей, узнали, что они начинены порохом. *⟨Прим. авт.⟩*

** Они очень большие, и большинство их, оказывается, служили для ночлега многочисленных рабов русских вельмож. *⟨Прим. авт.⟩*

ле, единственном подходящем месте для главной императорской квартиры. Но после очень тщательного и кропотливого осмотра мы убедились, что никаких приготовлений в этом роде не существовало и опасности никакой не было. Кремль представлял из себя довольно грустную резиденцию для великого государя, и, может быть, граф Ростопчин льстил себя надеждою, что Наполеон захочет поселиться у него во дворце. Но этого не случилось, потому что по докладу, сделанному графом Филиппом и мной, император решил на следующий же день утром переехать в Кремль. Мы же вернулись туда в 10 часов вечера в сопровождении придворных чинов всякого рода, чтобы устроить и приготовить все для встречи Наполеона. Так (как) во время всех этих передвижений Сегюру и мне было невозможно иметь при себе наших лакеев и все необходимое для ночлега, мы были принуждены провести ночь совершенно одетыми на креслах и стульях. Мы предпочли устроиться в салоне, приготовленном для императора, где окна были без ставней и без драпировок. Я подчеркиваю эти небольшие подробности, так как они имеют отношение к моему дальнейшему рассказу. На таких неудобных постелях, несмотря на страшную усталость этого дня, мой сон был тревожен, и я часто просыпался. Между двенадцатью и часом ночи я заметил довольно яркий свет, хотя и в отдалении; я подошел к окну и ясно увидел, как одновременно вспыхнуло пламя по всем тем пунктам, которые мне позволяло видеть положение Кремля. Расстояния между этими пожарами и правильность их расположения рассеивали возникшие было у меня подозрения, что поджигателями были те грабители, которые являются бичом самых дисциплинированных армий. Я его приписываю отчаянию нескольких диких москвичей, которых присутствие победителя довело до этой крайности. Кроме того, я думаю, что нашим мародерам для грабежа незачем было ходить на окраины такого большого города, который они совершенно не знали и который мог представить некоторую опасность в такой поздний час. Наконец, вся армия была расположена в Дорогомилове, и только на другой день утром были даны точные приказания, чтобы занять различные части города, разместить войска по квартирам. Таким образом, пожар Москвы не должен ни в каком случае быть приписан французской армии, которая никогда не отмечала своей победы бесполезным разрушением. Во имя

ее чести я отвергаю такую ужасную славу и отдаю ее тем, которым она принадлежит. Полуцивилизированные варвары задумали этот пожар, приготовили план, распорядились им, приводили в исполнение, и, заранее отдавая дань лояльности французам, они увезли с собой все пожарные трубы, с помощью которых мы могли бы прекратить дальнейшие пожары. Вот что должен отметить правдивый историк в ярких и кровавых красках пожара.

Мы не имели понятия о том великолепии, которое представляла Москва, и как широко она раскинулась. Упрятанная в северной глуши, она была мало известна Европе, но в ней было триста тысяч населения; и если бы обширные пространства, занимаемые садами многочисленных дворцов, были застроены, как Париж, то в своем первоначальном виде, какою мы ее видели, когда приехали, она могла вместить миллион жителей. Архитектура дворцов, которые продолжали охватываться пожаром, была смешанная: здесь был и итальянский стиль, и французский, и восточный. Между прочим, расположенный против Кремля Пашковский дворец¹⁰⁷, внешние стены которого пощадил пожар, представлял смесь всех известных архитектурных стилей: он был увенчан итальянской балюстрадой, установленной тумбами. На них высились белые мраморные статуи, которые, стоя одиноко на самом высоком пункте среди развалин и обломков, напоминали укоряющих свидетелей. Это изобилие украшений всякого рода производило приятное впечатление.

Кремль не дворец; это, вернее, безобидная цитадель, выстроенная на возвышенности, окруженной Москвой-рекою. В нем находятся красивые здания, прекрасные церкви, большие казармы, великолепный арсенал и жалкое помещение для государя, такого могущественного, как самодержец России. Легкая зубчатая стена служит ему военным укреплением. Каменный мост, переброшенный через реку, ведет к укрепленным воротам, которые помещаются в углу большого пространства, служащего общественной площадью, а не двором при дворце. Дальше, в глубине этой площади, налево, есть большая лестница. Она на открытом воздухе, без малейших украшений и какой-либо архитектуры, очень длинная, совершенно прямая, называется «красной лестницей» и ведет на широкую, очень обыкновенную площадку (крыльцо) на одном уровне с апартаментами,

предназначенными для резиденции царя. Это помещение состоит из трех больших гостиных, парадной спальни и громадной залы во всю половину здания, названной «царской залой». Службы, кухни, конюшни помещаются в подвальном этаже под дворцом и площадкой. Наружный вид дворца очень жалкий и неправильный. Не было в Москве вельможи, который не имел бы лучшего помещения, чем государь. С «красного крыльца» налево виден дворец Петра I, построенный в эпоху детства архитектуры, давно заброшенный, который мы отдали нашим служащим, несмотря на рельефные фризy, сохранившие еще позолоту. Арсенал современной постройки, начатый при Петре Великом и конченный его преемниками, расположен на площади почти против дворца и украшен соответственно его назначению. Громадные бронзовые мортиры служат столбами, а две гигантские пушки, поставленные стоя по обеим сторонам главных дверей, служат своеобразными колоннами. Большая церковь Ивана Великого с греческими крестами, золочеными цепями и куполами производит чудное впечатление, когда ее освещает солнце.

БОССЕ

Шпион, добродушно принятый нами за дезертира, сообщил нам, что русские собирались дать нам сражение под стенами Москвы, где позиция их была сильно укреплена. Действительно, 14 (2) сентября поутру мы заметили некоторые приготовления; русские вырубали деревья, возводили редуты, а на высотах, окружавших Москву, виднелась кавалерия. Я следовал с моей бригадой по пятам за королем Неаполитанским, который, идя все время вперед, указывал нам путь. Мы видели его постоянно среди разведчиков, и неприятель мог также легко различить его по его большому белому султану и по зеленому плащу с золотыми петлицами. Русские сделали четыре или пять выстрелов из орудия, но огонь вскоре прекратился; пронесся слух, будто начались переговоры. Но адъютант императора, генерал граф Нарбонн, посланный с каким-то поручением к королю Неаполитанскому, сказал мне: «Конечно, русские покидают Москву, оставляя ее на великодушие французов». Немного погодя император проехал в экипаже и, подозвав меня, сказал: «Прикажите войскам двинуться, еще не кончено». Я видел ясно, что он был озабочен; не знаю,

какие были к тому причины, но, очевидно, гр(аф) Нарбонн считал известие, привезенное им, более благоприятным, нежели его нашел император. Быть может, его величество был доволен радостью, которую выказали солдаты при мысли, что скоро начнутся переговоры о мире. Они ясно выразили эти чувства, приветствуя императора в то время, когда он проезжал мимо них к городу.

Нам велели остановиться около деревянного моста, перекинутого через Москву-реку. Вскоре адъютант короля привез мне приказ идти в Кремль, где часть жителей и нечто вроде национальной гвардии укрылись и заперлись в арсенале.

В нас стали стрелять из амбразур. Мы рассеяли эту толпу выстрелом картечью из пушки; и, собрав по приказу короля всех, носящих мундир, я запер их в императорском дворце, приставив отряд вольтижеров сторожить пленников.

Король продолжал свой путь, окруженный казацкими генералами, которые осыпали его самыми лестными похвалами за его храбрость. Он думал, что русские не узнавали его, но атаман сказал: «Я давно узнаю Ваше Величество — Вы Неаполитанский король. Разница между нами в том, что я вижу Вас с самого Немана всегда впереди, во главе Вашей армии, между тем как я вот уже три месяца постоянно нахожусь позади нашей». Он пожелал получить какие-нибудь знаки отличия от короля. Его Величество подал ему прекрасные часы, говоря, что он надеется впоследствии предложить ему что-нибудь более приятное: он говорил о своем ордене, которого желал, как ему казалось, русский офицер.

Стали говорить о мире. Русские были откровенны. «Вы сами напали на нас, — сказали они королю, — наш император был другом Наполеона. Зачем объявил он нам войну? Мы очень хотим мира, хотя теперь это стало очень затруднительным, будем, однако, надеяться, что скоро мы опять станем друзьями!» Генерал Дери¹⁰⁸ спросил одного молодого офицера, очевидно из лиц с положением, находится ли император Александр в армии, так как мы слышали, что его там ждали. Офицер ответил: «Его там нет, и мы не хотим, чтобы он туда приезжал».

Когда мы подошли к Владимирским воротам, русские генералы стали просить Неаполитанского короля, чтобы он не шел дальше. «Мы Вам уступили город, Ваше Величество, — говорили они, — смотрите как бы

дальше Вы не стали нашим пленником!» Наконец все-таки условились на перемирии, которое, однако, не должно было ничем обязывать государей. Вследствие этого король приказал мне избегать всяких стычек. Мы вместе с русскими разделили между собой огромное стадо прекрасных быков, которое захватили мои солдаты. Казаки сказали, что это стадо принадлежит им и что им нечем будет поужинать, если мы не отдадим часть его назад. Они говорили, что не заботятся о завтрашнем дне и что пятнадцати быков с них будет достаточно. Я велел вернуть им двадцать два быка, и они, казалось, были очень довольны. Скрытая радость промелькнула на их лицах, и их лукавая усмешка ясно говорила об их надежде хорошенько наказать нас за наше вступление в Москву.

Был седьмой час вечера, как вдруг раздался выстрел со стороны Калужских ворот. Неприятель взорвал пороховой погреб, что было, по-видимому, условным сигналом, так как я увидел, что тотчас взвились несколько ракет и полчаса спустя показался огонь в нескольких кварталах города. Как только я убедился, что нас хотели сжечь в Москве, я тотчас решил присоединиться к моей дивизии, стоявшей биваком, не сходя с лошадей, на Владимирской дороге, под стенами города. Я устроил свою главную квартиру на мельнице, где я был уверен, что я не сгорю. Ветер был очень сильный; к тому же было очень холодно. Только слепой мог не видеть, что это был сигнал к войне на жизнь и смерть; все подтверждало известия, полученные мною еще в январе месяце в Ростке и Висмаре относительно намерения русских сжечь свои города и завлечь нас в глубь России. Я уже говорил, что я предупреждал об этом герцога де Бассано и что король прусский, как верный союзник, предсказал императору Наполеону все, что с нами случилось и что ожидало нас впереди.

Лучшие дома Москвы были покинуты жителями, из коих иные уехали всего за несколько минут до нашего вступления в город.

Лакей одной княгини, видевший меня в Италии, узнал меня; он подошел ко мне и просил как милости спасти дом. Его хозяйка уехала всего только час тому назад, и ее комнаты имели еще жилой вид. Я велел лакею взломать письменный стол, в котором, по его словам, хранились бумаги, и пообещал ему охрану, которую на самом деле послал сюда, но стража, не найдя дома, заблуди-

лась и пробуждала несколько дней в этом огромном опустошенном городе. На другой день этот прекрасный дом сгорел, так же как и дом генерала Дурасова, в котором осталось несколько слуг.

Все эти слуги беспрестанно повторяли мне, что город будет сожжен, чего им вовсе не хотелось, и умоляли меня о помощи. Сначала я думал, что они приписывают это намерение французам, и старался их разуверить, только тогда они объяснили мне, что в городе осталось более тысячи человек поджигателей и что граф Ростопчин велел вывезти из Москвы все пожарные трубы, часть которых им, однако, удалось припрятать. Итак, они просили моей помощи против русских!

Только на другое утро я смог послать туда своих солдат, но было уже поздно — дом был разрушен.

ДЕДЕМ

ПОЖАР МОСКВЫ

К вечеру появилось зарево в нескольких местах, это было вскоре замечено, и слышались вопросы: «Что же значит это быстрое распространение огня?» — «Это биваки». Но скоро мы услышали совсем противное; с быстротою молнии распространился огонь по всем частям города, и к полуночи большая часть его была уже объята пожаром. Были сделаны строгие распоряжения; никому не разрешалось уходить из лагеря; ежечасно били сбор. Тем не менее солдаты десятками бегали в город, выхватывали из горящих домов всякие жизненные припасы, напитки, одежду, возвращались с этой добычей в лагерь и делились с товарищами, даже с офицерами, которые были всему этому очень рады, да и неудивительно: ибо, после того как довольно долго ощущался недостаток во всем, вдруг, можно сказать, в изобилии появились на биваке напитки и жизненные припасы всякого рода. Скоро можно было видеть массу пустых бутылок, валяющихся по биваку, из которых было выпито разного рода вино, сидр, шампанское, ром и арака.

В таком положении пробыли мы до третьего дня, когда наконец были снаряжены команды под начальством офицеров, чтобы идти в город и взять оттуда из одежды и припасов то, что уцелело от огня. Но солдаты, как только вступили в предместья, тотчас разбежались в разные стороны, кто куда хотел, входили в горящие

дома, забирали все, что только попадалось им, особенно в погребах. Там они нашли в изобилии разные напитки, и, проходя мимо погребов, можно было видеть там пьяных солдат, которые с бутылками в руках кричали проходящим: «Сюда, товарищ!» Зачастую можно было видеть, как верхняя часть домов, подгорев, обрушивалась над погребами, полными пьяных солдат, пьющих за здоровье проходящих мимо товарищей. Таким образом погибли целые тысячи людей.

ФОССЕН

Час спустя после нашего прибытия (14 сентября) начался пожар: на правой стороне показался густой дым, потом взвился вихрь пламени; никто, однако, не знал, откуда это происходит. Вскоре нам сообщили, что горит базар, квартал купцов. «Вероятно, — объяснили некоторые, — это мародеры армии по неосторожности заронили огонь, входя в лавки за продовольствием».

Многие, не участвовавшие в этой кампании, говорят, что пожар Москвы был гибелью армии; что касается меня и многих других, то я думаю, наоборот, что русские могли бы и не поджигать город, а просто увезти с собой или побросать в Москву-реку все продовольствие, опустошить край на сорок верст в окружности — что было не трудно, так как часть края пустыня, — и тогда нам, по прошествии двух недель, поневоле пришлось бы убраться.

После пожара все еще оставалось достаточно жилищ, чтобы поместить всю армию, и даже если допустить, что все жилища сгорели — и тогда остались бы подвалы.

В семь часов загорелось за губернаторским домом: полковник сейчас же пришел к нам в караул и приказал немедленно выслать патруль в 15 человек; в том числе был и я. Цезарис отправился с нами, во главе патруля. Мы двинулись в ту сторону, где горело, но едва сделали мы шагов триста, как нас салютовали ружейными выстрелами справа и слева. В первую минуту мы не придали этому значения, все еще думая, что это пьяные солдаты армии. Но пятьюдесятью шагами дальше из какого-то тулика опять раздаются выстрелы, направленные прямо в нас.

Решили ближе рассмотреть, в чем дело. Мы подошли к дому, откуда заметили выстрелы, выломали ворота и очутились лицом к лицу с девятью дюжими молодцами,

вооруженными копьями и ружьями,— они не пускали нас войти.

Тотчас же завязался во дворе бой, довольно неравный, так как нас было девятнадцать человек против девяти...

Мы поспешили осмотреть дом; в одной из комнат мы застали двоих из бежавших людей: увидев нас, они были так поражены, что не успели схватить свое оружие, которое мы забрали себе; тем временем они спрыгнули с балкона.

Так как мы отыскивали всего двоих людей, а ружей было налицо три, то мы стали искать третьего и нашли его под кроватью: он вышел к нам, не заставляя себя просить и крича: «Боже! Боже!» Мы не сделали ему никакого вреда, но удержали при себе, чтобы он мог служить нам проводником. Он был, как и другие, отвратителен и безобразен — каторжник, как и прочие; на нем был овчинный тулуп, подпоясанный ремнем. Мы вышли из дома. На улице мы увидели тех двух колодников, что выскочили из окна; один был мертв: он разбил себе голову о мостовую; у другого были сломаны обе ноги.

Мы оставили их, а сами расположились вернуться на Губернаторскую площадь. Но каково было наше изумление, когда мы увидели, что это невыполнимо, настолько распространился пожар: пламя слева и справа образовало сплошной свод, под которым нам приходилось идти, а это было невозможно при сильно дувшем ветре и ввиду того, что некоторые крыши стали проваливаться. Мы принуждены были избрать иную дорогу и направиться в ту сторону, откуда раздались другие ружейные выстрелы; к несчастью, мы не умели ничего втолковать нашему проводнику.

Пройдя шагов двести, мы увидели по правую руку какую-то улицу, но, прежде чем войти в нее, мы, ради любопытства, пожелали осмотреть дом, откуда раздавались ружейные выстрелы,— с виду он показался нам очень красивым. Мы пропустили вперед нашего пленного и сами шли за ним; но вдруг раздались тревожные крики и выскочило несколько человек с зажженными факелами в руках; пройдя через большой двор, мы убедились, что место, где мы находимся, не простой дом, а великолепный дворец. Раньше чем войти в него, мы оставили у ворот двух часовых, с распоряжением предупредить нас в случае нападения врасплох. У нас были свечи,

мы зажгли их несколько и вошли: отроду я не видывал жилища с такой роскошной мебелировкой, как то, что представилось нашим глазам; в особенности поражала коллекция картин голландской и итальянской школы.

Уже около часу мы бродили по обширным роскошным хоромам в стиле для нас совершенно новом, как вдруг раздался страшный взрыв: он шел откуда-то снизу, из-под того места, где мы находились. Сотрясение было страшно сильное: мы думали, что будем погребены под развалинами дворца. Мы проворно спустились вниз со всякой осторожностью, но были поражены, не застав наших двух солдат, поставленных на часах у дверей. Довольно долго проискали мы их, наконец нашли на улице: они сказали нам, что в момент взрыва они поскорее убежали, думая, что весь дом обрушится на нас. Перед уходом мы хотели узнать причину напугавшей нас катастрофы: оказывается, в обширной столовой обрушился потолок, хрустальная люстра разлетелась вдребезги, и все это произошло от того, что нарочно были положены ядра в большую изразцовую печь. Русские рассудили, что для того, чтобы истреблять нас, всякое средство годится.

Пока мы были в доме, размышляя о многих вещах, которых еще не понимали, мы услышали крики: «Горим! Горим!» Это наши часовые заметили, что дворец загорелся. Действительно, из многих мест повалили клубы густого дыма, сперва черного, потом багрового, и в один миг все здание очутилось в огне. По прошествии четверти часа крыша из крашеного глянцевого толя рухнула со страшным треском и увлекла за собой три четверти всего здания.

Сделав несколько крюков, мы попали в довольно широкую и длинную улицу, где направо и налево возвышались великолепные дворцы. Она должна была привести нас в ту сторону, откуда мы пришли, но каторжник, служивший нам проводником, ничего не мог сообщить нам; он был полезен нам лишь на то, чтобы по временам тащить нашего раненого: ему стало трудно идти. Во время нашего странствия мы встречали проходивших мимо людей с длинными бородами и зловещими лицами; при свете факелов, которые они несли в руках, они казались еще страшнее; не подозревая их намерений, мы пропускали их.

Дальше мы встретили гвардейских егерей и от них узнали, что это сами русские поджигают город и что

встреченным нами людям поручено выполнять этот замысел. Действительно, минуто спустя мы увидели троих русских, поджигавших православную церковь. Заметив нас, двое побросали свои факелы и убежали; мы подошли к третьему — тот не бросил факела, а, напротив, старался привести в исполнение свое намерение, но удар прикладом в затылок сломил его упрямство. В ту же минуту мы встретили патруль егерей, заблудившихся точно так же, как и мы. Командовавший ими сержант рассказал мне, что они видели каторжников, поджигавших несколько домов, и что одному из них он принужден был отсечь кисть руки саблей, чтобы заставить его бросить факел, но когда факел выпал у него из правой руки, он поднял его левой, с намерением продолжать поджоги; они принуждены были убить его.

Немного дальше мы услышали голоса женщин, звавших на помощь по-французски; мы вошли в дом, откуда слышались крики, думая, что это маркитантки армии в драке с русскими. Войдя, мы увидели разбросанные в беспорядке разнообразные костюмы, показавшиеся нам очень богатыми, и навстречу нам вышли две дамы, взволнованные и растрепанные. При них был мальчик лет 12—15; они умоляли оказать им покровительство против солдат русской полиции, которые хотели поджечь их жилище, не дав им времени унести свои пожитки, между коими была одежда Цезаря¹⁰⁹, шлем Брута¹¹⁰, латы Жанны д'Арк¹¹¹; дамы объяснили нам, что они актрисы, что мужья их поневоле должны были уйти в поход вместе с русскими. Мы воспренятствовали пока поджогу дома, забрав с собой русских полицейских; их было четверо; мы увели их к своему полку, все еще стоявшему на Губернаторской площади; прибыли мы туда с немалыми затруднениями не раньше двух часов ночи и со стороны противоположной той, откуда вышли...

Бросив взгляд на площадь, где расположился на биваках наш полк, мне представилось, что я вижу перед собой сборище разноплеменных народов мира, — наши солдаты были одеты кто калмыком, кто казаком, кто татаринном, персианином или турком, а другие щеголяли в богатых мехах. Некоторые нарядились в придворные костюмы во французском вкусе, со шпагами при бедре, с блестящими, как алмазы, стальными рукоятками. Вдобавок вся площадь была усеяна лакомствами, каких только душе угодно, — винами, ликерами в большом количестве; был небольшой запас свежего мяса, много

окороков и крупной рыбы, немного муки, а хлеба не было.

15 сентября в пять часов наша рота вернулась на площадь; она снова была отряжена пикетом, так что моя надежда отдохнуть не осуществилась — я опять был назначен в дежурство на сутки. Остальная часть полка, точно так же, как часть гвардии, была занята тушением пожаров, приближавшихся к Кремлю; временно удалось остановить распространение огня, но вслед за тем он опять вспыхнул, сильнее прежнего.

После того как рота вернулась на площадь, капитан разослал патрули в разные кварталы: между прочим, один был отправлен в квартал бань, но он тотчас же вернулся, и командовавший им капрал рассказал нам, что в ту минуту, как они подходили, крыша бань обрушилась с(о) страшным треском и искры, разлетевшиеся кругом, подожгли другие здания во многих местах.

Весь вечер и всю ночь наши патрули только и делали, что приводили нам русских солдат, которых находили в разных частях города,— пожар заставлял их вылезать из своих сокровенных убежищ. Между ними было два офицера, один из армии, другой из ополчения; первый беспрекословно позволил себя обезоружить, т. е. отдал свою саблю без возражений и попросил только, чтобы ему оставили золотую медальку, висевшую у него на груди; но второй, человек совсем еще молодой и имевший на себе кроме сабли пояс с патронами, ни за что не соглашался дать себя обезоружить, и так как он очень хорошо говорил по-французски, то объяснил нам в виде довода, что принадлежит к ополчению; но в конце концов мы убедили его повиноваться.

В полночь опять вспыхнул пожар поблизости от Кремля; удалось ограничить его распространение. Но в 3 часа утра он возобновился с новой силой и уже не прекращался.

БУРГОНЬ

15 <сентября>. Пожар Москвы все увеличивается...

Москва — великолепный город с чудесными дворцами. Грабеж со всех сторон... Около нашего дома начинается пожар; ночь мы проводили на ногах, пытаюсь прекратить его, что нам и удается. Арестовывают многих русских, снабженных зажигательными приспособлениями. Конечно, и наши солдаты могли поджечь в неко-

торых местах, но не повсюду же. Кажется, московский губернатор оставил полицейских, поручив им эту почтенную миссию.

16-е. Пожар вынуждает императора покинуть Кремль. Прогуливаясь по террасе, он сказал графу Лабому, смотря на пожар: «Это сулит нам большие несчастья».

Его Величество переселяется в Петровский дворец, за милю от города. Верхом я в разных направлениях разъезжаю по Москве с риском задохнуться в дыму. Никогда не видели более ужасающего зрелища: город больше Парижа, преданный огню и грабежу. Однако как-никак, а надо спасать от пламени что возможно; значительная часть товаров была истреблена. По целым дням наши лошади стояли оседланными. Так как пожар снова угрожал дому, где мы находились, то для меня вытащили из огня почтовую карету, чтобы заменить ею мою пришедшую в негодность коляску. Можно дешево приобретать экипажи. Я разбил стекло от моих часов — это все равно как если бы их у меня вовсе не было, так как невозможно достать другое стекло.

Вечером вид горящей Москвы представляет прекрасные световые эффекты. Меня посылают с генералом Нарбонном предохранить от огня прелестный Желтый дворец (Palais Jaune) Екатерины. Нам удастся добраться до него в десять часов вечера после длинных объездов, которые приходилось делать из-за пламени. На улицах мы видели много русских солдат, вооруженных и свободно расхаживающих; другие, раненные, старались укрыться от огня. Мы встретили толпу жителей, увозящих на тележках наиболее ценное из своего имущества, и так как наши солдаты грабили их, то мы дали им конвой. Большое число этих несчастных группами расположилось в окрестностях города.

Отстоять Желтый дворец (Palais Jaune) оказалось невозможным. Мы приказали свернуть много картин; их участь мне неизвестна. У нас было время полюбоваться богатством обстановки.

18-е. На заре после бессонной ночи мы отправляемся обратно. Я возвращаюсь в новое помещение, расположенное против прежнего, сожженного накануне. Этот дом принадлежит графу Каменскому, судя по любовным письмам, забытым в его библиотеке. Так как с рабами невозможно объясниться, то открыть имя владельца очень трудно. Целое утро я провожу в хлопотах о спасении дрозжек из пламени. Я приобретаю меховую шубу.

Приходится покупать у солдат, если желаешь что-нибудь иметь. Они выгаскивают все из огня; это отчасти делает законным их грабеж. В Москве неслыханные запасы; дома снабжены провизией на восемь месяцев, вино в изобилии. Поэтому наши солдаты пьянствуют; видишь, как они на улицах, растянувшись во всю длину вокруг больших банок с вареньем, едят его как бы за общим столом, окруженные массой бутылок с вином, которыми они великодушно потчуют проходящих. Много шампанского. Несмотря на пожары, в погребах открывают в изобилии съестные припасы.

Службы самых лучших дворцов одноэтажные; самые дворцы, самое большое, двухэтажные. Этим объясняется обширность города с населением в триста тысяч душ. Дома раскрашены; но мебелировка замечательно богата. Деревянные службы, хижины рядом с наилучшими домами благоприятствовали быстрому распространению пожара.

20-е. Первый отвратительный день в Москве: страшный ливень. С аванпостов к нам прибыл Тибурций Себастиани. Со времени взятия Москвы он в дружеских отношениях с казаками. Авангард подвинулся на восемь миль. Перед выступлением он предупредил казаков, которые тоже выступили. Когда генерал Себастиани хотел остановиться, он давал знать об этом неприятелю; последний занимал позиции. Конные патрули устанавливались на расстоянии пистолетного выстрела, лагери — ружейного. Генерал Себастиани посылает вино казацкому генералу; установили соглашение не драться без предупреждения. 18-го они прислали сказать, что не могут оставить своих позиций без приказа; генерал Себастиани ответил, что он должен занять их; дали несколько пушечных залпов, произвели атаку; в дружеских отношениях вечером от этого ничто не изменилось. Казаки продолжали жить в согласии с нашими кавалеристами; наши гусары делятся с ними вином.

Пожар продолжается, но слабо, так как осталось немного домов. Приказ прекратить грабежи; солдаты должны возвратиться к своим полкам. Странная вещь: на другой день после нашего прибытия я видел оставшихся в городе русских рабов, которые грабили больше, чем наши солдаты.

С высоты Кремля на Москву все еще прекрасный вид благодаря греческим церквям, выстроенным из камня и сохранившимся в большом числе. Каждая из них

имеет пять или шесть куполов из позолоченной меди или выкрашенных зеленой краской, и это очень красиво. В Кремле есть огромный колокол, вдавившийся в землю.

КАСТЕЛЛАН

Хотя разрушение Москвы и было большим ущербом для русских, однако эта потеря была для нас еще чувствительнее, так как позволяла нашим врагам извлечь все выгоды, связанные с их суровым климатом. Напрасно среди нас говорили, что пожар столицы был бесполезен и что французская армия должна, напротив, радоваться, что ей удалось избавиться от многочисленного населения, которое благодаря свдѣй пылкой фантастической натуре могло восстать стихийно. Рассуждая об этом, я убеждаюсь, что русское правительство боялось, зная хитрость нашего вождя, как бы это самое население, далекое от возмущения против нас, не послужило бы орудием для выполнения наших планов. Боялось и того, что большинство сановников, увлекшись этим опасным примером или прельстившись заманчивыми обещаниями, забудет интересы своей родины и согласится на все, чего потребует от них честолюбивый Наполеон. Чтоб предупредить это бедствие, Ростопчин и зажег Москву, думая, что один уж этот великий пример поднимет энергию дворянства и пробудит в народе живую ненависть, жертвой которой должны сделаться мы. К тому же этот город был снабжен продовольствием на восемь месяцев, и французская армия, занимая его, предполагала дожидаться в нем весны и тогда двинуться в поход с резервными войсками, которые раскинулись лагерем в Смоленске и на Немане. Пожар же в Москве принудил нас к быстрому отступлению в разгар самого сурового времени года. План, построенный русскими на этом расчете, был вполне верен, так как наша грозная армия, пришедшая во время прекрасной погоды, потеряла треть своего состава только благодаря быстрому передвижению. Нечего было также бояться русскому правительству того, что мы расположимся в какой-нибудь другой местности: отсутствие дисциплины обратило в пустыню все покоренные нами места, а непредусмотрительность того, кто руководил предприятием, не щадила ничего нужного для обратного пути. Чтобы дополнить картину наших бед в разгаре мнимой победы,

необходимо сказать, что все были страшно измучены маршами и обезоружены стойкостью русских. Кавалерия гибла, а артиллерийские лошади, истощенные дурной пищей, не могли больше тащить орудий. И даже в то время, когда мы были несчастными жертвами московского пожара, мы не могли не восхищаться великодушным самопожертвованием жителей этого города, которые во примере испанцев своей храбростью и настойчивостью сумели поднять себя до высшего предела настоящей славы.

В продолжение четырех дней (17, 18, 19, 20 сентября), которые мы прожили возле Петровского дворца, Москва не переставала гореть. Дождь лил потоками, а небольшое количество домов, расположенных около дворца, не могло приютить громадного количества народа, стоявшего в этой местности: люди, лошади, экипажи помещались под открытым небом среди поля. Штабы, расположенные со своими генералами вокруг дворца, устраивались в английских садах, ютились в гротах, китайских павильонах, kiosках, садовых беседках. Лошади, привязанные к акациям или липам, отделялись одна от другой питомниками или грядками из цветов. Этот лагерь казался еще более оригинальным благодаря новым костюмам, которые выбирали себе солдаты: большинство, чтоб спастись от нападений, надевали на себя те самые одежды, которые раньше живописно пестрели на московских базарах. В нашем лагере можно было увидеть людей, одетых татарами, казаками, китайцами, одни носили польские плащи, другие — высокие шапки персов, баскаков или калмыков. Таким образом, наша армия в это время представляла картину карнавала, и можно было бы сказать, что наше отступление, начавшееся маскарадом, кончилось похоронным шествием.

Армия страшно радовалась награбленным вещам, и это ей помогало даже забывать свою усталость. Стоя под дождем с промокшими ногами, люди утешались хорошей едой и барышами, которые они извлекали, торгуя всевозможными предметами, принесенными ими из Москвы. Несмотря на то что было запрещено ходить в город, наши солдаты, соблазнившись легкой наживой, нарушали эти запрещения и постоянно возвращались нагруженные съестными припасами и различными товарами. Разрывая возле Кремля развалины, груды пепла, они находили совершенно нетронутые склады, из которых они в изобилии уносили всякие предметы. Таким образом,

наш лагерь совершенно не походил на армию, а скорее имел вид громадной ярмарки, где военные, преобразившись в купцов, продавали за бесценок драгоценные вещи. Больше всего бросался в глаза чрезвычайный контраст: с одной стороны, люди жили в ужасную непогоду среди поля, под открытым небом, и в то же время они ели на фарфоровых тарелках, пили из серебряной посуды и вообще обладали такими предметами роскоши, которые можно было себе представить только среди очень богатой и комфортабельной обстановки.

Скоро пребывание в Петровском дворце и его садах сделалось нездоровым и неудобным. Наполеон возвратился в Кремль, который был не тронут пожаром. Тогда же гвардия и штабы получили приказание войти в город (20 и 21 сентября). По списку, составленному топографом, в городе уцелела только десятая часть домов.

На этот раз нам уже не представилось затруднения при выборе наших жилищ. Войдя в город, мы страшно огорчились, не видя и намека на прекрасные гостиницы, в которых мы располагались раньше. Все они исчезли, а дым от их развалин густыми облаками закутывал солнце и делал его диск кроваво-красным. Совершенно нельзя было различить направления улиц, только каменные дворцы сохранили некоторые очертания того, чем они были раньше: очищенные от груды угля и пепла, эти остатки нового города походили скорее на остатки древностей.

Все искали себе квартиры, но очень трудно было найти что-нибудь подходящее. Церкви, менее пострадавшие, чем другие здания, и еще сохранившие свои крыши, были обращены в казармы и конюшни. Ржание лошадей и ужасное сквернословие солдат заменили здесь священные благозвучные гимны, которые раздавались раньше под этими священными сводами.

Долго я искал дом, в котором помещался раньше. Наконец уцелевшая по соседству церковь дала мне возможность распознать его жалкие остатки — торчали только четыре стены, потрескавшиеся от сильного огня. Я с ужасом смотрел на это опустошение, когда из глубокого подвала вышли слуги этого дома; их похуdevшие, изнуренные лица, покрытые сажей и пеплом, были неузнаваемы — они мне казались привидениями. Но еще больший ужас овладел мной, когда среди этих несчастных я нашел своего бывшего хозяина, прикрытого лохмотьями, которые ему одолжили его слуги. Он жил

теперь так же, как и они,— несчастье уравнило все сословия.

При виде меня он не мог удержаться от слез, особенно когда подвел меня к своим полураздетым и умирающим от голода детям. Его немая печаль оставила в моей душе глубочайшее впечатление. Знаками этот несчастный объяснил мне, что солдаты, разграбив во время пожара его имущество, отняли у него потом и платье, которое он носил. При виде этой раздирающей картины у меня заныло сердце; ища средств, чтобы облегчить его страдания, я боялся, что не смогу ему ничего дать, кроме бесплодных утешений, но этот самый человек, который несколько дней тому назад угощал меня великолепным обедом, принимал теперь с благодарностью кусок хлеба.

Несмотря на то что большинство населения Москвы исчезло, однако осталось еще много несчастных, чья судьба заставила быть свидетелями всех бедствий. Они бегали по улицам с солдатами, прислуживали им и были довольны, когда в награду получали вещи, которыми те пренебрегали. Можно было увидеть и много публичных женщин: это был единственный класс населения, который извлек некоторую выгоду в момент расхищения Москвы. Каждый стремился заполучить женщину и с удовольствием принимал их у себя: войдя в наши жилища, они делались там хозяйками и расточали все, что уцелело от огня. Были и другие женщины, которые заслуживали полного уважения своим поведением и особенно своим несчастьем; часто голод и нужда заставляли их матерей приходиться и предлагать нам эти жертвы. Упрек в безнравственности в подобных случаях падает, конечно, всецело на тех, кто не имел в себе силы сдерживать грубой страсти и кто искал наслаждений от уст, с которых голод стер краску.

Эта власть, которую нам давали матери над своими дочерьми, была уже признаком общественного бедствия.

— Был еще один класс населения в Москве, самый жалкий из всех, который искупал свои преступления ценой новых, еще более ужасных преступлений,— это были каторжники. В продолжение всей осады столицы они отличались замечательной храбростью, с которой выполняли все приказания, которые им давались. Снабженные огненными снарядами, они снова разжигали пожар в тех местах города, где он, казалось, потухал. Тайком пробирались они в населенные дома, чтобы там устраивать поджоги. Многие из этих гнусных существ

были задержаны с факелами в руках, но их очень поспешная казнь произвела мало впечатления.

Некоторые москвичи, спрятавшиеся в соседних лесах, при виде прекращения пожара решили, что им нечего больше бояться, и вернулись в город. Одни из них тщетно искали свои дома, другие, желая укрыться в храме, с грустью обнаруживали, что его осквернили. Улицы в это время представляли отталкивающее зрелище: на каждом шагу валялись мертвые лошади, разложившиеся трупы, а на многих полусгоревших деревьях висели бездыханные тела поджигателей. Среди этих ужасов можно было увидеть несчастных жителей, оставшихся без приюта, подбирающими железо, которым были покрыты крыши: они его употребляли на постройку хижин в каких-нибудь отдаленных кварталах или в совершенно опустошенных садах. Не имея совершенно съестных припасов, они раскапывали землю, чтобы вырыть корешки овощей, посаженных нашими солдатами. Или, блуждая среди развалин, они разрывали остывший пепел и отыскивали там полуобгорелые съестные припасы. Все были смертельно бледны, исхудалы, почти раздеты, а медленная походка говорила об их чрезмерных страданиях. Нашлись и такие, которые, вспомнив о потопленных барках с зерном, ныряли, чтобы достать для еды наполовину проросшее и с одуряющим запахом зерно.

Чтоб смягчить впечатление от такого множества бедствий, я хочу напомнить о прекрасном поступке одного французского солдата. Он нашел на кладбище женщину, которая недавно родила; больная находилась без всякой помощи и даже без пищи — и вот этот великодушный солдат, тронутый положением несчастной, окружил ее своими заботами и в продолжение многих дней делился с ней крохами съестных припасов, которые ему удавалось раздобыть.

ЛАБОМ

Около полуночи я пошел проверять посты, расставленные в городе. Подойдя к тому, который стоял около биржи, я заметил густой дым, но без огня; караульный офицер сказал мне, что видит этот дым уже второй раз, но что все двери заперты и потому он думает, что дым происходит от какой-нибудь самой естественной причины и французская армия здесь ни при чем. Разговаривая с ним и осматривая, откуда мог появиться дым, я вдруг

заметил огонь; я побежал на площадь и вернулся в сопровождении сотни солдат, велел остальной части батальона вооружиться. Хотя мое отсутствие продолжалось очень недолго, но, вернувшись, я увидел, что один дом уже в огне. Пожар начался!

Я послал предупредить маршала, который велел разыскать пожарные трубы и принять все необходимые предосторожности, чтобы помешать его распространению. Ветра не было, и огонь разгорался медленно, но мы ничего не могли сделать, так как двери дома были заперты и у нас не было никаких орудий, чтобы их взломать.

Убедившись, что горевший дом не соприкасался с другими и что, по всей вероятности, он один только и сгорит, я с помощью нескольких человек взломал все-таки боковую дверь и вошел внутрь. Пожар легко было бы потушить, если бы были трубы. Один из помогавших мне людей сказал по-итальянски, что в городе не было ни одной трубы и что губернатор увез их с собой. Он уверял меня, что, по всей вероятности, дома поджигаются также по приказанию губернатора людьми, выпущенными из тюрьмы. Я послал сказать обо всем этом маршалу, а сам за неимением пожарных труб старался локализовать огонь, решив разрушить маленький домик, примыкающий к горячей стене, и таким образом помешать огню распространиться дальше. Человек 20 стрелков гренадер, человек 10 жителей и я — мы все принялись за работу. Во время нашей работы подъехал маршал посмотреть, в чем дело. Он не хотел верить, что дом подожжен русскими. Он нашел, что я сделал все необходимое, чтобы прекратить несчастье. Он удалился, а мы продолжали работать. Я проверил, что все двери биржи были заперты и что ни один француз не побывал там. Внутри здания я нашел нескольких человек, которые повторили мне то же самое. После невероятных усилий и после четырехчасовой утомительной работы мы наконец разобрали маленький домик. Я думал, что все уже кончено и потеря выразится несколькими мало стоящими строениями биржи. Я страшно устал, едва держался на ногах и, отправившись на площадь, проспал часа полтора; меня разбудили и доложили, что загорелось с другой стороны биржи, в доме, стоящем с подветренной стороны. Я поспешно направился туда; к нам присоединилось несколько человек жителей; мы приложили невероятные усилия, чтобы прекратить огонь, и достигли этого к 12 часам дня. Теперь можно было

надеясь, что настал конец нашим несчастьям. Мы все умирали от усталости, как вдруг увидели нечто такое ужасное, что невозможно даже было себе представить. Город был подожжен с шести совершенно противоположных друг другу сторон, и в то же время природа как бы вошла в соглашение с $\langle o \rangle$ злодеями, уничтожавшими в один миг памятники нескольких веков: поднялся такой сильный ветер, что огонь перебрасывало на громадное расстояние. Ночь с 15 на 16 сентября была ужасна! Шум от разрушающихся домов, перспектива всеобщего пожара, вид несчастных, едва спасшихся от пламени, — все это представляло тяжелое зрелище.

16-го числа в 12 часов дня я получил приказ вернуться в полк. Без всякого сожаления я отказался от управления, которым я заведывал. Оно принесло мне только много забот, но не дало даже возможности оказать помощь несчастным, бедствия которых были ужасны. Я был глубоко взволнован. Печаль моя усилилась при приближении к Кремлю. Солдатам было разрешено брать все что угодно из горящих домов, и вот я увидел их, нагруженных добычей, отнятой у несчастных жителей, так как под предлогом разграбления горящих домов они грабили во всех.

17-го ветер переменял направление и перекинул огонь к Кремлю; тогда император выехал из Москвы. Невероятные усилия были употреблены, чтобы спасти хоть часть города, но каторжники, которым было приказано поджигать, исполняли этот приказ с таким рвением, что все наши усилия были тщетны.

Я поместился в доме одного полковника, имя которого мне было знакомо и которого я видел в Тильзите; мне удалось спасти его дом от пожара и разграбления.

18-го числа буря, продолжавшаяся уже три дня, настолько усилилась, что на площадях и улицах невозможно было удержаться на ногах. Я стоял у окна и смотрел на печальный вид города, как вдруг увидел во дворе дома против меня мужика, поджигавшего кучу соломы, которую он подложил под деревянное строение. Я стремительно выбежал, и нам удалось спасти этот дом. Мужика задержали как раз в тот момент, когда он поджигал дом с другой стороны; он был так спокоен, точно он разводил огонь в своей собственной печке, и его, по показаниям свидетелей, отправили в тюрьму. Что с ним стало, я не знаю. Таких поджигателей задержали очень много, и их судили военным судом. Негодование,

возбужденное ими, было так велико, что суду не было даже дано обычной торжественности, которая могла бы утрашить первых подстрекателей. Между прочим, более 20 человек было поймано с поличным, и все они признавались, что получили приказ сжечь город, как только в него войдет французская армия. Однажды мне пришлось отправиться в полк, и, вернувшись, я застал мой дом в беспорядке. Мои слуги и гвардейцы с лошадьми и вещами стояли на улице, не зная, куда идти. Они мне рассказали, что, как только я вышел, они увидели опять напротив в доме человека, который поджигал солому. Они хотели войти затушить огонь, как и в первый раз, но двери дома оказались закрытыми, и они не могли войти внутрь; не прошло и минуты, как он был весь в огне, а так как ветер был в... сторону моего дома, они поспешили вывести лошадей и фургоны.

Буря все продолжалась. Солдаты рыскали по улицам в сопровождении русских мужиков, которые указывали им дорогу и помогали грабить.

Вышел приказ, чтобы все войска были вооружены и чтобы защищали только Кремль и часть города, находящуюся около Кузнецкого моста, где жили иностранные купцы. Я поместился в уцелевшем доме секретаря Нелединского-Мелецкого. Там был управляющий, говорящий немного по-французски. Он заявил мне, что его хозяева увезли все с собой. Я ровно ничего не нашел в этом доме, даже постели, хотя французы не были еще там. Мне показалось, что управляющий поступает так же, как и другие: он брал себе все, принадлежащее его хозяевам, надеясь по их возвращении свалить все на французов. Я ничего не мог получить в доме; однажды я попросил у него стакан вина, но он сказал мне, что в погребе осталось всего 28 бутылок, но на другой день гвардейцы рассказывали мне, что ночью управляющий вывез целую телегу вина и различных вещей.

19-го числа пожар продолжался, но пошел очень сильный дождь, ослабивший силу огня.

20-го дождь продолжался, и огонь стал еще меньше, чем накануне.

21-го прекратился пожар, продолжавшийся с 12 часов ночи 14-го числа, т. е. 8 суток. Император вернулся в Кремль. Отдан был приказ прекратить грабеж; задерживали солдат, несших награбленные вещи, которые они тут же складывали на землю под охрану гвар-

дейцев. Жалко было смотреть на богатые меха, серебряные и золотые вышивки и разные другие драгоценные вещи, валяющиеся в грязи.

Я думаю, что более трех четвертей домов в Москве были истреблены. Уцелел Кремль и еще несколько домов, находящихся по большей части около Кузнецкого моста, где мы квартировали...

ВЬОНЕ де МАРЕНГОНЕ

ПОЖАР И ГРАБЕЖИ

В это же время начинал выполняться план, родившийся в момент патриотического энтузиазма: пожертвовать Москвой для спасения государства, т. е. поджечь этот громадный город и приготовить французской армии невиданный костер. В продолжение нескольких недель в поместье князя Репнина, расположенном в шести верстах от города, было выстроено что-то наподобие арсенала, где изготовлялись фейерверки, конгревовы ракеты и другие взрывчатые снаряды для выполнения великого проекта. Чтобы рассеять или предупредить беспокойство и подозрения народа, губернатором заранее распространялись афиши, где говорилось, что строится громадный аэростат, с помощью которого правительство надеется разбить всю неприятельскую армию. За несколько дней до прибытия французов сделали пробу этих фейерверков, после чего в народе все заговорили о готовящемся пожаре — одни с таинственным видом, другие более открыто. Поспешность же, с которой покидали город более зажиточные и почетные классы населения, говорила о чем-то зловещем. В тот же самый день, когда Москву оставила большая часть населения, огненный шар разорвался в квартале Яузы, что являлось как бы сигналом для жителей. В то время как здесь сделался добычей огня небольшой дом, у Каменного моста громадный винный магазин, принадлежавший казне (Винный двор), пылал со всех сторон. В этот же вечер, около одиннадцати часов, появился огонь с гораздо большей силой в магазинах около биржи, которые были наполнены маслом, салом и другими горючими материалами; огонь здесь распространялся с такой быстротой, что не представлялось возможности его удержать. Потребовали городские трубы, но их нигде не оказалось; говорили, что полиция их вывезла так же, как и другие

инструменты, необходимые для тушения пожара. Искали средств потушить огонь в одном месте — он разгорался с большей силой в другом.

3-го *, во вторник, поднялся северо-восточный ветер, и теперь все магазины около биржи были в огне. Наполеон с утра в этот день водворился в Кремлевском дворце. Он был поражен при виде такого грандиозного пожара и дал приказания тушить огонь. Но каково должно было быть его удивление, когда ему доложили, что огонь свирепствует во многих местах сразу, что всюду громко говорят о проекте сжечь весь город и оставить французам только груды пепла. Наполеон не хотел сначала верить, что можно было прибегнуть к такой крайней мере, но многочисленные поджигатели, захваченные со взрывчатыми веществами, подтверждали достоверность слуха; многие из них были приговорены к расстрелу. Говорят, это были служащие в полиции, переодетые казаки, солдаты, мнимые раненые, семинаристы, которые смотрели на это дело как на заслугу перед Богом.

Между тем буйная чернь взламывала двери и бросалась в погреба магазинов, которым угрожал огонь. Сахар, кофе, чай были скоро разграблены; затем принялись за кожи, обувь, мелочные, железные и медные товары, меха, материи и наконец за предметы роскоши. Солдаты, бывшие сначала спокойными зрителями, скоро приняли живейшее участие в этом опустошении. Мучные магазины были расхищены, вина и водки наводняли погреба — одним словом, город сделался еще большей жертвой хищничества, чем огня.

План сожжения города, предпринятый русским правительством как военная мера, вызвал грабеж, что являлось неизбежной мезью со стороны врага, потерявшего надежды, которыми его давно ласкали. Какое вознаграждение предложили войскам, истощенным трехмесячной усталостью и сражениями, испытывавшим всевозможные лишения и обнадуженным торжественными обещаниями найти в Москве конец своим страданиям, лекарство от всех недугов, утоление всех своих нужд? Здесь же не было теперь никакого различия между французом и русским, иностранцем и обывателем, — все было разграблено самым диким способом. Те, кото-

* Аб(бат) Сюрюг жил в Москве и потому считает по старому стилю (Ред.)

рые уцелели от огня, не избежали грабежа, причем хищничество выливалось в такие безобразные формы, что многие жалели, что не были похоронены вместе с имуществом под пеплом своего дома.

Пожар же в городе в свою очередь продолжал опустошения: Тверская была в огне и начинала заниматься Никитская; параллельно с этим загоралась Покровка, а поднявшийся северо-восточный ветер еще более увеличил сокрушительную силу огня. Таким образом, в среду, 4-го утром, кругом Управы Благодичиния, которая уцелела от огня, не осталось ни одного магазина, ни одного дома — все было уничтожено. Одна ракета была даже брошена на одно из зданий в Кремле с намерением поджечь и эту местность, но огонь был сейчас же потушен императорской стражей. Тогда Наполеон, видя себя окруженным со всех сторон огнем, решил, что для него будет безопаснее покинуть Кремль и удалиться в Петровский дворец.

Около 4 часов вечера ветер изменился на юго-восточный, но это был не ветер, а в настоящем смысле слова ураган. Огонь, перебросившийся на другую сторону Яузы и Москвы-реки, раздувался ветром с такой силой, что скоро представлял необъятный вулкан, кратер которого извергал потоки пламени и дыма. Это был потоп из огня, который в несколько часов истребил все кварталы по ту сторону обеих рек, всю Солянку, между тем как Моховая, Пречистенка, Арбат представляли такое же зрелище. Нужно было быть свидетелем, чтобы вообразить себе эту ужасающую картину. Повсюду встречались несчастные с жалкими остатками своего имущества, которые им удалось вырвать из пламени; раздавались раздирающие крики людей, попавших в руки мошенников, которые их безжалостно грабили. Многие из этих пострадавших отправились к императору в Петровский дворец просить о помощи. Наполеон, казалось, был тронут их участью и обещал принять все меры, чтобы облегчить их положение. Более четырехсот человек из них были помещены в Красный дворец у Красных ворот, где им были предоставлены не только приют, но и продовольствие.

Во вторник, 5-го, ветер, который теперь дул с востока, безжалостно разрушал все на своем пути, как и накануне. Огненные облака неслись со Сретенки на все Мещанские и Трубу. Огонь захватил в своем неудержимом порыве часть Мясницкой, Красные ворота, Дровяной

рынок, Старую и Новую Басманные, наконец, всю Немецкую слободку. Море огня наводняло все кварталы города; волны движимого ветром пламени живо напоминали морские волны во время бури. Несчастные жители слободки, преследуемые огнем, принуждены были бежать на кладбище, расположенное около военной больницы, но даже и тут они не чувствовали себя в полной безопасности. При виде этих бледных, измученных лиц среди могил, освещенных отблесками огня, можно было подумать, что это призраки, вышедшие из своих могил.

Многих радушно приютил у себя Неаполитанский король, который теперь основался во дворце князя Алексея Разумовского, но помощь эта была незначительна в сравнении с громадным количеством пострадавших. В это время огонь обнимал нижнюю часть Петровки и уничтожил все прилегающие магазины внизу Кузнецкого моста. Пламя, перебрасываемое ветром, угрожало перейти на все пространство моста и истребить все магазины, которые поднимались по направлению к Лубянке. Жители этого района, с узлами на спине, казалось, готовы были на эту последнюю жертву, когда рота стрелков новой императорской гвардии, вооружившись ведрами, стала так энергично поливать подвергнутые опасности дома, что быстро предупредила здесь распространение огня. Таким образом был спасен весь этот квартал, один оставшийся нетронутым в целом городе. Он заключал ломаную линию, которая начиналась с Кузнецкого моста, поднималась по Рождественке, потом направлялась направо по бульвару на Мясницкую до Покровки, а с Покровки — по бульвару на Маросейку, которая оканчивается внизу Кузнецкого моста. Церковь св. Людовика, которая могла сгореть от одной искры, охранялась чудесным покровительством Провидения.

Около 3 часов утра небо покрылось тучами, полил сильный дождь, ветер утих и сила огня уменьшилась. В это время исчезло только три дома на Новой Басманной, большая часть Горохового поля и Демидовская улица, которая вела в Летний сад.

В пятницу, 6-го, дождь продолжал идти, и пожар, казалось, затихал; вечером, правда, огонь еще вспыхнул в некоторых местностях, но уже с гораздо меньшей силой — уничтожено было несколько магазинов у Тверских ворот.

В субботу, 7-го, Наполеон решил возвратиться в Кремлевский дворец, находя теперь свое положение

в нем безопасным. Первые его заботы были направлены на пострадавших всех сословий населения. Он приказал выбрать старшин, которые должны были заботиться о всех, оставшихся без приюта и без съестных припасов, открывать убежища, где бы могли селиться погорельцы, — всем им он обещал выдавать пайки.

Видя, что Воспитательный дом избежал пожара, он призвал генерала Тутолмина, приказал ему доложить о состоянии Дома и спросил, не желает ли он сделать доклад Ее Императорскому Величеству государыне императрице, который он пошлет с нарочным. (Этот доклад остался без ответа.) Затем император позаботился о больницах, которые в большинстве случаев были спасены от пожара. Но каково было его удивление, когда ему доложили, что они находились в самом плачевном состоянии; что там не было ни врачей, ни лекарств, ни надзора; что найдено множество мертвых; что из более чем 15 тысяч привезенных раненых половина погибла; оставшиеся же в живых терпели страшные лишения. Немедленно было организовано бюро помощи из хирургов французской армии для всякого рода больных, которые должны были быть размещены в удобные дома, причем врачи обязаны были давать императору подробные отчеты о состоянии здоровья этих несчастных. Кроме того, было приказано генерал-губернатору маршалу Мортье¹¹² и дивизионному генералу графу Мильо¹¹³ выбрать муниципалитет и упорядочить полицию, чтобы водворить спокойствие в городе и тем обеспечить населению безопасное в нем существование. Но благодаря медлительности, с которой обыкновенно возникают подобного рода организации среди беспорядочного войска, благодаря путанице, в которую попала нарождающаяся администрация, работы эти свелись к нулю.

Наконец, Наполеон, чтобы скрыть свое замешательство, в котором он находился, неосторожно попав в неприятельскую страну и не видя нигде помощи, хотел уверить своих солдат, что его намерение было провести зиму в Москве, и приказал собрать все остатки французской труппы, чтобы образовать императорский театр. Созваны были также все музыканты, чтобы давать ему концерты.

В воскресенье, 8-го, начали уже думать, что после разразившейся грозы наступило спокойствие. Но какое это было спокойствие! Никто не решался выйти из дому, боясь быть публично ограбленным. Все, что уцелело от по-

жара, было разграблено; то, что ускользнуло от солдат в их первых поисках, сделалось теперь предметом их ненасытной жадности. Солдат совершенно не уважал ни стыдливости робкого пола, ни невинности ребенка в колыбели, ни седых волос стариков; и даже несчастные лохмотья ограбленной огнем нищеты сделались добычей для людей, беспощадно обиравших своих братьев.

Не знаю, по какой причине были покинуты все церкви, но в продолжение целых двух недель не слышно было ни одного звука колокола — и это в городе, где такое множество храмов. Не встречалось ни одного священника, не было признаков богослужения. Даже в самые ужасные минуты бедствия народ не имел возможности излить душу перед алтарем своего Бога.

АББАТ СКОРЮГО

Бонапарте, который из окон Кремля мог следить за всем ходом пожара, узнав, что поджигателей хватали в самом Кремле, немедленно удалился в Петровский дворец, где и провел ночь. Очень вероятно, что он боялся попасть в ловушку, что могло быть очень опасно в таком огромном городе: только этим объясняется, почему он не воспользовался своими войсками для спасения хотя некоторых частей города, что, конечно, было возможно. Легко представить, каким печальным размышлениям должен он был предаваться в своем Петровском дворце; по всей вероятности, он не смыкал глаз, как и все несчастные жертвы этой несчастной ночи, потому что около 6 часов утра один из его адъютантов отправился в ближайший лагерь и просил от его имени г-жу О*** * явиться к нему. В первые попавшиеся дрожки запрягли скверную лошадь, и адъютант провожал г-жу О***, которая отправлялась, как была, в своем лагерном костюме. У ворот дворца встретил их маршал Мортье, подал ей руку и провел ее до большой залы, куда она вошла одна. Бонапарте ждал ее там, в амбразуре окна. Когда она вошла, он сказал ей: «Вы очень несчастливы, как я слышал?» Затем начался разговор наедине, состоявший из вопросов и ответов и продолжавшийся около часу, после чего г-жу О*** отпустили и отправили с такими же церемониями, с какими она была встречена.

* Г-жа Обер-Шальме, владелица большого модного магазина на Кузнецком. (Ред.)

Бонапарте сказал ей, что если у нее есть до него какая-нибудь просьба, то он готов исполнить, что видно из одного письма г-жи О***, найденного в ее бумагах; она писала, что война заставила ее бросить в Москве состояние в 500 тысяч рублей, и просит поэтому избавить ее от преследований кредиторов, так как она задолжала в России и за границей 300 т(ысяч). Что касается до разговора с Бонапарте, то не знаешь, что подумать о великом человеке, который спрашивает — и кого же, г-жу О*** — о предметах политики, администрации и ищет совета для своих действий у женщины! Не следует думать, что она одна удостоилась такой милости: к нему так же приводили множество невежественных глупцов, и он у них искал истины. Люди более благоразумные избегали этого опасного человека и скрывались большими. Мне было так же любопытно, как и вам, может быть, узнать наконец, что он спрашивал у этой дамы и как она отвечала ему; некоторые из этих ответов она сообщила мне: она показывает здравый смысл и большое беспристрастие. Так, напр(имер), Бонапарте спросил, что она думает об идее освободить крестьян. «Я думаю, Ваше Величество, что одна треть из них, может быть, оценит это благодеяние, а остальные две трети не поймут, пожалуй, что Вы хотите сказать этим». При этом Бонапарте понюхал табаку, что он делал всегда, встречая какое-нибудь противоречие...

ИЗАРН

На улицах московских можно было встретить только военных, которые слонялись по тротуарам, разбивая окна, двери, погреба и магазины; все жители прятались по самым сокровенным местам и позволяли себя грабить первому нападавшему на них. Но что в этом грабеже было ужасно, это систематический порядок, который наблюдали при дозволении грабить, давая его последовательно всем полкам армии. Первый день принадлежал старой императорской гвардии, следующий день — молодой гвардии, за нею следовал корпус генерала Даву и т. д.

Все войска, стоявшие лагерем около города, по очереди приходили обыскивать нас, и можете судить, как трудно было удовлетворить явившихся последними. Этот порядок продолжался восемь дней, почти без перерыва; нельзя себе объяснить жадности этих негодяев иначе, как зная их собственное бедственное положение. Без панта-

лон, без башмаков, в лохмотьях — вот каковы были солдаты армии, не принадлежавшие к императорской гвардии. Когда они возвращались в свой лагерь, переодетые в самые разнообразные одежды, их можно было узнать разве только по оружию. Что было еще ужаснее, так это то, что офицеры, подобно солдатам, ходили из дома в дом и грабили; другие, менее бесстыдные, довольствовались грабежами в собственных квартирах. Даже генералы под предлогом розысков по обязанностям службы заставляли уносить всюду, где находили, вещи, которые для них годились, или переменили квартиры, чтобы грабить в своих новых жилищах.

Во время этого грабежа Бонапарте, вернувшись в пятницу в Кремль, поместился там с большими предосторожностями. Все ворота Кремля были на запоре, исключая те, которые ведут к Никольской; пропускали туда только того, кто носил кокарду. Начали думать об учреждении полиции и муниципалитета. В то же время Бонапарте, желая показать великодушие относительно неимущих иностранцев, сидевших без хлеба, без платья, без пристанища, велел принимать их в два дома: в Медицинской академии * и в доме Давыдова **, назначенных для этой цели, и обещал велеть раздавать и съестные припасы, для чего назначались три синдика, обязанных управлять этими домами. Кроме того, тем из них, которые нуждались в денежной помощи, было предложено служить в канцелярии армии, за что обещано было соблазнительное жалованье. Многие поддались на эту приманку, пошли служить по доброй воле и, таким образом, были вынуждены превозносить дело, которому служили.

ИЗАРН

УСТРОЙСТВО АДМИНИСТРАЦИИ

По возвращении в Москву первую заботу императора было помочь бедствию, не терпящему отлагательств. Он занялся организацией гражданского и военного управления.

Герцог Тревизский ¹¹⁴ был назначен губернатором Москвы, генерал Дюронель ¹¹⁵ — командующим войсками,

* Медицинская академия помещалась на Рождественке и Кузнецком мосту, в самом центре галантерейных и иностранных магазинов. Впоследствии она преобразована в Университетские клиники. (Прим. перев.)

** Дом Давыдова находится (на)против Страстного монастыря. (Прим. перев.)

Лессепс ¹¹⁶ — генеральным интендантом, или провинциальным префектом. Сами москвичи, движимые чувством человеколюбия и привлеченные выгодным содержанием, поступали в канцелярию новой администрации. Городское управление встретило, однако, некоторые затруднения в своем образовании вследствие отказов многих лиц, призванных в его состав.

Официальное заявление о том, что муниципальное правление не имеет никакой другой цели, кроме восстановления общественного порядка и безопасности, и, быть может, страх за последствия, какие могло повлечь дальнейшее упорство, заставили некоторых из московских жителей принять новую должность. Это были по большей части купцы. Головою выбрали некоего Никотина. Поведение его в этих обстоятельствах заслуживает упоминания.

Представляясь первый раз Лессепсу, Никотин явился довольно смело во главе первого муниципального собрания и прямо обратился к начальнику со следующими словами, сказанными по-русски: «Ваше Превосходительство! Прежде чем вступить в исполнение своих обязанностей, я должен официально объявить, что ничего не стану делать против веры и моего государя. Иначе мы скорее все умрем, чем не исполним долга, который в наших глазах есть первый и священный...»

Несколько удивленный неожиданною речью, Лессепс отвечал им мягко: «Вас, господа, нисколько не касается борьба императора Наполеона с императором Александром. От вас требуется, от вашей гуманности и филантропии ожидают только восстановления порядка и обеспечения частной собственности; вы должны восстановить доверие между жителями деревень и города... Таковы, охотно повторяю, ваши единственные обязанности, господа!»

На таких условиях муниципалитет состоялся.

Сверх того, в каждом квартале были учреждены полицейские комиссары. Первым делом новых чиновников было собрать несчастных, бродивших по улицам Москвы без одежды и пищи, и приютить их.

ДОМЕРГ

ПАРТИЗАНЫ

Вчера, 29 сентября, около 1000 человек пехоты, 200 кавалеристов и 2 орудия были переданы в распоряжение Морони для разведки вдоль Тверской дороги, а также

для защиты многочисленных маркитантов, выступивших с телегами и ломовыми лошадьми.

Большая часть деревень, через которые мы проходим, были совершенно покинуты и уже сверху донизу были обысканы при предыдущих рекогносцировках. Между Черной Грязью и Воскресенском, в расстоянии около 28 верст от Москвы, мы подошли к крайнему пределу, до какого доходили раньше. Мы нашли здесь на равнине несколько разбросанных селений, нашли древние хижины, хотя и покинутые, но оставшиеся совершенно целыми и нетронутыми, так что можно было судить о внезапном бегстве оттуда жителей. Ночью мы расположились лагерем в этой местности. На рассвете обнаружено было присутствие неприятеля; пехота, разбитая на две колонны, продолжала, однако, свой путь без принятия каких-либо предосторожностей. И в самом деле, неприятель отступал по мере того, как мы подвигались вперед.

Мы обошли еще несколько деревень и без затруднения забирали себе провизию, охраняемые цепью пехотных и кавалерийских постов. Жара стояла сильная, великолепный лес вырисовывался впереди наших передовых постов — вправо от меня, ехавшего в сопровождении нескольких унтер-офицеров. Мне очень захотелось туда съездить.

Я сделал всего несколько шагов, как вдруг услышал шум голосов. Я один спокойно двинулся туда, откуда несся этот шум, и через ветви деревьев заметил среди леса лужайку, где находилась толпа мужчин и женщин всякого возраста и всякого положения. Они внимательно смотрели на меня, не выказывая при этом ни страха, ни изумления. Несколько человек, манеры и внешность которых не предвещали ничего доброго, подвинулись мне навстречу.

Сделав им знак, чтобы они близко не подходили, я подозвал к себе одного из них, в котором я узнал русского священника. При помощи латинского языка я учтиво попросил его объяснить мне, не принадлежат ли эти люди к числу жителей деревень, занятых в настоящий момент нашими войсками.

«Мы, — ответил тот, окинувши меня внимательным взглядом, — мы — группа тех несчастных жителей священной столицы, которых вы превратили в бродяг, в жалких и отчаянных людей, которых вы лишили крова и отечества!.. Каким духом варварства, какой бесчеловеч-

ной жестокостью, — говорил он, — охвачен дух вашего вождя, если он мог сжечь нашу дорогую столицу!»

Тщетно я пытался убедить его, что он глубоко ошибается. Он ограничился в своем ответе словами, что я сам ошибаюсь, что ни для кого нет сомнения в том, что Наполеон, а не кто другой устроил пожар Москвы.

Вдруг один из русских, присутствовавших при этой сцене, подошел к попу, сказал ему что-то на ухо и взглянул на меня с видом бесконечного презрения.

У меня шевельнулось подозрение, я сделал вид, что собираюсь уехать, но поп удержал меня вопросом, христианин ли я. Эти слова удивили меня только наполовину, так как я уже знал, что нас расписывали в глазах русского народа как банду еретиков. Мой утвердительный ответ сейчас же сделался известным всем, и я заметил, что на меня стали смотреть с большим интересом и разговоры кругом оживились. Поп взял меня за руку, с чувством пожал ее и сказал: «Уходите скорее; Иловыйский с местными партизанами и совсем свежим кавалерийским отрядом подвигается, чтобы вас атаковать; оставаясь здесь, вы рискуете подвергнуться опасностям. И помешайте, если вы только можете, тем неистовствам, в которых винят вашего вождя и ваших».

ЛОЖЬЕ

ЖИЗНЬ В МОСКВЕ

22 сентября. Погода не холодная; начинают поговаривать о выступлении. Сегодня ночью кавалерия гвардии была на разведках; был послан генерал Нарбонн с пятнадцатью стрелками, чтобы обследовать поместье в трех милях от Москвы; он нашел его занятым четырьмя сотнями казаков.

23 (-е). Я был на обеде во дворце. Наша столовая великолепна: она служила для русских императорских празднеств. Она очень велика; посредине — колоннада, поддерживающая своды, делит ее на четыре части; она обтянута красным бархатом. Бедная столовая, для того ли ты предназначалась? Не император Александр со своим семейством обедает теперь под твоими сводами — его заменили ординарцы, адъютанты адъютантов, караульные офицеры, пажи, казначеи, врачи, хирурги, наполеоновские аптекари.

Возвращаясь к себе, я проходил среди развалин, отделяющих наш дом от Кремля. На пути находится чу-

дом уцелевший дворец; он служит казармами одному из батальонов 30-го полка, а мне — маяком, благодаря которому я ориентируюсь среди ночи. Солдаты зажгли люстры; это удовольствие они доставляют себе каждый вечер.

27<-е). Идет снег, который тут же тает. Я дежурный. В эти дни я часто прихожу в переднюю около императорского кабинета поболтать с его камердинером Анжелем, бывшим лакеем герцогини де ла Вальер. Этот человек относится ко мне дружелюбно и рад поговорить о Его Величестве. Между прочим он рассказал мне: «Со времени нашего прибытия в Москву император приказал мне каждый вечер зажигать по две свечи около его окна, чтобы солдаты говорили: „Смотрите-ка, император не спит ни днем, ни ночью, он всегда за работой!“»

28<-е). Погода мрачная, вечером морозит. Гвардия на ногах, с приказом быть готовой к выступлению.

29<-е). Дождь; больше не говорят о выступлении, но об устройстве зимних квартир в Москве, о необходимости приезда итальянских певцов для развлечения императора.

1 октября. В качестве дежурного верхом сопровождаю императора; в течение четырех часов мы разъезжаем шагом; погода сносная. Мы были в пороховом погребе, проехали часть города; сколько развалин! Едва ли двадцатая часть Москвы осталась несгоревшей. Немецкий квартал не тронут. Направляясь за фуражом, казаки забрали дюжину рабочих повозок. Неприятель оставил много прекрасных укреплений; отступая, он останавливается и защищает каждую позицию... Казаки взяли в плен Альфреда Потюцкого, адъютанта генерала Понятовского, и генерала Ферьера, адъютанта Неаполитанского короля... Мы находимся в восьмистах шестидесяти милях от Парижа, на посылку эстафеты требуется от шестнадцати до семнадцати дней, на почту — иногда по сорок одному.

2<-е). Нам заплатили жалованье; треть — бумажными рублями; мы не знаем, что с ними делать... Холод очень кусается. Во время фуражирования казаки то и дело отбивают у нас слугителей, лошадей, солдат.

Император по четыре часа не слезает с лошади; приказал попробовать пробить брешь при помощи двух двенадцатидюймовых орудий в ограде каторжной тюрьмы, чтобы видеть, устоят ли кирпичи, можно ли воспользоваться ею как крепостью.

Сторожевой итальянский отряд, далеко выдвинувшийся вперед, оказался с незаряженными ружьями; мы неслаханно беспечны. Надо постоянно повторять, что мы недостаточно бережемся, что надо беречься.

3(-е). Прекрасная холодная погода. У нас по-прежнему захватывают фуражиров...

5(-е). Я сажусь верхом, чтобы следовать за императором; прекраснейшая в мире погода. В строю большое движение. Его Величество занимается артиллерией. Он работает по целым ночам. Правда, он спит часть дня. Рассчитывают на скорое выступление. Говорят о походе в Индию. У нас столько доверия, что мы рассуждаем не о возможности подобного предприятия, а о числе месяцев, необходимых для похода, о времени, за которое к нам будут доходить письма из Франции. Мы привыкли к непогрешности императора, к преуспеянию всех его планов.

6(-е). Император производит смотр илантерии старой гвардии при довольно мягкой погоде... Генерал Лористон¹¹⁷ возвращается, выполнив свое поручение к русским; результаты его нам неизвестны. Он был очень любезно принят генералами Кутузовым и Беннигсеном. На аванпостах — перемирие; обязались предупреждать за два часа.

10(-е). Сегодня второе представление французского спектакля; дворцовому префекту Боссе поручено поставить его; нашлись всего две актрисы — с этим каши не сvariшь.

11(-е). Мы меняем помещение в шестой раз; я устроился у князя Куракина; великолепный дворец. У меня очаровательные комнаты, есть камин — редкость в этой стране; в моей спальне — портрет князя, поразительно похожий; в моем первом салоне — еще один, во весь рост; на нем князь Куракин изображен в раззолоченных одеждах. Эта картина мне очень нравится. В доме с полсотни портретов; нет недостатка в портретах императора Павла и в портретах незаконных детей князя. Неудобство дворца в том, что он еще дальше от Кремля, чем дом, в котором мы были раньше. Перемирие между авангардами прервано. Император его формально отменил; оно служило лишь для того, чтобы казаки свободнее действовали на нашем арьергарде; в миле от него все было для них легкой добычей; они захватили двадцать семь солдат и одного офицера из 9-го гусарского полка. Наши аванпосты испытывают большую нужду в продовольствии.

Его Величество осматривал шестьсот лошадей 1-го и 5-го полков легкой кавалерии, прибывших из Франции; дорогой они потеряли четыреста лошадей. Ежедневно мы получаем подкрепления. Две недели тому назад корпус маршала Нея состоял из четырех тысяч человек; поляков Понятовского было не больше.

12<-е). Я дежурный; стоит довольно холодная, туманная погода. В половине одиннадцатого вечера шталмейстер двора, войдя в дежурную комнату, приказал трем адъютантам отправляться в Главный штаб Его Величества короля Иоахима ждать там императора. Император объявил, что он трогается в путь завтра в десять часов утра. Никто этого не ожидал; были немного удивлены и раздосадованы.

КАСТЕЛЛАН

Понемногу народ возвращался в Москву; открылся рынок, на котором производился торг между солдатами и черным. Тут продавались и покупались вещи, награбленные из брошенных или выгоревших домов. Таким грабежом многие из черного народа нажились благодаря отсутствию полиции. Мне случилось видеть большие погребки, полные крупной медной монеты, состоящей из пятак, равных нашим четырем су. Чекан этой монеты был так аляповат, что я счел ее за негодную, которую бросили тут за недостатком средств к перевозке. Никто из наших не подумал воспользоваться ею; но русские крестьяне вывозили ее вон возами, что продолжалось безостановочно несколько дней, и никто не помешал их работе.

О Наполеоне говорили, что он очень занят, что он постоянно работает. Но дело в том, как стало известно, что цель его была издать как можно более декретов из столицы Русской империи в доказательство французам, что он и на дальнем рубеже Европы не перестает печься о своем государстве, как вездесущее Провидение. К сожалению, предметы, избранные им для реформ, касались самых ничтожных частей внутренней администрации Франции. Например, он составил правила театрального управления да разных промыслов, как-то: булочного, аптекарского и т. д. Этими мелочами он хотел выказать всеобъемлющий гений свой. Между тем все это в сравнении с прежнею деятельностью Наполеона делало его неузнаваемым. Не пустячными делами внутренней

администрации Франции следовало ему заниматься, а вникнуть в свое положение в России, настолько критическое, что меры выхода из него могли бы занять его мысли. Эти неуместные декреты из столицы России напоминали мне те мистические ссоры, которые затевали между собою жители Византии во время осады города турками и перед тем, как им подпасть под иго мусульман. Ошибки Наполеона в эту кампанию были различные и несправимые. Он вступил войной в страну, не имея понятия ни о нравах, ни о характере русских. В Египте, например, он оказывал столько почтения магометанству, что можно было ожидать его перехода в эту веру. В Италии, Австрии и Испании — везде он покровительствовал местному духу религии и казнил святогатцев. Но в Москве он точно не знал, что и русские привязаны к своей вере, он не обратил внимания на то, как глубоко почитали русские своих святых, как дороги для них церкви и важен сан священника. Едва ли он признавал их за христиан. И что же вышло? Не предупредив войска строгими приказаниями иметь должное уважение к церквам, иконам и духовенству, он навлек этим упущением ненависть народа на французов. В глазах русских они хуже мусульман, потому что обращали церкви в конюшни. Зато уже горе французу, когда он попадался в руки народа, жаждавшего мести! Таких жертв было множество. Следовательно, не лучше ли было бы внушить своему войску верные понятия о русском народе и об их вере, столь схожею с нашею?

Не менее важною ошибкою был беспечный взгляд на близкое будущее. Наполеон как будто не предвидел зимы, обманутый, может быть, продолжительною осенью. Он не знал, что немного пройдет дней, как наступят морозы, пойдет снег и так покроет землю, что езда на колесах окажется невозможною, а затем недалеко и истребление армии. Обо всем этом не догадывались. Не подумали даже о теплой одежде, об обуви солдат; ни о ковке лошадей, о возобновлении упряжи, наконец, о перестановке обозов на полозья и т. д.

Де ла ФЛИЗ

ГВАРДИЯ

Императорская гвардия была идолом своего шефа — императора, который донельзя ее баловал, почему она стала заносчивой и дерзкой по отношению (к) армии, ко-

торая ее не любила и к тому же упрекала в том, что она не ходила в огонь и не несла тягостей сражений. Упрек заслуженный, но его следовало отнести более к императору, который не хотел пускать ее в бой. Гвардия была его резервом, и он не хотел, чтобы говорили, что он был вынужден прибегнуть к этому резерву, не допуская и мысли, чтобы тела его гвардейцев покрывали собой поля сражений. Я участвовал во многих сражениях и только один всего раз, при Гаунау, видел гвардию, построившую боевой порядок и пошедшую в атаку с почетным конвоем включительно.

Если бы в день Бородинского сражения, вечером, император двинул бы вперед нам на смену свою свежую, нетронутую гвардейскую кавалерию, о чем напрасно его умоляли, то, повторяю, исход сражения был бы другой; мы же, вследствие невероятного утомления и истощения людей и в особенности лошадей, уже не были способны решить участь дня; остатки русской армии были бы уничтожены, тогда как ей была предоставлена возможность спокойного отступления. Но император хотел вступить в Москву с(о) своей гвардией, столь же прекрасной и столь же многочисленной, как и при ее выступлении из Парижа, и если только он хотел похвалиться ею перед жителями Москвы, то он в этом успел бы. Так или иначе, но, явившись в Москву, гвардия решительно всем овладела, отодвинула чинов армии и жила в полном довольстве, так как после пожара, вернувшись на развалины домов, гвардейцы рылись в подвалах, в которых жители припрятали всякого рода провизию, вина, ликеры и всякого рода предметы; и вот гвардейцы устроили себе лавочки и открыли для армии торговлю чем только можно. Подобное поведение окончательно вооружило против них всю армию, которая в насмешку называла их «московскими купцами» и «московскими жидами». Конечно, далеко не все гвардейцы этим занимались, но упреки, сыпавшиеся на гвардию, имели свои основания. То, что говорю, могу подтвердить, так как сам купил себе сукна на одном подобном базаре, устроенном гвардейскими гренадерами.

Неприятнь эта принесла свои плоды во время отступления, и солдаты армии за это главенство гвардии, которой она так грубо злоупотребляла, жестоко отомстили «московским купцам» впоследствии.

Отрываясь или отставая от своего корпуса, что случалось с людьми и других частей, гвардейцы брели обыкновенно совершенно одинокими и отовсюду, куда бы они

ни подсаживались или ни пристраивались бы — к костру ли или какому-либо приюту, — их грубо отгоняли, ругая жидами и купцами.

К чувству эгоизма, овладевшему людьми, находившимися в непрестанном опасении за свое существование, которому угрожал противник и которое зависело от голода и холода, присоединилось еще чувство злопамятства по отношению к себе равным, но когда-то их унижавшим и продававшим им добро, ими же отвоеванное от противника; чтобы составить себе ясное понятие об этом чувстве и его проявлении, надо быть личным свидетелем этой жестокости людей, решительно во всем нуждавшихся, особенно в пище. Я не знаю, может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, и я тогда заметил, что именно люди этого отборного войска были деморализованы более людей остальных частей, и, желая отдать себе отчет в причинах подобного, я нахожу объяснение в следующих обстоятельствах.

В то время когда армия дралась каждый день и бивакировала каждую ночь, подвергаясь всем соответственным лишениям, гвардия находилась на особом положении, располагалась по квартирам в городах, получала провиант от жителей и интендантских чиновников, которые не посмели бы чего-либо недодать гвардии, окружающей своего вождя, да и какого еще вождя... Большинство гвардейцев были уже люди пожилые, отвыкшие от трудностей бивачной службы и от лишений в пище.

В то время когда мы умирали от усталости и голода в знаменитом лагере около Калуги, гвардия оставалась в Москве в безопасности, пользуясь всеми благами, а когда она в конце концов подверглась жестокостям зимы и лишениям всякого рода, то она начала страдать больше нашего; ненависть же, которую она возбудила против себя, ее окончательно деморализовала.

Как следствие подобной вражды — несколько дуэлей между этими несчастными во время отступления, при 20 градусах мороза; так, еще под стенами Смоленска офицер полка карабинеров Дюборайль убил офицера полка гвардейских гренадер.

ТИРИОН

ТАРУТИНО

Наконец 18(6-го с. с.) октября на рассвете нас поразил необычайный шум на нашем фланге, по ту сторону ручья, впереди 2-го кавалерийского корпуса. Этот

первый шум, за которым быстро последовали звуки выстрелов, указал нам, что мы атакованы неприятелем. Живо вскочили мы на коней, ежеминутно ожидая атаки, но таковой не последовало; все силы русских устремились на наших соседей, которые не были, подобно нам, ограждены с фронта оврагом ручья, перейти который впереди нас и скрытно от наших постов было не только трудно, но прямо невозможно.

Король Мюрат немедленно бросился к атакованному пункту и своим присутствием духа и мужеством приостановил начавшееся отступление. Он бросался на все биваки, собирал всех попадавшихся ему всадников и как только успевал набрать таковых с эскадрон, так мгновенно бросался с ними в атаку. Наша кавалерия обязана своим спасением именно этим последовательным и повторным на нескольких пунктах атакам, которые, остановив неприятеля, дали войскам время и возможность осмотреться, собраться и пойти на неприятеля. Как раз в то время, когда 1-я линия была захвачена врасплох и обойдена, а на задних линиях разбуженные шумом люди вскакивали на лошадей, появился Мюрат и, собрав все, что только было под руками, бросился с ними в атаку во все стороны, чем не только что поправил наше положение, но и восстановил бой в нашу пользу.

В течение всей своей военной карьеры Мюрат, прозванный «баловнем победы» (*l'enfant gâté de la victoire*), не был никогда ранен до этого дня, когда впервые пролил он кровь свою. Он получил удар пикой (донской казачьей) в бедро, и только его короткий плащ *à la tartare* (нечто вроде короткой кавказской бурки), которым он покрывался сверху, скрыл следы его крови. Он умолчал о своей, впрочем легкой, ране и только по окончании дела показал ее своему доктору.

Заслуги Мюрата в эту ночь и последующий день мало известны и не оценены должным образом. Мюрат соединял в себе одновременно искусство генерала, лихость обер-офицера и отвагу солдата.

Несмотря на все свое мужество, он был вынужден отступить перед превосходящими силами противника, так как хотя мы и сохранили свою организацию, сохранили еще названия своих корпусов и дивизий, но дивизиями уже не были... Увы! Мы были только остатками этих прекрасных многочисленных корпусов, вторгнувшихся в Россию. Эскадроны в 130 человек имели теперь от 18 (до)

24 чел., и число людей в дивизии не достигало нормы таковых даже для полка.

Вот до какой численности были мы доведены, продолжая слабеть с каждым днем, между тем как неприятель, находясь в центре своего отечества, получал каждый день подкрепления.

ТИРИОН

За два дня до сражения в нашем полку оставалось очень мало народу. Строевых: командир, два штаб-офицера, один штаб-ротмистр, пять лейтенантов, четыре вахмистра, пять унтер-офицеров, шестнадцать егерей; нестроевых: старший врач, младший врач, лазаретный служитель, два полковых кузнеца и один денщик. Таково было наше положение, когда ранним холодным и туманным утром 18 октября еще до рассвета нас разбудили два пушечных выстрела; одно ядро упало близ моего места и разорвалось, не причинив вреда. Быстро сели мы на коней, которые после полуночи всегда стояли у нас взнузданными; оглянувшись, мы увидели неприятельские ряды уже перед нашим лагерем, а позади него большими отрядами носились казаки.

Русские пушки развили сильный огонь, прежде чем успела тронуться с места хоть одна из наших — половина лошадей у нас пала — и прежде чем успел собраться небольшой наш отряд. Общее наше состояние было настолько плачевно, что я думал, что русские просто захватят нас и отведут в плен; только впоследствии я узнал, каким чудом этого не случилось. А именно: проворность и быстрая решимость короля помогли ему так ловко использовать кирасир и другие мелкие отряды кавалерии, что удалось отворотить самое ужасное. В начале боя замешательство было настолько велико, что каждый, как мне показалось, ищет выхода, как бы ускользнуть от казаков, уже наседавших на нас. Вот почему я с обрими своими помощниками поторопился к ближайшему краю леса, где перед этим стояла польская пехота, и укрылся там на некоторое время. Отсюда мы отчетливо видели всю схватку и как наши отступали, обороняясь; мы видели, как русские бросились и захватили 36 пушек, стоявших за кирасирским лагерем. Половина пушек даже не была взята на передки.

Наше положение было настолько плачевно, что если бы русские вместо рассвета явились часов в 10 или 12,

когда основное ядро наших войск отправлялось вооруженное и с пушками на фуражировку, то они могли бы захватить наш лагерь, не прибегая к оружию.

Нам троим пришлось расстаться с лесом и тоже обратиться вспять. Вскоре мы нашли свою горсточку, все еще именовавшуюся полком, вместе с другими, именовавшимися совместно бригадой. Примчался адъютант короля с приказанием бригаде начать атаку. Приказание исполнили. Двинулись вперед, не нападая, а только маневрируя. До сих пор в нашей горсточке был легко ранен только один офицер, других потерь в это утро не было. Но вот мы все трое, частью вследствие неуправимости наших жалких кляч, частью вследствие темноты места, где маневрировал наш отряд, попали поперек дороги одному польскому ротмистру, про которого мы уже давно знали, что он терпеть не может немцев. Он так и закипел от гнева и досады, когда мы очутились возле него, разлетелся на нас, размахивая кругом себя, ранил до крови младшего врача Майера и лошадь третьего и с искаженным от злобы лицом стал грозить и ругать меня и натворил бы еще больше, если бы позволило время и пространство.

Тем временем пехота и артиллерия действовали всю; лагерная наша стоянка была уже далеко от нас, и, когда наша горсточка снова остановилась, мы поехали принести жалобу и потребовать удовлетворения. Утешение и сожаление мы встретили у всех, ну, а насчет удовлетворения нас попросили пока повременить.

Так как ходом этой битвы все мы отодвигались назад, то на нашей стороне было немного раненых; посреди этих немногих оказался тот польский ротмистр, который так бессовестно обошелся с нами. Небольшая пуля пробила ему левое предплечье и раздробила кость... Из врачей оказались тут только мы; мы были человечнее его и наложили ему повязку; хотя повреждение требовало ампутации, но ее некогда было сделать за спешностью отступления.

Разные хирургические занятия, а потом поиски фуража для обессилевших лошадей в каком-то лагере по левую сторону большой дороги, ведущей к Москве, наконец, наступление ночи — все это привело к тому, что я здесь в первый раз потерял свой полк и наши войска.

Пушечная пальба давно прекратилась, вернувшиеся по дороге раненые, кавалеристы на скверных лошадях, конюхи с подручными лошадьми и армейские чиновники уверяли, что отступление наших продолжается.

Так как по дороге нас не нагоняли сомкнутые отряды, то мы заключили отсюда, что король выбрал путь, по которому мы прошли 4-го и 5-го числа, и эта догадка привела нас к решению продолжать наше отступление по дороге вместе с этим обозом.

Таким образом, этот до сих пор еще вызывающий во мне содрогание лагерь на речке Черничне, у деревни Тетеринки, где стояла наша дивизия и я с последним остатком нашего полка, был конечным пунктом нашего трудового похода в глубь России и 18 октября было тем днем, когда мы вынуждены были начать отступление. Этот покинутый нами лагерь являл собою в эту войну решительно самое ужасное и страшное зрелище; во всяком случае, он был для русских первой картиной, по которой они могли точно и правильно судить об истинном нашем положении.

У нас не было ни шалашей, ни барачков, ни палаток. Несмотря на уже холодные октябрьские ночи, все лежало под открытым небом, — в конце концов, даже на голой земле, ибо соломы не было. Огромное количество лошадей, по большей части наполовину ободранных в пищу людям; окрестные деревни, совершенно опустошенные и выжженные; отрепье одежды, обломки повозок, остатки сбруи и всего, что обычно бросает армия, близкая к расстройству и гибели; наконец, трупы умерших в лагере, оставшиеся без погребения, и двухнедельные нечистоты людей и лошадей — таковы были отвратительные остатки нашего плачевного пребывания.

Это пребывание с его трудными фуражировками стоило нам половины уцелевших к этому времени людей и лошадей, а битва и трехдневное наше отступление, показавшее нам удалось присоединиться к войскам, шедшим из Москвы, вызвали окончательный распад полка, к которому я принадлежал.

РООС

Камердинер полковника Флао, старый голландец, рассказывал мне все, что сам разузнавал. Он страстно ненавидел Наполеона и не мог о нем вспоминать без проклятий, за что часто получал замечания от своего господина... Узнав о поражении Мюрата, он пришел ко мне с сияющим лицом и сказал: «Пойдемте поскорее в мою комнату; мы осушим бутылку доброго старого рейн-

вейна». Когда я пришел, он чокнулся со мной и сказал: «За гибель Наполеона!» Я пришел в ужас, так как в такие времена, по пословице, и у стен есть уши. Но он сказал мне: «Мы в полной безопасности,— и, сообщив о поражении Мюрата, прибавил:— Это только начало, потом будет еще хуже».

ИЗ ЗАПИС(ОК) КОЛОН(ИАЛЬНОГО) ТОРГОВЦА

ПЕРЕД ОТСТУПЛЕНИЕМ

Тактика заставляла Бонапарте уверять своих солдат, что он перезимует в Москве; приготовления, делаемые солдатами, убеждали в том и жителей; надеялись, что все эти меры ускорят переговоры о мире, которого ожидали с нетерпением. Чтобы вызвать какие-нибудь донесения, Бонапарте, взявший под свое покровительство Воспитательный дом, велел подать себе отчет за истекший месяц и сам отослал его ко вдовствующей императрице с почтительным письмом; на письмо он ждал ответа, но не получил его. В то же время, частью чтобы польстить армии, частью для устрашения жителей, был пущен слух, что Рига взята приступом, что Макдональд вошел в Петербург в самый день взятия Москвы и сжег его, что вся дорога от Вильны до Смоленска занята обозами, которые везут зимнее платье в армию, что маршал Виктор¹¹⁸ ведет значительные подкрепления, что к наступающей весне армия Бонапарте будет так же сильна и так же хорошо вооружена, как при вступлении в Россию; что можно положиться на предусмотрительность великого человека: он все обдумал, он всегда имеет в запасе неожиданные средства; что, словом, если русские не заключат мира в эту зиму, то весной Бонапарте назначит герцога Смоленского и Петербургского, а Россия останется только в Азии. А покамест армию русскую будут преследовать, бросят ее в Волгу, а потом дадут зимние квартиры.

Все эти нелепые предположения действовали на людей, веривших еще в прежнее счастье Наполеона; судя по этому, осталось только одно: искать спасения у французов, а только этого и нужно было последним. В то время как публика забавлялась этими баснями, Бонапарте, запертый в Кремле, как в тюрьме, выписал себе труппу итальянских певцов, чтобы они пели перед ним, и платил им за это фальшивыми ассигнациями. Кажется, в Польше их была заготовлена большая партия, которую старались пустить в обращение всяким способом, но при пер-

вом своем появлении эти деньги были оценены по их стоимости: никто их не принимал и их разошлось очень мало.

Между тем предложений мира все еще не было. Русская армия передвигалась с места на место, казаки и крестьяне сильно затрудняли фуражировку; нужно было на что-нибудь решиться. Очень хорошо знали, что ничего не выиграешь, освободив крестьян, попытались заманить их хорошею платою, чтобы побудить везти в Москву съестные припасы. Но все было напрасно и не привело ни к чему; напротив, те же крестьяне вызвали против себя жестокие меры: в одной деревне стреляли по французам; виновные были расстреляны при входе в церковь; выслушав приговор, они перекрестились и встретили смерть не моргнув глазом.

Тогда корсиканская тактика привялась за средства более серьезные; начали старательно разыскивать всевозможные сведения о Пугачевском бунте; особенно желали добыть одно из его последних воззваний, где рассчитывали найти указания о той фамилии или фамилиях, которые бы можно было возвести на престол. В этих розысках обращались за советом к кому попало; обращались даже к одному эмигранту, которого под разными предложениями вызывали к одной знатной особе; он с первого слова прямо объявил себя эмигрантом. «Этим не хвастаются и не обвиняют себя», — отвечали ему. Когда ему сказали, в чем дело, эмигрант, как и все другие, отвечал, что ничего не знает о воззваниях, про которые ему говорили. Увидев, что этим не возьмешь, учение Пугачева бросили и тотчас же схватились за великие начала санкюлотизма. Татарам было предложено идти в Казань призывать своих соотечественников к независимости, обещая им, что, как только они поднимутся, их тотчас поддержат. Но и здесь промахнулись. Оставался еще один путь — переговоры. Послали генерала Лористона к князю Кутузову под предлогом обмена пленных: Эта поездка была представлена как следствие предыдущих переговоров, на которые Бонапарте ответил *самым умеренным* ультиматумом: уступкой всех прежних польских провинций. Лористон вернулся назад с чем поехал. Между тем время шло; около Москвы становилось все опаснее; лошади мерли как мухи; трупы их наполняли улицы, дворы, пруды и дороги; нужно было на что-нибудь решиться. Лористон еще раз был послан в русскую армию, но вернулся, как и в первый раз, без успеха. Начали по-

говаривать об отступлении: говорили, что нужно только оставить здесь корпус тысяч в пятнадцать; это как гром поразило всех тех, которые скомпрометировали себя, понадеявшись на счастье Наполеона. Эти люди и все слушавшиеся только своего страха считали себя погибшими, если останутся в Москве, когда туда войдут казаки; они в своем безумии думали только о том, чтобы как-нибудь уйти вместе с французской армией. Люди последнего разряда, право, достойны сожаления, потому что они виновны только в том, что ложно судили о деле...

ИЗАРН

Провести зиму в Москве было невысказано. Мы пробивались до этого города, но ни одна из пройденных нами губерний не была нами покорена. Армия генерала Кутузова сформировалась вновь и начала обходить нас с правого фланга; так как Тула и Калуга были во власти русских, то она могла раньше нас прийти в Можайск и в Вязьму. С другой стороны, мир, заключенный с Турцией, давал армии адмирала Чичагова полную возможность отрезать наши сообщения с Польшею; мы были слишком далеко от Курляндии, чтобы надеяться на какую-либо помощь со стороны корпуса герцога Тарентского*. Так как Витебск, как показали дальнейшие события, не мог быть нами удержан, то чем долее мы оставались в сожженной или несожженной Москве, тем вернее была наша гибель; мы готовили себе приблизительно такую же судьбу, какая постигла Камбиза в Лидии или армию Александра Великого в пустыне Гедрозии¹¹⁹.

Великая ошибка Наполеона состояла не в том, что он пошел в Москву, хотя это была неосторожность с его стороны и против этого восставали почти все его генералы в Витебске и в Смоленске,— его ошибка заключалась в том, что он остался в Москве.

Действуя осмотрительно, следовало бы остановиться в Смоленске, помешать Порте заключить мир и дать оправиться армии, в которой уже с Витебска чувствовался недостаток в припасах, и, лишь основательно приготовившись, вместе с Турцией год спустя вступить в Россию и покончить с ней. Но все это было не в характере Наполеона, который не признавал ни переговоров, ни выжидания. Все советы, даваемые когда-то нами Турции и Швеции, были теперь с презрением отброшены, что ука-

* Макдональд. (Ред.)

звало на самонадеянность императора и на неспособность его министров. Одни из них не были настолько смелы, чтобы энергично восставать против его самых дорогих интересов (так, например, герцог Кадорский, герцог Фельтре *, граф Монталиве), другие же были ослеплены ореолом славы, которой он был еще окружен (таков герцог Бассано), верили в его прирожденный военный гений и потому считали его непогрешимым и непобедимым...

Вице-король предложил идти немедленно с(о) своим полком в сорок пять тысяч человек на Тверь, оттуда на Петербург, между тем как остальная часть армии должна была мешать князю Кутузову. Это была та же система вторжения, но в этом проекте было что-то великое, и он, по всей вероятности, удался бы. Это внушило бы ужас в С.-Петербурге, и едва ли император Александр решился бы сжечь вторую столицу. Двадцати пяти дней было бы достаточно, чтобы быть там, но испугались дождей и непроходимых дорог в окрестностях Твери, и потому предложение вице-короля было отклонено.

Маршал Ней усиленно уговаривал двинуть войска к Смоленску после недельного отдыха, снабдив их припасами, по той же дороге, по которой мы уже прошли. Это было самое умное решение, но на это возражали, что как русские, так и мы сами сожгли все по дороге и что мы не найдем фуража. Эти доводы были правдоподобны, но недостаточны при том положении, в которое мы были поставлены. Маршал Даву склонял всех напасть на русских, сжечь Тулу и Калугу и отправиться в Украину. Это был блестящий план; он казался выполнимым и давал хорошие результаты при условии выполнить его сейчас же, не давая русской армии организовать вновь и соединиться с подкреплениями, стекавшимися к ней со всех сторон, особенно не давая ей соединиться с кавалерией, которая впоследствии во время нашего несчастного отступления нас так тревожила... Император Наполеон был озадачен, как человек, не привыкший быть обманутым в своих расчетах. Он заперся в Кремле, как будто выжидая время, тогда как при тогдашних обстоятельствах каждый момент становился драгоценнее. Он все еще хотел заблуждаться. Вообразив, что Александр будет просить мира, он был уверен, что русский император поспешит по крайней мере принять этот мир, если он будет ему предложен.

ДЕДЕМ

* Шампаньи ¹²⁰ и Кларк ¹²¹. (Ред.)

ВЫСТУПЛЕНИЕ ИЗ МОСКВЫ

Император выехал из Москвы 19 октября, но оставил в городе маршала герцога Тревизского, который должен был ждать в Кремле результатов битвы.

Наполеон еще лелеял тайную надежду вернуться в Кремль, но на случай, если бы это ему не удалось, он отдал приказ маршалу взорвать дворец в знак маленькой революционной мести и арсенал, хотя уже разграбленный и русскими, и французами, но где еще много хранилось трофеев, отнятых у турок.

Даже гробниц царей и тех не пощадили! Мне пришлось видеть, как валялись на земле набальзамированные царские останки и как их топтали солдаты, думавшие обогатиться, срывая с них стразы, которые они принимали за настоящие драгоценные камни. Золотой крест с колокольни Ивана Великого, набальзамированная рука святого, патрона города, одно кресло из дворца и другие редкости с драгоценностями были вывезены из города. Лучшие картинные галереи сгорели еще во время пожара, а деньги и все то, что было захвачено армией, наполовину снова было отобрано русскими, а остальное было уничтожено, чтобы не досталось им.

Многое просто зарыли в землю в химерической надежде, что удастся вернуться за ним.

Уходя, армии пришлось бросить в Кремле много экипажей и муниционных повозок. Страшный гул, последовавший за взрывом нескольких больших зданий, возвестил о нашей эвакуации...

Когда я выехал из Москвы, в ней уже показались казаки. Погода была великолепная, было так тепло, что мы обедали при открытых окнах. Я провел первую ночь на биваке близ загородного дома графа Ростопчина, от которого остались одни развалины. Тут я увидел нескольких французов, которые во что бы то ни стало хотели следовать за армией, хотя я предсказывал им все бедствия, постигшие нас в непродолжительном времени.

Большая дорога была загромождена повозками и экипажами, из них большая часть были до такой степени нагружены или имели такие плохие запряжки, что в первый же день увязли в грязи, из которой не было возможности вытащить их, и послужили знаком для отставших и тех, кто покинул город только в последний момент.

ДЕДЕМ

За пять недель своего пребывания в Москве армия снова достаточно оправилась и, несмотря на постоянные потери во время военных фуражировок, снова насчитывала до 100 000 годных к бою солдат. Но это уже не была энергичная армия: большая ее часть вяло тащилась, а не по-прежнему бодро маршировала.

Войска торопились оставить город в ночь на 19 октября, некоторые же полки двинулись вечером 18-го. Наконец около 9 часов вышли и вюртембержцы из города на дорогу по направлению к Калуге, куда предполагалось отступление. Но какую ужасную картину представляла теперь великая армия: все солдаты были нагружены самыми разнообразными вещами, которые они хотели забрать из Москвы,— может быть, они надеялись отнести их себе на родину,— и в то же время забыли окончательно запастись самым необходимым на время своего длинного путешествия. Обоз же походил на орду, как будто пришедшую к нам из чужих, незнакомых стран, одетую в самые разнообразные платья и имевшую вид маскарада. Этот обоз первым нарушил порядок при отступлении, так как каждый солдат старался отправить забранные им в Москве вещи впереди армии, чтоб считать их в безопасности.

Уже теперь в узких, загроможденных разрушенными домами улицах в тревожной поспешности смешались нагруженные добычей телеги, повозки, коляски, старые и новые кареты и вообще все существующие экипажи, и, как только все было приведено в некоторый порядок, было приказано пропустить выстроившиеся полки, что произвело ужаснейшее смятение, которое позднее не раз повторялось в каждом узком проходе.

Наполеон с большим трудом должен был пробиваться через этот хаос, и хотя было ясно, что не представлялось никакой возможности тащить за собой этот чудовищный обоз, все же не было дано никаких приказаний оставить его. Это он считал неудобным, во-первых, потому, что ему не хотелось лишать многих забранных ими вещей, во-вторых, некоторые телеги были нагружены съестными припасами, необходимыми для войска, и, наконец, эти повозки можно было использовать для перевозки больных и раненых; может быть, ему приходило в голову и то, что помимо приказов нападения казачьих отрядов принудят собственников отказаться от своего имущества, что впоследствии часто и случалось.

В этом же самом обозе находились многие бежавшие от революции французы со своими семьями, которые под покровительством императора снова возвращались на родину — ничего больше им не оставалось делать. Они принуждены были двигаться с армией и находились в еще более печальном положении, чем солдаты. Может быть, для них было бы лучше выехать раньше, но как они могли на это решиться, не будучи уверены в том, что их не схватят бродившие кругом казаки или крестьяне и не лишат жизни? Благодаря этому они должны были дожидаться, пока тронется вся армия, у которой они искали защиты.

Двигались мы тяжело и вяло, лица были мрачные и недовольные, и путь, который можно было бы сделать в 24—25 часов, мы, обремененные добычей и после долгого покоя, прошли едва в семь дней.

ИЕЛИН

Я думаю, что только благодаря моему производству я спасся во время отступления. Как капитан я имел для себя и для своих лейтенантов фургон, до половины наполненный моими вещами и запасными сапогами для моего отряда. Сделавшись батарейным командиром, я получил фургон лично для себя, правда небольшой, но совершенно достаточный для того, чтобы заготовить себе провианту на три или четыре месяца.

Я занялся его нагрузкой, положив туда более сотни крупных галет в 1 фут диаметром, мешок муки вместимостью в 100 ф<унтов>, более 300 бутылок вина, 20 или 30 бутылок рома и водки, 10 ф<унтов> чая и столько же кофе, 50 или 60 ф<унтов> сахара, 3 или 4 ф<унта> шоколада, несколько фунтов свеч. На случай зимовки на левом берегу Немана, которую я считал неизбежной, я запасся ящиком с сочинениями Вольтера¹²², Руссо¹²³, двумя историями России — Леклерка¹²⁴ и Левека¹²⁵, комедиями Мольера¹²⁶, произведениями Пирона¹²⁷, «Духом законов»¹²⁸ и некоторыми другими книгами, как, например, «Философией истории» Рейналя¹²⁹ в изящном белом переплете с золотым тиснением. Весь этот запас должен был питать в продолжение нескольких месяцев мое тело и разум.

Кроме всего этого я купил себе за 80 франков один из лучших русских мехов.

Благодаря всему этому я ждал сигнала выступления без всяких забот, хотя и не без некоторой доли беспокойства.

ПЬОН де ЛОШ

19 октября с раннего утра город кишмя кишел евреями и русскими крестьянами: первые пришли покупать у солдат все, чего они не могли унести с собой, а вторые — чтобы поживиться тем, что мы выбрасывали на улицу. Мы узнали, что маршал Мортье остается в Кремле с 10 тысячами и что ему приказано обороняться в случае надобности.

После полудня мы двинулись в поход, позаботившись сделать по мере возможности запасы напитков, которые мы нагрузили на телегу маркитантки. Почти смеркалось, когда мы вышли за город. Вскоре мы очутились среди множества повозок, которыми управляли люди разных национальностей; они шли в три-четыре ряда, и вереница тянулась на протяжении целой мили. Слышался говор на разных языках — французском, немецком, испанском, португальском и еще на многих других; московские крестьяне шли следом, а также и пропасть евреев: все эти народы со своими разнообразными одеяниями и наречиями, маркитанты с женами и плачущими ребятами — все это теснилось в беспорядке и производило невообразимую сумятицу. У некоторых повозки были уже поломаны, другие кричали и бранились — содом был такой, что в ушах звенело. Не без труда удалось нам наконец пробраться сквозь этот громадный поезд, оказавшийся обозом армии...

Миновав всю эту сутолоку, мы принуждены были остановиться, чтобы дождаться левого фланга нашей колонны. Я воспользовался досугом, чтобы осмотреть свой ранец, казавшийся мне чересчур тяжелым, и удостовериться, нельзя ли что-нибудь выкинуть, чтобы облегчить свою ношу. В ранце было порядочно-таки запасов: я взял с собой несколько фунтов сахара, рису, немного сухарей, полбутылки водки, костюм китаянки из шелковой материи, затканной золотом и серебром, несколько серебряных и золотых безделушек, между прочим — обломок креста Ивана Великого, то есть кусочек покрывавшей его серебряной вызолоченной оболочки, — мне дал его один солдат из команды, наряженной для снятия креста с колокольни.

Со мной был также мой парадный мундир и длинная женская амазонка для верховой езды (эта амазонка была орехового цвета и подбита зеленым бархатом; не зная ее употребления, я вообразил, что носившая ее женщина была больше шести футов росту); далее, две серебряные картины, длиною в один фут на 8 дюймов ширины, с выпуклыми фигурами: одна картина изображала суд Париса¹³⁰ на горе Иде, на другой был представлен Нептун на колеснице в виде раковины, везомой морскими конями. Все это было тонкой работы. Кроме того, у меня было несколько медалей и усыпанная бриллиантами звезда какого-то русского князя. Все эти вещи предназначались для подарков дома и были найдены в подвалах или домах, обрушившихся от пожаров.

Как видите, мой ранец должен был весить немало, но, чтобы облегчить его тяжесть, я выкинул из него свои белые лосиные брюки, предвидя, что они не скоро мне понадобятся. На мне же был надет сверх рубашки жилет из стеганого на вате желтого шелку, который я сам сшил из женской юбки, а поверх всего — большой воротник, подбитый горностаем; через плечо у меня висела сумка на широком серебряном галуне, в сумке было также несколько вещей, между прочим — распятие из серебра и золота и маленькая китайская ваза. Эти две вещицы избегли крушения каким-то чудом, и я до сих пор храню их как святыню. Кроме того, на мне была моя амуниция, оружие и шестьдесят патронов в лядунке.

БУРГОНЬ

⟨...⟩ В три часа мы вышли из Москвы. Но двигаться было невозможно: дорога была загромождена повозками, которыми в изобилии запаслись все наши грабители. В 12 верстах от Москвы мы услышали страшный взрыв. Толчок был так силен, что почва задвигалась под нашими ногами. Говорили, что под Кремлем положено было 60 пороховых бочек с семью пороховыми приводами и горючими веществами, наложенными на бочках. Наши 700 поджигателей, забранные с трупом в руках, нашли здесь свою смерть. Все это были каторжники.

На протяжении 50 верст стояли повозки. Когда мы добрались до нашей первой остановки, я уже достаточно намучился с ⟨о⟩ своей тележкой, приказал поэтому взвалить всю провизию на лошадей, а тележку сжечь. После

этого мы могли уже двигаться свободно. С невероятными усилиями достигли мы главной квартиры около Можайска.

КУАНЬЕ

МОСКВА ПОСЛЕ УХОДА ВЕЛИКОЙ АРМИИ

На другой день маршал Мортье переселился со своей канцелярией в Кремлевский дворец; все оставшееся войско в количестве пяти тысяч человек стягивается в эту местность. Наспех отправляют последние отряды больных. Во вторник, 8 (октября), часть казаков стремится с Тверской проникнуть в Кремль, но попытка эта им не удается. Несколько дней перед этим был сожжен Петровский дворец, который служил убежищем для казаков; вскоре подвергся такой же участи и дом князя Ростопчина в Сокольниках.

Наконец в четверг, 10-го, было объявлено всеобщее отступление, и около семи часов вечера войска начинают двигаться; а к одиннадцати часам город и Кремль были совершенно очищены. Все ждали чего-то зловещего в эту ночь. И на самом деле, около двух часов утра послышался чудовищный удар — это миной был взорван кремлевский арсенал; в это же время загорелся царский дворец. Этот первый взрыв сопровождался таким сотрясением, что почти все окна в городе были разбиты. Три других взрыва, менее сильных, чем первый, разрушили кремлевские ворота напротив Никольской улицы и внешние башни Кремля.

Покидая Москву, французы, рассчитывая на великодушие своих врагов, оставили больше двух тысяч раненых французов, которые помещались в Голицынской больнице и Воспитательном доме. После же отступления французов им было объявлено, что они теперь пленники. Некоторые из этих несчастных захотели следовать за своей армией и были все перебиты крестьянами.

Такова была участь древней столицы России, самого большого города в Европе. Москва являлась резиденцией русского дворянства, ее внутренняя торговля была громадна — здесь находился самый большой склад национальных товаров. Среди многочисленных зданий находился знаменитый университет, множество всевозможных женских и мужских учебных заведений, монастырей, больниц, более трехсот старинных церквей. Перед пожа-

ром в ней насчитывалось около 9300 домов, более 800 богатых искусством и орнаментами храмов. Уцелела же от пожара только пятая часть города.

Потеря, которую понесла Россия во время пожара Москвы, неисчислима. Сколько миллионов погребено под развалинами! Сколько всевозможных богатств превращено в пепел! Сколько произведений искусств потеряно навсегда! Мы уж не говорим о бесчисленных жертвах, погибших в огне, ни об исчезнувших сокровищах в библиотеках. Мы и не беремся обсуждать, был ли пожар Москвы мерой, на самом деле необходимой для достижения намеченных целей, — на этот вопрос может только ответить беспристрастный суд потомства.

АБ(БАТ) СЮРЮГ

Москва, 21 октября... Кремлевские башни наполнены порохом. Взрыв должен был произойти сегодня в 10 часов вечера, как я вам сообщал утренним письмом. Я отложу эту операцию до 12 часов ночи 23-го... В деле с казаками на Петербургской дороге я потерял двух человек убитыми... Вооруженные крестьяне начинают действовать. Я же вынужден расстрелять несколько из них.

Яшкино, 23 октября. Эвакуация Москвы была произведена сегодня ночью. Была легкая перестрелка с казаками и крестьянами. Я потерял 400 раненых. Но в хвосте моего отряда имеется необходимое количество экипажей, принадлежащих всем корпусам и сумевших укрыться от предпринятых мною розысков. Они сильно мешают движению и едва не испортили мне переправу через Москву-реку, хотя я велел сбросить в воду штук пятьдесят этих экипажей. Я назначил было взрыв на 10—11 часов ночи, но еще в 12 часов у меня оставались люди на левом берегу. Предписанная Его Величеством операция была проведена часа в 2 утра... Мы прибыли сюда в 2 часа дня... Я не был преследуем сколько-нибудь близко в это утро. Я, несомненно, оставляю по дороге много экипажей, конечно не принадлежащих к моему корпусу. У них недостаток запряжки, а дороги сильно испорчены дождем, который идет непрерывно уже третий день...

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ МАРШАЛА МОРТЬЕ
НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

БИТВА ПОД МАЛОЯРОСЛАВЦЕМ

Император шел во главе армии, стараясь рассчитать ее движения так, чтобы дать возможность вице-королю дойти до Малоярославца, раньше чем русские, которые шли следом за нашей армией по другой стороне р. Лужи, могли догадаться, какое место мы наметили для переправы через реку. Мы хотели дать генеральное сражение на прекрасном и удобном плоскогорье около города, там, где перекрещивались две дороги: одна в Калугу, другая в Леташево.

Генерал Дельзон, очень видный офицер на службе в итальянской армии, получил приказ выступить к 12 часам ночи, чтобы поспеть рано утром к Малоярославцу и перейти мост, но он подумал, что успеет еще накормить своих солдат супом, и выступил из города только в 2 часа пополуночи. Это запоздание на два часа совершенно изменило ход событий и решило, может быть, судьбу и армии и мира. Когда показалась первая бригада дивизии Дельзона, двигавшаяся по направлению к мосту, тогда же мы увидели и первую русскую колонну: солдаты ехали в повозках, чтобы поспеть скорее для защиты города.

В первый момент это обстоятельство смутило итальянцев, но генерал Дельзон бросился вперед сам, чтобы ободрить их, и был тотчас же убит со своими обоими братьями; один из них был бригадным генералом, а другой — его личным адъютантом. Тогда двинулся вперед со своей армией вице-король, но русские получили подкрепление, и завязалась кровопролитная битва.

Город был несколько раз взят, отбит и снова взят, и только к восьми часам вечера он остался за вице-королем. Он выиграл большое сражение, но потерял почти весь провиант и до семи тысяч убитыми.

На следующий день император посетил место битвы. Русские войска были тут же, и мы стояли на том месте, где Наполеон намеревался уничтожить армию Кутузова. Возможно, что это ему бы и удалось, так как у нас еще было восемьдесят тысяч инфантерии, огромная, прекрасно обслуженная артиллерия, а солдаты были полны силы и энергии. Император долго совещался с маршалом Даву, и было решено отступить, причем император сказал: «Вот что значит опоздать на один час».

Если бы генерал Дельзон исполнил пунктуально полученный им приказ, то, конечно, он пришел бы в Мало-

ярославец еще задолго до русских и занял бы город, не потратив на это ни одного выстрела. На следующий день император бы дал последнее генеральное сражение, что, по всей вероятности, дало бы ему возможность вернуться в Москву и побудило бы русских подписать мир.

Если бы мы победили, то торжество наше было бы полным, а с другой стороны, если бы мы и были побиты, то наше положение было бы не хуже того, в котором мы уже были тогда!

Счастье покидало Бонапарта, но, по-видимому, он был готов с покорностью подчиниться своей судьбе и был настолько тверд, что спокойно смотрел на грядущие несчастья; однако его обычная смелость сменилась роковой нерешительностью...

Но верно и то, что, если бы Наполеон сам решился тогда начать атаку, мы бы заняли тогда же и Тулу, и Калугу. Кутузов считал себя побежденным и готовился к отступлению. Он сам сказал: «Калугу ждет судьба Москвы». Он был очень приятно поражен, узнав, что французская армия начала отступление.

ДЕДЕМ

Мы направились к Боровску и на четвертый день достигли этого города: он был покинут жителями. Между тем Кутузов спокойно составлял свои прокламации: он мирно сидел в своем лагере под Тарутином; он не делал разведок ни с фронта, ни с флангов и не подозревал о нашем движении. Наконец он узнал, что мы идем на Калугу; он тотчас же снялся с лагеря и появился у Малоярославца одновременно с нашими колоннами. Завязалось дело; из Боровска мы слышали отдаленную канонаду. Я очень страдал от своей раны, но я не хотел покинуть Наполеона, и мы сели на лошадей. К вечеру мы увидели поле битвы; бой еще продолжался, но скоро огонь прекратился. Принц Евгений захватил позицию, которую неприятель отстаивал, надо думать, до самой последней крайности; наши войска покрыли себя славой. Этот день итальянская армия должна занести в свои летописи. Наполеон расположился биваком в двух верстах отсюда. На следующий день мы сели на лошадей в половине восьмого, чтобы осмотреть поле, где происходила битва; император ехал между герцогом Виченцским, принцем Невшательским и мною. Едва мы покинули лачуги, где провели ночь, как заметили отряд казаков, выехавших из леса направо, впереди нас; ехали они

довольно стройными рядами, так что мы приняли их за французскую кавалерию.

Герцог Виченцкий первый узнал их: «Ваше Величество, это казаки». — «Этого не может быть», — ответил Наполеон. А они с отчаянным криком ринулись на нас. Я схватил за поводья лошадь Наполеона и сам повернул ее. «Но ведь это же наши!» — «Нет, это казаки; торопитесь». — «А ведь и в самом деле это они», — заметил Бертье. «Вне всякого сомнения», — добавил Мутон. Наполеон отдал несколько приказаний и уехал, я же двинулся вперед во главе эскадрона. Нас смяли; моя лошадь получила глубокий удар пики и опрокинулась на меня; варвары эти затоптали нас. По счастью, они заметили в некотором расстоянии артиллерийский парк и бросились к нему. Маршал Бессьер¹³¹ успел прискакать с конными гвардейскими гренадерами: он атаковал казаков и отбил у них фургоны и орудия, которые они увозили. Я встал на ноги, меня посадили на седло, и я доехал до бивака. Наполеон, увидев мою лошадь в крови, выразил опасение, не ранен ли я снова, и спросил меня об этом. Я ответил, что отделался несколькими контузиями. Тогда он стал смеяться над нашим приключением, которое, однако, я вовсе не находил забавным.

Зато я вполне был вознагражден в приказе, изданном по случаю этого дела. В нем император осыпал меня похвалами, и я никогда не испытал большего удовлетворения, чем при чтении тех лестных отзывов, которые он делал обо мне. «Генерал Рапп, — значилось в приказе, — потерял в этой стычке лошадь, которая была под ним убита. Неустрашимость, доказательства которой этот генерал давал неоднократно, сказывается при всяком случае». С гордостью повторяю я похвалы этого великого человека — я никогда их не забуду.

Мы вернулись на поле битвы: Наполеон пожелал осмотреть эти места, где так прославил себя принц Евгений. Он признал позицию русских великолепной; удивился, что они позволили выбить себя из нее; по виду трупов определил, что ополченцы были здесь перемешаны с линейными войсками и что если бились они и неумело, зато с отвагой шли в бой. Неприятельская армия отошла за несколько верст по дороге к Калуге и заняла позиции.

Отступление было отрезано: мы бросились направо, к Верее; мы пришли туда рано на следующий день и за-

ночевали там. В этом-то городе Наполеон узнал, что Кремль был взорван. Генерал Винценгероде¹³² не мог сдержать своего нетерпения; он рискнул вступить в эту столицу, прежде чем наши войска очистили ее; они отрезали его; он попытался уверить их, что явился завязать переговоры. Он родился на территории Рейнского союза¹³³ и не опасался попасть в плен и тем не менее все-таки сделался пленником, несмотря на белый платок, которым он размахивал. Наполеон призвал его к себе и, с гневом обрушившись на него, обошелся с ним презрительно, назвал его изменником и пригрозил ему за это наказанием. Он даже сказал мне, что нужно назначить комиссию, чтобы тотчас же судить этого *господина*; он приказал отборным жандармам увести его и посадить в одиночное заключение. Винценгероде несколько раз пытался оправдаться, но Наполеон не захотел его слушать. В русской армии существовало мнение, будто этот генерал держал себя мужественно и наговорил императору очень резких вещей, но это не так. Лицо его было тревожно; все в нем свидетельствовало о той растерянности, какую вызвал в нем гнев Наполеона. Все мы пытались успокоить императора; король Неаполитанский, в особенности же герцог Виченцкий давали ему понять, какие неприятные последствия при существующем положении вещей могло бы иметь насилие по отношению к человеку, скрывавшему свое происхождение под званием русского генерала; военного совета не состоялось, и дело на том и кончилось. Что касается нас, то Винценгероде не приходилось жаловаться на наши отношения к нему: его положение всем нам внушало сочувствие. К адъютанту его отнеслись с большой благожелательностью. Наполеон спросил его о фамилии. «Нарышкин», — ответил молодой офицер. «Нарышкин! Когда носишь такое имя, не годится быть адъютантом перебежчика». Мы были чрезвычайно огорчены такого рода недостатком уважения и всевозможными средствами постарались заставить генерала забыть это.

РАПП

НА СТАРУЮ СМОЛЕНСКУЮ ДОРОГУ

Отступление должно было происходить по одной дороге. Русской армии, занимавшей фланговое положение, предстоял более короткий путь, наперерез фран-

цузской армии, прямо на Вязьму, Смоленск, Красное и Копысь. Не подлежало поэтому никакому сомнению, что французская армия будет подвергаться сильнейшему беспокойству и даже серьезным нападениям. Кавалерия ее имела в своих рядах всего 15 000 коней; лошади были уже заморены и по прошествии двух недель (их) насчитывалось едва 5000. С такими ничтожными силами нужно было производить разведки и в то же время прикрывать фланги и огромные обозы.

Пехота была силою от 60 до 65 тысяч штыков. Но что она могла предпринять против неприятеля, который, действуя на более короткой операционной линии, имел возможность атаковать отдельные корпуса в голове и хвосте растянувшейся армии и войска которого по мере ослабления противника должны были становиться все смелее. Если бы было взято направление на Ельню, то русские могли бы нападать только с тыла и французская армия не находилась бы под постоянной угрозой фланговых атак, из которых каждая могла быть губительной.

Выйдя на Большую Смоленскую дорогу, Наполеон все время двигался по ней. Все его внимание было сосредоточено на том, чтобы возможно скорей пройти разоренную войной страну. Чтобы облегчить движение и избежать скоплений, он разделил свою армию на 4 корпуса, которые следовали один за другим в расстоянии в полперехода. Со своей гвардией он открывал марш, за ним в последовательном порядке шли корпуса Нея, вице-короля и Даву. На последний корпус были возложены обязанности арьергарда.

Кутузов бросил вслед отступающей армии своих казаков и авангард силою в 25 000 чел. под командой генерала Милорадовича¹³⁴, который настиг французский арьергард под Гжатском. Главные русские силы направились напрямки на Вязьму с очевидным намерением отрезать под этим городом путь отступления французской армии.

Однако удалось предупредить русских в Вязьме. Император проследовал с гвардией через город, но приказал Нею остановиться и встретить корпуса вице-короля и Даву.

Избегнув угрожавшей опасности, армия продолжала отступление на Смоленск.

Как идти туда — через Калугу, Медынь или Можайск? Наполеон сидел перед столом, опершись головой на руки, которые закрывали его лицо и отражавшуюся, вероятно, на нем скорбь.

Никто не решался нарушить этого тягостного молчания, как вдруг Мюрат, который не мог долго сосредоточиться, не вынес этого колебания. Послушный лишь внушениям своей пламенной натуры и не желая поддаваться такой нерешительности, он воскликнул в одном из порывов, свойственных ему и способных разом или поднять настроение, или ввергнуть в отчаяние: «Пусть меня снова обвинят в неосторожности, но на войне все решается и определяется обстоятельствами. Там, где остается один исход — атака, всякая осторожность становится отвагой и отвага — осторожностью. Остановиться нет никакой возможности, бежать опасно, поэтому нам необходимо преследовать неприятеля. Что нам за дело до грозного положения русских и их непроходимых лесов? Я презираю все это! Дайте мне только остатки кавалерии и гвардии — и я углублюсь в их леса, брошусь на их батальоны, разрушу все и вновь открою армии путь к Калуге».

Здесь Наполеон, подняв голову, остановил эту пламенную речь, сказав: «Довольно отваги; мы слишком много сделали для славы; теперь время думать лишь о спасении остатков армии».

Тут Бессьер, потому ли, что его гордость оскорблялась при мысли о необходимости подчиниться Неаполитанскому королю, или потому, что ему хотелось сохранить неприкосновенной гвардейскую кавалерию, которую он сформировал, за которую отвечал перед Наполеоном и которая состояла под его начальством, — Бессьер, чувствуя поддержку, осмелился прибавить: «Для подобного предприятия у армии, даже у гвардии не хватит мужества. Уж теперь поговаривают о том, что не хватает повозок, и что отныне раненый победитель останется в руках побежденных, и что, таким образом, всякая рана смертельна. Итак, за Мюратом последуют неохотно и в каком состоянии? Мы только что убедились в недостаточности наших сил. А с каким неприятелем нам придется сражаться? Разве не видели мы поля последней битвы, не заметили того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?» Маршал закончил свою

речь, произнеся слово «отступление», которое Наполеон одобрил своим молчанием.

Тотчас же принц Экмюльский заявил, что если отступление решено, то нужно отступать через Медынь и Смоленск. Но Мюрат прервал Даву и не то из враждебности, которую он к нему питал, не то от досады за его отвергнутый отважный план с изумлением сказал: «Как можно предлагать императору такой неосмотрительный шаг? Разве Даву поклялся погубить всю армию? Неужели он хочет, чтобы такая длинная и тяжелая колонна потянулась без проводников по незнакомой дороге, под боком Кутузова, подставляя свое крыло всем неприятельским нападениям? Уж не сам ли Даву будет защищать армию? Зачем, когда позади нас Боровск и Верея безопасно ведут к Можайску, мы отклоним этот спасительный для нас путь? Там должны быть заготовлены съестные припасы, там все нам известно, и ни один изменник не собьет нас с дороги».

При этих словах Даву, весь пылая гневом и с трудом сдерживая себя, отвечал: «Я предлагаю отступать по плодородной почве, по нетронутой дороге, где мы сможем найти пропитание в деревнях, уцелевших от разрушения, по кратчайшему пути, которым неприятель не успеет воспользоваться, чтобы отрезать нам указываемую Мюратом дорогу из Можайска в Смоленск; а что это за дорога? Песчаная и испепеленная пустыня, где обозы раненых, присоединившись к нам, прибавят нам новые затруднения, где мы найдем лишь одни обломки, следы крови, кости людские и голод! Впрочем, я высказываю свое мнение, потому что меня спрашивают, но я с меньшим рвением буду повиноваться приказаниям, хотя бы и противоречащим моему мнению; но только один император может заставить меня замолчать, а уж никак не Мюрат, который никогда не был моим государем и никогда им не будет?»

Ссора усиливалась, вмешались Бессьер и Бертье. Император же, по-прежнему погруженный в задумчивость, казалось, ничего не замечал. Наконец он прервал свое молчание и это обсуждение следующими словами: «Хорошо, господа, я решу сам!»

Он решил отступать... по той дороге, которая даст возможность скорее удалиться от неприятеля. Но ему нужно было вынести страшную борьбу с собой, для того чтобы он смог заставить себя решиться на такой

небывалый для него шаг. Это решение было так мучительно, так оскорбляло его гордость, что он лишился чувств. Те, которые тогда ухаживали за ним, рассказывали, что донесение о новом дерзком нападении казаков возле Боровска, в нескольких верстах позади армии, было последним и слабым толчком, который заставил императора окончательно принять роковое решение — отступить.

Замечательно то, что он приказал отступить к северу в ту минуту, когда Кутузов со своими русскими, еще потрясенными схваткой при Малоярославце, отступал к югу.

СЕГЮР

Сражение при Малоярославце открыло нам две истины, обе очень печальные: первая — что силы русских не только не были истощены, но, напротив, они даже получили в подкрепление несколько свежих отрядов и сражались с таким ожесточением, что мы должны были отказаться от надежды на какой-либо успех. «Еще одна такая победа,— говорили солдаты,— и у Наполеона не будет больше армии». Вторая истина была та, что мы должны были отказаться от похода на Калугу и Тулу, и этим мы теряли последнюю надежду на более спокойное отступление, так как неприятель, опередив нас после этого сражения, не только мешал нашим колоннам отступать по дороге через Серпейск и Ельню, но также и не давал нам достичь до Вязьмы через Медынь и Юхнов, предоставляя нам, таким образом, печальную необходимость вернуться к Можайску.

После этого памятного сражения все, кто привык судить по виду и народной молве, думали, что войска отправятся на Калугу и Тулу, и были очень удивлены, увидев сильный авангард неприятеля, который, вместо того чтобы идти по тому же направлению, опередил наш правый фланг, направляясь к Медыни. Все опытные военные поняли, что русские разгадали план Наполеона и нам необходимо было, для того чтобы опередить неприятеля, идти ускоренным маршем на Вязьму. С этих пор всякий разговор о Калуге и Украине прекратился и говорили только о быстром отступлении по Большой Смоленской дороге, опустошенной нами самими. Как только наше отступление было решено, четвертый корпус двинулся первым, оставив в Малоярославце весь первый

корпус и дивизию кавалерии генерала Шастеля; эти войска должны были составлять арьергард и двигаться за нами на расстоянии одного дня.

По дороге мы увидели, к чему привела нас печальная и памятная победа в Малоярославце. Кругом попадались только покинутые муниционные повозки, так как не было лошадей, чтобы их везти. Виднелись остатки телег и фургонов, сожженных по той же самой причине. Такие потери с самого начала нашего отступления невольно заставляли нас представлять себе будущее в самых темных красках. Тот, кто вез с собой добычу из Москвы, дрожал за свои богатства. Мы все беспокоились, видя плачевное состояние остатков нашей кавалерии, слыша громовые удары взрывов, которыми каждый корпус уничтожал свои повозки. В ночь на 26 октября мы подошли к Уваровскому и были удивлены, увидев село все в огне. Мы захотели узнать причину этого. Нам сказали, что был отдан приказ сжигать все находившееся на нашей дороге. В этом селе был деревянный дом, напоминавший по своей величине и великолепию самые красивые дворцы Италии. Богатство его отделки и мебелировка соответствовали красоте его архитектуры. Там можно было найти картины лучших художников, очень дорогие канделябры и массу хрустальных люстр, благодаря которым дом во время полного освещения получал волшебный вид. Но все эти богатства не пощадили, и мы узнали на следующий день, что наши солдаты не захотели просто поджечь дом, находя этот способ чересчур медленным, а предпочли подложить в нижний этаж бомбы с порохом и взорвали его. Теперь мы видели горящими все села, в домах которых мы несколько дней тому назад отдыхали. Их теплый еще пепел, разносимый ветром, прикрывал трупы солдат и крестьян, повсюду валялись трупы детей с перерезанными горлами, лежали трупы девушек, убитых на том же самом месте, где их изнасиловали. Мы миновали Боровск, оставшийся от нас вправо и сделавшийся также жертвой пламени, и направились к Протве с надеждой отыскать брод для переправы артиллерии. Мы нашли таковой выше города, и хотя он был очень неудобен, но все наши войска должны были пройти через него. Много повозок завязло в реке и так загородило переход, что пришлось искать нового брода. Сделав рекогносцировку, я узнал, что Боровский мост еще существует, благодаря чему получалось большое облегчение при переправе багажа

армии. Сейчас же тринадцатая дивизия, шедшая во главе войска, получила от принца приказ возвращаться, и вслед за ней двинулись наши корпуса, найдя благодаря мосту лучшую и кратчайшую дорогу. Представлялась единственная опасность провезти наши муниционные повозки по городу, все дома которого горели. Наши экипажи проехали посреди этого обширнейшего пожара без всяких приключений. С большими трудностями вечером мы наконец достигли маленькой деревушки Алферово (27 октября), где даже не все дивизионные генералы могли найти себе хотя бы сарай. Помещение, в котором расположился сам вице-король, было так ужасно, что можно было пожалеть несчастных крестьян, принужденных в нем жить. Ко всем несчастьям, недостаток в пище еще увеличивал наши мучения. Провизия, взятая из Москвы, приходила к концу, каждый дрожал над своим провиантом и старался уединиться, чтобы съесть кусок добытого им хлеба. Наши лошади также страдали. Скверная солома, снятая с крыш домов, была их единственной пищей. Они изнемогали от усталости, и их смертность была так велика, что артиллерии приходилось бросать свои повозки, и с каждым днем все чаще и чаще приходилось слышать грохот от взрывов зарядных ящиков.

Наполеон, который шел впереди нас на расстоянии дня, прошел уже Можайск и заставлял сжигать и разрушать все попадавшееся на его пути. Солдаты его свиты доводили это разрушение до того, что поджигали даже те места, где последующие войска должны были останавливаться, и подвергали нас благодаря этому многим лишениям. Наш отряд в свою очередь сжигал оставшиеся целыми дома и таким образом лишал убежища князя Экмюльского, шедшего в арьергарде. Не говоря уж об этих лишениях, арьергарду приходилось еще бороться с ожесточенным врагом, который, узнав о нашем отступлении, появлялся со всех сторон, желая удовлетворить свою месть. Пушечные выстрелы, раздававшиеся каждый день на очень близком расстоянии от нас, ясно доказывали нам, что арьергарду приходилось употреблять невероятные усилия, чтобы сдержать неприятеля.

Наконец, пройдя 29 октября сожженный городок Борисов, мы вступили час спустя в местность, разрушение которой, очевидно, произошло уже раньше. Кругом лежали трупы людей и лошадей. При виде нескольких

наполовину разрушенных окопов и, главным образом, увидев разрушенный город, я узнал окрестности Можайска, по которым мы еще так недавно проходили победителями. Вестфальцы и поляки ночевали на развалинах города, и, прежде чем уйти, они подожгли дома, уцелевшие от первого пожара. Домов осталось так мало, что свет от пожара был едва заметен. Единственное, что нас поразило, это был контраст черных развалин, от которых шел густой черный дым, с белизной недавно построенной колокольни — лишь она одна сохранилась, и часы на ней продолжали бить, хотя города уже не существовало.

Армия не проходила через Можайск. Выбирая более или менее удобные дороги, мы прибыли на место Красного, где мы когда-то расположились лагерем на другой день после московского сражения. Я говорю «на место Красного», так как село исчезло и сохранился только дом Наполеона. Мы расположились вокруг дома. Никогда не забуду, как мы, окопавшиеся от холода, с наслаждением ложились на теплый пепел сожженных накануне домов.

30 октября. Чем дальше мы подвигались, тем картина становилась все печальнее. Все поля, истоптанные тысячами лошадей, казалось, никогда не были обрабатываемы. Вырубленные солдатами леса также пострадали от всего этого ужасного разрушения, но что было самое ужасное, так это вид мертвых тел, которые, лишенные погребения в продолжение пятидесяти двух дней, едва сохранили человеческий облик. Около Бородина мой ужас дошел до величайших размеров, когда я увидел на том же самом месте убитых во время битвы двадцать тысяч человек, разложению которых помешал мороз; вся равнина была ими покрыта. Повсюду виднелись остовы лошадей и наполовину покрытые землей трупы, там лежали окровавленные одежды и кости, обглоданные собаками и хищными птицами, здесь валялись обломки ружей, барабанов, каски, фуражки; здесь же можно было найти лоскуты знамен, и по эмблемам, нарисованным на них, можно было судить, как пострадал московский герб в этот кровавый день.

Наши солдаты, обходя театр своих подвигов, с гордостью указывали места, где сражались их полки, и все вспоминали на каждом шагу разные доблестные поступки, возбуждающие нашу национальную гордость. С одной стороны они указывали на кутузовскую из-

бушку, дальше, с другой стороны — на знаменитый редут, высившийся над всем: теперь он, похожий на пирамиду, возвышался среди пустынной равнины. Вспоминая его, каким он был раньше, и видя его теперь, он казался мне Везувием в спокойном состоянии. Я заметил на его вершине какого-то военного, и издали его неподвижная фигура напоминала мне статую. «Ах,— сказал я,— если бы надо было воздвигнуть памятник богу войны, то его следовало бы поставить только на таком пьедестале». Когда мы проходили по полю сражения, мы услышали вдалеке крики какого-то несчастного, зовущего на помощь. Сжалившись над его жалобными стонами, несколько человек направились к нему и, к своему удивлению, увидели на земле французского солдата с раздробленными ногами. «Я был ранен,— сказал он,— в день этой великой битвы, но так как я лежал в стороне, то меня никто не заметил и не пришел ко мне на помощь. С тех пор,— добавил несчастный,— я кое-как дотащился до ручья и питался травами, корнями и несколькими кусками хлеба, найденными мною на трупах. Ночью я ложился в брюхо мертвых лошадей, и их свежая кожа залечила мои раны лучше всяких лекарств. Сегодня, увидев вас издали, я собрал все свои силы и пополз поближе к дороге, чтобы вы услышали мой голос». Пораженные этим рассказом, мы все выражали свое изумление, и один из генералов, узнав об этом трогательном случае, велел поместить несчастного в свою карету.

Мой рассказ был бы ужасно длинен, если бы я стал описывать все бедствия во время этой ужасной войны, но, чтобы охарактеризовать их, я расскажу только о трех тысячах пленников, которых мы вели из Москвы. Во время всего пути их огораживали, как скотину, и ни под каким видом они не смели выступить из узкого пространства, отведенного им. Без огня, умирая от холода, они ложились прямо на снег; чтобы утолить ужасный голод, они с жадностью накидывались на конину, которую им раздавали, и, не имея ни времени, ни возможности варить ее, съедали сырую. Меня уверяют, но я не хочу даже этому верить, что когда раздача конины прекратилась, то многие из этих пленников ели мясо своих товарищей, которые не выдержали всех этих лишений. Но отвернемся лучше от этих ужасных картин и будем продолжать наш рассказ о тех ужасах, которые вскоре пришлось перенести нашим братьям и друзьям...

ЛАБОМ

29 октября вечером мы прибыли в Можайск. Все дома еще наполнены мертвецами. Порывшись между ними, мы нашли среди них несколько таких, которые, прежде чем умереть, изгрызли себе руки, так как раны не позволяли им выбраться из дома. Узнают, между прочим, тело капитана 30-го полка, который, обглодав до кости свою руку, все еще держит ее у рта.

30-го мы вновь пускаемся в путь. Но сзади на нас нападают тучи казаков, беспрестанно тревожащих нас. Мы не можем сделать и тысячи шагов без того, чтобы не обернуться лицом к неприятелю, но не стреляли, так как одного этого движения достаточно для того, чтобы заставить этих бешеных людей обратиться в бегство. Они приближаются к нам на расстояние ста шагов и оглушают нас своим «ура!». Кое-когда мы стреляем в них из пушек. 31-го, приближаясь к деревне К..., они соединяются в громадном количестве и атакуют наш корпус. Мы их отбрасываем, уложив несколько человек и забрав пять повозок.

1 ноября те же казаки хотят нас остановить перед мостом через Гжать, но они не могут нам помешать переправиться через реку, и мы располагаемся биваком на холмах перед городом. После медленного и тяжелого перехода в 25 верст по снегу, вплотную покрывающему землю, мы не имеем ни соломинки для ночлега и не можем развести огня вследствие сильного ветра, задувающего огонь при попытке зажечь его.

Французы проклинают свою горькую судьбу и нетерпеливо ждут восхода солнца, чтобы пуститься в путь, не подкрепясь хотя бы и скудной пищей...

ФРАНСУА

К этому времени (1 ноября) положение армии было ужасно! Что касается меня, то после выступления из Москвы, несмотря на две огнестрельные раны в левой ноге и несколько других, еще не зарубцевавшихся ран, я шел все время пешком, причем моя правая нога была обута в сапог, а левая — в стоптанный башмак; но, подобно всем своим братьям по оружию, я предвижу столько бедствий впереди, что и не думаю о лечении ран: я их не перевязываю более, и моя онемевшая нога движется чисто механически. Мои лошади везут еще кое-какие съестные припасы, но кормить их нечем,

кроме как гнилыми листьями, добываемыми из-под снега. Нет ни одного солдата, которого бы не ужасало его будущее. Мы находились в тридцати милях от Москвы, среди опустошенной страны, где мы сражались не иначе, как при свете пожаров. Солдат, который в былые времена делил кусок хлеба со своим товарищем, имея теперь только самую скудную пищу, тщательно прячет то немного, что у него есть. Лошади, столь полезные для перевозки съестных припасов, от недостатка корма так ослабли, что их требуется от восьми до пятнадцати штук для перевозки одного орудия. Они питаются древесной корой или мхом и лишь изредка получают гнилую солому на стоянках армии. Неудивительно, что ежедневно гибнут тысячи лошадей. Приходится взрывать артиллерийские повозки, сжигать фургоны и разбивать или заклепывать орудия, не имея возможности везти их дальше. Эта печальная обязанность падает на нашу долю, так как мы идем в арьергарде. Военные снаряды исчезают на наших глазах ужасающим образом.

К столь многочисленным бедствиям (зловещие подробности, которые вовлекут меня в повторения, почти неизбежные в рассказе и простительные для солдата) следует присоединить еще сонмы казаков и вооруженных крестьян, которые окружают нас. Дерзость их доходит до того, что они пробиваются сквозь наши ряды, похищая ломовых лошадей и фургоны, которые они считают богато нагруженными. У наших солдат нет силы противиться этим похищениям. Тех, кто удаляется с дороги с целью грабежа, убивают крестьяне. Есть и такие, которые покидают ряды нарочно для того, чтобы быть убитыми или захваченными в плен казаками; но даже казакам их больше не нужно, и последние если не убивают их, то довольствуются тем, что грабят их, раздевая донага. Эти несчастные с отчаяния бросаются в леса или в болота. Там они находят конец всем своим бедствиям, не имея более сил догнать армию. Никто уже не помышляет о том, чтобы сохранить драгоценности, добытые на развалинах пылающей Москвы: каждый думает лишь о том, чтобы не умереть с голоду. С каждым днем становится все холоднее, и вскоре мороз должен соединиться с голодом, чтобы уничтожить нашу армию, эту армию, которая была столь прекрасною при переходе через Неман! Многочисленные лишения деморализуют солдат, которые идут, не смотря перед собою, и с полным безразличием толкают как генералов, так и своих то-

варишей. У всех блуждающий вид. Все одеты в более или менее дорогие меха, благодаря чему оказывается большое разнообразие костюмов, из которых один кажется причудливее другого. Как узнать в них людей, полгода тому назад заставлявших дрожать Европу?

Что касается меня, я вооружен... костью, в розовой шубе на горностаевом меху, с капюшоном на голове, рядом со своим верным денщиком и двумя лошадьми, которые идут за нами шаг за шагом, несмотря на то что мы им предоставили свободу. Мы с трудом следуем за большей частью остатков полка.

При недостатке съестных припасов мы едим лошадей, трупы которых окаймляют нашу дорогу; но, находясь в арьергарде, мы зачастую встречаем лишь остатки этих животных, часть которых уже съедена идущими впереди нас. Счастливец, кто может добыть себе хотя бы это!

Конина служила мне единственной пищей до самой Вильны, если не считать фунта овсяного хлеба, проданного мне одним гвардейцем за двадцать франков.

Я ем это мясо в полусыром виде, так что жир и кровь капают на меня с подбородка до колен, окрашивая мою одежду в красный и желтый цвет. Прибавьте к этому еще длинную бороду, каждая волосинка которой заканчивается тоненькой льдинкой, лицо в копоти, жирные волосы, скрытые под капюшоном моей розовой шубы, шитой золотом, — и вы получите мой портрет. Несмотря на свое тяжелое состояние, я иногда смеялся, когда, бывало, вздумая рассматривать своих собратьев по оружию, у которых был по меньшей мере столь же смешной вид.

Количества лошадиных трупов вскоре неостанет даже и для трех четвертей голодной армии. Эту пищу, следовательно, могут добывать себе только те, у кого сохранилось хоть немного храбрости.

Солдаты, у которых нет ни ножа, ни сабли или которые отморозили себе руки, не могут воспользоваться даже и этой пищей. Однако я видел и таких, которые, либо стоя на коленках, либо сидя, словно бешеные волки, глодали эти обнаженные остовы... Благодаря моему доброму и верному солдату я не дошел до подобной крайности: я располагал ежедневно двумя-тремя фунтами конины, правда полусырой и без соли, но я рад был и этому. Моим напитком был снег, растопленный в кастрюле, которую тщательно хранил денщик. Несмотря на всеобщую деморализацию, остаток гуманного

чувства не позволяет убивать верховых лошадей раненых. Я храню своих лошадей для перевозки провианта, но сам не сажусь на них, так как каждый, кто вздумает ехать, как бы он ни был одет, может быть уверен, что через несколько часов замерзнет.

Такова картина нашей армии в первых числах ноября. Но если столько приходится страдать людям, которых пощадил климат и которым удалось ускользнуть от случайности войны, то что сказать мне о положении больных и раненых?

Сваленные в кучу как попало, на телегах, запряженных лошадьми, падающими от усталости и голода, покидаемые на биваках и по дороге, эти несчастные умирают в конвульсиях отчаяния или сами полагают предел своим страданиям, когда у них хватает силы покончить с собой...

Товарищи и друзья этих жертв глухи к их стонам и воплям или намеренно отворачиваются, чтобы не видеть их...

Бедствия уничтожают всякое чувство дружбы; одиноко царит лишь инстинкт самосохранения, и самый черствый эгоизм пришел на смену нежного чувства братства по оружию, трогательные примеры которого французы давали до сих пор.

ФРАНСУА

ВЯЗЬМА — ДОРОГОБУЖ

Подле Вязьмы, 3 ноября. Ночь со 2 на 3 ноября — ночь самая ужасная из всех!

Предупрежденный о приближении неприятеля, вице-король отправил обозы ночью. Мы снимаемся до рассвета и двигаемся по направлению к Вязьме; корпус Понятовского нам предшествует; в восемь часов мы проходим деревню Максимово; Даву следует за нами, но на некотором расстоянии.

Вдруг значительный отряд казаков вылетает на большую дорогу и мгновенно отрезывает нас от корпуса Понятовского; королевская гвардия, находящаяся сегодня в авангарде, немедленно их рассеивает; но в то же время кавалерия неприятельского авангарда атакует левый фланг наших последних колонн и старается им отрезать дорогу. Гвардия выстраивается тогда колонной, идет на них в штыки и освобождает наших товарищей.

Между тем позади дело обстоит не так благополучно. Даву, который еще не прошел Федоровского, был атакован значительными силами. Вице-король, уведомленный об опасности, которая ему угрожает, заставляет наши колонны отступить, собирает их в отряд и спешно двигает их на помощь маршалу. Понятовский тоже возвращается и занимает позицию перед Вязьмой, влево от дороги. Небольшое количество кавалерии, которым мы еще располагаем, стоит вправо от поляков.

Вице-король, видя, какие силы русские выдвинули против Даву, чтобы отрезать его от нас, продолжает двигать назад дивизионы до деревни Мясоедово и занимает высоты, стремясь зайти в тыл левому крылу Милорадовича. Артиллерия занимает позиции, и наши стрелки под прикрытием изгороди атакуют неприятельские ряды.

В то же время главная часть армии Даву начинает действия, чтобы пробить себе дорогу.

Итальянские стрелки постепенно достигают русских центральных батарей и едва не овладевают ими. Подбегают неприятельские канониры и быстро их увозят. Вице-король отправляет тогда колонну пехоты через кусты в левый фланг русских. Вынужденные отражать нападение сзади, атакуемые со всех сторон, эти последние покидают свои позиции на дороге; сообщение между нами и Даву восстановлено.

Тем не менее все единогласно стояли за то, чтобы отойти к Вязьме. В то время как мы намечали этот план действий, канонада русских возобновляется и становится очень оживленной. Мы храбро сопротивляемся, но корпус Даву, деморализованный усталостью и всякого рода лишениями, которые ему приходилось переносить со времени выхода из Малоярославца, уже не держит себя так блестяще, как за все время кампании. Неприятель это замечает, становится отважнее и усиливает артиллерийский огонь. С нашей стороны дурное состояние наших лошадей задерживает движение артиллерии. Убежденный в своем превосходстве, Милорадович делает еще одно сильное нападение, стараясь обхватить оба наши крыла. Но итальянские стрелки, баварцы и польские уланы (хотя лошади под последними и были очень плохи) решительно устремляются навстречу русским и обращают их в бегство.

Наконец главным образом благодаря нашей кавалерии пехота достигает высот, защищающих Вязьму, и располагается на них в следующем порядке.

Итальянская армия, состоящая приблизительно из 13 000 человек, стоит перпендикулярно к почтовой дороге, причем большая часть ее расположена по правую, а меньшая — по левую сторону, образуя на левом фланге крюк, чтобы стоять лицом к лицу с казаками, которые нас окружают. Левое крыло Даву, дивизии которого могут выставить всего от 11 000 до 12 000 человек, соединяется с правым крылом итальянской армии. Правое крыло Даву доходит до Нея (приблизительно 6000 человек), который выставил бригаду, чтобы поддержать первый корпус. Таким образом, боевая линия Даву образует очень острый угол с почтовой дорогой. 3500 человек Понятовского и 3000 оставшихся от 1-го и 3-го кавалерийских корпусов занимают свои прежние места на второй линии.

Холод увеличивается, истощение солдат, еще ничего не евших, таково, что многие падают в обморок; другие почти не в состоянии нести оружие, но тем не менее желают боя, чтобы согреться, а может быть, надеются найти смерть, которая избавит их от этой долгой агонии. Среди командующих ими офицеров встречаются многие с рукой на перевязке или забинтованной головой. Одни ранены еще под Москвой, другие под Малоярославцем.

Все стараются поднять мужество у наиболее отчаявшихся из солдат.

Три французских корпусных командира, войска которых были в деле, стояли на возвышенности около королевской гвардии, вправо от почтовой дороги, и старались на этом пути сосредоточить свои действия; в это самое время русские колонны вдруг начали атаку. Стрельба вспыхнула по всей линии с необыкновенной силой. Наконец в 5 часов вечера русские, утомленные таким упорным сопротивлением, прекращают атаку, и наши войска продолжают отступление.

Ней составляет авангард; город в огне, и русский генерал (Чолоков) входит в него с барабанным боем и развевающимися знаменами. Вязьма разделяет обе армии...

По пути к Дорогобужу, 5 ноября. В половине второго ночи вице-король нашел нужным, прикрываясь темнотой, сделать отступление и опередить немного русских. Мы идем ошупью по большой дороге, загроможденной повозками и артиллерией. Останавливаемся на каждом шагу. Слабость, результаты всевозможных лишений, так

как едим только немного жареной конины, отсутствие отдыха заставляют еще сильнее чувствовать всю суровость погоды. Многие страдают от холода еще больше, чем от голода, и выбывают из строя, чтобы погреться около какого-нибудь большого костра. Но когда настает время уходить, эти несчастные предпочитают попасть лучше в руки неприятеля, чем продолжать свой путь.

ЛОЖЬЕ

За два перехода до Смоленска в армии были получены изготовленные в Париже ручные мельницы. Они должны были возместить недостаток в других каких-либо мельницах. Не имея возможности молоть муку, солдаты вынуждены были питаться распаренным ячменем, что вызывало сильную болезненность и убыль в рядах. В Смоленске надеялись найти продовольствие, удовлетворительные квартиры и восстановить порядок. На дороге в Ельню, по которой лежал путь армии, должна была бивакировать дивизия Бараге д'Илье¹³⁵, пришедшая из Франции и приведшая с собой подкрепления во все корпуса. Рассчитывали, что вид дисциплинированных и находящихся в полном порядке солдат поднимет дух ветеранов и побудит их не покидать своих мест в рядах. Кроме того, рассчитывали на твердость Нея и его арьергарда, которая должна была дать возможность выиграть время, необходимое для реорганизации армии. Множество неодолимых препятствий разрушили все эти шаткие расчеты и обманчивые надежды.

Кутузов предоставил казакам преследовать армию с тыла. Сам же с главными силами двигался в стороне от большой дороги. Этот маневр был им замечательно правильно рассчитан: с одной стороны, его армия, проходя по менее опустошенной местности, терпела меньше убыли; с другой — он держал французскую армию под постоянной угрозой обогнать ее и отрезать путь отступления. Вследствие последнего обстоятельства французская армия была вынуждена форсировать марш и двигаться без малейшего отдыха.

ЖОМИНИ

31 <октября>. Император надел меховую шапку, зеленую шубу. Мы делаем десять миль и приходим в Вязьму, почти совершенно сожженную. Находим там восемь

эстафет, их не хотели отправлять дальше по причине казаков и вооруженных крестьян. Никогда никому не придется идти столь длинным путем, усеянным трупами, как тот, которым прошли участники этого похода; трупы видны по всем закоулкам, на всех дорогах, свежие и разложившиеся. Погода холодная, но сухая; артиллерия и повозки подвигаются легко. Фураж можно найти в 4 верстах от большой дороги. Я ночую в сводчатой комнате вместе с моею лошадыю, Жиру и Шабо, у которого украли часы. Лошади отвязываются, мешают нам спать, в чем им помогает и холод.

1 ноября. Мои слуги все не показываются; у меня нет ни белья, ни меховых вещей.

2-е. Я остаюсь в Вязме до двух часов в ожидании моей повозки; она была впереди меня, и я ее не нашел дорогой; меня это очень беспокоит, так как казаки по своему обыкновению ежедневно по несколько раз бросаются на «ура!». Верст 12 я тащу за уздечку мою разбитую на ноги лошадь. В этом нет ничего утешительного, но также ничего и удивительного: биваки без корма не содействуют хорошему состоянию лошадей.

Князь Экмюльский подвергся нападению неприятеля и постепенно был принужден по частям бросать свою артиллерию за неимением лошадей. Неприятель отрезал его от 1-го корпуса, так что они пробились в штыки. Наша потеря достигает до трех или четырех тысяч человек ранеными, убитыми или плененными. Штаб-квартира императора перенесена в Семлево.

Я отлично высыпаюсь на соломе в комнате со всеми офицерами свиты. Мне тепло благодаря найденным женским шубам. У Шабо украли лошадь и чемодан; две из моих лошадей пали на пути.

3-е. Днем летняя жара, по ночам очень холодно. На лошадей большой спрос. Солдаты захватывают их; они поедают всех тех, которых им удастся зарезать.

Казаки захватывают экипажи и отставших; они беспрестанно кидаются на «ура».

5-е. У меня пала еще одна лошадь. Это уже четвертая с начала похода.

1-й и 3-й кавалерийский корпус имеют вместе двести лошадей; во 2-м еще осталось тысяча триста; отряд Тибурция Себастиани, составляющий часть 11-го стрелкового полка, состоит из четырех человек.

6-е. Мы выступаем в восемь часов утра и в полдень достигаем Михайловки. Впервые устанавливается снег.

5-й корпус, состоящий из поляков, насчитывавших в начале кампании двадцать восемь тысяч человек, выделил дивизию Домбровского¹³⁶ в девять тысяч человек; из девятнадцати тысяч оставшихся под знаменами имеется семьсот человек. Остальных нельзя считать всех погибшими: многие отбились от армии и пробираются небольшими партиями.

Этот корпус при вступлении в Москву имел четыре тысячи человек.

7-е. Император установил свою штаб-квартиру за одну милю по ту сторону Днепра; так как я дежурный, то меня оставляют в Михайловке с поручением доставить известия об авангарде. Идет сильный снег. Прибывает генерал Маршан со своей вюртембергской дивизией, имевшей в начале кампании тринадцать тысяч человек, а теперь — четыреста пятьдесят. Генерал Фуше¹³⁷, командир артиллерии 3-го корпуса, в отчаянии: его лошади падают и не поднимаются, так что он вынужден побросать большое количество своих пушек. В три часа арьергарда все еще нет, и я отправляюсь в обратный путь, чтобы присоединиться к маршалу Нею. Целую милю я тащу за повод мою лошадь; благодаря гололедице она падает на каждом шагу, так что я вынужден отвести ее назад. Генерал Фуше приказывает своему кузнецу подковать ее; я снова отправляюсь в путь и в семь часов вечера присоединяюсь к корпусу маршала Нея, расположившегося на биваках в лесу за полмили от реки Уши; накануне он был на реке Осме, в 4 верстах перед Дорогобужем, где его войска очень страдали от холода. Солдаты — молодцами; едят только конину. Ропота не слышать, но генералы и солдаты имеют чрезвычайное желание отступить, так что в половине восьмого утра маршал, имевший намерение сохранить за собой позицию на реке Осме, оставил ее и направился в Дорогобуж, предпочитая делать вид, будто он ведет свои войска, а не наоборот. Герцог Эльхингенский предполагал остаться в Дорогобуже; не неприятель, а генералы и солдаты заставили его уйти оттуда. Он был атакован около одиннадцати часов двумя полками пехоты и казаками, которые являлись его неразлучными спутниками; битва длилась до трех часов; 4-й линейный полк произвел храбрую атаку и отбросил неприятеля. Маршал Ней получил две пули, застрявшие в его сюртуке; это очень мужественный человек, поразительной отваги, всегда с застрельщиками. Герцог Эльхинген-

ский — блестящая голова, опасность изощряет его способности; в момент, когда все теряются, он незаменим для армии. Император хотел бы, чтобы он расположился позициями на Днепре, но это оказалось невозможным вследствие разнузданного желания высших офицеров и солдат достигнуть Смоленска.

4-й стрелковый полк остался при двадцати лошадях; в 3-м корпусе распустили дивизию, сведенную к пятидесяти лошадям, хотя она была ему полезна при разведках. В течение дня заклепали четырнадцать пушек. Солдаты, которые едят только лошадей, заболели странной болезнью: у них вид пьяных, судорожные движения, они падают на землю, говоря: «У меня нет больше сил», и умирают. За сегодняшний день их осталось на дороге пятьдесят человек; на биваке, покинутом маршалом этим утром, умерло двести человек из его корпуса и отставших от других. Ужасно, когда приходится бросать раненых, не имеющих сил идти. Двухфунтовый хлеб продается за двадцать франков, и еще счастье, когда удастся его найти. Путь усеян павшими лошадьми.

Я отправляюсь в девять часов вечера, довольно хорошо пообедав небольшим количеством хлеба с адъютантом маршала на биваке среди снега и сосен. К обеду пригласили полковника, так как у него не было хлеба.

Я миную значительное количество биваков добровольцев (*amateurs*) — название, данное солдатам, идущим на свой риск и страх. В Михайловке я немного подкормил своего буцефала. Я отправляюсь при ужаснейшей снежной метели. Я беспрестанно падаю вместе с лошадью, так что вынужден почти все время идти пешком.

Сторожевые посты для обозначения помещения императора не были поставлены; я проезжаю мимо, делаю длинный и утомительный переход, пешком столько же, сколько и верхом, и наконец в восемь часов утра натываюсь на императорскую штаб-квартиру. По физическим страданиям это одна из самых жестоких ночей моей жизни.

8-е. Я отдаю отчет начальнику штаба — против своего обыкновения император приказал принцу Невшательскому выслушать меня по моем прибытии; Его Величество, вероятно, спал. Я постарался как можно ярче изобразить угнетенное состояние 3-го корпуса и передал

настоятельную просьбу маршала Нея о немедленной присылке продовольствия; вследствие этого 3-му корпусу отправили водки и несколько быков, взятых у гвардии.

ДНЕВНИК КАСТЕЛЛАНА

ПЕРЕД СМОЛЕНСКОМ

7 ноября. В то время как Наполеон шел к Смоленску, наши войска должны были двинуться к Витебску, и мы выступили из Дорогобужа. Как раз против города мы на плотках переправились через Днепр. Дороги обледенели, и запряженным лошадям приходилось очень трудно; измученные животные не могли больше везти повозок, и часто несколько пар лошадей были не в силах везти только одну пушку на самую ничтожную возвышенность. Мы хотели в этот день дойти до Заселья, но дорога была так плоха, что даже к утру следующего дня наши экипажи не достигли назначенного места. Масса лошадей и муниционных повозок были покинуты. В эту ночь солдаты без зазрения совести грабили фургоны и кареты. Вся земля кругом была покрыта чемоданами, платьем и бумагой. Масса вещей, вывезенных из Москвы и до сих пор припрятанных, появилась на свет божий. Ночью, около замка в Заселье, повторились сцены, виденные нами накануне. За исключением только солдат, увлекшихся грабежом карет, кругом виднелись люди, умиравшие от голода и холода, и несчастные лошади, которые, мучимые жаждой, били по земле копытами, стараясь пробить ледяную кору, чтобы под ней найти хоть немного воды. Наш багаж был настолько велик, что, несмотря на грабеж, у нас его все-таки оставалось много. Мы продолжали подвигаться вперед, радуясь, что покинули Смоленскую дорогу, и рассчитывая, что, направляясь по другому пути, менее пострадавшему от войны, мы найдем села, где сохранились дома и где можно будет укрыться от непогоды, что мы подкрепим там свои силы и найдем фураж для наших истощенных лошадей, но эта надежда не оправдалась. В селе Слобода, где мы остановились на ночлег, мы узнали опасные новости. Все здесь было разорено, и казаки бродили со всех сторон, забирая в плен, раздевая и убивая всех, кто по необходимости удалялся в сторону в поисках фуража. При таких тяжелых обстоятельствах генерал д'Антуар, военные способности которого уже не раз приносили нам много пользы, казалось, раздвоился: он находился во всех местах, где только бы-

ла опасность, он заставлял действовать нашу артиллерию на всех пунктах, где она только могла пройти, но, когда он проезжал по нашим передовым линиям, пушечное ядро попало ему в бедро, убив предварительно его вестового, стоявшего рядом с ним.

Вице-король, зная, что мы на следующий день должны были переходить реку Вошь, с вечера послал туда генерала Пуатевена¹³⁸ с несколькими инженерами, которые должны были приготовить необходимый для нашего перехода мост. Рано утром 9 ноября мы прибыли к этой речке, но каково было наше отчаяние, когда мы увидели всю армию... на берегу реки... <без> всякой возможности перейти ее. Саперы окончили мост, но поднявшаяся за ночь вода разрушила его, и теперь невозможно было ни использовать его, ни починить. Казаки, которых мы видели накануне, тотчас же приблизились к нам, как только узнали о нашем критическом положении. Нам уже были слышны выстрелы наших стрелков, старавшихся не допустить их до нас. Но все приближающийся к нам шум оружия ясно доказывал, что смелость русских при виде наших несчастий все увеличивалась. Вице-король, мужество которого возрастало во время опасностей, сохранил все хладнокровие, необходимое при таком отчаянном положении. Чтобы успокоить людей, испуганных появлением неприятеля больше, чем препятствиями со стороны Воши, он выслал новые отряды, которые удерживали неприятеля сзади и с боков нашего войска и этим давали нам возможность заняться переправой через реку.

Принц, видя необходимость, чтобы кто-нибудь из его свиты подал пример мужества и первый бы переправился через реку, поручил своему адъютанту Батейлю и своему ординарцу полковнику Дельфанти встать во главе королевской гвардии и перейти реку вброд. Эти храбрые, достойные всяких похвал офицеры с радостью ухватились за этот случай, чтобы доказать свою преданность, и они на наших глазах перешли со своими гренадерами реку вброд, причем вода доходила им по грудь и им пришлось пробираться между льдинами.

За ними двинулся вице-король со своим главным штабом, он сам следил за правильным исполнением его приказов во время этого опасного перехода. Затем последовали экипажи. Первые повозки и несколько орудий благополучно переправились на другой берег. Вошь была очень глубока, ее берега круты и обледенели бла-

годаря гололедице, так что единственный пункт, где можно было перейти, было то место, где на другом берегу прокопали всход. Но орудия сделали такие рытвины на дне, что не было никакой возможности их вытащить, и единственное доступное место брода так загромодилось, что не оказалось прохода для артиллерии и остальных повозок. Тогда отчаяние овладело всеми! Несмотря на все усилия удержать русских, они все-таки приближались. Всеобщая паника увеличила опасность! Река замерзла только наполовину, и повозки не могли проехать. Приходилось всем тем, у кого не было лошадей, решиться броситься вплавь. Такое положение было тем более плачевно, что нам приходилось покинуть сто орудий, огромное количество муниционных повозок, телег, фургонов и дрожек, на которых лежали остатки провизии, взятой нами из Москвы. Все решившиеся бросить свои повозки поспешно нагружали лошадей своими самыми драгоценными вещами. Как только кто-нибудь решал покинуть свою повозку, тотчас толпа солдат накидывалась на нее, не давая даже ее владельцу времени выбрать оттуда необходимые ему предметы. Они завладевали ею, разграбляли, хотя всегда предпочитали всему муку и напитки. Артиллеристы также покидали свои пушки и, слыша приближение неприятеля, заклепывали их, потеряв всякую надежду перевезти их на ту сторону реки, загроможденной завязшими фургонами и огромным количеством потонувших людей и лошадей. Крики людей, переплывавших реку, ужас спускавшихся к переправе, которые ежеминутно скатывались вместе со своими лошадьми в реку (так были круты и скользки ее берега), отчаяние женщин, плач детей, наконец, уныние солдат — все это, вместе взятое, представляло такое раздирающее душу зрелище, одно воспоминание о котором заставляет содрогаться всех очевидцев этой переправы...

К вечеру мы покинули это несчастное место и направились на ночлег в плохонькую деревушку, лежащую в версте от Вои, и даже оттуда мы слышали ночью жалобные крики тех, кто тщетно старался переправиться через реку. На противоположном берегу оставили дивизию Брусье, чтобы сдерживать неприятеля и попытаться спасти хоть часть покинутого нами огромного количества багажа. Едва наши войска покинули противоположный берег, как масса казаков, ничем более не сдерживаемая, приблизилась к берегу этой ужасной реки, где еще нахо-

дилось много несчастных, которым слабость помешала переправиться. Хотя кругом неприятеля было много добычи, но он все-таки раздел своих пленных и оставил их лежать голыми на снежных сугробах. Мы видели с другого берега, как татары делили между собой окровавленную добычу. Их жадность превысила их мужество, иначе Вольф не помешала бы им добраться до нас. Этот осторожный неприятель, останавливающийся всегда при виде штыка, ограничился тем, что произвел по нас несколько пушечных выстрелов, из которых некоторые долетели до наших колонн...

ЛАБОМ

СМОЛЕНСК

Наполеон прибыл в Смоленск 9 (ноября); армия же стянулась туда к 13-му. Она была в полном расстройстве. Смоленск представлялся ей обетованной землей, концом всех ее бедствий. Какое разочарование! Город, который летом казался таким очаровательным и окрестности которого, особенно к югу, изобиловали хлебом, представлял из себя теперь кучу разоренных домов, необитаемых или же переполненных больными и умирающими. Двухмесячная стоянка корпуса Виктора в окрестностях города, его гарнизон, 15 000 раненых и больных, проходившие через него войска уничтожали ежедневно 60 тысяч рационов — огромный запас, которого хватило бы на всю итальянскую армию. Продовольствие истреблялось по мере его подвоза, сопряженного с затратой массы забот и энергии.

Итак, в Смоленске надежды не осуществились и вместо ожидаемого изобилия увидели только сцены отчаяния. В тех отдельных бандах, которые входили в Смоленск, трудно было признать армию. Трехдневного мороза, даже не особенно сильного до сих пор, было достаточно, чтобы совершенно дезорганизовать часть армии. Уже было брошено 200 орудий за недостатком упряжных лошадей. Во время кампаний голландской (1795) и прусской (1807) мороз был сильнее, чем в период до Березины. Расстройство армии, до которого она теперь дошла, было вызвано отсутствием продовольствия и тем обстоятельством, что она была составлена из 20 разнородных национальностей. Вследствие невозможности производить сколько-нибудь правильную раздачу начальники были вынуждены допускать отлучки солдат от своих команд за поисками про-

довольствия. Каждый вышедший из рядов солдат, если он не попадал в руки казаков, был уже не в состоянии нагнать свою часть. Вестфальцы, саксонцы, голландцы, итальянцы, испанцы, португальцы, поляки, даже французы, перемешавшись между собой, шли толпой в 30—40 тысяч человек. Эта толпа никому не подчинялась и думала только о том, как бы добыть средства, чтобы не умереть от голода и холода. Всякий, кто вследствие холода или усталости отставал от своей части, попадал в эту дезорганизованную массу. Она увеличивалась с каждым переходом и в конце концов, надо в этом сознаться, постепенно втянула в себя всю армию, особенно после сражений под Красным. Армия надеялась найти в Смоленске обетованную землю и манну в пустыне; сам Наполеон не терял надежды собрать и реорганизовать армию. Обманутый еще раз в своих иллюзиях, он сорвал гнев на администрации, бессильной создать то, чего не существовало. Он свирепствовал против комиссаров и смотрителей магазинов, как бы желая сделать их виновными в той непредусмотрительности, в которой он один был виноват... Ибо состояние запасных магазинов в Смоленске должно было быть прекрасно известным императору из отчетов, представляемых генерал-интендантом:

ЖОМИНИ

9 <ноября> император прибыл в Смоленск, где узнал из Парижа про заговор Мале и Лагори¹³⁹ в то самое время, как получал донесения о поражении корпусов, помещенных им на флангах... Чтобы не упал дух войска, император делал вид, что с невозмутимостью относится к дурным вестям,— он хотел казаться нам стоящим выше превратностей судьбы и готовым ко всяким случайностям. Только это кажущееся безразличие было дурно истолковано.

У нас больше не было кузниц, чтобы подковать лошадей на лед; они все попадали и были так слабы, что не могли встать. Наша кавалерия совсем исчезла; пешие кавалеристы побросали даже оружие, которого не могли держать в заочневших руках.

Офицерам, оставшимся без отрядов, пришла мысль образовать отборный корпус, который был бы в боевой готовности; но и у трехсот офицеров, как и у солдат, недоставало ни сил, ни дисциплины, и вызванное несчастьями благородное предприятие распалось через несколько дней, не принеся пользы.

Вечером 10-го мы остановились на берегу Днепра около моста, на котором был убит генерал Гюден. Вокруг наших костров быстро зажгли костры отсталых, собравшихся здесь. Их вид растерзал бы нам сердце, если бы мы не дошли уже до состояния скотов, которым чуждо сострадание. Эти бедняки приходили без оружия, укутанные в шелковые шубы с мехами, в разноцветные женские одежды, захваченные ими на московском пожаре или вытасненные из брошенных повозок. Одежды эти, как более широкие, лучше могли защитить от холода. На многих было тоже надето платье товарищей, погибших по пути.

Окоченев от голода и холода, несчастные просили тех, у которых были еще силы развести огонь, пустить их погреться. Но этим вовсе не хотелось уступать хоть часть живительных лучей, и вновь пришедшие должны были стоять позади них. Они недолго могли побеждать усталость, опускались на колени, потом садились, наконец невольно вытягивались. Последнее движение было предвестником смерти; бесцветные глаза смотрели в небо, счастливая улыбка кривила их губы — точно божественное утешение смягчало их агонию, о которой можно было судить по пене, выступавшей на губах. Другие отсталые, не ожидая последнего вздоха вытянувшегося на льду человека, садились к нему на грудь; как только один вытягивал члены с выражением небесного блаженства, другой, стоящий рядом, усаживался всею тяжестью на трудно дышащую грудь умирающего и так и сидел перед огнем, пока сам не умирал тут же, не имея сил подняться. Снег только отчасти скрывал ужас подобных картин, а их пришлось видеть еще в течение 30 дней!

11-го 1-й корпус пришел в Смоленск, где пробыл до 16-го. За это время войскам раздали небольшое количество провианта и одежды, какое было в складах, и были отправлены в Вильну все обозы, у которых еще были лошади...

От Смоленска до Немана осталось еще идти по пустыне 120 миль. Мороз доходил уже до 12° и 15° и все усиливался. Дороги с каждым днем ухудшались, а в Смоленске армия получила слишком мало припасов для того, чтобы четырехдневный отдых мог восстановить ее силы и некоторый порядок в ней. Князь Экмюльский, человек сильный, крепкого закала, по выражению императора, оставался требовательным и хотел, чтобы бумаги штаба велись изо дня в день, как в мирное время. Мои писаря исчезли все, за исключением одного; я опять попросил сменить

себя; император 14-го в момент отъезда дал согласие и назначил вместо меня дивизионного генерала Шарпантье, бывшего губернатора Смоленска. Но генералу совсем не хотелось занять должность, трудность которой была ему известна, и в течение 10 или 12 дней он избегал являться; у меня теперь не было титула и содержания, а работа осталась...

ЛЕЖЕН

9 ноября и <в> следующие дни приходили различные армейские корпуса, и город переполнялся. Каждый день происходила раздача провизии; но так как в Смоленск не впускали разрозненных отрядов, то они оставались в предместьях, за Днепром, или же принуждены были обходить город по узкой гористой дороге, чтобы попасть в предместья на противоположном конце его. Эти несчастные почти ничего не получали при раздаче, да и раздача делалась неправильно. Магазины осаждали толпой, и только самые ловкие люди добыли себе нужное. И здесь, в Смоленске, повозки и кареты с трудом плелись по замерзшей дороге; многие стали на месте, между тем как сидевшие в них раненые зябли и не могли вылезть из экипажа. Военные, прибывшие из Москвы, рассказывали, что на обогнавшие нас корпуса часто с фланга нападали русские партии. Но мы, к счастью, не встречали их. С тех пор что наступила зима, все бедствия обрушились на армию и росли с каждым часом. Прошли четыреста верст без хлеба и фуража, и каждую ночь падали лошади на биваках. Отдельные колонны часто подвергались нападениям казаков, тревоживших их и днем и ночью. Отсталых солдат они раздевали донага и закалывали, а одежду похищали...

«Опасности прежних походов,— рассказывал мне дядя (бывший также в Смоленске),— ничто в сравнении с теми, которым мы подвергаемся здесь. Конец славе Наполеоновой! Вся наша кавалерия уничтожена. Я сделал все, что мог, для сохранения моего полка, заменяя наших лошадей здешними конями; наши лошади или убиты, или подошли от недостатка фуража, а тех, которые остались целыми, я велел полякам подковать. Полк мой отличился во всех делах. Надо было его видеть при переправе через Неман. Словом, с самого начала похода не было дела, в котором бы полк мой не участвовал. Я действовал как только мог, но ведь от нас требуют

сверхъестественного. Император не тот, что был в Италии и Австрии. Не рассудив, привел нас в этот ужасный край. Он не понял, что неприятель, отказавшись под Витебском от сражения и отступая с зажженным факелом в руках, хотел нас утомить долгими переходами. Он не предвидел того, что многим было понятно, что, направляясь на Москву, мы и там найдем все в огне, а не обещанные (им, Наполеоном) удобные квартиры и избыток. Но я не ожидал от Наполеона этой ужасной и неисправимой ошибки: держать нас в Москве на пылающих развалинах целых шесть недель; потом предпринять позднее уже отступление не на Калугу и Киев, а по той же опустошенной дороге, мимо погорелых городов и сел. Меня сторчает это неуважение к армии, храбрее которой еще никогда не бывало, потому что никогда еще не вели войны с большею отвагою, большим мужеством и большим знанием дела. Кроме того, Наполеон даже не отблагодарил нас. Со дня вступления в Вильну он не дал ни одного сантима звонкою монетою, а раздал жалованье какими-то векселями, на которых должны были расписываться получатели; но из них нельзя было сделать никакого употребления, и касса моя с самого начала была пуста, так что, когда представлялись случаи закупить что-либо нужное для полка, я не мог ими воспользоваться, за неимением звонкой монеты.

Только с бою да заставляя бежать жителей, успевали мы добывать себе прокормление. Скупость и жадность Наполеона — вот что было причиной этого недостатка в деньгах. Он хотел пополнить кассу полугодовым жалованьем людей, которые будут убиты.

Я лично оскорблен его несправедливостью; давно следовало мне быть полковником, так как я никогда нигде себя не жалел. Он забыл нас наградить за победы. Кровь наша текла понапрасну, никто не повышен чином, не пожалован орденом ни в каком полку. Впрочем, теперь не время говорить о наградах; подумаем, что станет с нашей армией. Будущее мрачно. Мы уже не способны принять сражение; русские идут по пятам нашим, и все потеряно. Однако как ни значительны ошибки Наполеона, а он не мог избежать этой войны. Ему приходилось, как он говорил, выбирать между войною и бесчестьем: понятно, что выбор пал на первую. К тому же эту войну, как и все предыдущие, возбудила Англия. Пускай же пролитая кровь падет на эту нацию».

Я отвечал дяде: «Все, что вы говорите, вполне справедливо. В прежние походы Наполеон был не тот, что нынче. Тогда он не забывал своих храбрецов. Но я согласен с вами, что как ни велики его ошибки, а он не мог избежать теперешней войны».

«Правда,— продолжал дядя,— все войны Наполеона имели основанием справедливость, за исключением испанской. Как война в Испании, так и настоящая война возбуждена подкупами англичан, чего Наполеон в ослеплении своем не видел. Здесь он не соглашался выждать время, необходимое для организации Польши, и легкомысленно (из Польского края) удалился. Начал поход на Москву слишком поздно по времени года; пренебрег промедлением, которое требовалось для охраны тыла армии, особенно в случае отступления, из опасения отложить завоевание столицы до другого похода. Наполеон воображал, что покончит с этой войной так же скоро, как с прусскою, и не понимал, что русские, отступив за Москву, тем далеко не будут обессилены, а, напротив, когда Наполеон кончит поход, они начнут свой, и надежды Наполеона мирными переговорами загладить неосторожное движение в центр России не сбудутся. Однако что происходит во Франции? Я встретил вчера курьера, посланного к императору; он говорил мне, что в Париже вспыхнул мятеж, который едва не разрушил его трон. Не заставит ли это известие поспешить отступлением, так как Наполеон позаботится скорее о сохранении своих корон во Франции и Италии, нежели о спасении своей храброй армии. Что должны были сказать французы при получении в одно время известия о пожаре Москвы и декретов, относящихся до мелочей внутренней администрации Франции? Я не постигаю этого человека; не могу согласить все эти превратности с его первыми успехами и победами. Это противоречие смущает меня и вызывает самые грустные предчувствия. Я ожидал найти в Смоленске все возможные запасы, думал, что из Франции прибыл свежий корпус, который поможет нам совершить отступление в безопасности. Вместо того я очутился среди величайшего опустошения и нищеты и поэтому собирался выйти вон отсюда с остатками моего полка, как получил приказ выждать принца Евгения. Все-таки я вывел людей из города сюда, в предместье, где по крайней мере ни они, ни лошади не умрут с голоду. Меня ужаснуло все то, что я видел в Смоленске. Страданий наших людей невозможно себе

представить! В госпиталях недостаток во всем. Несчастные раненые сделались людоедами, они отрубали члены у человеческих трупов, варили мясо и съедали его. Их ничем не снабжали из магазинов. Все запасы были закрыты и сберегались для армии. Только третьего дня была раздача; зато уж и грабят магазины так, что в скором времени наступит общий голод...»

Потом дядя снова повел речь о непредусмотрительности Наполеона. «Благоразумие требовало, — говорил он, — остановиться у Смоленска и далее не двигаться. Говорят, что многие генералы так и советовали ему, и более всех князь Понятовский, которому край знаком, что и видно на польских дивизиях: они и в отношении дисциплины, и в отношении содержания ничего не потеряли. Наполеон не послушался ничьих советов. Я знаю, впрочем, его стратегию — это вызывать на решительное сражение, собрав лучшие массы войска на самой крепкой позиции неприятеля, потом или окружить его, или охватить фланги, вторгнуться в центр, привести все в смятение; отыскивать самые удобные пункты для атаки и стремительно нападать и при этом не заботиться ни о продовольствии, ни об обозах, как случилось во многих сражениях и также под Можайском. Наполеон не понимает другой системы, кроме стратегической, — вот отчего он и не взял в соображение здешних местных условий. Он злоупотребляет жизнью людей, и если правда, что он говорил, что солдат не что иное, как пушечное мясо, то, судя по его адской тактике, надобно полагать, что такова мысль его на самом деле. Следовало бы дать такое сражение, которое заставило бы неприятеля прекратить преследование нас во время нашего отступления; но армия наша лишена всякой возможности сосредоточиться».

Де ла ФЛИЗ

ОТ СМОЛЕНСКА ДО КРАСНОГО

Утром 13 ноября опять двинулись мы против неприятеля. Нам пришлось идти через лес, который летом вследствие болотистой почвы бывает непроходим; но теперь земля сильно промерзла, и мы удобно прошли по лесу, хотя неприятель сильно действовал гаубицами, так что несколько наших было убито. Пройдя сквозь лес, мы вышли на равнину, на которой нас ожидал неприятель. Мы вступили с ним в бой, который длился часа четыре

или пять и был настолько жарок, что мы оставили на поле сражения более тысячи человек из нашей дивизии. Но все-таки нам удалось принудить врага отступить. Происходило это близ деревни Глуховцы, которую мы в продолжение боя несколько раз отнимали и которая вследствие этого стала добычею пламени, потому что каждая из воюющих сторон считала своим долгом ее уничтожить. Нельзя себе вообразить этой ужасной картины! Земля кругом была покрыта снегом, как белым покрывалом, в посреди снежной поляны поднимался красный огненный столп от селения, горевшего со всех концов. Несчастные жители, почти нагие, бежали во все стороны, не зная, когда им можно будет вернуться, не имея убежища от трескучего мороза, без куска хлеба, чтоб утолить голод своих плачущих детей.

Неподалеку от этого села стоял большой сарай, куда сносили раненых. Там им делали по возможности перевязки. Многие выпускали дух при этой операции, их немедленно выносили из сарая. Когда на другой день мы уходили, я увидел ужаснейшее зрелище: сарай этот охватило пламенем. Страшно было глядеть, как те, которые еще имели силы, чтобы ползти, с криком старались спастись от огня. До сих пор еще раздается у меня в ушах вопль несчастных, которые не могли спастись и были уничтожены огнем. Не было возможности выручить тех, которые не в силах были сойти с места. Лишь немногих взяли мы с собой на наших повозках. Но как сильно страдали они от своих ран, со стонами выпуская дух! Оставшись победителями, мы провели ночь в постройках, которые нам соорудили русские; но разницы было немного, лежать ли на открытом воздухе или в таких сооружениях, потому что они состояли из прямых подпорок с навешенною на них кровлею из соломы, с боков же были открыты. Как глубоко мы ни забирались под солому, но не могли согреться. Моим ногам было так холодно, что я думал, что они у меня отмерзли. Поэтому я отправился к разведенному поблизости огню, чтобы немного обогреться. Потом я убедился, что большие пальцы на обеих ногах у меня действительно были отморожены, отчего я впоследствии терпел сильнейшую боль. Я сжег свои сапоги, не заметив от сильного холода, что держал их слишком близко к огню, и так как теперь у меня не было обуви, то я принужден был завернуть ноги в тряпки и в овчину. К счастью, уцелела моя лошадь, которая как ни отошала, но все же носила меня.

Не будь этого доброго животного, я бы давно погиб. От сильного голода она совсем изнурилась и, находясь постоянно под седлом, была так измучена, что, когда я был взят в плен при Березине, она почти не могла переступить ногами.

На рассвете 14 ноября мы снова вступили в бой. Когда день кончился, был объявлен приказ императора, чтобы все вакантные офицерские места были замещены. Это было приведено в исполнение немедленно тут же, на поле сражения.

Пришло приказание сжечь все ненужные повозки, кроме повозок с амуницией. Итак, мы свезли их в одно место и отдали в добычу пламени. Лошади же были впряжены в орудия. Через это пострадали всего больше бедные маркитантки, так как, лишенные повозок и лошадей, они теперь вынуждены были идти пешком.

ВАГЕВИР

В три дня мы пришли в Красное, деревушку, отстоящую от Смоленска миль на 18, а от Витебска на 30. Мы уже бросили целый ряд карет и повозок; холод был жесточайший; дорога, плохо содержимая и в обыкновенное время, была еще более разрушена дождем и снегом. От недостатка фуража и утомления погибла или по меньшей мере выбилась из сил большая часть наших лошадей. Если на пути попадался овраг или крутой подъем, тотчас же две-три кареты останавливались и происходила ужаснейшая путаница. Кареты высокопоставленных лиц старались объехать образовавшееся препятствие справа; запряженные лучшими лошадьми заезжали вперед и нарушали установленный порядок. Следовало давать дорогу артиллерии, но это не соблюдалось. Кучера щелкали хлыстами, лошади рвались вперед, конюхи дрались с караульными, ряды спутывались между собой, кареты прицеплялись к обозным повозкам, берлинны * — к артиллерийскому поезду; особенно тяжелая карета, которая должна была отстать, вдруг делала усилие, догоняла более легкие, ушедшие вперед, и тут же теряла все колеса. Кавалеристы, попавшие в эту сумятицу, били саблями направо и налево по пехотинцам и конюхам, путавшим движение; офицеры пролагали себе путь ударами кулака или шпа-

* Берлина — здесь: дорожная гражданская коляска, изобретенная в Берлине и получившая распространение во Франции. (Прим. сост.)

ги. Если на беду подоспел сюда кто-либо из служащих лично при императоре, с мулами, с переносными кузницами и мебелью, то все прямо опрокидывалось, чтобы только очистить дорогу. Восклициания, ругательства, звуки ударов, окрики караульных офицеров, не достигавшие никакой цели, вопли тех, кто метался без толку, довершали картину ужасающего беспорядка. Движение вперед совершенно прекращалось, обозную стражу разгоняли силой, и быстро появлялись казаки, никогда не терявшие нас из виду, устанавливали маленькие пушки без лафетов, которые они возили с собой в санях, гнали в галоп все, что еще могло скакать, остальное жгли, а солдат, пытавшихся защищать, поражали ударами пики. Это происходило с нами у каждого оврага, в частности же у оврага, перерезывающего дорогу под самым Красным. В этом месте была взята в плен, пожалуй, четвертая часть нашего обоза, и то не было единственным испытанным нами несчастьем. Нас ожидали более тяжелые потери...

ПАСТОРЕ

БОИ ПОД КРАСНЫМ

Пока мы стояли в Красном и его окрестностях, войско в 80 000 человек окружило нас: впереди, направо, налево, позади — всюду виднелись одни русские, очевидно рассчитывавшие без труда одолеть нас. Но император хотел дать им почувствовать, что это не так легко, как они думают: правда, мы в жалком положении, умираем с голоду, однако у нас осталось еще нечто поддерживающее нас — честь и мужество. Император, наскучив преследованием всей этой орды, решил от нее избавиться.

Вечером, по прибытии, генерал Роге¹⁴⁰ получил приказ перейти в наступление с частью гвардии, с полками фюзелеров-егерей, гренадеров, вольтижеров и стрелков. В 11 часов вечера послано было несколько отрядов с целью произвести рекогносцировку и хорошенько удостовериться в положении неприятеля, занимавшего два селения, перед которыми он раскинулся лагерем; направление его позиций можно было узнать по огням. Очень вероятно, что неприятель кое о чем догадался, потому что, когда мы явились атаковать его, часть войска уже приготовилась встретить нас...

Около двух часов ночи началось движение; мы выступили тремя колоннами; фюзелеры-гренадеры, в состав

коих входил и я, и фюзелеры-егеря образовали центр. Стрелки и вольтижеры составляли правую и левую колонны. Мороз стоял такой же лютой, как и в предыдущие дни; мы пробирались с трудом, по колена в снегу. После получасового пути мы очутились среди русских; часть их была под оружием — справа от нас тянулась на расстоянии каких-нибудь 80 шагов длинная линия пехоты и направляла в нас убийственный ружейный огонь. Их тяжелая кавалерия, состоявшая из кирасир в белых мундирах с черными латами, находилась по левую руку от нас на таком же расстоянии; они ревели, как волки, подзадоривая друг друга, но не осмеливались подступать к нам, а их артиллерия, расположившись в центре, сыпала в нас картечью. Но это не остановило нашего движения; несмотря на их огонь и множество падавших людей, мы пошли на них в атаку и вступили в их лагерь, где произвели страшнейшую резню, орудя штыками.

Те, что находились подальше, успели схватить оружие и прийти на помощь первым. Тогда начался другого рода бой: они подожгли свой лагерь и оба селения. Мы дрались при свете пылающих пожаров. Правая и левая колонны обогнали нас и вступили в неприятельский лагерь с двух концов, а наша колонна в центре.

Я забыл упомянуть, что в ту минуту, как мы пошли в атаку и голова нашей колонны врезалась в массу русских и привела их лагерь в расстройство, мы увидели лежавших распостертыми на снегу несколько сот русских, которых мы сперва приняли за мертвых или за тяжело раненных. Мы миновали их, но едва успели мы пройти немного вперед, как они вскочили, подняли оружие и стали стрелять в нас, так что мы принуждены были сделать полуоборот, чтобы защищаться. К несчастью для них, позади подоспел еще батальон, который шел в арьергарде и которого они не заметили. Тогда они попали между двух огней: в каких-нибудь пять минут их не осталось ни одного в живых; к этой военной хитрости русские часто прибегали, но тут она им совсем не удалась.

Пройдя через русский лагерь и атаковав селение, мы заставили неприятеля побросать часть артиллерии в озеро, после чего большинство их пехоты засело в домах, часть которых была в огне. Там-то мы и дрались с ожесточением врукопашную. Произошла страшная резня, мы рассыпались, и каждый сражался сам по себе.

Во время этого обособленного боя я заметил во дворе русского офицера на белом коне, который бил саблей плашмя своих солдат, порывавшихся бежать, перескакивая через барьер; в конце концов ему удалось овладеть проходом, но в ту минуту, как он собирался перескочить на ту сторону, лошадь его была ранена пулей и упала под ним, так что проход стал затруднительным. С этого момента бой стал еще отчаяннее. При свете пожара происходила сущая бойня. Русские, французы вперемешку, в снегу, дрались, как звери, и стреляли друг в друга чуть не в упор.

Русские, засевшие на мызе и заблокированные нами, видя, что им угрожает опасность сгореть живьем, решили сдаться; один раненый унтер-офицер под градом пуль явился к нам с предложением о сдаче. Тогда полковой адъютант послал меня с приказанием прекратить огонь. «Прекратить огонь?— отвечал один раненый солдат нашего полка.— Пусть прекращает, кто хочет, а так как я ранен и, вероятно, погибну, то не перестану стрелять, пока у меня есть патроны!»

Действительно, раненый пулей, раздробившей ему бедро, и сидя в снегу, окрашенном его кровью, он не переставал стрелять и даже просил патронов у других.

Полковой адъютант, видя, что его приказание не исполняется, подошел сам от лица полковника. Но наши солдаты, сражавшиеся отчаянно, ничего не слушали и продолжали свое. Русские, потеряв надежду на спасение и, вероятно, не имея более боевых припасов, чтобы защищаться, попытались массами выйти из здания, где они засели и где их уже начало поджаривать, но наши солдаты оттеснили их назад. Немного спустя, не имея больше сил терпеть, они сделали новую попытку, но едва успело несколько человек выскочить во двор, как все здание рухнуло и в нем погибло более сорока человек. Впрочем, тех, что успели выскочить, постигла участь не лучше.

После этого эпизода мы подобрали своих раненых и сомкнулись вокруг полковника, с оружием наготове дожидаясь утра. Все время вокруг нас только и слышались ружейные выстрелы частей, сражавшихся в других пунктах; к этому примешивались крики раненых, стоны умирающих... Ужасное дело эти ночные сражения, когда часто случаются роковые ошибки и недоразумения.

В таком положении мы ждали утра. Когда показался рассвет, мы могли осмотреться и судить о резуль-

тате сражения: все окружающее пространство было усеяно убитыми и ранеными.

Последствием этого кровопролитного боя было то, что русские отступили со своих позиций, однако не удалились, и мы остались на поле сражения весь день и всю ночь, с 4 (16) на 5 (17) ноября, находясь постоянно в движении. Ежеминутно, чтобы держать нас начеку, нас заставляли браться за оружие; все время мы были настороже, не имея возможности ни отдохнуть, ни даже погреться.

5 (17) ноября утром, как только рассвело, мы взялись за оружие и, сформировавшись в тесные колонны, дивизионно выступили с целью занять позиции на краю дороги, с противоположной стороны поля сражения, только что покинутого нами.

Прибыв, мы увидели часть русской армии перед собою на возвышенности, тылом к лесу. Тотчас же мы развернулись линией лицом к лицу с неприятелем. Наш левый фланг опирался на пересекавший дорогу ров, к которому мы были обращены тылом; эта дорога, вдавленная, с высокими краями, могла защитить и укрыть от неприятельского огня всех находящихся на ней. Наш правый фланг состоял из фюзелеров-егерей, и голова его находилась на расстоянии ружейного выстрела от города. Перед нами, шагах в 250, находился полк молодой гвардии—1-й вольтижерский, сформированный тесной колонной, по дивизиям, под командой полковника Люрона. Подальше впереди, направо, стояли старые гренадеры и егеря в том же порядке, то есть как остальная часть императорской гвардии, кавалерии и артиллерии, не участвовавшая в ночном бое с 3-го (15-го) на 4-е (16-е) число. Всем командовал лично сам император, пеший. Он шел твердой поступью, как в дни больших парадов, и встал впереди, среди поля сражения, перед неприятельскими батареями.

С самого рассвета стала видна русская армия, которая с трех сторон — спереди, слева и справа — с(о) своей артиллерией, казалось, собиралась оцепить нас. В ту же минуту, почти вслед за тем, как был убит полковой адъютант, подошел император. Мы окончили свое передвижение; тогда начался бой.

Из своей артиллерии неприятель пускал в нас смертоносные залпы, которые ежеминутно сеяли смерть в наших рядах. С(о) своей стороны, чтобы отвечать им, мы имели всего несколько орудий и при каждом выстреле наносили

им глубокие бреши; но часть наших орудий вскоре была сбита. Между тем наши солдаты встречали смерть стойко, не дрогнув. В этом плачевном положении мы пробыли до двух часов полудни.

Во время сражения русские послали часть своей армии занять позицию на дороге за Красным, чтоб отрезать нам отступление, но император остановил их, отправив против них батальон старой гвардии.

Пока мы подвергались таким образом неприятельскому огню и наши силы убывали вследствие множества убитых, мы заметили позади и немного влево остатки армейского корпуса маршала Даву среди тучи казаков, которые не осмеливались подойти к ним и которых они спокойно истребляли по пути, направляясь в нашу сторону.

В то время как проходили остатки корпуса маршала Даву, голландские гренадеры гвардии покинули важную позицию; русские немедленно заняли ее артиллерией и направили ее против нас. С этого момента наше положение стало нестерпимым. Один полк, уже не помню какой, был послан против них, но он принужден был отступить; другой полк, 1-й вольтижерский, стоявший впереди нас, произвел движение в свою очередь и добрался до подножия возвышенности с батареями, но тотчас же масса кирасир, тех самых, с которыми мы имели дело ночью на 3 (15) ноября и которые не решались атаковать нас, подоспели и остановили вольтижеров. Тогда последние отступили немного влево от батарей и почти против нашего полка и сформировались в каре. Едва успели они это сделать, как неприятельская кавалерия бросилась к ним, чтобы прорваться сквозь их ряды, но вольтижеры встретили ее убийственными залпами почти в упор, и множество их попадало. Остальные сделали полуоборот и отступили. Вслед за тем дали второй залп, оказавший такое же действие: стороны каре были сплошь усеяны людьми и лошадьми. Но в третий раз, при помощи картечи, кирасирам удалось смять наш полк. Тогда они ворвались в его ряды и закончили дело сабельными ударами; несчастные вольтижеры, почти все молодые солдаты, имея большею частью отмороженные ноги и руки, не могли владеть оружием для защиты и почти все были изрублены.

Эта сцена проходила на наших глазах, но мы ничем не могли помочь. Всего одиннадцать человек вернулось; остальные были перебиты, ранены или захвачены в плен

и угнаны сабельными ударами в лесок, лежавший насупротив; сам полковник (Люрон), как и многие офицеры, покрытый ранами, был взят в плен.

Было около двух часов; мы уже потеряли треть наших людей, но фюзелеры-егеря пострадали еще больше нас: находясь ближе от города, они подвергались еще более убийственному огню. С полчаса назад император удалился с первыми полками гвардии, следуя большой дорогой; на поле сражения оставались еще только мы да несколько взводов из различных корпусов, лицом к лицу с 50 с лишком тысячами неприятельских сил. Маршал Мортье отдал приказ к отступлению, и мы начали движение, отступая шагом, как на параде, преследуемые русской артиллерией, обстреливавшей нас своей картечью. Отступая, мы тащили за собой товарищей, не столь тяжело раненных.

Момент, когда мы покидали поле сражения, был ужасен и печален; наши бедные раненые, видя, что мы их покидаем на поле смерти, окруженных неприятелем, в особенности солдаты 1-го вольтижерского полка, у большинства которых ноги были раздроблены картечью, с трудом тащились за нами на коленях, обогривая снег своей кровью; они поднимали руки к небу, испуская раздражающие душу крики и умоляя о помощи, но что могли мы сделать? Ведь та же участь ежеминутно ожидала нас самих; отступая, мы принуждены были оставлять на произвол судьбы всех, кто падал в наших рядах.

Все дома этого жалкого городишка и тамошний большой монастырь были переполнены ранеными, которые, увидев, что мы покидаем их, испускали громкие вопли. Мы принуждены были бросить их на произвол беспощадных неприятелей, которые обирали несчастных раненых, не принимая во внимание ни их несчастного положения, ни ран.

Русские все еще преследовали нас, но уже вяло; несколько орудий обстреливали левую сторону дороги, но уже не могли наносить большого вреда; дорога, по которой мы шли, была вдавлена, ядра летали вверх и не попадали в нас, а присутствие небольшого количества кавалерии, еще оставшейся у нас и также шедшей слева, препятствовало неприятелю подойти к нам ближе.

Когда мы отошли на четверть мили по ту сторону города, стало поспокойнее; мы шли грустные и безмолвные, размышляя о нашем положении и о несчастных товарищах, которых мы принуждены были бросить; мне

все представлялось, что я их вижу перед собою умоляющими о помощи. Оглянувшись, мы увидели несколько не очень тяжело раненных, почти нагих, потому что русские сняли с них платье и бросили. Нам посчастливилось спасти несколько человек, — по крайней мере, временно: \langle мы \rangle поспешили дать им все, что было возможно, чтобы прикрыться.

БУРГОНЬ

ОТ КРАСНОГО ДО ОРШИ

Я шел пешком, так как мои обе лошади никуда уже не годились. Ночью я не раздевался и не снимал сапог из боязни, что не смогу надеть их на другой день. Эти ботфорты, незаменимые для верховой езды, были страшно утомительны для ходьбы. Раньше широкие и свободные, они стали узки от мороза. Утром я не мог ступить на ногу, мне приходилось идти или краем сапога, или на пятке, или же на цыпочках до тех пор, пока я не разминал подошвы; ноги пухли и ночью так болели, что я не мог спать...

22-го числа \langle ноября \rangle , в то время, когда мы готовились выступить, явился адъютант и сказал, что Его Величество возмущен поведением артиллерийских офицеров его гвардии, которые, покинув орудия и муниционные повозки, запрягли лучших лошадей в свои фургоны, чтобы спасти свои вещи.

«Но сударь, — ответили мы, — конечно, мы должны спасать свои вещи, ведь мы заботимся не о том, чтобы раздеться и переменить белье на биваках, а хотим только сохранить остатки наших припасов, без которых мы погибнем от голода; да, говоря по совести, мы, конечно, ценим нашу жизнь дороже орудий, которые совершенно бесполезны благодаря недостатку повозок и канониров».

«Господа, поступайте как хотите, — ответил он нам, — но имейте в виду, что император велел поджечь один из фургонов вашего командира и не позволил ничего оттуда взять». Минуту спустя мы на самом деле увидели майора Леруа, который рассказал нам то же самое.

«Однако, — сказал я ему, — император должен был бы запереть вас в вашем фургоне, чтобы вы погибли, как капитан на корабле, вместе с остовом фургона и вашим имуществом».

«Лучше бы его самого туда запереть!» — таково было милое пожелание Его Величеству одного из его самых

усердных слуг. Однако об этом случае пришлось придумать. Если император встретит наш фургон, он также может его сжечь. К тому же измученные лошади не могли далеко провезти его, лучше было бы навьючить лошадей самой необходимой провизией, а все остальное покинуть. Мы привели в исполнение эту тяжелую резолюцию вечером, прибыв в Толочино.

Здесь я поместился с несколькими офицерами в риге с наполовину разрушенной крышей. Казначей Еггерле выдал всем аванс. Я открыл свой фургон и зажег свечи. Я спросил у Друо¹⁴¹, не может ли он взять в свою повозку кое-что из нашей провизии и главным образом ящик с вином.

— Моя повозка вся заполнена,— ответил он мне.

— Ну так выбросите все железо и дерево, которое вы везете с собой. Может быть, уже завтра у нас не будет ни одного орудия. Спасем хоть вино.

— У меня еще есть нетронутая бочка!

— Но что стоит одна бочка на столько человек? Нам часто приходится собираться на биваке по 10 и 12 человек!

— С нас двоих хватит!

Таким образом милосердный Друо обрекал на гибель всех других, не желая расстаться со своим железом и деревом. Мне приходилось уступать. «Кончено,— сказал мне Битш,— через неделю мы умрем!» Я вынул из сундука вещи и переложил их в дорожный саквояж, заказанный мною в Москве из ковров князя Барятинского. Шпагу я отдал Лагранжу, который потерял свою, наложил в мешок 100 ф (унтов) сухарей и сахарную голову, а в мой погребец поместил четыре бутылки рома, опустил себе пятаю в карман и разделил между товарищами 100 ф (унтов) прекрасной муки, чай, кофе и остаток сахара. Оставалось еще 150 бутылок вина и ликеров, которые мы и опорожнили в продолжение ночи. Таким образом в несколько часов было истреблено все, что помогло бы нам прожить еще две недели. На другой день утром мой чемодан и саквояж были нагружены на лошадь моего слуги, перекинутые для равновесия через седло; мой мешок с хлебом и сахаром лежал на ее спине. Моя лошадь была навьючена моим маленьким чемоданом, погребцом и моей саблей. Фургон, в котором лежала великолепная зрительная труба, ручной секретер из красного дерева и ящик с книгами, был покинут, но я сохранил ящик с великолепным сервизом из китайского фар-

фора и поместил его в артиллерийской повозке, которую в конце концов все-таки пришлось покинуть 10 декабря в Вильне.

У Друо оставалось еще много прекрасной провизии, которую он переложил из своего фургона в муниципальную повозку. На привалах он для вида съедал в нашем присутствии несколько сухарей и, отойдя, украдкой делал несколько глотков из бутылки, которую постоянно носил на себе. Битш и я не спускали с него глаз; мы следили за ним, хотя он этого не замечал, и не раз ловили его с поличным.

Следует заметить, что, несмотря на потерю наших фургонов, он несколько раз прибежал ко мне и очень неделикатно прикладывался к моей фляжке. Надо, однако, отдать ему справедливость, что он предложил мне однажды длинную колбасу. Я разделил ее надвое, причем одну часть, самую маленькую, отдал ему обратно, другую же, очень большую, я разделил между Битшем и Буало, очень довольными моей проделкой. К сожалению, у меня не было больше другого такого случая.

ПЬОН де ЛОШ

Уже было невозможно отличить генералов и офицеров; как и солдаты, они были одеты во все, что им попадалось. Зачастую генерал был покрыт плохим одеялом, а солдат дорогими мехами. Эгоизм был единственным двигателем этих несчастных. Если два человека находили немного дров и разводили костер, то третьего, подошедшего отогреться и умиравшего от холода, жестокосердно гнали прочь, если только он не приносил своей доли дров для поддержания огня, а между тем у костра было место и две протянутые к огню и замерзшие руки не отнимали тепла от собственников костра.

Оригинальное зрелище всевозможных одежд представляла эта длинная колонна призраков. Все мундиры армии были перемешаны. Рядом с шелковыми всевозможных цветов шубами, отороченными дорогими северными мехами, помещалась фигура в пехотной шинели или кавалерийском плаще. Головы были плотно закутаны и обмотаны платками всех цветов, оставляя отверстия только для глаз. Самым распространенным видом одежды было шерстяное одеяло с отверстием посредине для головы, падавшее складками и покрывав-

шее тело. Так одевались по преимуществу кавалеристы, так как каждый из них, теряя лошадь, сохранял попону; попоны были изорваны, грязны, перепачканы и прожжены — одним словом, омерзительны. Кроме того, так как люди уже три месяца не меняли одежды и белья, то их заедали вши.

Но и все это можно было бы вынести, если бы было продовольствие. Чем же питались войска?! Как это не погибли они все поголовно? Это прямо необъяснимая тайна, только доказывающая, как мало нужно для поддержания сил человека!

Несмотря на усталость и опасности, которым подвергались люди, сворачивая с дороги, голод все же толкал множество людей на мародерство по деревням в 8—10 верстах от дороги, которые еще не были разграблены, не сожжены при наступлении к Москве. Много из этих мародеров было схвачено, но все же эти мародеры снабжали колонну продовольствием и спасли армию. Они возвращались с лошадьми, отобранными у жителей и нагруженными ржаной мукой, перемешанной с отрубями, и свиной, что продавали за большие деньги, а на следующий день опять шли за добычей для продолжения торговли, но, конечно, сомнительно, чтобы они остались в барышах.

Как ни плоха была мука, из нее делали размазню, которую, чтобы согреться, ели горячей. Из муки, сваренной в воде, без соли и без жира, получалась отвратительная пища, к которой я никак не мог привыкнуть и предпочитал ломти обжаренной конины, хотя они внутри и оставались наполовину сырыми. К несчастью, чем дальше мы двигались, тем лошадей становилось меньше. Тех лошадей, которых мы предназначали себе в пищу, мы уже не могли, убив, рассекать на части, так как для этого было слишком холодно и наши ознобленные руки отказывались служить и замерзли бы, а поэтому *мы вырезали у лошадей, еще движущихся и бывших на ногах, куски мяса из крупа*. Бедные животные не подавали вида, что им больно, что ясно доказывает, что под влиянием страшного холода происходило полное онемение членов и полная нечувствительность тела. При других условиях вырезывание кусков мяса вызвало бы кровотечение, но при 28° мороза этого не было; вытекавшая кровь мгновенно замерзала и этим останавливала кровотечение. Мы видели, как эти несчастные животные брели еще несколько дней

с вырезанными из крупа громадными кусками мяса; только менялся цвет сгустков крови, делаясь желтым и обращаясь в гной. Я нашел себе еще другой способ питания. У меня была маленькая жестяная кастрюля, которую я не променял бы ни на какие сокровища и в которой я варил себе все, что мне попадалось и что я покупал. И благодаря кастрюле я сделался колбасником. И вот как я орудовал: когда я находил лошадь недалеко от стоянки, я вонзал ей возможно осторожно между ребер лезвие ножа, под льющуюся из раны кровь подставлял кастрюлю, варил эту кровь и получал таким образом кровяную колбасу, которую теперь нашел бы приторной и отвратительной, а тогда находил ее чудесной, что не раз вспоминал и утверждал, что когда испытываешь тот голод, который мы тогда испытывали в России, то не бывает плохого повара и каждый поваренок обращается в знаменитого Вателя*.

Нет сомнения, что недостаток продовольствия способствовал деморализации войск, подрывая их силы, и что обильная горячая пища парализовала бы действие холода. Те казаки, над которыми при наступлении посмеивались наши солдаты, на которых, когда-то, не считая их числа, весело ходили они в атаку, эти самые казаки теперь стали не только что предметом уважения, но и предметом ужаса всей армии, и число их при содействии придорожных жителей значительно увеличилось. Почти все придорожные крестьяне в надежде на добычу вооружились пиками — этим национальным русским оружием — или же просто кольями с железными остриями на конце. Верхом на маленьких лошадаках, в бараньих шубах и черных барашковых шапках, они следовали вдоль колонны и немедленно на нее бросались, как только замечали, что встреченная теснина задерживала войска, вызывая перед ней скопление и разрежая за ней колонну. В сущности, эти импровизированные, жаждавшие грабежа войска не представляли ничего опасного, так как малейшее сопротивление их останавливало и обращало в бегство и целью их была не борьба, а только добыча этих странных трофеев. Но ужас, производимый их появлением, был таков, что при первом крике: «Казаки!», перелетавшем из уст в уста вдоль всей колонны и с быстротою молнии достигавшем ее

* Повар Людовика XIV. <Прим. авт.>

головы, все ускоряли свой марш, не справляясь, есть ли в самом деле какая-либо опасность.

Эти нападения были направлены главным образом на блокгаузы. Так как на всем этом длинном пути от Вильны до Москвы не было пощажено ни одного города, ни села, ни лачужки, то для обеспечения тыла и сообщений армии через каждые 20—30 верст были искусственно устроены укрепленные этапы: на квадратной площади, огороженной рвом и палисадами, были возведены бараки, и эти блокгаузы занимались соответствующими пехотными отрядами, конвоировавшими проезжавших курьеров*. В подобных блокгаузах ночевали обыкновенно охранявшие следование армии части.

При отступлении марши (переходы и привалы), естественно, приурочивались к этим блокгаузам, где всегда находились небольшие гарнизоны для обороны войск при всякого рода налетах (партизан). Первые пришедшие люди располагались у палисадов, и по мере стягивания колонны круг прибывавших прогрессивно увеличивался, достигая в конце концов до 50 и 100 тысяч человек.

Наибольший контингент людей, искавших прикрытия, составляли причисленные к армии чиновники, которых войска прозвали «рис — хлеб — соль». Только они сохранили богатые экипажи, лошадей, нагруженных добычей, награбленной в Москве и в богатых усадьбах, которые они опустошили «*roug le bien de l'armée*»**. Казаки знали, где искать добычу, а потому и направляли свои поиски и налеты именно на эти блокгаузы; и тогда начиналась свалка и ужасающее «спасайся, кто может!». Напрасно старались мы удерживать вооруженных людей, напрасно им доказывали, что чем нас будет больше, тем нам легче отбиться от противника: лишь только мы выпускали того, кого, как нам казалось, мы достаточно убедили, чтобы перейти к убеждению следующего, как первый пускался опять в бегство, оставляя нас на месте и предпочитая бегство встрече с казаками.

Я уже говорил, что эгоизм был единственным чувством, доступным этим несчастным. Эгоизм не знал себе

* Эти укрепленные этапы были созданы предусмотрительностью великого Наполеона, и трудно себе представить, что бы было при отступлении, если бы не было этих этапов. *(Прим. авт.)*

** Для блага армии *(фр.)*.

меры, и если изнеможенный человек, не имея сил идти далее, падал, то шедшие около него, заметив, что он умирает, вместо естественной помощи, которая так свойственна (способным даже и к самоотвержению по отношению к товарищам) французским солдатам, ставили ему ногу на тело, переворачивали его, снимали обувь и даже штаны, если они еще были годны, что, в общем, ускоряло последний вздох умирающего. Я считаю своим долгом утверждать, что несколько раз был личным очевидцем подобных тяжелых сцен.

Погибавшие от голода и холода, все умирали одинаково: они падали на колени и на руки и, пока сохраняли остаток сил, разгребали руками снег и землю и затем падали на бок и мгновенно застывали.

Неоднократно наблюдал я следующее явление: если только человек, говоря о будущем, начинал утверждать невозможность пройти в подобных условиях оставшиеся до границы 500 или 600 верст, то его следовало считать погибшим, и действительно он непременно погибал не позже 2-го или 3-го дня...

ТИРИОН

Недалеко от Дубровны я встретил императора среди гренадер его гвардии, к которым он перед дорогой обратился с речью, напомнив, чего он ждет от их дисциплины и храбрости. Одетый в бархатную шубу на меху и в такой же шапке, с длинной палкой в руках, он шел пешком под руку с Мюратом, уверенность и обычная веселость которого не исчезла от холода и нашего бедственного положения. Он улыбался, говоря с императором, а странный вид и окоченевшие лица сопровождавших его давали пищу его шуткам. Перед ним шел маршал Бертье, одетый в синий сюртук и, казалось, не находивший ничего забавного в своем теперешнем положении. Шуба, шапочка и польские сапоги на меху составляли костюм Мюрата, нарядный вид которого так не вязался со всем его окружавшим. Экипаж следовал за императором, это, кажется, было все, что осталось от его блестящих экипажей. Перед самым наступлением ночи я прибыл к вновь построенному на Днепре мосту напротив маленького городка Орши. Это было 19 ноября.

Недавно прибывшие в армию жандармы охраняли подходы к мосту и старались упорядочить переправу, но это было невозможно: множество людей так его загромаждало, что я решился остаться на левом берегу и подождать завтрашнего дня, чтобы войти в город. Я устроился со своими дорожными товарищами в лачужке, где жили евреи. Хороший огонь и кое-какая провизия, купленная нами на вес золота, заставила нас забыть нечистоплотность наших хозяев и их кроватей и грозившую нам опасность нападения казаков. К счастью, в этом месте нападений не было, и мы провели ночь спокойно...

ГРИУА

ОРША

Не доезжая Дубровны, было решено сформировать особый эскадрон. В состав его входили все генералы и полковники, оставшиеся без дела, но у которых еще оставались лошади; они должны были охранять священную особу государя, но скоро в этом эскадроне избранников образовался раскол на почве зависти, и, еще не доходя до Березины, он почти распался.

Сам император после Дубровны собрался было реорганизовать гвардию; он шел пешком и проповедовал дисциплину. Маршал Дюрок¹⁴² и многие другие генералы старались, со своей стороны, останавливать солдат и офицеров, желая их упорядочить, но все их усилия оказались тщетными. И тогда Наполеон сам убедился, что наше и его спасение зависело только от недостаточной решительности врагов. Враги наши после битвы при Красном могли убедиться, что нас не так-то легко взять, но, с другой стороны, они также могли бы убедиться и в том, что мы потеряли все, что было у нас годного для войны; вся французская отвага должна была в конце концов смириться перед нищетой, утомлением и перед численностью неприятеля. Когда мы вошли в Оршу, вся армия была поражена любезностью русских. Они оставили нам проход свободным, благодаря чему мы переправились на ту сторону Днепра по наскоро сколоченным мостам. Такое бездействие Кутузова дало нам приятную надежду встретить еще часть армии, шедшую под началом маршалов Виктора и Удино, которые нас и на самом деле спасли при Березине. Кутузов

действовал как генерал, не привыкший к победам, а может быть, как хитрый политик. Он принципиально давал нам возможность уходить. «Этого урока с них довольно, — говорил он, — они больше не вернутся, их нужно прогнать от себя, но уничтожать французской армии не следует — это значило бы работать для наших общих врагов». Кутузов был за союз Франции с Россией...

В Дубровне и Орше мы нашли съестные припасы, но беспорядок, господствовавший в армии, был причиной, что они не были выданы правильно; тут повторилась та же история, как в Смоленске: одни получили более, чем было нужно, другим ничего не доставалось, и они гибли от голода...

Известия все ухудшались; 22 ноября я уже не мог более заблуждаться насчет нашего положения, узнав вечером, что граф Дарю¹⁴³ жег бумаги императора, и притом самые секретные. Его секретарь, показав ему один документ, лежавший в прекрасном перламутровом ящике, сказал: «Мы не имеем копии с него в Париже». Министр отвечал: «Все равно сожгите его». Когда я говорил об этом за ужином с графом, то он сказал мне: «Завтрашний день — переход через Березину, он решит нашу участь; может быть, я не увижу более Франции, моей жены и детей. Эта мысль ужасна».

ДЕДЕМ

Наши страшные наряды доказывают самую страшную нищету и придают нам отвратительный вид. Они закоптели от дыма и покрыты землей с наших bivakov. Лица у нас желтые, глаза тусклые и свалившиеся, сальные волосы висят в беспорядке, борода длинная, и на конце ее висят бесчисленные ледяные сосульки, происходящие от текущей на нее мокроты. Не имея возможности действовать руками и не будучи в силах почиститься, мы открываем сзади панталоны и не смеем останавливаться для исполнения самых необходимых естественных надобностей из опасения замерзнуть. Таков ужас положения, который нельзя выразить никакими словами.

Во время ходьбы слышится непрерывное хрустение скрытых под снегом трупов, которые топчут ногами лошади или давят колеса повозок. К этому шуму примешиваются взрывы фургонов, которые мы принуждены взрывать за невозможностью тащить их за собой и не

желая оставлять их неприятелю. Еще более ужасный шум пугает нас на каждом шагу: это крики несчастных, которые, выбившись из сил, падают на снег с жалобными воплями, тщетно борясь с самой ужасной агонией.

ФРАНСУА

ОТ ОРШИ ДО БОРИСОВА

Мы прошли через местечко, имени которого я не знаю и где говорили, что император должен был заночевать (хотя он давно проехал мимо). Множество войск разного оружия останавливалось там; было уже поздно, а по слухам, оставалось еще добрых 8 верст до места привала, намеченного в большом лесу.

Дорога в этом месте очень широка и окаймлена с обеих сторон огромными березами. По ней удобно было следовать людям и повозкам, но когда настал вечер, то по всему ее протяжению виднелись павшие лошади, и чем дальше мы подвигались, тем гуще она была усеяна повозками, издыхающими лошадьми, даже целыми упряжками, изнемогающими от усталости, а также и людьми, которые, не будучи в силах идти дальше, останавливались, располагались на биваках под большими деревьями, потому что, как они сами говорили, тут под рукой у них все, чего они не найдут в другом месте: топливо для костров, на что пригодятся сломанные повозки, а вместо пищи — мясо тех лошадей, которыми завалена была дорога и которые уже начинали задерживать движение.

Давно уже я шел один в этой тесноте, стараясь добраться до того места, где мы должны были ночевать, чтобы наконец отдохнуть от этого тяжелого перехода, еще более затрудненного гололедицей, образовавшейся с тех пор, как опять подморозило по талому снегу, так что я ежеминутно падал; ночь застигла меня среди этих бедствий.

Северный ветер подул с новою яростью; с некоторых пор я потерял из виду своих товарищей; несколько солдат, изолированных, как и я, чуждых тому корпусу, к которому я принадлежал, тащились с трудом, делая сверхъестественные усилия, чтобы настигнуть колонну, от которой отделились, как и я. Те, к кому я обращался, не отвечали — у них не хватало сил. Другие падали в смертельном изнеможении, чтобы уже не встать.

Скоро я очутился совершенно один, не имея более

никаких товарищей, кроме трупов, служивших мне проводниками.

Силы были истощены вконец. Уже я падал раза два, задремав, и, если б меня не пробуждала холодная влажность снега, я не мог бы устоять и погиб бы, отдавшись непреодолимой сонливости.

Место, где я находился, было усеяно людьми и лошадьми, заграждавшими мне дорогу и мешавшими волочить ноги, потому что я уже не имел сил поднимать их. Каждый раз, как я падал, мне казалось, что меня остановил один из несчастных, валявшихся на снегу; часто случалось, что люди, лежавшие при последнем издыхании на дороге, цеплялись за ноги проходивших мимо, умоляя их о помощи, и иногда те, что нагибались, чтобы помочь товарищам, сами падали, чтобы уже не подняться.

Минут десять я шел наобум, не придерживаясь никакого направления; я брел как пьяный; колени мои подгибались под тяжестью слабого тела. Словом, я чувствовал близость моего последнего часа...

В эту минуту показалась луна, и я увидел шагах в десяти от меня двух людей — один лежал, другой сидел возле. Направившись в ту сторону, я с трудом добрался до них вследствие наполненного снегом рва, отделявшего дорогу. Я заговорил с тем человеком, который сидел; он захохотал как безумный и проговорил: «Друг мой, смотри не забудь же!» И опять рассмеялся. Я убедился, что это смех смерти. Другой, которого я считал мертвым, еще был жив и, слегка повернув голову, промолвил эти последние слова, которых я век не забуду: «Спасите моего дядю, помогите ему, а я умираю!»

Я сказал ему еще несколько слов, но он уже не отвечал мне. Тогда, обратившись в сторону первого, я старался подбодрить его встать и пойти со мной. Он смотрел на меня, не произнося ни слова; я заметил, что он закутан в толстый плащ, подбитый мехом, но старается сбросить его. Я хотел помочь ему подняться, но это оказалось невозможным. Держа его за руку, я убедился, что на нем эполеты высокопоставленного офицера. Он заговорил со мной о смотре, о параде и наконец повалился на бок, лицом в снег. Мне пришлось оставить его, я не мог оставаться дольше, не подвергаясь опасности разделить участь этих двух несчастных.

Надежда встретить какой-нибудь бивак заставляла меня по возможности ускорить шаг. В одном месте

дорога была почти совершенно заграждена лошадиными трупами и поломанными повозками. Вдруг я поневоле отдался слабости и опустился на шею дохлой лошади, лежавшей поперек дороги. Вокруг лежали без движения люди различных полков. Я различил между ними несколько солдат молодой гвардии, которых легко было узнать по киверам; потом я сообразил, что часть этих людей умерла в то время, как старались разрезать труп лошади, чтобы съесть его, но у них не хватило силы, и они погибли от холода и голода, как это случилось каждый день. В этом печальном положении, ощутившись один среди обширного кладбища и страшного безмолвия, я отдался мрачным мыслям: я думал о своих товарищах, с которыми был разлучен каким-то роком, думал о своей родине, о своих близких — и заплакал как ребенок. Пролитые слезы немного облегчили меня и вернули мне потерянное мужество.

Я нашел у себя под рукой, у самой головы лошади, на которой сидел, маленький топорик, какой мы всегда носили с собой в каждой роте во время похода. Я хотел употребить его, чтобы отрезать кусок мяса, но не мог: до такой степени труп заковенел от мороза — совершеннейшее дерево. Я истощил последние силы, одолевая лошадь, и повалился в изнеможении, зато немного согрелся.

Поднимая топорик, вывалившийся у меня из руки, я заметил, что отколол несколько кусков льда. Оказалось, что это лошадиная кровь; вероятно, кровь выпускали, прежде чем убить лошадь. Я подобрал несколько мог больше этих кусочков крови и тщательно спрятал их в ягдташ; потом я проглотил несколько кусочков этого льда; это подкрепило меня, и я продолжал свой путь, отдавшись в руки Божии; все время я старался переходить с правой стороны на левую, чтобы избегнуть трупов, усеявших дорогу; останавливался и пробирался ощупью в потемках каждый раз, как темная туча набегала на луну, и ускорял шаг по направлению к лесу всякий раз, как показывалась луна.

Через некоторое время я увидел вдали перед собой какой-то предмет, который я сперва принял за зарядный ящик, но, подойдя ближе, увидел, что это просто сломанная повозка маркитантки одного из полков молодой гвардии; я встречал ее несколько раз после Красного везущей двух раненых фюзелеров-егерей гвардии.

Лошади, везшие повозку, были мертвы и частью

съедены или разрезаны на куски; вокруг повозки валялось семь трупов, почти обнаженных и до половины занесенных снегом; на одном только был надет овчинный тулуп.

В том положении, в каком я находился, чувство само-сохранения было всегда моей первой мыслью; вот почему необдуманном движением я хотел попытать свои силы, чтобы отрезать кусок лошади, забыв о том, что за минуту перед тем я свалился от слабости, стараясь сделать то же самое. Тем не менее я взял топор в обе руки и стал рубить лошадь, находившуюся еще в оглоблях повозки, но, как и в первый раз, это оказалось напрасным трудом...

Наконец, не будучи в силах оторвать ни клочка мяса, чтобы поестъ конины хотя бы в сыром виде, я решился заночевать в повозке, оказавшейся крытой...

Но только я начал действовать, как раздирающий крик раздался изнутри повозки. Я оборачиваюсь — опять крик: «Мари, дай мне пить, я умираю!» Я олешил. Через минуту тот же голос простонал: «Ах, Боже мой!» Я сообразил, что это несчастные раненые, покинутые помимо их ведома. Действительно, так и было.

Я влез на остов лошади в оглоблях, оперся на край повозки и спросил, что нужно. Мне с трудом отвечали: «Пить».

Я вспомнил о кусочках обледенелой крови, спрятанных мною в ягдташ, и хотел спуститься за ними, (как) вдруг луна, светившая мне некоторое время, спряталась за большую черную тучу; думая, что ставлю ногу на что-то твердое, я оступаюсь и падаю на три трупа, лежавших рядом. Ноги мои очутились выше головы, поясницей я упирался в живот мертвеца, а лицом — на его руку. За последний месяц я привык спать в подобной компании, но тут оттого ли, что я был один-одинешенек, мной овладело чувство сильнее простой трусости. Мне казалось, что это кошмар; на мгновение я лишился языка. Я был как безумный и вдруг принялся кричать, точно меня кто держит и не хочет отпустить. Несмотря на все мои усилия, я не мог встать. Наконец я хочу подняться, упирясь на руки, но невзначай попадаю рукой в лицо мертвеца, а один из моих пальцев засовывается ему в рот.

В этот миг выплывает луна, и я могу разглядеть все окружающее. Меня охватывает дрожь, я теряю точку опоры и снова падаю. Вдруг все изменяется. Вместо страха мною овладевает какое-то неистовство. Я встаю,

ругаясь, и задеваю руками, ногами за лица, туловища, конечности — словом, за что попало. Я с проклятьями устремляю глаза в небо, точно посылая ему вызов: не помню, может быть, я даже ударил беспомощных бедняков, валявшихся у меня под ногами.

Немного успокоившись, я решил заночевать в повозке возле равеных, чтобы защитить себя хоть от дурной погоды. Я взял кусок обледенелой крови из своей сумки и влез в повозку, ощупью отыскивая человека, просившего пить и теперь не перестававшего стонать, хотя слабо. Приблизившись, я убедился, что у него ампутирована левая нога.

Я спросил, какого он полка, но не получил ответа. Тогда, пощупав его голову, я с трудом сунул кусочек обледенелой крови ему в рот. Тот, что лежал с ним рядом, был холоден и тверд как мрамор. Я попробовал спустить его с повозки, чтобы занять его место, дожидаться дня и ехать дальше с теми, которых я предполагал назади, но мне это никак не удавалось. У меня не хватило сил свернуть тело, и так как край повозки был чересчур высок, то я не мог сбросить тело вниз. Видя, что другому раненому остается жить разве несколько минут, я прикрыл его двумя шинелями покойника и стал шарить, не найду ли в кибитке чего-нибудь, что бы пригодилось мне. Не найдя ничего, я стал заговаривать с раненым, но не получал ответа. Я провел рукой по его лицу — оно уже застыло, и во рту еще торчал кусочек льда, всунутый мною. Он покончил и с жизнью, и с(о) страданиями...

БУРГОНЬ

ПЕРЕД ПЕРЕПРАВОЙ

Мы спешили, как только было возможно, дойти до реки Березины, от которой мы были теперь удалены на расстояние часов четырех или пяти. Уже несколько дней мы были на большой дороге, где происходило непрерывное движение. Нанерерыв друг перед другом все стремились перейти реку, и каждый напрягал силы, чтобы дойти до нее, но многие падали от усталости или под тяжестью тащимой добычи и таким образом кончали смертью. От времени до времени мы оборачивались фронтом назад, чтобы показать неприятелю, что мы еще живы. Но неприятель, тоже утомленный и, сверх того, уверенный в своей победе, отпускал нас с миром: мы не до-

шли еще до того места, на котором неприятель хотел нас видеть. На другой день, 27 ноября, мы тронулись в путь, озябшие от холода и извуренные голодом, в темную, хоть глаза выколи, ночь, чтобы по возможности быть ближе к реке, и пришли к городу Борисову, где должна была решиться наша судьба. Более ужасную картину, чем та, которая ожидала нас здесь, быть может, никогда не видал глаз человеческий. Представьте себе город в ярком пламени и две армии, дерущиеся в нем. Тут горящий дом рушится с ужасным треском, там раздаются ружейные выстрелы и гром пушек, и среди этих звуков жалобные стоны раненых, и никакой надежды на спасение: впереди, позади, со всех сторон беспощадный враг! Всюду смерть угрожает открытой настью. После того как мы с 12 часов утра до вечера дрались с мужеством отчаяния, нам удалось занять город, или, лучше сказать, русские дали нам занять его, чтобы на другом месте вернее напасть на нас.

ВАГЕБИР

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ БЕРЕЗИНУ

Борисовский мост был сожжен и не мог быть восстановлен. После того как Наполеон велел разрушить часть моста, мы получили приказ отступить и идти на Студянку. Маршал Удино продолжал командовать нами. Были почти закончены два моста через Березину. Работа понтонеров под начальством генерала Эбле¹⁴³ была выполнена выше всякой похвалы, несмотря на куски льда, загромождавшие реку. Один из мостов должен был служить для пехоты, другой — для артиллерии и конницы. В тот день, когда мы должны были переправиться на правый берег, к нам явился император и, обратившись оживленно к полковнику, спросил его: «Как велик ваш полк?»

Полковник, захваченный врасплох столь неожиданным вопросом, не мог тотчас же ответить.

Я заметил в жесте императора нетерпение, а во взоре его раздражение. Быстро обернувшись ко мне, находившемуся в нескольких шагах от полковника, он задал мне тот же вопрос. Я ответил без всяких предисловий: «Ваше Величество, столько-то солдат, столько-то офицеров».

Он ничего не ответил и пошел дальше. Наполеон уже не был тем великим императором, которого я видел в Тюильри; у него был усталый и беспокойный вид. Я его

вижу, как сейчас, в его знаменитом сером сюртуке. Он ускакал от нас и объехал весь 2-й корпус Удино. Следя за ним глазами, я увидел, как он остановился перед 1-м швейцарским полком, который находился в нашей бригаде. Мой друг, капитан Рей, имел возможность вдоволь налюбоваться им. Он был, как и я, поражен беспокойством в его взоре. Слезая с лошади, император опирался на балки и доски, которые должны были служить для постройки моста. Он склонял голову, чтобы тотчас же поднять ее с озабоченным и нетерпеливым видом, и, обратившись к инженерному генералу Эбле, сказал ему: «Долго, генерал, очень долго!»—«Ваше Величество, извольте видеть, что мои люди стоят по горло в воде; их работе мешают льдины; у меня нет ни съестных припасов, ни водки, чтобы дать им согреться».—«Довольно, довольно!»—возразил император и снова уставился в землю.

Спустя несколько мгновений он начал жаловаться вновь, словно забыв доводы генерала. Время от времени он брался за свою зрительную трубу. Зная о движении русской армии, шедшей форсированным маршем от берегов Днепра, он опасался быть отрезанным и попасть во власть неприятеля, который намеревался нас окружить сразу с трех сторон прежде, чем были закончены мосты. Не знаю, быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, что это мгновение было одним из самых ужасных в его жизни. Лицо его, однако, не обнаруживало волнения: на нем можно было заметить лишь нетерпение.

ВЕГО

Вы должны помнить, что баварский генерал граф Вреде¹⁴⁵ ушел без разрешения от 2-го корпуса. Он увел с собой кавалерийскую бригаду Корбино¹⁴⁶, обманув этого генерала уверениями, что получил для этого приказ, чего на самом деле не было. Результатом этого обмана было спасение императора и остатков его великой армии!

Действительно, Корбино, увлеченный помимо своей воли в противоположную сторону от 2-го корпуса, часть которого он составлял, следовал за генералом Вреде до Глубокого. Но он объявил, что не пойдет далее до тех пор, пока баварский генерал не покажет ему по крайней мере приказа, бывшего, по его словам, у него и повелевавшего ему держать при себе бригаду Корбино. Так как граф Вреде не мог удовлетворить этого требования, то

Корбино отделился от него и добрался до Докшиц у истоков Березины. Затем, идя по ее правому берегу, он надеялся достичь Борисова, перейти там реку по мосту и, взяв направление на Оршу, идти навстречу корпусу Удино, который, по его предположениям, был в окрестностях Бобра.

Императору ставили в упрек, что, имея на своей службе несколько тысяч поляков Варшавского герцогства, он не приставил с самого начала похода нескольких из них в качестве переводчиков к каждому генералу и даже к каждому полковнику, потому что при этой мудрой мере можно было бы избежать очень многих ошибок и сделать службу бесконечно более точной. Доказательством этому может служить тот опасный путь, который должна была проделать в течение нескольких дней бригада Корбино по новой для нее стране, языка которой не знал ни один француз. Поэтому было большим счастьем, что среди 3 полков, находившихся под командой этого генерала, был 8-й полк польских улан, офицеры которого добывали у жителей все необходимые сведения. Это громадное преимущество сослужило прекрасную службу Корбино.

В самом деле, когда он был в полдневном переходе от Борисова, крестьяне сообщили польским уланам, что город этот занят русской армией Чичагова. Корбино уже потерял надежду перейти Березину, когда эти же самые крестьяне, предложив ему отступить назад, провели его колонну к Студянке, маленькой деревушке, расположенной недалеко от Веселова, на 16 верст выше Борисова; перед ней находился брод. Три кавалерийских полка Корбино перешли его без потерь и направились затем через поля, ловко избегнув приближения к Борисову, так же как и к войску Витгенштейна, расположенному в Рогатке, прошли между ними и соединились наконец с маршалом Удино 23-го вечером близ Начи.

Отважный переход, совершенный Корбино; прославил его и был как нельзя более счастлив для армии, потому что император, узнав о физической невозможности скоро восстановить Борисовский мост, решил после совещания с Корбино перейти Березину близ Студянки. Но так как Чичагов, извещенный о переправе в этом месте бригады Корбино, прислал к Студянке сильную дивизию и много артиллерии, то Наполеон, чтобы обмануть неприятеля, употребил военную хитрость, которая, несмотря на свою избитость, почти всегда удается. Он притворил-

ся, что не имеет видов на Студянку и собирается воспользоваться двумя другими бродами, существующими ниже Борисова, из которых менее неудобный находится при деревне Уколода. Для этого был открыто направлено к этому месту один из еще вооруженных батальонов; за ним вслед послали несколько тысяч отсталых солдат, которых неприятель должен был принять за сильную дивизию пехоты. За этой колонной следовали многочисленные фургоны, несколько пушек и дивизия кирасир. Подойдя к Уколоде, эти войска стреляли из пушек и сделали все для того, чтобы заставить думать, будто они строят мост.

Чичагов, предупрежденный об этих приготовлениях и не сомневаясь, что план Наполеона состоит в том, чтобы перейти реку в этом месте, для того чтобы выйти на Минскую дорогу, находящуюся по соседству, поспешил не только послать к Уколоде по правому берегу весь борисовский гарнизон, но, по невозможному заблуждению, русский генерал, имея достаточно сил для охраны одновременно и низа и верха реки, заставил спуститься к Уколоде все войска, помещенные им накануне выше Борисова, между Зембином и Березиной.

И вот как раз против Зембина лежит село Веселово, к которому принадлежит деревушка Студянка. Неприятель же покинул этот пункт, где император хотел перебросить свой мост, и бесполезно кинулся на защиту брода, расположенного на 24 версты ниже того места, где мы собирались переправляться.

К ошибке, которую он сделал, собрав таким образом в кучу всю свою армию ниже города Борисова, Чичагов прибавил еще одну, какой не сделал бы даже сержант и которую его правительство никогда ему не простило. Зембин построен на обширном болоте, которое пересекает дорога из Вильны через Камень. На шоссе этой дороги находятся 22 деревянных моста, которые русский генерал, прежде чем уйти, мог в одну минуту превратить в пепел, потому что вокруг них было много стогов сена и сухого тростника. В том случае, если бы Чичагов принял эту разумную предосторожность, французской армии было бы отрезано возвращение и переход через реку не послужил бы ей ни к чему, потому что она была бы остановлена глубоким болотом, окружающим Зембин. Но, как я вам только что рассказал, русский генерал оставил нам в целости мосты и нелепо спустился вниз по Березине со всеми своими людьми, оставив не более полусотни казаков для наблюдения у Веселова.

Пока русские, обманутые маневром императора, удалялись от настоящего места наступления, Наполеон отдавал свои приказания. Маршал Удино и его корпус должны отправиться ночью в Студянку и способствовать там построению двух мостов, перейти затем на правый берег и выстроиться между Зембином и рекой. Герцог Беллунский, выйдя из Начи, должен составлять арьергард, подгонять отсталых, постараться защищать Борисов в течение нескольких часов, затем отправиться к Студянке и перейти там мосты. Таковы были распоряжения императора, точному исполнению которых помешали события.

25-го вечером бригада Корбино, командир которой так хорошо знал окрестности Студянки, направилась к этому месту, поднимаясь по левому берегу Березины. Бригада Кастекса¹⁴⁷ и несколько легких батальонов следовали за нею. Затем шли главные силы 2-го корпуса. Мы с сожалением покинули Борисов, в котором мы так счастливо провели эти два дня. Должно быть, у нас было грустное предчувствие тех несчастий, которые были нам предназначены.

26 ноября на рассвете мы были в Студянке. На противоположном берегу не было заметно никаких приготовлений к обороне, так что, если бы император сохранил понтонный парк, который он сжег несколько дней тому назад в Орше, армия могла бы перейти Березину немедленно. Река эта, которую некоторые воображают гигантских размеров, на самом деле не шире улицы Рояль в Париже перед морским министерством. Что касается ее глубины, то достаточно сказать, что 72 часа перед тем 3 кавалерийских полка бригады Корбино перешли ее вброд без всяких приключений и переправились через нее вновь в тот день, о котором идет речь. Их лошади шли все время по дну, а если плыли, то не более 2 или 3 саженьей. Переход в этот момент представлял только легкие неудобства для кавалерии, повозок и артиллерии. Первое состояло в том, что кавалеристам и ездовым вода доходила до колен, что тем не менее было переносимо, потому что, к несчастью, не было холодно даже настолько, чтобы река замерзла; по ней плавали только редкие льдины; для нас, конечно, было бы лучше, если бы она замерзла. Второе неудобство происходило опять от недостатка холода и состояло в том, что болотистый луг, окаймлявший противоположный берег, был до того вязок,

что верховые лошади с трудом шли по нему, а повозки погружались до половины колес.

Воинское самолюбие, конечно, очень похвально, но надо уметь его умерять и даже забывать в затруднительных обстоятельствах. Этого не сумели сделать при Березине начальники артиллерии и саперов. Каждая из этих 2 частей заявила, что она *одна* будет строить мосты. Таким образом они пререкались, и ничего не двигалось до тех пор, пока император, прибывший к полудню 26-го, положил конец этому спору, приказав, чтобы один мост строился артиллеристами, а другой — саперами. В одну минуту разобрали бревна и балки деревянных домишек, и саперы наравне с артиллеристами принялись за работу.

Эти отважные солдаты показали совершенно исключительную самоотверженность, которой не сумели в достаточной мере оценить. Они голые бросались в холодную воду Березины и работали в ней беспрерывно в течение 6—7 часов, причем не было ни капли водки, чтобы им дать, а вместо постели ночью им должно было служить поле, покрытое снегом. Поэтому с наступлением сильных холодов почти все они погибли.

Пока работали над сооружением мостов, мой полк, так же как и все другие части 2-го корпуса, дожидался на левом берегу приказа перейти реку; император, ступая большими шагами, переходил от одного полка к другому, разговаривая с солдатами и офицерами. Мюрат сопровождал его. Этот воин, такой храбрый, такой предприимчивый и совершивший так много боевых подвигов, когда победоносные французы шли на Москву, — гордый Мюрат как бы отошел в тень с тех пор, как ушли из этого города, и в продолжение всего отступления он ни разу не принял участия ни в одном бою. Молча следовал он за императором, точно был посторонним всему тому, что происходило в армии. Тем не менее он, казалось, вышел из своего оцепенения при виде Березины и тех единственных войск, которые, сохраняя порядок, являлись в этот момент последней надеждой на спасение.

Так как Мюрат очень любил кавалерию и так как из многочисленных эскадронов, перешедших Неман, остались только эскадроны корпуса Удино, то он направил императора в их сторону. Наполеон пришел в восторг от прекрасного состояния, в каком сохранилась вся эта часть и мой полк в частности, потому что он один был сильнее нескольких бригад. В самом деле, у меня было еще более 500 всадников, тогда как другие полковники

армейского корпуса не насчитывали и 200. Таким образом, я получил от императора очень лестные поздравления, большая часть которых приходилась на долю моих офицеров и моих солдат.

Как раз в этот момент я был обрадован, увидев идущего ко мне Жана Дюпона, лакея моего брата, этого преданного слугу, усердие которого, храбрость и верность были доказаны на деле. Оставшись один после того, как его господин был взят в плен в самом начале кампании, Жан последовал за 16-м стрелковым полком в Москву, проделал все отступление, оберегая и кормя трех лошадей моего брата Адольфа и не соглашаясь продать ни одной из них, несмотря на самые соблазнительные предложения. Этот славный малый, дошедший до меня после пяти месяцев лишений и нищеты, принес мне все вещи моего брата, но, показывая мне их, он сказал со слезами на глазах, что, износив свою обувь и видя себя вынужденным идти босиком по льду, он позволил себе взять пару сапог своего господина. Я оставил у себя на службе этого достойного уважения человека, и он принес мне огромную пользу, потому что несколько времени спустя я был ранен вторично во время самых ужасных дней великого отступления.

Но возвратимся к переправе через Березину. Не только наши лошади легко перешли через нее, но и маркиз-танты наши переправились через нее со своими телегами. Это дало мне мысль, что было бы возможно распрячь многочисленные повозки, следовавшие за армией, поставить их в воду одну за другой и таким образом устроить несколько переходов для пехотинцев. Это бесконечно облегчило бы движение человеческих масс, которые завтра должны тесниться при входе на мост. Эта мысль показалась мне настолько счастливой, что, не обращая внимания на воду, доходившую до пояса, я переправился вброд для того, чтобы сообщить ее генералам императорского генерального штаба. Нашли, что мой проект хорош, но никто не пошевелился, чтобы пойти сказать о нем императору. Наконец генерал Лористон, один из его флигель-адъютантов, сказал мне: «Я уполномочиваю вас устроить пешеходный мост, полезность которого вы только что так хорошо объяснили». На это предложение я ответил, что, не имея в своем распоряжении ни саперов, ни пехоты, ни инструментов, ни свай, ни накатов и не имея притом же права оставлять свой полк, который, находясь на правом берегу, мог быть с минуты на минуту

атакован, я ограничиваюсь тем, что сообщаю ему свой совет, который считаю удачным, и возвращаюсь к своему посту. Сказав это, я перешел воду и возвратился к 23-му полку.

Между тем саперы и артиллеристы, окончив наконец мосты на козлах, пропустили по ним пехоту и артиллерию корпуса Удино, которые, перейдя на правый берег, разбились биваком в большом лесу, лежащем в полуверсте от деревушки Завнишки, где к ним по полученному приказанию должна была присоединиться кавалерия. Мы наблюдали таким образом за Стаховом и пунктом, где проходила Большая Минская дорога, по которой генерал Чичагов увел все свои войска к низовьям Березины и по которой он необходимо должен был опять идти для того, чтобы вернуться к нам, узнав, что мы перешли реку возле Зембина.

27-го вечером император перешел мост со своей гвардией и прибыл, чтобы устроиться в Завнишках, где кавалерия получила приказ присоединиться к нему. Неприятель не появлялся.

Много было говорено о бедствиях, постигших нас на Березине, но вот чего никто еще не сказал: что большей части из них можно бы было избежать, если бы императорский генеральный штаб лучше знал свои обязанности и воспользовался бы ночью с 27-го на 28-е для того, чтобы перевести через мосты обоз и, главное, те тысячи оставших, которые на другой день так затруднили переправу.

После того как я устроил свой полк на биваке в Завнишках, я заметил отсутствие одной вьючной лошади, которую вследствие того, что на ней перевозились касса и счетоводные документы боевых эскадронов, нельзя было рисковать переводить вброд. Я подумал, что вожатый и кавалерист, сопровождающие ее, ждут, пока мосты будут готовы. Между тем прошло уже несколько часов, как мосты были готовы, однако эти люди не появлялись. Тогда, беспокоясь о них, а также о драгоценном имуществе, вверенном им, я еду для того, чтобы лично содействовать их переправе, потому что, как я думал, мосты должны быть очень загромождены. Я поскакал туда галопом, но каково же было мое изумление, когда я нашел их *совершенно пустыми*. Никто не переходил через них в эту минуту, между тем как в 100 шагах оттуда при ярком лунном свете я заметил более 50 000 солдат, отсталых или отделившихся от своих полков, так называемых *rôtisseurs* (жарильщиков). Люди эти, спокойно сидя перед огромными кострами, приготавливали жаркое из конины, ни-

мало не беспокоясь тем, что находились перед рекой, переправа через которую на следующий день могла стоить жизни многим из них, между тем как сейчас они в несколько минут могли бы без всяких препятствий перейти ее и на том берегу закончить приготовления к своему ужину. Впрочем, не было там ни одного офицера императорского дома, ни одного флигель-адъютанта из генерального штаба армии, ни одного маршала для того, чтобы предупредить этих несчастных и толкнуть их в случае необходимости к мостам. Тут, в этом беспорядочном лагере, я впервые увидел воинство, возвращающееся из Москвы. Сердце мое облилось кровью. Все чины перемешались: ни оружия, ни военной выправки! Солдаты, офицеры, даже генералы, покрытые лохмотьями, вместо обуви имевшие обрывки кожи или сукна, еле привязанные при помощи тесемок! Огромная толпа, в которой перемешались тысячи людей различных национальностей, шумно говорящих на всех европейских языках и не имеющих возможности понимать друг друга!

Между тем, если бы из корпуса Удино или из гвардии взяли несколько батальонов, находившихся еще в порядке, они легко могли бы протолкнуть всю эту массу по ту сторону мостов, потому что я, возвращаясь в Завнишки и имея при себе только несколько ординарцев, отчасти убеждением, отчасти силой добился того, что перевел на правый берег 2 или 3 тысячи этих несчастных. Но другие обязанности призывали меня к моему полку, и я должен был к нему возвратиться.

Напрасно, проезжая мимо главного генерального штаба и мимо штаба маршала Удино, я обращал внимание на пустоту мостов и на легкость, с которой их можно было перейти людям без вооружения в настоящий момент, когда враг ничего не предпринимал. Мне отвечали только уклончивыми словами, причем каждый сваливал на другого заботу о выполнении этой операции.

Вернувшись к биваку своего полка, я был приятно изумлен, найдя там унтер-офицера и 8 стрелков, которые во время похода стерегли наше стадо. Эти славные люди были очень огорчены тем, что толпа жарильщиков, набросившись, изрубила и съела у них на глазах их быков и они никак не могли этому помешать. Полк, однако, утешился в этой потере, так как каждый кавалерист запасся в Борисове провиантом на 25 дней.

Усердие моего адъютанта Вердье заставило его возвратиться по ту сторону мостов для того, чтобы разыс-

кать стрелков — хранителей наших документов. Этот храбрый воин, затерявшись в толпе, не мог добраться до реки, на следующий день во время суматохи был взят в плен, и я увиделся с ним только через 2 года.

И вот мы подошли к самому ужасному моменту роковой русской кампании — к переправе через Березину, происходившей главным образом 28 ноября.

На рассвете этого злосчастного дня положение воюющих армий было таково. На левом берегу маршал Виктор, выйдя ночью из Борисова, отправился с 9-м корпусом в Студянку, гоня перед собой толпу отставших. Этот маршал в качестве своего арьергарда оставил пехотную дивизию генерала Партуно¹⁴⁸, которая, получив приказание выступить из города через 2 часа после ухода корпуса, должна была вслед за ним послать несколько маленьких отрядов, соединенных с главной частью цепью разведчиков и указывающих таким образом направление. Кроме этого, генерал должен был послать вплоть до Студянки адъютанта, обязанного узнать дорогу и затем вернуться прежде выступления дивизии. Но Партуно, пренебрегая всеми этими предосторожностями, ограничился тем, что выступил в предписанный час. Ему встретилось место, где дорога разветвлялась на две и он не знал ни той, ни другой. Но он не мог не знать (потому что он шел из Борисова), что Березина у него слева; из этого он мог заключить, что, для того чтобы попасть в Студянку, лежащую на этой реке, нужно идти по левой дороге. Он сделал как раз наоборот и, машинально следуя за несколькими вольтижерами, шедшими впереди него, пустился по правой дороге и попал в середину многочисленного русского войска Витгенштейна. Скоро окруженная со всех сторон дивизия Партуно должна была сложить оружие*.

Между тем простой батальонный командир, командовавший арьергардом дивизии, имел достаточно здравого смысла, чтобы пойти по левой дороге только потому, что она приближала к реке, и присоединился к маршалу Виктору близ Студянки.

Велико было изумление маршала, когда вместо дивизии Партуно он увидел только этот батальон, составлявший его арьергард. Но изумление маршала сменилось

* Партуно, впрочем, защищался геройски. От дивизии его оставалось всего несколько сот человек, когда она принуждена была сдаться. (Прим. авт.)

оценением, когда его атаквали русские Витгенштейна, которого, по его расчету, должна была задержать дивизия Партуно. После этого нельзя было более сомневаться, что этот последний со всеми своими полками взят в плен.

Но его ожидали еще новые несчастья, потому что фельдмаршал Кутузов, который от самого Борисова шел следом за Партуно с многочисленными войсками, узнав о его капитуляции, ускорил движение и присоединился к Витгенштейну для того, чтобы одолеть Виктора. Последний, корпус которого был доведен всего до 10 000 человек, оказал самое отчаянное сопротивление. Его войска (даже немцы, составлявшие часть их) бились с храбростью действительно геройской и тем более замечательной, что, атакованные двумя армиями сразу, притиснутые к Березине, они были, сверх того, стеснены в движениях огромным количеством повозок, без всякого порядка наставленных отдельными людьми, бестолково старавшимися добраться до реки. И, несмотря на все это, Виктор задерживал Кутузова и Витгенштейна в течение целого дня.

Пока в Студянке происходило это смятение и эта битва, неприятель, стремившийся завладеть обоими концами мостов, атаковал на правом берегу корпус Удино, стоявший перед Завнишками. С этой целью 30 000 русских Чичагова, выйдя из Стахова, бросились с громкими криками на 2-й корпус, который насчитывал в своих рядах не более 8000 человек. Но так как наши солдаты не входили ни в какие сношения с теми, которые возвращались из Москвы, не имели ни малейшего представления о беспорядке, царившем среди этих несчастных, то нравственный дух корпуса Удино стоял очень высоко, и потому Чичагов был победоносно отбит на глазах у императора, явившегося в этот момент с резервом в 3000 пехотинцев и 1000 кавалеристов старой и молодой гвардии. Русские возобновили атаку и рассеяли поляков <При>вислинского легиона. Маршал Удино был тяжело ранен, и Наполеон послал Нея, чтобы заместить его. Генерал Кондра¹⁴⁹, один из наших лучших пехотных офицеров, был убит; доблестный генерал Легран¹⁵⁰ получил опасную рану.

Действие происходило в сосновом лесу. Неприятельская артиллерия не могла как следует рассмотреть наших, и хотя она стреляла во всю силу орудий, все же ядра не достигали до нас, но, пролетая над нашими

головами, они ломали много ветвей толще человеческого туловища, и ветви эти, падая, убивали или ранили большое количество наших людей и лошадей. Благодаря тому что деревья были очень редки, кавалеристы, хотя и с трудом, все же могли двигаться между ними.

Между тем маршал Ней, видя приближение сильной русской колонны, выпустил на нее все, что оставалось от нашей кирасирской дивизии. Эта атака, совершенная при довольно необычайных условиях, была тем не менее одной из самых блестящих, которые мне приходилось видеть. Храбрый полковник Дюбуа, действуя во главе 7-го кирасирского полка, разрезал надвое неприятельскую колонну и 2000 человек из нее взял в плен. Русские были приведены таким образом в беспорядок, и вся легкая кавалерия преследовала их и оттеснила с ужасными для них потерями к самому Стахову.

Я выравнивал шеренги своего полка, принимавшего участие в этой стычке, когда увидел приближающегося ко мне Альфреда де Ноайля, моего друга. Он возвращался после того, как отвез приказ от князя Бертье, адъютантом которого он состоял. Но вместо того, чтобы, исполнив поручение, вернуться к своему маршалу, он сказал мне, уезжая, что отправится до первых домов Стахова для того, чтобы видеть, что делает неприятель. Это любопытство погубило его, потому что, едва приблизившись к деревне, он был окружен группой казаков, которые, сбросив его с лошади, схватили за ворот и начали бить, волоча по земле. Я послал ему на помощь эскадрон, но эта попытка осталась бесплодной, потому что сильный ружейный залп не дал нашим кавалеристам возможности проникнуть в деревню; с тех пор никогда более не слыхали о де Ноайле. Великолепные меха, бывшие на нем, и его покрытый золотом мундир, очевидно, соблазнили корыстолюбивых казаков, и, вероятно, он был зарезан этими варварами. Семья де Ноайля, уведомленная о том, что я был последним из французов, с которым он говорил, просила у меня сведений относительно его исчезновения. Я не мог дать никаких, кроме вышеупомянутых. Альфред де Ноайль был превосходный офицер и хороший товарищ.

Но это отступление очень удалило меня от Чичагова, который после поражения, нанесенного ему маршалом Неем, не решался в течение целого дня ни вновь атаковать нас, ни выходить из Стахова.

После того как я в общих чертах описал вам поло-

жение войск на обоих берегах Березины, я должен рассказать в нескольких словах то, что происходило на реке во время сражения. Целые толпы из отдельных людей, у которых было 2 дня и 2 ночи, чтобы перейти реку, и которые не воспользовались этим временем вследствие апатии и потому, что никто их к этому не принудил, теперь, после того как ядра Витгенштейна начали сыпаться среди них, захотели переправиться все сразу. Это огромное количество людей, лошадей и повозок, сбившись в кучу и совершенно закупорив входы на мосты, лишило себя возможности добраться до них. Очень большое количество людей, не попав на мосты, было опрокинуто толпой в Березину, где почти все и потонуло.

В довершение несчастья один из мостов рухнул под тяжестью орудий и тяжелых зарядных ящиков, переправлявшихся через него. Тогда все бросились ко второму мосту, где и без того давка была такая, что самые сильные люди не могли противиться натиску. Очень многие задохнулись. Видя невозможность перебраться через загроможденные мосты, многие вожатые гнали лошадей прямо в реку, но этот способ переправы, который был бы очень хорош, если бы его толково применили двумя днями раньше, сделался роковым почти для всех, кто им воспользовался, потому что... повозки... сталкивались и опрокидывали друг друга. Однако некоторые достигли противоположного берега, но так как для выхода на берег ничего не было приготовлено и крутые откосы берегов не были скрыты, как это обязан был сделать генеральный штаб, то очень немногие повозки смогли на них взобраться, и там погибло еще очень много народа!

Ночью с 28-го на 29-е ужасы эти еще увеличились благодаря русской артиллерии, громившей несчастных, пытавшихся переправиться через реку. Наконец в 9 часов вечера несчастье еще возросло, когда маршал Виктор начал отступать и дивизии его в полном порядке появились перед мостом, попасть на который они не могли иначе, как силой оттолкнув все, что загоразивало дорогу. Но набросим покрывало на все эти ужасающие сцены!

29-го на рассвете подожгли все повозки, остававшиеся на левом берегу, а когда генерал Эбле увидел, что русские наконец приближаются к мосту, он сжег и его. Несколько тысяч несчастных, оставшихся перед Студянкой, попали в руки Витгенштейна. Таким образом закончился самый страшный эпизод русского похода.

Все это могло бы быть гораздо менее губительно, если бы сумели и захотели воспользоваться тем временем, которое нам предоставили русские после нашего прибытия к Березине. Во время этой переправы армия потеряла от 20 до 25 тысяч человек.

После того как преодолели это огромное препятствие, толпа отдельных людей, спасшихся от такого ужасного несчастья, была еще несметна. Их отправили на Зембин. Император и гвардия следовали за ними. Затем шли остатки некоторых полков и наконец 2-й корпус, причем бригада Кастекса составляла крайний арьергард.

Я уже говорил, что дорога на Зембин, единственный путь, остававшийся нам, пересекает огромное болото при помощи очень большого числа мостов, которые Чичагов, занимавший эту позицию несколько дней назад, по небрежности не сжег. Мы не сделали той же ошибки, и после перехода армии, 24-го стрелкового и моего полка мы предали их огню, что легко было сделать при помощи кучами лежавшего там сухого тростника.

Приказав сжечь зембинские мосты, император надеялся надолго освободить себя от преследования русских. Но уж так было суждено, что все случайности были против нас. В самом деле, мороз, который в это время года должен бы был превратить воды Березины в удобную дорогу, почти не тронул их в то время, как мы должны были переходить через них; но, как только мы переправились, жестокий холод заморозил их до такой степени, что лед сделался достаточно прочен для того, чтобы выдержать на себе пушку. А так как то же самое произошло и с зембинскими болотами, то мы ничего и не выиграли от того, что мосты сгорели.

Три русские армии, оставленные нами позади, могли беспрепятственно пуститься в преследование нас. К большому счастью для нас, оно не было особенно настойчиво. К тому же маршал Ней, командовавший французским арьергардом, собрав все, что еще могло сражаться, совершал частые нападения на неприятелей, как только они осмеливались подходить слишком близко.

МАРБО

Я шел за толпой и вместе с ней остановился у холмика, где стояли жалкие деревянные домишки, часть которых пошла на постройку мостов и на подтопку бивачных костров. В этой скверной Студянке, название

которой я узнал долго спустя, был император, его гвардия и остаток армии, за исключением 2-го и 9-го корпусов под начальством Удино и Виктора. Удино перешел на правый берег Березины, чтобы оттеснить армию Чичагова и облегчить нашу переправу; Виктор же удерживал преследовавшего нас Витгенштейна. Вся наша надежда была на эти два корпуса; только от них одних зависело наше спасение; оставшись на берегах Двины, они избегли бедствий, которые преследовали нас с Москвы; их военный строй и дисциплина мало пострадали, что они и доказали своим прекрасным поведением в боях 27 и 28 ноября. Но эти блестящие дни были последними: утомленные этим усилием, они не выдержали, оказавшись менее выносливыми, чем мы. Через два дня после этих славных дел расстройство 2-го и 9-го корпуса было таким же полным, как и во всей армии.

Левый берег Березины и равнина, окружавшая Студянку, были покрыты массой людей, среди которых только силой пробивались еще вооруженные отряды кавалерии. Потоки этой толпы особенно теснились туда, откуда их прогоняли, и только с большим трудом и через много времени мне удалось добраться до Студянки и присоединиться к моим товарищам. Я нашел их в конце деревни расположившимися в овине, полном соломы, где мы нашли прекрасное убежище и вволю корма и подстилки нашим лошадям.

Очень близко впереди нас весь день грохотали пушки. Но мы мало тревожились; мы уже не могли взвесить опасность, и у нас даже не хватало энергии бояться. Итак, ничто в течение вечера не помешало нам радоваться, что у нас такой хороший бивак. С нами было несколько офицеров 4-го корпуса, и благодаря прибавке их провизии к нашей за вечной кашницей последовала полная кастрюля чаю, показавшегося нам превосходным, хоть и пришлось сахар заменить медом.

После ужина мы узнали, что император уже на правом берегу и что Евгений перейдет через мосты вечером. Надо ли было в этот же вечер двинуться за принцем? Из предосторожности надо бы было, и долг требовал того же; но долг стал пустым словом; дезорганизация и бедствия разорвали все связи; победило желание провести хорошую ночь в овине, наполненном свежей соломой, и мы все единогласно решили лучше ждать рассвета в том удобном положении, в каком мы были, чем в темноте и в плохую погоду блуждать, может быть, целую

ночь на правом берегу, не найдя ни убежища, чтобы преклонить голову, ни кусочка дерева, чтобы развести огонь. Мы предоставили принцу ехать. Забившись в солому, приятно согретье чаем, мы чудесно провели ночь и только на рассвете проснулись, чтобы пуститься в путь.

Это было 28 ноября, день ужасный по воспоминаниям. С того места, где мы были, открывался широкий кругозор, и мы увидели, что вся равнина покрыта огромной толпой, стоявшей биваком, как и мы, на левом берегу и направившейся теперь к мостам. Мы верхами спустились с холма и поехали к мостам, которых не было видно за густым туманом, во которые были приблизительно в полумиле от нас.

Погода хмурилась, был пронизывающий холод, и снег падал хлопьями. Мы спешили, насколько позволяло печальное состояние наших лошадей. Но наше движение замедлилось густевшей толпой. Считая сначала, что это загромождение произошло из-за какого-нибудь происшествия, мы остановились, ожидая его конца, но новые толпы разрозненных людей стекаются со всех сторон и еще больше увеличивают тесноту. Движение прекращается; все стоят; препятствия растут с каждой минутой. Прождав три четверти часа, мы решили двинуться, и благодаря лошадям, расталкивающим и опрокидывающим бедных пешеходов, мы, хоть и медленно, подвигаемся вперед. Я ехал на маленькой польской лошади, купленной мною еще по пути в Москву. У нее были такие хорошие мускулы, что я взял ее, несмотря на ее маленький рост и на то, что ей не было еще и трех лет; но она так ослабела от истощения при отступлении, что еле несла меня. Поэтому мои товарищи скоро меня обогнали. Я продвигался на несколько шагов только тогда, когда мою лошадь толкали шедшие сзади. Тут я очень жалел, что попал в толпу, и мне очень хотелось из нее высвободиться. Но это было немыслимо: сзади меня было уже столько же людей, сколько и спереди, и с каждой минутой они прибывали.

До сих пор толпа была довольно спокойна; она не подвигалась, но и не волновалась еще от нетерпения и страха, и слабейшие только покрикивали на тех, которые силой прокладывали себе путь. Началом беспорядка было отступление нескольких кавалеристов 2-го и 9-го корпусов, которые пробивались, опрокидывая все встречавшееся на их пути. Это несомненно было следствие плохо понятого и слишком точно выполненного приказа, оно и было главной причиной несчастий этого дня.

Один мост был назначен для повозок и лошадей, а другой — для пешех. Эта предосторожность, очень хорошая для организованных войск, была неприменима к толпе без начальства и руководства. Повозки, лошади и пешие шли по одной дороге; когда они приближались к мосту, то повозкам и лошадям переход воспрещался; хотели даже принудить их отступить. Это было невозможно, и скоро дороги оказались загроможденными. К несчастью, еще туман мешал сначала разглядеть мосты, и толпа ошиблась направлением; принужденная вернуться, она образовала род отлива, который только увеличивал неурядицу.

Крики несчастных, опрокинутых лошадьми, вызвали ужас. Он быстро распространился, достиг высшей точки, и с этой минуты замешательство становится ужасным. Каждый преувеличивает опасность и старается спастись силой. Прибегают даже к оружию, чтобы пробиться через эту толпу, которая может только кричать и которая защищается одними проклятьями. В этой ужасной борьбе каждый неверный шаг был смертным приговором: упавший уже не вставал. Я еще вижу, как бились несчастные, опрокинутые возле меня, их головы мелькали по временам среди толпы; их криков не слушали, они исчезали, и почва становилась выше от их трупов. Один из возвращавшихся кавалеристов проезжал рядом со мной. Я предложил ему несколько золотых, если он согласится вывести мою лошадь за повод из давки. «Мне достаточно спастись себя, а не браться за спасение других», — сказал он, даже не взглянув на меня, и продолжал путь, не обращая внимания на крики тех, кого давила его лошадь. Я понял тогда весь ужас своего положения, но не очень испугался, и хорошо, что я сохранил хладнокровие: я всецело положился на свою судьбу...

С утра слышались пушки впереди нас, на правом берегу; Удино отражал Чичагова, которого опрокинула блестящая атака кирасир генерала Думерка. Но сзади нас Виктору пришлось отступить перед превосходными силами Витгенштейна. К 10 часам утра неприятель появился на высотах, господствовавших над мостами, и бой возгорелся с новой силой. Никто из бывших еще на левом берегу не спасся бы, если бы Виктор был опрокинут; к счастью, ему удалось до вечера сохранить позицию. Но как только враг заметил места переправы, он осыпал их пулями и снарядами, которые еще усилили

царившие там смятение и отчаяние. Трудно вообразить то зрелище, которое представляла эта масса, и те стоны, которые вырывались, когда снаряд разрывался среди нее...

Я убедился в невозможности пробиться и не пытался больше сделать это. Я ограничился тем, что старался охранить свою лошадь от слишком сильных толчков, которые могли бы ее повалить; я старался ободрить бедное животное ногами и голосом, когда я чувствовал, что оно готово опуститься; если бы оно упало, нам обоим был бы конец... К несчастью, волею судьбы толчки постепенно повернули лошадь так, что она оказалась не головой, а крупом в направлении движения, и я очутился спиной к мостам. Более получаса был я в этом отчаянном положении, лишавшем меня всякой надежды; мне грозило быть раздавленным толпою, убитым пулей или попасть в руки русских и умереть от холода и лишений на снегу, как вдруг я увидел довольно далеко от меня старшего вахмистра моего полка, который старался пробиться при помощи своей силы и высокого роста. Это был Грассар... С большим трудом среди этой страшной суматохи докричался я до него, и он добрался до меня; у него не было больше ни лошади, ни вещей, и он был разлучен с товарищами; но силы у него были, и он предложил мне выбиратья общими усилиями. Не без труда повернув мою лошадь к мостам, взяв повод в одну руку и саблю в другую, он начал проталкиваться вперед, отстраняя или опрокидывая все, что встречал. Я старался помогать ему, я еще вижу себя на своей бедной лошади, в руках у меня наполовину сломанная сабля, жалкое оружие, которое я с трудом держал.

Конечно, мы подвигались, но как медленно, и сколько раз, оттолкнутые толпой, теряли мы в один миг то, что приобрели с таким трудом! Препятствия и происходивший от них беспорядок все больше и больше увеличивались; на опрокинутых людей, лошадей и повозки падали другие; толпа была слишком плотна, чтобы можно было разглядеть что-нибудь под нами, и я только по более или менее уверенной поступи лошади определял, шла ли она по земле или по трупам. Мы еще очень мало продвинулись вперед, когда по неуверенной поступи лошади я догадался, что нам встретилось новое препятствие; она старалась высвободиться и упала на бок, сила падения отбросила меня на несколько шагов в сторону, на обломки опрокинутого на дороге фургона.

К моему счастью, благодаря этому фургону в этом месте не было такой давки; иначе я тотчас был бы раздавлен. Я почувствовал грозящую мне опасность, и усилием, на которое только инстинкт самосохранения сделал меня способным, я быстро поднялся и благодаря действительно необыкновенной случайности очутился опять на лошади, без ран и ушибов.

Этот случай не задержал нас больше, чем я трачу времени на рассказ о нем, и мы продолжали подвигаться среди стонов и криков отчаяния. Мы были не больше как в ста сажнях от моста. Однако больше часа мы добирались до него, а там явились новые препятствия: опрокинутые или оставленные повозки, лошади, поднимающие головы среди давящих их обломков, трупы — все это образовало преграду, которую, казалось, невозможно преодолеть.

Это преграждение было, как я сказал, несчастным результатом предосторожностей, предпринятых, чтобы его избежать. Строгий приказ, который дали, был слишком хорошо исполнен отрядом отборных жандармов, которые с саблями наголо безжалостно отталкивали экипажи и кавалеристов. Я был уже некоторое время в таком ужасном положении, когда меня заметили понтонеры, которые день и ночь были заняты починкой постоянно портящихся мостов. Увидев артиллерийскую форму, эти храбрые люди помогли мне добраться до них, и наконец я мог перейти этот мост, который я видел уже в течение четырех часов, почти не надеясь достигнуть его.

Какая тяжесть свалилась с меня, когда я его переходил! Испытанное мною ощущение похоже на то, что должен испытывать несчастный, идущий на казнь и дорогой помилованный. Я был на мосту почти один, так затруднителен был доступ к нему. Он почти касался воды, так что трупы, несшиеся по течению, задерживались среди льдин, шедших по реке. Множество лошадей, хозяева которых потонули, положив голову на мост, держались, сколько им позволяли силы; с одной стороны они занимали мост почти во всю длину.

Когда с помощью понтонеров я добрался до места, какая-то маркитантка с ребенком на руках схватилась за хвост моей лошади, чтобы воспользоваться моей удачей, и только при выходе с моста я заметил, что оказал ей, не зная того, огромную услугу, и я никогда не забуду, как, расставаясь со мной, она трогательно сказала, что

обязана мне жизнью своей и ребенка, и как настойчиво хотела поделиться со мной остававшимся у нее куском сахара. Я упрекаю себя в том, что принял его; ей он, наверно, был нужнее, но мне казалось, что она так счастлива, предлагая его, и этот подарок был настолько драгоценен в тот момент, что вряд ли многие на моем месте устояли бы.

Мы с(о) старшим вахмистром продолжали путь через болото, в котором очутились, по следам тех, кто шел впереди нас. Через два часа пути, уже темной ночью, он привел меня в маленькую деревню Зембин.

ГРИУА

Рано утром 27 (ноября) я прибыл в село Студянку, отстоявшее в 8 верстах от Борисова. Здесь работали над постройкой двух мостов. Уже несколько отрядов перешли реку. Переход происходил очень медленно благодаря непрочности мостов, требовавших постоянных починок. В таких случаях понтонеры, не колеблясь, влезали в воду и работали там, несмотря на холод; поведение их было достойно удивления. Вечером пришла моя очередь переправляться через реку; я расположился на правом берегу реки на болотистой, но подмерзшей земле. Дров не было; ночь была ясная и холодная. Рано утром 28-го я удалился отсюда; мне пришлось с трудом перейти неравномерно замерзшее обширное болото, и я достиг соседних возвышенностей, где нас расставили батареями при выходе из леса на дороге, ведущей из Борисова. С самого утра шло ожесточенное сражение по ту сторону леса и около Студянки, где Витгенштейн старался отбить мосты. Дело было плохо, и все склонялось к тому, что мне также придется принять участие в сражении. Я передал капитану Меллару две тысячи франков банковыми билетами, прося его передать их моей жене в случае какого-либо несчастья со мной, а сам приготовился к всевозможным событиям, причем всякого рода печальные мысли теснились в моей голове. Почти весь день император находился около моей артиллерии; он казался подавленным. Тут перед его глазами произошел случай, который мог вызвать его недовольство мною, но он отнесся к этому спокойно. Вот в чем было дело: одно из моих орудий было заряжено, но мы об этом позабыли. Когда его прочищали банником, то подумали, что в канале пушки лежат камни; я отдал приказ,

чтобы орудие прожгли, для чего надо было насыпать и поджечь порох, но последовавший за этим сильный выстрел и свист пролетевшего ядра показал нам, что мы ошиблись. Император ограничился тем, что ласково сказал мне: «Это очень неприятно, это может произвести тревогу между сражающимися впереди нас». Польский генерал Зайончек¹⁵¹ был ранен. Его принесли к нам, и хирург гвардии ампутировал ему ногу.

БУЛАР

25 ноября в жестокий мороз большая французская армия подошла к левому берегу Березины. За исключением гвардии, которая сохраняла порядок, остальное войско представляло из себя нестройную толпу. Я лично прибыл только 26-го вечером на то место Березины, где были перекинuty два моста. По ним с раннего утра началась переправа. Не чувствуя достаточных сил, чтобы идти дальше, я попросил приюта на эту ночь у людей из баварской легкой конницы, и они радушно предложили мне место около костра. Эти добрые люди только наполовину отвечали своему названию: если хотите, они еще были налегке, но у них давно уже не было коней, и все их вооружение заключалось в огромных дубинах. Достаточно было на один момент послушать рассказы этих честных служаков, чтобы понять, сколько горя стоила им потеря их лошадей.

Как я уже сказал, нечего было и думать перейти через реку в этот день. Я убедился совершенно в этом, увидев, что происходило при въезде на мост и на самом мосту. Это была сплошная масса несчастных, которые хотели достигнуть противоположного берега. Проклятья, ругательства, крики висели в воздухе. Те, у кого были палки, без жалости били ими передних, и все это только для того, чтобы продвинуться вперед на несколько дюймов.

Таково было ужасное зрелище, которое представилось моим глазам; но оно было еще ужаснее на другой день, когда я сам участвовал в этих сценах отчаяния.

На берегу Березины я провел одну из самых тяжелых ночей за всю мою жизнь. В такой ужасный холод нечего было и думать сомкнуть глаза. Прибавьте сюда мою расслабленность и беспокойство и, наконец, адский содом от криков, человеческих стонов и беспрерывных ругательств. В этот же самый день Наполеон переходил зло-

счастную реку под охраной гвардии, в которой не было больше того порядка и спокойствия, какими она прежде так справедливо гордилась. Раньше чем переходить мост, император отдал приказ поджечь экипажи, особенно экипажи маршалов и генералов, фургоны, извозчицьи повозки, привезенные из Москвы, — одним словом, все повозки, большей частью нагруженные найденными вещами, которые еще больше увеличивали загромождение. Языки пламени, поднявшиеся со всех сторон, столь неприятные для потерпевших, не замедлили доказать, что приказ императора был выполнен в точности.

Многие мои товарищи, более счастливые и более умные, чем я, воспользовались моментом, когда Наполеон, окруженный своей гвардией, переходил на другой берег, — они тоже перешли по жалким мостам, сооруженным из невозможного материала. Майор фон Грюнберг из одного из наших егерских батальонов переходил рядом с императором. Он нес под своим плащом маленькую левретку, которая жалостно дрожала. Великий полководец, пославший столько людей на смерть, сжалился над бедным животным; он обратился к майору с вопросом, не хочет ли он продать ему собачку. Г<-н> фон Грюнберг ему ответил:

— Ваше Величество, это животное было мне спутником во всех моих несчастьях с начала кампании. Я хотел бы сохранить его в воспоминание того, что я видел и испытал. Но если Ваше Величество желает, я готов предоставить его в Ваше распоряжение.

Заметно тронутый, император ответил ему:

— Я понимаю вашу привязанность к этому животному; это делает вам честь. Сохраните его себе, я не хочу вас лишать его.

Г<-н> фон Грюнберг мне передал этот разговор 2 или 3 дня спустя после того, как он имел место, и это был последний раз, что я его видел, так как вскоре он умер в плену, в виленском госпитале. Едва ли его собака пережила его.

27 ноября, очень рано утром, я отправился в компании маленького капитана с намерением перейти на левый берег. Но это было невозможно. Я надеялся, что стечение народа будет меньше, чем накануне, но скоро мне пришлось разубедиться в этом, так как и другие рассчитывали на то же, на что и я, и, увидев, что обманулись в расчетах, сгрудились на мосту и хотели его перейти все зараз.

Я приблизился к этому колоссальному человеческому муравейнику, но, увидев ужасы, какие там происходили, не решился замешаться в толпу. Если бы я попал в круговорот, я более не мог бы оттуда выйти; сотни и сотни людей, неизвестно откуда берущихся, шли друг за другом, толкали и расталкивали всех, кто находился впереди них.

Маленький капитан поступил иначе. Может быть, помимо его желания он исчез, увлеченный людским потоком, только вдруг я перестал его видеть. Мысленно я уже хоронил его, не сомневаясь ни на минуту в том, что этому крошечному человечку не удастся достигнуть противоположного берега. Между тем несколько времени спустя я его встретил в Вильне, и он мне рассказал о своих приключениях. Несчастный, как и много других моих товарищей, умер пленником в госпитале этого города.

Итак, я вернулся к биваку баварской кавалерии, но баварцев там уже не было; вместо них вокруг почти потухшего огня расположились другие человеческие тени, столь же жалкие, как и те. Это были совершенно оборванные французы пехотинцы. Как и я, они дожидались благоприятного момента, чтобы перейти мост.

Наши взоры постоянно были устремлены на ближайший мост. Другой мост, хотя на вид не очень прочный, был все время занят всевозможными повозками, которые довольно удачно переправлялись. Было около полудня. Не зная, чего можно ожидать завтра, я решил во что бы то ни стало перейти в тот же день. Я с большим трудом мог двигаться и потому вполне основательно не хотел смешаться с толпой. Едва держась на ногах, я рисковал быть раздавленным и сброшенным в воду, чему подверглись сотни несчастных.

Сверх того, к несчастью, не то по беспечности или случайно у меня не было дубинки, какую имели все, от маршала до простого солдата, и эти дубинки во всех случаях оказывали им неоценимые услуги.

За неимением этого драгоценного оружия, которое могло бы внушить уважение, я оставался с французскими пехотинцами, столь же голодными, как и ободранными, и не спускал глаз с моста.

Вдруг мое внимание было привлечено пушечным выстрелом, раздавшимся на некотором расстоянии от нас. Кто это возвещал таким образом о своем приближении?

Как только раздался пушечный выстрел, тысячи лю-

дей бросились к мостам, толкаясь, давя друг друга, лишь бы перейти в этот вечер.

При виде всего этого я решил остаться всю эту ночь у моего костра с французами и вскоре увидел, что у нас было много раздражителей. В самом деле, со всех сторон засветились костры. До некоторой степени это действовало успокоительно. Но еще успокоительнее было то, что пушечные выстрелы не приближались к нам, а ночью затихли совершенно.

Так как я больше не слышал пушек, я тверже, чем когда-либо, решил не переходить в этот вечер и дожидаться следующего дня. Поэтому я остался преспокойно сидеть у костра в компании четырех французских пехотинцев. Несмотря на ужасный шум, который был у моста, природа взяла свое: несмотря на холод, на голод, которые терзали меня, я уснул крепким сном и вкусил несколько часов покоя.

28 ноября с самого рассвета начались те же ужасы, на описание которых в продолжение полувека потрачено столько чернил и карандашей. Правда, что бывало много преувеличенного в описании этого перехода. Еще совсем недавно я прочел в одной книге, посвященной воспоминаниям о переходе через Березину, что сотни женщин погибли в этой реке, что десятки детей были раздавлены, затоптаны и т. п. Я был там, но, говоря откровенно, не видел ничего подобного. Мне кажется, что действительное зрелище было в достаточной степени ужасно само по себе, чтобы еще преувеличивать.

Прежде всего мы услышали в отдалении пушечную пальбу — это наш арьергард, под командой маршала Виктора и генерала Домбровского, давал русским одно из серьезнейших сражений. Раскаты пальбы заметно приближались к нам; это показывало, что наши защитники были отброшены неприятелем. Итак, наступил момент — надо было решаться на переход, чтобы избежать постыдного плена.

Неприятельская артиллерия все ускоряла пальбу, и ее снаряды начали падать вокруг нас. Я наскоро простился с моими французами, которые также отправились по направлению к мосту. Туда бежали со всех сторон обезумевшие безоружные солдаты.

Раньше чем приблизиться к этой толпе, которая теснилась у входа на мост, я был свидетелем одной поистине раздирающей сцены.

Экипаж, который при настоящих условиях можно

было назвать элегантным, запряженный парой лошадей, въехал в середину обоза, чтобы переехать на ту сторону. В нем сидела дама с двумя детьми. Вдруг русский снаряд падает посредине упряжки и разрывает на части одну из лошадей. Мать выскакивает из экипажа с двумя малютками на руках. Она умоляет прохожих прийти к ней на помощь, она просит и плачет, но никто не обращает на нее внимания. Все бегут в паническом ужасе. Опередив ее на несколько шагов, я уже больше не слышал ее криков. Когда я обернулся, ее уже не было видно — она исчезла вместе с детьми, или, вернее, была сбита с ног толпой, раздавлена и затерта ею.

Наконец мне удалось стать в колонну беглецов. Ряды их тянулись за мной так далеко, как хватал глаз, и увеличивались каждую минуту, пополняясь новыми беглецами. Вскоре я был окружен со всех сторон и сдавлен как бы в человеческих тисках. Минуты, которые я провел в этой давке, пока не ступил на правый берег, были самыми ужасными в моей жизни. Все вопило, ругались, плакали, наносили удары направо и налево. Невозможно описать терзаний, какие я там пережил.

Меня тащили, толкали, местами волочили — все это без преувеличивания. Несколько раз толпа отрывала меня от земли и мяла меня, как в тисках. Почва была покрыта людьми и животными, мертвыми и живыми. Их не были сотни, как утверждает книга, о которой я говорил выше, но их было все же немало. Ежеминутно мне приходилось спотыкаться о трупы. Правда, я не падал, но это зависело не от меня, а только от того, что меня со всех сторон сжимала и поддерживала вся толпа.

Что может быть ужаснее того, что испытываешь, когда идешь по живым существам, которые цепляются за ваши ноги, останавливают вас и пытаются подняться.

Я помню еще и теперь, что почувствовал в этот день, наступив на женщину, которая была еще жива. Я чувствовал ее тело и в то же время слышал ее крики и хриление: «Сжальтесь надо мной!» Она цеплялась за мои ноги, как вдруг новый напор толпы приподнял меня с земли и я освободился от нее. С тех пор я не раз себя упрекал, что был причиной смерти одного из ближних.

По мере того как мы приближались к мосту, сзади наспирали все сильнее и сильнее, так как каждый хотел скорее уйти от неприятельских пушек. А впереди, у входа на мост, стояли французские жандармы с саблями в руках и наносили удары беглецам, не разбирая, плашмя

или острием, чтобы установить хотя какой-нибудь порядок во избежание загромождения моста. Мост был построен из ужасного материала и так трясся, что с (минуты на) минуту можно было ожидать, что он обрушится.

Признаюсь, в эти минуты я перенес такую пытку, что совершенно отчаялся в своем спасении.

Это был первый и единственный раз за всю кампанию, что я упал духом.

Подвинувшись еще на несколько шагов вперед, я вновь наступил на другое живое существо — лошадь. Несчастное животное, я теперь вижу его! Это была темно-рыжая лошадь, она лежала на боку и двигалась подомной. Она дышала и делала конвульсивные движения, отчего я легко мог потерять равновесие. Но мне недолго пришлось думать об этом.

Вдруг кто-то позади так сильно ударил меня, что я поскользнулся на обе ноги и чуть не упал навзничь и не разделил участи бедной лошади. Я уже мысленно прощался с радостями и горестями этой жизни и против воли, скорее инстинктивно, протянул руки и в отчаянии схватился за ворот чьей-то голубой шинели.

Носивший эту шинель кирасирский офицер громадного роста, с каской на голове, держал в руке громадную дубину и с полным успехом управлял ею, безжалостно колотя всех, кто приближался к нему. Я долго любовался ловкостью, с какою этот человек избавлялся от слишком теснивших его соседей. У меня была одна мысль: не следует выпускать его! И я действительно не оставлял его спасительного воротника и двигался за ним, как на буксире.

К несчастью, он скоро заметил, что я схватился за его шинель. Чтобы избавиться от меня, он прибегнул к своей дубине и начал выделывать ею всевозможные выкрутасы, чтобы достать ею меня. Но его усилия были напрасны: предвидя удары, я отражал их как только мог, но не бросал воротника. Я так ловко это делал, что он меня не ударил ни одного раза. Видя, что ничего не может поделать, он перестал махать палкой и принял другую тактику в расчете на больший успех. Он начал ругаться самым ужасным образом. Ничего не действовало. Тогда он сказал мне: «Милостивый государь, заклинаю вас, оставьте меня, иначе мы погибнем оба вместе!»

Кончить жизнь в такой компании было, без сомнения, очень лестно, и я, несколько не колеблясь, еще крепче

прежнего ухватился за его воротник. Таким-то образом меня наполовину волокли, и я мало-помалу приближался к цели. Но давка усиливалась с минуты на минуту в такой пропорции, что, несмотря на помощь моего могучего буксира, я отчаялся дойти невредимым до входа на мост. Движение толпы оттиснуло меня мало-помалу к реке.

В этот критический момент я увидел, что многие мои товарищи по несчастью проделывали маневры столь же неприятные, как и опасные, но которые, казалось, обеспечивали им спасение.

Загнанный к реке, я заметил, что некоторые из моих соседей, отчаявшись достичь моста по земле, попробовали дойти до него водой. Так как берег был совсем отлогий, они вошли в Березину; у берега воды было всего на 2 фута. Мой кирасир, движения которого становились все более связанными, ругался, рычал и яростно махал палкой в мою сторону. Поняв, что вдвоем мы не достигнем моста, я отпустил его голубую шинель. Потом я сделал отчаянный прыжок и очутился по колена в воде — и это в 20-градусный мороз.

Это была скорее холодная, чем теплая ванна. До сих пор, сидя у моей печки, я начинаю дрожать при одном воспоминании об этом.

И вот я шлепаю по воде вдоль берега в многочисленной компании, так как моему примеру тотчас последовали многие другие, и стараюсь достигнуть моста. Как я был счастлив, когда наконец достиг его! Я легко забрался на мост — он был всего на 2 фута выше уровня воды.

Каково было мое удивление, когда я увидел, что по мосту почти никто не шел! Это было, наверное, последствием ударов, которыми жандармы, стоявшие у входа, щедро награждали всех. Но что было всего удивительнее, это то, что я перешел мост преспокойным образом, без всякой спешки.

Итак, я избежал опасности утонуть в Березине и быть раздавленным в толпе. Нечего говорить, совсем особенное чувство испытываешь, когда видишь уже совсем раскрытую дверь на тот свет и вдруг эта дверь захлопывается, когда совсем уже в нееходишь!

Вода, стекавшая с моих панталон, скоро превратилась в ледяшки, которые раздирали мне кожу. Тем не менее я достиг благополучно другого берега. Я необычайно был рад моему спасению. Всегда человек более или менее эгоист. Я тотчас же обернулся на злосчастную тол-

пу, волновавшуюся на том берегу. Я услышал крики отчаяния несчастных, которых грозила раздавить русская артиллерия. Несколько ядер упало даже на правый берег в нескольких шагах от меня. Надо сказать, в это время года в Березине было мало воды: она не была шире Некара в Каннштадте — и между тем она поглотила столько жертв в эти три дня.

Я был совершенно изнурен этой непрерывной борьбой со смертью. Я обратился к старому бородатому гренадеру, который был из отряда гвардии, поставленного на правом берегу, чтобы защищать переход через мост. Он опустил свою кружку в реку, где столько наших товарищей нашли свой конец, зачерпнул воды и передал ее мне. Я с жадностью выпил эту грязную воду, и, несмотря на все отвращение, которое она должна была внушать мне, вода эта показалась мне восхитительной.

Утолив жажду, я желал только как можно скорее добраться до одного из биваков. Судя по кострам, их было много. Я имел большую потребность в том, чтобы согреть мои замерзшие члены и в особенности высушить мою обувь, так как я ужасно страдал ногами.

Между тем, заметив моего кирасирского офицера, который оканчивал переход моста — он не покинул своей дубинки, — я хотел поздороваться с ним, после того как он уже пришел на берег, и поблагодарить его за то, что он способствовал, неохотно правда, моему спасению.

Как только он сошел с моста, я приблизился к нему и выразил ему всю мою благодарность. По моей манере говорить по-французски он узнал во мне немца и сказал мне на моем родном языке:

— Вы немец. Я вижу по вашему акценту. Мы компатриоты, так как я из Гамбурга. Моя фамилия Шмидт. Я капитан 3-го кирасирского полка. Я очень счастлив, что способствовал, сам того не зная, вашему спасению. До свидания.

Затем он ушел большими шагами, не выказывая ни малейшей усталости. Если он и дальше шел тою же походкой, он должен был скоро достичь границы.

Я недолго прощался с этой злосчастной рекой и быстро направился к отдаленной деревне, расположенной на дороге и, к счастью, не сожженной. Я рассчитывал там найти убежище на ночь, которая обещала быть особенно холодной.

Я дошел до деревни, о которой говорил выше; на этот день мое путешествие окончилось. Я распрощался с моим

товарищем, который отправился дальше, так как его лошадь совсем не устала. Пред одной крестьянской хижинкой я заметил вюртембергского кавалериста, который стоял на часах. Я спросил его, что он здесь делает. Он мне ответил, что охраняет квартиру принца, который в эту кампанию командовал дивизией вюртембергской кавалерии.

Я вошел в хижину, чтобы приветствовать начальника, который всегда был расположен ко мне в то время, когда мы оба служили в королевской гвардии. Как всегда, принц великолепно обошелся со мной и предложил мне кусок хлеба и стакан водки — прекрасная вещь, в которой я очень нуждался, чтобы подкрепиться после такой холодной ванны. Его щедрость не ограничилась одним этим. Он пригласил меня также разделить с ним его вязанку соломы.

Что особенно приятно было мне в этом гостеприимном доме, это ясное пламя огня, горевшего в громадной русской печке, — такие печки можно найти в каждой русской избе. Наконец я имел возможность хотя немного высушить мои лохмотья, которые были мокры до последней нитки.

Как только принц заснул, я развесил мои вещи подле печки; последняя распространяла так много тепла, что немного времени спустя все было сухо. Тогда я растянулся в свою очередь, чтобы вкусить несколько часов покоя, раньше чем отправиться в дальнейший путь.

Фон ЗУККОВ

Когда мы подошли, к переправе не пускали, и все постарались, как могли, разместиться на биваках. Я бродил около костров, разведенных пришедшими раньше, надеясь найти себе местечко; увидев костер, около которого сидели только двое, я подошел и попросил позволения погреться; мне любезно разрешили сделать это. Через несколько минут принесли кастрюлю со снегом и поставили ее к огню. Из разговора я узнал, что мой хозяин был артиллерийским генералом. «Генерал, — сказал я ему, — что положите вы в эту кастрюлю?» — «Хочу сварить немного риса», — отвечал он. «Вот случай, ей-богу, — сказал я, — у меня в сумке с самого Смоленска лежит курица, она замерзла и затвердела как камень; я берег ее на крайний случай, но кто знает, что будет завтра. Хотите, сварим ее с вашим рисом и поедем вместе?»

Он согласился; я вытащил из сумки курицу, которая быстро оттаяла; сварив ее, мы отлично поужинали и в заключение выпили по стаканчику водки.

Я улегся спать под повозкой и к колесу привязал лошадь; она поела немного скверной соломы с крыши соседнего дома, за обладание которой мне пришлось основательно сражаться. Рано разбуженный поутру толпою, двигавшейся к мосту, я взнуздав лошадь, сел верхом и дожидался своей роты, когда увидел эскадронного командира 1-го стрелкового батальона Уаффье, который сказал мне, что офицеры эскадрона должны поодиночке перебраться через реку и собраться на другом берегу. Я поехал с ним. Приблизившись к переправе, мы увидели громадную, с каждой секундой увеличивающуюся толпу, которая в страшном беспорядке теснилась к мостам. Мой спутник Уаффье ехал на крупной и еще очень сильной лошади; сказав, чтобы я следовал за ним, он врезался в толпу, прочищая себе дорогу в ней. Я следовал за ним, стараясь держаться возможно ближе к нему и не дать отрезать себя от него. Поравнявшись с мостом, он круто повернул лошадь направо и продолжал подвигаться вперед; таким образом мы добрались до спасительного моста, медленно двигаясь среди воплей и проклятий, которыми нас осыпали; мост был почти пуст -- до такой степени загроможден был вход на него; но обе стороны его много несчастных бились в воде, и невозможно было помочь им!

Никогда я не видел такого потрясающего зрелища!!! Перейдя мост, мы увидели офицера, поставленного для того, чтобы указывать идущим сборный пункт священного эскадрона: мы направились туда. Вскоре сделали перекличку по ротам, все были налицо. При этих критических обстоятельствах я, конечно, обязан спасением майору Уаффье; если бы мне пришлось одному пробиваться сквозь отчаявшуюся толпу, загромождавшую подходы к мосту, вряд ли бы я добрался до него на моей слабой строевой лошади. Встреча с ним была для меня поистине милостью Провидения! Построенные сжатой колонной по ротам, мы стояли перед кавалерией императорской гвардии; император находился между двумя корпусами; говорили, что в этом порядке мы попытаемся прорваться через армию Чичагова. При нашей решимости успех был несомненен, но наши благие намерения оказались напрасными вследствие победы, одержанной над русскими храбрым маршалом Неем. Просто-

яв целый день на позиции, мы выступили вечером по очищенной перед нами дороге на Вильну.

Какой ужасный вид представляли эти люди, изнуренные бедствиями, скученные в одно место; это ли та армия, которая два месяца тому назад с триумфом заняла половину самой обширной империи? Наши солдаты, бледные, разбитые, умирающие от холода и голода, прикрываясь от стужи какими-то лохмотьями от когда-то существовавших шуб или наполовину сожженными бараньими шкурами, жались, дрожа от холода, друг к другу по берегу реки. Немцы, поляки, итальянцы, испанцы, кроаты, швейцарцы, португальцы, далматы и французы, перемешавшись друг с другом, кричали, перекликались и ругались каждый на своем собственном языке. Офицеры и генералы, укутанные в грязные, испачканные шубы, смешались с солдатами, сердились на тех, кто толкал их или оказывал неуважение их власти, и устраивали такой беспорядок, который невозможно описать никакими красками. Те, кто благодаря слабости или не зная всей опасности не торопились переправиться через реку, те зажигали костры и отдыхали вокруг них. На этом биваке можно было наблюдать, до какой степени грубости могут довести нас несчастья.

Люди дрались за кусок хлеба. Если кто-нибудь, замерзая от холода, подходил к костру, то солдаты, зажегшие его, без всякой жалости прогоняли его прочь. Если кто-нибудь, изнемогая от жажды, просил солдата, несшего полное ведро воды, дать хоть несколько капель, то он резко отказывал. Часто можно было слышать, как люди, бывшие, несмотря на разницу положения, до сих пор друзьями, теперь ссорились из-за пучка соломы или из-за куска конины, который они вырезывали для себя. Этот поход был тем более страшен, что совершенно исказил наши характеры и у нас появились пороки, чуждые нам до сих пор. Люди, бывшие до этого времени честными, чувствительными и великодушными, сделались теперь эгоистами, скупыми, ростовщиками и злыми.

Приготовления, делаемые нами в Борисове, имели вид, что мы хотим вновь построить мост, и этим маневром мы значительно уменьшили количество неприятельского войска, находящегося против Веселова, тем более что Кутузов, плохо осведомленный о месте, где мы должны были перейти Березину, донес Чичагову,

что мы переправимся выше Борисова *. Наполеон, воспользовавшись этим обстоятельством и подкрепленный прибывшим к Веселову герцогом Беллунским, 27 ноября, став во главе своей гвардии, в два часа дня проложил себе дорогу чрез огромную толпу, торопящуюся к реке. Армия прошла также, но очень медленно благодаря непрерывным починкам мостов. Вице-король, который все время был около императора, велел объявить главному штабу, что четвертый корпус перейдет мост в восемь часов вечера. Этот момент был самый удобный, чтобы совершить опасную переправу, но многие не хотели оторваться от костров, у которых они сидели, и говорили, что лучше расположиться биваком на этом берегу, чем на другом, где были одни болота, что переправа вся запружена народом и что лучше дожидаться следующего дня, когда толпа спадет и проход будет более удобен. Этому мнению держалось большинство, и, таким образом, только свита принца и офицеры главного штаба перешли реку в назначенный час. Надо было не знать всей угрожающей опасности, чтобы решиться не переправляться на другой берег. Вице-король и его свита, находясь на том берегу, расположились в болотистой местности и отыскивали себе обледенелые места, чтобы не попасть в топь. Темнота была страшная. Яростный ветер засыпал нам лицо обледенелым снегом. Большая часть офицеров, боясь замерзнуть и простудиться, не переставая бегали или ходили стуча ногой об ногу. Ко всем несчастьям, так трудно было найти дров, что едва могли зажечь костер вице-королю, и, чтобы достать горящую головню, пришлось напомнить баварским солдатам, что принц Евгений женат на сестре их короля.

28-е. Снег падал большими хлопьями; поля и леса были покрыты белой пеленой и терялись в тумане; ясно можно было только различить мрачную, наполовину замерзшую реку, которая извивалась по долине и мутные и темные воды которой пробивали себе путь между льдинами.

Несмотря на то что было два моста — один для повозок, а другой для пехотинцев, — тем не менее толпа была так велика и спуск так опасен, что люди, дойдя до Березины и столпившись в кучу, не могли двигаться. Несмотря на все трудности, все пешие благодаря настой-

* Прошел слух, что Кутузов сделал это неправильное донесение, чтобы отомстить Чичагову, благодаря интригам которого от него отобрали командование армией на Дунае. Таким образом, у адмирала пропало дело, успех которого всецело пал бы на него. *(Прим. авт.)*

чивости спаслись, но к восьми часам утра мост, предназначенный для повозок и лошадей, рухнул, и потому артиллерия и повозки с багажом двинулись ко второму мосту и хотели силой захватить проход. Тогда началась страшная борьба между пехотинцами и кавалерией. Очень многие из них погибли, убив друг друга, другие же были задушены при самом входе на мост, и трупы людей и лошадей загромождали въезд. Чтобы подойти к реке, надо было пройти по раздавленным телам. Многие из них еще дышали и, борясь со смертью, приподнимались и хватались за проходивших через них. Эти же, чтобы отделаться от них, яростно отталкивали их и топтали ногами. Во время этой борьбы все новые толпы людей надвигались на них, как яростные волны, и человеческие жертвы все увеличивались.

Несмотря на храбрость наших солдат и усилия их командиров, соединенные отряды русской армии сильно теснили девятый корпус, составлявший их арьергард. Их перестрелка нам была уже слышна, и это леденило нашу кровь; она постепенно приближалась, и вскоре мы увидели на соседних возвышенностях огонь неприятельских батарей. Никто уже больше не сомневался, что место, где сейчас находились тысячи небооруженных людей, больных, раненых, женщин и детей, вскоре делается местом сражения...

С места сражения неприятеля с нашим арьергардом неприятельские ядра пролетали над головами этой несчастной толпы, которая вот уже три дня томилась около Березины. Несколько гранат разорвалось даже среди толпы. Тогда напали на всех ужас и отчаяние. Инстинкт самосохранения овладел всеми. Казалось, женщины и дети, избавившиеся от стольких опасений, остались живы только для того, чтобы испытать более ужасную смерть. Они выскакивали из своих экипажей, бросались на колени перед первыми попавшимися и плача умоляли перевести их на другой берег. Больные и раненые, сидя на пнях деревьев или опираясь на костыли, отыскивали безумными глазами друга, который мог бы их спасти, но голоса их никто не слышал — все были заняты своим собственным спасением. В нашем четвертом корпусе находился генерал, очень пожилой человек с чудным характером. Благодаря преклонному возрасту и слабости он давно уже не мог идти и, как и многие другие, лежал в санях. Заметив одного из своих друзей — офицера, он с большим трудом добрался до него и, кинувшись

ему в объятия, умолял о помощи. Этот великодушный офицер хотя и был ранен, но не смог отказать старику в своей, хотя и ничтожной, помощи и пообещал ему не покидать его. Они обнялись и направились к мосту с тем спокойствием, которое обыкновенно испытывают два друга, зная, что у них остается удовольствие умереть вместе. Опираясь друг на друга, они затерялись в толпе, и я их больше не видел. Здесь была еще одна женщина, которая шла вместе с армией, между тем как муж оставил ее пока, а сам пошел вперед, чтобы попытаться отыскать место, где можно было бы перейти. В это время граната разорвалась около этой несчастной; все, находившиеся рядом, бросились бежать, а она осталась одна, но так как неприятель приближался, то толпа кинулась к мосту, увлекая за собой эту женщину, желавшую остаться на том месте, где ее оставил муж. Смятая этой беспорядочной волной людей, она почувствовала себя погибшей. Издали было слышно, как она звала своего мужа, но ее трогательный голос смешивался с грохотом оружия и криком сражающихся. Тогда, побледнев, смятая толпой, она упала молча, без чувств, между солдатами, которые ее не слышали и не видали. Наконец русские, все подкрепляемые свежими войсками, погнались впереди себя польскую дивизию генерала Жерара, которая до сих пор сдерживала их. При виде неприятеля все, кто не успел еще перейти реку, смешавшись с поляками, кинулись к мосту. Артиллерия, кавалерия, пехотинцы — все хотели перейти первыми. Более сильные сбрасывали в воду более слабых, мешавших им подвигаться вперед, шли по телам больных и раненых, попадавших на их пути. Сотни людей остались здесь, раздавленные колесами пушек, другие, надеясь спастись вплавь, замерзали на середине реки или погибали, взбираясь на льдины, которые шли вместе с ними ко дну. Несмотря на эти печальные примеры, тысячи людей бросались как попало в Березину, где почти все умерли в мучительных конвульсиях и с отчаянием в душе. Я видел мать, затертую льдинами: она не могла двинуться, но держала над водой свое дитя, крича раздирающим душу голосом о помощи. Дивизия генерала Жерара оружием проложила себе дорогу через толпу, затруднявшую ей путь, и, переходя через груды трупов, достигла другого берега, куда за ней, по всей вероятности, последовали бы русские, если бы мы не поторопились сжечь мост.

ЛАБОМ

Наконец и 9-й корпус получил приказание трогаться. Дивизия Дендельса¹⁵² по обоим мостам перешла реку в невероятной давке. Польская дивизия генерала Жерара оставалась еще на левом берегу. Мы расположились на ночлег на болотистом месте, выбирая подмерзшие места, чтобы не потонуть в иле. Было страшно темно; резкий снежный ветер дул нам в лицо. В довершение бедствий и топлива оказалось так мало, что едва удалось развести несколько костров.

28 ноября, едва забрезжило утро, наша дивизия Дендельса переправилась обратно на левый берег и построилась вместе с дивизией Жерара на высотах Веселова, прикрывая переправу от корпуса Витгенштейна. Снег падал густыми хлопьями и одел поля и леса белым покровом; ничего нельзя было разглядеть вокруг, кроме печальной картины полузамерзшей реки, мутные, черноватые воды которой изгибами протекали по долине, прокладывая себе дорогу среди льдин.

Около 9 часов наш корпус был атакован графом Витгенштейном, а на правом берегу Чичагов в то же время напал на герцога Реджио (маршала Удино). Леденящий сердца грохот пушек становился все слышнее, и вскоре на ближайших холмах показались огни батарей Витгенштейна, шедшего на нас с сорокатысячным войском. Мы только что разложили огни и сложили оружие, теперь каждый спешил приготовиться к битве. Началось жаркое сражение. Русские теснили нас, несмотря на всю храбрость наших солдат, на все усилия вождей: в нашем корпусе было всего 6000 человек. Русские скоро стали серьезно угрожать нам. Наше правое крыло опиралось, правда, на Березину, но левое не доходило до леса, который мог бы служить прикрытием. Чтобы соединить его с этим лесом, была двинута кавалерийская бригада генерала Фурнье¹⁵³, между тем как батарея гвардии поддерживала левое крыло. Бой велся с возобновляющейся энергией благодаря героизму солдат, делавших чудеса храбрости, и выдержке генералов Хохберга¹⁵⁴, Жерара, Дама<са>¹⁵⁵ и Фурнье, из которых некоторые были ранены и все же не покидали поля сражения, все время ободряя сражающихся. Кавалерия производила энергичные атаки в надежде прорвать неприятельскую цепь, и граф фон Хохберг с такой решительностью ударил со своей баденской бригадой

на неприятеля, что тот отступил... Русские все время получали подкрепления и, подавляя нас численностью, оттесняли назад, так что наконец нам пришлось оставить позицию: в пылу сражения несколько ядер упало уже на мосты.

Польская дивизия генерала Жерара, до сих пор мужественно отражавшая врага, была отброшена к самой Березине. Теперь все устремилось к мостам; всякий стремился переправиться, сильный сталкивал в воду слабого, мешавшего пройти, наступал на больного, лежавшего на его пути. Несколько сот человек были раздавлены колесами орудий, некоторые пробовали спастись вплавь, но замерзали в воде.

Наша дивизия до поздней ночи упорно сопротивлялась напору неприятеля; мы построились на снегу в каре, в котором в одну роту вошли солдаты разных частей. Так простояли мы несколько часов без еды и питья. Нельзя было развести огонь, он раскрыл бы неприятелю нашу позицию. В таком мучительном положении мы пробыли до полуночи, потом двинулись к мосту, имея в центре конную артиллерию и с оружием в руках прочищая себе дорогу через все препятствия. Мы шли через горы трупов, по упавшим на них живым, загораживавшим дорогу, и добрались наконец до моста, где все еще была большая давка. После того как мы пробились на другой берег, генерал Эбле велел на рассвете зажечь мост, чтобы русские не могли перейти.

Несчастные, оставшиеся на левом берегу, должны были неминуемо погибнуть; некоторые пытались еще перейти по мостам, но им навстречу вздымалось пламя, и они, спасаясь от огня, бросались в воду.

Наполеон в 6 часов уехал в Зембин, оставляя позади, на том берегу Березины, невероятное смятение — мятущихся людей, живое изображение тех несчастных теней, которые, по представлению греков, в подземном мире движутся на берегах Стикса в ожидании лодки Харона.

Русские завладели местом сражения, переправа была окончена, и мертвая тишина сменила страшный шум.

ШТЕЙНМЮЛЛЕР

По прибытии нашей дивизии в Борисов, когда мост был уже взорван русскими, мы внезапно среди ночи получили приказ выступать, с требованием вести наше войско в строгом порядке, полным безмолвием и тесно

сомкнутыми рядами, не позволяя никому ни под каким предлогом удалиться в сторону.

Придя на рассвете в деревушку Студянку, мы расположились на небольшой возвышенности, господствовавшей на довольно близком расстоянии над Березиной. Артиллерия поместилась с нами там же, и был повторен приказ не допускать никого удалиться с места.

В деревне вокруг некоторых домов лежали кучи досок. Утром пронесся слух, что император был около реки, и, несмотря на настоятельное запрещение отлучаться от наших войск ввиду того, что с минуты на минуту мы могли получить приказание двигаться, я не мог устоять перед любопытством поглядеть вблизи на великого человека при тех условиях, в которых мы находились.

Пробираясь вдоль рядов, я достиг нижнего края позиции и, дойдя до берега реки, увидел его очень близко от себя. Прислонясь к мосткам, находившимся на берегу, скрестив под шинелью руки, он стоял в молчании, не обращая, по-видимому, внимания на то, что делалось вокруг него, и только по временам устремляя взгляд на понтонеров, которые были в реке в нескольких шагах перед ним, иногда по горло в воде и между льдинами, занятые установкой подмостков, которые им, по всей видимости, было очень трудно утвердить на дне, в то время как другие, по мере их укрепления, накладывали на них доски. Единственные слова, которые я услышал от императора за довольно большой промежуток времени, было замечание, сделанное с досадой и нетерпением командиру, руководящему работой. Он обращал его внимание на то, что дело подвигалось слишком медленно. Но тот отвечал ему очень живо и с уверенностью, указывая на положение этих людей, находящихся так долго в ледяной воде, не имея ничего для своего подкрепления; положение действительно ужасное. Император не возразил ничего. С озабоченным, задумчивым видом он снова принял прежнюю безмолвную позу.

Я вернулся к своему полку и еще некоторое время находился в прежнем положении; мы получили еще несколько приказаний держаться вместе и наготове к походу. Вдруг со стороны реки раздался шум, и я увидел отряд, вступивший на мост при криках: «Да здравствует император!»

В ту же минуту, 26-го в час пополудни, мы получили

приказ двинуться и сами также очутились у входа на мост, на этот хрупкий мост, где я опять увидел Наполеона все в той же позе, в какой я его оставил, таким же задумчивым и молчаливым, не обращавшим на нас никакого внимания, хотя мы все повторяли, подходя к нему, тот же возглас, которым он, по-видимому, нисколько не интересовался.

Мы достигли противоположного берега, с которого неприятельские аванпосты были удалены несколькими ружейными выстрелами. Мы заняли позицию и расположились биваком на снегу до следующего дня.

Наутро мы получили приказ идти вперед по шоссе, которое вело к Борису и в этом месте проходило через лес. Русские, имевшие с этого времени основание предполагать, что переход совершится на этом пункте, направили туда значительные силы из молдавской армии, и их артиллерия сметала все, что попадалось на дороге. Мы были вынуждены кинуться в сторону, в лес, в то время как наша артиллерия расположилась на дороге, чтобы противостоять неприятельской. Здесь завязался на целый день отчаянный бой. Мы развернули тогда нашу линию, несмотря на все затруднения, представляемые лесом, и, подвигаясь вперед, скоро повстречались с неприятелем.

Тут произошел довольно забавный случай.

Казачья разведка, придвинувшись к нам и очутившись вдруг очень близко от одного из наших молодых подпоручиков (фамилия ускользнула из моей памяти), назначенного в застрельщики. Один из казаков, прищипав свою лошадь, кинулся на него. Прежде чем успели выстрелить, он уже взял его за воротник шинели, чтобы тащить за собой, когда в ту же минуту другой казак, желая иметь свою часть в поимке пленника, примчался стремглав и схватил подпоручика с другой стороны. Последний очутился почти на весу между двумя всадниками. Но благодаря широким рукавам он мог, отбиваясь, вытащить сперва одну руку, потом другую. Затем, пока его противники спорили из-за его шинели, он удрал от них и присоединился к нам, спешившим на его выручку. Он отделался потерей шинели, что, впрочем, было бы очень чувствительно при таком сильном холоде, если бы немного спустя поле битвы не предоставило много лишних шинелей.

Действительно, сражение разгоралось все с большей и большей силой. Это тогда наш бравый батальонный

командир Блатман, надевший в первый раз на поле сражения командирские эполеты и орден Почетного легиона, полученный в Полоцке, упал рядом со мной, сраженный насмерть пулей в грудь. Русские употребили на этом пункте все свои усилия, чтобы отбросить нас назад и помешать переходу через мосты, совершавшемуся позади нас, в то время как мы не давали им ходу.

Так как наши ряды непрерывно редели, то было выдвинуто подкрепление.

Вот тут-то прибыл к нам Привислинский легион, прекрасный отряд, хорошо экипированный, с виду довольно сильный, хотя я и не мог достаточно оценить его силу. Это обстоятельство помогло нам твердо держаться на нашей позиции, но неприятель, по-видимому убедившись, что атаки, производимые в других направлениях, были ложные, стал непрерывно направлять свои усилия на тот пункт, где мы находились, стараясь нас опрокинуть. Тогда против него послали эскадрон кирасир под начальством генерала Думерка. Этот эскадрон, хотя и довольно слабый, продефилировал на нашем левом фланге и углубился в лес, где произвел блестящую атаку, с которой скоро возвратился, гоня перед собой массу русских, число которых определяли тысячи в три; но когда они все продефилировали перед нами, то число это показалось мне несколько преувеличенным. Как бы то ни было, я, как теперь, вижу перед собой этого бравого командира, когда он возвратился, торжествующий, во главе своего эскадрона и толпы пленников и, ударяя себя изо всей силы в грудь, восклицал с энергией: «Черт возьми, нельзя же послать в атаку в лесу!»

Этой прекрасной и удачной атакой мы, казалось, сбывли неприятеля с рук, и в самом деле огонь на несколько минут прекратился, но он скоро возобновился с новой силой, показывавшей, что наши противники получили подкрепление. Мы видимо ослабевали, однако не уступали позиции.

Полковой адъютант Гюбер подошел ко мне и сказал: «Слушайте, капитан, если мы сделаем энергичную атаку в штыки, то мы сможем их прогнать и потеряем меньше людей».

Эта мысль показалась мне справедливой, и я отвечал: «Ну хорошо, я прикажу выступать: позаботьтесь, чтобы везде подвигались равномерно, чтобы не прорвать нашей линии; иначе мы рискуем, что нас окружат».

Затем я стал впереди и произвел атаку с тем успехом,

какого мы ожидали. При начале я был легко ранен, но позднее мне раздробило выстрелом правое плечо; я должен был выйти из строя и перестать лично бить атаку, что я делал для того, чтобы увлечь за собой команду и заменить убитых барабанщиков.

Помимо меня, во время моего плена в России мои товарищи из чувства справедливости нашли нужным опубликовать этот эпизод в газетах. Они не знали, какое участие принимал в нем полковой адъютант Гюбер. Движимый таким же чувством, я считал себя обязанным восстановить этот факт и воздать должное тому, кому следовало.

С этой минуты я не знал, что потом происходило, кроме смерти нашего бригадного генерала Кедр, которого убили, должно быть, скоро после того, как я был ранен. Позиция сохранялась таким образом весь день, так как я удалился только к вечеру. Я, значит, не могу ничего рассказать о переправе остатков армии, происходившей за нашей спиной, пока мы задерживали русских. Одно могу тебе сказать, что с этой минуты для меня началось самое плохое время из всей кампании.

Я провел в том состоянии, в котором находился, восемь дней, не имея возможности перевязать свои раны. Я шел день и ночь, пока не попал в руки неприятеля, и, как ты поймешь, мое положение от этого не улучшилось.

РОССЛЕ

27 ноября после полудня маршал Виктор, герцог Беллунский, прибыл на высоты Веселова и занял там позицию, чтобы прикрывать отступление; но мы узнали от батальона крайнего арьергарда дивизии Партуно, пришедшего очень поздно, что этот генерал, сбившись с дороги, попал в плен с тремя тысячами пехоты и двумя полками кавалерии. Эта новость, взбудоражив все скопище, которое следовало за отступающей армией, произвела значительное загромождение вокруг мостов. Одни хотели перейти и пробивались силой, несмотря на все запреты; другие желали остаться, говоря, что их заберут в плен на другой стороне реки. Это колебание до такой степени разрушило порядок, что никто больше не хотел повиноваться.

Император хорошо сознавал, что нужно было помешать неприятелю следовать за нами и поэтому необхо-

димо было проходить как можно скорее и сжечь мосты тотчас же после перехода. Так как масса повозок могла только задерживать и быть опасной для армии, то император дал формальный приказ жечь все повозки, которые окажутся ненужными. Чтобы отнять всякий повод к непослушанию и показать всю важность этой меры, он начал с того, что велел поджечь свои. До прихода батальона дивизии Партуно переход совершался достаточно правильно. Я получил от генерала Эбле приказ сломать и взорвать мост тотчас после того, как корпус герцога Беллунского и оставшиеся в целости повозки будут на другой стороне. Мне приказано было ускорять движение последних. Я вложил всю возможную расторопность и твердость в исполнение этого поручения, но, когда стало известно, что русские приближаются, мне уже сделалось невозможно втолковать что-нибудь проводникам багажа и маркитанток. Напрасно я говорил им, что при порядке все успеют спастись и что их спасение зависит от быстроты перехода, а спасение нашей армии — от уничтожения мостов,— они проезжали маленькими партиями со своими легкими повозками, а большинство из них упорно оставалось на левом берегу вместе с герцогом Беллунским.

Положение мое было тяжелое. Неприятель появился снова, и опасность росла с каждой минутой. Герцог Беллунский, долго удерживавший левый берег против неприятеля, втрое сильнейшего, чем корпус, которым он командовал, был вынужден сделать распоряжение об отступлении. Только тогда проводники повозок, оставшихся на берегу, увидели всю опасность, но уже было поздно; корпус герцога Беллунского перешел в беспорядке. Военный обоз, артиллерийские фуры, повозки с ранеными — все сбилось в одну кучу при входе на мост, дорогу пробивали штыками, многие бросались впасть в реку и погибали. Неприятель, приветствовавший нас пушечной пальбой и осыпавший нас ядрами, завершил этот беспорядок. Наконец часть войска прошла, но я видел еще сотни нагруженных повозок, оставшихся на том берегу. При таком загромождении всякая надежда на переправу была потеряна. Целую толпу женщин и мужчин пришлось бы принести в жертву, если бы я уничтожил возможность для них присоединиться к нам. Конечно, они сами были виноваты. Но, несмотря на это, я откладывал исполнение этой тяжелой обязанности так долго, как только было возможно, и уже

только в последней крайности, т. е. когда русская артиллерия стала беспокоить меня со всех сторон, я решился с великим огорчением исполнить приказ генерала, бывший также приказом императора.

Я тотчас зажег мосты и был свидетелем самого печального зрелища, какое только можно было себе представить. Казаки накинулись на этих несчастных покинутых людей. Они разграбили все, что оставалось на противоположном берегу реки, где было много повозок, нагруженных огромными ценностями. Те, кто не были убиты во время этой первой схватки, были взяты в плен, а имущество их сделалось добычей казаков.

СЕРЮРЬЕ

Пройдя вверх по течению около 2 часов, мы достигли небольшой деревни, имени которой не помню. Много генералов, инженерных команд и артиллерии прибыло сюда раньше нас. Работали без отдыха над постройкою понтонов. Время было дорого; положение становилось критическим, потому что в то время, как неприятель сильно теснил наш арьергард, другой русский корпус ожидал нас на правом берегу Березины. Хотя я, как женщина, знала немного толку в стратегических действиях, но неминуемая гибель была столь очевидна, что на сей раз не могла ускользнуть от меня. Впрочем, еще накануне слова самого генерала Раппа дали мне понять опасность нашего положения. 27 ноября после полудня генерал, прискакав на лошади, приказал своим людям как можно скорее освободиться от лишних фургонов, нагрузить один припасами, а остальные сжечь со всем, находящимся в них. Так как слуги казались не очень расположенными жертвовать своим имуществом, или, лучше сказать, своею добычею, то генерал повелительно повторил свое приказание.

— Вы знаете волю императора,— сказал он.— Надо уничтожить все, что не является крайне необходимым. Кто знает, может быть, сегодня же мы принуждены будем сжечь все!..

Таковы были слова генерала, который удалился только тогда, когда все было истреблено на его глазах.

Если что поразило меня и заслуживает жить в памяти столько же, сколько и самая березинская переправа,— то это самоотвержение саперов. Представьте себе людей, истомленных лишениями, которые они переносили вместе

со всею армией; эти люди в сильнейший холод идут по реке, по которой несутся громадные льдины, и остаются по грудь в воде для того, чтобы кончить постройку моста. Разумеется, они погибли почти все жертвою своего самоотвержения, но они спасли армию: их цель была достигнута...

27 ноября, в первом часу пополудни, Наполеон, сев на коня, переехал через Березину по одному из мостов, которые были наведены. Мы следовали за ним в нескольких шагах. Французские войска, которые шли впереди императора, заняли позицию на другом берегу реки и отбивали атаки русских...

ДОМЕРГ

Было туманное пасмурное утро. Силы мои восстановились, так как я поела как следует. Я села в карету, впереди которой шел отряд гвардейцев.

Император стоял при входе на мост и торопил переправу. Я могла вдоволь на него насмотреться, так как мы ехали очень медленно. Он показался мне очень спокойным, точно он находился на смотру в Тюильри. Мост был настолько узок, что наша карета почти касалась императора. «Проезжайте, проезжайте, не бойтесь», — сказал Наполеон. Эти слова, относящиеся лично ко мне, так как, кроме меня, здесь женщин больше не было, заставили меня подумать о том, что, очевидно, опасность существовала.

Неаполитанский король вел одной рукой лошадь под уздцы, а другой опирался на дверку моей кареты. Он сказал мне комплимент. Его костюм совсем не подходил к настоящему моменту и к морозу в двадцать градусов.

С открытым воротом, с бархатным плащом, накинутым на одно плечо, с вьющимися волосами и в черной бархатной шляпе с белым пером, он больше походил на героя из мелодрамы! Я никогда еще не видела его так близко и не могла заставить себя не смотреть на него; когда он немного отстал от кареты, я повернулась, чтобы увидеть его в профиль. Он это заметил и сделал мне грациозный жест рукой. Он был очень кокетлив и любил, чтобы женщины обращали на него внимание. Офицеры также вели своих лошадей под уздцы, так как верхом было опасно ехать; мост был настолько непрочен, что трясся под колесами моей кареты. Погода стала теплее, и лед на реке немного растаял, отчего опасность еще увеличилась.

Когда наконец мы достигли села, то остановились, как приказал император, а все офицеры вернулись к Березине. Я взяла под руку генерала Лефевра¹⁵⁶ (сына маршала), и мы пошли посмотреть, что там происходит. Когда мост сломался, мы услышали невероятный крик, вырвавшийся из уст огромной толпы. Этот крик так и раздается у меня в ушах всякий раз, как я только о нем вспомню. Все несчастные, оставшиеся еще на том берегу реки, погибли под картечью русской армии.

Тут только мы могли понять весь ужас этого бедствия! Лед не был достаточно крепок, ломался, и река поглощала мужчин, женщин, лошадей и повозки. Военные убивали всех, кто мешал их спасению. Огромная опасность не знает законов человечности, обыкновенно сокрушают все, чтобы сохранить только себя.

Мы увидели красивую женщину с ребенком на руках: она попала между двумя льдинами, как в тиски. Ей протянули ружейный приклад и эфес шпаги, чтобы она схватилась за него, но она погрузилась в воду, погубив себя движением, которое она сделала, чтобы схватиться за ружье.

Я, рыдая, отошла от этого ужасного зрелища. Генерал Лефевр, не будучи очень чувствительным, был бледен как смерть и все время повторял: «Ах, какое ужасное несчастье! Ужасно положение тех, на том берегу, под огнем неприятеля!»

Однако некоторым из этих несчастных удалось по льду перейти реку. Они нагнали нас в Вильне и описывали такие сцены, которые заставляли нас содрогаться.

Странная и необъяснимая вещь судьба! Если бы я не потеряла сознания тогда на снегу, я не была бы подобрана маршалом Лефевром и неминуемо погибла бы в Березине, как это случилось с большинством беглецов из Москвы.

После моего возвращения во Францию, представляя меня какому-нибудь влиятельному лицу, употребляли следующее выражение: «Она перешла Березину!»

Я продолжала свое путешествие в карете маршала до Вильны. Здесь я уже была вне опасности!

ФЮЗИ

В ожидании постройки мостов гвардию и главную квартиру поместили на ночь с 24 на 25 ноября в замке князя Радзивилла, расположенном на расстоянии одного

лье от моста, где предполагалось совершить переход. Этот замок со всеми службами занимал восточную сторону холма на левом берегу реки.

В хуторах этого замка были огромные запасы сена и много скота, что являлось огромной помощью как для кавалерии, так (<и>) для гвардии. Нашлась также мука и сухие коренья.

Из боязни, что нас сожгут в амбарах, я остался вместе с гренадерами на биваке...

Между тем оба строящиеся моста были закончены, а неприятель о том не узнал.

Первыми перешли 1-й и 4-й корпуса, а затем и гвардия без препятствий безопасно достигла противоположного берега, но когда стали переправлять тяжелые орудия, то один из мостов рухнул и дальнейшее движение остальной артиллерии, всех возов, телег и походного госпиталя приостановилось. Это привело в неопиcуемый ужас всех оставшихся на левом берегу.

Как раз во время этого замедления отряд Витгенштейна, преследовавший нас на близком расстоянии, напал на наш аррьергард; тот защищался по мере сил, но, выбитый из позиции, решил отступить и этим облегчил врагу наступление.

К довершению несчастья, наскоро починенные мосты не выдержали и снова рухнули. Всякая надежда на спасение в эту минуту пропала. Потеряв голову, под влиянием отчаяния большинство кинулось вниз на лед, рассчитывая перебраться по льду на другой берег, но благодаря сильному течению река у самого берега не замерзла. Несчастные бросились вплавь, некоторым удалось переплыть это пространство, а другие тонули или гибли, затертые льдинами. Самые благоразумные и смелые бегут назад и сами отдаются в руки врагам, спасаясь от тех ужасов, свидетелями которых они только что были.

Переход через Березину стоил жизни многим людям всех состояний. Матери бросались сами в реку за своими упавшими туда детьми и тонули вместе с ними, крепко их обнимая. Много еще других трогательных проявлений самопожертвования было во время этой катастрофы.

Несмотря на почти непреодолимые препятствия, я несколько раз прошел по одному из мостов незадолго до его крушения, рассчитывая перенести на правый берег несколько ящиков с хирургическими инструментами, самыми необходимыми для раненых. За эти путешествия я едва не поплатился жизнью. Меня затерла толпа, но, к

счастью, меня узнали и всякий старался прийти мне на помощь. Солдаты буквально вынесли меня на руках, передавая друг другу, пока не поставили на мост.

Это доказательство их любви заставило меня забыть все грозившие опасности и все мои потери.

Те корпуса, которые первыми перешли реку, встретились с неприятелем.

Русские упорно обороняли проход и готовы были скорей покинуть город, чем уступить дорогу.

Наше положение было чрезвычайно тяжелое благодаря нашим огромным потерям. Несмотря на это, в первое же сражение мы забрали у русских 3000 пленных; много было у них и убитых. У нас также было 600 раненых, которых я на излечение поместил в соседнюю деревню.

Между тяжело ранеными в этом сражении ко мне в амбулаторию принесли с поля битвы генерала Зайончика, одного из самых старейших польских генералов, находившихся на службе у Франции. Он участвовал в войне с Италией, был в Египте и воевал также во всех северных странах Европы. Этому храброму генералу раздробило пулей правое колено. Когда он стоял во главе своей дивизии, в него выстрелили в упор. Благодаря этой ране явилась необходимость немедленно сделать ампутацию ноги, и я тут же, под неприятельскими выстрелами, на снегу, при жестоком морозе, произвел эту операцию. Несмотря на самые исключительные условия, эта замечательная операция увенчалась неожиданным успехом, и Польша могла похвастать, что была спасена жизнь ее знаменитого воина, которому было уже восемьдесят лет.

За исключением нескольких смертельно раненных, оставленных мною в деревне на попечении санитарных врачей, я отправил в Вильну всех остальных, раненных в последних двух битвах; переправил я их в санях, которые достали у крестьян.

ЛАРРЕЙ

26-е. Император на лошади с пяти часов утра. Его Величество отправляется в Студянку, селение в двух милях направо, около берегов Березины. Продолжают наводить два моста, начатые накануне. Неприятель только мешает переходу, посылая казаков. Бригада легкой кавалерии переходит вброд, имея полсотни стрелков за спинами кавалеристов. Наша артиллерия, построившись в

батарею перед помещением императора, довольно удачно стреляет по казачьим эскадронам; неприятель не отвечает на пушечную пальбу; мы ясно разглядели у него одну пушку. В три часа мост для пехоты, построенный на сваях, как и мост для артиллерии, готов. Проходит превосходный 2-й корпус, силою приблизительно в восемь тысяч человек, оглашая воздух кликами: «Да здравствует император!»

Нам доставляет большое удовольствие видеть войска в порядке, настоящих солдат. По мосту для инфантерии провозят два пушечных орудия. К пяти часам мост для артиллерии закончен. Маршал Удино преследует неприятеля на расстоянии 8 верст по направлению к Борисову. Вечером мост для артиллерии ломается; всю ночь работают над его восстановлением. Нельзя воздать достаточно похвал дивизионному генералу Эбле; этот генерал вынес невероятный труд.

Понтонеры несли бревна в Березину, находясь по пояс в воде. Конечно, она не была теплой; мороз, однако, не из сильных. Берега Березины болотисты; это делает трудным приближение к ним. На другом берегу большой лес.

За 12 франков я покупаю фунт сахара; это находка.

Помещение, занимаемое императором, даже если бы это была лачуга, сейчас же получает название дворца; нельзя удержаться от смеха над торжественностью, с которой мы говорим, отправляясь в скверную крестьянскую избенку, жилище Его Величества: «Я иду во дворец».

27-е. Артиллерия, император и гвардия переходят мост. Его Величество направляется к корпусу Удино, стоящему на расстоянии четырех верст влево. Обе армии друг перед другом, на расстоянии пушечного выстрела, орудия заряжены, канониры при орудиях. На закате Его Величество прибывает в деревню Заливки, в 2 верстах от Березины. Я дежурный.

Наши солдаты воруют ужасающим образом. На нашем биваке у Шабо¹⁵⁷ украли шляпу — она была у него под головой. У меня похищают меховую попону для лошади. Не один офицер, думающий, что его лошадь идет за ним, приходил только с поводками, обмотанными вокруг руки. Если он возвращался, он находил свою лошадь убитой, разрубленной на части и разделенной.

У нас плохой обед, но мы его находим великолепным. Во время похода повара имеют большое значение. По-

сылаемый с поручениями к различным частям, я не имел ни минуты отдыха. Весь день армия довольно мирно переходит по мостам; однако было некоторое замешательство.

28-е. Герцог Беллунский в одиннадцать часов был атакован на другом берегу Березины. Завязалась довольно живая канонада; он сохранил свои позиции. В три часа несколько ядер долетели до моста, это был момент большого беспорядка. Отсталые солдаты толпами бросились на мост и воспользовались суматохой для грабежа повозок. В конце концов все они были сожжены.

Многие офицеры, посланные в это время к герцогу Беллунскому, не могли протискаться даже пешком; меня на мосту затолкали, когда я пытался перейти. Когда я приближался к другому берегу, несчастная маркитантка, по пояс в воде, хотела вскарабкаться на мост, но солдаты ее отталкивали; с отчаянием на лице она протянула мне своего ребенка; в тот момент, когда я хотел взять его, волна солдат отеснила меня назад шагов на двадцать, причем я не мог коснуться земли.

Весь этот день я разъезжаю с поручениями. Так как этого сражения не предвидели, то многие офицеры главного штаба были впереди. Большое число лошадей было украдено. Граф Лобау потерял шесть лошадей и свой фургон. Двести пятьдесят лошадей были убиты, сотня людей, пытавшихся взобраться на мост, раздавлена. Огонь прекратился в пять часов вечера; во всех трех корпусах было убито и ранено тринадцать генералов.

Солдаты 1-го корпуса, находившиеся в деревне по ту сторону реки, бросились грабить тех, которые только что перешли через мост. Я силою заставил двоих из них возвратить похищенное: они отняли чемодан у одного отсталого. Последний перечислил мне его содержимое; я заставил открыть его и наградил ударами сабли плашмя воров, уверявших, что чемодан их собственность.

Сильная снежная вьюга; ночи, длящиеся от пятнадцати до шестнадцати часов, невыносимы.

ДНЕВНИК КАСТЕЛЛАНА

Густые массы людей, расположившихся на берегах реки и далеко раскинувшихся по равнине, предупреждали нас о встреченных на переправе затруднениях. Хотя мы представляли стройную походную колонну, но мы не могли протискаться сквозь толпу, густую и стеснен-

ную до такой степени, что несколько человек было задушено. Мы стали в затылок частям, ранее нас прибывшим, но вскоре были стиснуты следовавшими позади нас. С трудом продвинулись мы на один шаг за четверть часа времени, не постигая причины столь медленного движения вперед; причиной этого было скопление войсковых масс при условиях следования по единственному мосту, да еще незначительной ширины.

В том же составе, не разъединяясь и пробираясь вперед через стоявшие впереди массы, провели мы время до самой ночи, с наступлением которой мы должны были отказаться от всякой надежды достичь в этот день моста.

Пришлось вернуться обратно, и так как вся местность кругом представляла сплошной людской муравейник и не было ни единого клочка земли, где бы мы могли расположиться на ночь все вместе, то нам пришлось разойтись и в одиночку каждому искать себе приюта на ночь. Так рассеялась наша колонна, чтобы уже никогда более не соединяться; отныне наши люди или исчезли совсем, или же следовали в одиночку. Особенно тягостно вспоминаю то обстоятельство, что вся эта масса людей, не успевшая переправиться за день, также отхлынула назад, а между тем мост оставался свободным до самого рассвета.

Но лишь только рассвело, как вся эта 100-тысячная масса людей, скученная на одном месте, ринулась одновременно к берегу. Произошла давка, подобной которой, надеюсь, я никогда более не увижу, да и не желаю никому видеть: страшное и безобразное зрелище!.. Те самые солдаты, которые ранее бросились бы на выручку товарищей, думали теперь только о сохранении своей собственной жизни, хотя бы ценой жизни своих окружающих товарищей. Если кто ослабевал и падал, то толпа наступала на него и давила его насмерть. Валились и стиснутые с боков лошади и так же, как и люди, уже более не вставали; иногда падавшая таким образом лошадь, желая встать на ноги, отчаянно билась и сбивала ближайших к ней людей, уже не имевших возможности посторониться, почему валились вместе с лошадьёю и они и уже вместе с лошадьёю более не вставали.

Так как только первые ряды могли видеть эти два моста через Березину, то вся остальная масса сзади, не видя мостов, оттесняла к реке все то, что было впереди, сталкивая в реку первые ряды, не находившиеся в направлении моста.

К моему счастью, я находился в направлении правого моста и перешел его, но перешел с величайшим трудом и полным изнеможением, и вот почему. Еще не добравшись до моста, я вел под руку и поддерживал товарища, раненного ночью саблей в бедро, полагаю — в сочленении. Он так страдал от раны, что одно время не был в состоянии двигаться даже при моей поддержке, и я, желая спасти его во что бы то ни стало, охватил его руками и, почти неся, толкал вперед; таким образом пустились мы по мосту. Но на мосту была такая давка, что люди, шедшие по настилке, ближайшей к воде, должны были всеми силами упираться в противоположную сторону, чтобы не быть сброшенными в воду. С моей ношей в руках я счел необходимым идти по краю моста, но быть лицом к воде; в этом положении я мог удобнее сопротивляться давлению и избежать падения в реку.

Таким образом добрался я до противоположного берега, но в страшном утомлении; положив моего раненого на снег, я повалился рядом с ним, чтобы перевести дух, в чем сильно нуждался...

ТИРИОН

Когда я подошел к мосту, там уже царила сумятица. Люди, не захотевшие воспользоваться ночью и частью утра для переправы, теперь, услышав пушки, нахлынули толпой к берегу Березины, чтобы переправиться по мосту.

Ко мне подошел капрал роты, по прозвищу Толстый Жан, семью которого я знал, и со слезами спросил меня, не видел ли я его брата. Я отвечал отрицательно. Тогда он рассказал мне, что со времени битвы под Красным он не расставался с братом, который болен лихорадкой, но что утром, перед тем как перейти через реку, в силу какого-то необъяснимого рока они разлучились.

Думая, что брат впереди, он всюду искал его и спрашивал о нем у товарищей. Не найдя его на позиции, где стоит полк, он теперь намерен вернуться через мост назад — ему необходимо найти брата хотя бы ценою собственной гибели...

Желая отвлечь его от рокового решения, я убеждал его остаться со мной у мостового укрепления, где мы, вероятно, увидим его брата, когда он явится. Но добрый малый сбросил с себя ружье и ранец, говоря, что дарит его мне, так как мой утерян, а что касается ружья, то в них нет недостатка на той стороне. Потом он бросается к

мосту; я стараюсь задержать его, показываю ему мертвых и умирающих, которыми уже завален мост; мы видим, как упавшие мешают другим переправляться, ловят их за ноги, вместе с ними катятся в Березину, чтобы вынырнуть между льдин, затем исчезнуть совсем и очистить место другим. Но Толстый Жан не слушается меня. Устремив глаза на эту картину ужасов, он воображает, что видит на мосту своего брата, пробирающегося сквозь толпу. Тогда, ничего не сознавая, кроме своего отчаяния, он бросается на груды трупов людей и лошадей, заграждавших вход на мост, и лезет дальше. Первые отталкивают его, видя в нем новое препятствие к переходу. Но он не унывает. Толстый Жан силен и крепок; его оттирают до трех раз. Наконец он пробирается к тому несчастному, которого принимал за своего брата, но оказывается, что это не он. Я наблюдал за всеми его движениями. Тогда, заметив свою ошибку, он тем не менее горит желанием достигнуть другого берега, но его опрокидывают на спину на самом краю моста, и он близок к тому, чтобы свалиться в воду. Его топчут ногами, шагают по его животу, по голове,— ничто не может сокрушить его. Он находит в себе новый запас сил, поднимается, ухватившись за ногу одного кирасира, а тот в свою очередь, чтобы устоять, хватается за руку другого солдата. Но кирасир, у которого накинута на плечи плащ, запутывается в нем, спотыкается, падает и сваливается в Березину, увлекая за собой Толстого Жана и другого солдата, уцепившегося ему за руку. Они умножают собою число трупов, скученных под мостом и по обоим концам его.

Кирасир с другим солдатом исчезли под льдинами, но Толстому Жану посчастливилось ухватиться за козлы, подпиравшие мост, за них он цеплялся, встав на колени на лошадь, лежавшую поперек. Он молил о помощи, но его не слушали. Наконец саперы и понтонеры бросили ему конец веревки, он с ловкостью подхватил ее и завязал себе вокруг туловища. Наконец, переходя от одних козел к другим, пробираясь по трупам и по льдинам, он достиг другого берега, и там его вытащили. Но я уже больше не видел его; на другой день я узнал, что он таки отыскал своего брата в полуверсте оттуда, но застал его умирающим и что сам он в безнадежном состоянии...

Во время этой бедственной переправы гренадеры гвардии бегали от одного бивака к другому. Их сопровождал офицер; они просили сухого топлива, чтобы раз-

вести огонь для императора. Каждый спешил отдать все, что у него было лучшего; даже умирающие и те приподнимались, говоря: «Вот, берите,— ведь это для императора!»

Было часов десять; второй мост, предназначенный для кавалерии и артиллерии, рухнул под тяжестью пушек в ту минуту, когда на нем находилось много людей,— большая часть их погибла. Тогда беспорядок еще усилился, все бросились к первому мосту, не было возможности проложить себе путь. Люди, лошади, повозки, маркитанты с женами и детьми — все смешалось в общую кашу и давилось по пути; несмотря на крики маршала Лефевра, стоявшего у входа на мост, ему не удавалось водворить мало-мальский порядок, и он не мог долее оставаться на мосту. Он был унесен людским потоком со своей свитой и, чтобы не быть раздавленным, принужден был перейти через мост.

Ночь провели мы прескверно. Много людей императорской гвардии погибло. Наконец настало утро 17 (29) ноября. Я отправился опять к мосту посмотреть, не найдут ли еще кого из солдат полка. Несчастные, не захотевшие воспользоваться ночью для того, чтобы спастись, когда рассвело, кинулись толпами на мост. Уже заготовлялось все нужное, чтобы сжечь его. Многие бросались прямо в реку, надеясь, что им удастся переправиться как-нибудь вплавь по льдинам, но никому не удалось пристать к другому берегу. Я сам видел людей, погруженных по плечи в воду, с побагровевшими лицами, и все погибали самым жалким образом. На мосту я увидел одного маркитанта, несшего ребенка на голове. Жена его шла впереди, испуская вопли отчаяния. Смотреть на все это было выше сил моих, я не мог выдержать более. В тот момент, когда я отходил, повозка, в которой находился раненый офицер, свалилась с моста вместе с лошадью и несколькими сопровождавшими ее людьми. Так погиб Легран, брат доктора Леграна из Валансьена. Он был ранен при Красном и добрался до Березины. Когда русские стали обстреливать мост, говорят, он вторично был ранен, прежде чем упасть в воду вместе с повозкой.

Наконец я удалился. Мост зажгли; вот тут-то, говорят, разыгрались сцены, не поддающиеся описанию. Переданные мною подробности представляют лишь бледный набросок страшной картины.

БУРГОНЬ

В течение более чем шести часов я, несмотря на свой костыль, руку на перевязи, разорванный бок и содранную

руку, отыскивал способ пробраться на мост. Раз по крайней мере пятьдесят меня поглощают впадины, образуемые кучами людей и лошадей.

Настойчивость, однако, не покидает меня, и, пробиваясь между мертвыми и ранеными, я достигаю моста. Я перехожу через него сам не знаю каким-то чудом и присоединяюсь к частям дивизии, столь же счастливым, как и я. Но я смят, расшиблен, мои раны раскрылись и покрывают меня кровью.

Товарищи встречают меня с такой радостью, которую я не могу себе объяснить: потеряв меня в толпе, они считали меня в числе погибших. Они делятся со мной своей черной кашницей, которая несколько подбодряет меня, и в первый раз после моего отъезда из Москвы раны мои перевязаны нашим главным полковым врачом, который решительно не может себе представить, как мог я в подобном состоянии переносить столько лишений и такое утомление. На это я не могу ничего ответить, так как и сам этого не знаю.

Березина так переполнена трупами, лошадьми и повозками, что вышла из берегов шагов на 50—60.

Наши потери (убитыми русскими или раздавленными на мосту) должны быть от 30 до 40 тысяч. Русские отобрали все драгоценности, увезенные нами из Москвы. Одним словом, Березина стала могилой этой армии, столь блестящей восемь месяцев тому назад.

Ночью мой солдат, которого я не видел тридцать шесть часов, приходит на бивак. Он не может удержаться от слез, обнимая меня: он увидел меня еще живым! «Ну, ну, мой молодец, — говорю я ему, — теперь я уж не умру». Я спрашиваю его, куда девалась моя лошадь; он не мог ее спасти, что меня несколько не удивляет, но в моем чемодане были некоторые вещи, взятые в Москве и представляющие значительную ценность! Ба! К чему горевать! В ту же ночь мы опять выступаем в глубоком молчании. На другой день в одиннадцать часов мы приходим в Зембин; там мы находим кое-какие зерновые припасы, картофель и овощи.

Какой-то солдат приводит мою лошадь, но на ней уже нет моего чемодана.

ФРАНСУА

Берега Березины болотисты — подобная почва редко промерзает, — и это обстоятельство сослужило мне службу. Весь день 28 ноября я находился в арьергарде. У ме-

ня под командой было около 500 лошадей, впереди же меня,— может быть, тысяч десять, но благодаря свойству почвы русские не могли развернуть своей линии и оказались в неприятной необходимости держаться небольшими отрядами на мощеной дороге, рискуя иначе погибнуть в болотной топи: я разумею под словом «мощеной» дорогу, покрытую деревьями, положенными одно возле другого в виде плах. Таким образом вымощены почти все дороги в России. Те русские, что находились передо мной, меня не тревожили, так как с отрядом в 12—16 человек вряд ли я мог задержать их и преградить им дорогу. До сих пор они не имели с собой пушек, и я не боялся их залпов, но только до тех пор, пока мне не нужно было отступать; с той же минуты, как мне пришлось идти назад, теряя таким образом свою позицию, мои потери сделались очень чувствительны. Обыкновенно русские бывают ужасны с момента, когда начинается отступление; они обрушиваются на вас как бешеные. Когда я уверился, что мой полк перешел Березину и что наши шесть пушек были спасены, я стал уговаривать храброго полковника Любенского уйти с тем небольшим количеством людей, которые были с ним для моей поддержки. Он хотел ждать меня, но я уговорил его: это не повело бы ни к чему хорошему, тем более что при нем находился знаменщик с полковым орлом. Он ушел и перебрался через реку вброд, открытый нашими уланами, пробившими лед толстыми концами своих пик.

Теперь, когда уже ничто не мешало моему отступательному движению, я хотел как можно поспешнее совершить его; я даже был к этому вынужден, так как вновь прибывшие русские егеря вознамерились перебраться через болото, чтобы зайти мне в тыл. У меня было еще около 300 лошадей, и я сделал несколько атак, чтобы прикрыть свое отступление, но при каждой атаке я терял много людей; мои лошади были дурно или вовсе не подкованы, и много всадников попадало с них и поднималось только для того, чтобы быть убитыми. Наконец совсем близко от деревни Веселово, за которой находился брод, поручик Стемпковский упал под ударами неприятеля. Это был храбрый молодой человек, к которому я был очень привязан; поэтому я не колеблясь поспешил к нему на помощь, но он не мог уже встать: он получил по крайней мере ударов тридцать саблями и пиками. Я должен был его покинуть, большинство моих солдат постигла та же участь.

Я вернулся на дорогу в деревню, тут моя лошадь была насквозь пронизана пулей; она упала, но тотчас же опять поднялась на ноги. В это время между нами и неприятелем происходила свалка и мы находились на таком близком расстоянии друг от друга, что не могли взаимно очень сильно вредить друг другу, что, однако, не помешало следовавшему за мной улану нанести мне удар пикой в верхнюю часть руки. В полной сумятице мы дошли до конца деревни, но там, когда мне оставался лишь один шаг, чтобы добраться до реки, я с отчаянием увидел, что проход был закрыт барьером. Кто его сделал: наши ли, русские ли или, может быть, местные жители — мне неизвестно; средство было хорошее, но, к несчастью, я стал его жертвой, так как моя лошадь была не в силах перескочить барьер: она зацепилась за него передними ногами и повисла. В эту минуту удар пикой в поясницу показал мне, что пора было подумать о защите. Я оторвал свою лошадь от проклятого барьера, обернулся и изо всей силы ударил саблей по лицу неприятельского кавалериста, намеревавшегося схватить меня; взамен я получил сквозной удар пикой выше сердца, она прошла у меня между плеч. Этого удара с меня было достаточно, я упал и потерял сознание. 20—30 уланов, оставшихся еще со мной, разделили мою несчастную судьбу: одни были убиты, другие захвачены вместе со мной в плен. На этом пункте Березины перешли все французские полки; к несчастью, это произошло не везде.

ВАШО

Мы переправились на правый берег Березины. Мост показался мне не особенно надежным. Мы шли по нему вместе с доблестными кирасирами Думерка и швейцарцами трех других полков, в общей сложности восемь тысяч отборных молодцов.

Это было вечером 27 ноября. Выходя на правый берег, мы встретили несколько стрелков русского авангарда, которые исчезли в темноте.

В ночь с 27-го на 28-е мы расположились в лесу, на расстоянии пушечного выстрела от моста, через который только что переходили.

Дул сильный леденящий ветер; наши люди прижимались друг к другу, чтобы согреться. Самые большие сосны задерживали снег, и под такого рода сенью (мы) страдали меньше. Наши караулы были на своем посту, а

офицеры, большей частью прислонившиеся к деревьям, за всю ночь не сомкнули глаз, опасаясь какой-либо неожиданности. Наши размышления были далеко не радужными. Голод и жажда мучили нас; мы чувствовали, что на следующий день придется упорно сражаться. Но не это беспокоило нас; наши, наоборот, только и ждали часа, чтобы схватиться врукопашную.

Ночь провели довольно-таки грустно, среди сильного мороза, а едва лишь занялась заря, как мы заметили сквозь лесные прогалины многочисленные колонны русских, которые уже накануне получили, без сомнения, приказ атаковать нас и сбросить в Березину. Мы не заставили себя долго ждать, и день 28 ноября будет навсегда памятным для славы швейцарцев.

После первой, весьма счастливой атаки командир наш, фон дер Вейд из Зеедорфа, энергично продолжал нападение. Когда я приказал своему адъютанту, унтер-офицеру Барбею, идти за патронами, тот повинувался, как вдруг был сражен смертоносным ударом. Я повторил то же приказание некоему Шерценеккеру, который также получил удар в правую руку. Я хотел было послать третьего унтер-офицера, как вдруг заметил, что русские подходят все ближе под защиту своих многочисленных стрелков.

В полку нашем едва можно было насчитать восемьсот человек, но они были хорошо обмундированы и сознавали важность доверенной нам позиции. Мы слышали грозный шум артиллерии и крики «ура!». Это была русская армия, которая, узнав о переходе нашего армейского корпуса, приближалась к нам все в большем количестве, чтобы оспаривать у нас этот переход.

С позиции, которую мы занимали на лесной поляне, на расстоянии пушечного выстрела от моста, нам было видно не очень далеко. Справа от нас, почти против самого моста, должны были находиться 1-й и 4-й швейцарские полки.

Впрочем, нам было трудно определить совокупность движений армии. В подобные моменты каждый чувствует необходимость остаться на своем посту, и так как дело шло о том, чтобы не позволить русским приблизиться, для этого требовалась ни более ни менее как героическая оборона...

28-го мы ни на момент не оставались в бездействии. Сонмы русских палили в нас таким сильным огнем, что после часовой битвы нам пришлось значительно двинуть-

ся назад. Я сделался правой рукой полковника, не успевшего справиться со всем своим делом. Когда я увидел, что полк наш под ружейным огнем медленно подается назад, я поступил так же, как под Полоцком, согласно данному мне приказу: я велел бить к атаке на русских в штыки. Эта вторичная атака заставила русских отступить на несколько шагов. Мы их принудили покинуть лес и вновь перейти через большую дорогу; но так как они были значительно многочисленнее нас, то возобновили перестрелку.

Мы обменялись несколькими ружейными залпами, но через двадцать минут они вновь начали одерживать верх и пытались сбросить нас в Березину. Тогда я опять велел бить к атаке, и штыки наши отеснили их далеко назад.

Семь раз подряд покрывали мы почву их убитыми и ранеными. Несмотря на этот частичный успех, я очень беспокоился о судьбе нашего знамени: офицеры, несшие его, дважды выбывали из строя; тогда я поручил его одному офицеру, чтобы оно было в безопасности в главной квартире.

Несмотря на то что наши изнемогали от усталости и за весь день ничего не ели, никто из них не жаловался и они с прежней энергией атаковали в штыки.

Помню, что во время этих битв мы так близко подходили друг к другу, что какой-то русский солдат занес было штык над моей грудью; я отразил удар и хватил его саблей, но, ввиду того что острие моей сабли было сломано еще до прибытия на Березину, мне пришлось очень близко подойти к своему противнику, чтобы ударом свалить его на землю.

Мы собирались предпринять восьмое нападение. Русские становились все многочисленнее. Вдруг я имел несчастье быть раненным в руку. Я продолжал сражаться, несмотря на боль, которую испытывал; но, когда русские подошли еще ближе, меня задела вторая пуля, раздробившая мне ногу выше колена.

Лошади у меня не было: ее убили под Полоцком... Полковник фон дер Вейд, заметив, что я выбыл из строя, приблизился ко мне. Я, как сейчас, вижу, как он в знак отчаяния закрыл глаза руками.

«Мой храбрый Бего,— воскликнул он,— возьмите моего коня!»

Я никогда не забуду этого доказательства преданности и привязанности со стороны доблестного полковника...

Бог знает, что ожидало его впоследствии. Не один только наш полк сражался так мужественно. Находившийся недалеко от нас 1-й швейцарский полк обнаружил подобную же неустранимость. Капитан Рей, мой превосходящий и достойный уважения друг, видя, что русские напирают, велел бить к атаке в штыки. Все его барабанщики выбыли из строя; тогда, схватив барабан, он начал бить к атаке один, изо всех сил. Вот благородный пример мужества, который я с радостью привожу в этих строках!

Раненный, я ехал в сопровождении своего верного денщика Дююи, теряя много крови из последней раны; но, прежде чем быть в безопасности от неприятельских снарядов, мне пришлось пережить еще несколько скверных моментов. Покидая лес, я бросил последний взгляд на своих доблестных товарищей. Некоторые из них, подобно мне, были родом из кантона Ваадт. Я видел, что их пало под русскими пулями такое множество, что я задавал себе вопрос: увижу ль их еще?

Я достиг беспрепятственно большой дороги, но, прибыв туда, подумал, что настал мой последний час. Дорога была изрыта русскими ядрами: они сыпались со всех сторон и катились во всех направлениях...

Бомбардировка не прекращалась. В лесу с шумом падали громадные деревья. Прибавьте к этому крики раненых и ужас тех, которые уцелели, при виде того, как падают, сраженные ядрами, их соседи; а потом падают и они сами, в тот момент, когда считают себя уже вне опасности. Нужно самому видеть это ужасное зрелище для того, чтобы представить себе его!

Так добрался я до походного госпиталя, где мне сделал перевязку наш главный хирург Давид. Ободрив меня, он мне сказал смеясь: «Ну вот и готово! Тебе еще суждено отправиться в деревню — сажать овощи!»

Его предсказание исполнилось.

После перевязки я вновь сел на лошадь в сопровождении своего храброго Дююи. Снабженный кое-какими съестными припасами, я имел возможность в тот же вечер добраться до главной квартиры, расположенной на расстоянии 15 верст от того места, где я был ранен.

ЛУИ БЕГО

На рассвете 28 ноября русские атаквали нас на правом берегу Березины. Французы могли выставить всего только 9500 человек против 32 000 русских. Удино был

ранен, и маршал Ней принял команду. Произведенная вечером генералом Думерком блестящая атака, во время которой было захвачено 1500 человек русских, закончила это славное для французов сражение и освободила дорогу на Зембин.

В это же время на левом берегу реки шло также ожесточенное сражение, и там численность неприятеля еще более превышала силы французов. Раюо утром я получил приказ от маршала Виктора вернуться на левый берег, но если мне было трудно перейти мост, то теперь вернуться по нему стало прямо невозможно. Не стоит описывать давки этой беспорядочной волны людей всех наций, притекавшей к мосту в ужасной неурядице.

Масса больных и раненых были сброшены прямо в реку, покрытую льдом. В это время не переставая падал густой снег. В конце концов мост провалился под тяжестью, и прошло много времени, прежде чем усталым и голодным саперам удалось его поправить. Но эти храбрые люди, стоя по грудь в воде, работали с большим усердием и самоотвержением: они обрекали себя на верную смерть, чтобы спасти армию. Несколько кавалеристов попробовали переехать реку вплавь, но их затерло льдом. Короче говоря, куда ни взглянешь, видны были только сцены бедствий и лишений. Наконец я достиг со своей пехотой левого берега, где я расставил свою бригаду перед селом Студянка. Мои орудия остались на правом берегу, так как толпа помешала переправить их через мост. После гибели бергской артиллерии два оставшиеся орудия были отданы капитану баденской артиллерии Хеймесу, и его артиллерия, находясь под началом капитана Фишера, была в великолепном состоянии. Его орудия были всегда запряжены четырьмя лошадьми, а муниционные повозки и другие экипажи — тремя. Правда, его лошади, за исключением тех, которые привезли под охраной квартирмейстера Гама съестные припасы, были изнурены благодаря неисправности запряжек, но, кроме сожженных мною муниционных повозок, у нас не было других потерь...

В начале похода 9-й корпус насчитывал 12 500 человек, но еще до Борисовского сражения в нем осталось всего только 3500 человек, включая сюда кавалерийскую бригаду Делетра¹⁵⁸. У герцога Беллунского было всего 5000 человек, которые едва могли держаться против армии Витгенштейна, имевшего по крайней мере 20 000 че-

ловек. Вскоре прибыл из рекогносцировки лейтенант Аммеронген и привез известие, что приближаются сильные неприятельские колонны. Надо было принять меры для упорной защиты, но метель была так сильна, что, когда я хотел сесть на лошадь, на моем седле лежал уже слой снега в полфута. Я ехал в этот день на рыжей лошади, на которой участвовал в сражении при Эсслинге и Ваграме. Мой дивизионный генерал Дендельс мало показывался в этот день. Он объяснял это тем, что у него не было лошади, и я приказал своему стрелку Шютцу отдать ему свою, но, сев на нее, генерал сказал мне: «Если меня не будет, то примите командование». Почти сейчас же после этого я узнал, что он упал в воду. Его заменил начальник главного штаба, но и ему пришлось выйти из рядов после полученной раны в руку... Во время перехода через Березину я занял только временную позицию и теперь продвинул свою бригаду и поставил ее развернутым фронтом в котловину, что принесло нам много пользы, так как масса ядер пролетала благодаря этому через нас. Грунт также мало способствовал защите. Справа от села Студянка, центрального пункта позиции, тянется до самых берегов Березины небольшая открытая равнина, граничащая с лесистыми возвышенностями Старого Борисова. В этом месте грунт был хороший, и ничто не мешало неприятелю подвигаться вперед; вся эта часть поля и оба моста, находящиеся позади, подвергались обстрелу неприятельской артиллерии. На верховье реки, слева от Студянки, возвышенность, где расположена часть селения, находящегося слева, представляла удобную площадку, где войска могли бы выстроиться в линию, но благодаря недостатку людей пришлось занять только часть холма. Маленькая долина, шириной приблизительно 250—300 сажень, отделявшая площадку от холма, занятого неприятелем, переходила около села Студянка в равнину, о которой я уже говорил, и ее легко было перейти. Маршал расположил свои войска на этом месте следующим образом: баденская бригада с батальоном 55-го полка, предводимая батальонным командиром Жуаие, и четыре двенадцатилинейных французских орудия примыкали правой стороной к Березине, а левой — к крайним домам Студянки и заняли часть площадки, где расположена была бергская бригада.

Дивизия Жерара, составлявшая наше левое крыло, не имела никакого прикрытия, так как не могла растянуться

до соседнего леса, и потому ее позиция была очень опасной; для того чтобы в случае чего поддержать ее сзади, поставили кавалерию, состоявшую теперь только из полка баденских гусар и гессенской легкой кавалерии. Оставшиеся 14 орудий нашей артиллерии расставили на самых удобных местах площадки и до подножия холма растянули линию стрелков. Воспользовавшись этим временем, неприятель вкатил свои многочисленные орудия на противоположные нам холмы и открыл по нас орудийный огонь, который был сейчас же подхвачен всею линией стрелков. В это же время двинулась пехота его левого фланга; прикрываясь соседним лесом, находящимся перед фронтом баденской бригады, и воспользовавшись тем, что мы не могли занять его, они спустились на равнину Студянки и старались пройти к берегу реки. После жестокого боя им удалось смять крайние батальоны нашего правого крыла, воспользовавшись тем, что у батальона легкой пехоты и французского батальона, находящегося под командой генерала Линга¹⁵⁹, не хватило зарядов. Генерал Линг был ранен в руку. Я кинулся к этому опасному месту, приказав майору Корнели следовать за мной со вторым батальоном моего полка. Я продолжал сражение и продержался здесь до тех пор, пока не подошло подкрепление, и тогда отдал приказ прекратить выстрелы и наступательным движением атаковать неприятеля со штыками в руках. Не сделав ни одного выстрела, мы отбросили русских к лесу и сами заняли его. Пока все это происходило на правом фланге, орудийные выстрелы произвели большие опустошения в левом. По мере того как растягивалась неприятельская линия, их батареи окружили часть позиции и с<о> все увеличивающимся успехом посылали выстрелы на наши отряды, стоявшие против них. Чтобы отодвинуть неприятельскую артиллерию и помешать русским растянуться до Березины, чтобы атаковать и выбить оттуда наше левое крыло, стоявшее под их прицелом, маршал Виктор отдал приказ генералу Дамасу атаковать с бергской бригадой возвышенности, находившиеся перед ним.

Встав в две колонны, величиной приблизительно в батальон каждая, бригада спустилась с площадки; для поддержки за ними шел следом полк баденских гусар. Дойдя до равнины, одна из колонн остановилась за оврагом, высокие берега которого прикрывали ее от артиллерийского огня, между тем как другая двинулась дальше через небольшой лес. Линия неприятельских стрелков немедленно

удалилась, но зато за несколько сот шагов до выхода из леса наши колонны натолкнулись на русскую пехоту, которая встретила ее сильнейшим залпом. Два раза пытались французы отбросить неприятеля и взойти на возвышенность, но оба раза без всякого успеха и с большим уроном для себя. Генерал Дамас получил царапину в грудь, а генералу Гейтеру¹⁶⁰ оторвало руку. Придя в беспорядок от этой неудачной атаки и теснимые неприятелем, бергские отряды отступили через лес; то же случилось и с колонной, служившей им поддержкой, — она также обратилась в бегство, покинув позицию, которую занимала.

В это время моя бригада попала в самую сильную перестрелку. Перестрелка в конце моего правого фланга все продолжалась, и мне приходилось посылать помощь всякий раз этому батальону, когда он оставался без патронов. Капитан Вольдек, командовавший передней ротой моего полка, получил приказ запастись свежими патронами. Он подошел для этого к муниционной повозке, стоявшей позади моей бригады, как вдруг ядро оторвало ему голову, и мы лишились очень храброго офицера. Немного спустя я видел, как одна граната убила лейтенанта Эля и, разрываясь, ранила семь солдат, а другая оторвала ногу капитану Малеру — он прожил только до вечера. Около мостов происходили ужасные сцены. Ядра русских убивали одиноких отдыхающих солдат. Наблюдая за отступлением бергской бригады, я вдруг увидел приближающуюся к нам колонну. Было пасмурно, и я не мог разглядеть, какой это был отряд, но, видя их белые кивера, я принял их за поляков. Вдруг я заметил, что они стреляют в нас; чтобы не допустить ошибки, я двинулся к ним, крича, чтобы они перестали стрелять, и тут только увидел, что это русские. Как можно скорее я бросился к своей бригаде, чтобы встретить неприятеля ружейным залпом, но в этот самый момент маршал приказал начать атаку и двинул вперед наших гусар и гессенскую легкую кавалерию, состоявшую всего только из 350 лошадей. Генерал Фурнье был ранен, и полковник Ларош, приняв командование, бросился на русскую пехоту. После короткого сражения неприятельская колонна была частью разбита, частью захвачена. 500 человек стрелков 34-го полка были взяты в плен. В это время появились русские кирасиры. Полковник Ларош бросился им навстречу и мужественно сразился с ними. Удар саблей рассек ему правую щеку и пуля пробила кивер, он был

серьезно ранен и схвачен. Фельдфебелю Шпрингеру удалось вытащить его из самой середины битвы и освободить. Почти весь баденский гусарский полк погиб в этом столь славном для него сражении, и со мной перешли Березину не более пятидесяти лошадей. Храбрая гесенская легкая кавалерия разделила с ними их участь.

Маршал Виктор был очень озабочен опасным положением, так как достаточно было бы быстрого натиска русских, чтобы сбросить нас в Березину. Он отыскал меня и благодарил за поведение моих отрядов, прибавив, что только на них одних он может всецело понадеяться; он хотел доложить об этом императору, который без сомнения наградит нас особенными знаками отличия и вполне заслуженным нами французским орденом. Однако в знаменитом 29(-ом) бюллетене не было ни слова благодарности баденским отрядам; помечен был один лишь генерал Фурнье, покинувший благодаря ране с самого начала поле сражения.

Потери наши были велики... В баденской бригаде насчитывалось двадцать восемь офицеров убитых и раненых... Убитых унтер-офицеров и солдат было более 1100 человек. Лейтенант Гелер, проверяя наличных вооруженных солдат, насчитал их всего только 900 человек. Во всей армии не было генерала, способного нести службу, и мне пришлось вечером принять команду над всеми сохранившимися еще отрядами. Полковник Жентиль из бергской бригады доложил мне, что у него осталось лишь 60 человек, в дивизии Жерара было только 200 или 300 поляков, от двух саксонских полков оставались жалкие остатки, готовые растаять. Все корпуса армии сражались усердно и самоотверженно, и французская артиллерия достойно поддержала честь своего оружия, выступив против превышающего ее силой неприятеля.

Я сел за ужин, приготовленный моим поваром Вернейном и егерем Гидеманом, и запивал его родным вином, доставленным мне обозом лейтенанта Гама. Ужин мой состоял из зайца, которого затравили во время сражения мои борзые собаки, которых я привез из Смоленска. Чтобы отыскать съестные припасы, солдаты разграбили покинутые около мостов фургоны; они нашли в них только предметы роскоши, что объясняется тем, что вместе с армией Москву покинули все французские торговцы и артисты. Рядом со мной стоял фургон императорского главного штаба. Его разграбили и нашли там вели-

коленные географические карты. Солдаты нанесли мне всякого рода погон. Но что заинтересовало меня более всего — это была целая коллекция атрибутов масонов, которые, как известно, пользовались во французской армии большим уважением...

В полночь первый адъютант маршала полковник Шато привез мне приказ занять с ротой гренадер самый большой мост и освободить проход. Я выбрал гренадерскую роту первого полка, находившуюся под командой капитана Цеха. Предводимая полковником Кароном артиллерия должна была пройти первая, но ей для этого потребовалось времени гораздо больше, чем рассчитывали, так как на каждом шагу им приходилось останавливаться, натыкаясь на фургоны и лошадей, сновавших между ними. Капитан Цех употребил невероятные усилия, чтобы удержать проход свободным. Случалось, проходило целых четверть часа, пока несколько экипажей проезжали по мосту. Эти четверть часа никто не смел войти на него. Со всех сторон, особенно поляки, умоляли меня пропустить пехоту и не давать предпочтения артиллерии. Я отказал им, тем более что со мной еще не было 2-го батальона первого полка, занимавшего до сих пор отнятый у русских лес. Несколько вестовых, посланных мною туда, вернулись с донесением, что невозможно передать капитану де Поли приказ об отступлении, так как русские расположились между ними и нами. Но я твердо заявил, что не тронусь отсюда до его прибытия и в случае надобности пойду сам выручать батальон, и я отправил туда унтер-офицера, пообещав ему орден, если он приведет мне батальон. Несколько времени спустя я с радостью увидел остатки собравшейся вокруг меня моей бригады...

Только в час ночи я мог двинуться вперед, но когда мы дошли до маленького моста, он был уже испорчен и по нему нельзя было перейти. Нам пришлось вернуться к большому мосту, что было в высшей степени трудно. Пришлось прокладывать себе путь через огромное количество разбитых экипажей, мертвых и раненых людей и лошадей, лежавших в куче, и в темноте нам приходилось проходить между ними по одному. В одном месте я был так прижат к лошади, прижатой в свою очередь к экипажам, что мне пришлось прокладывать себе дорогу, убив несчастное животное выстрелом из ружья, взятого мною у идущего позади меня солдата; когда я перебирался через нее, она ударила меня копытом в последних

конвульсиях агонии; этот удар принес мне большой вред. В этом хаосе людей и лошадей я увидел в тридцати шагах от себя полковника де Лароша, лицо которого было освещено пламенем горевшего фургона. Я закричал ему, чтобы он шел за мной, но все усилия, которые он для этого употребил, не привели ни к чему, и потому я отдал приказ идущей за мной роте выручить чего бы это ни стоило полковника из этой толкотни, и вскоре он стоял рядом со мной. Рассеченное от уха до рта лицо его не затянулось еще. Наконец с остатками своего корпуса я добрался до моста, и мы тотчас же с большим трудом перешли на другой берег. Наступил день, но солдаты с усердием работали над разрушением мостов. Ужасное зрелище представляли многочисленные больные и раненые, оставшиеся на противоположном берегу, которые теперь должны были достаться неприятелю. Ни одно перо не может описать нашей скорби, когда мы увидели, что русские завладели левым берегом. Скажу не преувеличивая, что более 10 000 солдат было забрано в плен. Сорок орудий, большая часть генеральских экипажей и часть кассы остались на том берегу — добыча неприятеля была велика.

Вместо раненого маршала Удино команду над вторым корпусом принял маршал Ней; он прежде всего поспешил организовать арьергард, в состав которого вошли остатки третьего и пятого корпуса. В этих отрядах, где насчитывалось до сражения при Березине около 9500 человек, из которых 1500 было кавалеристов, было теперь всего только 1800 человек пехотинцев и 500 кавалеристов...

ХОХБЕРГ

После некоторого промедления было решено, какая бы участь нас ни ожидала, вернуться в ту кутерьму у деревни, которая грозила нам несчастьем, смертью и пленом. Достигнув опушки леса, мы столкнулись с пестрой кучей себе подобных, за которыми гнался отряд казаков; я было уже повернул налево, чтобы снова скрыться в лес, как вдруг казак схватил меня за воротник шинели, а его пика очутилась у моих ног. «Ты офицер?» — «Да», — был мой короткий, робкий ответ. Как я ни испугался, однако в этот момент я уже овладел собой и доволен был хотя бы тем, что холодное железо его пики еще не вонзилось в меня; и хотя я думал, что смогу хладнокровно и мужественно перенести всякого рода несчастье, к

которому наши глаза давно уже привыкли относиться с известным равнодушием, однако теперь получилось нечто иное: я был смирен обычным смирением пленных.

У казака, безбородого молодого человека лет двадцати четырех, лицо было изрыто оспой, но нельзя сказать, чтобы оно было уродливое или злое. Он отвел меня в сторону, показывая мне знаками, чтобы я вывернул карманы и показал, что у меня есть. Потребовалось время, чтобы добраться под плащом и шинелью до кармана, откуда я вынул бумажку с 14 золотыми, которые и подал ему. Он приветливо посмотрел на них, сунул их в карман, воткнул свою пику в землю и, приложив кулаки к правому уху, прищелкивая языком, как бы спрашивал, есть ли у меня часы. Я не то помотал головой, не то сказал «нет». Без всякого выражения гнева он снял висевшее у него за спиной ружье; взвел курок, приложился и стал прицеливаться. Тут меня покинуло мужество и хладнокровие, я повалился на колени и с дрожью, как бы инстинктивно, произнес слово «пардон». Понял ли он его, этого я в ту пору не знал,— во всяком случае, он не нажал курка, отнял ружье от плеча... а я встал на ноги. Тогда он сам стал обшаривать то место, откуда я вынул золотые, отыскал мои лейпцигские часы, немедленно приставил их к уху, но при всей своей радости по поводу находки все-таки не преминул грозно посмотреть на меня.

Не удовлетворившись золотыми и часами, он еще тщательнее обыскал то место, откуда они были взяты, и нашел теперь также мой орден, завернутый вместе с бантом в бумажку. Я сам еще не надевал его, потому что у нас носили ордена только на мундире, а не на верхней одежде. При виде его он очень обрадовался, и его отношение ко мне, казалось, сделалось более мягким; однако поиски на этом еще не кончились. Из офицерской патронной сумки он вынул мои альбертсталеры, которые были у меня со времени Бородинской битвы вместе с серебряными рублями, полученными от поляка при Лесне, а из кожаной сумки взял мой карманный хирургический прибор. Я самым настойчивым образом просил вернуть мне последний, но тщетно. У меня не осталось ничего, кроме трубки, ножниц, некоторых перевязочных средств и кофе.

РООС

В темную и ненастную ночь ничего нельзя было делать, и нас не беспокоили; но мы были, сами того не зная, окружены со всех сторон русскими. Как стояло

каре, так каждый и лег на землю. Мы легли как можно теснее друг к другу; чтобы согреться. Я лежал в середине каре, подле барабанщиков и саперов, на снегу. Когда я захотел встать, то мой плащ оказался примерзшим к земле так крепко, что мне стоило немалого труда отделить его не разорвав. Самые печальные мысли о будущей моей судьбе наполняли мне душу, и не раз, когда я глядел на замерзший труп, являлась у меня грешная мысль: «Ах, если б и мне так же!» Каждую минуту думал я, что лишусь сил от перенесенных трудов, страданий, голода и холода.

Лишь только наступил день, со всех сторон раздалось «ура!». Казаки и башкиры как бешеные носились кругом; они хотели показать нам этим, что они были победители. Так как мы знали, что мы военнопленные, то положили оружие и стояли в тоскливом ожидании, что с нами будет. Время от времени подъезжали к нам неприятельские офицеры, которые очень хорошо говорили по-французски и по-немецки. Они были большею частью очень дружелюбно настроены и утешали нас, говоря, что таков жребий войны, и советовали не терять бодрости. Но все эти прекрасные слова мало нам помогали. Нам слишком скоро дали почувствовать, что мы в плену и отданы на произвол врага. Я попался несколькими грубым русским, которые меня обыскали, отняли у меня часы и кошелек и, обругавши, бросили меня. Я должен был терпеливо переносить это, потому что оказывать сопротивление было невозможно: я видел, как одного полковника 44-го полка закололи за то, что он сопротивлялся. Мою бедную лошадь отняли у меня. На моих глазах один русский взял ее и торжественно увел за собою. Немного времени спустя другая толпа окружила меня, сняла с меня эполеты и нагрудный офицерский знак, разорвала мне сюртук, и это я перенес с терпением и рад был, что отделался от этой строгой инспекции несколькими ударами и толчками. Но мне суждено было подвергнуться еще унижению, которое меня глубоко оскорбило. Ко мне подошел русский гренадер с заряженным ружьем в руке, остановился передо мною и, опустив свое ружье на землю, сорвал у меня с шеи платок, видя, что с меня нечего больше взять, плюнул мне в лицо и назвал меня французской собакой. После этого он приказал мне стоять и направился к другой добыче. Теперь,

будучи лишен всего, я уже не боялся более никакого осмотра, и меня оставили после этого в покое.

Но и в этих обстоятельствах сказался дух французской армии: чтобы наше знамя не досталось в руки врагов и не было ими взято в качестве победного трофея, некоторые из нашего полка сняли орел и знамя с древка и спрятали у себя так тщательно, что оно не могло быть открыто русскими.

ВАГЕВИР

«Я хочу рассказать Вам * одну сцену из перехода чрез Березину, которая заслуживает того, чтобы ее увековечила кисть Рафаэля. И до сих пор еще я содрогаюсь, рассказывая о ней. Красивая дама лет двадцати пяти, вдова одного французского полковника, убитого за несколько дней пред тем в каком-то сражении, находилась близ меня, недалеко от моста, предназначенного для нашей переправы. Безразлично относясь ко всему тому, что происходило вокруг, она, казалось, все свое внимание сосредоточила на своей дочери, хорошеньком четырехлетнем ребенке, которого держала перед собой, сидя верхом на лошади. Несколько раз она тщетно пыталась достичь моста: всякий раз ее оттесняли назад. Мрачное отчаяние, казалось, овладело ею; она не плакала; она то поднимала взоры свои к небу, то обращала их на свою дочь, и один миг я слышал, как она сказала: «Боже, как я несчастна, что не могу даже молиться». Почти в тот же момент лошадь ее была поражена пулей, а другая пуля раздробила ей левую ногу выше колена. С(о) спокойствием молчаливого отчаяния она взяла плакавшее дитя, несколько раз поцеловала его, потом своей окровавленной подвязкой, которую она сняла с раздробленной ноги, задушила бедненькую крошку и, сжав ее в своих объятиях, крепко прижимая к себе, села рядом со своей упавшей лошадью. Она ожидала таким образом своего конца, не произнеся ни одного слова, и скоро была раздавлена лошадьми тех, которые теснились к мосту...»

ГУБЕР

* Роосу. *⟨Прим. авт.⟩*

ОТЪЕЗД ИМПЕРАТОРА

На другой день я получил в Вильне приказ императора выехать к нему навстречу. Я тотчас же выехал, направляясь через Ошмяны и Сморгони, в 27-градусный мороз. Моя карета в дороге опрокинулась. Эскорт егерей, меня сопровождавших, жестоко страдал; половина людей осталась на дороге; лошади, которые были плохо подкованы, спотыкались каждую минуту на обледенелой земле.

Проехав Сморгони, я начал встречать вереницу людей, которые возвращались на Вильну; это была неопределенная смесь всяких оружий, всяких чинов без всякого порядка и различия. Они шли печальные, молчаливые, и слышно было только, как они тяжело вздыхали; часто они толкались один о другого. Я видел, как многие внезапно падали навзничь; некоторые после тяжелых усилий поднимались на ноги, но большинство оставались на месте и умирали в конвульсиях. Почти все бросили свое оружие и были одеты кое-как, в особенности износились сапоги — лишение, которое было для них самым невыносимым. Можно было видеть людей, покрытых странными одеждами, в женских шубах, в тысяче разных лохмотьев. Генерал был не лучше солдата или барабанщика, его тоже толкали, но он ничего не смел сказать, потому что не было больше ни субординации, ни дисциплины. Все были охвачены одной-единственной целью, единственным желанием как можно скорее добраться до Вильны, на которую смотрели как на обетованную землю, где никто больше ни в чем не будет нуждаться.

Чем ближе подъезжал я к Бинишкам, где, как я узнал, находился император с главной императорской квартирой и старой гвардией, которая до тех пор сохранила полный порядок, тем медленнее мог я подвигаться вперед, чтобы не повалить живых, не растоптать мертвых и находившихся в агонии. Наконец к вечеру добрался я до усадьбы Бинишки, пройдя две сожженные деревни, которые еще догорали и где толпа несчастных тщетно искала гостеприимной крыши, чтобы спастись от мороза, еще более усилившегося ночью.

Меня проводили сейчас же к Наполеону. Я застал его при свете двух огарков, при хорошем огне и одетым как

всегда. Он спросил меня, в каком теперь положении были дела в Вильне, и задавал мне бесконечные вопросы, на которые я, по своей привычке, отвечал по совести и согласно истине. В Вильне было на три месяца съестных припасов, достаточных для ста тысяч человек, и в магазинах огромное количество одежды, предназначенной для разных корпусов, и главным образом для первого корпуса маршала Даву. Он слушал эти подробности с большим вниманием. Затем я ему доложил о тех своих военных распоряжениях, которые я сделал, чтобы прикрыть отступление армии и предохранить Вильну от неожиданных нападений казаков. Он одобрил все и очень хвалил меня за то, что я подвинул дивизию Луазона¹⁶¹ до Ошмян. Когда все вопросы были исчерпаны, а все мои ответы прослушаны в глубокой тишине, он с тем же спокойствием сказал: «Тут все погибло: нужно придумать другие меры. Идите обедать к Дюроку, а затем я сообщу вам о моих намерениях».

Благодаря полякам стол Дюрока был достаточно хорошо обставлен; как только были восстановлены сообщения, я позаботился о том, чтобы местные власти раздавали возможно большее количество съестных припасов по всему пути армии; и поляки, в глубине души преданные нам, с честью выполнили это. Вскоре герцог Виченцкий позвал меня к императору и сам остался со мною у него. Наполеон сказал, что решил оставить армию и отправиться в Париж, и спросил меня, могу ли я обеспечить ему лошадей и эскорт, необходимые ему до Ковно. Я попросил его дать мне несколько минут на размышление и справиться с картой, которая лежала на столе; я спросил, какое количество почтовых лошадей ему нужно, вычислил все и ответил ему, что я берусь поставить лошадей для карет, а также эскорт, но я должен выехать моментально, чтобы приготовить все по дороге. Я только пошел повидать князя Невшательского и сообщить ему, какие распоряжения я сделал в Вильне, чтобы дать войску квартиры и пищу; он одобрил все, хотя и чувствовал себя уставшим, больным и был в очень дурном расположении духа.

Побыв еще несколько минут с герцогом Виченцким, я уже собирался уезжать, когда ко мне приблизился польский генерал Сокольниковский, бывший в то время при главной военной квартире и заведывавший секретными корреспонденциями, шпионами и переводчиками. Он спросил меня, куда я собирался. «В Вильну», — ответил

я. «В таком случае вы будете взяты в плен: казаки завтра войдут в Ошмяны». — «Я знаю, но они будут встречены ружейными и пушечными выстрелами». Однако я не был вполне спокоен. Казаки умели всюду проникать.

Сначала я проехал в деревни, где были размещены полк польских улан и два полка неаполитанской кавалерии, чтобы обеспечить императору эскорт. Потом я пустился в обратный путь по большой дороге в Сморгони, чтобы заказать на всех почтовых станциях переменных лошадей, и для большей уверенности у каждой почтовой станции я поставил отряд, чтобы никто не мог увести лошадей. Когда я прибыл в Ошмяны, то не нашел еще там дивизии Луазона, которая должна была прибыть в этот именно день. С большим нетерпением я ожидал ее, желая дать несколько новых инструкций по поводу путешествия императора генералу Грасьену¹⁶², который ею командовал. В четыре часа дня дивизия пришла; поговорив с генералом Грасьеном, я продолжал мой путь. Не проехав и версты, я услышал позади себя ружейные и пушечные залпы: это казаки атаковали Ошмяны; но они были очень удивлены, найдя там силы, способные им сопротивляться; они потерпели значительный урон и отступили в полном беспорядке.

ГОГЕНДОРП

Сморгони — маленький литовский городок Виленского воеводства, сделавшийся известным, потому что здесь император Наполеон оставил армию, чтобы отправиться в Париж, где его присутствие сделалось необходимым. Политические соображения одержали верх в этом случае над теми соображениями, которые могли бы заставить его остаться во главе своих войск. Всего важнее было, даже в интересах нашей армии, показаться живым и еще грозным, несмотря на неудачу.

Надо было явиться перед Германией, уже колебавшейся в своих намерениях и отчасти утомленной своим союзом с императором; надо было немедля и снова дать ей почувствовать могущество своего присутствия. Надо было дать знать обеспокоенной и глухо волновавшейся Франции, сомнительным друзьям и тайным врагам, что Наполеон не погиб в ужасном бедствии, постигшем его легионы.

Рассеяние наших полков в первых числах декабря

было полное: часть нашего отборного войска располагалась еще лагерем по вечерам в виде частей, взводов или батальонов, постепенно уменьшавшихся, но днем большая часть из этой толпы солдат, французов или союзников, подвигалась без всякого порядка и дисциплины. Однако мы шли уже несколько дней по Литве, где бедность была несколько менее ужасна, чем в местностях, по которым мы проходили, покинув Москву. 5 декабря после утомительного перехода мы пришли на городскую площадь, где находился дом, сделавшийся главной императорской квартирой.

В этот вечер генерал Делаборд вошел к императору с герцогом Тревизским. Оба немного спустя вышли оттуда. Они, конечно, слышали об отъезде или по крайней мере предвидели его, но на лицах их не было видно и тени беспокойства. Эти люди, перед памятью которых я благоговейно преклоняюсь, были из тех, которых не может сломить никакая неудача, никакое страдание, которых не устрашает никакое предвидение.

Выйдя из занимаемого императором дома, вокруг которого замечалось усиленное движение, эти два военачальника совещались некоторое время, прежде чем расстаться; маршал объявил о важном приказании, которое будет отдано вечером главным начальникам армии. Я услышал также, как генерал произнес: «Произойдет нечто неожиданное, но, по-моему, необходимое; покоримся и не будем падать духом».

В это время мимо нас прошло несколько маленьких польских лошадок, которых вели крестьяне; вероятно, их купили для экипажей императора. Эти лошади, найденные в этой местности, были в гораздо лучшем виде, чем те, которые выдержали вместе с нами усталость и лишения отступления.

Вот каким образом мне пришлось быть свидетелем отъезда императора. Было решено, что он произойдет ночью, и о нем были осведомлены только те, кому было необходимо это знать. Переправиться через эту страну, по которой уже рыскали русские пикеты, казалось самым смелым людям предприятием, полным опасностей, которое из осторожности следовало держать в тайне.

Я присутствовал при том, как уезжали экипажи, увозившие императора, еще так недавно шедшего во главе бесчисленного войска. Это было событие важное для всех нас, но, как это часто случается, свидетели последнего действия этой мрачной драмы не были так пора-

жены им, как те, кто слышал вдали об испытываемых нами страданиях. Что касается нас, то этот отъезд не возбудил в нас ни удивления, ни беспокойства, и у меня осталось о нем воспоминание лишь как о любопытном зрелище великого исторического события.

Мы только что вошли в *избу*, или маленький деревянный домик, где мы должны были провести эту ночь, чтобы снова двинуться при наступлении дня. Войдя в это скромное помещение, генерал (Делаборд) обратился ко мне со словами, в которых совершенно не чувствовалась печальная важность событий:

— Меня известили, что император пошлет дивизионным генералам важный и спешный приказ. Не знаю, как я прочитаю его,— запас свечей для моего экипажа истощен, и я нигде не вижу бивачного огня, который мог бы заменить их. Поэтому следите за тем, чтобы не погасло единственное освещение, которым мы располагаем здесь.

Говоря это, он показывал мне первобытный материал, которым литовское население освещает внутренность своих хижин, т. е. длинные и тонкие еловые щепки, покрытые смолой, называемые по-польски *лучина*. Их втыкают обыкновенно в прямом или наклонном положении в деревянный чурбан, служащий подсвечником.

— Поручаю вам,— продолжал генерал,— не давать погаснуть вашему огню. Бодрствуйте, пока я буду спать. Вы видите, друг мой, что я возлагаю на вас обязанность весталки, помните, что вы будете поддерживать священный огонь для того, чтобы можно было прочитать приказ императора. Есть предположение, что он хочет говорить сегодня вечером с некоторыми из своих генералов; ходит слух, что он собирается ехать во Францию. Надо, чтобы я сейчас мог прочесть его приказ; я не хочу промедлить ни на мгновение в таких обстоятельствах.

Я тотчас же поспешил исполнить приказание. Я старательно поддерживал огонь. Каждая из длинных еловых щепок горела в течение пяти минут; как только она подходила к концу, я заменял ее другой.

Я несколько раз проделал это, и генерал уже крепко спал, когда мой взгляд обратился к окну, выходящему на улицу; наша изба, стоявшая направо от дороги, по которой проходила армия, была одна из последних в городе. Мое внимание было привлечено двумя конными егерями старой гвардии, этого знаменитого войска, обра-

зовавшегося в эпоху Египетского похода и вначале называвшегося полком колонновожатых. Они выделялись в ночном тумане своими темно-зелеными шинелями, вырисовывавшимися на снежном фоне, и огромными черными мохнатыми медвежьими шапками, которые их теперешние преемники сохранили как почетное воспоминание. Эти два всадника, этот авангард, разведчики рискованного пути, смело погоняли своих измученных лошадей. Они спешили, насколько позволяли снег и гололедища. Один из них поскользнулся как раз около окна, откуда я наблюдал за ними с таким сочувствием; он чуть не свалился с лошади на моих глазах. Я тотчас же понял, что означало появление этих двух всадников. «Они едут впереди императора!» — воскликнул я. Несколько минут спустя мимо меня проехали сначала сани, затем три экипажа различного вида, среди которых я узнал столь хорошо нам знакомое купе императора; два последних экипажа были запряжены, по обычаю этой местности, большими и маленькими лошадьми. Позади следовал взвод солдат. Как только я заметил первых всадников этого конвоя, я поспешно разбудил генерала, спавшего в соседней комнате, но экипажи проследовали так скоро, что он не успел вовремя, чтобы увидеть их. По сделанному мной описанию он, как и я, решил, что это император приводил в исполнение объявленное им решение.

Генерал Делаборд сказал мне тогда со своим обычным здравым смыслом:

— Он прав, ему нечего больше здесь делать, его долг призывает его немедленно во Францию; как император он имеет в Париже в десять раз больше значения, чем среди нас, при армии, идущей в беспорядке.

Действительно, мы уже получили известие о заговоре Мале, который в ночь со 2 на 3 октября имел в Париже шансы на успех; кроме того, мы понимали, какое впечатление должен был произвести во Франции и во всей Европе рассказ о бедствии, которого мы были свидетелями.

Император, решившись пройти в неприятельской земле расстояние, отделявшее его от Немана, должен был подумать о том, чтобы окружить себя избранными людьми, мужественными и готовыми пожертвовать своей жизнью.

Равнины Литвы, которые предстояло пройти, населены частью, особенно в северной области, племенем, говорящим на особенном наречии. Тем не менее польский язык общеупотребителен в городах и на почтовых станциях;

в большинстве деревень его так же хорошо понимают, как и литовский; переводчик был необходим. Император назначил на эту должность молодого поляка графа Дунина-Вонсовича, своего ординарца. Этот офицер, столь же мужественный, как разумный и преданный, написал под названием «*Раміетнікі*» («Воспоминания») неизданное изложение, послужившее мне главным элементом последующего рассказа.

Император прибыл в Сморгони 5 декабря в два часа пополудни. Накануне он ночевал в замке Белицы, принадлежащем графу Зацалю. Под вечер он велел позвать своего ординарца и прежде всего, не входя ни в какие подробности, спросил его, достаточно ли он защищен против холода. Когда он отвечал, что не принял никакой предосторожности этого рода, император сказал ему:

— Я велю дать вам пару меховых сапог и медвежью шубу; затем вы отправитесь сейчас же в Вильну с Коленкуром. Но поспешите и не говорите никому об этом предложении.

Отъезд произошел в восемь часов вечера. Поезд состоял из трех повозок и одних саней. В первой повозке — дорожном купе — помещался император и генерал Коленкур, герцог Виченцкий; мамелюк Рустан сидел на козлах. Во второй поместились маршал Дюрок и граф Лобау; в третьей — генерал-лейтенант граф Лефевр-Денуэтт, полковник гвардейских егерей, камердинер и два денщика. В сани, наконец, император велел сесть графу Вонсовичу и рейткнехту именем Ашодрю. Последний с самого начала переезда сообщил польскому офицеру, что их назначением была не Вильна, а Париж. Взвод из тридцати гвардейских конных егерей, избранных генералом Лефевром-Денуэтт(ом) из наиболее здоровых и наилучших ездоков из этого полка, служил в качестве конвоя.

Во главе поезда помещены были сани, и так как они двигались лучше, чем повозки, то и прибыли часом раньше на первую станцию, называющуюся Ошмяны. Начиная с этой минуты стало понятным, насколько было опасно предприятие опередить армию. Прибыв в Ошмяны в середине ночи, граф Вонсович был удивлен, найдя коменданта этого местечка во главе войска гарнизона. Этот комендант был вюртембергский генерал; он имел под своей командой гарнизон, состоявший из войск французских, польских и немецких; один батальон был под ружьем — ожидали неприятельской атаки. Сверх того, возле пехоты видны были три эскадрона улан. Такое положение, за-

нимаемое гарнизоном маленького городка, находившегося в восьми лье впереди авангарда нашей отступающей колонны, объяснялось движениями неприятеля.

Отряды русской армии, которые непосредственно следовали за нами, не могли, конечно, делать этого иначе, как с чрезвычайной трудностью: они двигались по дороге совершенно опустошенной. Иначе было с отрядами легкой кавалерии, которые, отказавшись следовать за нами, направлялись параллельно флангам нашей колонны: они двигались в местностях, ресурсы которых еще не были уничтожены войной. Местные жители доставляли им сведения, необходимые для облегчения их движения вперед; поэтому отряды эти пересекали иногда дорогу, вдоль которой они следовали обыкновенно. Экипажи, в которых ехал император, на каждом шагу подвергались опасности встретиться с одним из таких неприятельских отрядов.

В этот день два отряда нашей польской кавалерии — один — легкой конницы (гвардейские уланы), другой — 7-го полка привислинских улан — прибыли в числе подкреплений, присланных нашей армии. Все это войско было выстроено в боевом порядке на площади маленького городка Ошмяны. Ординарец императора был поражен хорошей выправкой и здоровым видом этих солдат, которые, не терпя до сих пор недостатка в провизии и сохранивши свою правильную организацию, представляли огромный контраст с нашими пехотинцами и кавалеристами, истощенными усталостью и долгими лишениями.

Вюртембергский генерал был очень удивлен, узнав, что император имел намерение проследовать дальше. Он сказал, что число неприятелей, опережавших нашу армию, ежедневно увеличивалось.

Эти новости возбудили некоторое беспокойство, и императора ждали с нетерпением; предполагали, что он остановится на один день в Ошмянах, но, с другой стороны, рассчитывали, что, если он захочет на другой день продолжать свой путь, он встретит впереди себя русские отряды, может быть уже осведомленные об его проезде. Такой секрет действительно не мог быть долго сохранен.

В то время как таким образом рассуждали об опасных вероятностях предприятия, прибыл император, он крепко спал в своей повозке. Граф Вонсович разбудил его и сообщил ему то, что он только что узнал. Император мало смутился этим: он заранее предвидел все эти опасности и по своей воле подвергался им. Прежде всего он спросил, будет ли он иметь кавалерийский конвой; ему объявили, что он найдет двести шестьдесят уланов.

«Очень хорошо»,— сказал он; потом он вышел из повозки, чтобы переговорить с генералом, командующим данным пунктом.

Наполеон спросил свою карту Литвы и рассмотрел ее очень внимательно. Все его генералы советовали ему не подвергаться столь очевидной опасности; некоторые из них умоляли его подождать по крайней мере утра. Он отверг этот совет. Пускаться в путь днем казалось ему самым опасным из всех решений, которые могли быть выбраны. Вообще он не обратил никакого внимания на сделанные ему замечания. Подумав несколько минут, он сказал своему ординарцу:

— Готовы ли польские уланы?

— Да, Ваше Величество, они все уже были здесь раньше нашего приезда.

— Пусть они садятся на лошадей. Надо расположить конвой вокруг экипажей. Мы отправимся сейчас; ночь достаточно темна для того, чтобы русские нас не увидели. Притом всегда надо рассчитывать на удачу, на счастье: без этого никогда ничего не достигнешь.

Затем, пока запрягали лошадей, он спросил, сколько улан из его польской гвардии пойдут с ним.

— Нас сотня,— ответил командовавший ими офицер, и присутствие этого избранного войска вполне успокоило императора.

— Ну так,— сказал он,— если мы будем атакованы, то поляки храбры, и мы сумеем защитить себя.— Потом он решительно сел в повозку.

Однако, прежде чем подать сигнал к отъезду, он подозвал еще раз офицера-ординарца, взял в экипаж пару пистолетов и передал их ему, предложив ему сесть на козлы с генералом Лефевром-Денуэттом, храбрость которого была для него засвидетельствована многочисленными военными подвигами; мамелюк Рустан сел в сани, которые следовали непосредственно за экипажем императора, а полковник Стойковский, командовавший охраной, получил приказ держаться возле дверцы.

После всех этих приготовлений вот с какими навсегда памятными словами император обратился к окружавшим его:

— Я рассчитываю на всех вас, отправимся! Наблюдайте направо и налево от дороги.— Потом, обращаясь к преданным и бесстрашным людям, которым он передал свои пистолеты, он добавил:

— В случае неминуемой опасности убейте меня скорее, чем отдать меня неприятелю.

Граф Вонсович, глубоко потрясенный приказом, который был бы исполнен только в века варварского язычества, сказал тогда:

— Ваше Величество, позволяете ли, чтобы я передал нашим полякам то, что я сейчас слышал?

— Да, передайте им то, что я сказал.

Эти слова были повторены по-польски, и уланы закричали все в один голос: «Мы скорее позволим изрубить нас, чем допустим, чтобы к вам приблизились».

Посреди этих криков энтузиазма и преданности поезд тронулся в путь.

6 декабря в два часа утра, когда в это время ночи под этой широтой продолжаются семнадцать часов, Наполеон хотел подвергнуться таким опасностям. Туман, на который рассчитывали, не был одинаково густ по всем направлениям. Только что выехав из Ошмян, можно было убедиться видом многочисленных огней, неправильно окаймлявших горизонт, что придется переправляться через неприятельский бивак. Русские войска, атаковавшие этот город, отошли на небольшое расстояние; их главные массы остановились влево от дороги, в направлении Новосад(а). Окружающие императора советовали ему отправиться в путь лишь по наступлении дня, но решение, с виду самое дерзкое, отправиться тотчас же, было в действительности самым благоразумным.

Рассвет на войне есть обыкновенно момент усиления бдительности: часовые удваивают внимание, передовые ведетты прислушиваются к малейшему шуму. Наиболее деятельные начальники встают, выходят в направлении, откуда может явиться неприятель, — они используют первые лучи утра.

Напротив, в продолжение жестоких и бесконечных ночей этих холодных стран монотонная бдительность истощает самые мужественные усилия. Самое постоянное внимание, самая энергическая бодрость наконец утомляется.

Стало быть, император имел основание отправиться тотчас же, вопреки мнению своего штаба, и выбрать ночь для отъезда из Ошмян. Начиная с утра второго дня путешествия ход событий подтвердил правильность этого видимого избытка смелости: согласно предположениям вюртембергского генерала город был снова атакован на рассвете.

Когда император покинул Ошмяны, пробыв там около часу, небо было облачно, но белый саван, покрывавший равнину, давал достаточно свету, чтобы экипажи и следующие за ним двести шестьдесят шесть всадников не терялись из виду. Этому конвою удалось таким образом следовать непрерывной линией и в одном направлении. Этот молчаливый кортеж мог слышать голоса неприятельских часовых, замечать его бивачные огни, блестящие вдаль, но такие явления света бывают видны иногда ночью на очень больших расстояниях, часто за несколько миль, тогда как черная линия двигающегося войска не рисовалась достаточно ясно для того, чтобы казаки, занимающие сторожевые посты или бродящие в качестве дозора, ясно поняли, что они видели, если вообще видели что-нибудь.

Если бы небо было светло, звездно, как в предыдущие ночи, несомненно, что отряд этот был бы атакован. Если же, наоборот, это русское небо ниспослало бы в этот момент одну из страшных метелей, столь обыкновенных в это время года, повозки и их конвой неизбежно рассеялись бы и заблудились. Следовательно, все случайно соединилось, чтобы покровительствовать переезду императора.

Что же касается до холода, сделавшегося столь сильным в несколько последних дней, то его суровость была менее невыгодна для путешественников, чем для их неприятелей. Правда, что польские уланы не могли все последовать за тем, кому они отдали свою жизнь; для большого числа их — увы! — эта благородная жертва была пагубна. За несколько миль от Ошмян число их дошло до пятидесяти, не более. Зато этот убийственный холод, который сваливал с ног лошадей и заставлял падать всадников без всякой возможности помощи, удерживал наших врагов возле их огней и под прикрытием лесов, которые окаймляли равнину.

Нужна большая решимость, чтобы оторваться от этих восстанавливающих силы очагов, редкая смелость, чтобы идти атаковать на снегу ночью поезд, сопровождаемый прикрытием, сила которого неизвестна.

В том положении, в котором взаимно находились обе армии, мужество нападения леденело в сердцах много раньше, чем чувство защиты. Двое энергических людей, которых их государь посадил на козлы своего экипажа, наблюдали с пистолетом в руках в самых опасных проездах, тогда как казаки в близком расстоянии, столь

же истощенные, как и их противники, спали в своей меховой одежде или оставались нерешительными среди ночного тумана и мглы.

В ту ночь 6 декабря многие из всадников, входивших в состав следовавших от одной станции до другой конвоев, погибли жертвою своей преданности. На рассвете, когда достигли станции Ровное, поляков оставалось всего тридцать шесть!

В отряде неаполитанской конной гвардии, который заменил их на следующей станции, герцог Рокка-Романа, командовавший им, отморозил себе руки. Термометр опустился до 28° Реомюра!

Такова была, на основании достоверного рассказа, эта первая, страшная ночь путешествия, на котором столь различно судили, но обстоятельные подробности которого до сих пор не были известны и не были рассказаны ни одним историком — ни русским, ни французским.

Но опасность, угрожавшая великой судьбе, уменьшалась на каждом шагу. Быстро переехали реки, замерзшие болота и обширные пустыни, прерываемые на больших расстояниях мрачными лесами. В каждой деревне получались сведения о движении неприятельских партизан. В некоторых пунктах дороги они нападали на колонны, шедшие впереди армии; здесь казаки появлялись накануне, дальше узнавали их свежие, отпечатавшиеся на снегу следы, но нигде их случайное появление не остановило экипаж Наполеона, который иногда, отделившись от своих спутников и нередко потеряв всякую охрану, становился лишь незаметной точкой, одинокой и потерянной в бесконечном пространстве.

БУРГОНЬ

ПО ДОРОГЕ В ВИЛЬНУ

6-го в Супранах. Здесь было несколько риг, в которых мы набились один на другого как ни попало: люди, лошади, трупы — все вместе... Мы встретили здесь остатки неаполитанского корпуса и дивизии Луазона, насчитывавшие по приходе в Вильну до двенадцати тысяч человек, из которых осталось теперь 5—6 сотен. Тотчас же, как стало известно об отъезде императора, большинство командиров принялись мечтать о том же. Полковники скручивали полковые знамена и прятали орлов так, чтобы русские не могли их найти. Голод и нужда достигли высшей степени. Можно было видеть,

как толпы людей, которых называли дурнями и которые в действительности были сумасшедшими, распарывали животы живым лошадям и, вытащив оттуда почки, печень и сердце, съедали с невероятным обжорством рядом с еще трепещущим животным. Другие, которые не имели уже больше ни сабель, ни ножей, разрывали зубами мясо и высасывали кровь из упавших на землю, но еще живых лошадей; наконец, я собственными глазами видел, как обезумевшие люди раздирали свои члены и сосали собственную кровь; до такой степени голод и нужда помрачили их ум и низвели разумных людей до состояния самых мерзких животных.

7 декабря мы расположились биваком в Ровно-Полесском. Утром было 24° мороза, ночью же он увеличился так, что градусник показывал 29¹/₂°, а 8-го утром ртуть вся собралась в тюбике. Я сберег хорошенький термометр, который я разбил в присутствии нескольких офицеров, показывая им ртуть, сделавшуюся похожей на маленькую пулю. Вся дорога покрылась сплошным льдом, как хрусталем, отчего люди, ослабленные усталостью и отсутствием пищи, падали тысячами; не будучи в состоянии подняться, они умирали через несколько минут. Тщетно звали они друзей на помощь, прося, чтобы им подали руку. Ни у кого не пробуждалось жалости; в этом поголовном несчастье самый чуткий человек мог думать только о личной безопасности. Вся дорога была покрыта мертвыми и умирающими; каждую минуту можно было видеть солдат, которые, не будучи больше в состоянии выносить страданий, садились на землю, чтобы умереть: действительно, достаточно было посидеть минут пять, чтобы очутиться мертвым. Друзья вели между собою разговор — один из них, чувствуя сильную слабость, сказал: «Прощай, товарищ, я остаюсь здесь». Он лег на землю, и через минуту его не стало.

8-го мы стали биваком в Руконах. За все время длинного отступления это был самый тяжелый день: погибло то небольшое количество лошадей, которое у нас оставалось, они покрыли собой весь путь. Нельзя было больше сжигать повозки, которые мы бросали: казаки не переставали нас тревожить; едва только мы приходили на бивак, как они появлялись с несколькими пушками, которые они везли на санях, и осыпали нас картечью. Почти все наши солдаты побросали свои ружья, те же, которые их сберегли, были так слабы, что не могли ими пользоваться. Начиная с 7-го числа

настал такой необычайный холод, что даже самые крепкие люди отмораживали себе тело до такой степени, что, как только они приближались к огню, оно начинало мокнуть, распадаться, и они умирали. Можно было видеть необычайное количество солдат, у которых вместо кистей рук и пальцев оставались только кости: все мясо отпало, у многих отваливались нос и уши; огромное количество сошло с ума; их называли, как я уже говорил, дурнями; это была последняя степень болезни; по прошествии нескольких часов они гибли. Можно было их принять за пьяных или за людей «под хмельком»: они шли, пошатываясь и говоря несуразнейшие вещи, которые могли бы даже показаться забавными, если бы не было известно, что это состояние было предвестником смерти. Действие самого сильного мороза похоже на действие самого сильного огня: руки и тело покрываются волдырями, наполненными красноватой жидкостью; эти волдыри лопаются, и мясо почти тотчас же отпадает. Это разрушение можно себе представить, положив к огню сильно замерзшую картошку; по мере того как она начинает оттаивать, она покрывается влагой; то же происходит и с нашим телом, и все те, которые оттаивали таким образом, представляли собой высохшие скелеты, кости которых еле держались. Несмотря на явную опасность от приближения к огню, немногие из солдат имели достаточно силы, чтобы удержаться от этого соблазна. Видели даже, как они поджигали сараи и дома, чтобы согреться, и едва только оттаивали, как падали замертво. Подходили другие бедняки, садились на трупы своих товарищей и гибли минутой спустя. Пример товарищей не мог заставить их избежать опасности. Я видел около одного дома более 800 человек, погибших таким образом. В других случаях они сгорали, лежа слишком близко к огню и не будучи в силах отодвинуться от приближающегося пламени; видны были наполовину обгоревшие трупы; другие, загоревшиеся ночью, ходили на факелы, расставленные там и сям, чтобы освещать картину наших бедствий.

МАРЕНГОНЕ

8-го мороз все увеличивается. Я остановился на ночлег в церкви и лег на скамью, около сильного огня, благодаря которому у меня появились сильнейшие боли в ногах. Вся середина церкви была наполнена народом,

многие из них умирали. Ночью меня разбудили испуганные крики: «Бегите, бегите, здесь все умирают!» Я чувствую сильный припадок слабости.

9-го мороз был в 28 градусов. Я так страдал от боли в ногах, что проехал всю дорогу в этот день в повозке маркитанта моей артиллерии. Несмотря на то что я зарылся в солому, я испытывал жестокий холод. Я ночевал в 8 верстах от Вильны в маленькой грязной кузнице без окон и дверей, подвергавшейся ветру со всех сторон. Мы собрались в числе 7 или 8 человек около небольшого огня и сидели, согнувшись и прижавшись друг к другу; наши ноги почти упирались в самую середину огня. Находиться 14 часов в таком положении, не имея даже ничего поесть! Была невероятная потребность лечь и полная невозможность это исполнить! Мой товарищ Лефрансе в данном случае оказывал мне большую услугу: он любезно позволил мне изредка класть мою голову к нему на колени. На рассвете 10-го числа я тронулся в путь по направлению к Вильне вместе с оставшимися у меня тремя орудиями. С нами же находился генерал Даву, шедший пешком и составлявший в единственном числе арьергард. Он тщетно старался собрать хотя несколько вооруженных людей. По пути к Вильне я встретил несколько французских отрядов... только что прибывших из Пруссии. Отряды эти были свежи и великолепны, но — увы! — чересчур легко одеты, и достаточно было нескольких дней, чтобы расстроить их.

БУЛАР

В этом жалком состоянии подошли мы к деревне Руконы, где в это время только и было что несколько скверных хлебных сараев, полных трупов. Приближаясь к Вильне, многие ускорили шаг, чтобы поспеть первыми в этот город, где не только надеялись найти съестные припасы, но и думали остановиться на несколько дней и вкусить наконец сладость отдыха, в котором все так нуждались. Тем не менее корпус, который не насчитывал и ста пятидесяти человек, способных носить оружие, остановился в этой гадкой деревушке. На рассвете (9 декабря) мы поспешили покинуть Руконы, где холод и дым не дали нам возможности сомкнуть глаза ни на минуту. Когда мы выступали, к нам присоединились бывшие в арьергарде баварцы под предводительством генерала Вреде; они шли из Вилейки и громко

кричали, что неприятель их преследует. Накануне много говорили о том успехе, который они имели. Беспорядок, в котором они пришли, ясно опровергал известие. Несмотря на это, надо сознаться, к их чести, что они еще сохранили несколько пушек, но лошади были так слабы, что везти их они больше не могли.

Каждый новый день похода представлял повторение тех тяжелых сцен, о которых я дал лишь поверхностную характеристику. Сердца наши зачерствели от этих ужасных картин до такой степени, что мы уже не чувствовали больше ничего; эгоизм был единственным инстинктом, который остался в нас в том оцепенелом состоянии, в которое нас привела судьба. Только и думали что о Вильне, и мысль, что возможно будет побыть там некоторое время, так радовала тех, которые могли туда прийти, что они смотрели равнодушно на несчастных, которые боролись со смертью. Между тем Вильна, предмет наших самых дорогих надежд, куда мы стремились с такой поспешностью, должна была оказаться для нас вторым Смоленском.

ЛАБОМ

Все, кто вернулся из этой кампании, были согласны со мной, что переход от Березины до Вильны был тяжелее всего остального похода. В продолжение всего перехода мы страдали от голода, усталости, холода, который сделался нестерпимым. Случаи замерзания были теперь необыкновенно часты.

При выходе из Москвы мы запаслись всеми припасами, какие только можно было найти и унести. В Смоленске так или иначе мы пополнили свои припасы из запасных магазинов. От Вильны до Немана разные магазины, устроенные по дороге, доставляли нам продовольствие. Но от Березины и до Вильны у нас не было ровно ничего.

Я слышал, что часто говорят: несчастье способствует сближению людей. Но ничто в этой кампании не доказало мне справедливости этих слов. Я никогда не видел более жестокого эгоизма и большего равнодушия к товарищам и даже к друзьям. Каждый думал только о своем драгоценном «я» и заботился лишь о том, чтобы скорее спастись.

В мирное время всякий лейтенант, на долю которого выпадет честь сопровождать своего генерала или полков-

ника на парад, поспешит помочь своему начальнику подняться, если последнему случится оступиться или упасть. Я не видел ничего подобного во время отступления из России. Между тем люди падали и скользили очень часто, так как всю дорогу до Вильны была страшная гололедица. Сколько генералов и других офицеров падало на моих глазах, и никогда никто из проходивших не думал подать им руку, чтобы помочь подняться! Каждому предоставлялось подниматься самому.

Я помню очень хорошо, что случилось с $\langle o \rangle$ штаб-офицером, которого очень уважали в нашей дивизии.

Вследствие своей полноты он сделался настоящим виртуозом в падении. Ежеминутно он растягивался по земле, каждый раз отчаянно ругаясь при этом, причем каждое его падение вызывало веселый смех со стороны насмешников, безжалостных к своему начальнику.

Сердечно признаюсь, я был в то время таким же эгоистом, как и другие. Я и теперь еще с сожалением вспоминаю один подобный случай, когда провинился в том же и я.

Один раз мне посчастливилось Бог знает как раздобыть несколько картошек, наполовину мерзлых. Прибыв к биваку, я поспешил испечь их в горячей золе. Один из моих товарищей сел около меня в расчете разделить со мной мой богатый завтрак.

Мы были очень хорошо знакомы в Штутгарте, где вместе служили в гарнизоне. Несмотря на это, я имел жестокость наотрез отказать ему. Он поднялся и ушел, сказав печально:

— Я вам никогда не прощу этого!

Только тогда лед в моем сердце растаял. Я вернул его и поспешил поделиться с ним.

Во время этого «погребального шествия» в Вильну — так следовало бы назвать этот переход — я был свидетелем многих ужасных сцен, в особенности по ночам, по причине ужасной стужи и недостатка дров. Большая часть деревень по нашему пути была старательно выжжена нашими солдатами, гревшимися у этих чудовищных костров. Сколько раз мне случалось видеть сотни теней вокруг пылающих лачуг; эти тени болтали и хохотали, пока все не превращалось в пепел. Многие из них сделались совершенными идиотами, и про них говорили, что они отморозили себе мозг. Эти несчастные, на которых

никто не обращал внимания, большей частью погибали самым ужасным образом. Они умирали от голода и холода или падали в огонь и заживо сгорали...

Я шел уже несколько часов и начал чувствовать усталость и холод, который пронизывал меня. Вдруг я заметил большие костры, разложенные с одной стороны дороги недалеко от группы домиков. Прельщенный этим видом, я подумал, что смогу, может быть, найти себе место около одного из этих костров и продолжить нарушенный сон. Я приблизился к одной из групп и был очень радушно принят. Тут были польские уланы и французские конные егеря (конечно, без лошадей). Между ними не было ни одного немца. Эти молодцы прекрасно воспользовались тем, что у них было: они развели огонь в углу между двух кирпичных стен; это сооружение, оставшееся, вероятно, от прежнего завода, уцелело только благодаря тому, что было из кирпича.

Я вступил в разговор с французами: Что касается поляков, то я не разговаривал с ними, и это не без причины. Несмотря на мой костюм, более чем изорванный, по которому едва ли во мне можно было признать офицера, егеря были очень любезны и предупредительны со мной. Очевидно, это были люди из хороших семей. Во время нашего разговора один из них, мой сосед справа, спросил меня: оборачивался ли я и видел ли, что находится в углу между строениями?.. Это меня заинтересовало, и я бросил взгляд по указанному направлению, но увидел только громадную пирамиду, верхушка которой достигала второго этажа построек. При мерцающем свете нашего костра я не мог разобрать, из чего состояла эта груда, покрытая густым слоем снега. Француз, которого я спросил об этом, сказал мне:

— Это трупы.

Приблизившись, я убедился, что это была правда. Вся пирамида состояла из сотни тел, смерзшихся в одну кучу и покрытых снегом.

Возможно, что на этом месте был госпиталь и сюда выбрасывали из окна тела умерших, не давая себе труда отнести их на некоторое расстояние в поле. В это время нечего было думать о погребении умерших, приходилось наудачу выбрасывать их из окон.

Как бы нас возмутили подобные вещи в обыкновенное время! Тогда же это не возбудило в нас ни малейшего

негодования. Надо сказать, что при каждой остановке, на каждом шагу мы имели случаи отвыкнуть от подобной чувствительности. Мертвых не только оставляли покоем в мире — на них вовсе не обращали внимания, что было гораздо проще. Вот почему я вполне хорошо себя чувствовал и мог даже на несколько часов заснуть в двух шагах от этого импровизированного кладбища.

Первые дни похода по направлению к Вильне были ужасны; я никогда еще не страдал от голода так, как в эти дни. Холод был ужасный, а у нас не было совсем дров.

Несмотря на то что у меня сохранилось очень яркое воспоминание обо всей этой кампании, я бы не мог сказать, чем я питался первые 2 или 3 дня после моей встречи с конными егерями. Я, кажется, совсем ничего не ел. После перехода через Березину лошади стали очень редки, не один раз мне случалось видеть толпы голодных, которые дрались до крови из-за жалкого куска мяса какой-нибудь издохшей лошади. Не имея ни малейшей склонности к подобной пище, я должен был свести свое меню к нулю.

Между тем накануне моего прибытия в Вильну мне удалось найти кое-какой пищи у мелочных торговцев, которые Бог знает как спасли свои повозки и лошадей. К великому счастью, у меня были еще деньги. Эти почтенные торговцы, конечно евреи, пускались по обыкновению на всякий риск, чтобы получить какой-нибудь барыш. Они раньше нас пробрались в Вильну, добыли там хлеба и водки, потом вышли нам навстречу и продавали свои товары, конечно по баснословным ценам. Нечего и говорить, что дела их шли блестяще: съестные припасы разбирались нарасхват, несмотря ни на какие цены, и с жадностью поглощались, каковы бы они ни были. Голод — лучший из поваров.

Вот я и у ворот Вильны! Я спешил изо всех сил, чтобы войти в город вместе со всеми и не дать им опередить себя. Я был уже близок к цели, как вдруг передо мной встало новое препятствие, которое нужно было преодолеть и которое отняло у меня целый час времени. Это был в сущности пустяк, но вещь огромной важности для меня, так как беглецы массою стекались со всех сторон.

От большой ходьбы износилось все мое платье, и

карман, в котором я носил деньги, прохудился. Сумма была невелика — немного мелочи и несколько серебряных рублей; тем не менее эта потеря была настоящим разорением для меня.

Правда, я знал, что вюртембергский военный комиссар ждал нас в Вильне, чтобы выдать нам аванс в счет нашего жалованья. Но его еще надо было разыскать, а потом всегда неприятно посеять свои деньги на большой дороге. Вследствие этого я решился вернуться назад по своим следам. К довершению этого несчастья, две громадные медные монеты проскользнули в мои башмаки и скоро дали мне о себе знать. Пока я шел, уткнув нос в землю, я имел счастье встретить вюртембержцев, которые пошли искать деньги вместе со мной. Кто нашел копейку, кто полтину, кто рубль, и так я вернул себе все, что потерял. Такая любезность делала честь моим компатриотам, — я был так плохо одет, что они не могли признать во мне офицера. А один барабанщик из отряда Вильгельма, подойдя ко мне, спросил дружески и в то же время фамильярно:

— Ну что, товарищ, все нашел?

Этот добрый малый оказал мне затем еще одну услугу. Он помог мне разуться и вытащить из башмаков две медные монеты, которые причиняли мне такую боль. В то время как я предавался не без труда этой операции, так как моя обувь была совершенно замерзшая, у меня был, наверно, плачевный вид. По крайней мере, мой товарищ фон Кеннериц, как раз проходивший мимо меня, послал мне рукой приветствие, которое можно было принять за прощальное. Как после он мне рассказывал, он считал меня тогда погибшим.

Фон ЗУККОВ

7 декабря. Когда совсем начало смеркаться, мы увидели по сторонам дороги домики, которые все уже были заняты нашим братом; мы устроились под навесом, развели небольшой огонь, на котором что-то состряпали (муку с солью и водой), и заснули довольно крепко на несколько часов. Для меня, который с самой Москвы не ночевал ни разу под крышей, такой отдых был особенно ценен. Было около двух часов утра, когда поднялся страшный шум и крики: «Кзаки! Кзаки!», после чего все выбежали на улицу. Даже мой друг покинул меня при первом испуге. Теперь я оставался совершенно один

под навесом и думал, что меня сейчас или поймают, или убьют. Вдруг мне в голову пришла мысль, которую я, собрав свои последние силы, поспешил выполнить. Я взобрался по столбу на поперечную балку и, сев на нее, оказался крепко прижатым к крыше навеса. Едва прошло несколько минут, как я услышал приближение казаков и крики бегущих по улице. Огни, на мое счастье, были почти потушены, благодаря чему под навесом, исключая места, где еще тлели уголья, было совершенно темно. Наконец въехали казаки, размахивая по сторонам своими копьями; я надеялся, что они, не найдя никого, отправятся дальше, но некоторые из них сошли со своих кляч и развели громадный костер. Я затаил дыхание и смертельно боялся, что меня увидят. Обыскав все лохмотья, которые здесь лежали и многие из них забрав с собой, они сели снова на своих лошадей и оставили навес. Вероятно, резкий переход от темноты к свету ослепил их, что меня и спасло. Я просидел еще немного и только, когда все стихло, спустился вниз с окоченевшими членами; погрелся немного у костра, потом высунул голову из-под навеса и, убедившись, что ничего страшного больше нет, пустился бежать по дороге. Пройдя около часа, я снова нашел своего друга капитана ф(он) Бутша, сидевшего на дороге возле огня. Мы были страшно рады, что опять отыскивали друг друга, скоро поднялись и отправились дальше в путь...

Наконец добрались мы 9 декабря до Вильны*.

ИЕЛИН

Наш путь до Вильны представлял повторение тех бедствий, о которых я так много говорила, с тою разницею, что потери и страдания увеличивались пропорционально скорости похода и силе холода, который достиг крайнего предела. Смерть похищала уже не единичные жертвы, но целые тысячи.

Усталость или какое-нибудь препятствие вроде лежащей на дороге повозки нередко делали перерыв в длинной веренице беглецов. Тогда образовывался большой проме-

* Удивительным образом спасся вюртембергский обер-аудитор Гмелин, друг автора. Истощенный, упал он в яму и заснул; когда же проснулся, то нашел себя всего покрытого пиявками, которые к нему крепко присосались. После этого Гмелин почувствовал такую бодрость, что мог двигаться дальше и благополучно прибыть на родину. *(Прим. авт.)*

жуток, в который казаки, постоянно рыскавшие около нас, осмеливались иногда врываться, хватая на лету добычу. Один поляк, артист, которого я знала в Москве, очутился со своим семейством в таком пустом месте. Во время одного нападения он был схвачен и убит на глазах своей семьи. Несчастной супруге удалось убежать, но она сошла с ума от этой ужасной сцены, а их ребенок умер от голода и холода. Потеря рассудка дала ей новые силы: она шла за армией, и все видели, как несчастная безумная мать несла то на груди, то на руках охладевший труп своего ребенка.

ДОМЕРГ

Накануне нашего прихода в Вильну мы расположились в небольшой деревушке, где нашли некоторое убежище. Чтобы хоть немного устроиться в одном из брошенных жителями домов, пришлось убрать оттуда трупы, которыми он был полон. Этот грустный ночлег делил я с умирающим генералом Эбле, который и скончался два дня спустя. Вокруг этой деревни многие расположились под открытым небом на льду и на снегу и зажгли костры, а когда мы уходили, то почти треть солдат, лежавших около этих костров, были мертвы.

ДЮМА

Мы приближались к Вильне; этот город был для нас обетованной землей; говорили, что здесь были громадные магазины провианта и армия должна была там отдохнуть; каждый спешил прибыть туда. 9 декабря в полночь я был уже только в двух лье от города. Мой фургон, запряженный семью лошадьми, подвигался довольно хорошо. Я встретил одного из моих товарищей... из Байонны, который был остановлен в дороге. Он мне сказал, что его фургон (№ 48), нагруженный двумя миллионами золота, завяз в снегу по ступицу, что в течение ночи, не получая ниоткуда помощи, он не имел возможности выбраться из этого затруднительного положения; он очень просил меня остаться с ним. Я имел в перспективе Вильну, хороший обед и теплую комнату; мне оставалось всего три часа до достижения цели. Выбор был труден, и я готов был, думаю, продолжать свой путь, когда главный казначей, вмешавшись очень кстати и сознавая всю

важность того, чтобы не бросать двух миллионов золота, стал меня просить и умолять составить надежную компанию моему товарищу. Эта просьба равнялась приказанию, и я остался.

Между тем, как я узнал это позже, мороз в ту ночь был от 27° до 28°. Глазам нашим представилось маленькое строенье, поставленное на четырех столбах и открытое для всех ветров; оно послужило нам убежищем. Пока мой товарищ кормил лошадей, я поместился посреди дороги. Я увидел человека, который с важностью ехал на лошади и вез перед собой большой мешок; это был повар главного казначея. Он сказал мне, что экипаж его господина был взят казаками и что, не имея лучшего занятия, он отправлялся в Вильну. Большой мешок остановил на себе мое внимание. Между разговором я положил на него руку и любовно ощупывал его. «Что это ты увозишь?»— «Ничего, почти ничего, кое-какую провизию». Во время этого разговора мой товарищ подошел ко мне. Большой мешок произвел впечатление и на него. Он положил на него руку, и общее наше пожатие оказалось так сильно, что мешок потерял равновесие и упал. Повар сделал нам, правда, некоторое замечание, но он имел достаточно здравого смысла, чтобы увидеть, что всякое сопротивление будет бесполезно и что по теперешним временам на потерю одного человека не будет обращено особенного внимания: он убежал, а мы весело возвратились к нашему биваку.

Старый сапер у нашего очага; его длинная рыжая борода была пересыпана льдинками, блестящими как алмазы. Медвежья шкура, прикрепленная веревкой к правому плечу, закрывала часть его туловища. На голове у него была надета набекрень форменная меховая шапка, но обтертая с одной стороны трением о землю — наше обычное изголовье — и сохранившая с другой стороны несколько коротких желтых прядей. Сапер был бледен и истощен; глубокий кровавый рубец бороздил его лоб, его серые мутные глаза уныло смотрели кругом него. «Здравствуй, товарищ, — сказал я ему, входя. — Поверь, черт не всегда будет преследовать нас по пятам; вот у нас есть еда». Вид провизии оживил всех, и каждый постарался найти дров, чтобы поддержать огонь.

В мешке были рис, мука, сало и широкая кастрюлька. Как при тяготевшем над нами ужасном холоде я нашел воду, право не знаю. Как бы то ни было, ближайший источник доставил нам ее. Скоро вода стала заки-

пать, и рис закружился в ней. Наконец комфортабельно приготовленное кушанье было поставлено посредине, и каждый из нас, вооружившись деревянной ложкой, соби-рался приняться за него. Но печальная судьба! Рис был смешан с песком. Неудачный повар, я неосторожно за-черпнул кастрюлькой слишком глубоко в ключ, и в нее попал песок. Страшные гримасы доказывали общие об-манутые ожидания. Сапер некоторое время оставался с открытым ртом и протянутой вперед рукой; он, может быть, старался убедить себя, что можно продолжать не-удобоваримую трапезу. Но, слава Богу, наше несчастье было исправлено: пола моей шубы послужила мне це-дилкой и вода получилась чистая и светлая; превосход-ный мучной суп заставил нас забыть песочный суп.

Я и товарищ легли на мешки с провизией ногами к ог-ню, который начинал погасать; таким образом мы могли заснуть.

С наступлением утра представилось нам печальное зрелище. Наши люди так же, как и старый сапер, исче-зли; из тринадцати наших лошадей семь умерли; несколь-ко трупов указывали на то, что эта ночь была смертель-на для многих несчастных; один из них испустил дух так близко от нас, что его тело послужило нам точкой опоры.

Утром люди и лошади были присланы нам из Вильны; фургон, в котором было два миллиона, был вытасен из снега и поставлен на дорогу. Он дошел до места назна-чения. Это был, я думаю, единственный вошедший в Дан-циг. Мой фургон остался на месте. Он был ограблен по очереди французами и казаками. Один из наших товари-щей, выехавший нам навстречу, дал мне белого хлеба и сырых сосисок; я долго не мог понять, что можно на-сытиться белым хлебом и сырыми сосисками.

Я прибыл в Вильну вечером 10-го числа.

ДЮВЕРЖЕ

ВИЛЬНА

В Вильне я занялся сначала приготовлениями для проезда императора оттуда до Ковно и приемом жалких остатков армии. Я велел расклеить плакаты, на которых огромными буквами было обозначено, в какой монастырь должны были направляться солдаты каждого корпуса, где они должны были найти готовый суп, мясо, хлеб и натопленное помещение. В Вильне было множество боль-ших монастырей, принадлежащих различным монашес-

ким орденам. Я уговорил монахов всем вместе удалиться в какой-нибудь один монастырь, чтобы избежать возможной опасности от армии, которая придет в беспорядке. Благодаря этому в моем распоряжении оказались обширные здания, в которых я приготовил заранее горячую пищу.

Вскоре появился император, это было, кажется, 5 декабря. Впрочем, у меня нет никаких точных заметок об этих грустных днях. Герцог Виченцкий пришел ко мне просить почтовых лошадей, ибо император не заезжал в город, а устроился в одном из домов предместья по дороге в Ковно. Приготовив эскорт и переменных лошадей, я думал пойти к нему. Но он так спешил, что его уже не было.

Проезд императора, который вскоре стал известным в Вильне, сделался сигналом почти всеобщего отъезда. Герцог Бассано со своей канцелярией, все иностранные уполномоченные, члены комиссий временного правительства, все провинциальные власти, мэр, большинство членов городского управления — все исчезли в мгновение ока, как бы по волшебству, и я даже не могу понять, каким образом они могли достать себе лошадей и средства, чтобы пуститься в путь. Это было всеобщее «спасайся, кто может». Я не видел никогда такого панического ужаса, который сразу охватил тогда всех.

Король Неаполитанский, очутившийся во главе армии, двинулся к Вильне. Гвардия, под начальством старого маршала герцога Данцигского¹⁶³, и даже часть молодой гвардии, под командой маршала герцога Тревизского, держались еще под знаменами в сравнительном порядке и продержались, насколько это было возможно, в дисциплине и субординации перед глазами императора, который шел с ними и влияние которого заставляло их крепиться. Но как только уехал император, и в этих отрядах начался беспорядок. Они пришли, однако, в Вильну в строю.

В Ошмянах король приказал дивизии Луазона, которую я там поставил, покинуть свою позицию и дать место главной военной квартире и гвардии, а самой идти и расположиться в окрестных деревнях. Но эти деревни существовали теперь лишь на картах: все они были сожжены и разграблены. Это было как бы приказом к дезорганизации для этой несчастной дивизии: она состояла главным образом из итальянцев и немцев; люди принуждены были бродить по снегу, не находя приюта;

более трех четвертей погибло от голода и холода — их было десять тысяч, а вернулось едва две.

Передняя часть несчастной колонны, те, которые сохранили достаточно сил, чтобы опередить других, уже начинала вступать в Вильну. Напрасны были усилия заставить их быть внимательными к плакатам, указывавшим им местоположение монастырей, предназначенных различным корпусам. Все, и генералы, и солдаты, силою входили в первый же дом, который им казался подходящим, искали в нем хорошо натопленную квартиру, ложились и заставляли приносить себе пищу. Более сильные прогоняли более слабых; генералы и офицеры, если они могли еще пользоваться хоть остатками своего авторитета, заставляли солдат уступить себе место, будь то комната или только постель. Город непременно был бы сожжен, если бы дома не были каменными. Он наверное был бы разграблен, если бы у людей было немного больше сил, но все были истощены от усталости и бедствий. Вдобавок съестных припасов было в изобилии, и они раздавались без всякой формальности каждому, кто приходил.

Я пошел навстречу королю и князю Невшательскому, которые приближались к городу. Они шли пешком, потому что было страшно холодно. Мюрат был закутан в большую великолепную шубу; большая меховая шапка, очень высокая, еще более увеличивала его высокий рост и делала его похожим на движущийся колосс; резким контрастом рядом с ним был Бертье, в широких одеждах на маленьком теле. Король Неаполитанский сказал мне, что он дал приказ, во избежание слишком большой давки в Вильне, чтобы кавалерия, лишенная лошадей, направилась левой стороной на Мерец и Олиту, где ее снабдят свежими лошадьми, которых поручено было купить генералу графу Брусье. Но они уже миновали проселки, которые вели к этим городам; пешие кавалеристы незаметно смешались с другими; жажда войти в Вильну так охватила всех, что ворота оказались zagrożены, и они шли по телам, один по другому, лишь бы открыть себе проход. Не было никакой возможности навести какой-либо порядок, несмотря на то что я велел одному батальону взяться за оружие. Дойдя наконец до внутренней части города, король Неаполитанский и князь Невшательский советовались со мной, каким способом прекратить хотя бы немного этот ужасный хаос. Они хотели, чтобы я созвал маршалов и генералов к князю, что-

бы присутствовать на совете. Но где было искать их? Они привитались куда забросил их случай и где они расположились волей-неволей. Все же был издан циркулярный приказ, который я должен был напечатать, разослать во все дома, расклеить по всем углам улиц, с приглашением маршалов и генералов на другой день утром собраться у начальника генерального штаба. В то время в Вильне было по крайней мере сто генералов; но упадок сил и, если можно так сказать, деморализация умов были доведены до такой степени, что на приглашение явилось едва человек десять. Даже приказания ничего для них не значили; офицеры, генералы отказывались слушать ординарцев и адъютантов, которых посылал к ним начальник генерального штаба.

Многие из моих знакомых генералов и офицеров, не найдя помещения, пришли ко мне в здание русского гражданского управления, которое было очень обширным. Генерал граф Дюронель, которого я очень любил, был перенесен ко мне в самом плачевном состоянии. Отборные жандармы, которые были под его начальством, спасли его на маленьких санях с громадным трудом. Он был без сознания. Я уступил ему свою кровать. Мало-помалу он пришел в себя, и при эвакуации Вильны он был еще раз обязан своим спасением тем же храбрецам, которые его туда доставили.

Все помещения моего дома хорошо отапливались, и я велел постлать соломы, потому что в этой части Польши кровати очень редки. У меня была постоянно для всех горячая пища; я имел большой запас вина, и те, которые приходили ко мне, сравнительно в короткое время восстанавливали силы, которые им были необходимы, чтобы перенести трудности отступления. Мой дом походил на госпиталь. Я имею право сказать, что ни один товарищ по оружию не пожалуется, что не получил у меня гостеприимства, что ему не было оказано должное в несчастии внимание, что кто-нибудь из моих соотечественников был забыт в это время. Припасы моего стола до самого конца отвечали моему желанию быть полезным всем; добро, которое я делал, без сомнения красило мои последние минуты, проведенные в Вильне. Но теперь я должен признаться самому себе, что огромные расходы, которые я сделал, очень способствовали моему разорению.

Король Неаполитанский все время говорил о том, чтобы укрепиться в Вильне и реорганизовать войско, чтобы быть готовыми к бою в случае атаки. Но он не

сумел принять мер, необходимых для успеха плана, правда довольно трудно осуществимого.

Видя его нерешительность и сомневаясь, что он будет держаться в городе, я просил его только об одном: предупредить меня, как только он примет какое-либо решение, чтобы я имел время спасти казну и оставшуюся конную артиллерию, вместе с тем уничтожить все, что нельзя было взять с собою, сжечь арсенал и магазины.

Он мне обещал это еще 9 декабря в четыре часа дня, когда я был у него. Затем он прибавил: «Но я не думаю эвакуировать: если на меня нападут, я буду биться. У нас много людей» — и т. д. Выходя из дворца русского военного губернатора, в котором он жил, я встретил генерала Вреде в большом смятении. «Все погибло, — кричал он, — надо спасаться; русские у самого города, я только что бился с ними». Я доказывал ему, что ни к чему было поднимать такую тревогу, что, быть может, перед городом были казаки, но регулярные русские войска еще не могли быть там. Но он ничего не хотел слушать и утверждал, что он ясно видел драгун и русскую пехоту. Он вернулся по дороге из Вилейки с последними остатками своего баварского корпуса, сократившегося до нескольких сот кавалеристов. Герцог Беллунский подошел также с жалкими остатками своего корпуса и корпуса герцога Реджио¹⁶⁴, которые в общем не составляли и нескольких сот человек. Переполох, поднятый генералом Вреде, быстро распространялся по городу. Я встретил на улице герцога Данцигского, который спросил у меня, что делать дальше. Я ответил ему, что за приказаниями надо обращаться не ко мне, а к королю Неаполитанскому или князю Невшательскому. Я вернулся к себе, чтобы принять некоторые меры предосторожности, а во дворце оставил одного из моих адъютантов наблюдать за тем, что там происходило, и уведомлять меня. Вскоре он вернулся и сказал мне, что после небольшого совещания с генералом Вреде король сел на лошадь и в сопровождении князя Невшательского выехал за город через небольшие боковые ворота, на некотором расстоянии от Ковенских ворот. Тогда мои сомнения рассеялись, и я начал готовить все, чтобы на следующий день утром эвакуация совершилась с наибольшим порядком и спокойствием. Была ночь. Мое главное попечение было о казне, которая пока была еще очень значительна.

Приехавший в то время маршал князь Экмюльский просил меня зайти к нему на минуту. Я не знал, о чем

он хочет со мной говорить. Я застал его с его адъютантами, наскоро обедающего, без посуды,— он тоже все потерял. Он спросил у меня, не я ли дал приказ новым литовским отрядам отступить за Неман и хорошо ли обдумал это. Он ничего общего не имел с этим корпусом, а я никоим образом не находился под его начальством. Но подобная тактика подходила к его характеру, постоянно беспокойному, деятельному и тяжелому; он думал, что никто, кроме него, не знает своих обязанностей и даже не может их выполнить. Я ответил ему, что вот уже несколько дней как я отдал необходимые приказания спасти все, что было возможно, из этих отрядов и что я знаю, что действительно, по крайней мере, большая часть в то время была на пути к Неману.

К двенадцати часам ночи я получил письмо от князя Невшательского, который извещал меня об отъезде короля с главной военной квартирой и давал мне положительный приказ об эвакуации. Я пошел сначала к маршалу Нею, который должен был командовать арьергардом и прикрывать отступление, чтобы посоветоваться с ним. Маршал Удино и генерал граф Фриан уже выехали и находились в безопасности. Храбрый польский генерал Зайончек, потерявший одну ногу, ночью написал мне письмо с просьбою в случае, если бы я вздумал капитулировать с неприятелем, позаботиться включить его в эту капитуляцию. Я не имел ни случая, ни возможности заключить капитуляции. Но генерал не мог иметь лучшей охраны, чем великодушное сердце императора Александра, благородство которого распространилось на всех поляков, даже тех, которые с наибольшей энергией шли против него,— генерал Зайончек сам является этому наилучшим примером.

В продолжение всей ночи, что я делал приготовления к эвакуации, казаки не переставали рыскать вокруг города. Они забирались в предместья и даже в военный госпиталь, где они бесчеловечно грабили больных. К 8 часам утра, когда начинало светать, меня уведомили, что казаки проникли в город и что с их стороны ожидали генеральной атаки. В то же время слышно было их «ура» на большой площади. Нельзя было терять времени. Я сел на лошадь и отдал уже приказ генералу Эбле взорвать арсенал, но так как я не слышал звука взрыва, которого ожидали с минуты на минуту, то я рискнул пойти туда сам. Я нашел там лишь один отряд артиллерии, офицер которого сказал мне, что стоял здесь всю ночь

и с минуты на минуту надеялся увидеть генерала Эбле, но он до сих пор не явился. К несчастью, было уже поздно сжигать арсенал. Едва-едва могло хватить времени для бегства. Все устремились к Ковенским воротам, которые загромождались все больше и больше, — проход через них сделался невозможным.

ГОГЕНДОРГ

Наконец все устремились в Вильну, где каждый надеялся найти помощь и некоторый отдых; беспорядок был ужасный; я устроил свою квартиру в доме, который я нанял, и пошел, или, вернее, велел себя нести, на главную квартиру Неаполитанского короля, который взял на себя командование армией. Начальник штаба Бертье сказал мне, что держаться в Вильне, где мы были окружены со всех сторон, было невозможно и потому армия выступит ночью или, самое позднее, на другой день вечером. Я отыскал графа Дарю, который пытался ввести некоторый порядок, распределяя съестные припасы и найденные в магазинах одежды. Я видел также герцога Бассано, который выехал в ту же ночь, чтобы догнать первые ряды. Я бы сделал то же самое, ибо мое присутствие было бесполезно, если бы только мои оставшиеся лошади и мои люди не были так измучены усталостью. Я потерял уже многих моих товарищей и помощников, и вокруг меня были умирающие.

Ночью была тревога, вызванная казаками. Ударили сбор, и они не осмелились подойти ближе к городу. На другой день в 12 часов меня уведомили, что король и вся главная квартира выступили, что войска выведены из города и нельзя терять ни одной минуты; но я никак не мог добиться, чтобы были запряжены мои кареты; я сократил мой багаж, насколько это было возможно; я сжег мундиры, раздал белье; я оставил денежную помощь и запас провизии для несчастных, которые уже не могли более следовать за мной, в особенности военному комиссару Пари, заведующему у меня отделением бумаг; он был еще жив, так же как и его два сына, но умер два дня спустя; один из его сыновей также умер, а другой остался в плену.

ДЮМА

10-е. В штаб-квартире короля в час ночи нас догнали наши сани. В первые сели генерал Нарбонн и Шабо, во вторые — я с Эйяром, в третьи — лакей и повар. Сани отбились друг от друга среди ночной темноты; при приближении к подъему произошло большое нагромождение пушек, фургонов, повозок, которые не могли добраться до вершины. Холод был чрезвычайный; гора была покрыта кострами, разложенными проводниками, которые видели невозможность движения вперед благодаря крутизне и обледенелости тропинки. Драгун, который следовал за мной с моим чемоданом, потерял меня, так я его больше и не видел. Вся ночь прошла у меня в том, что я старался продвинуть вперед мои сани; мне удалось, несмотря на пушки и фургоны, проехать три четверти горы. На рассвете, раздраженный невозможностью дальнейшего движения, я решил бросить сани и идти.

При этом несчастном подъеме мы оставили все пушки и большое количество багажа и повозок. Наши собственные солдаты разграбили часть армейской казны при появлении казаков, одно время даже работали с ними в полном согласии. Ночью многие французы и союзники предлагали мне купить награбленные вещи, серебряные чаши, приборы и т. п. Наши солдаты охотно давали 100, даже 300 франков серебром на один наполеондор золотом.

Главный штаб был перенесен за 44 километра от Вильны — в Эве; я прибыл туда в пять часов вечера, очень утомленный, в лихорадке от боли в моей отмороженной правой руке; я умирал от голода, так как не ел ничего в течение двадцати четырех часов; у меня дрожали ноги, и я падал.

По дороге я встретил Шабо; он сообщил мне, что ночью он потерял генерала Нарбонна. Мы очень о нем беспокоились, так как его все еще не было. Генерал Куриаль¹⁶⁵ уверял нас, будто он видел его шедшим пешком позади; это меня мало успокаивало — я знал, что Вильна эвакуирована утром и что в десять часов утра казаки были на горе с пушкой.

Я превратился в настоящего Иоанна Крестителя в детстве, — мои последние вещи остались в санях Эйяра. Этот верный слуга попал в плен с отмороженными руками и ногами. Я считал его погибшим; он был отправлен в Витебск, где сделался парикмахером; из русского плена он возвратился в 1814 году во Францию с тремя франками в кармане; таким образом, он не без успеха занялся ремеслом.

Отчет об этой кампании, который я вел изо дня в день, я положил в карман вместе с портретами моих родных — таким образом это осталось целым.

В этом походе я потерял семнадцать лошадей.

В Эве нам было очень плохо в помещении вроде хижины. Меня так притиснули, что целую ночь я вынужден был держать поднятой мою больную руку. Я дал золотой за связку соломы императорскому конюху. Я разделил ее с Шабо и двумя другими товарищами. Поужинали мы очень плохо крошечным куском хлеба, наполовину из отрубей, и небольшим кусочком мяса, не было даже воды. Сани, брошенные генералом Нарбонном, подъехали в одиннадцать часов вечера; конюх, который ими правил, отморозил себе нос и ноги. Трупы замерзших солдат продолжают усеивать дорогу.

11-е. Король без свиты отправился прямо в Ковно; в момент его отъезда прибыл арьергард дивизии Луазона, сведенной к шестистам человекам; за три дня перед этим в Вильно она насчитывала шесть тысяч человек. У этой дивизии не осталось ни одной пушки. 113-й линейный полк — часть ее, состоявшая из флорентинцев, — поразил меня в этом городе своей выправкой и щегольской одеждой; я разговорился с сержантом этого полка, удивляясь, каким образом такой многочисленный отряд так быстро растаял. Он мне ответил: «Это очень просто: мы умираем от холода и голода; в нас посылают ядра, мы не можем отвечать неприятелю тем же; ничего не оставалось, как следовать примеру тех, которые в таком беспорядке прибыли из Москвы». Этот сержант был в числе тех приблизительно ста двадцати солдат полка, которые до этого дня еще оставались под знаменами.

Арьергард остановился в Эве; я оставался там же до десяти часов утра, надеясь встретить моего генерала. Все время не переставала дефилировать толпа отбившихся от армии, оставшихся назади. Старая императорская гвардия, насчитывавшая к моменту отъезда императора до тысячи четырехсот человек, теперь вряд ли имела под ружьем больше восьмисот.

Я и Шабо приютились в санях генерала вместе с его поваром, единственным из наших служителей, у которого не было ничего отмороженного. Наше беспокойство об участии генерала Нарбонна возрастало в течение дня.

Среди жестоких страданий, доставляемых мне моею рукой, я не мог не твердить себе: перед нами зрелище

величайших ужасов, ничего подобного больше не увидят.

Проехав едва 8 верст, мы услышали казацкую пушку, обстреливающую наш арьергард. Мы остановились в штабе генерала Себастиани и с восторгом нашли там генерала Нарбонна.

12-е. Мы сели в сани, Шабо и я, в шесть часов утра. Едва мы тронулись, как наш возница вывалил нас в овраг, полный снега; это падение не принесло никакой пользы моей руке. В полдень мы были в Ковно. Мы позавтракали у генерала Себастиани. Он получил приказ немедленно выступить с кавалерией; мы следовали за его колонной. Бриквилль, раненный, попросил меня уступить ему в санях свое место, так как в противном случае ему грозит плен. Я уступил без колебаний. Итак, я пешком перешел через Неман — честь, которую я имел уже 24-го минувшего июня. Какая разница между армией тогда и теперь! Многочисленные корпуса кавалерии и пехоты, марширующие в полном порядке, заменились теперь отрядами отсталых, идущих без оружия! Из артиллерии — лишь одна пушка из прибывших в то время переправилась по Ковенскому мосту. После того как я прошел три мили по берегу Немана, с лихорадкой вследствие нагноения и гангрены руки, силы — но не мужество — оставили меня. Я присел на ступеньках какой-то часовни. Обозный солдат проходил мимо с двумя лошадьми; за пять франков он помог мне взобраться на мешок с овсом; таким образом я проехал 4 версты и был спасен. В восемь часов вечера я прибыл в штаб-квартиру генерала Себастиани. Мы остановились у священника, где нам было хорошо; он угощал нас вареньем. С этих пор мы всегда находили съестные припасы.

Помощник хирурга — голландец — перевязал мне руку; это было счастье. Совершенно одетый, я растянулся на постели священника; офицеры генерала Себастиани любезно предоставили ее мне ввиду моей раны. Провиантские склады Ковно были разграблены. Масса солдат перепились и остались в этом городе; осталось также и большое число утомленных и обмороженных.

13-е. Биньон оказал мне большую услугу, взяв меня в свой экипаж, несмотря на запах моей гниющей руки. Тем больше я ему обязан благодарностью. Он был остроумный человек, и мы весело болтали о парижских известностях, об общих знакомых.

Король Неаполитанский в тот же день оставил Ковно и перенес свою главную квартиру в Скравцы. При выходе

из Ковно на одном подъеме он должен был бросить свою последнюю пушку.

Маршал Ней хотел защищать этот город, но ушел оттуда на другой день; он присоединился к армии в Гумбинене, пройдя лесом с пятьюдесятью солдатами.

14-е. Я все еще еду в экипаже Биньона, изумляясь и радуясь тому, что еду в настоящем экипаже. Мы останавливаемся в Вильковышках.

Мы ожидали генерала Себастиани у одного еврея, который продавал кофе с молоком и белый хлеб; изголодавшись, я съел его на двенадцать франков, восхищенный тем, что за деньги могу получить что-нибудь у жителей. Этого не случилось с нами очень долгое время, а мы были впереди армии. К нашему большому удовольствию, в пять часов вечера мы получили сани и почтовых лошадей.

Мы расстались с генералом Себастиани, очень довольные его заботливостью о нас: в течение трех дней он оказывал нам самое великодушное гостеприимство в своем главном штабе, и это было большой заслугой с его стороны в момент уныния, когда эгоизм был в порядке дня.

Вечером мы были в Шталюпенене, первом прусском городе. Невозможно вообразить нашу радость при виде человеческих лиц. Дочь содержателя почты, очень хорошенькая девушка, сжалилась надо мной и дала мне шаль, чтобы взять на перевязь мою больную руку,— до сих пор я не мог достать ничего, чтобы сделать повязку.

ДНЕВНИК КАСТЕЛЛАНА

Наконец мы увидели, что отдохнуть здесь не удастся; поэтому мы на рассвете 10 ноября оставили город и пошли по дороге на Ковно. Часа через два мы пришли к подошве холма, обледеневшего и настолько крутого, что на него невозможно было взобраться. Кругом были разбросаны остатки экипажей Наполеона, оставленный в Вильне, при наступлении, обоз, походная касса армии и еще много повозок с грустными московскими трофеями; они не могли подняться на гору. У подножия ее бросили и знамена, отнятые у неприятеля, и знаменитый крест Ивана Великого.

Все бросились к повозкам: взломали кассы, в которых было еще около 5 миллионов франков, деньги вынули и

поделили. Повсюду были видны разломанные сундуки и вскрытые чемоданы.

Между тем стала ясно слышна перестрелка, завязавшаяся у казаков с нашим арьергардом. Тогда мы всё бросили и стали взбираться на гору, что удалось нам только с большим трудом. После 15-часового перехода мы дошли наконец, совершенно измученные, до Эве. Почти все солдаты шли без оружия, нагруженные только драгоценностями и деньгами.

11 декабря мы пошли дальше, пришли усталые в Жижморы и хотели здесь переночевать. Но между двенадцатью и часом должны были уйти, так как услышали приближающуюся канонаду русских. Дойдя до Немана, мы хотели переправиться через него, чтобы сократить путь, но попали в такой глубокий снег, что вынуждены были вернуться на дорогу. Мы пришли наконец в Ковно, полумертвые от усталости, измученные одним из самых длинных и трудных переходов.

Здесь сошлись остатки всех почти корпусов; они расположились на улицах. Зная, что в таком состоянии мы не сможем дать отпор русским, нам отдали на разграбление полные склады. Утром 13-го мы сейчас же отправились к складам водки и добыли большой штоф рома, причем я едва не свалился в большую, наклонно стоявшую бочку, еще наполовину полную ромом, но меня удержал мой славный сержант Шейерман. Замечу еще, что при отступлении стакан водки стоил от двух до трех талеров, черный хлеб, притом плохой, — от одного до двух лудиров, да охотно заплатили бы и больше, если бы только можно было достать его.

На другой день мы ушли из Ковно. У моста была та же давка, как перед воротами в Вильне, хотя можно было бы переходить через реку по прочному льду.

Мы двинулись вправо, на Тильзит, и остановились на ночь на постоялом дворе, лежавшем на холме в двух часах пути от города.

ШТЕЙНМЮЛЛЕР

10-го числа (декабря) на рассвете мы выступили. Казаки сейчас же после нас вошли в город и захватили в плен всех оказавшихся менее осторожными, чем мы. По выходе из Вильны мы увидели утесистый берег, на который нам пришлось карабкаться между деревьями и оврагами. Здесь потерял Друо свои два последних фур-

гона; не могу понять, каким образом вышел невредим сопровождавший его мой слуга с лошадьми, — я этого не видел. Тут же исчез последний обоз армии, так что из 1100 орудий, ввезенных в Россию, ни одно не перешло обратно Немана. Что касается фургонов короля и его свиты, то я ничего не могу сказать, так как после Вильны я видел только повозки генералов Сорбье и Лалеманда¹⁶⁶ и могу сказать с уверенностью, что каждая из них стоила жизни по крайней мере сотне лошадей. На другой день, а может быть, даже и в этот же, ко мне присоединился мой денщик. Он рассказал, что Друо обогнул Вильну, не будучи в состоянии туда войти, и что сам он позволил растащить остатки моей провизии и один из моих сапог, считая меня замерзшим или взятым в плен. Он давал клятву не отпускать меня больше одного. В Ковно мы нашли немного припасов и очень много водки. Все набросились на нее, и на другой день я видел на площади многих офицеров, лежащих мертвыми около своих костров.

13-го мы перешли Неман и тут наткнулись в полях на несколько фургонов с золотом, покинутых своими проводниками. Солдаты их сейчас же разбили и черпали полными горстями золото и серебро из разбитых бочек.

Инстербург, 22 декабря... Первого сентября пехотинцев в нашей артиллерии насчитывалось 1211 человек. А теперь? Сегодня утром у нас налицо было всего 136 человек. Не говорю уже ни о лошадях, ни об орудиях — мы не сохранили ни одного. Из денщиков остались живы только мой Луврие и еще двое. Хотя у меня украли неделю тому назад лошадей, но мои вещи остались целы, и потому я еще из числа избранных, другие же мои товарищи совершенно голые. У Булара¹⁶⁷ и Друо нет ни слуг, ни лошадей, ни багажа. На офицеров страшно смотреть, они все искалечены. Один отморозил себе руку, другой ногу, и они никогда не будут владеть ими. Я хоть избавлен от этого — я отморозил себе только нос и думал, что половина его отвалится, но я ошибся — через неделю я вылечусь; только пальцы на руках онемели, я не могу держать пера, пальцы колет точно иголками. На ногах несколько пальцев также нечувствительны и покрыты пятнами, так называемой сухой гангреной, но все-таки ничего не отмерзло. Бедро у меня ноет — ревматизм дает себя чувствовать, мой желудок ничего не варит, но все это пустяки...

Мы никак не могли понять причины нашего долгого пребывания в Инстербурге. Мюрат задался целью собрать войско, дав время отсталым дойти.

Что император собрал войско из людей всех стран, не позаботившись научить их как следует и не приготовив припасов для похода,— это еще можно было бы понять. Но один только Неаполитанский король мог верить тому, что возможно собраться и остановить неприятеля с этими остатками войска, с этими почти невооруженными, без сапог и без одежды, деморализованными солдатами, из которых каждый отступал, думая только о себе. Ежедневно казаки шли за нами следом, и все, кто не достиг вместе с нами Инстербурга,— все попали к ним в плен.

Не понимаю: почему измученные и разоренные нами пруссаки не поковчили с нами, как это сделали бы в этом случае испанцы? Как сможет император достичь Рейна? Я был уверен, что его задержат немецкие князья и предадут русским или англичанам. Я узнал о заговоре Мале и говорил себе, что, вместо того чтобы нападать на Гюлена *, он мог бы прийти в Германию, взять императора без боя и покончить кровавую трагедию, продолжавшуюся восемь лет.

Мюрат задержал нас еще три дня в Велау. Мы выступали отсюда, ожидая каждую минуту нападения казаков. В нескольких верстах от города сломались мои сани. Положение мое было критическое. К счастью, каретник кое-как поправил мой экипаж. Работа эта продолжалась два ужасных часа, в продолжение которых я дрожал и каждую минуту ждал появления казаков. Следующие дни выпал сильный дождь, который обнажил все поля, и благодаря этому мои сани, катясь по растаявшей земле, еле дотащились до Кенигсберга...

ПЬОН де ЛОШ

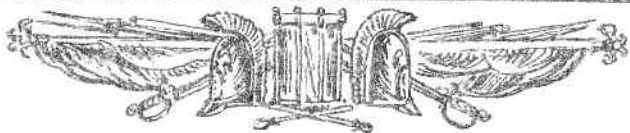
* Командующий гарнизоном в Париже. <Прим. авт.>

АСТОЛЬФ де КЮСТИН

РОССИЯ
В
1839 году

ГЛАВА III

Общий вид Петербурга с Невы.— Последний обыск и допрос.— Ловкость полицейских ищек.— Путаница с багажом.— Немецкий гид.— Медный всадник.— Постройка Зимнего дворца.— Тысячи жертв высочайшей затеи.— Кюстин вспоминает Герберштейна¹. — Московское царство и николаевская Россия²

Тонкая черта земли, которую еще издали замечаешь между небом и морем, начинает в некоторых пунктах изгибаться слегка вверх — это здания новой русской столицы. По мере приближения постепенно вырисовываются позолоченные купола церквей, памятники, здания правительственных учреждений, фронтоны Биржи, белые колоннады школьных зданий, музеи, казармы и дворцы, расположенные на гранитной набережной. Когда же входишь в самый город, то прежде всего бросаются в глаза гранитные сфинксы, производящие внушительное впечатление. Эти копии античной скульптуры как произведения искусства сами по себе не имеют большой цены, но общий вид города дворцов отсюда положительно величествен. И все же подражание классической архитектуре, отчетливо заметное в новых зданиях, просто шокирует, когда вспомнишь, под какое небо так неблагоразумно перенесены эти слепки античного творчества. Но вскоре внимание останавливает обилие и внешний вид соборов, колоколен, металлических шпилей церквей, которые теснятся со всех сторон. Здесь, по крайней мере, заметен свой национальный стиль. Русские церкви сохранили свою первобытную оригинальность. Конечно, не русские изобрели этот грузный своеобразный стиль, который называется византийским. Последователи греческой

церкви, они по своему характеру, своим верованиям, воспитанию, историческому прошлому невольно чуждаются римско-католической культуры, но во всяком случае они должны были бы искать образцы для своих сооружений не в Афинах, а в Константинополе.

При взгляде с Невы набережные Петербурга очень величественны и красивы. Но стоит только ступить на землю — и сразу убеждаешься, что набережные эти вымощены плохим, неровным булыжником, столь неказистым на вид и столь неудобным как для пешеходов, так и для езды. Впрочем, здесь любят все показное, все, что блестит: золоченые шпицы соборов, которые тонки, как громоотводы; портики, фундаменты коих почти исчезают под водой; площади, украшенные колоннами, которые теряются среди окружающих их пустынных пространств; античные статуи, своим обликом, стилем, одеянием так резко контрастирующие с особенностями почвы, окраской неба, суровым климатом, с внешностью, одеждой и образом жизни людей, что кажутся героями, взятыми в плен далекими, чуждыми врагами. Величественные храмы языческих богов, которые своими горизонтальными линиями и строгими очертаниями так удивительно венчают предгорья ионических берегов, тут, в Петербурге, походят на груды гипса и извести. Природа требовала здесь от людей как раз обратное тому, что они создавали. Вместо подражания языческим храмам они должны были бы сооружать здания со смелыми очертаниями, с вертикальными линиями, чтобы прорезать туман полярного неба и нарушить однообразие влажных сероватых степей, опоясывающих Петербург.

Но как ни раздражает это глупое подражание, портящее общий вид Петербурга, все же нельзя смотреть без некоторого удивления на этот город, выросший из моря по приказу одного человека и для своей защиты ведущий упорную борьбу с постоянными наводнениями. Это результат огромной силы воли, и если ею не восхищаешься, то, во всяком случае, ее боишься, а это почти то же, что и уважать.

Наш кронштадтский пароход бросил якорь у самого города, перед гранитной Английской набережной³, расположенной против здания главной таможни, вблизи знаменитой площади, где высится на скале статуя Петра Великого. Бросив якорь, мы вновь простояли здесь очень долго, и вот по какой причине. Мне не хотелось бы опять говорить о новых испытаниях, которым я подвергся

под предлогом выполнения простых формальностей полицией и ее верной союзницей — таможеней. Но все же необходимо дать представление о тех безмерных трудностях, которые ожидают иностранца на морской границе России: говорят, что въезд с сухопутной границы значительно легче.

Три дня в году солнце в Петербурге невыносимо, и вчера, точно в честь моего приезда, был один из таких дней. Началось с того, что нас — конечно, иностранцев, а не русских — продержали более часа на палубе без тента на самом солнцепеке. Было всего 8 часов утра, но день наступил уже с часу ночи. Говорили, что температура достигала 30° по Реомюру⁴, и не следует забывать, что на севере жара переносится гораздо труднее, чем в южных странах, так как воздух здесь тяжелее и небо часто покрыто облаками. Затем мы снова должны были предстать перед новым трибуналом, который, как и в Кронштадте, заседал в кают-компани. И вновь начались те же вопросы, которые предлагались с той же вежливостью, и мои ответы, которые переводились на русский язык с теми же формальностями.

— Что, собственно, вы желаете делать в России?

— Ознакомиться со страной.

— Но это не повод для путешествия.

— У меня, однако, нет другого.

— С кем думаете вы увидеться в Петербурге?

— Со всеми, кто разрешит мне с ними познакомиться.

— Сколько времени вы рассчитываете пробыть в России?

— Не знаю.

— Но приблизительно?

— Несколько месяцев.

— Быть может, у вас какое-нибудь дипломатическое поручение?

— Нет.

— Может быть, секретное?

— Нет.

— Какая-нибудь научная цель?

— Нет.

— Не посланы ли вы вашим правительством изучать наш социальный и политический строй?

— Нет.

— Нет ли у вас какого-нибудь торгового поручения?

— Нет.

— Значит, вы путешествуете исключительно из одной лишь любознательности?

— Да.

— Но почему вы направились для этого именно в Россию?

— Не знаю...

— Имеете ли вы рекомендательные письма к кому-либо?

Меня заранее предупредили о нежелательности слишком откровенного ответа на этот вопрос, и я упомянул лишь о моем банкире.

При выходе из этого суда присяжных я увидел перед собой многих из моих «соучастников». Этих иностранцев по поводу каких-то мнимых неправильностей в их паспортах подвергли новому ряду испытаний. Ищейки русской полиции обладают исключительным нюхом, и в соответствии с личностью каждого пассажира они исследуют их паспорта с той или иной строгостью. Вообще, как я и ожидал, с прибывшими иностранцами обходились далеко не одинаковым образом. Какой-то итальянский коммерсант, шедший перед(о) мною, был безжалостно обыскан. Он должен был открыть свой бумажник, обшарили все его платье, снаружи и внутри, не оставили без внимания даже белья. И я подумал, что, если и со мной так поступят, значит, меня считают очень подозрительным. Карманы у меня были полны всевозможных рекомендательных писем, полученных в Париже, в том числе от самого русского посла и от других столь же известных лиц, но они были запечатаны, и это обстоятельство побудило меня не держать их в дорожном несессере. Я наглухо застегнул свой сюртук, когда увидел, что полицейские сыщики ко мне приближаются, но они разрешили мне пройти, не подвергнув обыску. Зато когда мне пришлось снова открыть свои чемоданы пред таможенными чиновниками, эти новые враги с исключительным усердием, хотя и с той же неизменной вежливостью, стали рыться в моих вещах, и особенно книгах. Последние были отняты у меня почти все без исключения. На мои протесты и возражения не обращалось ни малейшего внимания. Помимо книг у меня отняли две пары дорожных пистолетов и старинные карманные часы. Напрасно я просил объяснить мне причину хоть этой конфискации; меня успокаивали лишь обещанием, что все мои вещи будут мне позже возвращены, конечно не без новых долгов и томительных проволочек.

Невольно пришлось мне мысленно повторять слова моих знатных спутников: «Россия — страна бессмысленных формальностей».

Но вот уж более суток, как я в Петербурге и все еще не могу освободиться из таможни. А в довершение всех бед мой багаж, ушедший из Кронштадта днем раньше, чем было обещано, оказался адресованным не на мое имя, а на имя какого-то русского князя. Пришлось снова вести бесконечные переговоры, прежде чем выяснилась эта ошибка таможни, тяжело осложнившаяся еще тем обстоятельством, что князь, получивший мой багаж, уже уехал. Благодаря этой путанице мне предстояло еще долго оставаться без своих вещей.

Наконец между девятью и десятью часами я вырвался из таможенного узилища и мог совершить свой въезд в Петербург, причем мне очень помог в этом какой-то немецкий путешественник, которого я «случайно» встретил на берегу. Если он и шпион, то, по крайней мере, очень услужливый. Он свободно говорил по-русски, нашел для меня дрожки и помог моему лакею уложить на телегу часть моих вещей, которые удалось получить, и доставить их в гостиницу Кулона.

Кулон — француз, и гостиница его считается лучшей в Петербурге, но это вовсе не дает уверенности в том, что в ней можно хорошо устроиться. Иностранцы в России быстро теряют свои национальные черты, хотя и не ассимилируются никогда с местным населением. Мой услужливый немец нашел для меня говорившего по-немецки гида, который сел сзади меня на дрожках, чтобы отвечать на все мои вопросы. Он усердно называл мне все памятники и здания, встречавшиеся на нашем довольно долгом пути из таможни в гостиницу, так как расстояния в Петербурге вообще очень значительны.

Слишком прославленная статуя Петра Великого привлекла прежде всего другое мое внимание, но она произвела на меня исключительно неприятное впечатление. Воздвигнутая Екатериной на скале, с(о) скромной с виду и горделивой по существу надписью: «Петру I Екатерина II», фигура всадника дана ни в античном, ни в современном стиле. Это — римлянин времен Людовика XIV⁵. Чтобы помочь коню прочнее держаться, скульптор поместил у ног его огромную змею — несчастная идея, которая лишь выдает беспомощность художника. И все же эта статуя и площадь, среди которой она положительно теряется, были наиболее интересными из всего, что пришлось мне увидеть по дороге из таможни в гостиницу.

На минуту я задержался и пред величественным, еще в лесах, зданием, широко уже известным в Европе, хотя оно еще и не закончено. Это Исаакиевский собор⁶. Наконец, я увидел и фасад нового Зимнего дворца — второе чудесное свидетельство безграничной воли самодержца, который с нечеловеческой силой борется против всех законов природы. Но цель была достигнута, и в течение одного года вновь возник из пепла величайший в мире дворец, равный по величине Лувру и Тюильри⁷, взятым вместе.

Нужны были невероятные, сверхчеловеческие усилия, чтобы закончить постройку в назначенный императором срок. На внутренней отделке продолжали работу в самые жестокие морозы. Всего на стройке было шесть тысяч рабочих, из коих ежедневно многие умирали, но на смену этим несчастным пригоняли тотчас же других, которым в свою очередь суждено было вскоре погибнуть. И единственной целью этих бесчисленных жертв было выполнение царской прихоти. Действительно... издавна цивилизованные народы жертвуют человеческой жизнью только ради общего блага, ценность которого признана почти всеми. Но, увы, как много целых поколений властителей соблазняются примером Петра II!

В суровые 25—30-градусные морозы 6000 безвестных мучеников, ничем не вознагражденных, понуждаемых против своей воли одним лишь послушанием, которое является прирожденной, насилем привитой добродетелью русских, запирались в дворцовых залах, где температура вследствие усиленной топки для скорейшей просушки стен достигала 30° жары. И несчастные, входя и выходя из этого дворца смерти, который благодаря их жертвам должен был превратиться в дворец тщеславия, великолепия и удовольствий, испытывали разницу температуры в 50—60°.

Работы в рудниках Урала были гораздо менее опасны для жизни человека, а между тем рабочие, занятые на постройке дворца, не были ведь преступниками, как те, которых посылали в рудники. Мне рассказывали, что несчастные, работавшие в наиболее натопленных залах, должны были надевать на голову какие-то колпаки со льдом, чтобы быть в состоянии выдержать эту чудовищную жару, не потеряв сознания и способности продолжать свою работу. Если нас хотели восстановить против всего этого дворцового великолепия, богатой позолоты и исключительной роскоши, то лучшего сред-

ства для того не могли придумать. И тем не менее царь называется «отцом» этими же людьми, которые ради одного лишь царского каприза безропотно принесли себя в жертву. Мне стало очень неудобно в Петербурге после того, как я увидел Зимний дворец и узнал, скольких человеческих жизней он стоил. Мне сообщили все эти подробности не шпионы и не люди, любящие пошутить, и потому я гарантирую их достоверность. Миллионы, которые стоил Версаль⁸, прокормили столько же семей французских рабочих, сколько 12 месяцев постройки Зимнего дворца убили русских рабов. Но благодаря этой гекатомбе слово царя совершило чудо, дворец был, к общему удовольствию, восстановлен в срок, и освящение его ознаменовано было свадебным празднеством. Царь в России, видно, может быть любимым, если он и не слишком шадит жизнь своих подданных.

За границей не удивляются уже любви русского народа к своему рабству. Достаточно прочесть некоторые выдержки из переписки барона Герберштейна, посла императора Максимилиана <I>⁹, отца Карла V¹⁰, при великом князе Василии Ивановиче¹¹. Я нашел этот отрывок у Карамзина¹², которого я лишь вчера читал на пароходе. Том, в котором выписка помещена, лежал в кармане моего пальто и, к счастью, избежал любознательности полиции: самые опытные сыщики оказываются все же не всегда достаточно опытными.

Если бы русские знали все, что может внимательный читатель извлечь из книги этого льстеца историка, которого они так прославляют и к которому иностранцы относятся с величайшим недоверием из-за его придворной лести, они должны были бы возненавидеть его и умолять царя запретить чтение всех русских историков с Карамзиным во главе, дабы прошлое, ради спокойствия деспота и счастья народа, оставалось в благодетельном для них обоих мраке забвения. Несчастный народ чувствовал бы себя все же счастливее, если бы мы, иностранцы, не считали его жертвою.

Вот что пишет Герберштейн, говоря о деспотизме русского монарха: «(Он) скажет — и сделано. Жизнь, достояние людей мирских и духовных, вельмож и граждан совершенно зависит от его воли. Нет противоречия, и все справедливо, как в делах божественных, ибо русские уверены, что великий князь есть исполнитель воли

небесной...» * Я не знаю, характер ли русского народа создал таких властителей, или же такие властители выработали характер русского народа.

Это письмо, написанное более трех столетий назад, рисует тогдашних русских такими же, какими я увидел их теперь. И вместе с послом Максимилиана я ставлю себе тот же вопрос о царе и его народе и так же, как и немецкий дипломат, не могу его разрешить. Но мне все же кажется, что здесь налицо обоюдное влияние. Нигде, кроме России, не мог бы возникнуть подобный государственный строй, но и русский народ не стал бы таким, каков он есть, если бы он жил при ином государственном строе. И сейчас, как и в XVI веке, можно услышать и в Париже, и в России, с каким восторгом говорят русские о всемогуществе царского слова. Оно творит чудеса, и все гордятся ими, забывая, каких жертв эти чудеса стоят. Да, слово царя оживляет камни, но убивает при этом людей! Забывая, однако, об этой подробности, русские люди гордятся тем, что могут сказать мне: «У вас три года рассуждают о перестройке театральной залы, а наш царь в один год восстанавливает величайший дворец в мире». И этот триумф, стоивший жизни нескольким тысячам несчастных рабочих, павших жертвой царского нетерпения и царской прихоти, кажется этим жалким людям совсем не дорого оплаченным. Я же, как француз, вижу здесь лишь бесчеловечную самовлюбленность. Но во всей беспредельной из конца в конец империи не раздается ни одного протеста против этих чудовищных проявлений абсолютизма.

Все здесь созвучно — народ и власть. Русские не отказались бы от чудес, творимых волею царя, даже и в том случае, если бы речь шла о воскрешении всех рабов, при этом погибших. Меня не удивляет, что человек, выросший в условиях самообожествления, считается всемогущим, совершает подобные деяния. Но я не могу не поражаться тем, что из общего хора славословящих своего монарха именно за эти деяния не раздается, хотя бы во имя справедливости, ни одного голоса, протестующего против бесчеловечности его самовластия. Да, можно сказать, что весь русский народ, от мала до велика, опьянен своим рабством до потери сознания.

* Цит. по «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, Спб., 1817, т. VII, стр. 195. (Прим. авт.)

Петербург утром.—«Дышать только с царского разрешения». — Чиновная иерархия.—«Комфортабельная» гостиница.— Первая битва с клопами.— Михайловский замок¹³. — Убийство императора Павла.— Нева и ее набережные.— Русская Бастилия.— Царские могилы по соседству с казематами.— Домик Петра Великого.— Зброшенный костел

П етербург встает не рано. В 9—10 часов утра на улицах еще совершенно пусто. Кое-где встречаются лишь одинокие дрожки, которые вместе со своими кучерами и лошадьми производят на первый взгляд курьезное впечатление. Интересен костюм извозчиков, такой же, как и большинства рабочих, мелких торговцев и т. п. На голове у них либо суконная дынеобразная шапка, либо шляпа с маленькими полями и плоской головкой, кверху расширяющейся. Этот головной убор похож на женский тюрбан или берет басков. Все, как молодые, так и старые, носят бороды, тщательно расчесываемые теми, кто понаряднее. Глаза их имеют какое-то особенное, своеобразное выражение, взгляд их лукав, как у азиатских народов, так что, когда видишь этих людей, кажется, что попал в Персию. Длинные волосы падают с обеих сторон, закрывая уши, сзади же острижены под скобку и оставляют совершенно открытой шею, так как галстуков никто не носит. Бороды у некоторых достигают груди, у других коротко острижены и более подходят к их кафтанам, чем к фракам и жакетам наших модников. Эти кафтаны из синего, темно-зеленого или серого сукна, без воротника, ниспадают широкими складками, перехваченными в поясе ярким шелковым или шерстяным кушаком. Высокие кожаные сапоги в складку дополняют этот диковинный, не лишенный своеобразной красоты костюм.

Движения людей, которые мне встречались, казались угловатыми и стесненными; каждый жест их выражал волю, но не данного человека, а того, по чьему поручению он шел. Утренние часы — это время выполнения всякого рода поручений господ и начальников. Никто, казалось, не шел по доброй воле, и вид этого подневольного уличного движения наводил меня на грустные размышления. На улицах встречалось очень мало женщин, не видно было ни одного красивого женского лица, не слышно было ни одного веселого девичьего голоса. Все

было тихо и размеренно, как в казарме или в лагере. Военная дисциплина в России подавляет всё и всех. И вид этой страны невольно заставляет меня тосковать по Испании, как будто я родился в Андалузии,— не по ее жаре, конечно, потому что и здесь от нее задыхаешься, а по ее свету и радости.

Иногда встречаешь на улице то несущегося в галоп на верховом коне офицера, спешащего передать приказ какому-либо командиру, то фельдъегеря, мчащегося в тележке с приказом какому-нибудь губернатору, быть может, в другой конец государства, то солдат, возвращающихся с учения в казармы, чтобы вновь отправиться с дальнейшими приказами своего капитана. Везде и всюду лишь младшие чины, выполняющие приказы старших. Это население, состоящее из автоматов, напоминает шахматные фигуры, которые приводит в движение один лишь человек, имея своим незримым противником все человечество. Офицеры, кучера, казаки, крепостные, придворные — все это слуги различных степеней одного и того же господина, слепо повинующиеся его воле. Это шедевр дисциплины. Здесь можно двигаться, можно дышать не иначе, как с царского разрешения или приказания. Оттого здесь все так мрачно, подавленно, и мертвое молчание убивает всякую жизнь. Кажется, что тень смерти нависла над всей этой частью земного шара.

Среди населения, лишённого радостей и собственной воли, видишь лишь тела без души и невольно содрогаться при мысли, что столь огромное число рук и ног имеют все одну лишь голову.

Когда Петр I учредил то, что здесь называется чином, т. е. когда он перенес военную иерархию в гражданское управление империей, он превратил все население в полк немых, объявив себя полковником и сохранив за собой право передавать это звание своим наследникам. Можете ли вы представить себе безумную погоню за отличиями, явное и тайное соперничество, все страсти, проявляемые на войне, существующими постоянно во время мира? Если вы поймете, что значит лишение всех радостей семейной и общественной жизни, если вы можете нарисовать себе картину непрерывной тревоги и вечно кипящей борьбы в погоне за знаком монаршего внимания, если вы, наконец, постигнете почти полную победу воли человека над волей Божьей — только тогда вы поймете, что представляет собою Россия. Русский государственный строй — это строгая военная дисциплина вместо

гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства.

Но я невольно отвлекся в сторону. Возвращаясь к своему описанию. Когда утренние часы проходят, город начинает понемногу оживать и наполняется шумом, но он не становится благодаря этому ярче и веселее. Появляются не слишком элегантные коляски, быстро влекомые парой, а иногда четырьмя и даже шестью лошадьми, запряженными цугом, и в них люди, всегда куда-то спешащие. Ясно видно, что катание для своего удовольствия, как и все, что делается для простого развлечения, здесь незнакомо.

Неудивительно, что все великие артисты, которые приезжают в Россию пожинать плоды своей славы, добытой за границей, остаются здесь на самое короткое время, а если задерживаются дольше, теряют свой талант. Самый воздух этой страны враждебен искусству. Все, что в других странах возникает и развивается совершенно естественно, здесь удается только в теплице. Русское искусство всегда останется оранжерейным цветком.

Приехав в отель Кулона, я встретил здесь хозяина — огрубевшего, перерожденного француза. Его гостиница была в это время переполнена народом ввиду предстоящих придворных торжеств по случаю бракосочетания великой княжны Марии, и он, казалось, далеко не рад был новому гостю. Это сказалось в том, как мало он уделил мне внимания. После бесконечного хождения взад и вперед и долгих переговоров мне отвели все-таки какое-то душное помещение во 2-м этаже, состоящее из прихожей, кабинета и спальни. Нигде на окнах не было ни портьер, ни штор, ни жалюзи, и это при солнце, которое здесь теперь в течение чуть ли не 22 часов в сутки не сходит с горизонта и косые лучи которого достигают отдаленнейших углов комнаты. Воздух комнаты был насыщен каким-то странным запахом гипса, извести и пыли, смешанным с запахом мускуса.

Усталость после испытаний минувшей ночи и утра и всех мытарств, перенесенных в таможне, победила мое любопытство. Вместо того чтобы тотчас же отправиться, по своему обыкновению, побродить наугад по улицам незнакомого города, я бросился, не раздеваясь, в плаще, на широкую, обитую темно-зеленой кожей софу, занимавшую почти целиком одну стену комнаты, и мгновенно

крепко уснул, но... лишь на три минуты. Я проснулся с лихорадочной дрожью, и что же увидел я, бросив взгляд на свой плащ: маленькое темное пятнышко, но... живое. Называя вещи своими именами, я должен сказать, что был покрыт клопами, которые с радостью на меня набросились. Россия в этом отношении, видно, нисколько не уступает Испании, но там, на юге, освобождаешься от этих врагов и исцеляешься на воздухе, здесь же остаешься с ними постоянно взаперти, и война становится более кровавой. Я сбросил с себя все платье и стал бегать по комнате, крича о помощи. Какое ужасное предзнаменование для ночи, думал я, и продолжал кричать во все горло. Появился русский гарсон, и я постарался растолковать ему, что хочу говорить с его хозяином. Тот долго заставил ждать себя; наконец он явился, и, когда я объяснил ему причину своего ужасного состояния, он расхохотался и тотчас же удалился, сказав мне, что я к этому скоро привыкну, так как в Петербурге без клопов я помещения не найду. Он посоветовал мне лишь никогда не садиться в России на канапе, так как на них часто спят слуги, которые постоянно имеют на себе легионы насекомых. Он успокоил меня также и тем, что клопы не тронут меня, если я буду держаться подалеже от мягкой мебели, которую они никогда не покидают.

Гостиницы в Петербурге похожи на караван-сарай. Как только вы в них устроились, вы предоставлены исключительно самому себе, и, если у вас нет своего лакея, вы остаетесь без всяких услуг. Мой слуга, не зная русского языка, не мог быть мне полезен. Более того, он становился мне в тягость, так как я должен был заботиться и о нем. Но все же благодаря своей итальянской сметливости он вскоре нашел выход из создавшегося положения: в одном из темных коридоров этой каменной пустыни, которая называлась «отель Кулона», он разыскал какого-то искавшего службы лакея, говорившего по-немецки и хорошо отрекомендованного хозяином гостиницы. Я его тотчас же нанял, рассказал ему о своей беде, и ловкий немец сейчас же притащил мне русскую железную кровать. Я ее немедленно купил, положил на нее новый, набитый свежим сеном матрац и, поставив под каждую ножку кровати чашку с водой, поместил ее посреди комнаты, которую очистил от всей находившейся в ней мебели. Обезопасив себя таким об-

разом на ночь, я вновь оделся и в сопровождении своего нового слуги оставил этот «великолепный» отель, похोдивший по внешности на дворец, а внутри оказавшийся позолоченной, обитой бархатом и шелком конюшней.

Отель Кулона расположен у сквера, который для Петербурга казался довольно оживленным. С одной стороны этот сквер граничит с подлинно великолепным новым Михайловским дворцом¹⁴, принадлежащим великому князю Михаилу¹⁵, брату царя. Дворец этот был построен императором Александром, но сам он, однако, в нем не жил. С остальных трех сторон сквер окружен рядом красивых домов, среди которых проложены широкие улицы. И странное совпадение. Едва я прошел мимо нового Михайловского дворца, как очутился перед старым, огромным, мрачным четырехугольным зданием, во всех отношениях отличным от изящного и современного нового дворца, носящего то же имя.

Если в России молчат люди, то за них говорят — и говорят зловеще — камни. Я не удивляюсь, что русские боятся и предают забвению свои старые здания. Это свидетели их истории, которую они чаще всего хотели бы возможно скорее забыть. Когда я увидел глубокие каналы, массивные мосты, пустынные галереи этого мрачного дворца, я невольно вспомнил о том имени, которое с ним связано, и о той катастрофе, которая возвела Александра на трон. Передо мной воскресла вся обстановка этой потрясающей сцены, которой закончилось царствование Павла I. Но это еще не все. Точно по какой-то жестокой, кровавой иронии перед главным входом зловещего дворца, незадолго до смерти того, кто в нем обитал, была воздвигнута по его приказу конная статуя его отцу, Петру III, другой жертве, скорбную память которой Павел хотел почтить, чтобы тем самым унижить восторженную память о его матери. Какие трагедии разыгрываются в этой стране, где честолюбие и даже самая ненависть кажутся внешне такими холодными и уравновешенными. Страстность южных народов хоть несколько примиряет с их жестокостью, но расчетливая сдержанность и хладнокровие людей севера придают их преступлениям еще и оттенок лицемерия. Человек кажется незлобивым, потому что он не обуреваем страстью. Но расчетливое убийство без ненависти возбуждает еще большее отвращение, чем смертельный удар, нанесенный в порыве гнева. Разве закон кровавой

места не естественнее корыстного предательства? К сожалению, и при убийстве Павла I заговорщиками руководил не гнев, не страстная ненависть, а холодный расчет. Добрые русские утверждают, что заговорщики имели в виду лишь заключить Павла в крепость. Но я видел потайную дверь, которая по потайной же лестнице вела в комнату императора. Эта дверь выходит в часть сада, примыкающую к каналу. По этой дороге ввел Пален¹⁶ во дворец убийц. Накануне рокового дня он сказал им: «Завтра либо в пять часов утра вы убьете императора, либо в половине шестого вы будете мною выданы ему как заговорщики».

На следующий день в пять часов Александр стал императором и вместе с тем отцеубийцею, хотя (и этому я готов верить) он дал заговорщикам согласие лишь на заключение своего отца в крепость, чтобы таким путем спасти свою мать от заточения или даже смерти и самого себя от той же участи, а вместе с тем и спасти всю страну от ярости и злодеяний безумного деспота.

Теперь русские люди проходят мимо старого Михайловского дворца, не смея на него взглянуть. В школах и вообще повсюду запрещено рассказывать о смерти Павла I, и самое событие это никогда никем не упоминается.

Я удивляюсь лишь тому, что до сих пор не снесли этого дворца с его мрачными воспоминаниями. Но для туриста большая удача видеть историческое здание, которое своей старинной внешностью так резко выделяется на общем фоне города, в котором деспотизм все подстриг под одну гребенку, все уравнивал и создал заново, стирая каждый день самые следы прошлого. Впрочем, эта беспокойная стремительность, пожалуй, и является причиной того, что старый Михайловский замок уцелел: о нем просто забыли. Его огромный четырехугольный массив, глубокие каналы, его трагические воспоминания, потайные лестницы и двери, которые так способствовали преступлению, его необычайная высота в городе, где все строения придавлены, — все это придает старинному дворцу какое-то особенное величие, которое редко встречается в Петербурге. Вообще я на каждом шагу поражался здесь странному смешению двух столь отличных друг от друга искусств — архитектуры и сценической декоративности. Невольно кажется, что Петр Великий и его преемники хотели превратить свою столицу в огромный театр.

И все же прогулка по улицам Петербурга в сопровождении гида в высшей степени интересна, хотя и не походит совершенно на прогулки по столицам других стран цивилизованного мира.

Покинув трагический Михайловский замок, я очутился близ большой площади, напоминавшей собой Марсово поле в Париже, — столь же огромной и пустынной. С одной стороны к площади примыкал обширный общественный сад, с другой — несколько небольших домов, посреди — груды песка, повсюду пыль — такова эта площадь, оканчивающаяся у самой Невы, близ бронзовой статуи Суворова.

Нева, ее мосты и набережные — это действительная гордость Петербурга. Вид Невы так величествен, что по сравнению с нею все остальное кажется мизерным. Это огромный широкий сосуд, до краев наполненный водой, которая постоянно грозит вылиться за их пределы. Венеция и Амстердам кажутся мне гораздо более защищенными против моря, чем стоящий у Невы Петербург. Конечно, близость реки, широкой, как озеро, протекающей по своему глубокому руслу среди болотистой равнины под вечно туманным небом и грозным дыханием моря, являлась наименее благоприятным условием для закладки именно здесь столицы государства. Рано или поздно вода поглотит это гордое создание человека! Даже гранит не в состоянии долго противостоять реке, дважды уже подточившей каменные устои воздвигнутой Петром крепости. Их пришлось восстановить и придется еще много раз восстанавливать, чтобы сохранить это искусное создание гордой и самоуверенной воли человека.

Я хотел тотчас же пройти через мост, чтобы вблизи осмотреть знаменитую крепость. Но мой новый слуга привел меня сначала к домику Петра Великого, находящемуся против крепости и отделенному от последней одной лишь улицей и пустырем. Эта хижина, как говорят, сохранилась в том же виде, как ее оставил царь. А напротив, в петровской цитадели, покоятся останки императоров и содержатся государственные преступники: странная идея — чтить таким образом своих покойников. Если вспомнить все те слезы, которые проливаются здесь над гробницами властителей России, то невольно покажется, что ты присутствуешь при погребении какого-нибудь азиатского владыки. Но орошенная кровью могила все же кажется менее страшной. Здесь

слезы текут дольше и вызваны более тяжелыми страданиями.

В то время как царь-работник жил в своей хижине, напротив, перед его глазами, воздвигали будущую столицу. И во славу ему надо упомянуть, что Петр тогда меньше думал о своем «дворце», чем о создаваемом им городе. Одна из комнат этого домика, в которой царь занимался плотничьим ремеслом, превращена теперь в капеллу, в которую вступают с таким благоговением, как в самый почитаемый храм. Русские любят возводить своих героев в сонм святых; они прикрывают жестокие деяния властителей благодатной силой святителей и стараются все ужасы своей истории поставить под защиту веры.

В домике Петра мне показали бот, который им лично был построен, и другие тщательно сохраненные предметы, оберегаемые старым ветераном. В России охрана церквей, дворцов, многих общественных учреждений и частных домов вверяется таким инвалидам. Эти несчастные, на старости покидая казармы, выходят лишенными средств к существованию. На своем посту сторожа или швейцара они сохраняют длинные солдатские мундиры и порыжевшие шинели из грубой шерсти. Эти привидения в форме, встречающие вас при входе в любое учреждение или частный дом, лишний раз напоминают вам о той дисциплине, которая над всем здесь властвует. Петербург — это военный лагерь, превращенный в город.

Мой проводник счел своим долгом показать мне каждую картину, каждый кусок дерева в этой императорской хижине, а ветеран-сторож, зажегши предварительно все свечи в скромной домово́й церковке, проводил меня затем в спальную «императора всея Руси». Наш плотник не поместил бы теперь в таком углу своего ученика.

Эта прославленная простота жизни ярко характеризует не только данную эпоху и страну, но и самого человека. Тогда в России все приносилось в жертву будущему. Строили великолепные здания, не зная, что с ними делать, потому что владыки, для которых воздвигались эти дворцы, еще не родились, а сами строители их не испытывали потребности в роскоши и довольствовались ролью провозвестников цивилизации. Конечно, в заботах главы народа и самого народа о могуществе и даже тщеславии грядущих поколений сказывается величие их души. Вера живущих во славу своих потомков заключает в себе нечто благородное и своеобразное. Это —

чувство бескорыстное, поэтическое и стоящее выше обычного уважения людей и наций к своим предкам.

По выходе из домика Петра I я очутился снова перед мостом через Неву, ведущим на острова, и направился в петербургскую крепость. Я уже говорил, что гранитные основы этого сооружения, одно имя которого вселяет ужас, дважды уже были подточены невскими водами, — и это всего лишь за 140 лет своего существования. Какая поистине чудовищная борьба! Камни страдают здесь под гнетом насилия, как и люди.

Мне не разрешили посетить казематы. Некоторые из них расположены под водой, другие — под крышей. Меня проводили в собор, где находятся гробницы царствующей фамилии. Я стоял среди этих гробниц и продолжал разыскивать их, так как не мог представить себе, что эти четырехугольные плиты, прикрытые зелеными суконными покрывалами с вышитыми на них императорскими гербами, могли быть гробницами Петра I, Екатерины II и всех последующих царей до Александра включительно.

В этой могильной цитадели мертвые казались мне более свободными, чем живые. Мне было тяжело дышать под этими немymi сводами. Если бы в решении замуровать в одном склепе пленников императора и пленников смерти, заговорщиков и властителей, против которых эти заговорщики боролись, была какая-нибудь философская идея, я мог бы еще пред подобной идеей смириться. Но я видел лишь циничное насилие абсолютной власти, жестокую месть уверенного в себе деспотизма. Мы, люди Запада, революционеры и роялисты, видим в русском государственном преступнике невинную жертву абсолютизма, русские же считают его низким злодеем. Вот до чего может довести политическое идолопоклонство. Россия — это страна, в которой несчастье позорит всех без исключения, кого оно постигнет.

Каждый шорох казался мне заглушенным вздохом. Камни стонали под моими шагами, и сердце мое сжималось от боли при мысли об ужаснейших страданиях, которые человек только в состоянии вынести. Я оплакивал мучеников, томящихся в казематах зловещей крепости. Невольно содрогаешься, когда думаешь о русских людях, погибающих в подземельях, и встречаешь других русских, прогуливающих над их могилами...

Я видел и в других странах крепости, но это название их бесконечно далеко от того, что представляет собой крепость в Петербурге, где безупречная верность

и абсолютная честность не могут спасти от заключения в подземные склепы. Я вздохнул свободнее, когда перешагнул через рвы, охраняющие эту юдоль страданий и отделяющие ее от всего мира.

После того как я осмотрел гробницы русских властителей, я велел отвезти себя обратно в мой квартал, чтобы посетить находящийся вблизи гостиницы католический костел. Он находится на Невском проспекте, самой красивой улице в Петербурге, и не поражает своим великолепием. Церковные коридоры пустынные, дворы заполнены всякой рухлядью, на всем лежит печать уныния и какой-то неуверенности в завтрашнем дне. Терпимость к иноверной церкви в России не гарантируется ни общественным мнением, ни государственными законами. Как и все остальное, она является милостью, дарованной одним человеком, который завтра может отнять то, что дал сегодня.

В костеле обратила на себя мое внимание и глубоко меня взволновала надпись на одной из плит: «Понятовский»¹⁷. Эта королевская жертва суетного тщеславия, этот легковверный фаворит Екатерины II погребен здесь без всяких почестей. Но хотя он был лишен величия трона, величие несчастья сохранилось за ним навсегда. Горькая участь короля, его ослепление, столь жестоко наказанное, предательская политика его врагов — все это будет долго привлекать внимание туристов к его безвестной могиле.

Рядом с телом изгнанного короля погребен изуродованный труп Моро¹⁸. Император Александр приказал перевезти его сюда из Дрездена. Мысль соединить смертные останки этих двух столь достойных сожаления людей, чтобы слить в одну молитву воспоминание об их печальной судьбе, кажется мне одной из благороднейших мыслей русского монарха, казавшегося великим даже при въезде в тот город, который только что покинул Наполеон.

Около 4 часов дня я вспомнил наконец, что приехал в Россию не для того только, чтобы посмотреть на несколько более или менее интересных зданий и предаться по поводу них более или менее философским размышлениям, и поспешил к французскому послу.

Там, к моему великому огорчению, я узнал, что бракосочетание великой княжны Марии¹⁹ с герцогом Лейхтенбергским²⁰ должно состояться послезавтра и что я прибыл слишком поздно, чтобы иметь возможность быть представленным государю на этой торжественной церемонии. Про-

пустить же такое дворцовое празднество в стране, где двор составляет все, значило бы лишить мой приезд почти всякого смысла.

ГЛАВА V

Острова. — Цвет русского общества. — Цена популярности Николая I. — Придворные интриги. — Азиатская роскошь. — Русская красота. — Ужасы крепостного права. — Показная цивилизация. — Судьба императрицы. — Заговор молчания высшего общества. — Страх перед иностранцами. — Россия — страна фасадов

Сегодня я совершил прогулку на острова. Нигде в мире я не видел болота, столь искусно прикрытого цветами. Представьте себе сырое, низкое место, которое лишь летом благодаря каналам, отводящим воду, несколько высыхает. Такова эта местность, превращенная в превосходную березовую рощу, окруженную великолепными виллами. Аллеи берез, которые вместе с соснами являются единственными представителями растительного царства, произрастающими на этой ледяной равнине, создают иллюзию английского парка. Этот большой сад с виллами и коттеджами служит для петербуржцев дачным местом, на короткое время летом заселяющимся придворной знатью. Остальную же часть года острова совершенно пустыньны.

Парижане, которые никогда не забывают своего Парижа, назвали бы острова русскими Елисейскими полями, но острова — гораздо обширнее, носят более сельский характер и вместе с тем гораздо богаче разукрашены, чем наше место для прогулок в Париже. Они и более удалены от богатых городских кварталов. Район островов — одновременно и город, и сельская местность. Рощи, луга, отвоєванные у окружающих болот, заставляют верить, что кругом действительно поля, леса, деревни, а в то же время храмоподобные здания, пилястры, окаймляющие богатые оранжереи, колоннады дворцов, театр с античным перистилем — все это заставляя вас думать, что вы, находясь на островах, не покинули города.

Русские справедливо гордятся садом, с таким трудом вырванным из болотистой петербургской почвы. Но если природа побеждена, она помнит о своем поражении и неохотно покоряется насилию. Уже по другую сторону парка снова начинаются прежние болота. Я не останавли-

вался бы так долго на неблагоприятном характере этой обделенной природой земли, не так бы сожалел, путешествуя по северу, о солнце юга, если бы русские менее пренебрегали тем, что недостает их стране. Их самодовольство простирается даже на климат и почву. По натуре склонные к хвастовству, они гордятся своей природой точно так же, как и окружающим их обществом.

Дельта, образовавшаяся между городом и одним из устьев Невы, занята теперь целиком этим парком, расположенным как будто в самом Петербурге. Русские города захватывают целые округа. Парк должен был бы стать населеннейшим кварталом новой столицы, если бы в дальнейшем полностью осуществлялся план ее основателя. Но мало-помалу Петербург удалялся от реки к югу, чтобы избежать наводнений и болотистой местности островов, обитаемой летом. Зимой роскошные дачи наполовину находятся под водой и снегом, и волки кружат вокруг павильона императрицы. Зато в течение трех летних месяцев ничто не сравнится с роскошью цветов и убранством изящных и нарядных вилл. Но и здесь под искусственным изяществом проглядывает природный характер местных жителей. Страсть блистать обуревают русских. Поэтому в их гостиных цветы расставляются не так, чтобы сделать вид комнат более приятным, а чтобы им удивлялись извне. Совершенно обратное наблюдается в Англии, где более всего боятся рисовки для улицы.

Но скудость физического мира, сколь тщательно она ни прикрывается, все-таки порождает здесь унылую скуку. Драмы разыгрываются в действительной жизни, потому в театре господствует водевиль, никому не внушающий страха, а излюбленным чтением являются романы Поля де Кока²¹. Пустые развлечения — единственные, дозволенные в России. При таком порядке вещей жизнь слишком тяжела, чтобы могла создаться серьезная литература. Слова «мир», «счастье» здесь столь же неопределенны, как и слово «рай». Беспробудная лень, тревожное безделье — таков неизбежный результат северной автократии.

То, что происходит каждый год на островах, когда с наступлением зимы они превращаются в снежную пустыню, заселенную волками, блуждающими вокруг бывшего величия, произойдет когда-нибудь и со всем городом. Пусть эта столица, без корней в истории, будет хоть временно забыта своим монархом, пусть веления политики обратят его взоры в другую сторону — и тотчас распадется

подводный гранит, затопленная низина возвратится в свое первобытное состояние и обитатели пустынь снова станут ее единственными владельцами.

Подобные мысли преследуют каждого иностранца, попадающего в Россию. Никто не верит в долговечность этого удивительного города. Невольно приходит на мысль та или иная война, то или иное изменение политики, которые заставят исчезнуть создание Петра, как мыльный пузырь при дуновении ветра, как картину волшебного фонаря, когда свет его погашен.

Сегодня вечером мне удалось увидеть на островах цвет высшего общества. Сюда прибыл весь Петербург, т. е. двор со своей свитой и челядью, но не для того, чтобы совершить приятную прогулку в прекрасный летний день — это было бы для придворной знати более чем странным, — а для того лишь, чтобы встретить прибывшую на острова на своей яхте императрицу. Здесь каждый монарх — бог. Свита этих меняющихся божеств неизменна, она лишь все увеличивается благодаря всегда окружающей ее толпе.

И все же, что бы ни говорила и ни делала эта толпа, ее энтузиазм кажется мне вынужденным, ее любовь к царю напоминает мне любовь стада к своему пастуху, который его кормит, чтобы послать затем на убой. Народ без свободы имеет инстинкты, но не имеет разумных чувств. Эти инстинкты проявляются иногда в диких, чудовищных формах. Рабское восторженное поклонение, безмерный фимиам, становящийся наконец невтерпеж божественному идолу, весь этот культ обожествления своего монарха прерывается вдруг страшными, кровавыми антрактами. Русский образ правления — это абсолютная монархия, умеряемая убийством. Русский император вечно живет под гнетом либо страха, либо пресыщения. Если гордость деспота требует себе рабов, то человек ищет себе равных. Царь себе равного не имеет. Этикет и завистливая ревность неизменно стоят на страже его одиночества. Русский монарх еще более достоин сожаления, чем его народ, особенно если он собой хоть что-нибудь представляет.

Мне много говорили о счастливой семейной жизни императора Николая, но я вижу в этом скорее утешение в скорби, чем полное счастье. Утешение не счастье, а целебное средство, свидетельствующее о болезни. Для русского царя сердце является излишним, если вообще сердце у него имеется. Этим, наверное, и объясняются семейные добродетели императора Николая.

Императрица в этот вечер покинула Петергоф, чтобы переехать в свой летний дворец на островах. Здесь она хотела дожидаться венчания дочери, которое должно было состояться на следующий день в новом Зимнем дворце. Когда императрица пребывает на островах, то под сенью деревьев, окружающих дворец, несет караул кавалергардский полк, один из самых красивых во всей армии.

Мы прибыли на острова слишком поздно, чтобы видеть торжественный выход императрицы с ее священного корабля, но толпа придворных была еще вся под впечатлением обаяния мгновенно промелькнувшего царского созвездия. Человеческие волны напоминали волны морские, прорезанные мощным военным кораблем: гордое судно, несущееся на всех парусах, разбивает шумящие волны и они еще долго пенятся после того, как самый корабль достиг уже гавани.

Итак, наконец я дышал воздухом двора. Но до сих пор мне не довелось видеть ни одного из божеств, которое бы осенило своим появлением простых смертных.

Вокруг дворца или по крайней мере вблизи от него расположены наиболее роскошные, богатые виллы. Человек жаждет здесь взгляда своего властелина, как растение живительных лучей солнца. Самый воздух здесь принадлежит государю, и каждый дышит лишь постольку, поскольку ему это дозволено: у истинного царедворца легкие так же подвижны, как и его спина.

Повсюду, где есть двор и придворные, царят расчетливость и интриги, но нигде они так явственно не выступают, как в России. Российская империя — это огромный театральный зал, в котором из всех лож следят лишь за тем, что происходит за кулисами.

Хотя русские и гордятся своей роскошью и богатством, однако во всем Петербурге иностранец не может найти ни одной хоть сколько-нибудь сносной гостиницы. Вельможи, приезжающие из внутренних губерний в столицу, привозят с собой многочисленную челядь. Она является лишним признаком богатства, так как люди здесь — собственность их господина. Эти слуги в отсутствие своих господ валяются на диванах и наполняют их насекомыми; в несколько дней все помещение безнадежно заражено, и невозможность зимой проветривать комнаты делает это зло вечным.

Новый царский дворец, который был восстановлен с затратой стольких средств и человеческих жизней, уже

заполнен насекомыми, как будто несчастные рабочие, жертвовавшие своею жизнью, чтобы скорее разукрасить дворцовые палаты, перед смертью решили отомстить за свою гибель, заразив убившие их стены насекомыми. Уже сейчас, еще до того, как въехали во дворец, некоторые его комнаты пришлось наглухо запереть. Могу ли я спать у Кулона, если даже царский дворец не пощажен этими злейшими ночными врагами? Приходится покориться: светлые ночи облегчают мне бодрствование.

Едва вернувшись с островов, я в полночь снова отправился бродить пешком по городу.

На Невском проспекте издали в предрассветном сумраке увидел я колонны Адмиралтейства с сверкающим над ним блестящим металлическим шпилем. Шпиль этого христианского минарета острее любой готической башни и весь покрыт золотом дукатов, принесенных объединенными провинциями Голландии в дар Петру I.

Безобразно грязные номера гостиниц — и это сказочное, великолепное строение! Таков Петербург. Таковы резкие контрасты, встречающиеся здесь на каждом шагу. Европа и Азия тесно переплелись в этом городе друг с другом.

На таком фоне своеобразно выделяется и городское население. Народ русский достаточно красив. Мужчины чисто славянской расы, привезенные сюда своими господами для услужения из центра России или остающиеся подолгу с их разрешения в Петербурге для занятия ремеслами, отличаются светлым цветом волос и яркой краской лиц, в особенности же совершенством своего профиля, напоминающего греческие статуи. Их миндалевидные глаза имеют азиатскую форму, с северной голубоватой окраской, и своеобразное выражение мягкости, грации и лукавства. Рот, украшенный шелковистой, золотисторыжей бородой, в правильном разрезе открывает ряд белоснежных зубов, имеющих иногда остроконечную форму зубов тигра или зубьев пилы, но большей частью совершенно ровных. Платье этих людей также оригинально. Оно состоит либо из какой-то греческой тунки, перепоясанной яркоцветными кожаными кушаками, либо из длиннополой персидской одежды, либо из короткого русского овчинного тулупа, мехом внутрь или наружу соответственно температуре воздуха.

Женщины из народа менее красивы. Они редко встречаются на улицах, а те, которых встречаешь, малопривлекательны и кажутся слишком огрубевшими. И удиви-

тельно: мужчины все одеты чище и наряднее, чем женщины. Быть может, это объясняется тем, что мужчины по своей службе должны быть постоянно в домах знатных бар. Женщины из народа имеют тяжелую поступь и носят высокие кожаные сапоги, обезображивающие их ноги. Их внешность, рост — все в них лишено малейшей грации, и землистый цвет лиц даже у наиболее молодых не имеет ничего общего с цветущим видом мужчин. Их короткие русские телогрейки, спереди открытые, подбиты мехом, почти всегда оборванным и висящим клочьями. Этот костюм был бы красив, если бы его «лучше носили», как говорят у нас владельцы модных магазинов, и если бы он не портился часто неправильной талией и всегда — отталкивающей неопрятностью. Национальный головной убор женщин также красив, но он встречается теперь очень редко. Его можно увидеть, как мне говорили, сейчас лишь у кормилиц и у придворных дам в дни дворцовых торжеств. Это небольшая остроконечная башенка из картона, покрытая шелком, позолоченная и украшенная вышивками и бусами.

Сегодня вечером мне рассказали много интересных подробностей о так называемом крепостном праве русских крестьян. Мы можем лишь с трудом представить себе положение этого класса людей, лишенных всяких прав и вместе с тем представляющих собой нацию. Хотя русские законы стияли у них все, они все же не так низко пали в нравственном отношении, как в социальном. Они обладают сообразительностью, даже некоторой гордостью, но главной чертой их характера, как и всей их жизни, является лукавство. Никто не вправе бросить им упрека за эту черту характера, столь естественную в их положении.

Во многих частях империи крестьяне верят, что они являются принадлежностью земли. Состояние это кажется им естественным, так как они не дают себе труда подумать над тем, может ли один человек быть собственностью другого. В других местах крестьяне считают, что земля им принадлежит; эти — наиболее счастливые, если не самые забитые и замученные из русских рабов.

Величайшим несчастьем для крепостных является продажа земли, на которой они родились. Их продают теперь вместе с тем куском земли, с которым они неразрывно связаны, в чем заключается единственное благодеяние нового закона, запрещающего продажу людей без земли. Но этот закон помещики обходят всевозможными спо-

собами; так, продают не все имение со всеми крестьянами, а отдельные участки и отдельно сотню-другую крестьян. Когда такая незаконная продажа доходит до сведения властей, последние наказывают владельцев, но это случается очень редко, так как между данным деянием и его высшим судьей, т. е. царем, находится стена людей, заинтересованных в том, чтобы все эти злоупотребления скрыть и продолжать.

Помещики страдают от подобного порядка вещей не менее, чем их крепостные, особенно те, у которых дела идут плохо. Поместья продавать очень трудно, и те дворяне, которые обременены значительными долгами, вынуждены для покрытия их получать ссуды и закладывать свои имения в государственном банке. Отсюда следует, что царь является казначеем и кредитором всего русского дворянства, которое, связанное таким образом по рукам и ногам верховной властью, не может выполнить своего долга по отношению к народу.

Какой-то знатный помещик хотел продать свое имение. Крестьяне отправили к нему старейших из деревни, которые, упав на колени, со слезами молили его не продавать их. «Я должен,— ответил помещик,— я не хочу — это противоречит моим правилам — повышать оброк, который платят мне крестьяне, и я недостаточно богат, чтобы сохранить за собой имение, которое мне ничего не приносит». — «Если только в этом дело,— сказали крестьяне,— то мы сами достаточно богаты, чтобы остаться у вас». И они тотчас удвоили оброк, который с незапамятных времен выплачивали своему господину.

Другие крестьяне, менее мягкосердечные и более хитрые, восстают против своих господ в единственной надежде стать государственными крепостными. В этом высший предел честолюбия русского крестьянина. Если бы вдруг всех этих людей освободили, то вся страна охвачена была бы огнем. В тот момент, когда крепостные, отделенные от земли, увидели бы, что ее продают, нанимают, обрабатывают без них, они поднялись бы всей массой, крича, что у них отнимают их собственность.

Недавно в какой-то далекой деревне, в которой вспыхнул пожар, крестьяне, изнемогавшие от жестокостей своего господина, воспользовались суматохой, быть может ими же вызванной, схватили своего врага, убили его, посадили на кол и сжарили в огне пожара. Они

рассчитывали, что смогут оправдаться, показав под присягой, что несчастный владелец хотел спалить их избы, и они вынуждены были обороняться. В таких случаях царь обыкновенно высылает всю деревню в Сибирь, и это называется в Петербурге «заселять Азию».

Когда я думаю о подобных и других, более или менее тайных жестокостях, ежедневно происходящих в этом обширнейшем государстве, где расстояния содействуют и бунтам, и их подавлению, мне становятся ненавистными и страна, и правительство, и весь народ, я испытываю неопишное отвращение и мечтаю лишь о том, чтобы скорее отсюда уехать.

Роскошь цветов и ливрей в домах петербургской знати меня сначала забавляла. Теперь она меня возмущает, и я считаю удовольствие, которое эта роскошь мне доставляла, почти преступлением. Благосостояние каждого дворянина здесь исчисляется по количеству душ, ему принадлежащих. Каждый несвободный человек здесь — деньги. Он приносит своему господину, которого называют свободным только потому, что он сам имеет рабов, в среднем до 10 руб. в год, а в некоторых местностях втрое и вчетверо больше. В России человеческая монета меняет свою ценность, как у нас земля, которая иногда вдвое повышается в цене при нахождении новых рынков для сбыта ее злаков. Я невольно все время высчитываю, сколько нужно семей, чтобы оплатить какую-нибудь шикарную шляпку или шаль. Когда я вхожу в какой-нибудь дом, кусты роз и гортензий кажутся мне не такими, какими они бывают в других местах. Мне чудится, что они покрыты кровью. Я всюду вижу оборотную сторону медали. Количество человеческих душ, обреченных страдать до самой смерти для того лишь, чтобы окупить материю, требующуюся знатной даме для мебелировки или нарядов, занимает меня гораздо больше, чем ее драгоценности или красота. Эти прелестные дамы напоминают мне карикатуру на Бонапарта, которая в 1813 году была распространена в Париже и по всей Европе: когда смотрели издали на портрет колосса-императора, он казался очень похожим, но, приблизившись к его изображению, ясно видели, что каждая черта его лица была составлена из изуродованных человеческих трупов.

Повсюду бедный работает для богатого, платящего ему за работу. Но человек, который вознаграждается за потраченный труд и время деньгами другого человека,

не обречен в течение всей своей жизни на участь домашней скотины, и хотя он изо дня в день должен трудиться, чтобы добывать хлеб своим детям, все же он обладает известной, по крайней мере кажущейся, свободой, а ведь кажущаяся видимость составляет все для существа с ограниченным кругозором и безграничной фантазией. У нас всякий, кто работает за плату, волен искать себе другого работодателя, другое местопребывание, даже другой вид работы, так как его труд не рассматривается как рента богача. Русский крепостной, напротив, является вещью своего владельца. Обреченный со дня рождения и до смерти служить одному и тому же господину, он трудится лишь для того, чтобы доставить рабовладельцу средства к удовлетворению его прихотей и капризов. При таком положении вещей роскошь уже не может быть терпимой и не заслуживает никаких оправданий. В государстве, в котором не существует среднего класса, всякая роскошь должна быть запрещена, так как она может быть объяснена и оправдана лишь в благоустроенных странах, где средний класс извлекает выгоды и средства к жизни из тщеславия и роскоши высшего общества.

Если, как говорят, России предстоит стать промышленной страной, отношения между крепостными и их владельцами в корне изменятся. Из среды свободных граждан и крепостных должно образоваться сословие независимых купцов и ремесленников, которое сейчас едва лишь только намечается и пополняется главным образом за счет иностранцев. До сих пор почти все фабриканты и купцы — немцы.

Здесь, в Петербурге, вообще легко обмануться видимостью цивилизации. Когда видишь двор и лиц, вокруг него вращающихся, кажется, что находишься среди народа, далеко ушедшего в своем культурном развитии и государственном строительстве. Но стоит только вспомнить о взаимоотношениях разных классов населения, о том, как грубы их нравы и как тяжелы условия жизни, чтобы сразу увидеть под возмущающим великолепием подлинное варварство.

Я не осуждаю русских за то, каковы они, но я порицаю в них притязание казаться теми же, что и мы. Они еще совершенно некультурны. Это не лишало бы их надежды стать таковыми, если бы они не были поглощены желанием по-обезьяньи подражать другим нациям, осмеивая в то же время, как обезьяны, тех, кому они

подражают. Невольно приходит на мысль, что эти люди потеряны для первобытного состояния и непригодны для цивилизации.

В Петербурге все выглядит богато, пышно, великолепно, но если судить о действительной жизни по этой видимой внешности, то можно впасть в жестокое заблуждение. Обыкновенно первым результатом цивилизации является то, что она облегчает материальные условия жизни, здесь же они чрезвычайно тяжелы.

Если бы вы захотели ближе ознакомиться с городом и не удовольствовались для этого Шнитцлером²², то вы не могли бы найти другого путеводителя. Ни один книгопродавец не продает здесь какого-либо указателя достопримечательностей Петербурга. Знающие местные люди, которых вы спросите об этом, либо заинтересованы в том, чтобы не давать иностранцу исчерпывающих сведений, либо слишком заняты, чтобы вообще ему что-либо ответить. Единственное, чем заняты все мыслящие русские, чем они всецело поглощены, это царь, дворец, в котором он пребывает, планы и проекты, которые в данный момент при дворе возникают. Поклонение двору, прислушивание к тому, что там происходит,—единственное, что наполняет их жизнь. Все стараются в угоду своему властителю скрыть от иностранца те или иные неприглядные стороны русской жизни. Никто не заботится о том, чтобы искренно удовлетворить его законное любопытство, все охотно готовы обмануть его фальшивыми материалами, и нужен большой критический талант для того, чтобы хоть сколько-нибудь успешно путешествовать по России. В условиях деспотизма любознательность является синонимом нескромности.

Возвращаюсь мысленно к своей прогулке на острова. Я очень сожалел, что мне не удалось увидеть императрицу. Говорят, что она прелестна, но ее считают фривольной и заносчивой. Кажется, действительно нужны какая-то возвышенность духа и вместе с тем легкомыслие, чтобы мириться с той жизнью, на которую она обречена. Она ни во что не вмешивается, ни о чем не спрашивает: всегда достаточно знаешь, если ничего не можешь сделать. Русская императрица поступает точно так же, как и все подданные царя: все прирожденные русские и все, проживающие в России, кажется, дали обет молчания обо всем, их окружающем. Здесь ни о чем не говорят и вместе с тем все знают. Тайные разговоры должны были бы быть здесь очень интересны,

но кто отважится их вести? Даже размышлять о чем-нибудь — значит навести на себя подозрение.

Еще недавно князь Репнин²³ управлял и государством и государем, но два года назад он попал в немилость, и с тех пор в России не произносится его имя, бывшее до того у всех на устах. С вершины власти он был низвергнут в глубочайшую пропасть, и никто не осмелился ни вспомнить, ни думать о его жизни, не только настоящей, но и прошлой. В России в день надения какого-либо министра его друзья должны стать немыми и слепыми. Человек считается погребенным тотчас же, как только он кажется попавшим в немилость. Я говорю «кажется», потому что никто не решается говорить о том, кто уже подвергся этой печальной участи. Поэтому Россия не знает, существует ли сегодня министр, который еще вчера управлял всей страной.

К кому обратится когда-нибудь русский за защитой против этого заговора молчания высшего общества? Какой взрыв мести против самодержавия готовит это добровольное самоуничтожение трусливой аристократии? Что делает русское дворянство? Оно поклоняется своему царю и становится соучастником всех преступлений высшей власти, чтобы самому истязать народ до тех пор, пока бог, которому этот господствующий класс служит и который им же самим создан, оставит плеть в его руках. Эту ли роль предназначило провидение дворянству в государственном строительстве обширнейшей в мире страны? В истории России никто, кроме государя, не выполнял того, что было его долгом, его прямым назначением, — ни дворянство, ни духовенство. Подъяремный народ всегда достоин своего ярма: тирания — это создание повинующегося ей народа. И не пройдет 50 лет, как либо цивилизованный мир вновь подпадет под иго варваров, либо в России вспыхнет революция, гораздо более страшная, чем та, последствия коей Западная Европа чувствует еще до сих пор.

Я замечаю, что и меня здесь боятся, потому что знают, что я пишу согласно своих убеждений. Ни один иностранец не может переступить границу России, чтобы не подвергнуться самому строгому расследованию и жестокой критике. «Он серьезный человек, — стало быть, может быть опасным». «Ненависть против деспотизма, — говорят здесь, — господствует во Франции пока еще глухо, без подлинного знания того, что у нас происходит. Но когда в один прекрасный день заслуживающий дове-

рия путешественник расскажет о тех реальных ужасах, которые не могут не броситься ему в глаза, нас увидят такими, какими мы являемся действительно. Не зная нас, Франция теперь на нас только дает; узнав нас, она начнет кусаться».

Вероятно, именно в силу этих соображений русские оказывают мне повсюду слишком много внимания, но эта внешняя предупредительность не может скрыть их затаенных опасений. Я не знаю еще, расскажу ли я об их стране все то, что думаю. Одно лишь знаю, что они совершенно правы, когда боятся именно того, что я расскажу всю правду.

У русских есть лишь названия всего, но ничего нет в действительности. Россия — страна фасадов. Прочтите этикетки — у них есть цивилизация, общество, литература, театр, искусство, науки, а на самом деле у них нет даже врачей. Стоит заболеть, схватить лихорадку — и приходится самому себя лечить или приглашать врача-иностранца. Если же вы случайно позовете живущего поблизости русского врача, то можете считать себя заранее мертвецом. Русская медицина еще не выросла из пеленок. За исключением лейб-медика, русского врача и, как говорят, человека действительно ученого, все остальные врачи, которые не спешат отправить своих пациентов на тот свет, это немцы, состоящие при великокняжеских дворах. Но князья русские постоянно находятся в разъездах, никогда не знаешь, где они в данный момент находятся, и потому фактически остаешься без всякой врачебной помощи. Да и эти наиболее опытные врачи из княжеских дворцов стоят несравненно ниже наших простых госпитальных врачей. Наиболее опытные практики быстро теряют свой опыт и знания, проводя жизнь во дворце, редко бывая у постели больного. Я с интересом читал бы любопытные секретные мемуары придворного врача в России, но я побоялся бы доверить ему свое лечение. Эти люди — более удачные мемуаристы, чем врачи. И в результате, если вы заболете, попав к этому квазичивилизованному народу, для вас самое лучшее считать, что вы очутились среди дикарей, и предоставить все природе.

Вернувшись поздно ночью домой, я нашел у себя письмо, которое меня крайне приятно удивило. Благодаря ходатайству нашего посла я завтра буду допущен в придворную церковь и увижу бракосочетание великой княжны. Появиться ко двору до официального представления —

значит нарушить все правила этикета, и я потому был далек от мысли удостоиться такой милости. Граф Воронцов²⁴, обер-церемониймейстер, даже не предупредив меня, чтобы не возбуждать во мне неосновательной надежды, послал курьера в Петергоф, находящийся на расстоянии 10 лье от С.-Петербурга, просить его величество решить мою участь на завтрашний день. Государь ответил, что он разрешает мне присутствовать при венчании дочери и что я буду представлен, без особого церемониала, завтра же вечером на балу.

ГЛАВА VI

Русский император.— Он внушает страх и сам в вечном страхе.— Внешность царя.— Николай не умеет улыбаться.— Болезнь императрицы.— Катастрофа с каблучком.— Дворцовая церковь.— Великокняжеская свадьба.— Татарский хан.— Строгий блюститель этикета.— Сын цареубийцы в роли шафера.— «Подпоручик Лейхтенбергский».— Воркующие голубки.— Капелла.— Старый митрополит.— Гроза

Знаменательное совпадение! Сегодня 14 июля 1839 г.— день разрушения Бастилии²⁵. Начало наших революций и бракосочетание сына Евгения Богарнэ с дочерью императора России совпадают в один и тот же день по прошествии 50 лет!

Я только что вернулся из дворца, где присутствовал в придворной церкви при венчании по греческому обряду великой княжны Марии Николаевны с герцогом Лейхтенбергским. Но прежде чем описать все подробности этого торжества, я хочу рассказать об императоре Николае.

При первом взгляде на государя невольно бросается в глаза характерная особенность его лица — какая-то беспокойная суровость. Физиономисты не без основания утверждают, что ожесточение сердца вредит красоте лица. У императора Николая это малоблагожелательное выражение лица является скорее результатом тяжелого опыта, чем его человеческой природы. Какие долгие, жестокие страдания должен был испытать этот человек, чтобы лицо его внушало всем страх вместо того невольного расположения, которое обыкновенно вызывают благородные черты лица.

Тот, кто всемогущ и властен творить что захочет,

несет на себе и тяжесть содеянного. Подчиняя мир своей воле, он в каждой случайности видит тень восстания против своего всемогущества. Муха, которая не вовремя пролетит во дворце во время какого-либо официального приема, уже как будто унижает его. Независимость природы он считает дурным примером, каждое существо, которое не подчиняется его воле, является в его глазах солдатом, восставшим среди сражения против своего сержанта: позор падает на армию и на командующего. Верховным командующим является император России, и каждый день его — это день сражения.

Лишь изредка проблески доброты смягчают повелительный взгляд властелина, и тогда выражение приветливости выявляет вдруг природную красоту его античной головы. В сердце отца и супруга человечность торжествует моментами над политикой государя. Когда он сам отдыхает от ига, которое по его воле над всеми тяготеет, он кажется счастливым. Такая борьба примитивного чувства человеческого достоинства с аффектированной суровостью властелина представляется мне очень интересной, и наблюдением за этой борьбой я был занят большую часть времени своего пребывания в церкви.

Император на полголовы выше обыкновенного человеческого роста. Его фигура благородна, хотя и несколько тяжеловата. Он усвоил себе с молодости русскую привычку стягиваться выше поясницы корсетом, чтобы оттянуть желудок к груди. Вследствие этого расширяются бока, и неестественная выпуклость их вредит здоровью и красоте всего организма. Это добровольное извращение фигуры, стесняя свободу движений, уменьшает изящество внешнего облика и придает ему какую-то деревянную тяжеловесность. Говорят, что, когда император снимает свой корсет и его фигура приобретает сразу прирожденные формы, он испытывает чрезвычайную усталость. Можно временно передвинуть свой желудок, но нельзя его уничтожить.

У императора Николая греческий профиль, высокий, но несколько вдавленный лоб, прямой и правильной формы нос, очень красивый рот, благородное, овальное, несколько продолговатое лицо, военный и скорее немецкий, чем славянский, вид. Его походка, его манера держать себя непринужденно внушительны. Он всегда уверен, что привлекает к себе общие взоры, и никогда ни на минуту не забывает, что на него все смотрят. Мало того, невольно кажется, что он именно хочет, чтобы все взоры

были обращены на него одного. Ему слишком часто повторяли, что он красив и что он с успехом может являть себя как друзьям, так и недругам России.

Внимательно приглядываясь к красивому облику этого человека, от воли коего зависит жизнь стольких людей, я с невольным сожалением заметил, что он не может улыбаться одновременно глазами и ртом. Это свидетельствует о постоянном его страхе и заставляет сожалеать о тех оттенках естественной грации, которыми все восхищались в менее, быть может, правильном, но более приятном лице его брата, императора Александра. Внешность последнего была очаровательна, хотя и не лишена некоторой фальши, внешность Николая — более прямолинейная, но обычное выражение строгости придает ей иногда суровый и непреклонный вид. Если он менее привлекателен, то у него гораздо более силы воли, которую он часто вынужден проявлять. Мягкость также охраняет власть, предупреждая противодействие, но эта искусная осторожность в применении власти — тайна, неизвестная императору Николаю. Он всегда остается человеком, требующим лишь повиновения, другие хотят также и любви.

Императрица обладает изящной фигурой и, несмотря на ее чрезмерную худобу, исполнена, как мне показалось, неопишуемой грации. Ее манера держать себя далеко не высокомерна, как мне говорили, а скорее обнаруживает в гордой душе привычку к покорности. При торжественном выходе в церковь императрица была сильно взволнована и казалась мне почти умирающей. Нервные конвульсии безобразили черты ее лица, заставляя иногда даже трясти головой. Ее глубоко впавшие голубые и кроткие глаза выдавали сильные страдания, переносимые с ангельским спокойствием; ее взгляд, полный нежного чувства, производил тем большее впечатление, что она менее всего об этом заботилась. Императрица преждевременно одряхла, и, увидев ее, никто не может определить ее возраста. Она так слаба, что кажется совершенно лишенной жизненных сил. Жизнь ее гаснет с каждым днем; императрица не принадлежит больше земле: это лишь тень человека. Она никогда не могла оправиться от волнений, испытанных ею в день вступления на престол. Супружеский долг поглотил остаток ее жизни: она дала слишком многих идолов России, слишком много детей императору. «Исчерпать себя всю в новых великих князьях — какая горькая участь!» — говорила одна знат-

ная полька, не считая нужным восторгаться на словах тем, что она ненавидела в душе.

Все видят тяжелое состояние императрицы, но никто не говорит о нем. Государь ее любит; лихорадка ли у нее, лежит ли она, прикованная болезнью к постели,— он сам ухаживает за нею, проводит ночи у ее постели, готовится, как сиделка, ей питье. Но едва она слегка оправится, он снова убивает ее волнениями, празднествами, путешествиями. И лишь когда вновь появляется опасность для жизни, он отказывается от своих намерений. Предосторожностей же, которые могли бы предотвратить опасность, император не допускает: жена, дети, слуги, родные, фавориты.— все в России должны кружиться в императорском вихре с улыбкой на устах до самой смерти, все должны до последней капли крови повиноваться малейшему помышлению властелина, оно одно решает участь каждого. И чем ближе кто-либо к этому единственному светилу, тем скорее сгорает он в его лучах,— вот почему императрица умирает!

Сегодня утром, наскоро одевшись, я отправился в карете французского посла в дворцовую церковь и по дороге, проезжая по площадям и улицам, ведущим во дворец, внимательно следил за всем окружающим. Вблизи дворца я увидел войска, которые показались мне по своему внешнему виду не вполне соответствующими их громкой славе, но лошади у всех великолепные. Огромная площадь, отделяющая дворец государя от всего остального города, была усеяна придворными каретами, ливрейными лакеями, солдатами в форме всех цветов; наиболее заметными из них были казаки. Несмотря на обилие народа, нигде не наблюдалось особого скопления — до того обширна Дворцовая площадь. Придворные кареты выглядят богато, но не очень заботливо содержатся и потому не кажутся элегантными. Плохо выкрашенные и еще хуже отполированные, они тяжелы на ходу и запряжены четверкой лошадей в чрезвычайно длинных постромах.

Занятый созерцанием новизны и блеска всего, что бросалось в глаза, я очутился перед грандиозным дворцовым перистилем, к которому среди тысячеголосного шума непрерывно подъезжали кареты с нарядной придворной знатью в сопровождении своих полудиких по внешности и таковых же в действительности лакеев, наряд которых по блеску и богатству почти не отличался от великолепного одеяния их господ.

Выходя поспешно из кареты, чтобы не потерять из виду тех, с которыми я должен был войти во дворец, я едва почувствовал, что зацепился шпорой о подножку. Представьте же себе мое положение, когда я минуту спустя, при первом же шаге по великолепной лестнице, заметил, что я потерял шпору и вместе с ней — что еще ужаснее — оторвался каблук, к которому шпора была прикреплена. Я был, таким образом, наполовину без обуви. Это злоключение, происшедшее как раз в тот момент, когда я должен был впервые предстать пред человеком столь же, по рассказам, педантичным в мелочах, сколь и могущественным, показалось мне истинным несчастьем. Русские насмешливы, и мысль послужить объектом для их шуток была для меня невыносима. Что делать? Вернуться к подъезду, чтобы искать там обрывки моей обуви? Но кареты, наверное, уже раздавили несчастный каблук, найти его было бы чудом, а если даже найти, то что с ним делать? Не в руках же внести его во дворец? На что же решиться? Оставить французского посла и вернуться домой? Но в такой момент это было бы скандалом. И в то же время появиться в таком виде пред глазами монарха и придворных — значит погубить себя в их мнении. Пришлось подчиниться неизбежному. Краснея, я постарался затеряться в толпе. Но в России, как я уже говорил, нигде нет толпы, в особенности же ее не было на этой роскошной лестнице нового Зимнего дворца, наиболее грандиозного и великолепного из дворцов всего мира. Я чувствовал, что моя природная робость еще значительно возросла благодаря этой смешной случайности, но я решил взять себя в руки и зашагал, возможно меньше прихрамывая, через бесконечные залы и помпезные галереи, проклиная в душе их яркий свет и колоссальную величину, так как они лишали меня всякой надежды избегнуть любопытных взоров придворной знати. Русские не только склонны к насмешке, они холодны, хитры, остроумны и малоделикатны, как все честолюбцы. Они особенно недоверчивы к иностранцам, суждений которых опасаются, так как считают, что мы не очень благожелательно к ним относимся. Это заранее делает их враждебно к нам настроенными, хотя внешне они кажутся вежливыми и гостеприимными.

Наконец не без труда я достиг дворцовой церкви и здесь мгновенно забыл все: и себя самого и мое глупое затруднительное положение. Да и все окружающие были настолько поглощены происходящим, что никто почти не заметил дефекта моей обуви. Необычайность зрелища

вернула мне хладнокровие и самообладание. Я снова стал простым путешественником и вернулся к своей роли философски беспристрастного наблюдателя.

Еще два слова о моем костюме. Он был предметом длительной дискуссии, причем молодые атташе посольства советовали мне надеть мундир национальной гвардии, но я побоялся, что он не понравится государю, и явился в мундире генерального штаба. Меня предостерегали, что эта форма новая, здесь почти неизвестная и что она может послужить поводом для великих князей и самого императора ко всякого рода расспросам, которые смогут поставить меня в затруднительное положение. До сих пор, однако, никто на мой мундир не обратил ни малейшего внимания.

Церемониал венчания по греческому обряду продолжителен и величествен. В восточной церкви все служит символом. Блеск церковной службы, казалось мне, еще увеличивает великолепие дворцового торжества. Стены, плафоны церкви, одеяния священнослужителей — все сверкало золотом и драгоценными камнями. Здесь было столько сокровищ, что они могли поразить самое непоэтическое воображение. Это зрелище напоминает фантастичные описания из «Тысячи и одной ночи». Оно захватывает, как восточная поэзия, в которой ощущение служит источником чувства и мысли.

Дворцовая церковь не очень обширна. Она была наполнена представителями всех монархов Европы и Азии, несколькими иностранцами, подобно мне получившими разрешение присутствовать в составе дипломатического корпуса, женами послов и, наконец, придворными чинами. Нас отделяла балюстрада от полукруглого зала, в котором помещался алтарь, похожий на низкий четырехугольный стол. На клиросе видны были места, предназначенные для царской фамилии и остававшиеся пока пустыми.

Я мало видел могущего сравниться по великолепию и торжественности с появлением императора в сверкающей золотом церкви. Он вошел с императрицей, в сопровождении всего двора, и тотчас мои взоры, как и взоры всех присутствующих, устремились на него, а затем и на всю императорскую семью. Молодые супруги сияли: брак по любви, в шитых золотом платьях и при столь пышной обстановке — большая редкость, и зрелище поэтому становилось еще гораздо интереснее. Так шептали вокруг меня, но я лично не верю этому чуду и невольно

вижу во всем, что здесь делается и говорится, какой-либо политический расчет. Император, быть может, и сам обманывается: он верит, что поступил с отеческой нежностью, в то время как в глубине души этот выбор был наверное обусловлен надеждой на какую-либо выгоду в будущем. Честолюбие подобно скупости: скупец рассчитывает даже тогда, когда, казалось бы, поддается бескорыстному влечению сердца.

Хотя присутствующих было много, а церковь невелика, тем не менее нигде не наблюдалось ни малейшего замешательства. Я стоял среди дипломатического корпуса, вблизи балюстрады, и мог легко наблюдать лица и движения всех высокопоставленных особ, которых объединили здесь долг и любопытство. Почтительное молчание не нарушалось ни малейшим звуком. Яркие солнечные лучи освещали внутренность церкви, жара в которой, как мне говорили, достигала 30°. Позади государя виден был в длинной золотой одежде и в остроконечной, золотом вышитой шапке какой-то татарский хан, наполовину подвластный, наполовину независимый от русского государя. Этот маленький восточный князек, поставленный завоевательной политикой своего высокого покровителя в крайне двусмысленное положение, признал за благо вымолить у царя «всея Руси» разрешение принять в число своих пажей собственного сына, привезенного в Петербург, чтобы тем обеспечить ему соответственную будущность. Эта поверженная власть, которая служила рельефом для власти торжествующей, невольно напомнила мне о величии Рима.

Придворные дамы и жены послов цветущей гирляндой украшали церковь. В глубине последней на первом плане, перед ротондой, поражающей богатством росписи своих стен, расположилась вся царская семья. Сверкающее под лучами солнца золото создавало впечатление божественного сияния над головой императора и его детей. Украшения и драгоценные камни дам блистали волшебным светом среди всех сокровищ Азии, покрывающих стены храма, в котором царская роскошь, казалось, соперничала с величием Бога. Власть небесную здесь чтили, не забывая в то же время и о власти земной. Все было великолепно и достойно удивления, особенно если вспомнить то еще не слишком отдаленное время, когда брак дочери русского царя оставался совершенно не замеченным в Европе и когда Петр I объявил, что ему принадлежит право завещать престол кому он пожелает. Какой прогресс за столь короткое время!

Когда размышляешь о дипломатических или других победах этой державы, еще недавно игравшей такую незаметную роль в судьбах цивилизованного мира, невольно спрашиваешь себя, не сон ли все это. Казалось, сам император не слишком еще привык ко всему перед ним происходившему, потому что он ежеминутно оставлял свое место и направлялся то в одну, то в другую сторону, чтобы исправить погрешности своих детей или духовенства против этикета. Если его зять стоял не на надлежащем месте, он заставлял его то на один-два шага выступить вперед, то отступить назад. Великая княжна, даже самые священнослужители и высокопоставленные чины двора — все, казалось, подчинены были мелочным указаниям верховного владыки. Я, со своей стороны, считал бы более достойным для монарха предоставить все своему естественному течению и думать в церкви только о Боге, не заставляя каждого дрожать пред малейшей ошибкой против церковного ритуала или дворцового этикета. Но в этой своеобразной стране отсутствие свободы господствует повсюду, даже и у подножия алтаря. Дух Петра I властвует здесь над всеми еще и в настоящее время.

По окончании церемонии над головой жениха и невесты были подняты короны. Корону над великой княжной держал ее брат, цесаревич-наследник, причем император, снова покинув свое место перед алтарем, счел необходимым исправить несколько его позу, делая это с оттенком добродушия и педантизма, для меня совершенно непонятного. Корону над головой герцога Лейхтенбергского держал граф Пален²⁶, русский посол в Париже, сын слишком известного и слишком ревностного друга Александра I. Это воспоминание, которое строжайше изгнано не только из разговоров, но чуть ли и не из помыслов нынешних россиян, не покидало меня все время, пока граф Пален, со свойственной ему благородной простотой, выполнял возложенное на него почетное поручение, служившее предметом зависти у всех, стремившихся снискать расположение двора. Своим участием в священной церемонии он должен был призывать благословение неба на голову внушки Павла I. Это сближение имен было более чем странное, но, повторяю, никто, очевидно, об этом не думал: до такой степени политику в этой стране довлеет и над прошлым. Придворная лесть использует даже прошлое в интересах нынешнего дня. Тактичность кажется здесь необходимой лишь для тех, кто не обладает никакой властью. Если б император подумал о том событии, о котором я невольно вспомнил, он, наверное, поручил

бы кому-нибудь другому держать корону над головой своего зятя. Но все присутствующие удивлялись не этому, а лишь изумительной неподвижности рук, державших, несмотря на длительность и утомительность церемонии, короны над головами августейших молодых.

Юная невеста полна грации и чистоты. Она белокура, с голубыми глазами, цвет лица нежный, сияющий всеми красками первой молодости. Она и ее сестра, великая княжна Ольга²⁷, казались мне самыми красивыми из всех, находившихся в церкви. Счастливое сочетание преимущества положения с дарами природы.

Когда совершавший службу митрополит подвел молодых к их августейшим родителям, последние обняли их с трогательной сердечностью и вслед за тем императрица бросилась в объятия своего супруга — нежная сцена, более уместная в своей комнате, чем в церкви. Но в России властители — везде у себя дома, даже в божьем храме.

Перед благословением в церковь согласно обычая были впущены два серых голубя. Они сейчас же уселись на золоченом карнизе, как раз над головами молодых, и там в продолжение всей службы нежно ворковали друг с другом.

Герцог Лейхтенбергский — молодой, высокого роста, крепко и хорошо сложенный человек. Черты его лица невыразительны, глаза красивы, но рот неправильной формы и слишком выдается вперед. Вся внешность его лишена благородства, и лишь мундир, очень к нему идущий, придает его фигуре некоторую элегантность. В общем он похож скорее на хорошего подпоручика, чем на герцога. Из его родных никто не прибыл в Петербург, чтобы присутствовать на торжестве бракосочетания. Во время всей службы он, видимо, испытывал лишь одно желание — остаться скорее наедине со своей молодой женой; и взоры общества невольно обращались от них к группе двух голубей, взмостившихся над алтарем. Я не обладаю наивной веселостью писателей доброго старого времени и потому воздержусь от описания некоторых пикантных деталей, как бы интересны они ни были. Они заставляли в этот торжественный день в придворной церкви невольно улыбаться не только серьезных, высокопоставленных мужчин, но и самых добродетельных дам.

Во время долгого обряда венчания есть момент, когда все присутствующие должны встать на колени. Император,

прежде чем последовать общему примеру, окинул все собрание быстрым, не очень милостивым взглядом, как бы желая удостовериться, не остался ли кто-либо стоять. Это было совершенно излишне, так как, хотя там были и католики, и протестанты, никому из иностранцев, конечно, и в голову не пришло не подчиниться внешним образом всем обрядам греческой церкви. Возможность для императора усомниться в этом подтверждает сказанное мною раньше и позволяет повторить, что какая-то беспокойная суровость является обычным выражением его лица. Бонятся ли автократия в наши дни, когда возмущение носится в воздухе, восстания против своего всемогущества? Этот страх является резким и ужасающим контрастом самой идее самодержавия. Абсолютная власть становится слишком страшной, когда она сама испытывает страх пред окружающим.

Я уже упомянул, что все опустились на колени и император после всех; молодые супруги были повенчаны. Императорская фамилия и вся толпа поднялись. И в тот момент, когда духовенство и хор запели «Тебя, Бога, хвалим», выстрелы из пушек возвестили городу о совершившемся бракосочетании. Воздействие музыки, сопровождаемой пушечными выстрелами, звоном колоколов и отдаленными кликами народа, не поддается описанию. Всякий музыкальный инструмент изгнан из греческой церкви, и одни лишь человеческие голоса воздают в ней хвалу Господу. Эта строгость восточного ритуала, благоприятная искусству, простоту коего она сохраняет, служит вместе с тем источником поистине божественного песнопения. Мне казалось, что я слышу издали биение сердец 60 миллионов подданных. Живой оркестр сопровождал, не заглушая, торжественно-радостное пение духовенства. Я был взволнован: музыка заставляет забыть на время все, даже деспотизм.

⟨...⟩ В середине прошлого века, когда итальянская школа находилась во всем своем расцвете, древние греческие напевы были переделаны без особого искажения специально выписанными из Рима в Петербург композиторами. Эти иностранцы создали шедевры потому, что весь свой талант, все свое искусство они обратили на воссоздание античного творчества. Их труд стал классическим творением, а исполнение императорской капеллой было вполне достойно их замыслов. Голоса сопрано, т. е. детей, так как ни одна женщина не входит в состав капеллы, звучат с исключительной чистотой и мягкостью; голоса басов —

сильны, густы и поражают своей мощностью. Я не помню, слышал ли я когда-нибудь раньше подобное пение.

Для любителя искусства императорская капелла стоит того, чтобы ради нее одной предпринять путешествие в Петербург. *Piano* *, *forte* **, все тончайшие оттенки в экспрессии соблюдаются с глубоким чувством, поразительным искусством и исключительной согласованностью. Русский народ музыкален, в этом нельзя усомниться, услышав его церковное пение. Я слушал, не смея перевести дыхания, и мысленно всеми силами призывал нашего ученого друга Мейербера²⁸ для объяснения всех красот, глубоко мною прочувствованных, хотя и не вполне осознанных. Он понял бы их и вдохновился бы ими, потому что его восхищение великими образцами творчества заключается в достижении их совершенств.

Во время молебна, в тот момент, когда один хор как бы отвечает другому, раскрылись царские врата, за которыми видны были священники в сверкающих драгоценными камнями камилавках и в золотом облачении, на котором величественно выделяются их серебристо-белые бороды; у некоторых они ниспадают до пояса. Все присутствующие были так же блестящи, как и священнослужители. Этот двор великолепен, и военный мундир блистает в нем во всей своей силе. Я с удивлением смотрел, как здесь почитали Господа всем этим блеском, всеми этими сокровищами. Священная музыка была выслушана непосвященной аудиторией в молчании, с глубокой сосредоточенностью, способной сделать прекрасным и менее божественное пение.

Совершавший службу митрополит не нарушал величия этой картины. Он некрасив, но это искупается его глубокой старостью; его маленькая фигурка напоминает страждущую ласочку. Голова его убелена сединой, он кажется истомленным и больным. В конце молебна император подошел к нему и, склонившись, почтительно поцеловал его руку. Автократ никогда не преминет использовать возможность дать пример своей покорности, когда это может пойти ему на пользу. Бедный митрополит, умиравший, казалось, среди своей славы, император, вели-

* *Piano* — пиано (муз.) — тихо, негромко (ит.).

** *Forte* — форте (муз.) — сильно, громко (ит.).

чественно склонившийся пред духовной властью, и далее — молодые супруги, императорская фамилия и, наконец, весь двор, наполнявший и оживлявший церковь, — все это вместе представляло собой поразившую меня картину, достойную кисти художника.

Пред началом службы я боялся, что митрополит упадет в обморок, — двор заставил так долго ждать своего появления, вопреки изречению Людовика XVIII: «Точность есть вежливость королей».

По окончании торжественного венчания по греческому обряду должно было последовать брачное благословение католическим священником в одной из дворцовых зал, специально на этот день приспособленной для этой цели. Не имея разрешения присутствовать ни на обряде католического бракосочетания, ни на следовавшем за ним банкете, я, в сопровождении большей части придворных, вышел из дворца, радуясь возможности подышать наконец свежим воздухом.

Когда моя карета пересекла необозримую по своей величине Дворцовую площадь, поднялся сильный ветер, вздымавший облака пыли. С трудом, как в тумане, я различал быстро двигавшиеся в разных направлениях по ужасной мостовой экипажи, как бы старавшиеся скорее укрыться от надвигавшейся бури. Невероятная пыль, поднимающаяся летом при малейшем ветре, — это настоящее бедствие Петербурга, заставляющее предпочитать здесь зиму с ее спокойным снежным покровом. Не успел я войти в гостиницу, как разразилась страшная гроза, сильно напугавшая, вероятно, суеверных горожан как дурная примета. Ночной мрак среди бела дня, удушающая жара, непрерывно повторяющиеся раскаты грома, не приносящие дождя, ураган, способный опрокинуть дома, — таково было зрелище, ниспосланное небом во время царского свадебного банкета. Но и тут благодушные россияне считали возможным утешаться тем, что гроза длилась недолго и что воздух после нее стал чище. Я невольно с каждым разом все больше убеждаюсь, что между Францией и Россией еще непоколебимо стоит китайская стена: славянский язык и славянский характер. Вопреки всем притязаниям русских, порожденным Петром Великим, Сибирь начинается от Вислы.

Представление Николаю.— Маски императора.— Умышленное забвение Александра I.— «Цивилизация севера» в исполнении придворных.— Русский немец на престоле.— Бал во дворце.— Знаменательный разговор с императрицей.— Безрадостное веселье.— Ревность Александра I.— Император в кругу семьи.— Грузинская царица.— Женевец в мундире национальной гвардии.— Петербург ночью.— Путешествие Екатерины II в Крым

В 7 часов вечера я вместе с несколькими другими иностранцами вернулся во дворец, где мы должны были быть представлены императору и императрице.

И снова мне пришлось убедиться, что император ни на минуту не может забыть ни того, кто он, ни того внимания к себе, которое он постоянно вызывает у всех его окружающих. Он вечно позирует и потому никогда не бывает естествен, даже тогда, когда кажется искренним. Лицо его имеет тройкое выражение, но ни одно из них не свидетельствует о сердечной доброте. Самое обычное — это выражение строгости, второе, более редкое, но более подходящее к нему, — выражение какой-то особой торжественности, и, наконец, третье — выражение, производимое его обычным видом. Но и это случайное, обманчиво любезное выражение не может произвести должного впечатления, так как оно, как и все остальные, совершенно меняя черты лица, внезапно появляется и так же внезапно исчезает, не оставляя ни малейшего следа и ничуть не влияя на новое, совершенно иное выражение. Это быстрая и полная перемена декораций, не подготовленная никаким переходом, или же маска, которую, по желанию, надевают и снимают. Император — всегда в своей роли, которую он исполняет, как большой актер. Масок у него много, но нет живого лица, и, когда под ними ищешь человека, всегда находишь только императора.

Думаю, что это, пожалуй, можно даже поставить ему в заслугу: он добросовестно выполняет свое назначение. Он обвинял бы самого себя в слабости, если бы мог допустить, чтобы кто-нибудь хоть на мгновение подумал, что он живет, думает и чувствует, как обыкновенные люди. Не разделяя ни одного из наших чувств, он всегда остается лишь верховным главой, судьей, генералом, адмиралом, наконец, монархом, и никем другим.

Каким утомленным он должен почувствовать себя к концу жизни!

Люди, близко знавшие императора Александра, хвалят его за совершенно иное. Хорошие и дурные черты характера обоих братьев были совершенно противоположны: они не имели ничего общего между собой и никогда не питали симпатии друг к другу. Воспоминание о покойном императоре здесь теперь не очень поощряется, что согласуется и с общей политикой — забывать о предшествующем царствовании. Петр Великий гораздо ближе Николаю, чем его брат Александр, и потому Петр еще и теперь в большой моде. Хороший тон повелевает здесь превозносить предков императора и поносить его непосредственных предшественников.

Нынешний монарх только в кругу семьи забывает о своем величии. Только здесь вспоминает он, что человек имеет свои прирожденные радости и удовольствия, независимые от его государственных обязанностей. По крайней мере, я хочу думать, что это бескорыстное чувство привязывает его к семейному очагу. Правда, семейные добродетели облегчают ему, без сомнения, управление народом, обеспечивая всеобщее уважение, но я думаю, что он остался бы им верен и без этих соображений. У русских верховная власть почитается подобно религии, авторитет которой всегда остается великим, независимо от личных достоинств священнослужителей.

Если бы я жил всегда в Петербурге, я постарался бы приблизиться ко двору, не из любви к власти, не из жадности или детского тщеславия, а исключительно из желания найти какой-либо способ проникнуть в душу этого исключительного человека, так сильно отличающегося от всех смертных. Его гордое равнодушие, его черствость не прирожденный порок, а неизбежный результат того высокого положения, которое не сам он для себя избрал и покинуть которое он не в силах. Как бы то ни было, но совершенно особая судьба русского императора внушает мне не только глубокий интерес, но даже и сострадание: можно ли не сочувствовать его вечному одиночеству, его величественной ссылке?

Что касается двора, то чем более его наблюдаешь, тем более испытываешь сочувствие к человеку, который его возглавляет, особенно здесь, в России. Русский двор напоминает театр, в котором актеры заняты исключительно генеральными репетициями. Никто не знает хорошо своей роли, и день спектакля никогда не наступает, потому

что директор театра недоволен игрой своих артистов. Актеры и директор бесплодно проводят всю свою жизнь, подготавливая, исправляя и совершенствуя бесконечную общественную комедию, носящую заглавие «Цивилизация севера». Если одно лишь лицемерие этих усилий утомительно, то что должны при этом чувствовать исполнители ролей! Нет, мне положительно более нравится Азия: там во всем более гармонии; здесь же, в России, на каждом шагу вы все больше поражаетесь и странными результатами новых условий жизни, и неопытностью людей. Все это, конечно, усердно скрывается от глаз наблюдателя, но опытному путешественнику не надо многих усилий, чтобы заметить то, что от него желают скрыть.

Государь по своему рождению скорее немец, нежели русский, и потому красивые черты его лица, правильность его профиля, его военная выправка более напоминают о Германии, чем характеризуют Россию. Его немецкая натура должна была долго мешать ему стать тем, чем он является теперь, — истинно русским. Кто виноват? Не будь этого, может быть, он был бы простым, добродушным человеком. Представьте же себе, скольких усилий стоило ему сделаться верховным главой славян! Не каждый становится деспотом, потому что он хочет быть им. Необходимость вечно побеждать самого себя, чтобы властвовать над другими, быть может, объясняет чрезмерный патриотизм императора Николая.

Чтобы освободиться, насколько возможно, от ярма, которое он сам на себя налагает, он мечется, как лев в клетке, как больной в лихорадке. Он ездит верхом, совершает прогулки, делает смотры, производит маневры, катается по реке, устраивает празднества, производит ученье флоту — и все это в один и тот же день. Во дворце больше всего боятся досуга, и отсюда легко заключить, какая царит здесь скука. Император непрерывно путешествует, он проезжает по крайней мере 1500 лье каждый сезон и не допускает, чтобы кто-либо не был в состоянии проделать то же, что и он. Императрица любит его, боится оставлять его одного, повсюду следует за ним, насколько это позволяют ей слабые силы, и умирает от усталости. Она несколько привыкла к существованию чисто внешнему, и этот рассеянный образ жизни, ставший необходимым для ее души, убивает ее тело.

Я был представлен сегодня вечером государю, согласно его распоряжению, не французским послом, как предполагалось, а обер-церемониймейстером двора. Все иностран-

цы, удостоившиеся вместе со мною указанной чести, собрались в одной из зал, через которую должны были проследовать высочайшие особы для открытия бала. Эта зала находится перед большой, заново отделанной, вызолоченной галереей, которую двор со времени пожара еще не видел. Мы прибыли к установленному часу и должны были долго ждать появления государя. Со мною было несколько французов, один поляк, один женевец и несколько немцев. На противоположной стороне залы красовался ряд придворных дам.

Император принял нас с изысканной любезностью. С первого взгляда в нем виден человек, обязанный и привыкший щадить самолюбие того, с кем он говорит, и каждый из нас сразу же почувствовал, какого мнения о нем государь, а стало быть, и все остальные.

Чтобы дать мне понять, что он без малейшего недовольства смотрит на мое намерение объехать его империю, государь милостиво сказал мне, что я должен проехать по крайней мере до Москвы и Нижнего, дабы составить себе истинное представление о стране. «Петербург — русский город, но это не Россия».

Императрица, когда видишь ее вблизи, пленяет своею наружностью, и звук ее голоса настолько же мягок и нежен, насколько голос ее супруга строг и повелителен.

Она спросила меня, прибыл ли я в Петербург в качестве простого туриста. Я поспешил ответить ей утвердительно.

— Я знаю, что вы любознательны.

— Да, государыня, любознательность привела меня в Россию, но на этот раз я менее всего раскаиваюсь в своем желании объездить весь свет.

— Вы думаете?

— Мне кажется, что в этой стране так много удивительного, что для того, чтобы поверить этому, надо все видеть собственными глазами.

— Я желала бы, чтобы вы многое здесь увидели и хорошо все осмотрели.

— Желание вашего величества является для меня большим поощрением.

— Если вы составите себе хорошее мнение о России, вы, наверное, выскажете его. Но это будет бесполезно — вам не поверят, ибо нас плохо знают и не хотят знать лучше.

Эти слова в устах императрицы меня поразили, так как они выдали мысли, которыми она была поглощена.

В то же время мне показалось, что они являются знаком некоторого благоволения ко мне, выраженного с редкой простотой и любезностью. Императрица с первого же взгляда внушает к себе столько же доверия, сколько и уважения. Сквозь вынужденную дворцовым этикетом сдержанность слов и обращения видишь, что у нее есть сердце. Несчастье придает ей исключительное очарование: она более чем императрица — она женщина.

Праздник, последовавший за нашим представлением, был одним из самых великолепных зрелищ, которые мне пришлось на своем веку видеть. Это была фесрия, и восторженное удивление, которое вызвала у всего двора каждая зала восстановленного за один год дворца, придавало холодной торжественности обычных празднеств какой-то особый интерес. Каждая зала, каждая картина ошеломляли русских царедворцев, присутствовавших при катастрофе, но не видевших нового дворца после того, как этот храм по мановению их господина восстал из пепла. Какая сила воли, думал я при виде каждой галереи, куска мрамора, росписи стен. Стиль украшений, хотя они закончены лишь несколько дней тому назад, напоминает о столетии, в которое этот дворец был воздвигнут: все, что я видел, казалось старинным. В России копируют все, даже время.

Танец, который чаще всего встречается в этой стране на великосветских балах, не нарушает обычного течения мыслей танцующих. Это размеренная, согласованная с ритмом музыки прогулка кавалера об руку со своей дамой. Сотни пар следуют одна за другой в торжественной процессии через необозримые залы всего дворца. Бесконечная лента вьется из одной залы в другую, через галереи и коридоры, куда влечет ее возглавляющий шествие властелин. Это называется «танцевать полонез». Раз посмотреть этот танец, быть может, и занятно, но для людей, обязанных всю жизнь так танцевать, бал должен превращаться в наказание.

Этот петербургский полонез невольно заставил меня вспомнить о другом придворном бале, во время Венского конгресса в 1814 году²⁹. Никакой этикет не соблюдался тогда на этих блестящих европейских празднествах, каждый находился где ему угодно среди монархов всего мира. Случайно я очутился между императором Александром и его супругой, урожденной принцессой Баденской³⁰. Я продолжал танцевать, чувствуя, однако, некоторое стеснение от соседства столь высоких особ.

Вдруг цепь танцующих остановилась неизвестно по какой причине, так как оркестр продолжал играть. Император, шедший в следующей за мной паре, через мое плечо обратился довольно резко к императрице, которая шла в паре впереди меня, со словами: «Продолжайте же!» Государыня обернулась и, увидев императора, танцующего с дамой, которой он уже несколько дней оказывал особое внимание, проговорила с неопишимым выражением: «Пожалуйста, будьте вежливее!» Государь, посмотрев на меня, закусил губу. Кортёж двинулся вперед, и полонез возобновился.

Блеск главной галереи в Зимнем дворце положительно ослепил меня. Она вся покрыта золотом, тогда как до пожара она была окрашена лишь в белый цвет. Это несчастье во дворце дало возможность императору проявить свою страсть к царственному, я сказал бы даже, божественному великолепию.

Послы всей Европы были приглашены на празднество, чтобы воочию убедиться в исключительном всемогуществе правительства. Один из величайших в мире дворцов, заново восстановленный в течение одного года, — какой объект для восторженного удивления людей, привыкших дышать воздухом двора!

Еще более достойной удивления, чем сверкающая золотом зала для танцев, показалась мне галерея, в которой был сервирован ужин. Она еще не вполне закончена отделкой, люстры из белой бумаги, специально устроенные для временного освещения галереи, имели фантастический, очень поправившийся мне вид. Это импровизированное для свадебного торжества освещение далеко, конечно, не соответствовало обстановке волшебного дворца, но оно давало яркий, почти солнечный свет, и для меня этого было достаточно. Во Франции благодаря успехам индустрии мы уже почти забыли, что существуют свечи, в России же обычно еще до сих пор употребляют восковые свечи. Стол для ужина был сервирован с исключительным богатством. Вообще на этом празднестве все представляется колоссальным, и невольно затрудняешься решить, что более поражает: эффект ли общего ансамбля, или же размеры и качество отдельных предметов. На тысячу человек в одной зале был сервирован один стол!

Среди этой тысячи лиц, блиставших в большей или меньшей степени золотом и бриллиантами, находился и виденный мною сегодня утром в церкви киргизский хан

в сопровождении своего сына и свиты. Я заметил также старую грузинскую нарицу, лишённую более 30 лет назад своего престола. Эта несчастная женщина влачит свои дни без всяких почестей при дворе победителей. Ее лицо смугло, как у человека, привыкшего ко всем трудностям лагерной жизни, а платье ее вызывало общий смех. Мы легко смеемся над несчастьем, если оно воплощается в отталкивающей внешности. Эта манера заменять сострадание насмешкой, конечно, неблагородна, но я, сознаюсь, не мог остаться серьезным, когда увидел голову царицы, украшенную чем-то вроде кивера, с которого ниспадало какое-то чудовищное покрывало. Остальной наряд соответствовал ее головному убору, и, в то время как все придворные дамы были в платьях с длинными тrenaми, эта восточная царица появилась в короткой, сверху донизу покрытой вышивками юбке. Она возбуждала смех и внушала страх — до такой степени безвкусен был ее наряд, столько тоски и вместе с тем придворной фальши было в ее лице, столько отталкивающего в ее чертах и неграциозного во всей ее фигуре.

Национальный наряд русских придворных дам импозантен и вместе с тем старомоден. Они носят на голове какие-то сооружения из дорогой материи. Это головное украшение напоминает мужскую шляпу, сверху несколько укороченную и без доньшка, так что верхняя часть головы остается открытой. Диадема вышиной в несколько дюймов, украшенная драгоценными камнями, приятно обрамляет лицо, совершенно его не закрывая. Она представляет собой старинный головной убор, придает женскому облику оттенок благородства и оригинальности, очень идет к красивым лицам и еще более уродует некрасивые. К сожалению, последние весьма часто встречаются при русском дворе, так как только смерть освобождает придворных дам — даже самых престарелых — от их звания. Вообще, приходится повторить, что красивые женщины в Петербурге встречаются редко, но в высшем свете грация и элегантность часто заменяют собой правильность черт лица и стройность фигуры. Я встретил лишь несколько грузинок, соединивших в себе и красоту и грацию. Эти светила сверкают среди женщин севера, как звезды на темном небе южных ночей. Форма придворных дамских платьев, с длинными рукавами и тrenaми, носит отчасти восточный характер и придает всему кругу придворных дам величественный вид.

Довольно странный случай дал мне возможность познакомиться с изысканной вежливостью государя. В разгаре бала один из церемониймейстеров указал тем из иностранцев, которые впервые были во дворце, их места за столом во время ужина. «Когда вы увидите, что бал закончился,— сказал он,— последуйте за всем обществом в галерею; там вы увидите большой сервированный стол; направьтесь к правой стороне его и займите первые свободные места».

Для дипломатического корпуса, иностранцев и всех придворных был накрыт один-единственный стол на тысячу кувертов, но направо от входа, несколько впереди, находился еще небольшой круглый стол на восемь персон.

Присутствовавший в числе иностранцев молодой и образованный женевец представлялся государю в тот же вечер в мундире национальной гвардии, не особенно понравившемся императору. Тем не менее юный швейцарец чувствовал себя совершенно свободно. По природному ли самодовольству, из-за республиканской ли беззастенчивости, или, наконец, просто по душевной простоте он совершенно не обращал внимания ни на окружающих его особ, ни на то впечатление, которое он на них производит. Я даже слегка завидовал его поразительной самоуверенности, которой сам совершенно не обладаю. Моя манера держаться, вовсе не схожая с его манерой, привела тем не менее к одному и тому же результату: император обходился с нами обоими одинаково любезно.

Один опытный и умный человек полусерьезно-полусуто посоветовал мне принять перед императором робкий и почтительный вид, если я хочу ему понравиться. Этот совет был совершенно излишен, так как я по натуре своей настолько робок и застенчив, что пришел бы в смущение, если бы должен был зайти в хижину угольщика и с ним познакомиться,— очевидно, не напрасно имеешь в своих жилах немецкую кровь. Я обладаю поэтому уже по природе достаточной дозой робости, необходимой для успокоения болезненного самолюбия царя, который был бы столь же величествен, каким он всегда желает казаться, если бы он и меньше был занят мыслью, что кто-нибудь может оказать ему недостаточно почтительности. Новое подтверждение того, что в этом дворце все проводят время исключительно в генеральных репетициях. Но это беспокойство императора о священ-

ном величии его особы не всегда, однако, является у него господствующим.

Я уже говорил, что женевец, не разделяя моей внушенной старинными понятиями скромности, совершенно не испытывал никакого смущения. Он молод и сын своего времени — этим все объясняется. И я невольно, без чувства зависти, удивлялся его спокойствию и непринужденности всякий раз, когда император с ним заговаривал.

Обходительность государя была, однако, скоро подвергнута молодым швейцарцем более решительному испытанию. Войдя в предназначенную для банкета галерею, юный республиканец направился, согласно полученным указаниям, направо, увидел здесь небольшой круглый стол, совершенно еще свободный, и бесстрашно один за ним уселся. Несколько минут спустя после того, как все гости заняли свои места за большим столом, вошел император в сопровождении самых приближенных к нему лиц — должен заметить, что императрицы с ним не было, — и сел за тот же круглый стол, против швейцарского национального гвардейца, продолжавшего сидеть на своем месте с тем же поражающим меня невозмутимым спокойствием.

Одного места, однако, не хватало, так как император совершенно не рассчитывал на этого неожиданного девятого гостя. Тогда с вежливостью, изысканность которой граничит с сердечной добротой, государь шепотом приказал лакею принести лишний стул и прибор, что и было исполнено тихо и без всякого замешательства. Молодой же швейцарец, чуждый всякого смущения, хотя он и заметил, что уселся там помимо желания императора, невозмутимо поддерживал во время ужина беседу со своими двумя ближайшими соседями. Я думал, что он поступает так из тактичности, не желая привлекать к себе общего внимания, и что он ждет лишь момента, когда государь встанет из-за стола, чтобы подойти к нему, принести свои извинения и объяснить происшедшее недоразумение. Ничуть не бывало! По окончании ужина мой простаек, далекий от этой мысли, нашел, казалось, вполне естественной оказанную ему честь и, вернувшись вечером домой, вероятно, попросту отметил в своем дневнике: «Ужин с императором».

Но, отвлекаясь от лиц, меня окружавших, я хочу еще упомянуть о том, что доставило мне на этом балу неожиданное удовольствие и что осталось совершенно не замеченным всеми остальными: я говорю о том впечат-

лении, которое произвели на меня величественные явления северной природы. Днем температура воздуха достигала 30° и, несмотря на вечернюю прохладу, атмосфера во дворце была душная. Едва встав из-за стола, я поспешно отправился в амбразуру открытого окна. Здесь я забыл обо всем окружающем и не мог оторваться от поразительных световых эффектов, которые можно наблюдать лишь на севере в волшебные светлые полярные ночи. Гряды темных, густых облаков разделяли небо на отдельные зоны. Был первый час ночи. Ночи в Петербурге в это время уже начались, но были еще так коротки, что едва хватало времени их заметить, как на востоке появлялась предрассветная заря. Дневной ветер улегся, и в прорывах между неподвижными облаками виднелось ослепительно белое небо, похожее на отделенные друг от друга серебряные пластинки. Этот свет отражался на поверхности заснувшей в своих берегах Невы, лениво катившей светлые, будто молочные или перламутровые, воды.

Пред моими глазами расстилалась большая часть Петербурга с его набережными, церквями и колокольнями. Краски этой картины были неопишуты. Остатки погашенной утренней зарей иллюминации еще светились под портиком Биржи, здания в греческом стиле, с театральной помпезностью обрамляющего остров, образуемый Невой в том месте, где она разделяется на два главных рукава. Освещенные колонны этого здания, неуместный стиль которого в этот час и на отдаленном расстоянии не так был заметен, отражались в белых водах Невы. Весь остальной город казался голубым, как даль в картинах старинных мастеров. Эта поистине фантастическая картина города в ультрамариновых тонах, обрамленная золоченым окном Зимнего дворца, создавала поразительный контраст со светом люстр и всей пышностью внутренней его обстановки. Казалось, будто весь город, небо, море, вся природа конкурируют с блеском Зимнего дворца и принимают участие в пышном празднестве, устроенном для своей дочери властителем этой беспредельной страны.

Я был совершенно погружен в созерцание этой волшебной картины, когда вдруг неожиданно услышал нежный женский голос:

— Что вы делаете здесь, маркиз?

— Государыня, я восхищаюсь; сегодня я ничего другого делать не могу.

Это была императрица; она очутилась одна вместе со мной в амбразуре окна, похожего на открытый, выходящий на Неву павильон.

— Я задыхаюсь,— продолжала государыня,— это менее поэтично, нежели то, чем вы по справедливости восхищаетесь. Картина действительно великолепна. Я уверена, что только мы вдвоем и наблюдаем здесь эти поразительные световые эффекты.

— Все, что я вижу здесь, государыня, ново для меня, и я никогда не перестану сожалеть о том, что не приехал в Россию в молодости.

— Можно всегда оставаться молодым — сердцем и воображением.

Я не решился ей что-либо ответить, так как у государыни, как и у меня, ничего другого от молодости не осталось, и я боялся дать ей это почувствовать. Удаляясь, императрица с мягкостью, которая ее так существенно отличает, проговорила:

— Я буду вспоминать о том, что я здесь вместе с вами страдала и восхищалась. Я не совсем уйду, мы с вами сегодня вечером еще увидимся.

Прежде чем покинуть галерею и перейти в балльный зал, я снова подошел к другому окну, выходящему во внутренний двор, и здесь внимание мое привлекло зрелище в совершенно другом жанре, но столь же неожиданное и поразительное, как восход солнца на прекрасном небе Петербурга. Двор Зимнего дворца, четырехугольный, как двор Лувра, во время бала постепенно наполнялся народом. Предутренний туман рассеялся, наступал день, и я мог ясно видеть эту толпу, немую от восхищения, неподвижную, молчащую, как бы пораженную блеском дворца своего владельца и с какой-то животной радостью вдыхающую запах царского банкета. Весь двор был густо заполнен толпой, так что не видно было ни одного вершка свободной земли. И все же эта толпа, этот молчаливый восторг и ликование народа на глазах своего монарха кажутся мне в деспотической стране подозрительными. Народ радуется веселью своих господ, но веселится он при этом очень печально. Страх и угодливость простых смертных, гордость и презрительная надменность правителей — единственные чувства, которые могут жить под гнетом русской автократии.

Среди всех этих петербургских празднеств я не могу

забыть о путешествии императрицы Екатерины в Крым и о бугафорских фасадах деревенских изб, устроенных на известном расстоянии друг от друга из раскрашенных досок и полотна, чтобы показать торжествующей монархине, как под ее эгидой пустыни заселились народом. Такие же помыслы владеют умами русских и по сие время. Каждый старается замаскировать пред глазами властелина плохое и выставить напоказ хорошее. Это какой-то перманентный заговор беззащитивой лести, заговор против истины с единственной целью доставить удовлетворение тому, кто, по их мнению, желает блага для всех и это благо творит.

Я замечаю, что начинаю говорить языком парижских радикалов. Но хотя я в России демократ, я тем не менее во Франции остаюсь подлинным аристократом. Разве крестьянин из окрестностей Парижа, разве самый мелкий горожанин во Франции не во много раз свободнее, чем самый знатный вельможа в России? Нужно много путешествовать для того, чтобы постигнуть, в какой мере человеческое сердце подвержено оптическим обманам.

Я вернулся к себе домой, ошеломленный величием и великолепием императора и еще более пораженный восхищением народа теми благами, которых он не имеет, никогда не получит и о которых он даже помышлять не смеет. Если бы я не видел ежедневно, сколько честолюбивых эгоистов порождает свобода, я с трудом мог бы поверить, что деспотизм может порождать столько бескорыстных философов.

ГЛАВА VIII

Колосс на глиняных ногах.— Императрица заискивает.— Бал в Михайловском дворце.— Французская литература под запретом.— «Мы продолжаем дело Петра Великого».— Дитя Азии.— Неловкий камер-юнкер.— Минеральный кабинет.— Тирания протекции

Надо быть русским, мало того, самим императором, чтобы противостоять усталости от петербургской жизни в настоящее время. Вечером — празднества, какие только в России и можно увидеть, утром — поздравления во дворце, приемы, публичные празднества, парады на суше и море, спуск 120-пушечного корабля на Неву в присутствии двора и

всего города. Все это поглощает мои силы и дает обильную пищу моему воображению.

Когда я говорю, что весь город присутствовал при спуске на воду судна — самого большого, которое Нева когда-либо несла на своих водах. — не следует думать, что на этом морском празднике действительно присутствовала несметная толпа народа: русские менее всего испытывают нужду в пространстве. Те 400—500 тысяч человек, которые живут в Петербурге, отнюдь его не заселяя, теряются в безмерном просторе города, сердце которого сделано из гранита и металла, тело — из гипса и цемента, а конечности — из раскрашенного дерева и гнилых досок. Эти доски стоят здесь, как стены вокруг пустынного болота. Колосс на глиняных ногах, этот город сказочной роскоши не похож ни на одну из столиц цивилизованной Европы, хотя при его основании их всех копировали.

Я видел Венский конгресс, но я не припомню ни одного торжественного раута, который по богатству драгоценностей, нарядов, по разнообразию и роскоши мундиров, по величию и гармонии общего ансамбля мог бы сравниться с праздником, данным императором в день свадьбы своей дочери в Зимнем дворце, год назад сгоревшем и теперь восстановленном из пепла по мановению одного человека. Да, Петр Великий не умер. Его моральная сила живет и продолжает властвовать. Николай — единственный властелин, которого имела Россия после смерти основателя ее столицы.

Вечером, к концу бала, когда я по обыкновению держался в стороне, императрица приказала дежурным адъютантам разыскать меня. В течение четверти часа они искали меня по всем залам, в то время как я продолжал любоваться красотами северной ночи, стоя у того же окна, у которого меня покинула императрица. Я оставил это место лишь на один момент, когда вблизи проследовали их величества. Но так как они меня не заметили, я вернулся к окну и продолжал наблюдать поэтическую картину восхода солнца. Здесь нашли меня посланные императрицы.

— Я уже давно ищу вас, маркиз. Почему вы избегаете меня?

— Государыня, я два раза становился на пути вашего величества, но вы не замечали меня.

— Это уж ваша вина, потому что я ищу вас с тех пор, как вернулась в бальную залу. Я желала бы, чтобы

вы здесь осмотрели все возможно более подробно и составили себе о России мнение, которое могло бы опровергнуть суждения о ней людей злых и неумных.

— Я далек от мысли, государыня, приписывать себе такую власть. Но если бы то, что я чувствую, стало общим мнением, вся Франция смотрела бы на Россию как на страну чудес.

— Вы должны только судить обо всем не по внешней видимости, а по существу, потому что у вас для этого имеются все данные. До свидания, я хотела лишь пожелать вам доброй ночи: меня утомляет жара. Не забудьте осмотреть мои новые апартаменты: они восстановлены по идее императора. Я прикажу, чтобы вам все было показано.

Здесьняя придворная жизнь до того для меня нова, что даже забавляет меня. Она напоминает путешествие в давно прошедшие времена. Порой мне кажется, что я нахожусь в Версале сто лет назад. Изысканная учтивость и поражающее великолепие здесь вполне естественны, и отсюда легко видеть, насколько далек Петербург от нынешней Франции.

Мы не успели еще отдохнуть от придворного бала, как уже на следующий день все снова собрались на другом празднестве — в Михайловском дворце, у великой княгини Елены Павловны³¹, невестки императора, супруги великого князя Михаила Павловича. Она считается одной из выдающихся женщин в Европе, и беседа с ней в высшей степени интересна. Я имел честь быть ей представленным в начале бала. В первый момент она не сказала мне ни слова, но затем в течение вечера она несколько раз находила случай поговорить со мной. Из этой беседы у меня сохранилось в памяти следующее.

— Мне говорили, — сказала великая княгиня, — что вы возвращаетесь в Париже в очень интересном обществе.

— Да, сударыня, я люблю общество одаренных людей, и беседа с ними — мое высшее удовольствие. Но я далек был от мысли, что вашему высочеству известны такие детали из моей жизни.

— Мы хорошо знаем Париж и также знаем, что в нем мало людей, правильно оценивающих нынешнее время и сохраняющих память о временах прошедших. Конечно, такие лица у вас все же встречаются. Мы любим, по их творениям, многих ваших писателей, с которыми вы, наверно, часто встречаетесь, в особенности же г-жу Ге³² и ее дочь г-жу де Жиарден.

— Эти дамы в высшей степени одарены и талантливы, и я счастлив, что могу назвать их своими друзьями.

— Вот видите, какие у вас интересные и талантливые друзья. Мы читаем книги г-жи Ге с большим удовольствием. Какого мнения вы о них?

— Я нахожу, что в них дается верное представление о прежнем обществе, и притом человеком, который это общество понимает и ценит.

— Почему г-жа де Жирарден ничего более не пишет?

— Она поэтесса, а для поэтов молчание — также творчество.

При разговоре с великой княгиней я придерживался правила только слушать и отвечать. Я ждал, что она назовет еще несколько литературных имен, которые тем более льстили бы моей патриотической гордости. Но это ожидание было напрасно: великая княгиня, которая живет в стране, где прежде всего ценят такт, несомненно лучше меня знала, что можно говорить и о чем лучше промолчать. Опасаясь одинаково значения как моих слов, так и моего молчания, она не произнесла более ни слова о нашей современной литературе. У нас действительно немало имен, одно упоминание коих может смутить спокойствие духа и однообразие мысли, деспотически привитое всем, кто желает жить при русском дворе.

Возвращаюсь, однако, к описанию торжественных празднеств, на которых я теперь каждый вечер присутствую. У нас балы лишены всякой красочности благодаря мрачному черному цвету мужских нарядов, тогда как здесь блестящие, разнообразные мундиры русских офицеров придают особый блеск петербургским салонам. В России великолепие драгоценных дамских украшений гармонирует с золотом военных мундиров, и кавалеры, танцующие со своими дамами, не имеют вида аптекарских учеников или конторских клерков.

Внешний фасад Михайловского дворца со стороны сада украшен во всю длину итальянским портиком. Вчера воспользовались 26-градусной жарой, чтобы эффектно иллюминировать колоннаду галереи группами оригинальных лампионов: они были сделаны из бумаги в форме тюльпанов, лир, ваз. Это было ново и довольно красиво.

Великая княгиня Елена для каждого устраиваемого ею праздника придумывает, как мне передавали, что-нибудь новое, оригинальное, никому не знакомое. И на этот раз свет отдельных групп цветных лампионов живописно отражался на колоннах дворца и на деревьях сада, в глу-

бине которого несколько военных оркестров исполняли симфоническую музыку. Группы деревьев, освещенные сверху прикрытым светом, производили чарующее впечатление, так как ничего не может быть фантастичнее ярко освещенной зелени на фоне тихой, прекрасной ночи.

Большая галерея, предназначенная для танцев, была декорирована с исключительной роскошью. Полторы тысячи кадок и горшков с редчайшими цветами образовали благоухающий боскет. В конце залы, в густой тени экзотических растений, виднелся бассейн, из которого непрерывно вырывалась струя фонтана. Брызги воды, освещенные яркими огнями, сверкали, как алмазные пылинки, и освежали воздух. Роскошные пальмы, банановые деревья и всевозможные другие тропические растения, корни которых скрыты были под ковром зелени, казалось, росли на родной почве, и чудилось, будто кортеж танцующих пар какой-то чудодейственной силой был перенесен с дикого севера в далекий тропический лес. Невольно грезились наяву — так все кругом дышало не только роскошью, но и поэзией. Блеск волшебной залы во сто крат увеличивался благодаря обилию огромных зеркал, каких я нигде ранее не видел. Эти зеркала, охваченные золочеными рамами, закрывали широкие простенки между окнами, заполняли также противоположную сторону залы, занимающей в длину почти половину всего дворца, и отражали свет бесчисленного количества свечей, горевших в богатейших люстрах. Трудно представить себе великолепие этой картины. Совершенно терялось представление о том, где ты находишься. Исчезали всякие границы, все было полно света, золота, цветов, отражений и чарующей, волшебной иллюзии. Движение толпы и сама толпа увеличивались до бесконечности, каждое лицо становилось сотней лиц. Этот дворец как бы создан для празднеств, и казалось, что после бала вместе с танцующими парами исчезнет и эта волшебная зала. Я никогда не видел ничего более красивого. Но самый бал походил на все другие и далеко не соответствовал исключительной роскоши залы. Здесь не было ничего яркого, захватывающего, никаких зрелищ, сюрпризов, балетных представлений. Танцевали непрерывно полонезы, вальсы и какие-то контрдансы, именуемые на русско-французском наречии кадрилию. Даже мазурку танцуют в Петербурге менее весело и грациозно, чем на ее родине, в Варшаве.

Перед ужином императрица, сидевшая у бассейна под навесом из экзотических растений, куда она укрывалась

после каждого полонеза, чтобы хоть немного отдохнуть от царившей в зале тропической жары, знаком пригласила меня приблизиться. Я поспешил последовать ее приглашению, но в это время к бассейну подошел государь и, взяв меня об руку, отвел на несколько шагов от кресла императрицы. Здесь в течение более четверти часа он вел со мной беседу на разные интересные темы.

Сначала он сказал несколько слов о прекрасном устройстве сегодняшнего праздника. Я ответил ему, что поражаюсь, как при столь деятельной жизни он находит время для всего, даже для участия в развлечениях.

— К счастью,— возразил государь,— административная машина в моей стране крайне проста, иначе при огромных расстояниях, являющихся серьезным для всего препятствием, и при более сложной форме управления головы одного человека оказалось бы недостаточно.

Я был удивлен и польщен этим откровенным тоном. Император, который лучше, чем кто-либо другой, понимает то, что ему не высказывают, продолжал, как бы отвечая на мою мысль:

— Я говорю с вами так, потому что уверен, что вы поймете меня: мы продолжаем дело Петра Великого.

— Он не умер, государь, его гений и воля властвуют и сейчас над Россией.

Когда император разговаривает с кем-либо публично, большой круг придворных опоясывает его на почтительном расстоянии. Никто поэтому не может слышать слов государя, но взоры всех непрерывно устремлены на него, и не монарх стесняет вас при беседе с ним, а его двор.

— Но,— продолжал государь,— эту волю очень трудно осуществлять. Общая покорность дает вам повод считать, что все у нас однообразно. Вы ошибаетесь: нет другой страны, где было бы такое разнообразие народностей, нравов, религий и духовного развития, как в России. Это разнообразие таится в глубине, единение же является поверхностным и только кажущимся. Вы видите здесь вблизи нас двадцать офицеров, из них только двое первых — русские, трое следующих — примирившиеся с нами поляки, часть остальных — немцы. Даже ханы привозят мне своих сыновей, чтобы я их воспитывал среди моих кадет. Вот вам один из них,— сказал он, указывая на маленькую китайскую обезьяну в диковинном бархатном одеянии, рас-

шитом золотом. Это дитя Азии было прикрыто сверху высоким прямым остроконечным головным убором, похожим на шутовской колпак, с большими округленными и загнутыми краями. — Тысячи детей обучаются и воспитываются вместе с этим мальчиком на мои средства.

— В России, государь, все творится в огромном масштабе; здесь все колоссально.

— Слишком колоссально для одного человека. Надеюсь, вы не ограничитесь одним Петербургом? Каков план вашего дальнейшего путешествия по моей стране?

— Государь, я рассчитываю отправиться дальше тотчас же после петергофских празднеств.

— Куда же?

— В Москву и Нижний.

— Это хорошо, но вы собираетесь туда слишком рано: вы покинете Москву до моего приезда, а между тем я был бы очень рад вас там увидеть.

— Слова вашего величества заставят меня изменить свои планы.

— Тем лучше. Мы покажем вам новые работы, производимые нами в Кремле. Мне хочется приблизить архитектуру этих старинных зданий к современности. Дворец слишком тесен и стал для меня неудобен. Вы будете также присутствовать при любопытной церемонии на Бородинском поле: я хочу положить первый камень в основание памятника, воздвигаемого по моему повелению в память Бородинского боя.

Я хранил молчание, но, очевидно, выражение моего лица стало более серьезным. Император пристально посмотрел на меня и затем любезным тоном закончил:

— По крайней мере, хоть вид маневров вас, быть может, заинтересует.

— Государь, в России меня все интересует.

Вскоре вслед за этим разговором я здесь же, на балу, был свидетелем следующей любопытной сцены.

Император разговаривал с австрийским послом. Молодой, недавно назначенный камер-юнкер получил от великой княгини Марии Николаевны приказание пригласить от ее имени посла протанцовать с нею полонез. В своем усердии бедный дебютант, прорвав круг придворных, о котором я уже упоминал, бесстрашно подошел к императору и при его величестве обратился к австрийскому послу:

— Граф, герцогиня Лейхтенбергская просит вас танцевать с нею первый полонез.

Император, недовольный поведением своего камерюнкера, сказал ему громко:

— Вы только что назначены на вашу должность, так научитесь же правильно выполнять ее. Прежде всего моя дочь не герцогиня Лейхтенбергская, а великая княгиня Мария Николаевна, а затем вы должны знать, что меня не прерывают, когда я с кем-либо разговариваю...

Оставляю свои записи, чтобы отправиться на обед к русскому офицеру, молодому графу ***, который сегодня утром познакомил меня с(о) здешним минеральным кабинетом, наилучшим, как мне кажется, в Европе, так как уральские горные рудники по своему богатству совершенно исключительны. Здесь ничего нельзя осмотреть без провожатых, да и мало дней в году, когда те или иные интересные общественные учреждения можно посетить. Летом здания, пострадавшие от зимних морозов, ремонтируются, а зимой вся публика либо мерзнет, либо танцует. Я не преувеличу, если скажу, что в Петербурге знакомишься с Россией не лучше, чем в Париже. Ведь недостаточно лишь приехать в страну, чтобы изучить ее, а здесь без протекции вы ни о чем не получите понятия. Протекция же вас тираниит и дает обо всем ложное представление, к чему здесь, в сущности, и стремятся.

ГЛАВА IX

Торжественный спектакль.— Появление монарха и казенные восторги.— Рассказ Николая о восстании декабристов.— Отречение Константина³³.— «Мужество перед ударами убийц».— Ненависть Николая к конституции.— Кюстин подавлен.— Придворная пастораль.— Друг императрицы.— «Монархам чувство благодарности мало знакомо».— Холерный бунт.— Акции Кюстина поднимаются.— Льстивость, граничащая с героизмом.— Если не раб, то бунтовщик.— Иллюзия порядка и спокойствия

Сегодня я присутствовал в опере на гала-спектакле. Блестяще освещенный зал показался мне достаточно большим и прекрасно сконструированным. В нем нет ни балконов, ни галерей, ничто не мешает здесь архитектору в осуществлении своего плана, так как он не должен думать о местах для простой публики. Зрительный зал в Петербурге может поэтому

строиться в простом и строгом стиле, как итальянские театры, в которых женщины, не принадлежащие к высшему свету, сидят в партере.

Благодаря исключительной любезности мне было предоставлено на сегодняшний торжественный спектакль кресло в первом ряду партера. Обычно в такие дни эти кресла предназначаются лишь для высшей знати, т. е. для придворных лиц первого класса, в блестящих мундирах, соответствующих их чину и званию.

Мой сосед справа, заметив по моему платью, что я иностранец, заговорил со мной по-французски с той изысканной вежливостью, которая отличает в Петербурге не только высшее общество, но в известной степени и людей других сословий. Здесь все вежливы: знатные люди — из желания показать свое хорошее воспитание, простые — из постоянного страха.

Я не слишком внимательно следил за спектаклем, гораздо более интересуясь зрителями. Императорская ложа — это блестящий салон, занимающий глубину зрительного зала и освещенный еще более ярко, чем остальная часть театра.

Появление императора было величественно. Когда он рядом с императрицей, в сопровождении членов царской фамилии и придворных, приблизился к барьеру своей ложи, все присутствующие встали. Император, с присущим ему достоинством, прежде чем сесть, приветствовал собравшихся в зале поклоном. Одновременно с ним поклонилась и императрица, но — что показалось мне недостаточным уважением к публике — вместе с ними раскланивалась и вся свита. Зал в свою очередь приветствовал своего монарха поклонами, аплодисментами и криками «ура». Эта преувеличенная демонстрация своих чувств носила все же явно официальный характер, что значительно понижало ее ценность. Да и что удивительного в том, что самодержавный монарх приветствуется в своей столице партером, переполненным придворной знатью?

Неизменная угодливость, которую всегда встречает император, служит причиной того, что лишь два раза в течение всей своей жизни он имел случай помериться своим личным могуществом с толпой, и оба эти раза во время народных восстаний. В России нет более свободного человека, чем восставший солдат.

Я невольно вспомнил о поведении императора при самом вступлении его на престол, и эта интересная страница истории отвлекла меня от спектакля, на котором я присутствовал. То, что я хочу рассказать здесь, сообщил мне лично император во время одной из наших бесед.

В тот день, когда Николай вступил на престол, вспыхнул мятеж в гвардии. При первом же известии о восстании в войсках император и императрица одни отправились в придворную церковь и там на коленях у ступеней алтаря поклялись перед Господом умереть на престоле, если им не удастся восторжествовать над мятежниками. Император считал опасность серьезной, так как он уже знал, что митрополит тщетно пытался успокоить солдат: в России волнение, которое не в силах усмирить духовная власть, считается серьезным.

Осенив себя крестным знамением, император отправился, рассчитывая покорить мятежников одним своим появлением и спокойным, энергичным выражением лица. Он сам рассказал мне эту сцену, но, к сожалению, я забыл начало рассказа, потому что был смущен неожиданным оборотом, который принял наш разговор. Я воспроизведу его поэтому лишь с того момента, который отчетливо сохранился в моей памяти.

— Государь, вы черпали вашу силу из надежного источника.

— Я не знал, что буду делать и что говорить; я следовал лишь высшему внушению.

— Чтобы иметь подобные внушения, должно заслужить их.

— Я не совершил ничего сверхъестественного. Я сказал лишь солдатам: «Вернитесь в ваши ряды!»— и, объезжая полк, крикнул: «На колени!» Все повиновались. Сильным меня сделало то, что за несколько мгновений до этого я вполне примирился с мыслью о смерти. Я рад успеху, но не горжусь им, так как в нем нет моей заслуги.

Таковы были благородные выражения, которыми воспользовался император, чтобы рассказать эту современную трагедию. Можно судить по этому рассказу о степени интереса его разговоров с иностранцами, которых он удостоит своим расположением. Рассказ этот, столь далекий от придворной пошлости, позволяет также понять силу обаяния, производимого Николаем на свой народ.

Очевидцы передавали мне, что он как будто вырастал с каждым шагом, приближавшим его к бунтовщикам. Из молчаливого, меланхоличного и мелочного, каким он казался в дни юности, он превратился в героя, как только стал монархом, — обратное тому, что происходит с большинством наследных принцев.

Русский император здесь был настолько в своей роли, что трон его казался сценой для большого актера. Его поза перед восставшей гвардией была, как говорят, настолько величественна, что один из заговорщиков четыре раза приближался к нему, чтобы убить его в то время, как он обращался с речью к войскам, и четыре раза мужество покидало этого несчастного, как кимвра³⁴, покушавшегося на Марию³⁵. Сведущие люди приписывали этот мятеж влиянию тайных обществ, которые стали развиваться в России со времени похода союзников во Францию и частых поездок русских офицеров в Германию.

Я повторяю здесь лишь то, что мне пришлось слышать; факты эти темные, и проверить их у меня нет возможности.

Заговорщики прибегли для возмущения армии к смехотворной лжи: они распространили слух, будто Николай насильно захватил корону у своего брата Константина, уже направлявшегося в Петербург для защиты своих прав с оружием в руках. К такому средству пришлось прибегнуть, чтобы заставить возмущившихся солдат кричать под окнами дворца: «Да здравствует конституция!» Вожаки убедили их, что жена Константина, их императрица, называется Конституцией. В глубине солдатских сердец жила, как видно, идея долга, потому что только путем подобного обмана можно было их побудить к восстанию. Константин, по слабости, отказался от трона: он боялся быть отравленным — в этом заключалась вся его философия. Бог знает — а может быть, и некоторые люди знают, — спасло ли его отречение от участи, которой он так боялся подвергнуться.

Только в интересах легитимизма одураченные солдаты восстали против своего законного государя.

Передают, что Николай во все время, пока он находился перед войсками, ни разу не пустил своей лошади в галоп, до того он был спокоен, хотя и очень бледен. Он испытывал свою мощь, и успех этого испытания обеспечил ему повинование масс.

Такой человек не может быть судим, как обыкновенные смертные. Его голос, глубокий и повелительный, его магнетизирующий взгляд, пристально всматривающийся в привлечший его внимание предмет, но часто становящийся холодным и неподвижным благодаря привычке скорее подавлять, чем скрывать свои мысли, его гордый лоб, черты его лица, напоминающие Аполлона и Юпитера, весь облик его, более благородный, чем мягкий, похожий скорее на изваяние, чем на живого человека,— все это производит на каждого, кто бы ни приблизился к нему, могущественное воздействие. Он покоряет чужую волю, потому что в совершенстве властвует над своей собственной.

Из нашего последующего разговора я удержал в своей памяти еще следующее.

— После усмирения мятежа вы, ваше величество, должны были вернуться во дворец в совершенно другом настроении сравнительно с тем, в каком вы его покинули. Вместе с престолом вы обеспечили себе удивление всего мира и симпатии всех благородных сердец.

— Я не думал об этом. Все, что я тогда делал, слишком затем расхвалили.

Но государь не сказал мне, что, вернувшись к своей жене, он нашел ее пораженной нервной болезнью — конвульсиями головы, от которой она затем уже никогда не могла оправиться. Эти конвульсии едва заметны и даже совсем исчезают в те дни, когда государыня спокойна и хорошо себя чувствует. Но когда она страдает морально или физически, болезнь возобновляется с новой силой. Эта благородная женщина должна была испытывать сильнейший страх, пока ее супруг так мужественно подставлял себя под удары убийц.

Увидев его невредимым, она без слов бросилась в его объятия, но государь, успокоив ее, в свою очередь почувствовал себя ослабевшим. На мгновение став простым смертным, царь, упав на грудь одного из преданнейших своих слуг, присутствовавшего при этой сцене, воскликнул: «Какое начало царствования!»

Возвращаюсь к нашей беседе. На слова государя о преувеличенных похвалах его поведению во время мятежа я воскликнул:

— Смею уверить вас, государь, что одной из главных причин моего приезда в Россию было желание увидеть

монарха, который пользуется таким беспримерным влиянием на людей!

— Русский народ добр, но нужно быть достойным управлять этим народом.

— Ваше величество лучше, чем кто-либо из ваших предшественников, поняли, что нужно России.

— В России существует еще деспотизм, потому что он составляет основу всего управления, но он вполне согласуется и с духом народа.

— Государь, вы удержали Россию от подражания другим странам и вернули ее самой себе.

— Я люблю Россию и думаю, что понял ее. Когда я сильно устаю от разных мерзостей нашего времени, то забывая от всей остальной Европы иду, удаляясь внутрь России.

— Чтобы почерпнуть новые силы в самом их источнике?

— Вы правы. Никто не может быть душою более русским, чем я. Я скажу вам то, чего не сказал бы никому другому, так как чувствую, что вы, именно вы, поймете меня правильно.

Государь остановился и пристально посмотрел на меня. Я превратился весь в слух, не проронив ни единого слова. Он продолжал:

— Я понимаю республику: это прямое и честное правление или, по крайней мере, оно может быть таковым. Я понимаю абсолютную монархию, потому что сам ее возглавляю. Но представительного образа правления я постигнуть не могу. Это правительство лжи, обмана, подкупа. Я скорее отступил бы до самого Китая, чем согласился бы на подобный образ правления.

— Я всегда считал представительный образ правления переходной стадией в известных государствах и в определенных эпохи. Но, как и всякие переходные, промежуточные стадии, этот образ правления не решает вопроса, а лишь отсрочивает связанные с ним трудности.

Государь, казалось, хотел сказать мне «продолжайте», и я закончил свою мысль следующими словами:

— Конституционное правление есть договор о перемирии, заключенный между демократией и монархией при благосклонном содействии двух гнусных тиранов — корыстолюбия и страха. Договор этот продолжается благо-

даря свободомыслию говорунов, услаждающих себя своим красноречием, и тщеславию масс, оплачиваемому их красивыми словами. В конечном счете является аристократия слова, потому что это — правление адвокатов.

— Вы говорите сущую истину, — сказал император, пожимая мою руку. — Я был также конституционным монархом, и мир знает, чего мне это стоило, так как я не хотел подчиниться требованиям этого гнусного образа правления. (Я привожу дословно выражения императора.) Покупать голоса, подкупать совесть, завлекать одних, чтобы обманывать других, — я с презрением отверг все эти средства, столь же позорящие тех, кто подчиняется, сколь и того, кто повелевает. Я дорого заплатил за свое прямодушие, но, слава Богу, я навсегда покончил с этой отвратительной политической машиной. Я никогда более конституционным монархом не буду. Я должен был высказать то, что думаю, дабы еще раз подтвердить, что я никогда не соглашусь управлять каким-либо народом при помощи хитрости и интриг.

Имя Польши, о которой мы оба думали во время этой замечательной беседы, произнесено, однако, не было.

Впечатление, произведенное на меня словами императора, было огромно; я чувствовал себя подавленным. Благородство взглядов, откровенность его речи — все это еще более возвышало в моих глазах его всемогущество. Я был, признаюсь в этом, совершенно ослеплен. Человек, которому, несмотря на мои идеи о независимости, я должен был простить, что он является неограниченным властителем 60-миллионного народа, казался мне существом сверхъестественным. Но я старался не доверять своему восхищению, как наши буржуа, чувствующие, что они начинают поддаваться обаянию изящества людей старого времени. Хороший вкус заставляет их отдаваться испытываемому очарованию, но этому противятся их принципы, и они стараются казаться сдержанными и возможно более нечувствительными. Борьба, переживаемая ими, напоминает ту, которую пришлось испытать мне. Не в моем характере сомневаться в искренности человеческого слова в тот момент, когда я его слышу. Лишь путем позднейших размышлений и сурового опыта убеждаюсь я в возможности расчета и притворства. Быть может, это назовут вздором, но мне нравится такая умственная слабость, потому что она является следствием душевной силы. Мое чистосердечие заставляет меня верить искренности другого, даже если этот другой является императором России.

Этот интересный разговор, который я только что привел, происходил на балу у принцессы Ольденбургской³⁶, настолько своеобразном, что безусловно стоит описать его.

Принцесса Ольденбургская, урожденная принцесса Нассауская, близкая по своему мужу родственница императора, также пожелала устроить вечер в честь бракосочетания великой княжны Марии, но, не имея возможности соперничать роскошью с придворными балами, она решила организовать импровизированный бал на открытом воздухе на своей загородной вилле.

Послы всего мира (исключительные актеры для разыгрывания пасторалей), вся русская знать и сановные иностранцы собрались здесь, гуляя по аллеям сада, в далеких боскетах которого были скрыты оркестры музыки.

Тон каждому празднеству дает государь; *mot d'ordre** сегодняшнего вечера гласило: благопристойная наивность или элегантная простота в духе Горация. Таково и было в течение всего вечера господствующее настроение всех присутствующих, в том числе и представителей дипломатического корпуса.

До одиннадцати часов вечера танцевали на открытом воздухе, но когда ночная роса в достаточной мере увлажнила головы и плечи молодых и пожилых дам, участвовавших в этой победе человеческой воли над климатом, все перешли в маленький дворец, служащий обычно летней резиденцией принцессы Ольденбургской.

В центре виллы находилась сверкающая золотом и огнями ротонда. В этой зале продолжался бал, между тем как не танцующие рассеялись по остальным залам дворца. Лучи света, исходящие из этого центрального пункта, распространялись далеко снаружи. Блестящая ротонда казалась мне орбитой, по которой вращались императорские созвездия, освещая своим сиянием весь дворец.

В первом этаже на террасах были устроены павильоны, в которых сервированы столы для императора и приглашенных к ужину гостей. На этом балу, с менее многочисленной публикой, чем предыдущие, царствовал вообще такой блестяще организованный кажущийся беспорядок, что вечер этот меня более занимал, чем все остальные. Несмотря на комическую принужденность, выражавшуюся на лицах некоторых гостей, обязанных все время демонстрировать сельскую простоту, это был

* Распоряжение (фр.).

совершенно оригинальный вечер, где все чувствовали себя свободно, хотя здесь и присутствовал неограниченный монарх. Когда монарх веселится, он не кажется более деспотом, а император на этом балу, бесспорно, веселился.

Я уже упоминал, что танцы устроены были на открытом воздухе. Исключительно теплое лето пришло в данном случае на помощь принцессе в осуществлении ее плана. Летний дворец находится в красивейшей части островов, и здесь, в саду, полном цветов, растущих в горшках, искусно скрытых английским газоном, был устроен большой зал — салонный паркет на газоне, окруженный изящной балюстрадой, сплошь покрытой роскошными цветами. Этот оригинальный зал, крышей которому служил небесный свод, походил на палубу корабля, разукрашенного по случаю праздника всевозможными флагами. В Петербурге роскошь и изобилие редчайших цветов восполняет отсутствие богатой растительности. Жители, явившиеся сюда из Азии, чтобы запереться, как в тюрьме, в северных льдах, прилагают все усилия к тому, чтобы помочь бесплодию почвы, на которой могут произрастать лишь сосны и березы. Искусство создает здесь в оранжереях бесчисленное множество редких кустов и растений, и так как все это является делом рук человеческих, то здесь легко расцветают и американские растения, и французские лилии, и фиалки. Не природное плодородие почвы украшает и разнообразит дворцы и сады Петербурга, а цивилизация дает ему возможность пользоваться богатством всего мира, чтобы скрыть бедность земли и скупость полярного неба. Стоит ли поэтому удивляться хвастовству русских, для которых природа только лишний враг, побеждаемый их упорством? В основе всех их развлечений неизменно кроется радость и гордость одержанной победы.

Императрица, несмотря на свое слабое здоровье, танцевала все полонезы на «сельском балу», устроенном ее кухней, с открытой головой и обнаженной шеей. В России каждый выполняет свое предназначение до последних сил. Долг императрицы — развлекаться до самой смерти. Она должна и будет исполнять эту обязанность, как другие рабы исполняют свои обязанности. Она будет танцевать до тех пор, пока у нее станет сил держаться на ногах.

Эта немецкая принцесса, жертва придворных развлечений, которые давят ее, как цепи узников, пользуется

в России все же счастливым уделом, редким повсюду и во всех условиях и исключительным для императрицы: она имеет истинного друга. Это баронесса***, урожденная графиня***. С момента замужества императрицы эти две женщины, судьба которых столь различна, почти никогда не разлучались. Но баронесса, одаренная искренним характером и преданным сердцем, никогда не пользовалась своей близостью к императрице. Она вышла замуж за офицера, которому император в высшей степени обязан, так как барон*** во время мятежа при вступлении Николая на престол спас ему жизнь, бескорыстно защитив его своей грудью от вражеских ударов. Подобный подвиг ничем не может быть оплачен, а потому и в данном случае, как и в большинстве других, он остался вознагражденным.

Впрочем, монархам вообще чувство благодарности мало знакомо: они признают лишь ту благодарность, которая должна проявляться по отношению к ним. Благодарность к кому-либо более нарушает их расчеты, чем умиляет сердце, и потому они неохотно к ней прибегают. Гораздо легче и удобнее народные массы презирать. Это относится ко всем potentатам, а к наиболее могущественным в особенности.

Мои размышления по этому поводу были, однако, непродолжительными, так как император снова захотел овладеть моими мыслями. Открыл ли он в глубине моей души какое-то предубеждение против себя, развлекал ли его минутный разговор с человеком, столь отличным от тех, которые постоянно находятся перед его глазами, — не знаю и сам не могу понять истинной причины его столь милостивого ко мне отношения.

Император не только привык повелевать действиями других, но умеет властвовать и над их сердцами. Быть может, ему хотелось покорить и мое сердце, а моя замкнутость и робость служили еще лишним к тому стимулом. Желание нравиться присуще императору. Вызвать у кого-либо восхищение собой — это значит заставить его повиноваться, и императору, быть может, хотелось испытать свою власть над иностранцем. Наконец, быть может, инстинктом человека, долгое время не слышавшего ни от кого слова правды, он угадал во мне человека искреннего и правдивого. Повторяю, я не знаю его истинных побуждений, но знаю лишь, что, где бы я в этот вечер ни находился, он постоянно вступал со мною в беседу.

Увидев меня, когда я вернулся из сада на веранду, он спросил:

— Чем вы были заняты сегодня утром?

— Я осматривал, государь, естественноисторический музей и видел знаменитого сибирского мамонта.

— Это единственный экземпляр в мире.

— Да, государь, в России вообще встречаешь очень многое, чего не найдешь нигде на свете.

— Вы льстите мне.

— Государь, я слишком уважаю ваше величество, чтобы осмелиться льстить вам. Но я, быть может, не испытываю пред вами страха и потому свободно высказываю свою мысль, если даже истина, в нее вложенная, и походит на комплимент.

— Это очень тонкий комплимент. Иностранцы нас положительно балуют.

— Вашему величеству угодно было, чтобы я держался с вами совершенно свободно, и это удалось вам, как и все, что вы предпринимаете: вы хоть на время излечили меня от природной робости.

Вынужденный избегать всякого намека на серьезные политические злобы дня, я все же хотел навести разговор на такой предмет, который меня столько же интересовал, и потому прибавил:

— Каждый раз, как вы позволяете мне приблизиться к вам, я все больше убеждаюсь в той силе, которая заставила мятежников в день вашего восшествия на престол пасть пред вами на колени.

— В вашей стране существуют против нас предубеждения, над которыми труднее восторжествовать, чем над восставшей армией.

— Государь, вас видят у нас слишком издалека. Если бы с вашим величеством ближе ознакомились, вас бы еще выше ценили и вы нашли бы у нас, как и здесь, множество почитателей. Уже начало царствования обеспечило вам справедливые похвалы, а во время холеры вы поднялись еще на гораздо большую высоту. При этом втором восстании вы проявили ту же власть, но сдержанную благородной преданностью человечеству. Силы никогда не покидали вас в минуты опасности.

— Вы воскрешаете в моей памяти минуты, без сомнения, лучшие в моей жизни, но казавшиеся мне тогда самыми ужасными.

— Я понимаю это, ваше величество. Чтобы покорить природу в себе и других, необходимо усилие...

— Страшное усилие, — прервал меня государь, — отчет в котором отдаешь себе лишь много позже.

— Да, но в это время чувствуешь себя вдохновленным.

— Я этого не чувствовал, я исполнял лишь свой долг. В подобных случаях никто не может знать заранее, что он скажет. Бросаешься навстречу опасности, не спрашивая себя, как из нее выйдешь.

— Бог вдохновлял вас, государь. Если можно было бы сравнить два столь несхожих понятия, как поэзия и управление, я сказал бы, что вы действовали как поэт, повинаясь голосу свыше.

— В моих поступках не было никакой поэзии.

Я заметил, что государь не очень был польщен моим сравнением, потому что слово «поэзия» было понято им не в том смысле, какой оно имеет в латинском языке. При дворе привыкли смотреть на поэзию как на легкую игру ума. Надо было бы долго разъяснять, что поэзия есть самый чистый и живой проблеск души, и я предпочел промолчать. Но государь, не желая, очевидно, оставить меня под впечатлением совершенной мною ошибки, не ушел, а еще долго продолжал, к общему удивлению всего двора, беседу со мной.

— Какой окончательный план вашего дальнейшего путешествия?

— После петергофских празднеств я рассчитываю отправиться в Москву, а оттуда в Нижний, посмотреть ярмарку, но с таким расчетом, чтобы вернуться в Москву к приезду вашего величества.

— Тем лучше; я был бы очень рад, если бы вам удалось детально осмотреть новые кремлевские сооружения. Я объясню вам все мои планы относительно украшения этой части Москвы, которую мы считаем колыбелью империи. Но вы не должны терять времени: вам предстоит проехать огромные пространства. Расстояния являются несчастьем России.

— Не жалуйтесь на это, государь, ибо свободные пространства можно заполнить. В других странах людям не хватает земли, вы же такого недостатка никогда не почувствуете.

— У меня не хватает времени.

— Но будущее принадлежит вам.

— Меня слишком мало знают, упрекая в честолюбии. Я далек от мысли стремиться к расширению нашей территории, я хотел бы лишь сплотить вокруг себя

все население России, я хотел бы победить его нищету и варварство. Желание улучшить участь русского народа — для меня несравненно выше, чем жадность к новым завоеваниям. Если бы вы знали, как этот народ добр, сколько в нем кротости, как он от природы приветлив и учтив! Вы увидите его в Петергофе. Особенно я хотел бы вам показать его первого января. Но, повторяю, нелегко стать достойным управлять подобным народом.

— Ваше величество уже много сделали для России.

— Боюсь, что я не сделал всего, что я мог бы сделать.

Частые и долгие разговоры со мной государя на глазах всего общества доставили мне здесь массу новых знакомств и укрепили прежние. Многие из тех, коих я встречал и раньше, бросаются мне теперь в объятия, но лишь с тех пор, как они заметили, что я стал объектом особого монаршего благоволения. И все это люди первых придворных классов. Но такова уже, видно, натура светских людей, особенно лиц официальных, — быть сдержанными во всем, кроме честолюбивых расчетов. Чтобы сохранить, живя при дворе, чувства, возвышающиеся над желаниями толпы, необходимо обладать слишком благородной душой: увы, такие натуры встречаются теперь очень редко.

Приходится еще раз повторить: в России нет больших людей, потому что нет независимых характеров, за исключением немногих избранных натур, слишком малочисленных, чтобы оказать влияние на окружающих. Эта страна, столь отличная во многих отношениях от нашей, сближается с Францией лишь в одном: здесь, как и у нас, нет социальной иерархии. Благодаря этому пробелу в политической организации России в ней, как и во Франции, существует всеобщее равенство. Поэтому и в той и в другой стране встречается масса людей с беспокойным умом, но у нас они волнуются открыто, здесь же политические страсти замкнуты. Во Франции каждый может достигнуть всего, пользуясь ораторской трибуной, в России — вращаясь при дворе. Самый ничтожный человек, если он сумеет понравиться государю, завтра же может стать первым в государстве. Милость земного божества является здесь надежной приманкой, заставляющей честолюбцев проделывать чудеса, точно так же, как у нас приводит к поразительным метаморфозам жажда популярности. В Петербурге с этой целью

становишься самым низким льстецом, в Париже — великим оратором. Каким талантом наблюдательности должны были обладать русские царедворцы, чтобы открыть способ понравиться царю, прогуливаясь зимой по улицам Петербурга в одном мундире, без шинели. Эта геройская лезть, обращенная непосредственно к климату и косвенно к государю, стоила уже жизни многим честолюбцам. Как легко попасть в этой стране в немилость, если для того, чтобы понравиться, приходится прибегать к подобным средствам. Два вида фанатизма, две страсти, более, чем это кажется, между собой сходные, — стремление к популярности и рабское отречение царедворца — творят чудеса. Первое поднимает слово на вершину красноречия, второе — придает силу молчанию, но оба они ведут к одной и той же цели. Вот почему при неограниченном деспотизме умы бывают так же взволнованы, как и при республике, с той лишь разницей, что безмолвное брожение подданных абсолютного монарха сильнее волнует умы благодаря тайне, в которую оно должно облекаться. У нас жертвы, чтобы привести к каким-либо результатам, должны быть принесены открыто; здесь, наоборот, они должны оставаться неизвестными. Всемогущий деспот всего сильнее ненавидит открыто пожертвовавшего собой подданного. Каждый поступок, возвысившийся над слепым и рабским послушанием, становится для монарха тягостным и подозрительным. Эти исключительные случаи напоминают ему о чьих-то притязаниях, притязания — о правах, а при деспотизме всякий подданный, лишь мечтающий о правах, — уже бунтовщик.

Прежде чем отправиться в настоящее свое путешествие, я проверил свои идеи о деспотическом образе правления на примерах Австрии и Пруссии. Я не думал тогда, что эти государства лишь по названию являются неограниченными монархиями и что издавна установившиеся нравы и обычаи там заменяют государственные формы правления. Эти народы, управляемые деспотической властью, казались мне счастливейшими на земле, и сдерживаемый мягкими нравами деспотизм не представлялся мне таким ненавистным, каким его рисуют наши философы. Но я тогда не видел еще неограниченной монархии с народом, состоящим из рабов.

Нужно приехать в Россию, чтобы воочию убедиться в результате страшного смешения духа и знаний Европы с гением Азии. Оно тем ужаснее, что может длиться

бесконечно, ибо честолюбие и страх — две страсти, которые в других странах часто губят людей, заставляя их слишком много говорить, — здесь порождают лишь гробовое молчание. И это насильственное молчание создает иллюзию вынужденного спокойствия и кажущегося порядка, которые сильнее и ужаснее любой анархии, так как недовольство, ими вызываемое, никогда не прекращается и кажется вечным.

Быть может, независимый суд и подлинная аристократия внесли бы успокоение в умы русских и принесли бы счастье стране. Но я не верю, чтобы царь прибегнул когда-нибудь к этому средству для улучшения положения своих народов. Каким бы рассудительным он ни был, он никогда добровольно не согласится сделать их счастливыми.

ГЛАВА X

Улицы Петербурга. — Невский проспект. — Английский стиль и азиатский беспорядок. — Извозчики. — Символическая тележка фельдъегеря. — Военная архитектура города. — Обилие церквей. — Злословие рабов. — «Русский дух». — Замкнутость женщин. — Утрированная вежливость

По словам патриотически настроенных русских, в Петербурге насчитывается до четырехсот пятидесяти тысяч жителей без гарнизона. Но лица хорошо осведомленные и потому слышущие здесь злонамеренными уверяли меня, что население, включая гарнизон, не достигает и четырехсот тысяч. Верно лишь то, что этот город дворцов со своими огромными пустыми пространствами и мощеными площадями очень похож на поле, перерезанное дощатыми заборами. Отдаленные от центра части города сплошь застроены маленькими деревянными домишками.

Потомки племен бродячих и воинственных, русские еще не успели позабыть жизни на биваках. Петербург — штаб-квартира армии, а не столица государства. Как ни великолепен этот военный город, европейцу он представляется нагим и пустынным.

«Расстояния — наше проклятие», — сказал мне однажды император. Справедливость этого замечания можно проверить даже на улицах Петербурга. Так, не из чувства тщеславия разъезжают там в каретах, запря-

женных четверкой лошадей. Ибо поездка с визитом — это целое путешествие. Русские лошади, нервные и полные огня, уступают нашим в мускульной силе. Пара лошадей не может долго мчать тяжелую коляску по скверным петербургским мостовым. Поэтому четверка лошадей является предметом первой необходимости для всякого, желающего вести светский образ жизни. Однако далеко не каждый имеет право на такую запряжку: этой привилегией пользуются лишь особы известного ранга.

Стоит только покинуть центр города, и вы теряетесь в едва намеченных улицах, вдоль которых тянутся постройки казарменного вида. Это провиантские магазины, склады фуража, обмундирования и всевозможных воинских припасов. Все время кажется, что завтра предстоит большой смотр или ярмарка. Улицы поросли травой, потому что они слишком просторны для пользующегося ими населения.

Столько колоннад приставлено к фасадам, столько портиков украшает казармы, изображающие здесь дворцы, таким обилием заимствованной архитектурной пышности перегружена эта временная столица, что меньше людей, чем колонн, можно насчитать на площадях Петербурга, всегда безмолвных и печальных благодаря их размерам и безупречной правильности линий.

Главная улица Петербурга называется Невским проспектом и заслуживает несколько более подробного описания. Эта красивая улица служит местом прогулок и встреч всех бездельников города. Таких, правда, не слишком много, ибо здесь не ходят ради самого процесса гуляния. Каждый шаг имеет свою цель, независимую от удовольствия. Передать приказание, спешить к своему начальнику, засвидетельствовать нужному лицу почтение — вот что приводит в движение население Петербурга и империи.

Этот именуемый проспектом бульвар вымощен ужасающими булыжниками неправильной формы. Но здесь, как и на некоторых других главных улицах, в булыжной мостовой проложены деревянные дороги — нечто вроде паркета из восьмиугольных или кубических сосновых брусков.

Две такие полосы торцов, шириной от двух до трех футов, разделенные булыжной мостовой, по которой бежит коренник, проложены с каждой стороны улицы. От домов их отделяют широкие тротуары, выложенные плит-

няком, на отдаленных улицах сохранились еще жалкие деревянные панели. Этот величественный проспект доходит, постепенно становясь все безлюднее, некрасивее и печальнее, до самых границ города и мало-помалу теряется в волнах азиатского варварства, со всех сторон заливающих Петербург, ибо самые пышные его улицы сходят на нет в пустыне. Великолепный город, созданный Петром Великим, украшенный Екатериной II и вытянутый по ранжиру прочими монархами на кочковатом, почти ежегодно затопляемом болоте, окружен ужасающей неразберихой лачуг и хибарок, бесформенной гурьбой домишек неизвестного назначения, безымянными пустырями, заваленными всевозможными отбросами — омерзительным мусором, накопившимся за сто лет жизни беспорядочного и грязного от природы населения.

Калмыцкая орда, расположившаяся в кибитках у подножия античных храмов, греческий город, импровизированный для татар в качестве театральной декорации, великолепной, но безвкусной, за которой скрывается самая подлинная и страшная драма, — вот что бросается в глаза при первом взгляде на Петербург.

После полудня на Невском проспекте, на обширной площади перед Зимним дворцом, на набережных и мостах появляется довольно большое количество экипажей разнообразного вида и причудливых очертаний. Это придает некоторое оживление унылому городу, самой монотонной из всех европейских столиц.

Внутренний вид жилищ так же печален, потому что, несмотря на роскошь передних покоев, предназначенных для приема гостей и обставленных в английском стиле, стовсюду из темных углов выглядывает домашняя грязь и глубочайший, истинно азиатский беспорядок. Предмет обстановки, которым меньше всего пользуются в русском доме, это кровать. Служанки спят в чуланах, напоминающих прежние каморки швейцаров у нас во Франции, а мужская прислуга валяется на лестницах, в прихожих и даже, говорят, в гостиных прямо на полу, подложив под голову подушку.

Сегодня утром я был с визитом у одного князя, в прошлом большого вельможи, ныне разорившегося, дряхлого и страдающего водянкой. Он так серьезно болен, что не покидает ложа, и тем не менее у него нет постели, то есть того, что подразумевается под этим наименованием в цивилизованных странах. Живет он у своей сестры, уехавшей из города. Одинокий, в необитаемом,

пустом дворце, он проводит ночи на деревянной скамье, покрытой ковром и несколькими подушками. И в данном случае дело объясняется вовсе не причудой старика. Иногда можно увидеть парадную постель — предмет роскоши, который показывают из уважения к европейским обычаям, но которым никогда не пользуются.

Славяне — по крайней мере, красивые представители расы — обладают стройной и изящной фигурой, внушающей вместе с тем представление о силе. Глаза у них миндалевидные, чаще всего черные или голубые, всегда ясные и прозрачные, но взгляд скрытный и плутоватый, как у всех азиатских народов. Когда эти глаза смеются, они становятся живыми, подвижными и очень привлекательными. Русский народ, серьезный скорее по необходимости, чем от природы, осмеливается смеяться только глазами, но зато в них выражается все, чего нельзя высказать словом: невольное молчание придает взгляду необычайную красноречивость и страстность. Но чаще всего он безысходно печален — так глядит затравленный, опутанный сетями зверь.

В славянах, рожденных для того, чтобы править колесницей, видна порода, так же, как и в их конях. Красота и резвость последних придают улицам живописный и оригинальный вид. Так, благодаря своим обитателям и вопреки замыслу архитекторов Петербург не похож ни на один из европейских городов.

Русские кучера держатся на козлах прямо и гонят лошадей всегда крупной рысью, но чрезвычайно уверенно. Поэтому, несмотря на исключительную скорость движения, несчастные случаи редки на улицах Петербурга. У кучеров часто нет кнута, а если и имеется, то он настолько короток, что практически бесполезен. Не прибегая даже к помощи голоса, возницы управляют лошадьми только посредством вожжей и мундштука. Вы можете бродить по Петербургу часами, не услышав ни единого кучерского оклика. Если прохожие сторонятся недостаточно быстро, форейтор издает негромкий звук, похожий на крик сурка, потревоженного в своей норе, — все спасаются бегством, и коляска пронесется мимо, ни на секунду не замедляя безумной скорости движения.

Экипажи по большей части содержатся плохо, небрежно вымыты, скверно окрашены, еще хуже отлакированы и в общем лишены всякого изящества. Даже коляски, вывезенные из Англии, скоро теряют свой шик

на мостовых Петербурга и в руках русских кучеров. Хороша только упряжь, легкая и красивая, выделанная из превосходной кожи.

Особенно печальный вид имеют наемные лошади и их жалкие возницы. Жизнь их очень тяжела: с раннего утра до позднего вечера они стоят под открытым небом, у подъезда нанявшего их лица или на местах стоянки, отведенных им полицией. Лошади — весь день в запряжке, кучера — на облучке, едят тут же, не покидая ни на минуту своего поста. Впрочем, извозчики ведут такой образ жизни только летом. Зимой для них посреди наиболее оживленных площадей сколачиваются дощатые сараи.

Около этих убежищ, а также у дворцов, театров и всех тех мест, где происходит какое-либо празднество, зажигают большие костры, вокруг которых отогреваются слуги. Тем не менее в январе не проходит ни одного бала без того, чтобы два-три человека не замерзло на улице. Одна дама, более искренняя, чем другие, которую я неоднократно расспрашивал по этому поводу, ответила мне таким образом: «Это возможно, но я никогда об этом не слыхала». Уклончивый ответ, стоящий признания! Нужно побывать в России, чтобы узнать, до каких размеров может дойти пренебрежение богатого к жизни бедного, и чтобы понять, какую вообще малую цену имеет жизнь в глазах человека, осужденного влачить дни под игом абсолютизма.

Если на мгновение встреча на какой-нибудь прогулке с несколькими досужими людьми создает впечатление, что в России, как и в других странах, тоже, может быть, есть люди, развлекающиеся ради развлечения и создающие себе из забавы серьезное дело, то вид фельдъегеря, мчащегося во весь опор в своей тележке, в тот же миг уничтожает подобную иллюзию. Фельдъегерь — это олицетворение власти. Он — слово монарха, живой телеграф, несущий приказание другому автомату, ожидающему его за сто, за двести, за тысячу миль и имеющему столь же слабое представление, как и первый, о воле, приводящей их обоих в движение. Тележка, в которой несется этот железный человек, самое неудобное из всех существующих средств передвижения. Представьте себе небольшую повозку с двумя обитыми кожей скамьями, без рессор и без спинок, — всякий другой экипаж отказался бы служить на проселочных дорогах, расходящихся во все стороны от нескольких

почтовых шоссе, постройка которых только начата в этой первобытной стране. На передней скамье сидит почтальон или кучер, сменяющийся на каждой станции, на второй — курьер, который ездит, пока не умрет. И люди, посвятившие себя этой тяжелой профессии, умирают рано.

Эти фельдъегери, которые на моих глазах ежедневно мчатся по всем направлениям в пышной столице, вызывают во мне представление о тех пустынях, куда они направляются. Я мысленно следую за ними в Сибирь, на Камчатку, к Великой Китайской стене, в Лапландию, к Ледовитому океану, на Новую Землю, в Персию, на Кавказ.

При звуке этих исторических, почти легендарных имен мне рисуются туманные, беспредельные дали, гнетуще действующие на душу. И все-таки вид этих глухих, слепых и немых гонцов дает неистощимую пищу поэтическому воображению иностранца. Несчастные люди, обреченные на то, чтобы жить и умереть в своей тележке, придают какой-то жуткий, меланхолический интерес самым заурядным событиям повседневной жизни.

Нужно сознаться, что если абсолютизм делает несчастными народы, которые он угнетает, то для путешественников он настоящий клад, ибо заставляет их на каждом шагу удивляться. В свободных странах все становится явным и сейчас же забывается; под гнетом абсолютизма все скрывается и обо всем приходится догадываться. Поэтому замечают и запоминают малейшие подробности, тайное любопытство оживляет беседу, придавая ей особую остроту. Нет поэтов более несчастных, чем те, кому суждено прозябать в условиях широчайшей гласности, ибо когда всякий может говорить о чем угодно, поэту остается только молчать. Видения, аллегории, иносказания — вот средства выражения поэтической истины. Режим гласности убивает эту истину грубой реальностью, не оставляющей места полету фантазии.

Я описал город, лишенный своеобразия, скорее пышный, чем величественный, скорее поражающий своими размерами, чем красотой, наполненный зданиями без стиля, без вкуса, без исторического значения. Но, на счастье поэта и художника, русские — народ глубоко религиозный. Церкви, по крайней мере, принадлежат всецело им. Внешняя форма молитвенных сооружений освящена традицией и составляет неотъемлемую часть культа. Суеверие не отдает эти твердыни веры во власть магии, во-

площающей математические фигуры в кирпиче и камне, и упорно отстаивает их от архитектуры скорее военной, чем классической, (придающей) каждому русскому городу вид лагеря, существующего в течение нескольких недель на время маневров.

Другая своеобразная черта Петербурга — золоченые шпили, нарушающие монотонные линии крыш города. Наиболее примечательны из них — шпиль цитадели, колыбели Петербурга, и адмиралтейская игла. Эти удивительные архитектурные украшения заимствованы, говорят, из Азии и поражают своей поистине исключительной смелостью. Они столь высоки и тонки, что просто непонятно, каким способом они держатся в воздухе.

Представьте себе огромное количество церковных глав и вокруг каждой — четыре колокольни, обязательные по православному ритуалу; вообразите множество серебряных, золотых, небесно-голубых, усыпанных звездами куполов; синие или ярко-зеленые крыши дворцов; площади, украшенные бронзовыми статуями императоров и героев русской истории; водную гладь широчайшей реки, отражающей, как зеркало, все прибрежные здания. Прибавьте сюда Троицкий мост³⁷, переброшенный на понтонах в самом широком месте реки, и Петропавловскую крепость, где покоится в лишенных всяких украшений усыпальницах Петр Великий со своей семьей, — и, если вы живо представите себе всю эту картину, вы поймете, почему Петербург является все-таки бесконечно живописным городом вопреки заимствованной архитектуре дурного вкуса, вопреки окружающим его болотам, вопреки белесой дымке его лучших летних дней.

Сейчас здесь стоит тропическая жара — и тем не менее жители уже запасаются топливом на зиму. Баржи, груженные березовыми дровами, единственным видом топлива в стране, где дуб считается предметом роскоши, заполняют многочисленные и широкие каналы, прорезающие город по всем направлениям. Вода в этих каналах зимой под покровом снега и льда, а летом — под бесконечным количеством барж, теснящихся к набережным.

Топливо становится редкостью в России. Дрова в Петербурге стоят не дешевле, чем в Париже. Видя, с какой быстротой исчезают леса, поневоле задаешь себе тревожный вопрос: чем будут согреваться будущие поколения? Прошу извинения за шутку, но мне часто думается, что народы, пользующиеся благами теплого климата, поступили бы очень мудро, снабдив русских достаточным количеством топлива. Тогда эти северные римляне не глядели бы на солнце с таким вождедением.

Русские похожи на римлян и в другом отношении: так же, как и последние, они заимствовали науку и искусство извне. Они не лишены природного ума, но ум у них подражательный, и потому скорее иронический, чем созидательный. Насмешка — отрицательная черта характера тиранов и рабов. Каждый угнетенный народ поневоле обращается к злословию, к сатире, к карикатуре. Сарказмами он мстит за вынужденную бездеятельность и за свое унижение.

Русские распространяют вокруг себя довольно неприятный запах, дающий о себе знать даже на расстоянии. От светских людей пахнет мускусом, от простонародья — кислой капустой, луком и старой дубленой кожей. Отсюда вы можете заключить, что тридцать тысяч верноподданных императора, являющихся к нему во дворец первого января с поздравлениями, и шесть или семь тысяч, которые бывают в петергофском дворце³⁸ в день тезоименитства императрицы, должны принести с собой грозные ароматы...

Из всех виденных мною до сих пор женщин простого класса ни одна не показалась мне красивой, а большинство из них отличаются исключительным безобразием и отталкивающей нечистоплотностью. Странно подумать, что это жены и матери тех статных и стройных красавцев с тонкими и правильными чертами лица, с греческими профилями, которые встречаются даже в низших слоях населения. Нигде нет таких красивых стариков и таких уродливых старух, как в России. Между прочим, бросается в глаза одна особенность Петербурга: женщины составляют здесь значительно меньшую часть населения, чем в других столицах. Меня уверяли, что их не больше трети общего числа жителей. Вследствие того, что их так мало, они возбуждают чрезмерное внимание сильного пола и поэтому с наступлением сумерек не рискуют появиться без провожатых в менее заселенных кварталах города. Такая осторожность представляется мне достаточно обоснованной в столице насквозь военного государства, среди народа, предающегося пьянству. Русские женщины реже показываются в обществе, чем француженки. Ведь не так давно, лет сто с небольшим тому назад, они вели затворнический образ жизни подобно своим азиатским товаркам. Сдержанное, я бы сказал, боязливое поведение русских женщин напоминает, как и многие другие русские обычаи, о происхождении этого народа и усугубляет уныние, господствующее на общественных празднествах и улицах Петербурга.

В столице очень мало кафе, нет общественных балов в нашем смысле слова, а на бульварах немного публики,

которая не гуляет, а спешит куда-то со степенными лицами, мало говорящими о развлечении. Однако если страх делает здесь людей серьезными, то он же учит их необычайной вежливости. Я никогда не видел, чтобы люди всех классов были друг с другом столь вежливы. Извозчик неизменно приветствует своего товарища, который в свою очередь отвечает ему тем же; швейцар раскланивается с малярами, и так далее. Может быть, эта учтивость деланная; мне она представляется по меньшей мере утрированной, но во всяком случае даже видимость любезности весьма приятна в общезитии.

Пребывание в Петербурге было бы совсем приятно для путешественника, склонного доверять словам и обладающего к тому же твердым характером. Однако твердости потребовалось бы много для того, чтобы отказываться от приглашений на всякого рода торжества и обеды, эти сущие бичи русского великосветского общества. Я старался принимать как можно меньше приглашений частных лиц, интересуясь больше придворными празднествами, которых я видел вполне достаточно. От чудес, которые ничего не говорят сердцу, быстро наступает пресыщение. Пусть утверждают, что высшее общество одинаково повсюду: нигде придворные интриги не играют такой исключительной роли в жизни каждого человека, как в России.

ГЛАВА XI

Общение царя с народом.— Русская «конституция». — Петергофский дворец.— Исключительное значение костюма.— Николай позирует.— Гостеприимство москвитов.— Страх, парализующий мысль.— Восточный деспотизм.— Две нации в России.— Русским неведомо истинное счастье.— Живые отзывы иностранцев.— О лицемерии.— Рабы рабов.— Империя каталогов.— Об интеллигенции.— Смертная казнь.— Шестидесятимиллионная тюрьма.— Часы сардинского посла

Петергофский праздник нужно рассматривать с двух точек зрения: материальной и, если можно так выразиться, моральной. В зависимости от того или другого подхода торжество производит совершенно различное впечатление.

Я не видел ничего прекраснее для глаз и ничего печальнее для ума, чем это псевдонародное единение придворных и крестьян, собранных под одной кровлей, но глубоко

чуждых друг другу. В общественном смысле это производит очень неприятное впечатление, ибо из ложно понятой жажды популярности император унижает знатных, не возвышая мелкий люд. Все люди равны перед Богом, а для русских монарх — это Бог. Он так высоко парит над землей, что не видит различий между господином и рабом, мелкие оттенки, разделяющие род человеческий, ускользают от его божественного взора. Так горы и долины, бороздящие поверхность земного шара, незаметны для глаза обитателя солнца.

Когда император два раза в год * раскрывает двери своего дворца перед привилегированными крестьянами и избранными горожанами, он этим не говорит купцу или батраку: «Ты такой же человек, как и я», но говорит дворянину: «Ты такой же раб, как и они, а я ваш Бог, равно властвую над всеми вами». Таков, в сущности, если отбросить все политические фикции, моральный смысл этого праздника, портящий в моих глазах всю его прелесть. Кроме того, я заметил, что монарху и рабам он доставлял гораздо больше удовольствия, чем придворным.

Искать подобия популярности в равенстве подданных — жестокая забава деспота. Она могла бы ослепить, пожалуй, наших предков, но не введет в заблуждение народ, достигший умственной и нравственной зрелости. Конечно, не император Николай ввел в обиход эти все-народные приемы, но тем достойнее для него было бы покончить с ними. Правда, в России ни с чем нельзя покончить без некоторой опасности для реформатора: народы, лишённые законных гарантий своих прав, ищут убежища в обычаях. Слепая преданность дедовским обычаям, отстаиваемым бунтом и ядом, — один из столпов русской «конституции», и насильственная смерть многих монархов доказывает, что русские заставляют уважать эту «конституцию». Равновесие подобной системы представляется мне неразрешимой загадкой.

Если подойти к петергофскому празднику как к великолепному зрелищу, как к живописному скоплению людей всех званий в роскошных и живописных нарядах, то он окажется выше всяких похвал. Сколько я о нем ни читал,

* 1 января в Петербурге и в день тезоименитства императрицы, 22 июля, в Петергофе. (Прим. авт.)

сколько мне ни рассказывали, я не ожидал ничего подобного: действительность превзошла самую пылкую фантазию.

Представьте себе дворец, выстроенный на природной террасе, которая по высоте может сойти за гору в стране беспредельных равнин, в стране столь плоской, что при подъеме на холм в шестьдесят футов высотой горизонт расширяется чуть ли не до бесконечности. У подножия этой внушительной террасы начинается прекрасный парк, доходящий до самого моря, где вытянулись в линию военные суда, иллюминированные в вечер праздника. Волшебное зрелище! Огни загораются, сверкают, растут, как пожар, и наконец заливают все пространство от дворца до вод Финского залива. В парке становится светло как днем. Деревья освещаются солнцами всех цветов радуги. Не тысячи, не десятки, а сотни тысяч огней насчитываются в этих садах Армиды³⁹. А вы любуетесь всем этим из окон дворца, переполненного толпой народа, ведущего себя так, словно он всю жизнь провел при дворе.

Однако хотя целью праздника было стереть различия между сословиями, они все же не смешиваются друг с другом в толпе. Несмотря на жестокий удар, нанесенный аристократии деспотизмом, в России еще существуют касты. В этом можно усмотреть лишнюю черту сходства с Востоком и одно из разительнейших противоречий общественного строя, созданного нравами народа, с одной стороны, и усилиями правительства — с другой. Так, на этом празднике — истинной оргии самодержавной власти — отовсюду сквозь видимый беспорядок бала проглядывали черты порядка, господствующего в стране. Те, кого я встречал, были то купцы, то солдаты, то крестьяне, то придворные, и все отличались друг от друга по костюму. Человек, который не имел бы других отличий, кроме личных заслуг, показался бы здесь аномалией. Не нужно забывать того, что мы находимся здесь на рубеже Азии: русский во фраке кажется мне иностранцем у себя на родине.

Бал оказался настоящим столпотворением. Он считается маскированным потому, что мужчины носят за плечами кусок шелка, именуемый венецианским плащом. Этот «плащ» комично болтается поверх мундиров. Полные

народом залы старого дворца представляют собой море лоснящихся от масла голов, над которыми господствует благородная голова императора. Николай I, по-видимому, умеет подчинять себе души людей, а не только возвышаться над толпой по росту. От него исходит какое-то таинственное влияние. В Петергофе, как и на параде, как и на войне, как во все моменты его жизни, вы видите в нем человека, который царствует.

Такое позирование своей царственностью было бы настоящей комедией, если бы от этого постоянного театрального представления не зависело существование шестидесяти миллионов людей, которые живут лишь потому, что этот человек, выступающий перед вами в роли монарха, милостиво разрешает им дышать и предписывает, какими способами должно пользоваться его разрешением. Такова серьезная сторона представления. Отсюда вытекают столь важные последствия, что страх перед ними скоро заглушает желание смеяться.

Нет в наши дни на земле человека, который пользовался бы столь неограниченной властью. Вы не найдете такого ни в Турции, ни даже в Китае. Представьте себе все столетиями испытанное искусство наших правительств, предоставленное в распоряжение еще молодого и полудикого общества; весь административный опыт Запада, используемый восточным деспотизмом; европейскую дисциплину, поддерживающую азиатскую тиранию; полицию, поставившую себе целью скрывать варварство, а не бороться с ним; тактику европейских армий, служащую для проведения восточных методов политики; вообразите полудикий народ, которого милитаризировали и вымуштровали, но не цивилизовали,— и вы поймете, в каком положении находится русский народ.

Воспользоваться всеми административными достижениями европейских государств для того, чтобы управлять на чисто восточный лад шестидесятимиллионным народом,— такова задача, над разрешением которой со времен Петра I изощряются все монархи России.

Знаете ли вы, что значит путешествовать по России? Для поверхностного ума это значит питаться иллюзиями. Но для человека мало-мальски наблюдательного и обладающего к тому же независимым характером это тяжелый, упорный и неблагодарный труд. Ибо такой путешественник с величайшими усилиями различает на каждом шагу

две нации, борющиеся друг с другом: одна из этих наций — Россия, какова она есть на самом деле, другая — Россия, какую ее хотели бы показать Европе.

Русское правительство, проникнутое византийским духом, да, можно сказать, и Россия в целом всегда смотрели на дипломатический корпус и вообще на европейцев как на завистливых и злорадных шпионов. В этом отношении между русскими и китайцами наблюдается разительное сходство: и те и другие уверены, что мы им завидуем. Они судят о нас по себе.

Столь прославленное гостеприимство москвитов тоже превратилось в чрезвычайно тонкую политику. Она состоит в том, чтобы как можно больше угодить гостям, затратив на это как можно меньше искренности. И наилучшей репутацией пользуются те путешественники, которые легче других даются в обман. Здесь вежливость есть не что иное, как искусство взаимно скрывать тот двойной страх, который каждый испытывает и внушает. Всюду и везде мне чудится прикрытая лицемерием жестокость, худшая, чем во времена татарского ига: современная Россия гораздо ближе к нему, чем нас хотят уверить. Везде говорят на языке просветительной философии XVIII века, и везде я вижу самый невероятный гнет. Мне говорят: «Конечно, мы хотели бы обойтись без произвола, мы были бы тогда богаче и сильнее. Но, увы, мы имеем дело с азиатским народом». И в то же время говорящие думают: «Конечно, хорошо бы было избавиться от необходимости говорить о либерализме и филантропии, мы стали бы счастливее и сильнее, но, увы, нам приходится иметь дело с Европой».

Русские всех званий и состояний с удивительным, нужно сознаться, единодушием способствуют подобному обману. Они до такой степени изоцрены в искусстве лицемерия, они лгут с таким невинным и искренним видом, что положительно приводят меня в ужас. Все, чем я восхищаюсь в других странах, я здесь ненавижу, потому что здесь за это расплачиваются слишком дорогой ценой. Порядок, терпение, воспитанность, вежливость, уважение, естественные и нравственные отношения, существующие между теми, кто распоряжается, и теми, кто выполняет, — одним словом, все, что составляет главную прелесть хорошо организованных обществ, все, в чем заключается смысл существования политических учреждений, все сводится здесь к одному-единственному чувству — к страху. В России страх заменяет, вернее, парализует мысль.

Когда чувство страха господствует безраздельно, оно способно создать только видимость цивилизации. Что бы там ни говорили близорукие законодатели, страх никогда не сможет стать душою правильно организованного общества, ибо он не создает порядка, а только прикрывает хаос. Где нет свободы, там нет души и правды. Россия — тело без жизни, или, вернее, колосс, живущий только головой: все члены его, лишённые силы, постепенно отмирают. Отсюда проистекает глубочайшее беспокойство, какое-то трудноопределимое и тягостное чувство, охватывающее всех в России. Корни этого чувства не в смутных идеях, не в пресыщении материальным прогрессом, не в порожденной конкуренцией зависти, как у новоиспеченных французских революционеров; оно является выражением реальных страданий, симптомом органической болезни.

Россия, думается мне, единственная страна, где люди не имеют понятия об истинном счастье. Во Франции мы тоже не чувствуем себя счастливыми, но мы знаем, что счастье зависит от нас самих; в России оно невозможно. Представьте себе республиканские страсти (ибо, повторяю еще раз, под властью русского императора царствует мнимое равенство), клокочущие в безмолвии деспотизма. Это сочетание сулит миру страшное будущее. Россия — котел с кипящей водой, котел крепко закрытый, но поставленный на огонь, разгорающийся все сильнее и сильнее. Я боюсь взрыва. И не я один его боюсь! Император испытывал те же опасения несколько раз в течение своего многотрудного царствования, тяжелого и полного забот как в периоды мира, так и во время войны. Ибо в наши дни империи подобны машинам, ржавеющим от бездействия и изнашивающимся от работы.

Итак, эта голова без тела, этот монарх без народа дает народные празднества. Мне кажется, что прежде, чем искать популярности в народе, следовало бы создать самый народ.

Право, эта страна поразительно поддается всем видам обмана. Рабы существуют во многих странах, но, чтобы найти такое количество придворных рабов, нужно приехать в Россию. Не знаешь, чему больше удивляться: лицемерию или противоречиям, господствующим в этой империи. Екатерина II не умерла, ибо, вопреки открытому характеру ее внука, Росснею по-прежнему правит притворство. Искренно сознаться в тирании было бы здесь большим шагом вперед.

В этом, как и во многих других случаях, иностранцы,

описывающие Россию, помогали русским обманывать весь мир. Что может быть угодливей писателей, сбежавшихся сюда со всех концов Европы, чтобы проливать слезы умиления над трогательной фамильярностью отношений, связывающих русского царя с его подданными? Неужели престиж деспотизма так силен, что подчиняет себе даже не мудрствующих лукаво любопытных? Либо Россию еще не описывали люди, независимые по своему общественному положению или духовным качествам, либо даже самые искренние умы, попадая в Россию, теряют свободу суждений.

Что касается меня, то я охраняю себя от этих влияний отвращением, которое испытываю ко всякому лицемерию. Я ненавижу лишь одно зло, и ненавижу его так потому, что, по моему мнению, оно порождает и заключает в себе все остальные. Это ненавистное мне зло — ложь. Везде, где мне приходилось сталкиваться с ложью, я старался ее разоблачать. Отвращение к неправде придает мне желание и смелость описать это путешествие. Я предпринял его из любопытства, я рассказываю о нем по чувству долга. Любовь к истине так сильна во мне, что заставляет даже любить современную эпоху. Если наш век и грубоват немногo, то он во всяком случае искренней, чем его предшественник. Он отличается отвращением, которое я вполне разделяю, к притворству всякого рода. Ненависть к лицемерию — вот факел, светящий мне в лабиринте мира. Те, кто обманывает своих ближних, представляются мне отравителями, и чем выше занимаемое ими общественное положение, тем они виновнее в моих глазах.

Вот почему я вчера не мог наслаждаться от всего сердца зрелищем, ласкавшим помимо воли мое зрение. Если это зрелище и не было столь трогательно, как старались меня уверить, то оно, во всяком случае, было пышно, великолепно, оригинально. Но оно казалось мне проникнутым ложью, и этого было достаточно, чтобы лишить его для меня всякой прелести. Стремление к правде, воодушевляющее ныне французов, еще неизвестно в России.

В конце концов, что представляет собой эта толпа, именуемая народом и столь восхваляемая в Европе за свою фамильярную почтительность к монарху? Не обманывайте себя напрасно: это рабы рабов. Вельможи с большим разбором выбирают в своих поместьях крестьян и посылают их приветствовать императрицу. Этих отборных крестьян впускают во дворец, где они изображают

народ, не существующий за его стенами, и смешиваются с придворной челядью. Последняя открывает двери дворца наиболее благонадежным и известным своей лояльностью купцам, ибо подлинно русским людям необходимо присутствие нескольких бородатых личностей. Так на самом деле составляется тот «народ», которого преданность и прочие замечательные чувства русские монархи ставят в пример другим народам начиная со времен императрицы Елизаветы. Ею, кстати сказать, и заведены, по-видимому, эти народные празднества.

Вчера некоторые придворные восхваляли при мне благовоспитанность своих крепостных. «Попробуйте-ка устроить такой праздник во Франции», — говорили они. «Прежде чем сравнивать оба народа, — хотелось мне ответить, — подождите, чтобы ваш народ начал существовать».

Россия — империя каталогов: если пробежать глазами одни заголовки — все покажется прекрасным. Но берегитесь заглянуть дальше названий глав. Откройте книгу — и вы убедитесь, что в ней ничего нет: правда, все главы обозначены, но их еще нужно написать. Сколько лесов являются лишь болотами, где не собрать и вязанки хвороста. Сколько есть полков в отдаленных местностях, где не найти ни единого солдата. Сколько городов и дорог существуют лишь в проекте. Да и вся нация, в сущности, не что иное, как афиша, расклеенная по Европе, обманутой дипломатической фикцией. Настоящая жизнь сосредоточена здесь вокруг императора и его двора.

Средний класс мог бы образоваться из кулечества, но оно так малочисленно, что не имеет никакого влияния. Артистов немногим больше, но если их немногочисленность доставляет им уважение сограждан и способствует личному преуспеянию, то она же сводит на нет их социальное значение. Адвокатов не может быть в стране, где отсутствует правосудие. Откуда же взяться среднему классу, который составляет основную силу общества и без которого народ превращается в стадо, охраняемое хорошо выдрессированными овчарками?

Я не упомянул одного класса, представителей которого нельзя причислить ни к знати, ни к простому народу: это сыновья священников. Из них преимущественно набирается армия чиновников, эта сушая язва России. Эти господа образуют нечто вроде дворянства второго сорта, дворянства, чрезвычайно враждебного настоящей знати, проникнутого антиаристократическим духом и вместе с тем угнетающего крепостных. Я уверен,

что этот элемент начнет грядущую революцию в России.

Повторю еще раз: все в России — один обман, и милостивая снисходительность царя, допускающего в раззолоченные чертоги своих рабов, — только лишняя насмешка.

Смертная казнь не существует в России, за исключением случаев государственной измены.

Однако некоторых преступников нужно отправить на тот свет. В таких случаях для того, чтобы согласовать мягкость законов с жестокостью нравов, поступают следующим образом: когда преступника приговаривают более чем к ста ударам кнута, палач, понимая, что означает такой приговор, из чувства человеколюбия убивает приговоренного третьим или четвертым ударом. Но смертная казнь отменена. Разве обманывать подобным образом закон не хуже, чем открыто провозгласить самую безудержную тиранию?

Среди шести или семи тысяч представителей этого лженарода, скопившегося вчера вечером в петергофском дворце, я напрасно искал хотя бы одно веселое лицо: люди не смеются, когда лгут.

Можно доверять моей оценке самодержавного образа правления, ибо я приехал в Россию именно с целью найти в ее строе рецепт против бедствий, угрожающих Франции. Если вам кажется, что я сужу Россию слишком строго, знайте, что виною тому лишь те невольные впечатления, которые я получаю ежедневно и которые каждый истинный друг человечества на моем месте истолковывал бы точно таким же образом.

Сколь ни необъятна эта империя, она не что иное, как тюрьма, ключ от которой хранится у императора. И если что-либо может сравниться с горем подданных, то только печальное положение монарха. Жизнь тюремщика, в моих глазах, ничем не лучше жизни заключенного. Поэтому меня всегда удивляла своеобразная умственная аберрация, из-за которой первый считает второго бесконечно более заслуживающим сострадания.

В России человек не знает ни возвышенных наслаждений культурной жизни, ни полной и грубой свободы дикаря, ни независимости, ни безответственности варвара. Тому, кто имел несчастье родиться в этой стране, остается только искать утешения в горделивых мечтах и надеждах на мировое господство. К такому

выводу я прихожу всякий раз, когда пытаюсь анализировать моральное состояние жителей России. Россия живет и мыслит, как солдат армии завоевателей. А настоящий солдат любой страны не гражданин, но пожизненный узник, обреченный сторожить своих товарищей по несчастью, таких же узников, как и он.

Итак, все в России сосредоточено в особе монарха. Он задает тон всему, а придворные хором подхватывают припев. Русские придворные напоминают мне марионеток со слишком толстыми веревочками.

Не верю я и в честность «мужика». Меня с пафосом уверяют, что он не сорвет ни одного цветка в садах своего царя. Этого я и не думаю оспаривать. Я знаю, какие чудеса творит страх. Но я знаю также, что эти крестьяне-«царедворцы» не пропустят случая обокрасть своего сотрапезника-вельможу, если последний, чрезмерно растрогавшись поведением меньшого брата и доверившись его высокой честности, хоть на минуту перестанет следить за движениями его рук.

Вчера на придворно-народном балу в петергофском дворце у сардинского посла чрезвычайно ловко вытащили из кармана часы, несмотря на наличие предохранительной цепочки. Многие из присутствующих потеряли в сумятице носовые платки и другие вещи. Я лично лишился кошелька, но утешился в этой потере, посмеиваясь втихомолку над похвалами, расточаемыми честности русского народа. Его хвалители хорошо знают, чего стоят их громкие фразы, и я очень доволен тем, что также познал это. Как бы русские ни старались и что бы они ни говорили, каждый искренний наблюдатель увидит в них лишь византийцев времен упадка, обученных современной стратегии пруссаками XVII века и французами нынешнего столетия.

Я очень люблю уклоняться в сторону. Некоторая беспорядочность изложения любезна моему сердцу, влюбленному во все, что напоминает свободу. Кажется, я избавился бы от привычки к отступлениям только в том случае, если бы пришлось каждый раз просить прощения у читателя и придумывать всякие стилистические уловки, ибо тогда умственные усилия отравили бы удовольствие.

Петергофский праздник. — Местоположение Петергофа. — Победа человеческой воли. — Праздничная толпа. — Сказочный фейерверк. — Ночлет. — Веселье по команде. — Цесаревич Константин о войне. — Выход императора. — Катастрофа на море. — «Трудовой день» императрицы. — Ужин. — Иллюминация парка. — Смотр кадетам. — Восточная джигитовка

Местоположение Петергофа очень живописно. От дворца вы спускаетесь с террасы на террасу по великолепной лестнице в парк, украшенный фонтанами и искусственными каскадами в стиле Версаля. Там и сям по парку разбросаны небольшие холмики и насыпи; взойдя на них, вы видите море, берега Финляндии, адмиралтейство русского флота — остров Котлин с его одетыми гранитом, едва выступающими из воды стенами, а вдалеке справа, милях в девяти, белый Петербург, кажущийся на таком расстоянии веселым и блестящим, похожим в сумерках заката на освещенный пожаром сосновый лес. Колоннады его храмов и башни колоколен напоминают осребренные пирамиды сосен. В чащи этого леса, разрезанного рукавами реки, несет свои воды Нева, величественная дельта которой под стать настоящей большой реке. Еще один обман. Положительно природа здесь в заговоре с людьми и также старается одурачить сбитого с толку путешественника.

Когда я думаю обо всех препятствиях, которые должен был преодолеть здесь человек, чтобы получить возможность жить, чтобы построить город на месте медвежьих берлог и волчьих нор, город, достойный тщеславия великого монарха и великого народа, — тогда каждый куст, каждая роза кажутся мне настоящим чудом. Если Петербург — это оштукатуренная Лапландия, то Петергоф — дворец Армиды под стеклом. Не верится, что находишься под открытым небом, видя вокруг себя столько изящества, блеска и зная, что несколькими градусами дальше северный год разделяется на день, ночь и сумерки, длящиеся по три долгих месяца. Я всегда готов восхищаться победами человеческой воли, но из этого не следует, что я должен часто давать волю своему восхищению.

В петергофском парке можно проехать с милую, не побывав два раза на одной и той же аллее; вообразите

же себе весь этот парк в огне! В этой льдистой и лишенной яркого солнечного света стране иллюминации похожи на пожары. Кажется, будто ночь хочет вознаградить людей за тусклый день. Деревья исчезают под бриллиантовыми ризами, и в каждой аллее огней больше, чем листьев. Перед вами Азия, не реальная Азия наших дней, но сказочный Багдад из «Тысячи и одной ночи» или еще более сказочный Вавилон времен Семирамиды⁴⁰.

Говорят, что в день тезоименитства императрицы шесть тысяч экипажей, тридцать тысяч пешеходов и бесчисленное множество лодок покидают Петербург и располагаются лагерем вокруг Петергофа. Это единственный день, когда я видел настоящую толпу в России. Штатский бивак в насквозь военной стране сам по себе уже диковинка. Конечно, войска тоже принимают участие в празднестве: часть гвардии и кадетские корпуса стоят в лагерях около царской резиденции. И весь этот люд — офицеры, солдаты, купцы, крепостные, дворяне, царедворцы — бродит, перемешиваясь друг с другом, в лесу, откуда мрак ночной изгнан двумя с половиной сотнями тысяч огней.

Мне назвали эту цифру, и я ее повторяю наобум, ибо для меня двести тысяч и два миллиона не составляют разницы — я не имею соответствующего глазомера. Я знаю одно: это огромное количество огней дает столько света, что перед ним меркнет естественный свет северного дня. В России император затмевает солнце. К концу лета ночи здесь вступают в свои права и быстро увеличиваются, так что без иллюминации вчера было бы темно в течение нескольких часов.

Мне передавали еще, что тысяча восемьсот человек зажигают в тридцать пять минут все огни парка. Прилегающая к дворцу часть парка освещается в пять минут. Напротив главного балкона дворца начинается канал, прямой как стрела, и доходящий до самого моря. Эта перспектива производит магическое впечатление: водная гладь канала обрамлена таким множеством огней и отражает их так ярко, что кажется жидким пламенем. Нужно иметь богатейшее воображение, чтобы изобразить словами волшебную картину иллюминации. Огни расположены с большой изобретательностью и вкусом, образуя самые причудливые сочетания. Вы видите то огромные, величиной с дерево, цветы, то солнца, то вазы, то трельяжи из виноградных гроздьев, тоobelisks и колонны, то стены с разными арабесками в мавританском стиле. Одним словом, перед вашими глазами оживает фантасти-

ческий мир, одно чудо сменяет другое с невероятной быстротой. Голова кружится от целых потоков, сверкающих всеми цветами радуги, драгоценных камней на драпировках и нарядах гостей. Все горит и блестит, везде море пламени и бриллиантов. Становится страшно, как бы это великолепное зрелище не закончилось грудой пепла подобно настоящему пожару.

В конце канала, у моря, на колоссальной пирамиде разноцветных огней возвышается бензель императрицы, горящий ослепительно белым пламенем над красными, зелеными и синими огнями. Он кажется бриллиантовым плюмажем, окруженным самоцветными камнями. Все это такого огромного масштаба, что вы не верите своим глазам. «Сколько труда положено на праздник, длящийся несколько часов; это немыслимо, — твердите вы, — это слишком грандиозно, чтобы существовать на самом деле. Нет, это сон влюбленного великана, рассказанный сумасшедшим поэтом».

Тягостное чувство, не покидающее меня с тех пор, как я живу в России, усиливается оттого, что все говорит мне о природных способностях угнетенного русского народа. Мысль о том, чего бы он достиг, если бы был свободен, приводит меня в бешенство.

Не менее, пожалуй, интересны, чем сам праздник, те эпизоды, которые ему сопутствуют. В течение двух или трех ночей вся скопившаяся в Петергофе масса народа живет на биваках вокруг села. Женщины спят в каретах или колясках, крестьянки — в своих телегах. Все повозки, сотнями заключенные в сколоченные из досок сараи, представляют собой чрезвычайно живописный лагерь, достойный кисти талантливого художника. Этот лагерь, в котором бок о бок живут кони, господа и слуги, возникает в силу необходимости, так как в Петергофе имеется весьма ограниченное число довольно грязных домишек и комната стоит от двухсот до пятисот рублей асс(игнациями) (75—160 руб(лей) сер(ебром)).

Посланники с семьями и свитой, а также представленные ко двору иностранцы получают квартиру и стол за счет императора. Для этой цели отведено обширное и изящное здание, называемое Английским дворцом⁴¹. Это здание расположено в четверти мили от императорского дворца посреди прекрасного парка, разбитого в английском стиле и оживленного прудами и ручейками. Обилие воды и холмистая, столь редкая в окрестностях Петербурга, местность придают много прелести этому парку. Так как в нынешнем году число иностранцев

оказалось больше обычного, для всех не нашлось места в Английском дворце. Поэтому я не ночую, но лишь обедаю там ежедневно за отлично сервированным столом, в обществе дипломатического корпуса и семи- или восьмисот человек.

Для ночевки главный директор императорских театров предоставил в мое распоряжение две артистические уборные петергофского театра. Мое жилище вызывает всеобщую зависть. Я ни в чем не испытываю недостатка, если не считать кровати. К счастью, я захватил с собой из Петербурга мою походную кровать, предмет первой необходимости для путешествующего по России иностранца, если только он не предпочитает проводить ночь на полу, завернувшись в ковер.

Бивак «штатского» населения — самое живописное пятно в Петергофе, так как в военных лагерях господствует обычное тоскливое однообразие. Во всякой другой стране такое огромное скопление людей сопровождалось бы оглушительным шумом и сумятицей. В России же все происходит чинно и степенно, все приобретает характер торжественной церемонии. При виде всех этих молодых, здоровых людей, собравшихся сюда для собственного развлечения или для развлечения других и не смеющих ни петь, ни смеяться, ни играть, ни драться, ни плясать, ни бегать, на ум приходит мысль: не партия ли это каторжников, собранных для отправки к месту назначения? Опять воспоминания о Сибири... Все, виденному мною в России, нельзя, безусловно, отказать в величии и пышности, даже во вкусе и изяществе. Недостает одного лишь веселья. Нельзя веселиться по команде. Наоборот, команда изгоняет веселость подобно тому, как нивелир и шнур уничтожают живописность пейзажа. Все в России симметрично и приглажено, во всем царит строгий порядок, но то, что придало бы ценность этому порядку — некоторое разнообразие, необходимое для гармонии, — совершенно неизвестно.

Солдаты в лагерях подчинены дисциплине еще более строгой, чем в казарме. Такой суровый режим среди глубокого мира и к тому же в день народного праздника заставляет меня вспомнить отзыв великого князя Константина о войне. «Я не люблю войны, — сказал он однажды, — она портит солдат, пачкает мундиры и подрывает дисциплину». Великий князь не был откровенен до конца: он имел и другие основания недолюбливать войну, что и доказал своим поведением в Польше.

В день бала мы явились во дворец к семи часам вечера. Придворные особы, дипломатический корпус, приглашенные иностранцы и так называемый «народ» — все входят попеременно в раззолоченные апартаменты. Для мужчин, кроме «мужиков» в национальных костюмах и купцов в кафтанах, обязателен, как я уже говорил, венецианский плащ поверх мундира. Правило это соблюдается весьма строго, так как бал считается маскарадом.

Сдавленные толпой, мы довольно долго ожидали появления императора и прочих особ царствующего дома. Но как только император, это солнце дворцовой жизни, появляется на горизонте, толпа перед ним раздается. Он проходит в сопровождении пышного кортежа совершенно свободно там, где, казалось бы, секундой раньше не нашлось места ни одному лишнему человеку. Как только его величество исчезает, толпа крестьян смыкается снова, подобно волнам за кормой корабля. В течение двух или трех часов государь танцует полонез с дамами императорской фамилии и свиты, причем удивительно, как толпа, не зная, в какую сторону направятся танцующие во главе с императором, все же расступается вовремя, чтобы не стеснить движения монарха.

Император беседует с несколькими боролатыми мужами в национальных костюмах, затем в десять с половиной часов подает знак, и иллюминация начинается. Я уже упоминал, с какой поистине феерической быстротой зажигаются тысячи огней.

Меня уверяли, что обычно в этот момент корабли императорского флота приближаются к берегу и отдаленными орудийными залпами вторят музыке. Вчера плохая погода лишила нас этого великолепного представления. Впрочем, один француз говорил мне, что из года в год иллюминация кораблей отменяется по тем или другим причинам. Судите сами, кому верить: русским или иностранцу?

Вчера днем нам казалось, что вообще иллюминация не состоится из-за дурной погоды. Около трех часов дня, в то время как мы обедали, над Петергофом пронесся страшный шквал. Деревья парка закачались, их ветви касались земли. Хладнокровно наблюдая эту картину, мы были далеки от мысли, что сестры, матери и друзья многих, сидящих за одним столом с нами, в это время погибали на море в отчаянной борьбе со стихией. Наше беспечное любопытство граничило с веселостью, тогда как множество лодок шло ко дну вдали от берегов

между Петербургом и Петергофом. Газеты будут молчать о несчастье, ибо говорить о нем значит огорчить императрицу и обвинить императора.

Происшедшее скрывалось в строгой тайне в течение всего вечера, никто не обмолвился словом во время праздника. Да и сегодня утром при дворе не заметно никаких признаков огорчения: этикет запрещает говорить о том, чем заняты мысли всех. Но даже и вне дворца об этом решаются говорить только мимоходом, украдкой, едва ли не шепотом.

Подобные катастрофы ежегодно омрачают петергофский праздник. Он превратился бы в глубокий траур, в торжественные похороны, если бы кто-нибудь подобно мне дал себе труд задуматься над тем, во что обходится все это великолепие. Но здесь такие мысли только мне приходят в голову.

Суеверные умы подмечали вчера не одно печальное предзнаменование. Три недели стояла прекрасная погода и испортилась только в день тезоименитства императрицы. Ее вензель не желал загораться. Человек, которому поручено это важное дело — кульминационный пункт всей иллюминации, — взбирается на вершину пирамиды и принимается за работу, но ветер задувает огни, едва он успевает их зажечь; он взбирается раз за разом, теряет равновесие и летит вниз с высоты семидесяти футов. Он убит на месте, его уносят. Вензель наполовину исчезает во мраке...

Необыкновенная худоба императрицы, ее болезненный вид и потухший взгляд усугубляют мрачность этих предзнаменований. Образ жизни, который она ведет, может стать для нее смертельным. Ежедневные балы и вечера для нее губительны. Но здесь нужно беспрестанно веселиться либо умереть от тоски — другого выбора нет.

Трудовой день императрицы начинается с раннего утра смотрами и парадами. Затем начинаются приемы. Императрица уединяется на четверть часа, после чего отправляется на двухчасовую прогулку в экипаже. Далее, перед поездкой верхом она принимает ванну. По возвращении — опять приемы. Затем она посещает несколько состоящих в ее ведении учреждений или кого-либо из своих приближенных. После этого сопровождает императора в один из лагерей, откуда спешит на бал. Так проходит день за днем, подтачивая ее силы. Те, у кого не хватает храбрости или здоровья для такой

ужасной жизни, попадают в немилость. Как-то, беседуя со мной об одной весьма достойной, но хрупкой даме, императрица заметила: «Она вечно болеет». Эти слова были произнесены таким тоном, что я почувствовал в них приговор над участью целой семьи. В обществе, где не довольствуются добрыми намерениями, болезнь равносильна опале. Императрица наравне с другими принуждена расплачиваться своим здоровьем за монаршее благоволение. Поговаривают, что у нее чахотка, и опасаются, как бы зима в Петербурге не оказалась роковой для ее здоровья, но ни за что на свете она не решится провести шесть месяцев вдали от императора.

При виде этой интересной, но измученной страданиями женщины, блуждающей, как призрак, на празднике, который устроен в ее честь и которого она, быть может, больше не увидит, сердце мое обливается кровью. Несмотря на всю окружающую роскошь и величие, я не могу не думать о немощности человеческой природы.

Описываемый мною бал закончился ужином, после чего все общество, обливаясь потом (в переполненных народам апартаментах стояла совершенно невыносимая жара), разместилось по придворным повозкам своеобразного вида, называемым линейками, и отправилось в прогулку по иллюминированному парку. Царила темная и влажная ночь, но, к счастью, сырость умерялась чадом бесчисленных плошек. Вы не можете себе представить, каким зноем дышали аллеи зачарованного леса, — невероятное обилие огней нагревает парк, заливая его ослепительным светом.

Линейки — дроги с двойными сиденьями на восемь человек, размещающихся спиной друг к другу. Их формы, позолота, старинная упряжь лошадей — все производит пышное и оригинальное впечатление. Число таких линеек значительно... их хватает на всех приглашенных, кроме крестьян и купечества.

Церемониймейстер указал мне место на одной из линеек, но в общей суматохе все рассаживались куда придется. Я не нашел ни своего слуги, ни пальто и взошел в конце концов на одну из последних линеек, поместившись рядом с русской дамой. Последняя не присутствовала на балу и приехала из Петербурга вместе с дочерьми, чтобы показать им иллюминацию. Мы разговорились. По тону я узнал в ней даму из общества, хотя суждения ее были гораздо откровенней, чем это принято в придворном кругу. Она называла мне по

фамилиям всех лиц, проезжавших мимо нас, так как во время этой волшебной прогулки ряды линеек часто следовали друг мимо друга по параллельным аллеям. Таким образом одна часть царского кортежа производила смотр другой.

Если бы я не боялся утомить читателя и, больше того, внушить ему некоторое недоверие к моим восторгам, я бы сказал, что никогда в жизни не видел ничего поразительнее этого залитого огнями парка, по которому в торжественном молчании следуют придворные колесницы среди толпы народа, столь же тесной, как та, что наполняла залы дворца несколько минут тому назад. Прогулка эта продолжалась с час. Между прочим, мы обогнули пруд, лежащий в конце парка. Версаль и прочие чудесные создания Людовика XIV больше ста лет не давали покоя европейским монархам. Около этого пруда иллюминация показалась мне особенно замечательной. На противоположном конце пруда, вода которого казалась жидким золотом от мириадов огней, стоит небольшой дом, также иллюминированный. В нем жил Петр Великий. Больше всего меня поразило цвет воды в этом пруду. Вообще вода и деревья чрезвычайно усиливают эффект иллюминации. Мы проезжали мимо гротов, освещенных изнутри ярким пламенем, просвечивающим сквозь пелену ниспадающей воды. Эти пылающие каскады имеют феерический вид. Императорский дворец господствует над ними и как бы является их источником. Только он один не иллюминирован, но необозримое море огней стремится к нему из парка, и, отражая их своими белыми стенами, он горит как алмаз.

Эта прогулка по иллюминированному парку была, бесспорно, прекраснее всего в петергофском празднике. Но, повторяю еще раз, все волшебные чары не могут заменить непринужденной веселости. Никто не смеется, не танцует, не поет. Говорят вполголоса, развлекаются с оглядкой. Можно подумать, что русские верноподданные до того приучены к почтительности, что не забывают о ней даже в минуты веселья. Одним словом, в Петергофе свободы так же не было в помине, как и во всей России.

Я добрался до моей комнаты, то есть до моей каморки, в половине первого. Но о сне нельзя было и думать, так как начался великий исход тысяч людей из парка. В России только лошади имеют право шуметь. Мимо моего окна катился непрерывный поток экипажей и пово-

зок всех размеров, видов и фасонов в толпе пешеходов всякого звания, пола и возраста. Обычная жизнь вступала в свои права после натянутости царского праздника. Спешащие люди не имели ничего общего с чинным народом, наполнявшим парк несколько минут тому назад. Невольно напрашивается сравнение с заключенными, сбросившими с себя цепи. Эти вновь одичавшие орды, с ужасающей стремительностью рвущиеся по направлению к Петербургу, напомнили мне картины отступления великой армии, а пазшие лошади по краям большой дороги увеличивали жуткое сходство.

Едва я успел раздеться и броситься в постель, как пришлось снова встать и почти бегом поспешить во дворец, чтобы присутствовать на смотре, который должен был делать государь кадетам. Каково же было мое удивление, когда оказалось, что весь двор уже в сборе и ожидает императора. Дамы были в свежих утренних туалетах, мужчины — в парадных мундирах. Все казалось бодрыми и оживленными, как будто великолепие и тяготы вчерашнего вечера утомили только меня одного. Я залился краской стыда за свою леность и почувствовал, что не рожден стать русским царедворцем. Пусть цепь позолочена, она от этого не делается легче.

Я с трудом проложил себе дорогу сквозь толпу и еще не дошел до отведенного мне места, когда император уже начал обход рядов своих мальчиков-офицеров. Государыня, столь утомленная накануне, ждала его в коляске. Я болел за нее душой: однако и в ней не было заметно следов упадка сил, поразившего меня накануне. Я с завистью глядел на пожилых придворных, легко несших то бремя, под тяжестью которого я уже изнемогал. Честолюбие здесь необходимое условие жизни. Без этого искусственного стимула люди были бы всегда печальны и угрюмы.

Император лично командовал смотром. Несколько очень удачно выполненных перестроений, по-видимому, вполне удовлетворили его величество. Он изволил взять за руку одного из самых юных кадет, подвел его к императрице, затем поднял его на уровень своего лица, то есть над головой всех остальных, и публично его расцеловал. Какую цель преследовало это демонстративное проявление монаршего добродушия — не знаю. Никто не знал или не хотел мне этого объяснить. Я расспрашивал окружающих, кто отец осчастливленного царской милостью кадета, но оказалось, что и этого

никто не знает. В России из всего делают тайну.

После парада императорская чета возвратилась во дворец, где состоялся прием всех желающих им представиться. Затем, около одиннадцати часов утра, государь с супругой вышел на балкон, перед которым солдаты черкесской гвардии проделывали удачную джигитовку на великолепных азиатских лошадях. Красота этих роскошно и оригинально обмундированных войск отлично гармонирует с характером двора, которому вопреки всем его усилиям суждено еще надолго остаться скорее восточным, нежели европейским.

К полудню, совершенно истощив свое любопытство и не обладая всесильным стимулом честолюбия, производящим здесь такие чудеса и могущим поддержать скромные человеческие силы, я возвратился домой и в полном изнеможении растянулся на кровати.

ГЛАВА XIII

Английский коттедж.— Кюстин очарован.— Наследник в роли чичероне.— Отзвуки польского восстания ⁴².— Осмотр дворца.— Рабочий кабинет Николая.— Поездка в Ораниенбаум.— Резиденция Меншикова ⁴³.— Судьба Петра III.— Памятники прошлого

Я неотступно просил госпожу N показать мне коттедж императора и императрицы, небольшой дом, выстроенный ими в новом готическом стиле, модном ныне в Англии. «Нет ничего труднее,— отвечала она,— как попасть в коттедж во время пребывания там их величеств, и нет ничего легче этого, когда они отсутствуют. Все-таки я попытаюсь». Я нарочно остался в Петергофе, ожидая с большим нетерпением, но без особой надежды ответа г-жи N. Наконец однажды, рано утром, я получил от нее записку следующего содержания: «Приходите ко мне без четверти 11. Мне разрешили в виде исключительной милости показать вам коттедж во время прогулки государя и государыни, т. е. ровно в одиннадцать часов; вы знаете, как они точны». Боясь опоздать, в половине одиннадцатого я был уже у г-жи N. В одиннадцать без четверти мы сели в экипаж, запряженный четверкой лошадей, и за несколько минут до назначенного срока подъехали к коттеджу. Это совсем английский дом, построенный по образу самых красивых вилл в окрестностях Лон-

дона на берегу Темзы и окруженный цветниками и тенистыми деревьями. Не успели мы пройти через вестибюль, задержавшись на несколько минут в гостиной, меблировка которой показалась мне слишком изысканной для общего стиля дома, как вошел лакей и шепнул несколько слов моей спутнице.

— Императрица возвратилась,— сказала она.

— Как грустно,— воскликнул я,— я ничего не успею осмотреть!

— Может быть. Спуститесь в сад через эту террасу и ожидайте меня у входа в коттедж.

Я не провел там и двух минут, как увидел императрицу, быстро сходящую с крыльца мне навстречу. Ее высокая и стройная фигура необычайно грациозна; походка быстрая, легкая и вместе с тем полная достоинства. Лицо, окаймленное белым капором, казалось спокойным и свежим. Глаза смотрели с грустью и добротой. Грациозно отброшенная с лица вуаль и накинутый на плечи прозрачный шарф дополняли чрезвычайно изящный белый утренний туалет. Императрица казалась мне точно воскресшей, и при виде ее все мрачные предчувствия, тревожившие меня на балу, рассеялись.

— Я сократила свою прогулку,— сказала она мне,— потому что узнала, что вы здесь.

— О, ваше величество, я не смел надеяться на столь высокую милость.

— Я ни словом не обмолвилась о своем намерении г-же N. Она очень недовольна моим вторжением и говорит, что я вам помешаю. Вы, вероятно, пришли сюда с целью разгадать все наши секреты?

— Я бы ничего не имел против, ваше величество. Можно только выиграть, узнав тайны людей, умеющих с таким вкусом соединять роскошь и изящество.

— Жизнь в петергофском дворце для меня невыносима. Чтобы отдохнуть от его тяжеловесной позолоты, я выпросила у государя эту скромную обитель. Никогда я не была так счастлива, как здесь. Но коттедж уже становится слишком велик для нас: одна из моих дочерей вышла замуж, а сыновья учатся в Петербурге.

Я молча улыбнулся, очарованный. Эта женщина, столь не похожая на царицу нашего праздника, какой я ее видел накануне, разделяет, думалось мне, все мои впечатления. Так же, как и я, говорил я себе, она почувствовала всю пустоту, всю лживость показного великолепия. Я сравнивал цветники коттеджа с люстрами

дворца, сиянье утреннего солнца с огнями иллюминации, тишину этого прекрасного уголка с шумом и сумятицей бала, женщину с императрицей — и чувствовал, что поддаюсь обаянию вкуса и здравого смысла царицы, сумевшей уйти от скуки вечного «представительства» к радости интимной жизни простых смертных.

— Я не хочу, чтобы госпожа N осталась права, — продолжала императрица. — Вы можете подробно осмотреть коттедж; мой сын вам его покажет. Тем временем я займусь моими цветами и еще увижу вас перед вашим уходом.

Таков был прием, оказанный мне государыней, которая слывет надменной не только в Европе, где ее совсем не знают, но и в России. В эту минуту к нам подошел великий князь Александр Николаевич в обществе госпожи N и ее старшей дочери, молоденькой девушки лет четырнадцати, свежей как роза и хорошенькой, как красотики Буше⁴⁴. Я ждал, что императрица меня отпустит, но она продолжала ходить взад и вперед перед крыльцом коттеджа, и мы следовали за ней. Ее величеству известно, что я живо интересуюсь всей семьей госпожи N, польки по происхождению. Она знает также, что один из братьев этой дамы уже несколько лет живет в Париже. Поэтому она принялась с явным участием расспрашивать меня о его образе жизни, о его чувствах, взглядах, характере. Это дало мне возможность высказать все, что внушила мне привязанность к молодому поляку. Императрица слушала меня очень внимательно.

— И такому выдающемуся человеку запрещают сюда вернуться только потому, что после польского восстания он уехал в Германию! — воскликнула госпожа N с присущей ей искренностью, от которой ее не могла отучить жизнь при дворе с раннего детства.

— Но что же он, собственно, сделал? — спросила императрица с непередаваемой интонацией нетерпения и доброты в голосе.

Столь прямо поставленный вопрос привел меня в замешательство, ибо приходилось затронуть опасную область политики с риском испортить все. Поняв мое смущение, великий князь выручил меня с замечательным тактом.

— Полноте, — воскликнул он с живостью, — разве можно спрашивать у пятнадцатилетнего мальчика, что он сделал в политике?

Эта реплика дала мне возможность оправиться от

смущения, но положила конец нашей беседе. По знаку императрицы мы, то есть великий князь, госпожа N с дочерью и я, направились в коттедж.

Я предпочел бы найти в нем поменьше роскоши в убранстве и побольше предметов искусства. Нижний этаж как две капли воды похож на любое жилище богатого и светского англичанина, но нет ни одной первоклассной картины, ни одного обломка античного мрамора, ни одной терракоты, которые указывали бы на явно выраженную склонность хозяев к шедеврам живописи и скульптуры. Отсутствие любви к искусству у тех, кому было бы так легко ее удовлетворить, всегда вызывает во мне сожаление. Пусть не говорят, что дорогие статуи или картины были бы не в стиле коттеджа. Ведь этот дом — любимый уголок его обитателей, и если кто устраивает себе жилище по своему вкусу и имеет склонность к художествам, то эта склонность обязательно проявится, хотя бы даже в ущерб гармоничности целого. Больше всего мне не понравилось в расположении и обстановке этого изящного убежища слишком рабское подражание английской моде.

Нижний этаж мы осмотрели очень бегло из опасения наскучить нашему проводнику. Вообще присутствие августейшего чичероне меня сильно стесняло. Я знаю, что высочайшим особам очень не нравится наша застенчивость: они предпочитают, чтобы с ними держали себя непринужденно. От этого сознания я чувствую себя еще хуже, рискуя произвести на них совсем невыгодное впечатление. Будучи в обществе пожилого, серьезного принца крови, я могу еще спастись беседой, но с молодым, веселым и беззаботным наследником я теряюсь окончательно.

По очень узкой, но украшенной английскими коврами лестнице мы поднялись во второй этаж, в комнаты великих княжон Марии и Ольги, обставленные с прелестной простотой.

Остановившись на верхней площадке лестницы, великий князь сказал нам с изысканной вежливостью: «Я уверен, что вы предпочитаете осмотр без меня, а я, с другой стороны, видел все это столько раз, что с удовольствием оставляю вас вдвоем с г-жой N. Я сойду к матери и подожду вас в парке». С этими словами он грациозно поклонился нам и исчез.

В верхнем этаже коттеджа находится рабочий кабинет императора, представляющий собой довольно боль-

шую комнату, библиотеку, очень просто обставленную и кончающуюся балконом, выходящим на море. Император может отдавать приказы своему флоту, не выходя из кабинета. Для этой цели имеются зрительная труба, рупор и небольшой телеграф, приводимый в действие императором собственноручно.

Мне бы очень хотелось осмотреть эту комнату во всех подробностях и задать целый ряд вопросов, но я опасался, как бы мое любопытство не показалось нескромным. Кроме того, меня больше интересует общая картина, а не отдельные детали. Я путешествую для того, чтобы наблюдать и составить себе суждение о вещах в целом, а не для того, чтобы их измерить и перенумеровать. Наконец, мне оказали особую честь, разрешив осмотреть коттедж в присутствии, так сказать, его обитателей, и я хотел показать себя достойным такого доверия, избегая чрезмерно подробного осмотра. Поделившись своими мыслями с г-жой N, которая вполне меня поняла, я поспешил к императрице и наследнику, чтобы откланяться.

Выйдя из коттеджа, я сел в экипаж и отправился в Ораниенбаум, знаменитую резиденцию Екатерины II, выстроенную Меншиковым. Несчастный, как известно, был выслан в Сибирь, не успев закончить отделку дворца, который был признан слишком царственным для министра. Теперь он принадлежит великой княгине Елене, невестке нынешнего императора. Расположенный в двух или трех милях от Петергофа, на продолжении того же кряжа, на котором стоит петергофский дворец, неподалеку от моря, ораниенбаумский дворец имеет внушительный вид, хотя он и выстроен из дерева. Несмотря на безрассудную роскошь своего строителя и пышность великих людей, обитавших в нем впоследствии, дворец не поражает своими размерами. Террасы, лестницы и пологие спуски, утопающие в цветах, соединяют дворец с парком и чрезмерно его украшают. Архитектура его сама по себе довольно скромная. Великая княгиня Елена со свойственным ей вкусом превратила Ораниенбаум в прелестный уголок наперекор унылой местности и воспоминаниям о происшедшей здесь трагедии.

Осмотрев дворец, я попросил показать мне остатки крепостцы, откуда Петра III перевезли в Ропшу, где он был задушен. Меня повели в уединенную рощу со следами какого-то жилья. Высохшие рвы, полуисчезнувшие валы и груды камней — современные руины, обязан-

ные своим происхождением не столько времени, сколько политическим событиям. Но жуткая тишина и безлюдье, окружающие эти проклятые развалины, красноречивей всяких слов говорят о том, что хотели бы скрыть от нашего взора. Здесь, как и везде, официальная лож опровергается фактами. Люди исчезают, но их дела оставляют неизгладимый след в зеркале истории. Если бы я и не знал, что замок Петра III был разрушен, я бы догадался об этом. При виде усилий, с какими здесь стараются уничтожить память о прошлом, я удивляюсь тому, что еще сохраняют кое-что. Нужно было не только разрушить крепостцу, но и срыть до основания дворец, расположенный неподалеку отсюда. Ибо каждый приезжающий в Ораниенбаум видит следы тюрьмы, где Петра III заставили подписать отречение от престола, превратившееся для него в смертный приговор.

В ораниенбаумском парке, большом и тенистом, я посетил несколько павильонов, в которых Екатерина II принимала своих возлюбленных. Некоторые из них великолепны, иные очень безвкусны. В общем их архитектура лишена стиля, хотя они достаточно хороши для своего назначения.

Возвратившись в Петергоф, я провел третью ночь в театре и утром уехал в Петербург.

ГЛАВА XIV

**Подробности петергофской катастрофы.— Лож ох-
раняет престол.— Нация немых.— Масленичный эпизод.
Полиция выполняет свой «долг».— Кулачное право.—
Правительственный террор.— Зверская расправа на Не-
ве.— Отсутствие протестов.— Цивилизация прикрывает
варварство.— Александровская колонна**

По последним собранным мною сегодня утром сведениям о петергофской катастрофе, ее размеры превзошли мои предположения. Впрочем, мы никогда не узнаем действительных размеров этого печального события. Каждый несчастный случай рассматривается здесь как государственное дело. Во всем виноват Господь Бог, забывший свои обязанности по отношению к императору.

Политические суеверия, составляющие душу этого общества, делают государя ответственным за все происходящее. Когда моего пса ударят, он просит у меня

защиты; когда Всевышний посылает напасти на русских, они взывают к царю. Самодержец, совершенно безответственный с политической точки зрения, отвечает за все. Это естественный результат захвата человеком Божеских привилегий. Монарх, позволяющий видеть в себе больше чем смертного, принимает на себя все беды, могущие постигнуть народ в его царствование. Из этого своеобразного политического фанатизма вытекают невероятные шекотливые последствия, о которых не имеют понятия ни в одном другом государстве. Впрочем, тайна, которую полиция считает своим долгом окружать несчастья, меньше всего зависящие от человеческой воли, не достигает цели, ибо оставляет неограниченную свободу воображению. Каждый передает одни и те же факты по-разному, в зависимости от своих интересов, опасений, взглядов или настроений, в зависимости от своего положения в обществе или при дворе. Судите же сами, в каких мы бродим потемках, если даже происшествие, случившееся, так сказать, перед нашими глазами, должно навсегда остаться невыясненным. До сих пор я думал, что истина необходима человеку как воздух, как солнце. Путешествие по России меня в этом разубеждает. Лгать здесь — значит охранять престол, говорить правду — значит потрясать основы.

Вот два эпизода, за достоверность которых я ручаюсь.

Девять человек одной семьи, живущих вместе и недавно приехавших из провинции, неосторожно наняли лодку без палубы, слишком хрупкую для плаванья по морю. Разразилась буря. Ни один не вернулся. Уже три дня обыскивают все берега, и до сегодняшнего утра не было найдено никаких следов несчастных. Заявили о них соседи, так как у них нет родственников в Петербурге. Наконец нашли их ялик, выброшенный на песчаную косу, вблизи от Петербурга. Но ни одного пассажира, ни одного матроса! Итак, вот вам девять точно установленных жертв, не считая моряков. А таких небольших суденышек было очень много. Сегодня утром наложили печати на двери опустевшего домика. Он стоит рядом с тем, в котором я живу; вследствие этого обстоятельства я и мог рассказать приведенные выше факты. В противном случае я бы не знал о них, как не знаю многих аналогичных. Политический сумрак более непроницаем, чем полярное небо...

Вот второй эпизод той же катастрофы.

Трое молодых англичан (я лично знаю старшего из

них) несколько дней тому назад приехали в Петербург. Их отец в Англии, мать поджидает их в Карлсбаде. В день праздника два младших брата отправились в Петергоф. Старший отказался ехать, повторяя на их уговоры, что он нелюбовытее. Те двое отчаливают на небольшой парусной яхте, крича провожающему их благоразумному брату: «До завтра!» Три часа спустя оба утонули вместе со многими женщинами, несколькими детьми и двумя или тремя мужчинами, выехавшими на той же яхте. Спасся только один матрос из команды, отличный пловец. Оставшийся в живых брат близок к помешательству от отчаяния и готовится к поездке в Карлсбад, чтобы сообщить матери ужасное известие.

Вы представляете себе, сколько разговоров, споров, предположений и криков вызвала бы такая катастрофа в любой другой стране, а в особенности во Франции? Газеты бы писали и тысячи голосов подхватывали хором, что полиция ни за чем не смотрит, что лодки никуда не годны, а лодочники — жадные акулы, что власти не только ничего не делают для предотвращения таких несчастий, но даже их усугубляют, то ли по своей беспечности, то ли по корыстолюбию, и т. д., и т. п. Здесь — ничего подобного... Молчание еще более страшное, чем самая катастрофа. Две-три строчки в газете, а при дворе, в городе, в великосветских гостиных — ни слова. Если же там об этом не говорят, то, значит, не говорят и нигде. Маленькие чиновники еще запуганней, чем их начальники, и если последние молчат, то первые молчат и подавно. Остаются купцы и лавочники, но это народ хитрый и лукавый, как все, кто хочет жить и процветать в этой благословенной стране. Если они и говорят о предметах важных и, следовательно, небезопасных, то только на ушко и в четырех стенах.

России приказано не говорить о том, что может взволновать государыню. Таким-то способом ей дают возможность жить и умереть, танцуя. «Ах, это огорчило бы ее! Молчите». Поэтому тонут дети, друзья, родные — и никто не смеет плакать. Здесь все слишком несчастны для того, чтобы жаловаться. Русские — прирожденные царедворцы: солдаты, священники, шпионы, тюремщики, палачи — все выполняют свой долг низкопоклонства.

Я часто повторяю себе: здесь все нужно разрушить и заново создать народ.

Пожалуй, и о потопе было бы неудобно говорить, произойди он в царствование императора Николая.

Русский народ — нация немых. Словно некий волшебник превратил шестьдесят миллионов человек в автоматы, ожидающие магической палочки другого чародея, чтобы возродиться к новой жизни. Страна эта напоминает мне замок спящей красавицы: все блестит, везде золото и великолепие. Все здесь есть, не хватает только свободы, то есть жизни.

Язва замалчивания распространена в России шире, чем думают. Полиция, столь проворная, когда нужно мучить людей, отнюдь не спешит, когда обращаются к ней за помощью.

Вот пример такой нарочитой бездеятельности.

На масленице текущего года одна моя знакомая в воскресенье отпустила со двора свою горничную. Приходит ночь, девушка не возвращается. Наутро встревоженная дама посылает человека навести справки в полиции. Там отвечают, что за ночь в Петербурге не случилось ни одного происшествия, поэтому горничная несомненно скоро возвратится целая и невредимая. Проходит день — о девушке ни слуху ни духу. Наконец на следующий день одному из родных несчастной, молодому человеку, хорошо знающему тайные повадки полиции, приходит в голову мысль проникнуть в анатомический театр. Не успев войти, он видит на столе труп своей кузины, приготовленный для вскрытия.

Как человек русский, он сохраняет достаточно присутствия духа, чтобы скрыть свое волнение.

— Чей это труп?

— Понятия не имеем. Эту девушку позавчерашней ночью нашли мертвой на улице. Предполагают, что она была задушена, обороняясь от каких-то неизвестных, пытавшихся изнасиловать ее.

— Кто же эти «неизвестные»?

— Откуда мы знаем? Случай вообще темный, можно строить разные предположения, доказательств нет никаких.

— Как к вам попал труп?

— Нам его продала тайком полиция, поэтому смотрите не проговоритесь.

Последняя фраза — неизбежный припев в устах русского или акклиматизировавшегося иностранца. Для русских нравов и обычаев характерно глубокое молчание, окружающее подобные ужасы.

Кузен погибшей девушки молчал как убитый, ее хозяйка не посмела жаловаться. И я, быть может, единствен-

ный человек, которому она спустя шесть месяцев рассказала об этой трагедии, потому что я иностранец и потому что, как я ей сказал, я ничего не записываю.

Вы видите, как низшие служащие русской полиции выполняют свой долг. Боюсь, что наставления этих господ сопровождаются действиями, способными навсегда запечатлеть слова в памяти несчастных провинившихся. Русский простолудин получает на своем веку не меньше побоев, чем делает поклонов. И те и другие применяются здесь равномерно в качестве методов социального воспитания народа. Бить можно только людей известных классов, и бить их разрешается лишь людям других классов.

Я уже писал о вежливости, распространенной среди всех классов русского населения, и о том, чего она стоит на самом деле. Здесь я расскажу лишь несколько сценок, происходящих ежедневно перед моими глазами.

Итак, извозчики при встрече друг с другом церемонно снимают шляпы. В том случае, если они лично знакомы, они поднимают руку к губам и целуют ее, прищурив глаза и фамильярно улыбаясь. Это ли не вежливость? А вот другая сторона медали: пройдя несколько шагов дальше, я вижу, как какой-то курьер, фельдъегерь или некто не выше его по рангу выскакивает из своей брички, подбегает к одному из таких благовоспитанных кучеров и начинает осыпать его ударами. Он может бить его изо всей силы кулаками, палкой, кнутом в грудь, в лицо, по голове, куда понало. И несчастный, виноватый тем, что не посторонился достаточно быстро, не оказывает ни малейшего сопротивления из почтения к мундиру и касте своего мучителя. Такая безропотность провинившегося отнюдь не всегда сокращает время экзекуции.

Я видел, как один из подобных курьеров, гонец какого-либо министра или, быть может, лакей какого-то адъютанта императора, стащил с облучка молодого кучера и колотил его до тех пор, пока не разбил все лицо в кровь. На прохожих между тем эта зверская расправа не произвела никакого впечатления, а один из товарищей истязуемого, поивший неподалеку своих лошадей, даже подбежал к месту происшествия по знаку разгневанного фельдъегеря и держал под уздцы лошадь последнего, пока тому не заблагорассудилось прекратить экзекуцию. Попробуйте в какой-нибудь другой стране попросить помощи у человека из народа для расправы с его сотоварищем. Но мундир и служебное положение человека, наносившего

удары, очевидно, давали ему право на избивание извозчика. Следовательно, наказание было законным. Тем хуже для страны, скажу я, в которой существуют подобные законы.

Рассказанный только что случай произошел в лучшей части города, в разгар гулянья. Когда несчастного наконец отпустили, он обтер струившуюся по щекам кровь самым спокойным образом, взобрался на облучок и продолжал вежливо приветствовать своих товарищей по ремеслу.

Каждый день я слышу дифирамбы населению Петербурга за его кроткий нрав и мирный характер. В другой стране я восторгался бы таким спокойствием и тишиной; здесь они представляются мне самыми страшными симптомами зла, поражающего страну при самодержавии. Дрожат до того, что скрывают свой страх под маской спокойствия, любезного угнетателю и удобного для угнетенного. Тиранам правится, когда кругом улыбаются. Благодаря нависшему над головами всех террору рабская покорность становится незыблемым правилом поведения. Жертвы и палачи одинаково убеждены в необходимости слепого повиновения.

Вмешательство полиции в драку подвергает дерущихся гораздо более чувствительным неприятностям, нежели туманы, получаемые в пылу схватки. Поэтому в таких случаях стараются производить как можно меньше шума, дабы не привлечь внимания блюстителей порядка. Забвение этого обычая приводит к весьма печальным последствиям, как я мог убедиться сегодня утром.

Я проходил по набережной канала, загроможденного по обыкновению баржами с дровами. Между грузчиками, разгружавшими одну из барж, вдруг началась ссора, вскоре перешедшая в открытую потасовку. Зачинщик драки, почувствовав, что его дело плохо, ищет спасения в бегстве и с ловкостью белки взбирается на высокую мачту судна. До этого момента сценка казалась мне довольно забавной. Оседлав рею, беглец издевается над своими менее проворными противниками. Те, видя себя одураченными, забывают, что они благовоспитанные подданные русского царя, и проявляют свою ярость дикими криками и угрозами. Привлеченные воплями сражающихся, на театр военных действий являются два постовых полицейских и приказывают главному виновнику нарушения общественной тишины спуститься с насеста. Тот отказывается повиноваться; полицейский бросается на палубу баржи и повторяет приказание; ослушник упорствует

в своем неповиновении и цепляется за мачту. Тогда разъяренный представитель власти собственной персоной карабкается на мачту и выполняет это столь успешно, что ему удается схватить бунтовщика за ногу. И как вы думаете, что он делает? Он изо всех сил тянет его вниз, не заботясь о последствиях. Несчастный, отчаявшись в своей участи и решив, по-видимому, что ему не уйти от возмездия, предается на волю судьбы. Разжав руки, он камнем летит вниз, с высоты двойного человеческого роста, на штабель дров, где остается неподвижным.

Можете себе представить, как тяжело было падение. Голова несчастного со всей силы стукнулась о дрова. Я услышал звук удара, хотя остановился шагах в пятидесяти от места происшествия. Мне казалось, что упавший убит на месте, все его лицо было залито кровью. Однако он был только сильно оглушен, и, придя в себя, он поднялся на ноги. Насколько можно заметить под потоками крови, его лицо было мертвенно-бледно.

Бунтовщика уносят, хотя он оказывает отчаянное и довольно продолжительное сопротивление. К борту баржи причаливает небольшая лодка с несколькими полицейскими. Пленника связывают, скручивают ему руки за спиной и носом вниз бросают в лодку. Это второе падение, немногим легче первого, сопровождается градом ударов. Но и на этом не кончаются пытки. Первый полицейский, герой единоборства на мачте, прыгает на спину поверженного противника и начинает топтать его ногами, как виноград в давилльне. Неслыханная экзекуция сперва вырывает нечеловеческие вопли и завывания жертвы. Когда они начали постепенно затихать, я почувствовал, что силы меня оставляют, и обратился в бегство. Все равно помешать я ничему не мог, а видел слишком много.

Вот чего я был очевидцем среди бела дня на улице столицы. Вышел я с целью пройтись и отдохнуть немного от трудов путешественника, описывающего свои впечатления. Но негодование мое было слишком сильно и заставило вновь взяться за перо.

Больше всего меня возмущает то, что в России самое утонченное изящество уживается рядом с самым отвратительным варварством. Если бы в жизни светского общества было меньше роскоши и неги, положение простого народа внушало бы мне меньше жалости. Богатые здесь

не сограждане бедных. Рассказанные факты и все то, что за ними скрывается и о чем можно только догадываться, заставили бы меня ненавидеть самую прекрасную страну земного шара. Тем больше я презираю это размалеванное болото, эту оштукатуренную топь. «Что за преувеличения! — воскликнут русские. — Какие громкие фразы из-за пустяков». Я знаю, что вы называете это пустяками, и в этом вас и упрекаю! Ваша привычка к подобным ужасам объясняет ваше безразличное к ним отношение, но отнюдь его не оправдывает. Вы обращаете не больше внимания на веревки, которыми на ваших глазах связывают человека, чем на ошейники ваших собак.

Среди бела дня на глазах у сотен прохожих избить человека до смерти без суда и следствия — это кажется в порядке вещей публике и полицейским ищейкам Петербурга. Дворяне и мещане, военные и штатские, богатые и бедные, большие и малые, франты и оборванцы — все спокойно взирают на происходящее у них на глазах безобразие, не задумываясь над законностью такого произвола. Я не видел выражения ужаса или порицания ни на одном лице, а среди зрителей были люди всех классов общества. В цивилизованных странах гражданина охраняет от произвола агентов власти вся община; здесь должностных лиц произвол охраняет от справедливых протестов обиженного. Рабы вообще не протестуют.

Император Николай составил новое уложение⁴⁵. Если рассказанные мною факты не противоречат законам этого кодекса, тем хуже для законодателя. Если же они незаконны, тем хуже для правителя. И в том и в другом случае ответственность ложится на императора. Какое несчастье быть только человеком, принимая на себя обязанности Господа Бога! Абсолютную власть следовало бы вручать одним лишь ангелам.

За точность переданных мною фактов я ручаюсь — я ничего в них не прибавил и не убавил и записал их под свежим впечатлением, когда все малейшие подробности еще не изгладились из памяти.

Нравы народа являются продуктом взаимодействия между законами и обычаями. Они изменяются не по взмаху волшебной палочки, а чрезвычайно медленно и постепенно. Нравы русских, вопреки всем претензиям этого полуварварского племени, еще очень жестоки и надолго останутся жестокими. Ведь немногим больше ста лет

тому назад они были настоящими татарами. И под внешним лоском европейской элегантности большинство этих выскочек цивилизации сохранило медвежью шкуру — они лишь надели ее мехом внутрь. Но достаточно их чуть-чуть поскрести — и вы увидите, как шерсть вылезает наружу и топорщится.

Разве из того, что дикарь обладает тщеславием светского человека, следует, что он приблизился к культуре? Я уже говорил и повторю еще раз: русские не столько хотят стать действительно цивилизованными, сколько стараются нам казаться таковыми. В основе они остаются варварами. К несчастью, эти варвары знакомы с огнестрельным оружием. Намерения Николая подтверждают мои взгляды. Он еще до меня пришел к заключению, что время обманчивой внешности прошло для России и что все здание ее цивилизации должно быть перестроено. Он решил подвести под него новый фундамент. Петр, названный Великим, снес бы его вторично до основания, чтобы выстроить заново. Николай более ловок и осторожен. Он скрывает свои цели, чтобы тем вернее их достигнуть.

Взгляды ныне царствующего государя проявляются даже на улицах Петербурга. Он уже не довольствуется скороспелыми постройками из кое-как оштукатуренного кирпича. Камень повсюду вытесняет штукатурку, и здания солидной и массивной архитектуры скоро заставят исчезнуть ложноклассические декорации. Нужно вернуть народу первоначальный характер, дабы сделать его достойным истинной цивилизации. Чтобы народ мог достигнуть всего, на что он способен, он должен не копировать иностранцев, но развивать свой национальный, одному ему присущий дух.

В один прекрасный день семьдесят тысяч солдат и бесчисленная толпа народа во главе с императором залила огромную площадь, чтобы в благоговейном молчании присутствовать при водружении колонны, выполненной по проекту француза г-на Монферрана (французы еще необходимы русским). Замысловатые машины действуют отлично, и в ту минуту, когда колоссальная колонна словно оживает и, освобожденная от пут, поднимается все выше и выше, войска и вся толпа, как один человек, и сам император падают на колени, чтобы возблагодарить Бога за такое чудо и за те великие дела, которые он позволяет совершать своему народу.

Петербург в отсутствие государя.— Табель о рангах.— Борьба за чин.— Мечты о мировом господстве.— О характере русских.— Опасность войны.— Китайские церемонии.— Недоверие к иностранцам.— Формальности при отъезде за границу.— Пародии на античность.— Невские набережные.— Петербургские соборы.— Эрмитаж.— Дуэль Пушкина.— Лицемерная скорбь Николая.— Ссылка Лермонтова.— Кавказ — школа для русских поэтов

Нет ничего печальнее Санкт-Петербурга в отсутствие императора. Правда, этот город вообще нельзя назвать веселым, но без государя и его двора он превращается в пустыню. Как известно, он живет под вечной угрозой наводнения, и, проходя сегодня по безлюдным набережным, по опустевшим бульварам, я говорил себе: «Петербург будет затоплен; жители бегут, и воды снова завладеют трясиной. На сей раз природа остается сильнее человека». Но дело совсем не в этом. Петербург умер, потому что император в Петергофе. Вот и все.

Только царь может населить этот бивак, покидаемый всякий раз, когда хозяин исчезает. Только царь внушает страсти и желания автоматам, он — волшебник, чье присутствие будит Россию. Стоит ему уйти, и она погружается в сон. Когда двор уезжает, Петербург принимает вид театральной залы после спектакля. С тех пор, как я возвратился из Петергофа, я не узнаю пышной столицы. Это не город, покинутый мною четыре дня тому назад. Но если бы император вернулся сегодня, завтра бы все ожило и зашевелилось и то, что сегодня наводит скуку, стало бы завтра захватывающе интересным. Нужно быть русским, чтобы понять, какую власть имеет взор монарха. В его присутствии астматик начинает свободно дышать, к парализованному старцу возвращается способность ходить, больные выздоравливают, влюбленные забывают свою страсть, молодые люди перестают думать о партиях. Место всех человеческих стремлений, помыслов и желаний занимает одна всепознающая страсть — честолюбие, одна всепобеждающая мысль — выдвинуться во что бы то ни стало, подняться на следующую ступень, ловя улыбку властелина. Одним словом, царь — это Бог, жизнь и любовь для этих несчастных людей.

Но каким путем пришли русские к такому полнейшему самоотрицанию, к такому полному забвению чело-

веческого достоинства? Каким средством достигли подобных результатов? Средство весьма простое — чин. Чин — это гальванизм, придающий видимость жизни телам и душам, это единственная страсть, заменяющая все людские страсти. Я показал вам действие, оказываемое чином. Теперь нужно рассказать, что он собой представляет.

Чин — это нация, сформированная в полки и батальоны, военный режим, примененный к обществу в целом и даже к сословиям, не имеющим ничего общего с военным делом. С тех пор, как введена эта иерархия, человек, никогда не видевший оружия, может получить звание полковника.

Петр Великий — к нему мы всегда должны возвращаться, чтобы понять современную Россию, — Петр Великий почувствовал однажды, что некоторые национальные предрассудки, связанные с доисторическим строем, могут помешать ему в осуществлении его планов. Он заметил, что кое-кто из его стада склонен к чрезмерной независимости, к известной самостоятельности мышления. И вот, дабы покончить с этим злом, самым неприятным и тяжелым для ума пронизательного и энергичного в своей области, но слишком ограниченного и не понимающего преимуществ известной доли свободы для самих правителей, этот великий мастер в деле произвола не придумал ничего лучшего, как разделить свое стадо, то есть народ, на ряд классов, не имеющих никакого отношения к происхождению соответствующих индивидуумов. Так, сын первого вельможи империи может состоять в последнем классе, а сын его крепостного по прихоти монарха может дойти до первых классов. Словом, каждый получает то или иное место в зависимости от милости государя. Таким-то образом благодаря чину, одному из величайших дел Петра, Россия стала полком в шестьдесят миллионов человек.

Петр отлично понимал, что, поскольку в стране существует аристократия, самодержавная власть в значительной мере останется фикцией. Поэтому он сказал себе: «Чтобы стать действительно самодержцем, нужно уничтожить последние остатки феодализма, а чтобы достигнуть этого, лучше всего создать карикатуру на аристократов, то есть покончить со знатью, сделав ее зависимой от меня». Дворянство не уничтожено, но преобразовано, то есть сведено на нет чем-то, занявшим его место, но не заменившим его. Достаточно стать членом новой иерар-

хни, чтобы достигнуть со временем наследственного дворянства. Таким-то путем Петр Великий, опередив почти на целое столетие современные революции, разрушил феодальный строй.

Из подобной организации общества проистекает такая лихорадка зависти, такое напряжение честолюбия, что русский народ теперь ни к чему не способен, кроме покорения мира. Мысль моя постоянно возвращается к этому, потому что никакой другой целью нельзя объяснить безмерные жертвы, приносимые государством и отдельными членами общества. Очевидно, народ пожертвовал своей свободой во имя победы. Без этой задней мысли, которой люди повинуются, быть может, бессознательно, история России представлялась бы мне неразрешимой загадкой.

Здесь возникает серьезный вопрос: суждено ли мечте о мировом господстве остаться только мечтою, способной еще долгое время наполнять воображение полудикого народа, или она может в один прекрасный день претвориться в жизнь? Эта дилемма не дает мне покоя, и, несмотря на все усилия, я не могу ее разрешить. Скажу лишь одно: с тех пор как я в России, будущее Европы представляется мне в мрачном свете. Однако я должен сознаться, что такое мнение оспаривается очень умными и наблюдательными людьми. Последние уверяют меня, что я преувеличиваю могущество Российской империи, что каждое государство имеет свой удел, что участь России — завоевать Восток и затем распасться на части. Мои оппоненты, отказывающиеся верить в блестящее будущее славян, признают вместе со мной положительные качества этого народа, его одаренность, его чувство изящного, способствующее развитию искусств и литературы. Но, по их мнению, эти качества недостаточны для осуществления тех честолюбивых замыслов, которые я предполагаю в русском правительстве. Научный дух отсутствует у русских, прибавляют мои противники, у них нет творческой силы, ум у них по природе ленивый и поверхностный. Если они и берутся за что-либо, то только из страха. Страх может толкнуть их на любое предприятие, но он же мешает им упорно стремиться к заранее намеченной цели. Гений по натуре сродни героизму, он живет свободой, тогда как страх и рабство имеют лишь ограниченную сферу действия, как та посредственность, орудием которой они являются. Русские — хорошие солдаты, но плохие моряки; в общем, они

скорее склонны к покорности, нежели к проявлению своей воли. Их уму не хватает импульса, как их духу — свободы. Вечные дети, они могут на миг стать победителями в сфере грубой силы, но никогда не будут победителями в области мысли. А народ, не могущий ничему научить те народы, которые он собирается покорить, недолго останется сильнейшим.

Даже физически французские и английские крестьяне крепче русских. Последние скорее ловки, чем мускулисты, скорее необузданны, чем энергичны, скорее хитры, чем предприимчивы. У них есть пассивная храбрость, но им недостает отваги и настойчивости. Армия, замечательная своей дисциплинированностью и хорошей выправкой на парадах, состоит, за исключением некоторых отборных корпусов, из солдат, чисто обмундированных на плацу, но грязно одетых в казарме. Серый, нездоровый цвет лица солдат говорит о голоде и лишениях, ибо интенданты безбожно обкрадывают несчастных. Две турецкие кампании с достаточной ясностью указали на слабость колосса. Одним словом, государство, от рождения не вкусившее свободы, государство, в котором все серьезные политические кризисы вызывались иностранными влияниями, такое государство не имеет будущего. Из всего изложенного заключают, что Россия, грозная постольку, поскольку она борется с азиатскими народностями, будет сломлена в тот день, когда она сбросит маску и затеет войну с европейскими державами.

Таковы, как мне кажется, сильнейшие аргументы моих оптимистически настроенных противников, обвиняющих меня в преувеличенных страхах. Но, во всяком случае, мое мнение разделяют тоже весьма серьезные люди, укоряющие оптимистов за их ослепление и призывающие их открытыми глазами смотреть в лицо опасности и действовать прежде, чем она станет непредотвратимой. Я стою близко к колоссу, и мне не верится, что Провидение создало его лишь для преодоления азиатского варварства. Ему суждено, мне думается, покарать испорченную европейскую цивилизацию новым нашествием с Востока. Нам грозит вечное азиатское иго, оно для нас неминуемо, если излишества и пороки обрекут нас на такую кару.

Не ждите от меня систематического описания путешествия. Я пишу лишь о том, что производит на меня сильное впечатление, нисколько не заботясь о перечислении всего виденного: каталогов и так слишком много, и я не стремлюсь умножить их число.

В России ничего нельзя увидеть без церемоний и сложных приготовлений. Русское гостеприимство столь уснащено формальностями, что отравляет жизнь самим покровительствуемым иностранцам. Эти формальности служат благовидным предлогом для того, чтобы стеснить движение иностранца и оградить свободу его суждений. Вас торжественно принимают и любезно знакомят со всеми достопримечательностями, поэтому вам невозможно шагу ступить без проводника. Путешественник никогда не бывает наедине с собой, у него нет времени составить себе собственное мнение, а этого-то как раз и добиваются. Вы хотите осмотреть дворец? К вам приставляют камергера, который ходит за вами по пятам, обращает ваше внимание на тысячи мелочей и заставляет вас восторгаться всем без разбора. Вы хотите посетить лагерь, полюбоваться живописной пестротой мундиров, познакомиться с жизнью солдат в палатках? Вас сопровождает офицер, иногда даже генерал. Госпиталь? Вас эскортирует главный врач. Крепость? Вам ее покажет, или, вернее, вежливо скроет от ваших нескромных взоров, сам комендант. И т. д., и т. п.

Наскучив этим китайским церемониалом, вы решаете лучше не видеть многого, чем без конца испрашивать разрешения, — вот первая выгода системы. Если же ваше любопытство исключительно выносливо и вам не надоедает причинять хлопоты людям, то, во всяком случае, вы всегда будете под пристальным наблюдением, вы сможете поддерживать лишь официальные сношения со всевозможными начальниками и вам предоставят лишь одну свободу — свободу выражать свое восхищение перед законными властями. Вам ни в чем не отказывают, но вас повсюду сопровождают. Вежливость, таким образом, превращается в способ наблюдения за вами.

Вот как вас мучают под предлогом оказания особой чести. Такова, впрочем, участь привилегированных путешественников.

Что же касается иностранцев, не пользующихся покровительством, то они вообще ничего не видят. Эта милая страна устроена так, что, не имея непосредственной помощи представителей власти, иностранцу невозможно путешествовать по ней без неудобств и даже без опасностей. Не правда ли, вы узнаете восточные нравы под маской европейской учтивости? Своеобразная помесь Востока и Запада вообще характеризует Российскую империю и дает себя знать решительно на каждом шагу.

Чрезвычайное недоверие, которое выказывают по отношению к иностранцам представители всех решительно классов русского населения, заставляет их, в свою очередь, быть начеку. По внушаемому вами страху вы догадываетесь о той опасности, которой подвергаетесь.

Например, в Петергофе трактирщик отказался отпустить моему слуге прескверный ужин «на вынос» и потребовал уплаты вперед. Заметьте, что заведение этого осторожного субъекта находится в двух шагах от театра, где я приютился. То, что вы подносите ко рту одной рукой, нужно оплачивать другой. Если вы закажете что-либо у купца и не дадите ему задатка, он примет это за шутку и не станет на вас работать. Никто не имеет права покинуть Россию, не предупредив о своем намерении всех кредиторов. Это значит, что он должен поместить в газетах трехкратное извещение о предполагаемом отъезде, причем одно объявление должно быть отделено от другого восьмидневным промежутком. Правило это соблюдается неукоснительно: даже если заплатить полиции за «сокращение формальностей», то и тогда необходимо раз или два поместить такое объявление. Почтовые лошади предоставляются также лишь по предъявлении особого аттестата, удостоверяющего, что вы никому ничего не должны.

Все эти предосторожности указывают на царствующую в стране недобросовестность, и так как до последнего времени русские почти не имели сношений с иностранцами, то, очевидно, научились они искусству обмана друг у друга.

Чем больше я восхищаюсь императором Николаем, тем, быть может, несправедливее становится мое отношение к царю Петру — так, по крайней мере, может показаться. Однако это неверно: я преклоняюсь перед его могучей волей, вызвавшей к жизни на обледелом в течение восьми месяцев в году болоте такой город, как Петербург. Но мой вкус возмущается при виде тех несчастных слепков с классической архитектуры, которыми он и его преемники наградили Россию и этим сделали из нее пародию на Грецию и Италию. В архитектуре ценно умение самым простым и прямым путем приспособлять здания к той цели, к которой они предназначены. Для чего, спрашивается, наставили столько пилястров, аркад и колоннад в городе, в котором можно жить, только тщательно законопатив двойные рамы в окнах? В Петербурге можно гулять лишь в подземельях, а не под воздушными портиками. Почему же вы не прокапываете туннелей под вашими дворцами? Небо — ваш

враг: бегите же от него. Вам не хватает солнца: живите при свете факелов.

Набережные Петербурга относятся к числу самых прекрасных сооружений в Европе, потому что их великолепие заключается в массивности и целесообразности постройки. Глыбы гранита защищают столицу от ярости невских вод и в то же время опоясывают красавицу реку чудесными парапетами. Почва уходит у нас из-под ног, так что же? Мы сделаем мостовую из скал и на ней воздвигнем наш пышный город. Тысячи человек погибнут на этой работе. Не беда! Зато мы будем иметь европейскую столицу и славу великого города. Оплакивая бесчеловечную жестокость, с которой было создано это сооружение, я все же восхищаюсь его красотой.

Мое восхищение вызывает также Зимний дворец и окружающий его ансамбль зданий. Хотя лучшие памятники архитектуры Петербурга теряются среди огромных площадей, похожих больше на равнину, дворец имеет импозантный вид, а красный цвет песчаника, из которого он выстроен, приятен для глаз. Александровская колонна⁴⁶, Главный штаб, Триумфальная арка в глубине полукруга зданий, Адмиралтейство с изящными колоннами и золотой иглой, Петр Великий на своей скале, министерства, похожие скорее на дворцы, наконец, замечательный, но еще незаконченный Исаакиевский собор и три моста, переброшенные через Неву, — все это, сконцентрированное на одной площади, некрасиво, но поразительно величественно. Необъятная эта площадь состоит, собственно, из трех площадей, сливающихся в одну, — Петровской, Исаакиевской и Дворцовой. Можно критиковать отдельные детали (и немало деталей), но все в целом достойно удивления.

Я посетил несколько церквей. Казанский собор обширен и красив, но входят в него с угла. Дело в том, что алтарь должен быть обязательно обращен к востоку. Так как направление Невской «перспективы» не совпадает с этим церковным каноном, то собор выстроили боком к проспекту. Святоши победили архитекторов, и одно из прекраснейших зданий России оказалось испорченным.

Смольный собор — самый большой и самый великолепный в Петербурге. Он принадлежит конгрегации, чему-то вроде капитула женщин и девушек, основанного императрицей Анной. Огромные здания, архитектура которых подходит скорее для военного заведения, отведены под жилье этим дамам. Проходя по своеобразному учреждению, я спрашивал себя, что это такое: не монастырь, не дворец, а, скорее всего, женские казармы.

Неподалеку от Смольного виден небольшой Таврический дворец, в несколько недель выстроенный Екатериной для Потемкина. Красивый, но покинутый дворец постепенно разрушается — в России даже за камнями нужен уход, иначе они недолговечны.

Осмотрел я и картинную галерею Эрмитажа — туда попадают из Зимнего дворца по мосту, переброшенному через переулок. В Эрмитаже имеются сокровища, особенно голландской школы. Но... не люблю я живописи в России. В таком близком соседстве с полюсом освещение не благоприятствует картинам, и для глаза, ослепленного блеском снега, пропадают чудесные оттенки колорита. Конечно, зала Рембрандта¹⁷ прекрасна, однако я предпочитаю произведения этого мастера, виденные в Париже и других местах. Особенно портит коллекцию Эрмитажа большое количество посредственных полотен, от которых нужно отвлекаться, чтобы наслаждаться шедеврами. Собирая галерею Эрмитажа, гнались за громкими именами, но подлинных произведений больших мастеров немного, подделок гораздо больше.

На днях я прогуливался по Невскому проспекту в обществе одного петербуржца, француза по происхождению, человека очень неглупого и хорошо изучившего петербургское общество. Беседа наша касалась различных сторон русского быта, причем мой спутник упрекал меня за слишком лестное мнение о России. Между прочим мы коснулись и личности государя.

— Вы не знаете императора, — сказал мой собеседник, — он глубоко неискренний человек.

— По-моему, можно упрекнуть его в чем угодно, но только не в лицемерии, — возразил я.

— Но вспомните хотя бы поведение его после смерти Пушкина.

— Мне неизвестны подробности этого несчастного события.

— Однако вам известно, что Пушкин был величайшим русским поэтом!

— Об этом мы не можем судить.

— Но мы можем судить о его славе.

— Восхваляют его стиль, — сказал я. — Однако эта заслуга не столь велика для писателя, родившегося среди некультурного народа, но в эпоху утонченной цивилизации. Ибо он может заимствовать чувства и мысли соседних народов и все-таки казаться оригинальным своим соотечественникам. Язык весь в его распоряжении, потому что язык этот совсем новый. Для того чтобы составить эпо-

ху в жизни невежественного народа, окруженного народами просвещенными, ему достаточно переводить, не тратя умственных усилий. Подражатель прослышет создателем.

— Заслуженно или нет — это другой вопрос, — возразил мой собеседник, — но Пушкин завоевал громкую славу. Человек он был еще молодой и чрезвычайно вспыльчивый. Жена его, редко красивая женщина, внушала Пушкину больше страсти, нежели доверия. Одаренный душой поэта и африканским характером, он был ревнив. И вот, доведенный до бешенства стечением обстоятельств и лживыми доносами, сотканными с коварством, напоминающим сюжеты трагедий Шекспира, несчастный русский Отелло теряет всякое самообладание и требует сатисфакции у француза, г. Дантеса, которого считает своим обидчиком.

Дуэль в России — дело страшное. Ее не только запрещает закон, но и осуждает общественное мнение. Дантес сделал все возможное, чтобы избежать огласки. Преследуемый по пятам потерявшим голову поэтом, он с достоинством отказывается от поединка. Но продолжает оказывать знаки внимания жене Пушкина и наконец женится на ее сестре. Пушкин близок к сумасшествию. Неизбежное присутствие человека, смерти которого он жаждет, представляется ему силовым оскорблением. Он идет на все, чтобы изгнать Дантеса из своего дома. Дело доходит до того, что дуэль становится неизбежной. Они встречаются у барьера, и Дантес поражает Пушкина. Тот, кого осуждает общественное мнение, вышел победителем, а оскорбленный супруг, народный поэт, невинная жертва, — погиб.

Смерть эта вызвала большое волнение. Вся Россия облачилась в траур. Пушкин, творец дивных од, гордость страны, поэт, воскресивший славянскую поэзию, первый русский поэт, чье имя завоевало внимание даже Европы, короче, слава настоящего и надежда будущего — все погибло! Идол разбит под сенью собственного храма, герой в расцвете сил пал от руки француза. Какая ненависть поднялась, какие страсти разгорелись! Петербург, Москва, вся империя взволнована. Всеобщий траур свидетельствует о славе страны, которая может сказать Европе: «Я имела своего поэта, и я имею честь его оплакивать».

Император, лучше всех знающий русских и прекрасно понимающий искусство лести, спешит присоединиться к общей скорби. Сочувствие монарха столь льстит русскому духу, что пробуждает патриотизм в сердце одного юноши, одаренного большим талантом. Сей слишком доверчивый поэт проникается восторгом к августейшему покровитель-

ству, оказанному первому среди поэтов, и, вдохновленный наивной благодарностью, осмеливается написать оду... заметьте, какая смелость,— патриотическую оду, выразив признательность монарху, ставшему цокровителем искусств. Кончается эта ода восхвалением угасшего поэта. Вот и все! Я читал эти стихи — они вполне невинны. Быть может, даже юноша мечтал о том, что сын императора со временем вознаградит второго русского поэта, подобно тому как сам император чтит память первого.

О, безрассудный смельчак! Он и в самом деле получил награду: секретный приказ отправиться для развития своего поэтического таланта на Кавказ, являющийся исправленным изданием да зным-давно известной Сибири. Проведя там два года, он вернулся больной, павший духом и с воображением, радикально излечившимся от химерических бредней. Будем надеяться, что и тело его излечится от кавказской лихорадки⁴⁶. Ну что же, и после этого вы будете верить официальным речам императора?

Мне оставалось только молчать.

Вчера я перечел несколько переводов из Пушкина. Они подтвердили мое мнение о нем, состоявшееся после первого знакомства с его музой. Он заимствовал свои краски у новой европейской школы. Поэтому я не могу назвать его национальным русским поэтом.

ГЛАВА XVI

Поездка в Шлиссельбург⁴⁹.— О чем нельзя говорить в России.— Кюстин боится Сибири.— Приключения Коцебу⁵⁰.— Дорога в Шлиссельбург.— Восковая фигурка.— Приходится осматривать шлюзы.— Попытка проникнуть в крепость.— Нетерпение Кюстина.— Жертвы произвола не имеют могил.— Ужасы русских тюрем.— Званный обед у инженера.— Дамы занимают Кюстина.— Словесная перепалка

В день петергофского праздника я спросил у военного министра графа Чернышева⁵¹, каким образом я мог бы получить разрешение на осмотр Шлиссельбургской крепости. Граф мне ответил: «Я сообщу о вашем желании его величеству». В тоне, которым это было сказано, звучала осторожность, смешанная с удивлением. Ответ показался мне знаменательным. Очевидно, моя просьба, столь невинная в моих глазах, представлялась совсем иной министру. Желание осмотреть крепость, ставшую исторической с тех пор,

как в ней был загочен и погиб в царствование императрицы Елизаветы Иван VI⁵², было, конечно, неслыханной дерзостью. Я понял, что вечаино коснулся больного места, и замолчал.

Спустя несколько дней, готовясь к отъезду в Москву, я получил письмо от военного министра с сообщением, что мне разрешено осмотреть шлюзы Шлиссельбурга. Это было великолепно. Я хотел посетить государственную тюрьму, а мне милостиво разрешили познакомиться с чудом инженерного искусства. В конце письма граф Чернышев уведомлял, что главный директор путей сообщения империи получил приказание снабдить меня всеми удобствами для предстоящей поездки.

Всеми удобствами... Великий Боже! Какие неприятности навлекло на меня любопытство. И какой жестокий урок скромности я получил под видом исключительной любезности. Не воспользоваться разрешением в то время, как по всему пути посланы приказы о моей скромной персоне, значило бы подвергнуться упрекам и неблагодарности. Но, с другой стороны, изучать шлюзы со свойственной русским добросовестностью и не увидеть даже уголком глаза Шлиссельбурга значило добровольно идти в ловушку и погубить целый день — потеря серьезная, ибо приближалась осень, а мне предстояло еще многое осмотреть в России, где я отнюдь не собирался зимовать.

Итак, здесь до сих пор нельзя касаться некоторых печальных событий времен Елизаветы Петровны, так как они набрасывают тень на законность власти нынешнего государя. Поэтому моя просьба восходит на благовозрение императора. Тот не хочет ни удовлетворить ее, ни прямо отвергнуть. Он смягчает мою бестактность и разрешает осмотр инженерных сооружений, о которых я и не помышлял. От императора это дозволение идет к министру, от министра к главному директору, от директора к главному инженеру и т. д., и т. д., пока наконец не доходит до некоего унтер-офицера, который должен меня сопровождать, служить мне проводником и отвечать за мою безопасность во время всего путешествия, — «милость», несколько смахивающая на янычар, коих иногда приставляют к иностранцам в Турции. Во всяком случае этот знак внимания был скорее явным доказательством недоверия, и я чувствовал себя не слишком польщенным.

Пришлось отправиться к генерал-адъютанту, главному директору путей сообщения и проч., и проч., дабы исполнить осуществления высочайшего приказанья.

Директор не принимал или не был на месте. Меня просят пожаловать завтра. Не желая терять еще один день, я настаиваю. Меня просят зайти вечером. Я так и делаю, и мне наконец удается проникнуть к этой важной персоне. Сановник принимает меня чрезвычайно любезно, и через четверть часа я удаляюсь, снабженный предписанием на имя инженера Шлиссельбурга, но, заметьте, не на имя коменданта крепости. Провожая меня до передней, он обещает, что унгер-офицер будет завтра в четыре часа утра у дверей моей квартиры.

Ночь я провел без сна. Меня мучила мысль, которая вам покажется дикой,— мысль о том, что мой охранник может превратиться в моего тюремщика. А вдруг этот самый унгер-офицер по выезде из Петербурга предъявит мне приказ о ссылке в Сибирь, где мне суждено будет заплатить за свое неуместное любопытство? Что тогда делать, что предпринять? Конечно, сперва надо будет подчиниться, а затем, по приезде в Тобольск — если только я туда доеду,— я заявлю протест. Изысканная вежливость меня ничуть не успокаивает, скорей напротив, ибо я хорошо помню, как ласково обошелся Александр с министром, который по выходе из кабинета царя был схвачен фельдъегерем и по высочайшему повелению прямо из дворца отправлен в Сибирь, причем ему не позволили даже захватить домой. И целый ряд подобных примеров приходил мне на память и терзал мое воображение.

Звание иностранца также не служит достаточной гарантией. Я вспомнил случай с Коцебу, которого в начале нынешнего столетия при аналогичных с моими обстоятельствах (мне мерещилось, что я уже на пути в Сибирь) отправили с фельдъегерем прямо из Петербурга в Тобольск. Правда, ссылка немецкого поэта длилась всего шесть недель, и в юности я смеялся над его lamentациями по этому поводу. Но прошлой ночью я уже не смеялся, а от всего сердца оплакивал его участь. Дело ведь совсем не в продолжительности изгнания. Путешествие в тысячу восемьсот лье по ужасной дороге и в этом климате само по себе столь мучительно, что немногие могут его вынести. Легко нарисовать самочувствие несчастного иностранца, отторгнутого от друзей и родных и в течение шести недель обреченного думать, что окончит свою жизнь в безымянной и бесконечной пустыне, среди преступников и их тюремщиков. Такая перспектива хуже смерти и может довести до сумасшествия.

Конечно, наш посланник потребует моего возвращения, но шесть недель я буду чувствовать себя в вечной ссылке. И если, в конце концов, серьезно захотят от меня отделаться, то что им помешает распустить слух, будто я утонул в Ладожском озере? Ведь лодки опрокидываются ежедневно. Разве французский посланник сможет проверить этот слух? Ему скажут, что все поиски моего тела остались безуспешны. Он будет удовлетворен, честь нашей нации спасена, а я — на том свете.

Чем провинился Коцебу? Тем, что позволил себе писать, причем опасались, что мнения его не вполне благоприятны существующему в России порядку вещей. Кто поручится, что против меня нет таких же подозрений? Разве я тоже не одержим манией писать и думать? Сколько бы я ни уверял, что не собираюсь предать гласности свои впечатления, мне никто не верит, и чем больше я рассыпаюсь в похвалах всему, что мне показывают, тем, должно быть, подозрительней ко мне относятся. Кроме того, я, как всякий иностранец, окружен шпионами. Следовательно, знают, что я делаю записи и тщательно их прячу. Меня, быть может, ждет в лесу засада — на меня нападут, отберут мой портфель, с которым я не расстанусь ни на минуту, и убьют меня, как собаку.

Вот какие страхи осаждали меня всю ночь, и, хотя поездка в Шлиссельбург прошла без инцидентов, мои страхи не кажутся мне совсем беспочвенными, и я не чувствую себя застрахованным от неприятных случайностей. Если я так долго остановился на своих опасениях, то только потому, что они характеризуют страну. Допустим даже, что они лишь бред моего расстроенного воображения. — во всяком случае, такой бред невозможен нигде, кроме Петербурга или Марокко.

Итак, вчера в пять часов утра я выехал в коляске, запряженной четверкой лошадей — два коренника с претяжными (цугом ездят здесь только по городу, а при поездках за город применяется этот античный способ запряжки). Мой фельдъегерь поместился на козлах рядом с кучером, и мы помчались по улицам Петербурга. Центральная часть города скоро осталась позади, мы понеслись мимо мануфактур, среди которых выделяется прекрасный стекольный завод, затем мимо огромных бумагопрядилен, принадлежащих, как и большинство других фабрик, англичанам.

Человека здесь оценивают по отношению к нему правительства. Поэтому присутствие фельдъегеря в моем экипаже производило магическое действие. Даже мой кучер,

казалось, вдруг возгордился оказанным мне знаком высочайшего внимания и проникся ко мне почтением, доселе в нем назаметным. Столь же чудодейственно было влияние моего спутника на всех пешеходов, извозчиков и ломовиков, разлетавшихся во все стороны, как угри от остроги рыболова. Одним мановением руки фельдъегерь удалял с нашего пути все препятствия. И я с ужасом думал, что люди повиновались бы ему так же беспрекословно, получи он приказание не охранять, но арестовать меня. Недаром русский народ говорит: «Войти в Россию — ворота настежь раскрыты, выйти из нее — почти затворены».

Вид многих деревень на берегу Невы меня удивил. Они кажутся богатыми, и дома, выстроенные вдоль единственной улицы, довольно красивы и содержатся в порядке. Правда, при более внимательном взгляде оказывается, что построены они плохо и небрежно, а их украшения, похожие на деревянное кружево, в достаточной степени претенциозны.

Я заказал подставных лошадей в десяти лье от Петербурга. Свежая четверка в полной упряжи ожидала меня в одной из деревень. Пока меняли лошадей, я вошел в дом, род русской венты, и, таким образом, впервые переступил порог крестьянского жилища в России. Я очутился в обширных деревянных сенях, занимающих большую часть дома. Доски под ногами, доски над головой, доски со всех сторон... Несмотря на сквозняк, меня охватил характерный запах лука, кислой капусты и дубленой кожи. К сеням примыкала низкая и довольно тесная комната. Я вхожу и словно попадаю в каюту речного судна или, еще лучше, в деревянную бочку. Все — стены, потолок, пол, стол, скамьи — представляет собой набор досок различной длины и формы, весьма грубо обделанных. К запаху капусты присоединяется благоухание смолы. В этом почти лишенном света и воздуха помещении я замечаю старуху, разливающую чай четверем или пяти бороатым крестьянам в овчинных тулупах (несколько дней стоит довольно холодная погода, хотя сегодня только 1 августа). Тулупам нельзя отказать в живописности, но пахнут они прескверно. На столе горит медью самовар и чайник. Чай, как всегда, отличный и умело приготовленный. Этот изысканный напиток, сервируемый в чуланах (я говорю «в чуланах», подбирая приличные выражения), напоминает мне шоколад у испанцев.

В России нечистоплотность бросается в глаза, но она заметнее в жилищах и одежде, чем у людей. Русские сле-

дят за собой, и хотя их бани кажутся нам отвратительными, однако этот кипящий туман очищает и укрепляет тело. Поэтому часто встречаешь крестьян с чистыми волосами и бородой, чего нельзя сказать об их одежде. Теплое платье стоит дорого, и его поневоле приходится долго носить. Оно становится грязным раньше, чем успевает износиться. А комнаты, в которых прежде всего стараются оградить себя от холода, по необходимости реже проветриваются, чем жилища южных народов. В общем, северяне грязнее народностей, пользующихся благами теплого климата. Не надо забывать, что русские девять месяцев в году лишены очистительного действия воздуха.

Дорога от Петербурга до Шлиссельбурга плоха во многих местах. Встречаются то глубокие пески, то невылазная грязь, через которую в беспорядке переброшены доски. Под колесами экипажа они подпрыгивают и окатывают вас грязью. Но есть нечто похуже досок. Я говорю о бревнах, кое-как скрепленных и образующих род моста над болотистыми участками дороги. К несчастью, все сооружение покоится на бездонной топи и ходит ходуном под тяжестью коляски. При той быстроте, с которой принято ездить в России, экипажи на таких дорогах скоро выходят из строя; люди ломают себе кости, рессоры лопаются, болты и заклепки вылетают. Поэтому средства передвижения волей-неволей упрощаются и в конце концов приобретают черты примитивной телеги.

По прибытии в Шлиссельбург, где меня ожидали, я был встречен инженером, управляющим шлюзами. Было холодно, пасмурно и ветрено. Мы остановились у деревянного, но комфортабельного дома инженера, и он лично ввел меня в гостиную, где предложил мне легкую закуску и с явной супружеской гордостью представил своей жене, молодой и красивой особе. Последняя сидела на кушетке и не поднялась мне навстречу. Она не произнесла ни слова, не зная французского языка, и почему-то не шевелилась; очевидно смешивая полную неподвижность с совершенной вежливостью. Вероятно, она решила быть олицетворением гостеприимства в виде раздетого в пух и прах идола. Я молчал и согревался. Она не сводила с меня глаз, ибо отвести их значило бы нарушить неподвижность статуи, роль которой она задалась целью играть. Мой хозяин дал мне возможность в полной мере насладиться этой любопытной восковой фигуркой и, казалось, был весьма польщен произведенным ею впечатлением. Но, желая добросовестно выпол-

нить свой долг, он в конце концов обратился ко мне со следующими словами:

— Вы должны меня извинить, но нам, пожалуй, пора идти, так как у нас мало времени для осмотра шлюзов, которые мне приказано показать вам во всех подробностях.

Я предвидел этот удар, но ничем не мог его отворотить и с покорностью дал себя водить от одного шлюза к другому, не переставая думать о темнице Ивана VI, к которой мне не позволяли приблизиться. Количество гранитных камер, огромных гранитных же шитов, запирающих шлюзы, и плит из того же материала, которыми выстлано дно гигантского канала, вряд ли может заинтересовать, да я бы и не мог удовлетворить подобное любопытство. Достаточно сказать, что за десять лет существования шлюзов не потребовалось никакого ремонта — поразительный пример прочности сооружения в таком убийственном климате. Действительно, не жалели усилий и денег для совершенства постройки, воспользовавшись всеми изобретениями современного инженерного искусства. Все это очень интересно знать, но довольно утомительно осматривать, в особенности под эгидой создателя шедевра, так как обилие деталей подавляет профана.

Решив, что я затратил на осмотр этих чудес достаточно времени и расточил достаточно похвал, я вернулся к первоначальной цели моего путешествия и, скрывая свои намерения, чтобы тем вернее их осуществить, выразил желание увидеть истоки Невы. Кажущаяся невинность моей просьбы не могла скрыть ее нескромности. Поэтому инженер ответил уклончиво:

— Исток Невы находится при выходе из Ладожского озера в конце канала, отделяющего озеро от острова, на котором стоит крепость.

Я это знал, но продолжал настаивать:

— Все-таки мне бы хотелось увидеть одну из природных достопримечательностей России.

— Ветер слишком силен, так что нельзя будет различить подводных бурунов в месте истечения невских вод из озера. Впрочем, я сделаю все возможное, чтобы удовлетворить ваше любопытство.

С этими словами инженер приказал подать красивую лодку с шестью гребцами, и мы отправились якобы к истоку Невы, а на самом деле — к стенам крепости, доступ в которую мне до сих пор преграждался с величайшей вежливостью.

Шлиссельбургская крепость стоит на плоском острове, разделяющем реку на два рукава. В то же время он отделяет реку от озера, определяя линию, где смешиваются их воды. Мы обогнули крепость, чтобы как можно ближе подойти к истоку Невы, и вскоре очутились как раз над водоворотом, но волнение скрывало его от наших глаз. Поэтому мы сделали прогулку по озеру, затем вернулись, и так как ветер немного стих, то мы получили возможность разглядеть на большой глубине несколько струй пены. Это-то и был исток Невы.

Выразив подобающее восхищение видом Шлиссельбурга, основательно изучив при помощи бинокля место, где стояла батарея, которой Петр Великий бомбардировал шведскую твердыню, и расхвалив в достаточной степени все, что меня ничуть не интересовало, я произнес самым небрежным тоном:

— Давайте осмотрим крепость. Ее положение кажется мне очень живописным,— прибавил я довольно неудачно, ибо, когда хитришь, никогда не следует пересаливать.

Инженер бросил на меня испытующий взгляд, и я почувствовал, как математик превращается в дипломата.

— В крепости, сударь, нет ничего любопытного для иностранца.

— Все любопытно в такой интересной стране, как ваша.

— Но если комендант нас не ожидает, нас не впустят.

— Вы попросите у него разрешения показать крепость иностранцу. Кроме того, он вас, я думаю, ожидает.

Действительно, по просьбе инженера нас пропустили немедленно. Очевидно, мой визит считался вероятным и о нем были соответствующим образом предупреждены. Нас встретили с воинским церемониалом, провели сквозь сводчатые, довольно слабо охраняемые ворота, затем через поросший травой двор в... тюрьму?... Увы, ничего подобного: в квартиру коменданта. Он не говорил ни слова по-французски, но, делая вид, что считает мое посещение актом вежливости со стороны иностранца, рассыпался в благодарностях, пользуясь в качестве переводчика инженером. Пришлось отвечать любезностями, беседовать с женой коменданта, владевшей французской речью немногим лучше мужа, пить шоколад — одним словом, заниматься чем угодно, только не осмотром темницы Ивана VI, ради чего я выносил всю скуку этого дня и пустился на столько хитростей. Положитель-

но, вряд ли кто стремился так в сказочный замок, как я в эту темницу.

Наконец, когда истекло время, считающееся приличным для визита, я спросил у моего гида, нельзя ли осмотреть внутренность крепости. Комендант и инженер обменялись двумя-тремя словами и быстрыми взглядами, и мы вышли из комнаты.

В Шлиссельбургской крепости нет ничего, поражающего глаз. Внутри невысоких крепостных стен шведской эпохи — нечто вроде двора с огородом, где разбросано несколько низеньких строений — церковь, дом коменданта, казарма и, наконец, темницы, замаскированные башнями, не возвышающимися над крепостными валами. Мирный вид этой государственной тюрьмы производит более страшное впечатление, чем зубцы, решетки, подъемные мосты и прочие театральные аксессуары средневековых замков. По выходе от коменданта мне показали «великолепные церковные предметы». Торжественно развернули четыре ризы, стоявшие, как соблаговолит сообщить комендант, 30 тыс. рублей. Наскучив всеми этими кривляньями, я напрямик заговорил о могиле Ивана VI. В ответ на это мне показали брешь, пробитую в стене Петром I во время осады шведской крепости.

— Где могила Ивана VI? — повторил я, нимало не смущаясь.

На этот раз меня повели за церковь и указали на розовый куст:

— Вот она.

Отсюда я заключил, что в России жертвы произвола могил не имеют.

— А где камера Ивана VI? — продолжал я с настойчивостью, казавшейся, вероятно, столь же странной моим собеседникам, как мне — их умалчивания, колебания и увертки.

Инженер ответил вполголоса, что показать мне камеру Ивана VI невозможно, так как она находится в той части крепости, где в настоящее время помещаются государственные преступники.

Отговорка показалась мне законной, я был подготовлен к такому ответу, но что меня поразило, так это гнев коменданта. То ли он понимал по-французски лучше, чем говорил, то ли он хотел меня обмануть, притворяясь не понимающим нашего языка, то ли наконец он догадался, о чем идет речь, — но он набросился на инженера с выговором за его нескромность, за которую, прибавил он, тот когда-нибудь жестоко поплатится.

Последний, улучив момент, рассказал мне об этом нагоняе. Комендант, кроме того, весьма многозначительно предложил ему впредь воздерживаться от разговоров о «государственных делах» с иностранцами, а также не водить их в государственную тюрьму.

Я почувствовал, что нужно отступить, признав себя побежденным, и отказаться от посещения камеры, где, выжив из ума, окончил свои дни несчастный наследник российского престола, потому что сочли более удобным сделать из него кретина, чем императора. Единодушные, с которым действовали все слуги русского правительства, от военного министра до коменданта крепости, их молчаливый сговор и упорство привели меня в ужас, и я почувствовал столь же непреодолимое желание поскорее уйти, сколь несколько минут до того стремился сюда проникнуть. Я испугался перспективы стать невольным обитателем этой юдоли тайных слез и страданий. И мне захотелось лишь одного — ходить, дышать, двигаться. Я забыл, что вся Россия — та же тюрьма, и тюрьма тем более страшная, что она велика и что так трудно достигнуть и перейти ее границы.

Русская крепость. Ужасные слова!.. С тех пор как я побывал в ней и испытал на себе невозможность там даже говорить о том, что, естественно, интересует каждого иностранца, я понял, что за такой таинственностью скрывается, очевидно, глубочайшая бесчеловечность. Если бы мне откровенно отвечали на вопросы, которые касались событий, покрытых столетней давностью, я меньше бы думал о том, что мне не удалось увидеть. Но все выдумки и хитросплетения, все детские уловки и отговорки доказывают как раз обратное тому, в чем вас желают убедить. Мне говорили, и я этому вполне верю, что в подводных темницах Кронштадта до сих пор томятся среди прочих государственных преступников несчастные, заточенные туда при Александре. Ничто не может оправдать подобную жестокость! Если бы эти страдалцы вышли теперь из-под земли, они поднялись бы как мстящие призраки и привели бы в оцепенение самого деспота, а здание деспотизма было бы потрясено до основания. Все можно защищать красивыми фразами и убедительными доводами. Но, что бы там ни говорили, режим, который нужно поддерживать подобными средствами, есть режим глубоко порочный.

Жертвы этой гнусной политики теряют образ и подобие человеческое. Забытые всеми, влачат они беспросветное существование и кончают сумасшествием. Они не

помнят даже своего имени, и тюремщики грубо и безнаказанно издеваются над ними, ибо во тьме этих подземелий исчезают все следы справедливости. Даже преступления некоторых узников забываются, и никто не знает, за что они наказаны. Однако их все-таки не выпускают, потому что их некому передать, с одной стороны, и с другой — предпочитают скрывать ошибку, обрекая людей на вечную тюрьму. Чудовищная боязнь «произвести дурное впечатление», оправдываемая соображениями высшей государственной мудрости! А нас уверяют на каждом шагу, что в России нет смертной казни! Как будто заживо похоронить человека не то же, что убить его.

По возвращении из крепости меня ожидало новое испытание: званый обед с представителями среднего класса. Оказывается, инженер пригласил родственников жены и нескольких помещиков из окрестностей Шлиссельбурга. Буржуазия почти отсутствует в России, ее заменяет сословие мелких чиновников и помещиков средней руки, людей незнатного происхождения, но дослужившихся до дворянства. Снедаемые завистью к аристократии, они, в свою очередь, являются предметом зависти для народа, и, в общем, их положение тождественно с положением французской буржуазии перед революцией. Одинаковые причины везде вызывают одинаковые результаты.

Мужчины со мной не разговаривали и почти не обращали на меня внимания. Они едва владеют французским языком и, может быть, лишь с трудом на нем читают. Поэтому они забились в угол и говорили по-русски. Все же бремя французской беседы выпало на долю двух или трех дам. Я увидел с удивлением, что они хорошо знакомы с нашей литературой, то есть с той частью, которую пропускает в Россию полиция. Но еще больше меня поразила резкий и язвительный тон их речей. То, что скрывалось светскими людьми под маской вежливости и о чем я лишь догадывался, здесь выступало наружу. Я убедился, что русские относятся к нам иронически и неприязненно. Они нас ненавидят, как всякий подражатель того, кого он копирует. Их испытующие взгляды стараются подметить все наши недостатки. Заметив такое настроение, я решил со своей стороны не оставаться в долгу.

Сначала я счел себя обязанным извиниться за незнание русского языка и прибавил, что каждому путешественнику следовало бы изучить язык той страны, куда

он направляется. На эту любезность я получил колкий ответ:

— Однако вы все-таки решились слушать, как русские коверкают французский язык, если только вы не предпочитаете путешествовать немым.

— На это-то я и жалуюсь. Если бы я умел коверкать русскую речь, вам бы не пришлось мучиться с французским языком.

— Прежде мы говорили только по-французски.

— В этом нет ничего хорошего.

— Не вам нас за это упрекать.

— Я всегда говорю правду.

— Значит, правду еще ценят во Франции?

— Не знаю, ценят ли, но думаю, что правду нужно любить без расчета.

— Любовь эта не в моде в наше время.

— В России?

— Нигде, а в особенности в стране, где всем правят газеты.

Я был того же мнения, но не хотел этого высказать, так как моя собеседница явно желала меня уколоть резкостью своих ответов. К счастью, случилось происшествие, прервавшее неприятный разговор. На улице послышался шум, и все общество бросилось к окну. Оказалось, что между лодочниками вспыхнула ссора, грозившая перейти в поножовщину. Но достаточно было появиться моему инженеру на балконе, чтобы сказало магическое действие мундира. Все моментально стихло.

— Что за чудный народ! — воскликнула дама, задавшая целью меня «занимать».

«Бедняги», — подумал я, не склонный восхищаться чудесами, вызываемыми страхом, но предпочел не высказывать этой мысли вслух.

— У вас нельзя было бы восстановить порядок с такой легкостью, — продолжала моя неутомимая противница, пронзая меня пытливым взглядом.

— Пожалуй. Свобода имеет свои неприятные стороны, но мы пользуемся и ее благами.

— Какими?

— Их не могут понять в России.

— Мы обходимся без них.

— Легко обойтись без того, чего не знаешь.

Моя собеседница обиделась и резко переменяла тему разговора.

— Скажите, это о вашей семье и о вас лично говорит мадам де Жанлис⁵³ в своих «Воспоминаниях Фелисии»?

Я ответил утвердительно и выразил свое изумление по поводу того, что эти книги известны в Шлиссельбурге.

— Вы смешиваете нас с самоедами,— ответила дама таким злым голосом, что я поневоле сам заразился ее настроением и начал подавать реплики в соответствующем тоне.

— О нет, сударыня, но, по-моему, русские могут заниматься чем-нибудь более достойным, чем сплетни французского общества.

— Мадам де Жанлис совсем не сплетница.

— Может быть, но те из ее сочинений, в которых она грациозно рассказывает анекдоты о своих современниках, должны, мне кажется, интересоваться только французов.

— Значит, вы хотите, чтобы мы не особенно высоко ставили ваших писателей?

— Я хочу, чтобы нас ценили за наши истинные заслуги.

— Но если от вас отнять ваше влияние на Европу, которое вы на нее оказали в качестве законодателей светского этикета, то что от вас останется?

Я почувствовал, что имею дело с сильным противником.

— Останутся славные страницы истории Франции, да и не только Франции, но и России, потому что ваше отечество обязано своим теперешним положением в Европе той энергии, с которой вы нам отомстили за взятие Москвы.

— Да, это верно. Вы оказали нам, хотя и против своей воли, действительно большую услугу.

— Вы, быть может, потеряли близкого человека на войне?— спросил я, думая найти источник сильнейшей неприязни к Франции, сквозившей во всех суждениях этой суровой дамы, но получил отрицательный ответ.

В таком неприятном тоне беседа продолжалась до обеда. Я пытался было навести разговор на нашу новейшую литературную школу, но увидел, что в России знают одного лишь Бальзака. Перед ним бесконечно преклоняются и довольно верно о нем судят. Почти все сочинения современных французских писателей запрещены в России, что доказывает приписываемое им влияние. Вероятно, других писателей тоже знают, ибо с таможней можно столкнуться, но боятся о них говорить. Впрочем, это лишь мое предположение.

Наконец после томительного ожидания сели за стол. Хозяйка дома, верная принятой на себя роли статуи, пришла в движение единственный раз за весь день, перенеся свою особу с дивана на стул в столовой. Отсюда я убедился в существовании ног у идола, но губы и глаза его не шевельнулись. За столом царствовала изрядная натянутость, но обед был непродолжителен и показался мне довольно вкусным, за исключением супа, оригинальность которого перешла все границы. Представьте себе холодный отвар невероятно крепкого,пряного и насыщенного уксуса с плавающими в нем кусочками рыбы. Кроме этого адского кушанья да еще кислого кваса, национального русского напитка, все остальное я ел и пил с большим аппетитом, в особенности отличное бордо и шампанское.

В шесть часов вечера я распрощался с гостеприимными хозяевами ко взаимному и, нужно сознаться, нескрываемому удовольствию и направился в замок N, где меня ожидали. В N, расположенный в шести или восьми лье от Шлиссельбурга, я приехал еще засветло и провел остаток дня, гуляя по прекрасному парку, катаясь в лодке по Неве и, в особенности, наслаждаясь тонкой беседой с дамой высшего круга.

После оказавшегося столь неудачным опыта знакомства с русской буржуазией я чувствовал особенную тягу к высшему свету со всеми его пороками.

В Петербург я возвратился после полуночи, сделал за день около тридцати шести лье по знаменитым российским дорогам,—недаром лошадиный век в России исчисляется в среднем восемью или десятью годами.

ГЛАВА XVII

Прощание с Петербургом.— Догмат послушания.— Крестьянские бунты.— Внезапная задержка.— История декабриста Трубецкого⁵⁴.— Неугасимая ненависть Николая к декабристам.— Письмо княгини.— Мстительное преследование.— «Тюремщик одной трети земного шара».— Кюстин обманывает цензуру

Сегодня ночью я прощался с Петербургом. Прощание — магическое слово! Оно придает неизъяснимую прелесть всему, с чем суждено расстаться. Почему Петербург никогда не казался мне таким прекрасным, как в этот вечер? Потому, что сегодня я видел его в последний раз.

В начале одиннадцатого я возвращался с островов. В этот час город имеет необычайный вид, прелесть которого трудно передать словами. Дело не в красоте линий, потому что все кругом плоско и расплывчато. Очарование — в магии туманных северных ночей, в их светлом сиянии, полном величавой поэзии.

Со стороны заката все было погружено во тьму. Город черным, словно вырезанным из бумаги силуэтом вырисовывался на белом фоне западного неба. Мерцающий свет зашедшего солнца еще долго горит на западе и освещает восточную часть города, изящные фасады которой выделяются на темном с этой стороны небе. Таким образом, на западе — город во мраке и светлое небо, на востоке — темное небо и горящие в отраженном свете здания. Этот контраст создает незабываемую картину. Медленное, едва заметное угасание света, словно борющегося с надвигающейся неумолимой темнотой, сообщает какое-то таинственное движение природе. Кажется, что едва выступающий над водами Невы город колеблется между небом и землей и готов вот-вот исчезнуть в пустоте.

Стоя посередине моста, переброшенного через Неву, я долго любовался этой красотой, стараясь запечатлеть в памяти все детали двух столь различных ликов белой петербургской ночи.

Я мысленно сравнивал Петербург с Венецией. Он менее прекрасен, но вызывает большее удивление. Оба колосса возникли благодаря страху. Но в то время как Венеция обязана своим происхождением страху, так сказать, в чистом виде, ибо последние римляне бегство предпочитали смерти и плодом их ужаса явилось одно из чудес нашего времени, — Петербург был воздвигнут под влиянием страха, одетого в ризы благочестия, ибо русское правительство сумело превратить послушание в догмат. Русский народ считается очень религиозным. Допустим, но что это за религия, в которой запрещено наставлять народ? В русских церквях нет проповедей. Крестные знамена — плохое доказательство благочестия. И мне кажется, что, вопреки земным поклонам и прочим проявлениям набожности, русские в своих молитвах думают больше о царе, чем о Боге.

Политические верования здесь сильнее и прочнее религиозных. Единство православной церкви — лишь кажущееся. Многочисленные секты, принужденные безмолвствовать из-за тонко рассчитанного молчания господствующей церкви, прокладывают себе подземные пути. Но народы безмолвствуют лишь до поры до времени. Рано или поздно они обретают язык, и начинаются яростные споры. Тогда подвергаются обсуждению все политические и религиозные вопросы. Настанет день, когда печать молчания будет сорвана с уст этого народа и изумленному миру покажется, что наступило второе вавилонское столпотворение. Из религиозных разногласий возникнет некогда социальная революция в России, и революция эта будет тем страшнее, что совершится во имя религии.

На Волге продолжают крестьянские бунты и жестокие усмирения. Во всем видят руку польских агитаторов — рассуждение, напоминающее доводы волка у Лафонтена⁵⁵. Свирепость, проявляемая обеими сторонами, говорит нам о том, какова будет развязка. Вероятно, наступит она не скоро: у народов, управляемых такими методами, страсти долго бурлят, прежде чем вспыхнуть. Опасность приближается с каждым часом, но кризис запаздывает, зло кажется бесконечным. Наши внуки, быть может, еще не увидят взрыва. Однако уже сегодня можно предсказать его неизбежность, не пытаясь угадать, когда именно он разразится...

Положительно я никогда отсюда не уеду! Сама судьба против меня. Опять отсрочка, но на этот раз вполне законная. Я уже собирался сесть в экипаж, когда вошел один из моих друзей с письмом в руке. Он настаивал, чтобы я прочел последнее сейчас же. Боже мой, что за письмо! Оно написано княгиней Трубецкой и адресовано родственнику, который должен показать его императору. Я хотел тут же переписать его, чтобы напечатать, не изменив ни одного слова, но мне этого не позволили.

— Ведь письмо облетит тогда весь мир,— проговорил мой друг, испуганный произведенным на меня впечатлением.

— Это лучший довод за его напечатание.

— Что вы, это немыслимо! Дело ведь идет о судьбе целого ряда лиц. Письмо было мне передано под честным

словом. Я могу только показать его вам и вернуть через полчаса.

Несчастливая страна, где каждый иностранец представляется спасителем толпе угнетенных, потому что он олицетворяет правду, гласность и свободу для народа, лишенного всех этих благ!

Прежде чем познакомить вас с содержанием письма, нужно в двух словах рассказать одну печальную историю. Вы, конечно, знакомы с нею, но в общих, довольно неопределенных чертах, как вообще со всем, касающимся этой отдаленной и вызывающей только холодное любопытство страны. Таким равнодушным и потому жестоким любопытным был и я до приезда в Россию. Читайте же теперь и краснейте! Да, краснейте, потому что всякий, кто не протестует изо всех сил против режима, делающего возможным подобные факты, является до известной степени его соучастником и соумышленником.

Я отправил лошадей обратно под предлогом внезапного недомогания и поручил фельдъегерю сказать на почте, что выезжаю завтра. Отделавшись от услужливого шпиона, я сейчас же сел писать эти строки.

Князь Трубецкой, принимавший весьма деятельное участие в восстании 14 декабря, был приговорен к каторжным работам на четырнадцать или пятнадцать лет с последующей ссылкой на поселение в Сибирь, которая населяется таким путем колониями бывших преступников. Князь должен был отбывать срок наказания в уральских рудниках. Жена князя, принадлежащая к одному из знатнейших русских родов, решила последовать за мужем в изгнание. Никакие доводы не могли поколебать ее решения. «Это мой долг,— отвечала она,— и я его исполню. Нет на земле власти, имеющей право разлучить мужа и жену. Я разделю участь моего супруга». Благородная женщина получила «милостивое» разрешение заживо похоронить себя вместе с мужем. Не знаю, какой остаток стыда заставил русское правительство оказать ей эту милость. Может быть, боялись друзей Трубецкой, людей влиятельных и знатных. Как ни обессилена здесь аристократия, она все же сохраняет тень независимости, и этой тени достаточно, чтобы внушить страх деспотизму. Это ужасное общество изобилует контрастами: многие говорят между собой столь же свободно, как если бы они жили во Франции. Тайная свобода утешает их в явном рабстве, составляющем стыд и несчастье их родины.

Как бы то ни было, княгиня уехала к своему мужу-каторжнику и, что еще более удивительно, прибыла к месту назначения, сделав много сотен миль в телеге по невозможным дорогам. Можете себе представить, сколько страданий и лишений перенесла несчастная женщина! Но я не могу вам их описать, так как не знаю подробностей и не хочу сочинять ни слова — истинность всего этого рассказа для меня священна.

Подвиг княгини Трубецкой покажется тем более героическим, что до катастрофы супруги были довольно холодны друг к другу. В Петербурге у них не было детей, в Сибири родился пятеро.

Как бы ни был виноват Трубецкой, царь давно бы его простил, будь он на самом деле таким великим монархом, каким хочет казаться. Но помимо того, что милосердие чуждо натуре Николая, оно представляется ему слабостью, унижающей царское достоинство. Он привык измерять свою силу страхом, который внушает, и сострадание кажется ему нарушением его кодекса политической морали. Одним словом, император Николай не смеет прощать, он осмеливается лишь наказывать.

Четырнадцать лет супруги прожили, так сказать, бок о бок с рудниками, ибо княжеские руки, как вы понимаете, плохо приспособлены к работе заступом и лопатой. Во всяком случае, он каторжник и должен жить там. Вы сейчас увидите, на что положение каторжника обрекает человека и его детей.

Правда, в Петербурге нет недостатка в патриотах, которые находят жизнь приговоренных к каторге вполне сносной и жалуются на «болтунов», преувеличивающих страдания сосланных в рудники преступников. Родственники последних, говорят эти оптимисты, могут посылать им одежду и провизию. Интересно только, какие съестные припасы выдержат перевозку на сказочных расстояниях Российской империи?

Каковы бы ни были прелести сибирской жизни, здоровье княгини Трубецкой было подорвано. Да и трудно понять, как женщина, привыкшая к роскоши большого света, могла прожить столько лет в ледяной пустыне, где термометр каждый год показывает до 40 градусов мороза. Такая температура сама по себе способна стереть с лица земли человечество. Но святая женщина хотела жить — и жила. А кроме того, у нее были другие заботы.

Прошло семь лет в изгнании, ее дети стали подрастать, и она сочла своим долгом написать одному из родствен-

ников просьбу пойти к царю и вымолить у него разрешение послать ее детей в Петербург или какой-либо другой большой город, чтобы дать им подобающее образование.

Эта просьба была повергнута к стопам монарха, и достойный потомок Ивана IV и Петра I ответил, что дети каторжника — сами каторжники и всегда будут достаточно образованны.

Получив такой ответ, осужденный, его жена, его семья хранили молчание еще семь долгих лет. За них протестовали человечество, христианская религия, униженная честь, но протестовали совсем тихо и неслышно. Ни один голос не раздался против подобной «справедливости». И только теперь, когда новое бедствие обрушилось на несчастных, опять послышался вопль из глубины пропасти.

Князь отбыл срок каторги, и «освобожденные», как принято выражаться, изгнанники должны поселиться вместе со своими детьми в одной из наиболее отдаленных местностей Сибири. Место их поселения было с умыслом избрано самим императором. Это такая глушь, что оно еще не обозначено на картах русского Генерального штаба, самых точных и подробных географических картах на свете.

Положение княгини стало гораздо тягостней с тех пор, как ей «разрешили» поселиться в этом медвежьем углу. (Заметьте, что на языке угнетенных в интерпретации угнетателя разрешения считаются приказами.) В рудниках она могла согреться под землей, там у нее были товарищи по несчастью, немые утешители, свидетели ее героизма. Людские взоры видели и оплакивали ее мученичество, и не одно сердце при встрече с нею начинало биться сильнее. Словом, она в рудниках чувствовала себя окруженной сочувствовавшими ей людьми. Но как пробудить сострадание в медведях, как проложить себе дорогу сквозь дремучие леса, как растопить вечные льды беспредельной тундры, как защититься от невыносимого холода в жалкой лачуге? И как прожить с мужем и пятью детьми в сотне, а может быть и больше миль от ближайшего человеческого жилья, если не считать надсмотрщика за ссыльнопоселенцами?

Мое преклонение вызывает не только покорность княгини воле Провидения, но и те полные красноречия и нежности слова, которые она нашла в своем сердце и которые сломали сопротивление ее мужа, убедив его в том, что, страдая вместе с ним, она менее несчастна, чем была бы в Петербурге, где ее окружали бы все жизненные удоб-

ства, но где она была бы далеко от него. Это торжество преданности, увенчанное успехом (потому что князь в конце концов согласился), представляется мне чудом женской чуткости, силы и любви. Жертвовать собой — благородное и редкое качество, но заставить другого принять такую жертву — выше этого нет ничего на земле!

Ныне отец и мать, лишённые всякой помощи, сломленные столькими несчастьями в прошлом и мрачной неизвестностью в будущем, затерянные в пустыне, наказанные в своих ни в чем не повинных детях, не знают, как жить, чем поддерживать существование детей. Последние — каторжники от рождения, парии императорской России, без отечества, без рода, без имени. Но их нужно кормить, одевать и обувать. Разве может мать, как бы горда, как бы возвышенна душой она ни была, разве может мать допустить, чтобы плоть от плоти ее погибла? Нет, она унижается и молит о пощаде.. Сильная женщина побеждена отчаявшейся матерью. Она видит, что ее дети больны, и не может им ничем помочь, у нее нет никаких средств облегчить их страдания, вылечить их, спасти им жизнь. Отец, потрясенный горем, позволяет ей действовать так, как подсказывает сердце. И княгиня, простив жестокость первого отказа (просить о милости — значит прощать), опять шлет письмо из Сибири. Оно адресовано семье, но предназначено императору. Для того чтобы познакомить меня с этим письмом, мне и помешали уехать. Но я не жалею об отсрочке отъезда. Я никогда не читал ничего трогательнее и проще. Такие подвиги не нуждаются в словах. Княгиня пользуется своим положением геронни, она лаконична даже тогда, когда дело идет о жизни ее детей. В нескольких строках она описывает свое положение без декламации, без жалоб. Она не унижается до красноречия — факты сами говорят за себя. Она кончает просьбой о единственной милости — о разрешении жить где-либо, где есть медицинская помощь, чтобы можно было достать лекарства для больных детей. Окрестности Тобольска, Иркутска или Оренбурга показались бы ей раем. В конце письма она не говорит об императоре, она забывает обо всем и думает только о своем муже. В ее словах дышит неподдельное и благородное чувство, которое одно могло бы заставить забыть самое тяжкое преступление. Но она невинна, а монарх, к которому она обращается, всемогущ, и только Бог судит его поступки. «Я очень несчастна. — пишет она, — но если бы мне было суждено пережить все снова, я поступила бы точно так же».

Письмо княгини пришло по назначению, император его прочел: нашелся храбрый человек, осмелившийся не только отнести его к грозному монарху, но и поддержать просьбу опальной родственницы. О ней говорят с царем не иначе как о преступнице, между тем как в любой другой стране только бы гордились родственными связями с такой жертвой супружеского героизма.

И вот после четырнадцати лет мстительного преследования — дайте мне выразить мое негодование! Ибо выбирать слова, говоря о подобных фактах, значит предавать святое дело! Пусть русские возмущаются, если посмеют, но Европа должна узнать, что человек, называемый шестьюдесятью миллионами подданных всесильным самодержцем, унижается до мести. Да, только мезтью можно назвать такую расправу! Итак, спустя четырнадцать лет родственник княгини слышит из уст императора Николая вместо всякого ответа следующие слова: «Удивляюсь, что мне осмеливаются снова (второй раз в 15 лет!) говорить о семье, глава которой участвовал в заговоре против меня». Вы можете сомневаться в точности передачи этих слов, я сам хотел бы сомневаться, но не могу. Мне их передало лицо, которому родственник княгини только что рассказал о своей беседе с государем. Да, наконец, доказательством является и тот факт, что письмо ничем не отразилось на участи изгнанников.

Их родственники, Трубецкие, люди влиятельные и родовитые, живут в Петербурге... и бывают при дворе! Вот вам самосознание и независимость русской аристократии! В стране, где царствует произвол, страх оправдывает все. Больше того, он не остается без награды. Страх, называемый для приличия благоразумием и умеренностью, есть единственная заслуга, которая никогда не забывается. Здесь встречаются даже господа, обвиняющие княгиню Трубецкую в глупости. «Разве не может она возвратиться в Петербург одна?» — говорят они. Поистине удар ослиным копытом!

Теперь для меня нет больше сомнений и колебаний, я составил себе суждение об императоре Николае. Это человек с характером и волей — иначе он не мог бы стать тюремщиком одной трети земного шара, — но ему совершенно чуждо великодушие. То, каким образом он пользуется своей властью, доказывает это слишком ясно. Пусть Бог его простит! Я же, к счастью, его больше не увижу. Я закончу свое путешествие, но не буду присутствовать при выезде двора в Кремль и больше не буду говорить

об императоре. Да и что нового могу я рассказать вам о нем? Теперь вы знаете его достаточно хорошо, чтобы получить ясное представление об этой стране. Представьте лишь себе, что случаи, подобные только что рассказанному, происходят здесь постоянно, но остаются никому не известными. Понадобилось стечение особенно благоприятных обстоятельств, чтобы до меня дошли те факты, которыми я поделился с вами, повинувшись велениям совести.

Я соберу все заметки, написанные мною со дня приезда в Россию и не отправленные в Париж из осторожности, хорошенько запечатаю всю связку и отдам на сохранение в надежные руки (последние не так-то легко найти в Петербурге). Затем я напишу письмо, так сказать, официальное, которое пошлю завтра в Париж почтой. В этом письме все, что я здесь вижу, все лица, все учреждения будут превознесены свыше всякой меры. Из него будет явствовать, как я безгранично восхищен этой страной и всем в ней происходящим! Я уверен — вот в чем вся соль! — что и мои французские читатели, и русская полиция будут одинаково одурачены моим казенным энтузиазмом и что это и подобные ему письма, вскрытые на границе, помогут мне спокойно закончить мое путешествие.

Если же вы обо мне не услышите, знайте, что меня отправили в Сибирь. Лишь эта невольная поездка помешает мне выехать наконец в Москву. Мой фельдъегерь только что сообщил мне, что завтра утром почтовые лошади будут меня ждать у подъезда.

ГЛАВА XVIII

Путешествие на почтовых. — «Русские горы». — Фельдъегерь Кюстина. — Избиение ямщика. — Быстрая езда. — Пророчество опытного путешественника. — Деревенское население. — Почтовые станции. — Привлекательность русских крестьянок. — Столичные феи превращаются в ведьм. — Челядь. — Высочайшая дорога

Путешествовать на почтовых из Петербурга в Москву — это значит испытывать несколько дней сряду ощущения, пережитые при спуске с «русских гор» в Париже. Хорошо, конечно, привезти с собою английскую коляску с единственной целью прокатиться на настоящих рессорах по этой знаменитой дороге — лучшему шоссе в Европе, по словам русских и, кажется, иностранцев. Шоссе, нужно сознаться, содер-

жится в порядке, но оно очень твердо и неровно, так как щебень достаточно измельченный, плотно утрамбован и образует небольшие, но неподвижные возвышенности. Поэтому болты расшатываются, вылетают на каждом перегоне, на каждой станции коляска чинится, и теряешь время, выигранное в пути, где летишь в облаке пыли с головокружительной скоростью урагана. Английская коляска доставляет удовольствие только на первых порах, вскоре же начинаешь чувствовать потребность в русском экипаже, более приспособленном к особенностям дороги и нраву ямщиков. Чугунные перила мостов украшены императорским гербом и прекрасными гранитными столбами, но их едва успеваешь разглядеть оглушенный путешественник — все окружающее мелькает у него перед глазами, как бред больного.

Внешность, осанка и характер моего фельдъегеря напоминают мне на каждом шагу дух, господствующий в его стране. Когда мы подъезжали ко второй станции, одна из наших лошадей зашаталась и, обессиленная, упала. К счастью, кучер сумел сразу остановить остальную тройку. Несмотря на то что лето на исходе, днем стоит палящий зной и от жары и пыли нечем дышать. Я решил, что у лошади солнечный удар и что она умрет, если сейчас же не пустить кровь. Подозвав моего фельдъегеря, я достал из саквояжа футляр с ветеринарным ланцетом и предложил немедленно им воспользоваться, чтобы спасти жизнь несчастному животному. Но фельдъегерь ответил мне со злобной и насмешливой флегматичностью: «Не стоит того, ведь мы до станции доехали». С этими словами, не удостоив взглядом издыхающую лошадь, он пошел на конюшню и заказал новую запряжку. Русским далеко до англичан, издавших закон против жестокого обращения с животными. Мой фельдъегерь не поверил бы в существование такого закона.

Впрочем, зачем говорить о животных, когда и с людьми обращаются, как со скотами? Вот еще один пример. Ямщик, доvezший меня до станции, где я пишу эти строки, в чем-то провинился при отъезде и навлек на себя гнев своего старшего по рангу товарища. Последний сбил его, почти ребенка по возрасту, с ног, затоптал сапогами и осыпал градом ударов. Тумаки были основательные, потому что я издали слышал, как гудела под ними грудная клетка потерпевшего. Когда же наконец истязатель утомился, избитый поднялся на ноги, не произнеся ни слова, бледный и дрожащий, поправил во-

лосы, отвесил поклон своему грозному начальнику и легко вскочил на облучок, чтобы помчать меня со скоростью четырех или пяти миль в час. Император делает семь миль в час: Железнодорожный поезд с трудом угнался бы за его коляской. Сколько людей должно быть избито, сколько лошадей пасть, чтобы достигнуть такой поразительной быстроты передвижения! И так все сто восемьдесят миль кряду! Говорят, что невероятная скорость езды в открытой коляске вредит здоровью: немногие легкие могут безнаказанно рассекать воздух с такой стремительностью. Правда, телосложение императора таково, что он выносит все решительно, но его более хрупкий сын уже испытывает на себе вредное влияние подобных физических упражнений.

В двух часах езды отсюда я встретился с одним знакомым мне русским, посетившим одно из своих имений и возвращавшимся в Петербург. Мы остановились на минуту, чтобы обменяться несколькими словами. Осмотрев подробно мою коляску, русский вдруг разразился смехом.

— Посмотрите сюда,— сказал он, указывая на оси, рессоры, чеки и прочие части экипажа,— они не доедут до Москвы в целости и сохранности. Иностранцев, желающих путешествовать в своих экипажах, постигает всегда одна и та же участь: они выезжают, как вы, а возвращаются в дилижансе.

— Но русские мне говорили, что это лучшее шоссе в Европе, и я им поверил на слово.

— На нем не хватает некоторых мостов и некоторые участки чинятся. Не раз приходится сворачивать с шоссе, чтобы переезжать по временным мостам с торчащими во все стороны бревнами. И иностранные экипажи неизменно ломаются в таких случаях.

— Моя коляска сделана в Англии и испытана в больших путешествиях.

— Нигде не ездят с такой быстротой, как у нас. Коляски раскачиваются подобно кораблю в сильную бурю. Получается комбинированная качка — боковая и килевая, и только построенные в России экипажи могут противостать такому испытанию.

— Вы разделяете старый предрассудок, будто тяжелые и массивные экипажи — самые прочные, но это неверно.

— Счастливого пути! Если ваш доберется до Москвы, вы будете правы. Не забудьте написать!

Едва я распротился с этим мрачным пророком, как одна из рессор лопнула. Случилось это недалеко от станции. Вот вам и первая задержка. Заметьте, что мы сделали только восемнадцать лье из ста восьмидесяти. Я предчувствовал, что предстоит отказаться от удовольствия быстрой езды, и уже выучил русское слово «тише», противоположное тому, что всегда говорят русские путешественники.

По дороге уже попадались крестьянки с более красивыми лицами, чем в Петербурге. Фигуры их по-прежнему оставляют желать много лучшего, но цвет лица здоровый и свежий. Очень портит их обувь — грубые, высокие сапоги, совершенно скрадывающие форму ноги. Можно подумать, что они пользуются обувью своих мужей.

Дома похожи на виденные мною по дороге в Шлисельбург, но не все столь же изящны. Вид у деревень однообразный. Они представляют собой два ряда бревчатых изб, правильно расставленных на некотором расстоянии от большой дороги. Избы сложены из грубо обтесанных бревен и повернуты коньком крыши к улице. Все они похожи одна на другую, но, несмотря на это унылое однообразие, деревни производят на меня впечатление достатка и даже некоторой зажиточности. От них веет спокойствием сельской жизни, вдвойне радующим после Петербурга. Деревенское население не кажется особенно веселым, но и не имеет такого несчастного вида, как солдаты или петербургские чиновники. Из всех русских крестьяне меньше всего страдают от отсутствия свободы: они сильнее всех поработаны, но зато у них меньше тревог.

Дом, в котором я пишу, отличается элегантностью, представляющей собою разительный контраст со скудостью окружающей природы. Это в одно и то же время и почтовая станция, и гостиница, похожая на дачу богатого частного лица. Потолок и стены расписаны в итальянском стиле, нижний этаж состоит из нескольких просторных зал и напоминает провинциальный французский ресторан. Мебель обита кожей, стулья с соломенными сиденьями имеют опрятный вид. Везде расставлены большие диваны, могущие заменить кровати, но я по горькому опыту знаю, как опасно ими пользоваться, и даже не рискую на них садиться. Почтовые

станции такого рода, хотя и менее изысканные, устроены на протяжении всего пути из Петербурга в Москву и содержатся за счет правительства.

«В России нет расстояний», — говорят русские, и за ними повторяют все путешественники. Я принял это изречение на веру, но грустный опыт заставляет меня утверждать диаметрально противоположное: только расстояния и существуют в России. Там нет ничего, кроме пустынных равнин, тянущихся во все стороны, насколько хватает глаз. Два или три живописных пункта отделены друг от друга безграничными пустыми пространствами, причем почтовый тракт уничтожает поэзию степей, оставляя только мертвое уныние равнины без конца и без края. Ничего грандиозного, ничего величественного. Все голо и бедно, кругом — одни солончаки и топи. Смена тех и других — единственное разнообразие в пейзаже. Разбросанные там и тут деревушки, становящиеся чем дальше от Петербурга, тем неряшливее, не оживляют ландшафта, но, наоборот, усугубляют его печаль. Избы — груды бревен с деревянной крышей, крытой иногда соломой. В этих лачугах, вероятно, тепло, но вид у них прегрустный. Напоминают они лагерные бараки, с той лишь разницей, что последние внутри чище. Крестьянские же клетушки грязны, смрадны и затхлы. Кровати в них отсутствуют. Летом спят на лавках, идущих вдоль стен горницы, зимой — на печи или на полу вокруг печи. Отсюда следует, что русский крестьянин всю жизнь проводит на биваке. Домашний комфорт этому народу неизвестен.

Головной убор крестьян очень своеобразен и по форме похож на гриб. На ногах у них по большей части самодельная плетенка, привязанная к ногам перекрещивающимися веревками. Такой обувью приятней любоваться на статуях, чем видеть ее в повседневном употреблении. Античная скульптура дает нам понятие о древности так называемого «лаптя».

Крестьянки по-прежнему встречаются редко: из десяти встречных не больше одной женщины. Костюм их обличает полное отсутствие кокетства и напоминает собою пеньюар без намека на талию. Почти все ходят босиком, только самые зажиточные шеголяют в уже описанных мною сапогах. На голове они носят платки или туго стянутые куски полотна.

Но не одни крестьянки пренебрегают своей наружностью. Я видел русских «дам», путешествующих в самых

невозможных туалетах. Сегодня утром на одной из станций, где я остановился позавтракать, встретил я целую семью, знакомую мне по Петербургу. Там она живет в одном из дворцов, которые русские с такой гордостью показывают иностранцам. У себя дома эти дамы были разодеты по последней парижской моде. Но на постоялом дворе, где они меня нагнали благодаря повому несчастью, приключившемуся с моей коляской, это были совсем другие женщины. Я их едва узнал, ибо феи превратились в ведьм. Представьте себе, что молодые особы, которых вы до сих пор встречали только в большом свете, вдруг появились перед вами в костюме Сандрильоны,— какое там, гораздо хуже: без шляп, с грязными, похожими на салфетки косынками на голове, в засаленных каборах, в стоптанных туфлях, шлепающих при каждом шаге. Положительно можно было поверить в колдовство.

Элегантных путешественниц сопровождал целый штат прислуги обоего пола. Эта челядь, кутавшаяся в отвратительные оборванные салоны, слонялась повсюду и производила адский шум, довершивший картину бесовского шабаша. Все кричало, визжало, бегало взад и вперед. Везде пили, ели с жадностью, способной отбить аппетит у самого голодного человека. Между тем дамы не забывали, жеманясь и гримасничая, жаловаться мне на царствующую на станции грязь— точно они имели право претендовать на чистоту. Мне казалось, что я попал в цыганский табор. Впрочем, цыгане не выдают себя за любителей опрятности.

Я забыл упомянуть об одном довольно странном обстоятельстве, поразившем меня в начале поездки.

На всем протяжении от Петербурга до Новгорода я заметил вторую дорогу, идущую параллельно главному шоссе на небольшом от него расстоянии. Эта параллельная дорога снабжена изгородями и деревянными мостами, хотя и сильно уступает главному шоссе в красоте и в общем значительно хуже его. Прибыв на станцию, я попросил узнать у станционного смотрителя, что обозначает эта странность. Мой фельдъегерь перевел мне объяснение смотрителя. Вот оно: запасная дорога предназначена для движения ломовых извозчиков, скога и путешественников в те дни, когда император или особы императорской фамилии едут в Москву. Таким образом, августейшие путники ограждаются от пыли и прочих неприятностей, которые могли бы их

обеспокоить или задержать в том случае, если бы большая дорога оставалась доступной для всех в момент высочайшего проезда. Не знаю, не посмеялся ли над мной стационарный зритель. Впрочем, он говорил с очень серьезным видом и, по-видимому, находил вполне естественным, что государь захватывает почтовую дорогу в свое полное распоряжение в стране, где монарх — это всё.

Людовик XIV, говоривший: «Франция — это я!», останавливался, чтобы дать дорогу стаду овец, и в его царствование возчик, пешеход и нищий, повстречавшись в пути с принцами крови, повторяли им наше древнее изречение: «Большая дорога принадлежит всем!» Дело не в законе, а в способе его применения. Во Франции нравы и обычаи во все времена вносили известный корректив в политическое установление. В России те же нравы и обычаи преувеличивают все недостатки последних при их применении на практике, так что следствия становятся еще хуже, чем самые принципы.

Двойная дорога кончается в Новгороде и не доходит до первопрестольной столицы России.

ГЛАВА XIX

Вынужденные остановки в пути. — Природная грация русского народа. — Унылые песни. — Качели. — Крестьянская сметливость. — Богобоязненность и плутовство. — Люди голубой крови. — Свообразные понятия о чести. — Кюстин слушает панегирики рабству. — Торопливость придает вес. — Несчастный жеребенок. — Сны наяву. — Кровавое прошлое Твери

В Клину меня ожидал новый невольный привал, и все по той же причине: регулярно каждые двадцать миль что-нибудь ломается. Положительно мой русский знакомый оказался пророком!

Бывают минуты, когда, не обращая внимания на мои протесты и упорное повторение русского «тише», ямщики пускают лошадей во весь опор. Тогда, убедившись в тщетности попыток их урезонить, я умолкаю и закрываю глаза, чтобы избежать головокружения. Впрочем, до сих пор мне не попалось еще ни одного неумелого возницы, а многие отличались поразительной ловкостью и искусством. Интересно, что самыми искусными коневодами оказались

старики и дети, хотя должен сознаться, что, когда я в первый раз увидел в этой роли мальчугана лет десяти, сердце мое сжалось и я запротестовал. Но фельдъегерь меня успокоил, и, решив, что он в конце концов подвергается одинаковому со мной риску, я покорился своей участи. Исключительная сноровка, нужно сознаться, необходима русскому ямщику, чтобы при такой быстрой езде лавировать между загромаждающими дорогу бесчисленными повозками.

Нет ничего оригинальнее повозок, людей и животных, встречающихся на дорогах этой страны. Я нигде не видел ничего похожего. У русского народа, безусловно, есть природная грация, естественное чутье изящного, благодаря которому все, к чему он прикасается, приобретает поневоле живописный вид. Заставьте людей менее тонкой породы пользоваться жилищами, одеждами и утварью русских — и все эти вещи покажутся им попросту чудовищными. А здесь я их нахожу странными, необычайными, но не лишенными своеобразной красоты, достойной карандаша художника. Заставьте русского носить одежду парижского рабочего — и он сделает из нее нечто приятное для глаза. Жизнь этого народа полна интереса если не для него самого, то для наблюдателя со стороны. Контраст между слепым повиновением «властям предрержащим» прикованного к земле населения и энергичной и неустанной борьбой того же самого населения со скудной природой и смертоносным климатом является неисчерпаемым источником оригинальнейших картин и глубоких размышлений.

Тишина царствует на всех праздниках русских крестьян. Они много пьют, говорят мало, кричат еще меньше и либо молчат, либо поют хором, то есть тянут меланхоличную мелодию. Национальные песни русских отличаются грустью и унынием. Любимое развлечение русских крестьян — качели, что вполне согласуется с их врожденной ловкостью. Проезжая в воскресенье через многолюдные деревни, я наблюдал, как на одних качелях стояло от четырех до восьми девушек, а на других — такое же количество молодых людей, лицом к первым. Те и другие раскачивались едва-едва, почти неприметно для глаза. Такая немая игра продолжается долго, и у меня никогда не хватало терпения дожидаться конца. Однако это томное времяпрепровождение лишь нечто вроде интермедии, происходящей в антрактах между настоящими качелями. Последние — удовольствие чрезвычайно смелое и даже пугающее зрителя. Достаточно сказать, что столбы, на которых подве-

шены качели, достигают иногда двадцати футов высоты. И вот представьте себе двух молодых людей, раскачивающихся изо всей силы так, что, кажется, качели вот-вот опишут полный круг! Положительно непонятно, как можно при таких условиях сохранить равновесие. В этих упражнениях русские обнаруживают много ловкости, грации и смелости.

Во многих селах любовался я такими играми и наконец увидел несколько женских лиц совершенной красоты. Краска проступает у них сквозь кожу, отличающуюся прозрачностью и необыкновенной нежностью. Прибавьте к этому зубы ослепительной белизны и — большая редкость — прелестные, поистине античные линии рта. Но глаза, по большей части голубые, имеют монгольский разрез и, как всегда у славян, смотрят плутовато и беспокойно. Не знаю, может быть, виноват в этом наряд, может быть, это игра природы, но красивые лица реже встречаются у женщин, чем у мужчин.

Русский крестьянин трудолюбив и умеет выпутаться из затруднений во всех случаях жизни. Он не выходит из дому без топора — инструмента, неопенимого в искусных руках жителя страны, в которой лес еще не стал редкостью. С русским слугою вы можете смело заблудиться в лесу. В несколько часов к вашим услугам будет шалаш, где вы с бóльшим комфортом и уж, конечно, в более опрятной обстановке проведете ночь, чем в любой деревне.

На каждом перегоне мои ямщики по крайней мере раз двадцать крестились, проезжая мимо часовен, и столь же усиленно раскланивались со всеми встречными возницами, а их было немало. И, выполнив столь пунктуально эти формальности, искусные, богобоязненные и вежливые плуты неизменно похищали у нас что-либо. Каждый раз мы недосчитывались то кожаного мешка, то ремня, то чехла от чемодана, то, наконец, свечки, гвоздя или винтика. Словом, ямщик никогда не возвращался домой с пустыми руками.

Как этот народ ни жаден до денег, он не смеет жаловаться, когда его обсчитывают. От этого часто приходилось терпеть моим ямщикам, потому что фельдъегерь, которому я вручил при отъезде нужную сумму для расчетов с ними, регулярно удерживал часть прогонных денег в свою пользу. Заметив его плутовство, я начал из своего кармана возмещать убытки несчастному ямщику. И можете себе представить: пройдоха фельдъегерь, убедившись, в свою очередь, в моем великодушии (так он называл мое чувство

справедливости), имел дерзость мне заявить, что он слагает с себя ответственность за мою особу в том случае, если я не перестану нарушать его законный авторитет своими действиями.

Впрочем, можно ли удивляться отсутствию нравственного чувства у простого народа в стране, где знать смотрит на самые элементарные правила честности как на законы, годные для плебеев, но не касающиеся людей голубой крови? Не подумайте, что я преувеличиваю: это горькая правда. Отвратительной аристократической спесью, диаметрально противоположной истинной чести, проникнуто большинство самых влиятельных дворянских родов в России. Недавно одна знатная дама сделала мне очень ценное, но невольное признание. Ее слова меня настолько поразили, что я ручаюсь за буквальную их передачу. Выраженные моею собеседницею чувства довольно широко распространены здесь среди мужчин, но редко встречаются у женщин, сохранивших лучше, чем их мужья и братья, традиционные, истинно благородные понятия.

— Мы не можем составить себе ясное представление о ваших порядках, — сказала она. — Меня уверяют, будто у вас могут посадить в тюрьму знатнейшую особу за долг в двести франков. Это возмутительно! Видите ли, вот в чем разница между Россией и Францией: у нас не найдется ни одного купца, ни одного поставщика, который осмелился бы отказать нам в кредите на неограниченный срок. С вашими аристократическими воззрениями, — прибавила она, — вы, вероятно, гораздо лучше чувствуете себя в России. У французов старого режима с нами гораздо больше точек соприкосновения, чем с любыми другими народами Европы.

Не могу вам передать, какое мне понадобилось самообладание, чтобы громко не запротестовать против мнимого единомыслия, которым гордилась моя собеседница. Все же, несмотря на вынужденную сдержанность, я не мог отказать себе в удовольствии заметить, что человек, считающийся у нас ультраароялистом, сошел бы в Петербурге за самого отъявленного либерала. В заключение я сказал:

— Если вы меня уверяете, что среди вас есть господа, не считающие нужным оплачивать свои долги, то я не могу поверить вам на слово.

— И совершенно напрасно. Многие из нас обладают несметными богатствами, но они разорились бы в пух и прах, если бы вздумали как-нибудь расплатиться со всеми своими кредиторами.

Вначале такие утверждения казались мне бахвальством дурного тона или даже ловушками, расставленными

моей доверчивости. Но собранные впоследствии сведения убедили меня в их справедливости.

Меня уверяют также, что нравственное чувство почти не развито у русских крестьян. Они будто бы почти не имеют понятия о семейных обязанностях. И мои личные впечатления чуть ли не каждый день подтверждают это. Один большой барин рассказал мне, что принадлежащий ему крепостной, хорошо знающий какое-то ремесло, отправился с его разрешения в Петербург на заработки. Спустя два года крестьянин получил на несколько недель отпуск, который он пожелал провести в деревне, где жила его жена. В назначенный день он возвращается в Петербург.

— Ну, ты доволен, что повидался с семьей? — спрашивает его барин.

— Очень доволен, ваше сиятельство, — наивно отвечает крепостной, — жена мне двух ребят принесла. Хорошо, теперь в семье больше народу стало.

Несчастливые люди! У них нет ничего своего — ни дома, ни детей, ни жены. Даже их сердце им не принадлежит — они не ревнивы. Да и кого им ревновать? Ведь любовь для них не больше чем случайность. И такова жизнь самых счастливых людей в России, то есть рабов! Я часто слышал, как им завидуют вельможи, и, может быть, не без основания.

— У них нет никаких забот, — говорили мне, — все заботы о них и об их семьях лежат на нас. (Один Бог знает, во что превращаются эти заботы, когда крепостной становится старым и, следовательно, беспомощным.) Ведь они и их дети обеспечены всем необходимым и поэтому во сто раз менее достойны сожаления, чем ваши свободные крестьяне!

Я молча выслушивал эти панегирики рабству, но про себя думал: правда, у них нет забот, но нет и собственности, и, значит, нет ни привязанности, ни счастья, ни морального чувства, нет ничего, что бы компенсировало материальные невзгоды жизни, ибо только частная собственность делает человека существом общественным, только она одна является основой семьи.

Зло — всегда зло, скажут мне. Человек, ворующий в Москве, такой же вор, как и мошенник, занимающийся этим делом в Париже. Но это я и оспариваю. Нравственность каждого индивида зависит в значительной степени от общего воспитания, получаемого данным народом. Отсюда вытекает, что Провидением установлена страшная и таинственная круговая порука между правительством и управляемыми, что, как в хорошем, так и в дурном, в истории обществ бываюот моменты, когда над государством совер-

нается суд и выносится приговор, как над отдельным человеком.

Добродетели, пороки и преступления — понятия относительные и в применении к рабам и свободным имеют разное значение. Поэтому, когда я изучаю русский народ, я могу констатировать как факт, не влекущий за собой того осуждения, которое он вызвал бы в наших условиях, что в общем у этого народа нет гордости, благородства и тонкости чувства и что эти качества заменяются у него терпением и лукавством.

«Русский народ добр и кроток!» — кричат одни. На это я отвечаю: «Я не вижу в том особого достоинства, а лишь привычку к подчинению». Другие мне говорят: «Русский народ кроток лишь потому, что он не смеет обнаружить свои истинные чувства. В глубине души он суеверен и жесток». — «Бедный народ!» — отвечаю я им. — «Он получил такое дурное воспитание».

Чем больше я живу в России, тем яснее вижу, как разительно презрение к слабым. Это чувство кажется здесь столь естественным, что те, кто его больше всех осуждают, начинают в конце концов сами его разделять. В России быстрая езда превращается в страсть, которая служит предлогом к совершению всякого рода бесчеловечных поступков. Мой фельдъегерь эту страсть разделяет в полной мере и заражает ею меня. Поэтому я часто становлюсь невольным сообщником его жестокостей. Например, он выходит из себя, когда ямщик слезает с козел, чтобы поправить упряжь, или когда он останавливается в пути по иным причинам.

Вчера, в начале перегона, фельдъегерь несколько раз угрожал побоями мальчику, правившему нашими лошадьми, за аналогичные поступки, и я разделял нетерпение и гнев моего «охранителя». Вдруг из ближайшей конюшни выбежал жеребенок, всего нескольких дней от роду, и, приняв, очевидно, одну из наших кобыл за свою мать, с жалобным ржаньем поскакал за коляской. Молодой ямщик, уже виновный в проволочке, хотел было остановиться, чтобы помочь жеребенку, которого каждую секунду грозил изувечить наш экипаж. Но фельдъегерь грозно приказывает ехать дальше, и ямщик, как подобает русскому, беспрекословно повинуетея и продолжает гнать лошадей. Я подтверждаю суровое распоряжение фельдъегеря. Надо поддерживать авторитет власти, говорю я себе, даже тогда, когда она не права. Мой курьер не оштрафуется особым рвением: если я его обескуражу, он махнет на все рукой и из помощника превратится в беспомощную обузу. Кроме того, здесь в обычае ездить быстро, я не могу проявлять мень-

ше нетерпения, чем другие путешественники. Не слышать — это значит терять свое достоинство. Чтобы иметь вес в этой стране, нужно торопиться. Пока я успокаивал себя подобными рассуждениями, наступила ночь.

Конечно, я должен был бы вмешаться и прекратить мучения жеребенка и мальчугана. Один ржал изо всей силы, другой безмолвно утирал слезы кулаком, страдая за своего любимца. А я равнодушно молчал при виде этой двойной пытки. Она продолжалась долго, потому что перерог был большой.

Только прибыв на следующую станцию, наш раб, то есть несчастный ямщик, освободившись наконец от ярма железной дисциплины, созвал все село на спасение жеребенка. Накинув недоуздок, его подвели к его приемной матери, но у бедняги уже не было сил сосать. Одни говорили, что он оправится, другие — что он надорвался и издохнет. (Я уже начал понимать отдельные слова.) Услышав этот приговор, молодой ямщик, представив себе, очевидно, участь, ожидающую того, кому был поручен надзор за жеребятами, лишился, казалось, языка от ужаса, точно чувствуя на себе удары, предназначенные незадачливому товарищу. Никогда я не видел на лице у детей выражения такого безысходного отчаяния. Но из уст его не вырвалось ни одной жалобы, ни одного упрека жестокому фельдшерю. А тот, не обращая ни малейшего внимания ни на жеребенка, ни на бедного мальчугана, со степенным видом занялся своими обязанностями, связанными со столь важным делом, как перемена лошадей.

Должен сказать, что в тот момент, когда мы выехали со станции и навсегда покинули беднягу ямщика с его жеребенком, я не чувствовал никаких угрызений совести. Они пришли позднее, когда я стал размышлять над этим происшествием. Отсюда можно заключить, как быстро портится человек, вдыхая отравленный деспотизмом воздух. Да что я говорю! В России деспотизм — на троне, но тирания — везде. И я, француз, считающий себя добрым по природе человеком, кичащийся своей древней культурой, я при первой возможности совершить акт произвола поддаюсь искушению и проявляю отвратительную жестокость. Парижанин вел себя, как варвар!

Я не спал всю ночь. Вереница неясных, смутных мыслей медленно тянулась в моем усталом мозгу. Бег уносивших меня лошадей был, казалось, гораздо быстрее, чем работа притупленного сознания: у тела выросли крылья, мысль налилась свинцом. Степи, болота с чахлыми сосенками и уродливыми березками, деревни, города проносились у меня перед глазами как фантастические, нереальные

образы, и я не мог отдать себе отчета в том, что привело меня сюда, почему я должен присутствовать при этом движущемся зрелище, где смена впечатлений так стремительна, что дух не поспевает за телом. Эти страшные сны наяву сопровождались монотонными песнями моих ямщиков. Русский народ, говорят, очень музыкален, но до сих пор я еще ничего достойного внимания не слышал, а певучая беседа, которую вел в ту ночь кучер со своими лошадьми, звучала похоронно: речитатив без ритма, жалобные звуки, которыми человек поверял свои горести животному, единственному верному другу, хватали за душу и наполняли ее невыразимой грустью.

Коньта моих лошадей застучали по понтонному мосту. Мы переезжали реку с громким именем — Волга. На ее берегу в лунном сиянии вырисовывался город. Неизбежные римские фронтоны и оштукатуренные колоннады белели в неверном сумраке северной ночи. Дорога огибала город, показавшийся мне огромным. Это — Тверь, имя, вызывающее в памяти бесконечные семейные раздоры, наполнявшие историю России до татарского нашествия. Я слышу, как брат проклинает брата; раздаются воинственные клики; я присутствую при резне, Волга окрашивается кровью. Из глубины Азии появляются татарские орды, и кровь снова льется бесконечными потоками. Но я, зачем я вмешался в эти толпы, жаждущие грабежа и убийства? Что мне делать в этой дикой, жестокой стране?

(...)

ГЛАВА XX

Панорама Москвы.— Разочарование при въезде в город.— Кремль.— Жилище призраков.— Город палачей и их жертв.— Кузнецкий мост.— Уличная толпа.— Цари не жалуют бывшую резиденцию.— О железных дорогах.— Английский клуб.— Русский философ о религиозной свободе.— Гулянье у Новодевичьего монастыря.— Казаки

ЛСлучалось ли вам, приближаясь с суши к какому-либо порту Ла-Манша или Бискайского залива, увидеть мачты судов, стоящих за прибрежными дюнами? Песчаные валы скрывают город, пристани, набережные, даже самое море, и перед вами — только лес мачт с ослепительно белыми парусами, реями, пестрыми флагами, развевающимися вымпелами и пыш-

ными, яркими орнфламмами всех цветов радуги. Чудодейственное появление эскадры среди твердой земли вас несказанно поражает. И вот точно такое же впечатление произвела на меня Москва, когда я впервые ее увидел. Огромное множество церковных глав, острых, как иглы, шпилей и причудливых башенок горело на солнце над облаками дорожной пыли, в то время как самый город и линия горизонта скрывались в дрожащем тумане, всегда окутывающем дали в этих широтах. Чтобы ясно представить себе все своеобразие открывающейся передо мной картины, надо напомнить, что православные церкви обязательно заканчиваются несколькими главами. Их число различно, но никогда не бывает меньше пяти, что имеет символическое значение: они служат наглядным выражением церковной иерархии. Прибавьте к этому, что главы церквей отличаются поразительным разнообразием форм и отделки и напоминают то епископскую митру, то китайскую пагоду, то минарет, то усыпанную камнями тиару, то попросту грушу. Они то покрыты чешуей, то усеяны блестками, то позолочены, то раскрашены яркими полосами. Каждая глава увенчана крестом самой тонкой филигранной работы, а кресты, то позолоченные, то посеребренные, соединены такими же цепями друг с другом. Постарайтесь вообразить себе эту картину, которую даже нельзя передать красками, а не то что нашим бедным языком! Игра света, отраженного этим воздушным городом, — настоящая фантасмагория среди бела дня, которая делает Москву единственным городом, не имеющим себе подобного в Европе.

Но по мере приближения к городу впечатление от волшебного зрелища постепенно тускнеет, и когда останавливаешься у чрезвычайно земного и реального Петровского дворца, выстроенного Екатериной II в псевдоготическом стиле, неуклюжего, квадратного в плане и перегруженного украшениями дурного вкуса здания, то совершенно забываешь фантастический город. Чем дальше, тем сильнее разочарование, так что, въезжая в ворота Москвы, вы начинаете уже сомневаться в том, что перед тем видели своими глазами. Вы спали, думается вам, и грезили. И вот, проснувшись, очутились в самой прозаической и тоскливой обстановке на свете, в огромном городе без памятников архитектуры, то есть без единого произведения искусства, действительно заслуживающего такого названия.

При виде этой грузной и неудачной копии Европы вы с изумлением спрашиваете себя, куда девалась Азия, чье видение только что маячило перед вашими глазами. Издали Москва — создание фей, мир химер и призраков, но вблизи она — большой торговый город, хаотический, пыльный, плохо вымощенный, плохо застроенный, слабо населенный. Конечно, это произведение рук сильных и энергичных, но вместе с тем плод разума, лишенного воображения и понятия о прекрасном.

Без архитектурного гения, без таланта, без вкуса к скульптуре можно громоздить камни, можно сооружать огромные по размерам здания, но нельзя создать ничего гармоничного, ничего великого по пропорциям. Искусство, достигая вершин совершенства, одушевляет камень — в этом его тайна, этому учит Греция. В архитектуре, как и в других видах искусства, впечатление прекрасного рождается из совершенства отдельных деталей и их тонкого и умелого соподчинения общему плану. Во всей России нет ничего, что производило бы такое впечатление.

И тем не менее в том хаосе штукатурки, кирпича и бревен, который носит название Москвы, две точки неизменно приковывают к себе взоры: это церковь Василия Блаженного и Кремль, тот Кремль, который не удалось взорвать самому Наполеону!

Я никогда не забуду дрожи ужаса, охватившего меня при первом взгляде на колыбель современной русской империи. Кремль стоит путешествия в Москву! Это не дворец, каких много, это целый город, имеющий, как говорят, мило в окрестности. И город этот, корень, из которого выросла Москва, есть грань между Европой и Азией. При преемниках Чингисхана Азия в последний раз ринулась на Европу; уходя, она ударила о землю пятой — и отсюда возник Кремль.

Знаете ли вы, что такое стены Кремля? Слово «стены» вызывает в уме представление о чем-то слишком обыкновенном, слишком мизерном. Стены Кремля — это горный кряж. По сравнению с обычными крепостными оградами его валы то же, что Альпы рядом с нашими холмами. Кремль — это Монблан среди крепостей. Если б великан, именуемый Российской империей, имел сердце, я сказал бы, что Кремль — сердце этого чудовища.

Его лабиринт дворцов, музеев, замков, церквей и тюрем наводит ужас. Таинственные шумы исходят из его подзе-

мелей: такие жилища не под стать для нам подобных существ. Вам мерещатся страшные сцены, и вы содрогаетесь при мысли, что сцены эти не только плод вашего воображения. Раздающиеся там подземные звуки исходят, грезится вам, из могил. Бродя по Кремлю, вы начинаете верить в сверхъестественное.

Кремль — вовсе не то, чем его обыкиновенно считают. Это вовсе не национальная святыня, где собраны исторические сокровища империи. Это не твердыня, не благоговейно чтимый приют, где почивают святые, защитники родины. Кремль — меньше и больше этого. Он попросту жилище призраков.

Башни, башни всех видов и форм: круглые, четырехугольные, многогранные; приземистые и взлетающие ввысь островерхими крышами; башни и башенки, сторожевые, дозорные, караульные; колокольни, самые разнообразные по величине, стилю и окраске; дворцы, соборы, зубчатые стены, амбразуры, бойницы, валы, насыпи, укрепления всевозможного рода, причудливые ухищрения, непонятные выдумки, какие-то беседки бок о бок с кафедральными соборами. Во всем виден беспорядок и произвол, все выдает ту постоянную тревогу за свою безопасность, которую испытывали страшные люди, обрекшие себя на жизнь в этом фантастическом мире. Все эти бесчисленные памятники гордыни, сластолюбия, благочестия и славы выражают, несмотря на их кажущееся многообразие, однуединственную идею, господствующую здесь над всем: это война, питающаяся вечным страхом. Кремль, бесспорно, есть создание существа сверхчеловеческого, но в то же время и человеконенавистнического. Слава, возникающая из рабства, — такова аллегория, выраженная этим сатанинским памятником зодчества.

Хотя каждая башенка, каждая отдельная деталь имеют свою индивидуальность, все они говорят об одном и том же: о страхе, вооруженном до зубов. Жить в Кремле — это значит не жить, но обороняться. Гнет порождает возмущение, возмущение вызывает меры предосторожности, последние, в свою очередь, увеличивают опасность восстания. Из этой длинной цепи причин и следствий, действий и противодействий возникло чудовище — деспотизм, который построил для себя в центре Москвы логовище — Кремль!

В искусстве нет термина, которым можно было бы охарактеризовать архитектуру Кремля. Стиль его дворцов, тюрем и соборов — не мавританский, не готический, не римский и даже не чисто византийский. У Кремля нет прообраза, он не похож ни на что на свете. На нем лежит отпечаток, если можно так выразиться, архитектуры царского стиля.

Иван Грозный — идеал тирана, Кремль — идеал дворца для тирана. Царь — это тот, кто живет в Кремле. Кремль — это дом, где живет царь. Я не люблю новоизобретенных слов, в особенности тех, которыми пользуюсь я один, но «архитектура царского стиля», или «царская архитектура», — выражение необходимое, ибо ни одно другое не вызовет в уме человека, знающего, что такое «царь», соответствующих представлений. В Москве уживаются рядом два города: город палачей и город жертв последних. История России показывает нам, как эти два города возникли один из другого и как они могли существовать друг подле друга.

Покинутая царями и большинством родовитых бояр, превратившихся в угодливых царедворцев, Москва за неимением лучшего превратилась в город торговый и промышленный. Она гордится ростом своих фабрик. Ее шелка с честью соперничают на русском рынке с тканями Востока и Запада. Средоточие ее торговли — Китай-город и улица, носящая название Кузнецкого моста, где расположены самые богатые лавки, — относится к числу достопримечательностей развенчанной столицы. Я упоминаю об этом потому, что усилия русского народа освободиться от дани, уплачиваемой им чужеземной промышленности, могут иметь важные политические последствия для Европы.

Первое, что меня поразило в Москве, это настроение уличной толпы. Она показалась мне более веселой, более свободной в своих движениях, более жизнерадостной, чем население Петербурга. Люди, чувствуется, действуют и думают здесь более самопроизвольно, меньше повинуются посторонней указке. В Москве дышится вольнее, чем в остальной империи. Этим она сильно отличается от Петербурга, чем, по-моему, и объясняется тайная неприязнь монархов к древнему городу, которому они льстят и которого они боятся и избегают, как ни призрачна, в сущности говоря, московская «свобода». Из причин этой странной особенности Москвы я выдвигаю на первый план обширность и характерные черты территории.

Москва как бы погребена в беспредельных равнинах страны, столицей которой она являлась. Отсюда печать оригинальности на ее зданиях, отсюда независимость и свободный вид ее жителей, отсюда, наконец, забвение царями бывшей резиденции. Цари, ее деспоты и тираны в прошлом, смягченные модой, которая превратила их в императоров и, больше того, в благовоспитанных джентльменов, — цари, как я уже говорил, избегают Москвы. Они предпочитают Петербург, несмотря на все его неудобства, потому что им необходимо поддерживать постоянные сношения с Западной Европой. Россия, какой ее сделал Петр Великий, не доверяет своим собственным силам, чтобы жить и просвещаться. В Москве ведь нельзя в семь дней получать импортированные из Парижа анекдоты и быть в курсе всех сплетен и эфемерной литературы Европы. Как ни ничтожны, на ваш взгляд, эти мелочи, они тем не менее необычайно интересуют русский двор и, следовательно, Россию.

Если бы снежный покров, то мерзлый, то талый, не выводил железные дороги из строя на шесть или восемь месяцев в году, русское правительство, безусловно, превзошло бы все прочие в лихорадочной постройке этих путей сообщения, уменьшающих размеры земного шара. Но сколько бы ни умножали линии рельсов, как бы ни увеличивали быстроту передвижения, обширность территории всегда была, есть и останется величайшим препятствием для обмена идей, ибо сушу нельзя избородить по всем направлениям. Море — другое дело: оно только на первый взгляд разделяет людей, но, в сущности, их сближает.

Конечно, будь Москва морским портом или по крайней мере крупным центром тех металлических путей, что подобно электричеству служат проводниками человеческих мыслей в наш нетерпеливый век, я не был бы вчера в Английском клубе свидетелем любопытного обычая. Военные всякого возраста, светские люди, пожилые господа и безусые франты истово крестились и молчали несколько минут, перед тем как сесть за стол. И делалось это не в семейном кругу, а за табльдотом, в чисто мужском обществе! Те, кто воздерживался от этого религиозного обряда (таких тоже было немало), смотрели на первых без малейшего удивления. Как видите, от Москвы до Парижа действительно добрых восемьсот лье!

Клуб помещается в большом и красивом дворце. Все устроено очень хорошо, на широкую ногу. Но меня

поразило не это — в любом нашем клубе вы увидите то же самое, — а набожность московского общества. Сидя в саду клуба, я беседовал с москвичом, введшим меня в клуб, человеком широко образованным и независимым в своих суждениях. Беседа велась свободно и вскоре привяла очень поучительное и интересное направление. От общих соображений мы перешли к положению религии в России, и я попросил моего просвещенного собеседника познакомить меня с культурным уровнем тех, кто учит в России слову Божьему.

Такая просьба показалась бы в Петербурге чрезвычайно нескромной. Но в Москве, я чувствовал, можно было рискнуть на это из-за той таинственной свободы, которая там царствует, хотя трудно было определить, в чем именно она заключается. Нужно прибавить, что иногда эта вера в московскую свободу оплачивается довольно дорогой ценой... Ответ русского философа, прошедшего несколько лет на Западе и вернувшегося оттуда с весьма либеральными взглядами, можно резюмировать в следующих выражениях:

— В православных церквях проповеди всегда занимали очень скромное место. А в России и духовная и светская власти энергично противились богословским спорам. Как только появлялось желание обсуждать спорные вопросы, разделявшие Рим и Византию, обеим сторонам предписывали замолчать. В сущности, предметы спора столь незначительны, что раскол продолжает существовать только благодаря невежеству в религиозных вопросах. В некоторых мужских и женских учебных заведениях преподаются кое-какие богословские предметы, но их только терпят и время от времени запрещают. Факт покажется вам совершенно непонятным и необъяснимым, но тем не менее это так: русский народ религии не учат. Следствием этого является множество сект, о существовании которых правительство знать не разрешает. Одна из них допускает многоженство. Другая идет дальше — и на словах, и на деле проводит общность жен и мужей.

Нашим священникам запрещено писать даже исторические хроники. Наши крестьяне поэтому толкуют Библию вкривь и вкось, выхватывая отдельные тексты, и новые секты, весьма разнообразные по своему содержанию, возникают беспрестанно. Когда поп спохватывается, ересь обычно оказывается уже глубоко вкоренившейся.

Если теперь пощ поднимают шум, сектантов ссылают в Сибирь целыми деревнями. Это, понытно, разоряет помещика, у которого есть достаточно средств заставить священника молчать. В тех случаях, когда, несмотря на все старания, правительство узнает о ереси, количество ее приверженцев уже столь многочисленно, что бороться с нею поздно. Насильственные меры приведут к огласке, но не уничтожат зла, а действовать убеждением — значит открыть дорогу спорам — наихудшему злу в глазах самодержавного правительства. Поэтому прибегают к замалчиванию, то есть не лечат болезнь, но, наоборот, способствуют ее распространению.

Русская империя погибнет от религиозных разногласий, — заключил мой собеседник. — Поэтому завидовать нашей религиозности может только тот, кто, как вы, судит по поверхности, не зная нас на самом деле.

Таково мнение одного из самых проникательных и искренних русских.

Иностранец, давно живущий в Москве и вполне достойный доверия, рассказывал мне, что несколько лет тому назад он обедал у одного петербургского купца, который представил ему трех своих жен, не палюжниц, но законных жен. Купец оказался тайным адептом одной из вновь возникших сект. Думаю, что государство вряд ли признает законными его детей от этих жен, но его христианская совесть была спокойна. Если бы я услышал подобную историю из уст русского, я поостерегся бы ее повторить, так как русские любят рассказывать небывдичьи доверчивым иностранцам.

Я присутствовал на народном гулянье около Новодевичьего монастыря. Действующими лицами были солдаты и мужики, зрителями — люди из общества, весьма приверженные к подобного рода развлечениям. Палатки и балаганы с напитками были разбиты вокруг кладбища: культ мертвых служит предлогом для народной забавы. Гулянье происходило в день какого-то святого, которого мощам и иконам исправно поклонялись в промежутках между возлияниями кваса. В тот вечер было выпито совершенно невероятное количество этого национального напитка.

Восемь церквей заключает ограда монастыря. Под вечер я зашел в главный храм. Он показался мне внушительным, чему сильно содействовал царивший в нем полумрак. Монахини с большим старанием украшают алтари своих часовен и очень удачно справляются с этой

задачей, наиболее легкой, без сомнения, из их обетов. Что же касается других, более трудных, то они, как меня уверяют, соблюдаются довольно плохо, ибо, если верить лицам хорошо осведомленным, поведение московских инокинь оставляет желать много лучшего.

Палатки, битком набитые гуляющими, были отравлены обычным букетом ароматов. Запахи кожи, спиртных напитков, кислой капусты, пива, сала от солдатских салог, мускуса и амбры от господ смешивались самым невыносимым образом и не давали возможности дышать. Величайшее удовольствие русских — пьянство, другими словами — забвение. Несчастливые люди! Им нужно бредить, чтобы быть счастливыми. Но вот что характеризует добродушие русского народа: напившись, мужики становятся чувствительными и вместо того чтобы угощать друг друга тумаками, по обычаю наших пьяниц, они плачут и целуются. Любопытная и странная нация! Она заслуживает лучшей участи.

На гулянье присутствовало множество казаков. Молчаливой стеной окружали они певцов, исполнявших заунывные песни донских казаков, и лишь изредка подхватывали припев. Казаки, говорят, отличаются кротким нравом, но на войне одно их имя наводит ужас. Происходит это оттого, что они невероятно невежественны и их начальники умеют искусно пользоваться их темнотой. Когда я вспоминаю, какими баснями позволяли себе офицеры обманывать своих подчиненных, все во мне возмущается и я негодную на правительство, унижающееся до подобных уловок или, во всяком случае, оставляющее их безнаказанными. Дело в том, что, как я слышал из надежного источника, многие казацкие генералы обращались в кампании 1814 и 1815 гг. к своим войскам с такими речами: «Бейте врагов без страха, режьте их как можно больше! Убьют вас в бою — не бойтесь: через три дня будете дома у жен и детей. Бог воскресит вас, воскресит с плотью и кровью. Чего ж вам бояться?» И казаки, привыкшие верить своим офицерам, как Богу, понимали эти обещания и бились с хорошо знакомой нам храбростью: то есть при малейшей возможности избежать опасности улепетывали, как мародеры, но умели встретить смерть как солдаты, если она была неминуема. Обязанность начальника — заставить свои войска презирать смерть. Но добиться такого результата гнусным обманом — значит лишить их героизм всякого значения. Если война оправдывает все, как

утверждают некоторые, то что оправдывает войну? Можно ли без ужаса и отвращения представить себе, каково нравственное состояние народа, которого войска направлялись такими средствами в бой каких-нибудь двадцать пять лет тому назад? Рассказанный факт случайно дошел до моего сведения, но сколько таких же или еще худших «военных хитростей» остались мне неизвестны? Однажды прибегнув к обману для того, чтобы управлять людьми, трудно остановиться на скользком пути. Новая кампания — новая ложь. И государственная машина продолжает работать.

ГЛАВА XXI

Сухарева башня.— Единообразие и педантичность.— Россия поражена скукой.— Загородная вилла.— Непостоянство русских.— «Первые актеры в мире».— Московский «свет».— Политический протест выливается в кутежи и дебоши.— «Шалости» москвичей.— Необычайное толкование монастырского устава.— Распущенность нравов.— Еще о крепостном праве.— Грядущая революция

Я хотел отвлечься от страшного Кремля, притягивавшего меня как магнит, и осмотрел Сухареву башню. Стоит она на возвышенности, у одних из московских ворот. Первый этаж представляет собой огромную цистерну, питающую водой почти всю Москву. Вид этого висящего на большой высоте озера, по которому можно кататься в лодочке — так оно велико, производит необычайное впечатление. Архитектура здания, довольно современного к тому же, тяжела и сумрачна. Но византийские своды, массивные лестницы и оригинальные детали создают величественное целое. Византийский стиль вообще продолжает жить в Москве. Это, собственно, единственный стиль, из которого при умелом применении может вырасти национальная русская архитектура, ибо он одинаково подходит как к жаркому, так и к холодному климату.

Мне показали университет, Кадетский корпус, Екатерининский и Александровский институты, Вдовий дом и, наконец, Воспитательный дом для найденышей. Все эти учреждения огромны и помпезны. Русские страшно гордятся столь большим числом прекрасных общественных зданий, которые можно показывать иностранцам. Но я лично удовлетворился бы меньшим великолепием, потому что ничего не может быть скучнее прогулки по этим

горделиво-монотонным палатам, где все поставлено на военную ногу и человеческая жизнь сведена к роли часового колеса. Спросите у других, что представляют собой эти высокополезные и пышные рассадники офицеров, матерей семейств и наставниц,— не мне об этом распространяться. Знайте только, что эти наполовину политические, наполовину благотворительные учреждения показали мне образцами порядка, заботливости и чистоты. Это делает честь их начальникам, равно как и высшему начальнику империи. У нас утомляет распушенность и разнообразие. Здесь подавляет совершенное единообразие во всем и замораживает педантичность, неотделимая от идеи порядка, вследствие чего вы начинаете ненавидеть то, что, в сущности, заслуживает симпатии. Россия, этот народ-дитя, есть не что иное, как огромная гимназия. Все идет в ней как в военном училище, с той лишь разницей, что ученики не оканчивают его до самой смерти.

Вся Европа наших дней поражена скукой. Доказательство тому — образ жизни нашей молодежи. Но Россия страдает от этой болезни больше, чем другие страны. Трудно дать понятие о пресыщенности, царствующей в высших слоях московского общества. Нигде болезни духа, порожденные скукой, этой страстью людей, страстей не имеющих, не казались мне столь серьезными и столь распространенными, как в России, в ее высшем свете. Общество здесь, можно сказать, начало со злоупотреблений. Когда порок уже не помогает человеку избавиться от скуки, которая гложет его сердце, тогда человек идет на преступление. И это случается иногда в России.

Общество в Москве приятное. Смесь патриархальных традиций и современной европейской непринужденности, во всяком случае, своеобразна. Гостеприимные обычаи древней Азии и изящные манеры цивилизованной Европы назначили здесь друг другу свидание и сделали жизнь легкой и приятной. Москва, лежащая на границе двух континентов, является привалом между Лондоном и Пекином. Дух подражания еще не стер последних следов национальных особенностей. Когда образец далеко, то копия кажется оригиналом.

В Москве достаточно небольшого числа рекомендательных писем, чтобы познакомить иностранца со множеством людей, выдающихся либо богатством, либо положением, либо умом. Поэтому дебют путешественника

здесь нетруден. Я был приглашен отобедать на даче, расположенной в черте города. Но чтобы добраться до нее, пришлось с милю ехать вдоль каких-то прудов и пересекать поля, похожие на степи. А приближаясь к самой вилле, я увидел за парком густой и темный еловый лес, начинающийся непосредственно за городом, — лесное уединение в двух шагах от Москвы.

Я вошел в деревянный дом — новая странность! В Москве и богатый и бедный спят под деревянным кровом в бревенчатом, обшитом досками срубе. Зато внутри дощатые «избы» богачей соперничают в роскоши с самыми пышными дворцами Европы. Та, в которой меня принимали, показалась мне удобной и прекрасно обставленной, хотя владелец живет в ней только летом, зиму же проводит в центральной части Москвы. Обедали мы в саду и, в довершение оригинальности, под тентом. Разговоры, хотя и очень оживленные и вольные (общество состояло из одних мужчин), были вполне приличны, что является большой редкостью даже у народов истинно цивилизованных. Среди присутствовавших были люди много повидавшие на своем веку и много читавшие. Их суждения показались мне верными и тонкими. Русские обезьянничают во всем, что касается светских обычаев, но те из них, которые мыслят (такие, правда, наперечет), превращаются в интимной беседе снова в своих предков греков, наделенных наследственной тонкостью и остротой ума. Обед пролетел очень быстро, хотя на самом деле он был довольно длинен. Заметьте, что своих сотрапезников я видел впервые, а хозяина дома — во второй раз. Воспоминание об этом обеде относится к числу самых приятных впечатлений всего моего путешествия.

Перед тем как описать Москву, мне кажется излишним охарактеризовать русских в общих чертах, поскольку я успел с ними познакомиться во время краткого пребывания у них на родине. Но хотя мое пребывание и было непродолжительным, зато я внимательно наблюдал и постоянно сравнивал виденные факты. Разнообразие объектов наблюдения может до известной степени компенсировать недостаток времени для путешественника, поставленного, как я, в исключительно благоприятные условия. Вообще, я человек, склонный к восхищению. Тем большего доверия заслуживаю я, следовательно, в тех случаях, когда не восхищаюсь.

В целом русские, по моему мнению, не расположены

к великодушию. Они не верят в него и, имея они смелость, отрицали бы самое существование такого чувства. Во всяком случае, они его презирают, потому что лишены внутреннего мерила для него. У русских больше тонкости, чем деликатности, больше добродушия, чем доброты, больше снисходительности, чем нежности, больше прозорливости, чем изобретательности, больше остроумия, чем воображения, больше наблюдательности, чем ума, но больше всего в них расчетливости. Они работают не для того, чтобы добиться полезных для других результатов, но исключительно ради награды. Творческий огонь им неведом, они не знают энтузиазма, создающего все великое. Лишите их таких стимулов, как личная заинтересованность, страх наказания и тщеславие,— и вы отнимете у них всякую способность действовать. В царстве искусств они рабы, несущие службу во дворце. Горние высоты гения им недоступны. Целомудренная любовь к прекрасному их не удовлетворяет.

Истинное величие духа черпает награду в самом себе. Но если оно ничего не просит, оно требует многого, ибо оно стремится сделать людей лучше. Здесь же оно сделало бы их худшими, потому что его сочли бы только маской. Милосердие называется слабостью у народа, ожесточенного террором. Беспощадная строгость заставляет его сгибать колени; крайность, наоборот, придает ему дерзость. Убедить его нельзя, его можно только поработить. Он восстает против доброты и подчиняется жестокости, принимаемой им за силу. Все это делает мне понятным принятый императором способ управления, но не вызывает моего одобрения, ибо истинная задача правительства — воспитывать народ и повышать его нравственный уровень.

Когда русские хотят быть любезными, они становятся обаятельными. И вы делаетесь жертвой их чар вопреки своей воле, вопреки всем предубеждениям. Сначала вы не замечаете, как попадаете в их сети, а позже уже не можете и не хотите от них избавиться. Выразить словами, в чем именно заключается их обаяние, невозможно. Могу только сказать, что это таинственное «не-что» является врожденным у славян и что оно присуще в высокой степени манерам и беседе истинно культурных представителей русского народа.

Такая обаятельность одаряет русских могучей властью над сердцами людей. Пока вы находитесь в их обществе, вы порабощены всецело. И обаяние тем силь-

нее, что вы убеждены, будто вы для них — все то, чем они являются для вас. Вы забываете о времени, о свете, о делах, об обязанностях, об удовольствиях. Ничто не существует, кроме настоящего мгновения, никого, кроме того лица, с кем вы в данную минуту разговариваете и кого вы всем сердцем любите. Желание нравиться, доведенное до таких крайних пределов, неизменно одерживает победу. Но желание это совершенно естественно и отнюдь не может быть названо фальшью. Это природный талант, который инстинктивно стремится к проявлению. Чтобы продлить иллюзию, нужно сделать только одно — остаться, не уходить. Но с отъездом исчезает все, кроме воспоминания, которое вы уносите с собою. Уезжайте, уезжайте скорее — это наилучший исход. Русские — первые актеры в мире. Их искусство тем выше, что они не нуждаются в сценических подмостках. Все путешественники упрекали их в непостоянстве, и упрек этот вполне заслужен. Вас забывают, едва успев распрощаться. Этот недостаток я приписываю помимо известной легкомысленности отсутствию солидного образования. Они боятся, как бы более продолжительное знакомство не обнаружило их внутренней пустоты, — осторожность, очень распространенная по всему свету среди людей высшего круга. Ведь с наибольшими стараниями скрывают не порочность, а пустоту. Не страшно прослыть извращенным, но унижительно показаться ничтожным.

Все сказанное относится как к дружбе, так и к любви, как к мужчинам, так и к женщинам. Портрет одного русского характеризует всю нацию, подобно тому как один солдат дает представление о целом батальоне. Нигде влияние единства образа правления и единства воспитания не сказывается с такой силой, как в России. Все души носят здесь мундир.

Ни в одном обществе, если не считать польского, я не встречал таких обаятельных людей. Новая черта сродства между братскими народами! Сколько бы их ни разделяли временные раздоры, природа сближает их помимо воли. Если бы политические соображения не заставляли одного из них угнетать другого, они бы узнали и полюбили друг друга.

Но те же милые люди, такие одаренные, такие очаровательные, впадают иногда в пороки, от которых воздерживаются самые грубые характеры. Трудно себе представить, какую жизнь ведут молодые люди московского

«света». Эти господа, носящие известные во всей Европе фамилии, предаются самым невероятным излишествам. Положительно непонятно, как можно вынести в течение шести месяцев образ жизни, который они ведут из года в год с постоянством, достойным лучшего применения. Такое постоянство в добродетели привело бы их, без сомнения, прямо в рай. В России климат уничтожает физически слабых, нравственно — слабых морально. Выживают только звери по природе и натуры сильные как в доброте, так и в зле. Россия — страна необузданных страстей и рабских характеров, бунтарей и автоматов, заговорщиков и бездушных механизмов. Здесь нет промежуточных степеней между тираном и рабом, между безумцем и животным. Золотая середина здесь неизвестна, ее не признает природа: лютейший мороз и палящий зной толкают людей на крайности.

Однако, несмотря на подчеркиваемые мною контрасты, все русские похожи друг на друга в одном отношении: все они легкомысленны, живут только настоящим и забывают сегодня то, о чем думали вчера. С поразительной легкостью они всё принимают и покидают с такой же непринужденностью. Они живут и умирают, не замечая серьезных сторон человеческого существования. Ни хорошее, ни дурное не имеет для них реальности. Они могут плакать, но не способны быть несчастными. За четверть часа беседы с ними перед вашим взором проходит вся вселенная: дворцы, пустыни, отшельники, блестящие толпы, величайшее счастье, безграничное страдание. Их быстрый и пренебрежительный взгляд равнодушно скользит по всему, что столетиями создавал человеческий гений. Они считают себя выше всего на свете, потому что всё презирают. Их похвалы звучат как оскорбления. Они хвалят с завистью, они падают ниц, но всегда с неохотой перед тем, кто, по их мнению, является идиолом моды. Но от первого дуновения ветерка набегаает облачко и заволакивает картину, облачко рассеивается — и картины уже нет. Прах, дым и хаос — ничего другого не могут дать эти непостоянные умы.

Только крайностями деспотизма можно объяснить царствующую здесь нравственную анархию. Там, где нет законной свободы, всегда есть свобода беззакония. Отвергая право, вы вызываете правонарушение, а отказывая в справедливости, вы открываете двери преступлению. Происходит то же, что с пограничной цензурой, которая только способствует ввозу разрушительной ли-

тературы, потому что никому нет охоты рисковать из-за безобидных книг. Отсюда следует, что изо всех европейских городов Москва — самое широкое поле деятельности для великосветского развратника. Русское правительство прекрасно понимает, что при самодержавной власти необходима отдушина для бунта в какой-либо области, и, разумеется, предпочитает бунт в моральной сфере, нежели политические беспорядки. Вот в чем секрет распущенности одних и попустительства других. Понятно, порча нравов в Москве имеет и другие источники и причины, говорить о которых сейчас не время и не место. Самые смелые картины наших бытописателей кажутся бледными копиями тех оригиналов, которые ежедневно проходят у меня перед глазами с тех пор, как я живу в России.

Недобросовестность печально отражается на всем, и в особенности на коммерческих делах. Здесь же от нее страдают даже развратники, которые часто становятся жертвами своеобразного мошенничества. Постоянные колебания ценности денег благоприятствуют всевозможным проделкам. Столь же зыбки и обещания в устах у русского. Его кошелек всегда что-нибудь да выигрывает на неверно понятых словах или на неустойчивой цене денег. Эта всеобщая смута распространяется и на любовные сделки, так как каждая из сторон, зная двуличность другой, желает получить плату вперед. Из-за такого взаимного недоверия часто проистекает невозможность заключения сделки, несмотря на то что обе договаривающиеся стороны ничего против таковой не имеют. В других странах даже бандиты держат слово и у них имеется свой кодекс чести. Русские же куртизанки и их клиенты уступают в этом отношении разбойникам.

Невоздержанность (я говорю не только о пьянстве среди простонародья) достигает здесь таких пределов, что, например, один из самых популярных людей в Москве, любимец общества, ежегодно недель на шесть исчезает неизвестно куда. На расспросы о его местопребывании отвечают: «Он уехал покутить и попьаниствовать» — и такой неожиданный ответ никому не кажется странным.

Меня познакомили с любопытным типом, достойным, как мне сказали, внимательного изучения. Это молодой человек весьма знатного рода, князь N, единственный сын чрезвычайно богатых родителей. Но он проживает вдвое больше того, что имеет, и столь же нерасчетливо

обращается со своим умом и здоровьем. По восемнадцати часам в сутки проводит он в кабаках. Кабак — его стихия, там он царит, там он расточает свои недюжинные духовные силы. Гувернером у него очень почтенный старый аббат, француз-эмигрант, поэтому он отлично образован. У него живой и необычайно пронзительный ум, острый и оригинальный язык, но и слова его и действия отличаются циничностью, которая везде, кроме Москвы, была бы совершенно нестерпима. На его красивом и приятном, но всегда неспокойном лице отражается противоречие между жизнью, которую он ведет, и теми задатками, которые в него вложила природа. Распутные привычки оставили на нем следы преждевременного увядания.

Его всегда окружает толпа молодых людей, учеников и подражателей, старающихся превзойти друг друга в излишествах. Хотя они и уступают своему лидеру в уме, однако у всех есть черты семейного сходства. Вы с первого взгляда узнаете в них русских. Я хотел бы дать вам несколько деталей их образа жизни, но перо выпадает у меня из рук, ибо пришлось бы рассказать о связях этих развратников не только с погибшими женщинами, но и с молодыми монахинями, весьма своеобразно понимающими монастырский устав. К чему, скажете вы, приподнимать завесу над такими печальными фактами? Может быть, меня ослепляет мое стремление к истине, но, по-моему, зло торжествует именно тогда, когда оно остается скрытым, в то время как зло разоблаченное уже наполовину уничтожено. Наконец, разве я не задался целью нарисовать как можно более верную картину нравов этой страны? Только одно поставил я себе за правило: не упоминать имен лиц, желающих остаться неизвестными. Что же касается князя N, то он до того презирает общественное мнение, что даже хочет, как он мне сам признался, чтобы я изобразил его во всей красе. Когда же я ответил, что ничего не пишу о России, он был заметно разочарован.

Итак, я чувствую себя обязанным рассказать вам об ужасном преступлении, о котором я случайно узнал. Дело идет ни больше ни меньше как об убийстве одного молодого человека монахинями N-ского монастыря. Рассказ об этом чудовищном случае я услышал из уст князя N на большом обеде, в присутствии целого ряда пожилых и почтенных чиновников, людей с весом и положением, которые с необычайной снисходительностью от-

неслись не только к этой истории, но и к немалому числу других, столь же безыраственных и скабрзных. Поэтому я вполне уверен в ее правдивости, подтвержденной к тому же многими сподвижниками молодого князя.

Вот в общих чертах то, что я услышал. Некий молодой человек прожил (разумеется, тайно) целый месяц в Н-ском женском монастыре и в конце концов начал тяготиться избытком своего счастья, наскучив, в свою очередь, и монахиням, коим он был обязан и всеми радостями, и последовавшей за ними пресыщенностью. Казалось, он умирал. Тогда монахини, желая от него отделаться, но боясь в то же время скандала, который, несомненно, вызвала бы его смерть после пребывания в монастыре, решили покончить с ним своими силами, благо он все равно должен был отправиться на тот свет. Сказано — сделано... Через несколько дней разрезанный на куски труп несчастного нашли в колодце. Дело не получило никакой огласки.

Если поверить тем же, по-видимому хорошо осведомленным, лицам, правило затворничества совсем не соблюдается во многих монастырях Москвы. Один из друзей князя демонстрировал вчера мне и целой компании распутников четки послушницы, забытые будто бы ею утром в его комнате. Другой хвастался своим трофеем — молитвенником, принадлежащим, как он уверял, сестре М-ской общины, славящейся своей богобоязненностью. И вся аудитория была в восторге!

Я бы никогда не кончил, если бы вздумал пересказать все выслушанные мною за этим обедом истории подобного же рода. У каждого был свой скандальный анекдот, и все эти рассказы вызывали только взрывы смеха. Веселье, возбуждаемое льющимся рекой шампанским, становилось все шумнее и вскоре перешло в пьяную суматоху, среди которой только князь N и я сохраняли нормальный вид: он потому, что может пить сколько угодно, я же потому, что совсем не могу пить...

Вдруг московский ловелас поднялся со своего места и с повелительным видом торжественно потребовал молчания. К величайшему моему удивлению, его требование было немедленно исполнено и воцарилась тишина. Мне вспомнились поэтические описания бурь, умиряемых звуком голоса древних богов! И вот юный бог наших дней вносит предложение подать от имени всех куртизанок Москвы петицию соответствующим властям такого содержания: ввиду того что женские монастыри высту-

нают опасными конкурентами «светских общин» и подрывают доходы последних до такой степени, что дело становится убыточным, бедные жрицы любви позволяют себе почтительнейше просить тех, кому этим ведать надлежит, о взыскании с названных монастырей известного налога, дабы «светские отшельницы» не были вынуждены покинуть свою профессию и всецело предоставить таковую святым инокиням. Это предложение ставится на голосование и принимается единогласно при громких приветственных кликах. Потребовав бумаги и чернил, юный сумасброд тут же с невозмутимым видом пишет на отличном французском языке прошение — документ настолько неприличный, что я не могу его здесь цитировать. Но копия его у меня имеется.

Вот чему я был свидетелем вчера в одном из самых популярных ресторанов Москвы, причем, конечно, я еще избавил вас от многих деталей, не поддающихся в наше время передаче на бумаге. Вслед за тем я получил от вождя компании гуляк, избравших этот трактир своей главной квартирой, приглашение принять участие в их увеселительной прогулке за город, которая должна была продлиться два дня. Под предлогом поездки в Нижний я отказался от этой чести и, лично прибыв в штаб князя N, чтобы принести ему мои извинения, сделался свидетелем следующей сцены: человек двенадцать полупьяных молодых людей шумно рассаживались в три коляски, запряженные каждая четверкой лошадей. Их предводитель, стоя во весь рост в экипаже, распоряжался с очень серьезным и важным видом, и приказания его выполнялись беспрекословно. У него в ногах стояло ведро, или, вернее, лохань со льдом, наполненная бутылками шампанского. Этот передвижной погреб представлял собой провизию, необходимую, как мне объяснил уважаемый шеф, для освежения горла, иссушаемого дорожной пылью. Бутылки две-три были уже откупорены его адъютантом, и молодой повеса щедрой рукой предлагал всем провожающим отведать драгоценного напитка, ибо это было лучшее шампанское, какое только можно было достать в Москве. В обеих руках князь держал по бокалу, которые исправно наполнялись его прилежным помощником. Из одного он пил сам, протягивая другой каждому желающему. Слуги его были в раззолоченных ливреях, а кучер, молодой, недавно вывезенный из деревни парень, одет совсем замечательно. Поверх рубахи дорогого персидского шелка на нем был кафтан тончайшего кашемира, об-

шитый великолепным бархатом, а на ногах — сафьяновые сапожки торжокской выделки, шитые серебром и золотом и ослепительно сверкавшие на солнце. При этом он был так напомажен и надушен, что даже на открытом воздухе на расстоянии нескольких шагов от коляски можно было задохнуться от ароматов, испускаемых его волосами, бородой и одеждой. Угостив всю ресторанный челядь, князь протянул бокал пенистой влаги своему разодетому кучеру. Несчастный мужик растерялся и не знал, что ему делать. «Пей! — сказал ему тогда его господин (мне перевели его слова). — Пей, мошенник! Не тебе, дурак, даю я шампанское, а лошадям. Потому что у лошадей нет резвости, когда кучер трезв!» — и вся компания приветствовала эту выходку хохотом, аплодисментами и криками «ура». Кучер не заставил себя просить, и, когда князь дал сигнал к отъезду, он успел уже осушить третий кубок. Перед тем как уехать, князь обратился ко мне и снова самым изысканным образом выразил свое сожаление по поводу моего отказа принять участие в их прогулке. При этом он показался мне столь *distingué**, что я забыл, где я, и вообразил себя в Версале времен Людовика XIV. Наконец кортеж тронулся и вскоре исчез в облаке пыли. Можете себе представить, как эти господа развлекаются в своих поместьях!

Так как я поставил себе задачу дать полную картину нравов этой страны, то я должен прибавить еще несколько штрихов, характеризующих «золотую молодежь» Москвы. Один из ее представителей заявил в моем присутствии, что он и его братья — сыновья гайдуков и кучеров его отца, и заставил своих собутыльников выпить за здоровье этих неведомых родителей. Другой претендует на честь быть братом (по отцовской линии) всех горничных своей матери. Конечно, в этих утверждениях много вранья и бахвальства, но самое фанфаронство подобного сорта в достаточной степени показательно.

Если верить этим господам, женщины буржуазных слоев населения Москвы ведут себя не лучше дам большого света. Во время городской ярмарки, куда уезжают их мужья, офицеры местного гарнизона всячески стараются не покидать город: это период легких свиданий. Дамы посещают любовников обыкновенно в сопровождении почтенных родственниц, охране которых мужья вве-

* Утонченный (фр.).

ряют своих жен. Дело даже доходит до того, что молчание этих дуэний оплачивается. Подобные похождения, конечно, нельзя назвать любовью.

В противоположность свободным народам, нравы которых по мере развития демократии становятся все более пуританскими, если не более чистыми, в России испорченность смешивают с либерализмом. Выдающиеся распутники пользуются здесь такой же популярностью, какой у нас представители оппозиционного меньшинства. Князь N начал повесничать лишь после ссылки на Кавказ, где он провел три года и расстроил свое здоровье. Такой каре он подвергся по выходе из корпуса за то только, что разбил несколько стекол в петербургских магазинах. Правительство усмотрело в этой шалости политический проступок и своей чрезмерной строгостью сделало из молодого шалопая испорченного человека, погибшего для страны и для семейной жизни.

К таким последствиям приводит деспотизм, самый аморальный из всех существующих образов правления. Здесь всякий бунт кажется законным, даже бунт против разума. Там, где общественный порядок основан на гневе, каждый беспорядок имеет своих мучеников и героев. Каждый ловелас, каждый донжуан превращается в борца за свободу только потому, что он подвергается правительственным гонениям, и всеобщее негодование обращено не против наказываемых, но против судей.

В Россию я привез предрассудок, который теперь не разделяю: вместе со многими умными людьми я думал, что самодержавие черпает свою силу в господствующем вокруг него равенстве. Но это равенство — только иллюзии. Я говорил себе: когда один человек всемогущ, все остальные равны, то есть одинаково ничтожны. В этом, конечно, мало радости, но есть и некоторое утешение. Такое рассуждение слишком логично и потому опровергается фактами. На земле нет абсолютной власти, но есть власти тиранические и полные произвола. Как они ни сильны, им не водворить абсолютного равенства между подданными. И сколь ни всемогущ русский царь, в России больше неравенства, чем в любом другом европейском государстве. Подъяремное равенство здесь правило, неравенство — исключение, но при режиме полнейшего произвола исключение становится правилом. Между кастами, на которые разделяется население империи, царит ненависть, и я напрасно ищу хваленое равенство, о котором мне столько наговорили.

Не верьте медоточивым господам, уверяющим вас, что русские крепостные — счастливейшие крестьяне на свете, не верьте им, они вас обманывают. Много крестьянских семейств в отдаленных губерниях голодает, многие погибают от нищеты и жестокого обращения. Все страдают в России, но люди, которыми торгуют, как вещами, страдают больше всех. Помещики, утверждая далее апологеты рабства, должны в своих интересах заботиться о принадлежащих им крестьянах. Но разве все люди правильно понимают свои интересы? У нас человек, плохо ведущий свои дела, теряет состояние, вот и все. Но если имущество состоит из многого множества человеческих жизней, то от неумелого или расточительного обращения с ним целые деревни мрут с голода. Правда, когда дело становится слишком вопиющим, правительство назначает опеку над дурным помещиком. Но эта всегда запоздалая мера не воскрешает мертвых. Трудно представить себе бездну страданий, скрывающихся в глубине России под покровом тиранического гнета!

Военная дисциплина, примененная ко всем областям правительственной деятельности, является могучим орудием, поддерживающим произвольную власть монарха гораздо действеннее, нежели фикция равенства. Но разве это страшное орудие не обращается часто против тех, кто им пользуется? Вот бедствие, постоянно угрожающее России: народная анархия, доведенная до крайностей, — в том случае, если народ восстанет. Если же он не восстанет — продолжение тирании, более или менее жестокой, смотря по времени и обстоятельствам.

Дабы правильно оценить трудности политического положения России, должно помнить, что месть народа будет тем более ужасна, что он невежествен и исключительно долготерпелив. Правительство, ни перед чем не останавливающееся и не знающее стыда, скорее страшно на вид, чем прочно на самом деле. В народе — гнетущее чувство беспокойства, в армии — невероятное зверство, в администрации — террор, распространяющийся даже на тех, кто терроризирует других, в церкви — низкопоклонство и шовинизм, среди знати — лицемерие и ханжество, среди низших классов — невежество и крайняя нужда. И для всех и каждого — Сибирь. Такова эта страна, какую ее сделала история, природа или Провидение.

И с таким немощным телом этот великан, едва вышедший из глубин Азии, силится ныне навалиться всей

своей тяжестью на равновесие европейской политики и господствовать на конгрессах западных стран, игнорируя все успехи европейской дипломатии за последние тридцать лет. Наша дипломатия сделалась искренней, но здесь искренность ценят только в других.

Ужасные последствия политического тирания! Эта страна — несчастная жертва честолюбия, вряд ли ей позитного, кипящая, как в котле, истекающая кровью и резами, — хочет казаться спокойной другим, чтобы быть сильной. Вся израненная, она скрывает свои язвы...

ГЛАВА XXII

Отъезд из Москвы. — Троице-Сергиевский монастырь. — Разговор о поляках. — Любознательность фельдъегеря. — Вторая битва с клопами. — Осмотр лавры. — Роскошь церковного убранства. — «Стыдливость» монахов

Для поездки в Нижний я нанял тарантас на рессорах, чтобы поберечь свою коляску. Но этот экипаж местного производства оказался немногим прочнее моего, на что обратил мое внимание один москвич, пожелавший меня проводить.

— Вы меня пугаете, — сказал я ему, — потому что мне надоели починки на каждой станции.

— Для продолжительного путешествия я бы советовал вам запастись другим экипажем, но такую небольшую поездку он выдержит.

Эта «небольшая поездка» измеряется, однако, включая крюк для посещения Троице-Сергиевского монастыря и Ярославля, четырьмя сотнями лье, причем, как меня уверяют, лишь полтораста придется сделать по отвратительным дорогам. По принятому русскими способу измерять расстояния видно, что они живут в стране, не уступающей по размерам всей Европе, если даже оставить в стороне Сибирь.

Действительно, дорога оказалась ужасной, и не только на протяжении трети всего пути. Если верить русским, все дороги у них летом хороши. Я же нахожу их из рук вон плохими. Лошади вязнут по колена в песке, выбиваются из сил, рвут постромки и каждые двадцать шагов останавливаются. А выбравшись из песку, вы попадаете в море грязи, из которой торчат пни и огромные камни, ломающие экипажи и калечащие лошадей.

По такой же дороге мне пришлось прокатиться для того, чтобы попасть в Троице-Сергиевский монастырь, историческую обитель, лежащую на расстоянии двадцати лье от Москвы. Я расположился там на ночь, когда мне доложили, что меня хочет видеть знакомый, выехавший из Москвы спустя несколько часов после моего отъезда. Этот господин, безусловно заслуживающий доверия, подтвердил уже слышанные мною известия, что в Симбирской губ(ернии) недавно было сожжено правительством 80 деревень в результате крестьянского бунта. Русские приписывают эти волнения польским интригам.

— Какой смысл полякам жечь Россию?— спросил я у лица, сообщившего мне эти новости.

— Никакого,— отвечал мой знакомый,— если не считать того, что они хотят навлечь на себя гнев русского правительства. Они боятся, как бы их не оставили в покое.

— Вы напоминаете обвинения, раздававшиеся в начале нашей революции против аристократов: доказывали, будто они сами жгут свои замки.

— Я вижу, вы мне не верите, и совершенно напрасно. Я внимательно наблюдаю события и знаю по опыту, что всякий раз, как император склоняется к милости, поляки устраивают новые комplotы. Они посылают к нам передетых эмиссаров и инсценируют заговоры, за отсутствием реальных преступлений, с единственной целью разжечь ненависть русских и вызвать новые кары на головы своих соотечественников. Одним словом, они боятся, как бы мягкость русского правительства не повлияла на их крестьян, которые, привлеченные благодеяниями государя, в конце концов могли бы полюбить «врагов».

— Конечно, я вам не верю. Кроме того, почему бы вам не простить поляков в виде наказания? Вы бы оказались тогда и более искушенными политиками, и более великодушными людьми, чем они. Но вы их ненавидите и, кажется мне, чтобы оправдать свою злобу, обвиняете их во всех постигающих вас неприятностях. Обвинения в интригах — только предлог для новых преследований.

— Вы судите так, потому что не знаете ни русских, ни поляков.

— Обычный припев ваших соотечественников, когда им приходится выслушивать горькие истины. Поляков узнать легко, они откровенно вам обо всем говорят. Я скорее доверяю словоохотливым людям, которые все выбалтывают, чем молчаливикам, говорящим лишь то, о чем их никто не просит распространяться.

— Однако во мне вы, по-видимому, вполне уверены.

— В вас лично — да. Но когда я вспоминаю, что вы русский, я раскaiваюсь в своей неосторожности, то есть в своей откровенности, хотя и знаком с вами больше десяти лет.

— Могу себе представить, как вы с нами рассчитаетесь, когда вернетесь домой!

— Если бы я вздумал написать о вас, пожалуй, вы оказались бы правы. Но поскольку я, как вы утверждаете, не знаю русских, то я уж остерегусь наобум высказаться об этой непостижимой нации.

— Это лучшее, что вы можете сделать.

— Без сомнения. Но знайте, что уличить скрытных людей в скрытности — значит сорвать с них маску.

— Вы слишком саркастичны и слишком проникательны для таких варваров, как мы.

С этими словами мой добрый знакомый сел в экипаж и ускакал галопом, а я вернулся к прерванным записям. Теперь я прячу их между листами оберточной бумаги. Я уже говорил, как я боюсь внезапного обыска и как скрываю от фельдъегеря свою страсть к корреспонденции. Недавно я убедился, что он заходит ко мне в комнату, предварительно спросив разрешения у моего Антонио. Итальянец может потягаться в лукавстве с русскими. Антонио служит у меня камердинером уже пятнадцать лет. У него голова современного римлянина и благородное сердце его древних предков. Я бы не рискнул отправиться в Россию с обыкновенным слугою и уж, во всяком случае, не отважился бы тогда писать. Но, имея Антонио в качестве контрмины против фельдъегеря с его шпионством, я чувствую себя до известной степени в безопасности.

Известные своим беспристрастием москвичи уверили меня, что я найду в монастыре очень сносное место ночлега. Действительно, монастырское подворье, расположенное вне ограды лавры, оказалось довольно внушительным зданием с просторными и по внешнему виду вполне подходящими для жилья комнатами. Но, увы, внешность была обманчива. Не успел я улечься с обычными предосторожностями, как убедился, что на этот раз они меня не могут спасти, и вся ночь прошла в ожесточенной битве с тучами насекомых. Каких там только не было! Черные, коричневые, всех форм и, боюсь, всех видов. Смерть одного, казалось, навлекала на меня месть всех его собратьев, бросавшихся туда, где пролилась кровь павшего на поле славы. Я сражался с отчаянием в душе, восклицая: «Им не хватает только крыльев, чтобы

довершить сходство с адом!» Эти насекомые остаются в наследство от паломников, стекающихся к Тронце со всех концов Российской империи, и размножаются в невероятном количестве под сенью раки святого Сергия. По-видимому, на них и их потомстве почиет небесное благословение, ибо плодятся они здесь так, как нигде на свете. Видя, что вражеские легионы не убывают, несмотря на все мое рвение, я совершенно пал духом. А вдруг, мерещилось мне, в этой омерзительной армии имеются невидимые эскадроны, присутствие которых обнаружится только при дневном свете? Мысль, что окраска вооружения скрывает их от моих глаз, привела меня в исступление. Кожа моя горела, кровь стучала в висках, я чувствовал, что меня пожирают невидимые враги. В эту минуту я предпочел бы, пожалуй, иметь дело с тиграми, чем с полчищами этой мелкой твари. Я вскочил с постели, бросился к окну и распахнул его. Это дало мне краткую передышку, но кошмар преследовал меня повсюду. Стулья, столы, потолок, стены, пол — все казалось живым и буквально кишело.

Мой камердинер вошел ко мне раньше обычного часа. Несчастный пережил те же муки и даже большие, потому что, за отсутствием походной кровати, он пользуется набитым соломой мешком, который располагается на полу, дабы избежать диванов и прочих местных предметов обстановки с их традиционными приложениями. Глаза бедного Антонио были как щелочки, лицо распухло. Увидя столь печальную картину, я воздержался от расспросов. Без слов указал он мне на свой плащ, ставший из голубого, каким он был вчера, каштановым. Плащ словно двигался на наших глазах, — во всяком случае, он покрылся подвижным узором, напоминая оживший персидский ковер. От такого зрелища ужас охватил нас обоих. Вода, воздух, огонь — все оказавшиеся в нашей власти стихии были пущены в ход. Наконец, кое-как очистившись, я оделся и, притворившись, что позавтракал, отправился в монастырь. Там меня поджидала новая армия неприятелей, состоявшая на сей раз из легкой кавалерии, расквартированной в складках одежды монахов. Эти отряды меня нисколько не испугали. После ночной битвы с гигантами стычки среди бела дня с разведчиками казались сущими пустяками. То есть, говоря без метафор, укусы клещей и страх перед вшами так меня закалили, что на тучи блох, скакавших у нас в ногах повсюду, куда бы мы ни шли, я обращал столь же мало внимания, как на дорожную пыль. Мне даже было стыдно за свое равнодушие. Это утро и предшествовавшая ему ночь снова разбудили во мне глубокое сострадание к несчастным французам, попавшим в плен после пожа-

ра Москвы. Из всех физических бедствий паразиты представляются мне самым тягостным и печальным. Нечистоплотность — нечто большее, чем может показаться с первого взгляда: для внимательного наблюдателя она свидетельствует о нравственном падении, гораздо худшем, чем телесные недостатки. Она является как бы результатом и душевных, и физических недугов. Это и порок, и болезнь в одно и то же время.

Несмотря на дурное настроение, я во всех деталях осмотрел знаменитую лавру. Она, в общем, не имеет внушительного вида, свойственного нашим древним готическим монастырям. Конечно, люди стекаются к обителям не для того, чтобы любоваться архитектурными красотою. Но, с другой стороны, наличие последних не умаляет их святости и не лишает заслуг набожных пилигримов.

На плоской и незначительной возвышенности стоит город, окруженный мощными зубчатыми стенами. Это и есть монастырь. Подобно Москве, его позолоченные главы и шпили горят на солнце и издали манят паломников. По гребню стен идет крытая галерея. Я обошел по ней вокруг всего монастыря, сделав около полумили. Всего в лавре девять церквей, небольших по размерам и теряющихся в общей массе построек, разбросанных без всякого плана. Все православные церкви похожи одна на другую. Живопись неизменно византийского стиля, то есть неестественная, безжизненная и поэтому однообразная.

Все прославленные в истории России личности делали богатые вклады в этот монастырь, казна которого полна золота, бриллиантов, жемчуга. Весь мир, можно сказать, вложил свою лепту в его несметные богатства, но во мне они вызвали скорее изумление, граничащее со столбняком, нежели восторг. Императоры и императрицы, набожные царедворцы, ханжествующие распутники и истинно святые подвижники, соперничая друг с другом в расточительности, одаряли, каждый по-своему, знаменитую обитель. И на мой взгляд, простые одежды и деревянная утварь Святого Сергия затмевают все великолепные сокровища, включая богатейшие церковные облачения, принесенные в дар самим Потемкиным.

Рака с мощами Сергия ослепляет невероятной пышностью. Она из вызолоченного серебра великолепной отделки. Ее осеняет серебряный балдахин, покоящийся на колоннах того же металла,— дар императрицы

Анны⁵⁶. Французам досталась бы здесь хорошая добыча. Неподалеку от раки покойтся прах цареубийцы и узурпатора Бориса Годунова⁵⁷ и останки членов его семьи. Есть много и других знаменитых могил.

Несмотря на мои настоятельные просьбы, мне не желали показать библиотеку. На все доводы я получал (через переводчика) один и тот же ответ: «Запрещено». Эта стыдливость гг. монахов, прячущих сокровища знания и выставляющих напоказ суетные богатства, показала мне весьма странной. Очевидно, заключил я, их книги покрыты более толстым слоем пыли, чем их драгоценности.

ГЛАВА XXIII

Ярославль.— Патриотическое тщеславие.— Грусть под личиной иронии.— Губернатор и его семья.— Французский салон в Ярославле.— Преображенский монастырь.— Монашеское благочестие адъютанта.— Соседство Камчатки и Версаля.— Деревенские самодержцы.— Господство бюрократии.— О тайных обществах

Предсказания моего московского знакомого начали сбываться, хотя я еще не проделал и четверти пути. Я приехал в Ярославль в экипаже, в котором не оставалось ни одной целой части. Здесь его отремонтируют, но я сомневаюсь, чтобы он довел меня до цели моего путешествия.

Вдруг наступила осенняя погода: холодный дождь в один день прогнал «бабье лето», и, говорят, тепло не вернется до будущего года. Я так привык к жаре и сопровождающим ее прелестям вроде пыли, мух и комаров, что не смею верить в счастливое избавление от них.

Ярославль — важный транзитный пункт внутренней торговли России. Он расположен на Волге, естественной магистрали империи и столбовой дороге ее навигации. К Волге тяготеет вся обширная система каналов, составляющая предмет законной гордости русских и источник процветания страны. Ярославль, как и все русские провинциальные города, необычайно разбросан и кажется безлюдным. Его улицы поражают своей шириной, площади похожи на пристани, а дома отделены друг от друга огромными пустырями, в которых теряется

население. Его архитектура того же стиля, который господствует от одного конца империи до другого. Следующий диалог покажет вам, как высоко ценят русские свою так называемую «классику».

Один очень неглупый московский житель заявил мне однажды, что не увидел ничего нового для себя в Италии.

— Вы говорите серьезно?— воскликнул я.

— Вполне серьезно,— был ответ.

— Мне кажется, однако, что каждый, увидевший в первый раз в своей жизни Италию, переживает нечто вроде духовного переворота — такое исключительное впечатление производит красота этой страны, гармоничность и величие ее архитектуры.

— Неужели вы не понимаете,— вспыхнул русский,— что мы, жители Москвы и Петербурга, не можем так восторгаться итальянской архитектурой, как вы! Ведь у нас имеются ее образцы на каждом шагу, в любом из наших городов!

Этот взрыв патриотического тщеславия едва не заставил меня рассмеяться. Впрочем, я имел благоразумие подавить приступ веселости и промолчал. Но про себя думал: с таким же успехом вы можете заявить, что не желаете глядеть на Аполлона Бельведерского, потому что у вас есть гипсовый слепок с него. Мне хотелось сказать моему просвещенному собеседнику, что влияние татар пережило свергнутое иго. Разве вы прогнали их для того, чтобы им подражать? Недалеко вы уйдете вперед, если будете хулить все, вам непонятное. Вы не понимаете совершенства. Как я ни старался скрыть эти сердитые мысли, их, очевидно, можно было прочесть на моем лице. Мой спесивый путешественник их, очевидно, разгадал, потому что больше ко мне не обращался, если не считать нескольких небрежно оброненных замечаний насчет того, что, мол, в Крыму растут оливковые деревья, а в Киеве — шелковица.

Презрение к тому, чего они не знают, кажется мне доминирующей чертой русского национального характера. Вместо того чтобы постараться понять, русские предпочитают насмехаться. С тех пор как я изучаю Россию, эту страну, вписавшую последней свое имя в великую книгу европейской истории, я вижу, что ирония выскочки может стать уделом целого народа.

Позолоченные и раскрашенные главы церквей, которых в Ярославле почти столько же, сколько домов, блес-

тят издалека, как их московские прообразы, но город сильно уступает в живописности древней столице. Он стелется по плоской равнине и, вопреки своему торговому значению, кажется мертвым и печальным. Еще печальней окружающая его серая пустыня с рассыпанными кое-где чахлыми рощицами, и широкая, как озеро, медленно катящая свои серые волны река, и свинцовое, тускло-серое небо. Тоскливая, наводящая невыразимое уныние картина!

Чем ближе подъезжаешь к Ярославлю, тем красивее становится население. Я не уставал любоваться тонкими и благородными чертами лиц крестьян. Если отвлечься от широко представленной калмыцкой расы, отличающейся курносими носами и выдающимися скулами, русские, как я не раз отмечал, народ чрезвычайно красивый. Замечательно приятен и их голос, низкий и мягкий, вибрирующий без усилия. Он делает благозвучным язык, который в устах других казался бы грубым и шипящим. Это единственный из европейских языков, теряющий, по-моему, в устах образованных классов. Мой слух предпочитает уличный русский язык его салонной разновидности. На улице — это естественный, природный язык; в гостиных, при дворе — это язык, недавно вошедший в употребление, навязываемый придворным волей монарха.

Грусть, скрытая под личиной иронии, — наиболее распространенное здесь настроение, особенно в гостиных, ибо в последних больше, чем где-либо, нужно скрывать печаль. Отсюда саркастический, насмешливый тон всех разговоров. Народ топит свою тоску в молчаливом пьянстве, высшие классы — в шумном разгуле. Таким образом, один и тот же порок обнаруживается в разных формах у раба и у господина. Последний, впрочем, имеет еще одно средство от скуки: честолюбие — алкоголь для души. Во всех классах, правда, проявляется врожденное изящество, какая-то естественная деликатность, которую не уничтожили ни варварство, ни заимствованная цивилизация. Но надо признаться, что этому народу не хватает одного очень существенного душевного качества — способности любить. Отсутствие сердца есть удел всех классов здешнего общества, и хотя это обнаруживается различно, смотря по положению того или другого лица, но в основе это всегда одно и то же чувство, вернее, отсутствие чувства.

Я завел вас в лабиринт противоречий. Происходит

то потому, что я показываю вам вещи такими, какими они мне представляются на первый и второй взгляд, предоставляя вам возможность согласовать мои заметки и сделать самостоятельные выводы. Я убежден, что путь собственных противоречий есть путь познания истины.

Посещение Ярославля я считал одним из самых интересных этапов всей моей экспедиции в Россию для ознакомления с бытом и нравами страны. Вот почему я запасся в Москве большим числом рекомендательных писем к виднейшим обитателям Ярославля. Я должен рассказать о моем визите к начальнику губернии. О нем я слышался немало дурного от многих жителей Ярославля. Ненависть, которую сумел возбудить против себя губернатор, внушает мне к нему, если можно так выразиться, благожелательное любопытство. По моему мнению, иностранцы должны более справедливо судить людей, чем соотечественники, так как они не разделяют предубеждений последних.

Утром, часов в одиннадцать, за мной заехал сын губернатора, в полной парадной форме, в карете, запряженной четверкой дугом, с фореитором на правой лошади передней пары. Такой пышный выезд, снаряженный совсем на петербургский лад, очень смутил и разочаровал меня. Очевидно, подумал я, придется иметь дело не с чисто русским боярином, не со старозаветным москвитом, а с вылощенным европейцем, с царедворцем-космополитом эпохи Александра I, не раз и не два побывавшим на Западе.

— Отец жил в Париже, — сказал мне юноша, — Он будет весьма польщен принять у себя француза.

— Когда именно ваш отец жил во Франции?

Молодой человек промолчал и, по-видимому, был сильно смущен моим вопросом, казавшимся мне таким естественным и простым. Сначала я не мог понять его замешательства. Только впоследствии я узнал, в чем было дело, и оценил его исключительную деликатность — чувство редкое во всех странах и у людей всех возрастов. Оказывается, г. N, ныне занимающий пост ярославского губернатора, проделал в свите императора Александра кампании 1813 и 1814 гг., и об этом-то не хотел говорить мне его сын. Тактичность эта напомнила мне другой случай — противоположного характера. Однажды в небольшом германском городке я обедал у посла маленького германского княжества. Представляя меня своей жене, хозяин упомянул о том, что я француз.

— Значит, он наш враг, — вмешался их сын, мальчик лет тринадцати или четырнадцати.

Этот маленький немец не учился в русской школе.

Войдя в большую и роскошную гостиную, где меня ожидал губернатор, его жена и многочисленное семейство, я мог вообразить, что нахожусь в Лондоне или, скорее, в Петербурге, так как хозяйка дома, по русскому обычаю, сидела на небольшом возвышении, отделенном трельяжем от остальной комнаты. Губернатор встретил меня чрезвычайно вежливо и, сказав несколько приветственных слов, провел через гостиную, мимо всех своих родственников мужского и женского пола, в зеленый уголок, где я наконец узрел его супругу. Она усадила меня в глубине сего святилища и сказала улыбаясь:

— Скажите, месье де Кюстин, Эльзеар по-прежнему пишет басни?

Мой дядя, граф Эльзеар де Сабран, с детства прославился в версальском обществе своим поэтическим талантом и, вероятно, стал бы известен и широкой публике, если бы друзьям удалось убедить его издать собрание его басен — нечто вроде поэтического кодекса на все случаи жизни. Каждое событие, каждое происшествие вдохновляло его музу на аллегории, всегда остроумные и часто глубокие. Изящный, легкий стих и оригинальный замысел придавали им особенную прелесть. Конечно, когда я входил во дворец ярославского губернатора, я меньше всего думал о талантливом дяде-баснописце, ибо всецело был поглощен предстоящим визитом и надеждой увидеть наконец истинно русского человека в России. Поэтому я ответил супруге губернатора удивленной улыбкой, говорившей: «Это похоже на сказку. Разъясните мне загадку?»

Объяснение не заставило себя ждать.

— Я была воспитана, — сказала мне г-жа N, — подружкой мадам де Сабран, вашей бабушки, и много слышала от нее о доброте и выдающемся уме мадам де Сабран, об уме и таланте вашего дяди, о вашей матушке. Она мне часто говорила даже о вас, хотя и покинула Францию до вашего рождения. Она последовала в Россию за семьей Полиньяк, эмигрировавшей в начале революции, и после смерти герцогини Полиньяк уже со мной не рассталась. — С этими словами г-жа N познакомила меня со своей гувернанткой, пожилой дамой с тонким и чрезвычайно привлекательным лицом, говорившей по-французски лучше меня.

Очевидно, с моей мечтой о боярах и на этот раз дело обстояло плохо. Мне положительно казалось, что я в комнате моей бабушки. Правда, ни ее самое, ни ее супруга не было налицо, но меня окружали как будто ее друзья, ученики и почитатели, и можно было подумать, что хозяйка дома вот-вот появится на пороге. Конечно, я меньше всего был подготовлен к такого рода эмоциям. Из всех пережитых во время путешествия по России сюрпризов этот был самым неожиданным. Супруга губернатора рассказала мне о том, как она была поражена, увидев мою подпись на записочке, при которой я послал ее мужу адресованное ему рекомендательное письмо. Необычайность этой встречи в стране, где я считал себя никому не ведомым чужестранцем, придавала с самого начала интимный, почти дружеский характер нашей беседе. Удивление и радость были, по-видимому, искренни, но крайней мере я не мог заметить никакой деланности и аффектации. Никто меня не ожидал в Ярославле, куда я решил поехать чуть ли не накануне отъезда из Москвы, и, в конце концов, трудно было предположить, что губернатора предупредили о предстоящем моем прибытии специальным курьером. Для такой чести я был все-таки недостаточно важной персоной.

Все члены семьи губернатора ухаживали за мной наперебой и осыпали похвалами мои книги. Их цитировали и вспоминали массу давно забытых мною деталей. Деликатность и естественность, с какими приводились эти цитаты, были бы мне приятны, если бы мне меньше льстили. Я не видел особенного основания возгордиться своей известностью, ибо то небольшое количество книг, которое проникает через цензурные рогатки, долго живет в памяти читателей.

В день моего визита в доме губернатора собралась вся семья его супруги, сестры которой с мужьями и детьми гостили у них в доме. Кроме того, у губернатора часто обедают некоторые из его подчиненных. Наконец, сыну (тому самому, который меня привез) еще положен был по возрасту гувернер. Таким образом, за семейным столом оказалось двадцать человек присутствующих. Обед, которому предшествовало нечто вроде завтрака, сервированного в гостиной и называемого, если мне не изменил слух, «засисса», был отличный, но без ненужной изысканности. Вообще русские обеды мне нравятся. Они не угнетают чрезмерной продолжительностью, и, встав из-за стола, гости быстро расходятся. Кто идет погулять,

кто возвращается к деловой работе. Обед здесь не трапеза, заканчивающая трудовой день. Когда я прощался, хозяйка дома была так любезна, что пригласила меня провести вечер с ними. Я принял это приглашение, сочтя отказ неучтивым, как мне ни хотелось отдохнуть в одиночестве. Подобное гостеприимство — милая тирания. Но разве я мог поступить иначе? За мной присылают четверку лошадей, вся семья старается меня развлечь, меня осыпают знаками внимания. Мыслимо ли тут устоять? Тем более что мое патриотическое сердце радовалось, ибо вся эта очаровательная любезность идет из старой Франции, чей призрак стоит у меня перед глазами. Словно я дошел до пределов цивилизованного мира, чтобы найти отзвуки французского духа XVIII века, того духа, который давно исчез на родине.

Один из зятьев губернатора вызвался показать мне во всех подробностях Преображенский монастырь, резиденцию ярославского епископа. Как и все православные монастыри, эта обитель представляет собой подобие приземистой цитадели, в стенах которой настроено множество церквей и небольших домов всевозможных стилей, за исключением хорошего. Общее впечатление от этих зданий довольно мизерное. Беспорядочно разбросанные на обширном зеленом лугу белые постройки не создают никакого ансамбля.

Во время осмотра монастыря больше всего поразила меня набожность моего проводника. С необыкновенным жаром прикладывался он лбом и губами ко всем предметам, выставленным на почитание верующим. Между тем, судя по его салонным разговорам, я никогда не мог бы заподозрить в нем такого монашеского благочестия. Кончилось тем, что он предложил мне последовать его примеру и облобызать мощи святого, которого раку открыл нам монах. Раз пятьдесят успел он перекреститься и перецеловал двадцать с лишним икон и прочих реликвий. У нас ни одному монаху не пришло бы в голову проделать такое количество земных поклонов, коленопреклонений, крестных знамений и т. д., сколько их умудрился сделать в присутствии иностранца этот русский князь, бывший адъютант императора Александра.

Вечером, часов в девять, я вернулся к губернатору. Началось с музыки: один из братьев губернаторши играл

очень недурно на виолончели. Аккомпанировала ему его жена, особа чрезвычайно приятная. Благодаря этому дуэту, а также национальным песням, исполненным с большим вкусом, вечер пролетел очень быстро.

Распростившись с радушными хозяевами, с которыми мне еще предстояло встретиться на Нижегородской ярмарке, я возвратился к себе в гостиницу, очень довольный проведенным в милом обществе днем. Крестьянская изба, в которой я ночевал позавчера (что это была за ночь!), и сегодняшний салон — Камчатка и Версаль на расстоянии трех часов пути. Контрасты до того резки в этой стране, что кажется, крестьянин и помещик не принадлежат к одному и тому же государству.

Но я упрекаю русское правительство не столько в злоупотреблениях знати, сколько в отсутствии у аристократии политической власти, пределы которой были бы точно и твердо очерчены конституционными законами. Аристократия, политически признанная, всегда казалась мне благодетельной, тогда как аристократия, основанная только на несправедливости привилегированных, является гибельной, потому что ее компетенция неопределенна и ничем не регулируется. Русские помещики — владыки, и владыки, увы, чересчур самодержавные, в своих имениях. Но, в сущности, эти деревенские самодержцы представляют собой пустое место в государстве. Они не имеют политической силы. У себя дома помещики позволяют себе всевозможные злоупотребления и смеются над правительством, потому что всеобщее взяточничество сводит на нет местные власти, но государством они не правят. Царь — единственный источник их влияний на государственные дела, лишь от его милости зависит их политическая карьера. Только превратившись в царедворца, дворянин становится государственным деятелем. Но положение придворного льстеца всегда непрочно. Жизнь при дворе несовместима с возвышенным духом, с независимостью ума, с истинно гуманными и патриотическими чувствами, с широкими политическими замыслами — одним словом, со всем тем, что присуще подлинным аристократическим сословиям в тех государствах, которые организованы таким образом, чтобы долго жить и умножать свои владения. В общем, русская форма правления соединяет в себе все недостатки демократии и деспотизма, не имея ни одного из достоинств того и другого режима.

Россией управляет класс чиновников, прямо со школьной скамьи занимающих административные должности, и управляет часто наперекор воле монарха. Каждый из этих господ становится дворянином, получив крестик в петлицу, и, вооружившись этим волшебным значком, превращается в помещика, получает землю и крепостные «души». Выскочки в кругу власть имущих, они и пользуются своей властью, как подобает выскочкам. На словах они сторонники всяких новшеств, а на деле деспоты из деспотов. Они претендуют на роль просветителей народа, но в действительности являются мишенью для насмешек всех, от великих до малых. Каждый, испытавший на себе нестерпимую спесь этих новоиспеченных дворян, дорвавшихся по табели о рангах до орденов и поместий, вознаграждает себя за унижение бичующим сарказмом. Свои помещичьи права они используют с невероятной жестокостью, делаящей их объектом проклятий несчастных крестьян.

Из недр своих канцелярий эти невидимые деспоты, эти пигмеи-тираны безнаказанно угнетают страну. И как это ни звучит парадоксально, самодержец всероссийский часто замечает, что он вовсе не так всесилен, как говорят, и с удивлением, в котором он боится сам себе признаться, видит, что власть его имеет предел. Этот предел положен ему бюрократией, силой страшной повсюду, потому что злоупотребление ею именуется любовью к порядку, но особенно страшной в России. Когда видишь, как императорский абсолютизм подменяется бюрократической тиранией, содрогаешься за участь страны, где расцвела пышным цветом административная система, насажденная империей Наполеона в Европе.

Этот перманентный заговор ведет свое начало, как меня уверяют, от эпохи Наполеона. Прозорливый итальянец видел опасность, грозящую революционизированной Европе со стороны растущей мощи русского колосса, и, желая ослабить страшного врага, он прибегнул к силе идей. Воспользовавшись своей дружбой с императором Александром и врожденной склонностью последнего к либеральным установлениям, он послал в Петербург, под предлогом желанья помочь осуществлению планов молодого монарха, целую плеяду политических работников — нечто вроде переодетой армии, которая должна была тайком расчистить путь для наших солдат. Эти искусные интриганы получили задание втереться в администрацию, завладеть прежде всего народным образованием и заро-

нить в умы молодежи идеи, противные политическому символу веры страны, вернее, ее правительству. Таким образом, великий полководец, наследник французской революции и враг свободы всего мира, издавек посеял в России семена раздора и волнений, ибо единство самодержавного государства казалось ему опасным оружием в руках русского милитаризма. С той эпохи и зародились тайные общества, сильно возросшие после того, как русская армия побывала во Франции, и участились сношения русских с Европой. Россия пожинает теперь плоды глубоких политических замыслов противника, которого она как будто сокрушила.

Незаметному влиянию этих застрельщиков наших армий, а также их детей, учеников и последователей я приписываю в значительной степени рост революционных идей, наблюдающихся в русском обществе и даже в войсках, и те заговоры, которые до сих пор разбивались о силу существующего правительства. Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, что ныне царствующий император восторжествует над этими идеями, истребляя или удаляя до последнего человека их носителей и приверженцев.

ГЛАВА XXIV

По дороге в Нижний.— Русские ямщики.— Небезопасное путешествие.— Переезд через Волгу.— Самоотречение и покорность.— Сибирь.— Россия в квадрате.— Находчивость русских.— Еще о национальных напевах.—
Трехколесный экипаж.— Сибирская дорога

Вчера утром я выехал из Ярославля в Нижний Новгород. Дорога идет вдоль Волги, причем оба берега реки резко отличаются один от другого. Один представляет собой бесконечную низменность, едва возвышающуюся над уровнем реки, другой — отвесную стену, нередко в сто или сто пятьдесят футов высотой, представляющую собой край плоскогорья, отлогими склонами уходящего от реки. Многочисленные притоки Волги прорезают своими долинами обрывистый берег. Долины эти очень глубоки, и дорога, бегущая по краю плоскогорья, не огибает их, чтобы не делать крюков в милю и больше, а пересекает крутыми спусками и подъемами.

Русские ямщики, такие искусные на равнине, превращаются в самых опасных кучеров на свете в гористой

местности, какою в сущности является правый берег Волги. И мое хладнокровие часто подвергалось жестокому испытанию из-за своеобразного способа езды этих безумцев. В начале спуска лошади идут шагом, но вскоре, обычно в самом крутом месте, и кучеру, и лошадям надоедает столь непривычная сдержанность, повозка мчится стрелой со все увеличивающейся скоростью и карьером, на взмыленных лошадях, взлетает на мост, то есть на деревянные доски, кое-как положенные на перекладыны и ничем не скрепленные, — сооружение шаткое и опасное. Одно неверное движение кучера — и экипаж может очутиться в воде. Жизнь пассажира зависит от акробатической ловкости возницы и лошадей.

После троекратного повторения вышеописанной азартной игры я запротестовал и потребовал у ямщика, чтобы он пустил в ход тормоз, но оказалось, что нанятый мною в Москве экипаж не имеет этого приспособления. Пришлось отпрячь одну из лошадей и заменить ее постромками тормоз. Такая операция проделывалась по моему настоянию всякий раз перед косогором, казавшимся мне опасным для целости непрочной и валкой повозки. Ямщики, по-видимому, были сильно поражены столь необычными предосторожностями. Правда, они, как и всегда в подобных случаях, ничем не проявляли своего удивления, и все мои приказания, передаваемые через фельдъегеря, с которым я объяснялся по-немецки, выполнялись беспрекословно, но недоумение было написано на их лицах. Присутствие представителя власти придавало мне больший вес в глазах народа. Я не советовал бы иностранцам отваживаться на путешествие по России, в особенности по отдаленным от центра губерниям, без такого телохранителя.

По благополучном миновании самого глубокого места оврага встает еще более трудная задача — взобраться на противоположный скат лошины. Для этого у русских кучеров есть только одно средство — брать препятствие с налета. Если дорога сносная, подъем недлинен и экипаж легок, лошади галопом выносят наверх. Но если грунт песчаный, что бывает часто, а подъем длинен и лошадям не взлететь на него одним духом, то они скоро выбиваются из сил и останавливаются. Кучер стегает их кнутом, они добросовестно рвутся вперед, но экипаж начинает катиться назад с риском свалиться в канаву. В таких случаях я всегда вспоминаю гордое изречение русских патриотов: «В России нет расстояний».

Подобные инциденты происходят постоянно. При пер-

вых признаках замешательства все выходят из экипажа, слуги налегают плечом на повозку и толкают колеса и через каждые три-четыре шага дают лошадям отдохнуть, подкладывая поленья под колеса. Затем все начинается сначала. Лошадей тянут за уздечку, понукают их криками, натирают им ноздри уксусом, чтобы облегчить дыхание, и осыпают градом ударов кнута. При помощи всех перечисленных операций, сопровождаемых дикой бранью, вы наконец с невероятными усилиями достигаете вершины «страшной» горы. В других странах вы бы даже не заметили подъема.

Путешественника подстерегает в России опасность, которую вряд ли кто предвидит: опасность сломать голову о верх экипажа. Риск этот очень велик, и опасность вполне реальна: коляску так подбрасывает на рытвинах и ухабах, на бревнах мостов и пнях, в изобилии торчащих на дороге, что пассажиру то и дело грозит печальная участь: либо вылететь из экипажа, если верх опущен, либо, если он поднят, проломить себе череп. Поэтому в России необходимо пользоваться коляской, верх которой как можно дальше отстоит от сиденья. Недавно от толчков повозки у меня разбилась бутылка с зельтерской водой, отлично упакованная в сене, а вы знаете, как прочны эти сосуды.

Ночь я провел в станционном доме, ибо рессоры моего тарантаса настолько тверды, а дорога так ухабиста, что больше двадцати четырех часов непрерывной езды я не могу выдержать без сильнейшей головной боли. Поэтому, предпочитая дурной ночлег воспалению мозга, я останавливаюсь на ночь где попало, лишь бы была крыша над головой. Труднее всего найти на таких импровизированных привалах, как, впрочем, где бы то ни было в России, чистое белье. Я уже упоминал, что путешествую с собственной кроватью, но я не мог взять с собой достаточного запаса постельного белья, а простыни, которые мне дают на станциях, всегда имеют подержанный вид. Не знаю, кому предоставлена привилегия воспользоваться ими в первый раз. Оказывается накануне, в двенадцатом часу ночи, почтмейстер посылал за бельем для меня курьера в ближайшую деревню, до которой от станции свыше мили. Я, конечно, запротестовал бы против такого излишнего усердия со стороны фельдъегеря, но узнал об этом случае только сегодня утром. Из окна моей конуры я мог любоваться в неверном свете русской ночи неизбежным римским портиком с деревянным выбеленным фронтоном и оштукатуренными колоннами. Все почтовые станции построены здесь в этом

стиле, ставшем положительно моим кошмаром. Классическая колонна — клеймо, отличающее в России все общественные здания.

Вчера мы переезжали Волгу на пароме. Погода стояла отвратительная, дул резкий и пронзительный ветер, и коим холодный дождь хлестал по ветхому судну. Казалось, оно вот-вот зачерпнет воды и пойдет ко дну. Я вспомнил, что в Петербурге никто не торопится спасать людей, упавших в Неву, и говорил себе: если ты начнешь тонуть, никто не бросится в воду, чтобы тебя спасти, никто не закричит, не взволнуется. У русских такой печальный и пришибленный вид, что они, вероятно, относятся с одинаковым равнодушием и к своей, и к чужой гибели. Жизнь человеческая не имеет здесь никакой цены.

В России существование окружено такими стеснениями, что каждый, мне кажется, лелеет тайную мечту уехать куда глаза глядят, но мечте этой не суждено претвориться в жизнь. Дворянам не дают паспортов, у крестьян нет денег, и все остаются на месте, сидят по своим углам с терпением и мужеством отчаяния. Самоотречение и покорность, считающиеся добродетелями в любой стране, превращаются здесь в пороки, ибо они способствуют неизменности насильственного порядка вещей.

Здесь дело идет вовсе не о политической свободе, но о личной независимости, о возможности передвижения и даже о самопроизвольном выражении естественных человеческих чувств. Рабы ссорятся только вполголоса, под сурдинку, ибо гнев является привилегией власти имущих. Чем больше я вижу людей, сохраняющих видимость спокойствия при таком режиме, тем сильнее я их жалею. Покой или кнут! Такова дилемма для каждого. Роль кнута для знати исполняет Сибирь, а Сибирь не что иное, как Россия в квадрате.

Я пишу эти строки в дремучем лесу, вдали от человеческого жилья. Невозможная дорога — сыпучий песок и бревна — опять повредила мой тарантас. И пока мой камердинер с помощью крестьянина, которого само небо нам послало, занимается ремонтом на скорую руку, я, униженно сознавая свою бесполезность и чувствуя, что мои попытки помочь только бы им помешали, занялся более свойственным мне делом и вот пишу, чтобы доказать всю ненужность уместенной культуры в тех случаях, когда че-

довек, лишенный всех благ цивилизации, принужден один на один бороться с дикой первобытной природой.

Только здесь, в глубине России, можно понять, какими способностями был наделен первобытный человек и чего лишила его утонченность нашей цивилизации. Повторяю еще раз: в этой патриархальной стране цивилизация портит человека. Славянин по природе сметлив, музыкален, почти сострадателен, а вымуштрованный подданный Николай фальшив, тщеславен, деспотичен и нееремчив, как обезьяна. Лет полтора ста понадобится для того, чтобы привести в соответствие нравы с современными европейскими идеями, и то лишь в том случае, если в течение этого длинного ряда лет русскими будут управлять только просвещенные монархи и друзья прогресса, как ныне принято выражаться. Теперь же глубокая рознь между сословиями делает общественную жизнь в России аморальной и невыносимо тяжелой. Будущее покажет, может ли военная слава вознаградить русский народ за все невзгоды, причиняемые ему общественным и политическим строем.

Видя, как трудится наш спаситель-крестьянин над починкой злополучной повозки, я вспоминаю часто слышанное мною утверждение, что русские необычайно ловки и искусны, и вижу, как это верно.

Русский крестьянин не знает препятствий, но не для удовлетворения своих желаний (несчастный пленец!), а для выполнения полученного приказа. Вооруженный топором, он превращается в волшебника и вновь обретает для вас культурные блага в пустыне и лесной чаще. Он починит ваш экипаж, он заменит сломанное колесо срубленным деревом, привязанным одним концом к оси повозки, а другим концом волочащимся по земле. Если телега ваша окончательно откажется служить, он в мгновение ока соорудит вам новую из обломков старой. Если вы захотите переночевать среди леса, он вам в несколько часов сколотит хижину и, устроив вас как можно уютнее и удобнее, завернется в свой тулуп и заснет на пороге импровизированного ночлега, охраняя ваш сон, как верный часовой, или усядется около шалаша под деревом и, мечтательно глядя ввысь, начнет вас развлекать меланхолическими напевами, так гармонирующими с лучшими движениями вашего сердца, ибо врожденная музыкальность является одним из даров этой избранной расы. Но никогда ему не придет в голову мысль, что по справедливости он мог бы занять место рядом с вами в созданном его руками шалаше.

Долго ли будет Провидение держать под гнетом этот народ, цвет человеческой расы? Когда пробьет для него час освобождения, больше того — час торжества? Кто знает? Кто возьмется ответить на этот вопрос?

Печальные тона русской песни поражают всех иностранцев. Но она не только уныла — она вместе с тем и мелодична и сложна в высшей степени. Если в устах отдельного певца она звучит довольно неприятно, то в хоровом исполнении приобретает возвышенный, почти религиозный характер. Сочетание отдельных частей композиции, неожиданные гармонии, своеобразный мелодический рисунок, вступление голосов — все вместе производит сильное впечатление и никогда не бывает шаблонным. Я думал, что русское пение заимствовано Москвой из Византии, но меня уверили в его туземном происхождении. Этим объясняется глубокая грусть напевов, даже тех, которые живостью темпов претендуют на веселость. Русские не умеют восставать против угнетения, но вздыхать и стонать они умеют...

На месте императора я запретил бы подданным не только жаловаться, но и петь, так как песня их есть замаскированная жалоба. Эти скорбные звуки — те же признания и могут превратиться в обвинения. При деспотическом режиме даже искусство, в том случае, если оно имеет чисто национальный отпечаток, теряет свой безобидный характер и становится скрытым протестом. Отсюда, конечно, склонность русского правительства и знати к иностранным литературам, к заморским искусствам и художникам и к не имеющей корней на родине заимствованной поэзии. У поработанных народов боятся глубоких душевных движений, вызываемых патриотическим чувством. Поэтому все национальное, даже музыка, превращается в орудие протеста. В России голос человека изливает в песне жалобы небу и просит у него частицу счастья, недоступного и недостижимого на земле. Итак, если вы достаточно сильны для того, чтобы угнетать людей, вы должны быть последовательны и сказать им: не смейте петь! Ни в чем так не сказываются страдания народа, как в унылости его развлечений. Русские могут только искать утешения, они не могут веселиться. Удивляюсь, что никто до меня не обратил внимания властей на их упущение: разве можно было разрешить русским времяпрепровождение, обличающее всю безмерность их скорби?

Продолжаю свои записи на последней станции перед Нижним. Добрались мы до нее на трех колесах — место четвертого заняла длинная сосновая жердь, пропущенная под осью заднего колеса и привязанная к передку поюзки, — приспособление, приводящее меня в восторг своей простотой и остроумием.

Дорога из Ярославля в Нижний на большом протяжении похожа на широкую, прямую парковую аллею. С обеих сторон идут две другие аллеи, поуже, покрытые зеленым ковром и обсаженные березками. Дорога эта отличается мягкостью, потому что путешественник почти все время едет по траве, если не считать болотистых участков, которые приходится пересекать по зыбким бревенчатым мосткам. Последние таят в себе немало опасностей и для коляски, и для лошадей.

Вчера, перед тем как потерпеть очередную аварию, мы ехали карьером по малолюдному тракту.

— Какая прекрасная дорога, — обратился я к моему фельдъегерю.

— Ничего нет удивительного, — заметил тот, — ведь это Большая Сибирская дорога.

Вся кровь во мне застыла. Сибирь! Она преследует меня повсюду и леденит, как птицу взгляд василиска. С какими чувствами, с каким отчаянием в душе бредут по этой проклятой дороге несчастные колодники! А я, скучающий путешественник, еду по их следам в поисках смены впечатлений!

Что за страна! Бесконечная, плоская, как ладонь, равнина без очертаний; вечные болота, изредка перемежающиеся ржаными полями да чахлым овсом; там и сям, в окрестностях Москвы, прямоугольники огородов — оазисы земледельческой культуры, не нарушающие монотонности пейзажа; на горизонте — низкорослые жалкие рощи, и вдоль дороги — серые, точно вросшие в землю лачуги деревень, и каждые тридцать — пятьдесят миль — мертвые, как будто покинутые жителями города, тоже придавленные к земле, тоже серые и унылые, где улицы похожи на казармы, выстроенные только для маневров. Вот вам, в сотый раз, Россия, какова она есть.

По этой стране без пейзажей текут реки огромные, но лишенные намека на колорит. Они катят свои свинцовые воды в песчаных берегах, поросших мшистым перелеском, и почти неприметны, хотя берега не выше гати. От рек веет тоской, как от неба, которое отражается в их тусклой глади. Зима и смерть, чудится вам, бессменно парят над этой страной. Северное солнце и климат придают могиль-

ный оттенок всему окружающему. Спустя несколько недель ужас закрадывается в сердце путешественника. Уж не похоронен ли он заживо, мерещится ему, и он хочет разорвать окутавший его саван, бежать без оглядки из этого сплошного кладбища, которому не видно ни конца ни края.

Подавленный такими невеселыми думами, ехал я по Большой Сибирской дороге. Вдруг, взглядевшись вперед, я заметил вдалеке, на одной из боковых аллей дороги, кучку вооруженных людей, сделавших привал под деревьями.

— Что это за отряд? — спросил я фельдъегеря.

— Это казаки, конвоирующие сосланных в Сибирь преступников, — был ответ.

Значит, это не миф, не газетная выдумка! Передо мною настоящие изгнанники, во плоти и крови, несчастные страдальцы, пешком идущие в страшную сибирскую тайгу, где им суждено погибнуть вдали от всего, что им дорого. Может быть, я видел или увижу их матерей, их жен. Ведь это не преступники, это поляки, герои долга и самоотверженности. Слезы душили меня, когда мы поравнялись с несчастными, около которых я даже не осмелился остановить экипаж из страха навлечь подозрение моего аргуса. Мне стало стыдно за свое малодушие, и гнев вытеснил из сердца сострадание. «Вон из страны, — говорил я себе, — где присутствие какого-то жалкого курьера заставляет меня скрывать мои лучшие и самые естественные чувства!»

<...>

ГЛАВА XXV

Нижний Новгород. — Ярмарка. — Смесь языков и одежд. — Скопление народа. — Поиски пристанища. — Сделка состоялась. — Третья битва с клопами. — Столкновение с фельдъегерем. — Ярмарочные здания. — Чайный город. — Город железа. — Персидская деревня. — Крепостные коммерсанты. — Уроки честности. — Дороговизна. — Вспышки протеста. — Ярмарочные развлечения

Местоположение Нижнего Новгорода красивее всего виденного мною в России. Перед вами не низкие холмы, пологими скатами бегущие вдоль реки, но настоящая гора, образующая могучий мыс при слиянии Волги и Оки. Обе эти реки одинаково величественны, ибо в месте своего впадения в Волгу Ока ничем не уступает последней и теряет свое речное «я» только по-

тому, что верховье ее значительно ближе. На этой-то горе выстроен Нижний Новгород, господствующий над необъятной, как море, равниной, а у подножия горы происходит величайшая в мире ярмарка. На шесть недель в году торговля двух богатейших частей света назначает себе свидание в тесном треугольнике между Окой и Волгой. Место это просится на картину по естественной красоте ландшафта. А между тем древний город Нижний, вместо того чтобы любоваться обеими могучими реками, словно бежит от них и прячется за горой. Такая странность поразила императора Николая, который, говорят, увидев впервые этот город, воскликнул: «В Нижнем природа сделала все, что могла, а люди все испортили». Чтобы исправить ошибку основателей города, теперь под горой на берегу реки строится предместье, которое растет из года в год и скоро затмит нагорную часть Нижнего. Древний кремль (в каждом русском городе имеется свой кремль) отделяет старый город от нового.

Ярмарка происходит на противоположном берегу реки, на треугольной низменности между нею и Волгой. Оба берега соединены плашкоутным мостом и являют резкий контраст: один, как колоссальная пирамида, гордо возвышается над всей, именуемой Россией, равниной; другой, тот, где имеет место ярмарочный торг, стелется на уровне реки, которая ежегодно его затопляет. Этот на редкость живописный контраст бросился в глаза Николаю. С присущей ему пронизательностью он понял, что Нижний — это один из важнейших пунктов его империи, и полюбил город, ставший местом встречи купцов из отдаленнейших стран и приобретший первостепенное торговое значение. Оценив коммерческую роль Нижнего, царь не щадит затрат на всяческое его украшение и, говорят, отпустил на это дело семнадцать миллионов рублей, причем лично контролирует все работы.

Нижегородский кремль стоит на горе, которая гораздо выше, чем холм Московского Кремля. По гребню выются белые стены (свыше полумили в окружности) над покрытыми зеленью дерев крутыми склонами, а еще выше горят золотые главы, как маяк светящие путнику, тоскующему среди песчаных дюн Ярославской дороги. Сильное впечатление, всегда неразлучное с русской национальной архитектурой, еще усугубляется рельефом местности: в некоторых местах стены кремля положительно вырастают из отвесных скал.

Нижегородская ярмарка, ставшая ныне самой значительной на земном шаре, является местом встречи народов, наиболее чуждых друг другу, народов, не имеющих ничего общего между собой по виду, по одежде, по языку, религии и нравам. Жители Тибета и Бухары — стран, сопредельных Китаю, — сталкиваются здесь с финнами, персами, греками, англичанами и французами. Это настоящий судный день для купцов. Во время ярмарки число приезжих, одновременно живущих на ее территории, равняется двумстам тысячам. Отдельные единицы, составляющие эту массу людей, постоянно сменяют друг друга, но общая сумма остается постоянной, а в дни особенно оживленной торговли доходит даже до трехсот тысяч. По окончании этих коммерческих сатурналий город умирает. В Нижнем насчитывается не более двадцати тысяч постоянных жителей, теряющихся на его голых площадях, а территория ярмарки пустует в течение девяти месяцев в году. Такое огромное скопление людей происходит, однако, без особого беспорядка. Последний в России — вещь неизвестная. Здесь беспорядок был бы прогрессом, потому что он — сын свободы.

В одном только месте в России видел я настоящую толпу — в Нижнем, на мосту через Оку, единственном пути сообщения между городом и ярмаркой. Подъезжая к Нижнему со стороны Ярославля, вы попадаете в город по этому же мосту. При въезде на него пыль слепит глаза, шум оглушает, повозки теснятся со всех сторон, между ними пробираются пешеходы, а самой реки не видно — ее сплошь покрывает огромное множество судов и лодок. Поэтому вы невольно спрашиваете себя: для чего здесь, собственно, мост? Положительно, можно перейти с одного берега на другой, перепрыгивая с джонки на джонку. Я нарочно употребляю китайское название судов, потому что они в значительной степени служат для перевозки на ярмарку китайских товаров, главным образом чая. Все это, конечно, поражает воображение, но не взоры, ибо живописных картин нет на этой ярмарке, где все здания с иголочки новые. Когда мы ехали по мосту, мне казалось, что, прежде чем достигнуть противоположного берега, мы раздавим не меньше двух десятков человек. Слава Богу, этого не случилось, но, очутившись на желанном берегу, я увидел, что меня поджидали новые напасти. Предстояло найти пристанище, а все гостиницы были переполнены. Мой фельдъегерь стучался у каждой двери, но возвращался неизменно с одним и тем же ответом: «Комнаты нет!»

Он советовал мне воспользоваться гостеприимством губернатора, однако я наотрез отказался.

Наконец, проехав всю длинную улицу до того места, где ее пересекает другая, ведущая круто вверх в старый город, через темные, прорубленные в толстой стене ворота, мы заметили какую-то кофейню. Доступ к этому заведению был закрыт небольшим крытым рынком, откуда доносились нисколько не похожие на духи ароматы. Я приказал остановить лошадей и прошел в кофейню. Последняя состояла из целой анфилады комнат, переполненных шумной толпой, угощавшейся чаем и спиртными напитками. Хозяин встретил меня с почетом и самолично провел по всем комнатам своего процветающего заведения. Войдя в последнюю «залу», также загроможденную столиками и посетителями, я убедился, что действительно у него нет свободного уголка.

— Эта комната — угловая в вашем доме, не так ли? — спросил я. — У нее есть отдельный выход?

— Да.

— В таком случае забейте двери, соединяющие ее с остальными, и сдайте ее мне на несколько дней.

Я уже задыхался от ужасающего воздуха, ибо к обычному букету русских запахов присоединялись обильные винные испарения. Но что мне оставалось делать? Другого выхода не было. Кроме того, я надеялся, что если комнату основательно почистить, то атмосфера несколько разрядится. Поэтому фельдъегерь по моему настоянию растолковал хозяину сущность предлагаемой ему сделки.

— Я потеряю на этом деле, — возразил тот.

— Я заплачу вам сколько захотите.

Сделка состоялась. Итак, я взял приступом зловонный кабак, за который пришлось платить дороже, чем за самую роскошную комнату в самом дорогом отеле Парижа. Но гордость одержанной победы утешила меня за все издержки. Только в России, где прихоти господ, могущих сойти за сильных мира сего, не знают границ, можно превратить в мгновение ока ресторан в спальню.

Мой фельдъегерь попросил посетителей удалиться. Они вышли без малейшего ропота, двери немедленно заперли всяким замком и заколотили, после чего ворвалась целая армия молодых монахов в подрясниках, то есть я хотел сказать — половых в рубахах, и в одну секунду вынесла всю мебель. Но что я вижу? Из-под каждого столика, из-под каждого табурета выходят полчища еще не виданного зверья — насекомые черные, с полдюйма длиной,

мягкие, липкие и бегающие довольно быстро. Эти вонючие существа встречаются на Волыни, в Украине, в России, в Польше, где, если не ошибаюсь, они известны под именем «регсиса», потому что занесены они из Азии. Я не мог уловить названия, которым их обозначали нижегородские половые. Увидев, как пол моего нового обиталища покрылся узором этих копошащихся гадов, которых вольно и невольно давили не сотнями, а тысячами, и заметив, что от этого побоища в комнате появился новый, и пренеприятный, запах, я опрометью бросился вон из комнаты, из трактира и помчался представиться губернатору. Этот последний носил фамилию, издревле знаменитую в истории России, фамилию Бутурлиных, старинного боярского рода (разновидность, ставшая уже редкостью). Он показался мне человеком гостеприимным и для русских довольно общительным и откровенным.

Только когда меня уверили, что мое отвратительное логово основательно вымыто и проветрено, рискнул я переступить его порог. Моя кровать, набитая свежим сеном, красовалась посередине комнаты, ножки ее покоились в четырех полных водою мисках. Но, несмотря на такие предосторожности, утром, после тревожной ночи и тяжелых беспокойных сновидений, я все-таки нашел двух или трех регсис'ов на подушке. Насекомые эти безвредные, но не могу вам передать омерзение, которое они мне внушают.

Нижний встретил меня тропической жарой и удушливой пылью. Поэтому, а также по совету опытных людей я не рискнул отправиться пешком на ярмарку. Однако количество приезжих так велико, что я ни за какие деньги не мог достать наемного экипажа. Пришлось воспользоваться тарантасом, на котором я со столькими приключениями добрался до Нижнего, но ограничиться только парой лошадей, чем я был раздосадован не меньше любого русского барина. В общем, моя колесница и лошади являли собой далеко не блестящее зрелище.

Московский негодичант, владелец одного из наиболее значительных и богатых шелковых магазинов на ярмарке, вызвался быть моим чичероне. Усаживаясь с ним и его братом в мой роскошный экипаж, я предложил моему телохранителю нас сопровождать. И вот сей последний, нима-ло не задумываясь и не спросив у меня разрешения, вскакивает в коляску и усаживается на переднем сиденье рядом с братом г. N, который занял это место вопреки всем моим уговорам.

Боясь, как бы фельдъегерская фамильярность не ока-

жалась неприятной моим любезным проводникам, я попросил курьера занять его обычное место на козлах — рядом с кучером, причем сказал это почти неслышно.

— Я этого не сделаю, — с невозможным хладнокровием ответил мне сей господин.

— Почему вы решили меня послушаться? — спросил я еще более спокойным голосом. Говорили мы по-немецки.

— Это было бы недостойно моего звания.

Ответ фельдъегеря напомнил мне бесконечные местнические споры бояр, наполняющие целые страницы русской истории эпохи Ивана Грозного.

— Что вы хотите этим сказать? Разве вы не занимали этого места на протяжении всего пути от Москвы до Нижнего?

— Вы правы, мосье, это мое место при исполнении служебных обязанностей, во время путешествия. Но на прогулке я должен сидеть в экипаже. Я ношу мундир.

Пресловутый мундир — форма чиновника почтового ведомства.

— Я имею чин. Я не лакей, я служу его величеству.

— Меня очень мало интересует, кто вы и что вы. Кроме того, я и не думал вас называть лакеем.

— Но я буду иметь вид такового, если сяду на облучок в то время, как мосье катается по городу. У меня за плечами не один год службы, и за доброе поведение мне обещано дворянство.

С минуту подумав над таким смешением наших аристократических понятий с новейшего вида тщеславлением, вышненным трусливыми деспотами зараженному завистью народу, я ответил моему строптивому фельдъегерю следующими словами:

— Я уважаю вашу гордость, если она на чем-нибудь основана. Но, будучи плохо знаком с обычаями вашей страны, я хочу, прежде чем разрешить вам занять место в экипаже, сообщить о ваших домогательствах господину губернатору. Я не собираюсь требовать с вашей стороны больших услуг, чем те, которые вы обязаны мне оказывать на основании полученных вами инструкций. Так как в данном случае я нахожусь в сомнении, то я освобождаю вас на нынешний день от службы: я поеду без вас.

Я едва не расхохотался над важностью, с которой произнес эту тираду, но считал такую комедию необходимой, дабы обеспечить себе спокойствие в течение остального путешествия. Этот кандидат на дворянство, так скрупулезно соблюдающий этикет большой дороги, стоит

мне, помимо всего прочего, триста франков в месяц, которые я уплачиваю ему в виде жалованья. Выслушав меня, он покраснел до корней волос, ни слова не говоря вышел из коляски и молча возвратился восвояси.

Ярмарка занимает, как я уже сказал, обширнейшую территорию на песчаном и совершенно плоском пространстве земли между Окой и Волгой. Почва, на которую свозится огромное количество товаров со всех концов земли, едва-едва выступает из воды. Поэтому на берегах Волги и Оки видны только бесконечные склады и амбары, тогда как ярмарочный город в собственном смысле слова расположен дальше от берегов, в основании треугольника, образуемого обеими реками. Этот торговый город-поденка состоит из большого числа широких и длинных улиц, прямых, как стрела, и пересекающихся под прямыми углами. — план весьма далекий от живописности. Десяток-другой павильонов псевдокитайского стиля возвышается над магазинами, но их фантастические очертания почти не оживляют печального и унылого общего вида ярмарки. Этот чинный базар кажется пустынным — так он велик. В его черте не видно толпы, тогда как окружающие эти лавочные линии предместья кишат разноплеменным и разноречивым народом. Ярмарочный город, как и все современные русские города, слишком велик для своего населения, хотя последнее и состоит, как я уже говорил, из двухсот тысяч душ в среднем. Правда, в это огромное число входят все приютившиеся во временных лагерях, разбитых вокруг ярмарки, а также избравшие своим жильем реки. Последние на большом расстоянии покрыты сплошным лесом судов всех видов и размеров, где живет сорок тысяч человек. Эти населенные реки поразили меня, пожалуй, больше всего. Они напоминают нам картину китайских городов, где реки превращены в улицы людьми, живущими, за недостатком твердой земли, на воде.

Все ярмарочные здания стоят на подземном городе — великолепной сводчатой канализации, настоящем лабиринте, в котором можно заблудиться, если отважиться на его посещение без опытного проводника. Каждая улица ярмарки дублирована подземной галереей, проложенной на всем протяжении улицы и служащей стоком для нечистот. Галереи эти, выложенные каменными плитами, очищаются по нескольку раз в день множеством помп, накачивающих воду из окрестных рек, и соединены с поверхностью земли широкими лестницами.

Товары всего мира собраны на необъятных улицах ярмарки, но они в них теряются. Покупатели здесь — самый редкий товар. Положительно все, что я вижу в этой стране, заставляет меня восклицать: «Здесь слишком мало людей для столь огромных пространств!» — в противоположность странам древней культуры, где людям не хватает места для развития цивилизации. Английские и французские лавки — самые шикарные и изысканные на ярмарке. Для того чтобы составить себе верное представление о нижегородском торге, нужно покинуть изящные китайские затеи александровской эпохи и прежде всего побродить по окружающим ядро ярмарки базарам. Пробраться по ним дело нелегкое, ибо каждый занимает пространство доброго города, в каждом царит настоящий хаос крупнейшей торговли и, по необходимости, беспорядок оживленного движения.

Начнем с чайного города. Это азиатский стан, раскинутый у самого слияния обеих рек, на вершине треугольника. Чай идет в Россию из Китая через Кяхту, отсюда его везут в тюках кубической формы. Эти цыбики представляют собой обтянутые кожей рамы, каждое ребро которых длиной около двух футов. Покупатели протыкают кожу особыми шупами, чтобы узнать качество товара. Из Кяхты чай транспортируется сухим путем до Томска. Там он перегружается на баржи и путешествует дальше по разным рекам до Тюмени, откуда снова сухим путем идет до Перми, оттуда он по Каме спускается к Волге и таким образом попадает в Нижний. В Россию ежегодно ввозится от 75 до 80 тысяч ящиков чая, из которых половина остается в Сибири и зимой доставляется санным путем в Москву, а другая половина попадает на Нижегородскую ярмарку.

Чайный этот маршрут описал мне крупнейший русский торговец чаем, и я не отвечаю ни за географию, ни за орфографию этого богача. Впрочем, у миллионеров могут быть точные сведения, потому что они покупают свои знания у других.

Как видите, хваленый чай, доставляемый будто бы караванами и поэтому так высоко ценимый знатоками, на самом деле почти весь путь проделывает водой. Правда, вода эта несоленая и, говорят, речные туманы не так вредны ему, как морские.

Сорок тысяч ящиков чая! Это легко сказать, но трудно себе представить сплошные стены чайных цыбиков на ярмарке. Я только что прошелся по амбарам, где они

сложены. Один только негоциант, мой просвещенный географ, купил четырнадцать тысяч ящиков за десять миллионов рублей серебром (бумажных рублей уже нет). Цена чая определяет цены всех прочих товаров. До тех пор пока эту цену не опубликуют, все другие сделки имеют условный характер.

Другой «город» так же велик, но менее деликатен и менее благоуханен, чем город чая,— это город тряпья. К счастью, прежде чем свезти лохмотья всей России на ярмарку, их тщательно промывают.

Из прочих ярмарочных предместий заслуживает упоминания город тележного леса, из которого делают колеса русских телег и дуги, столь живописно украшающие здешнюю упряжку. Запасы очищенного от коры леса, заготовленного здесь для всей европейской России, нагромождены настоящими горами, о которых наши парижские лесные склады не дают даже слабого представления.

Еще один город, самый, пожалуй, большой и интересный из всех,— это город железа. На целый километр тянутся галереи всевозможных железных полос, брусьев и штанг. Потом идут решетки, потом кованое железо, дальше — целые пирамиды земледельческих орудий и предметов домашнего обихода,— короче говоря, перед вами целое царство металла, составляющего один из главнейших источников богатства империи. Это богатство пугает. Сколько каторжников нужно иметь, чтобы извлечь из недр земли такие сокровища! Если преступников не хватает, их делают, во всяком случае, делают людей страдальцами. Деспотизм торжествует, и государство процветает. Поучительно было бы изучить жизнь уральских рудокопов, но для иностранцев это совершенно невысказано.

Не хватило бы целого дня даже для беглого обхода всех этих предместий, являющихся лишь, так сказать, спутниками ярмарки в тесном смысле слова. Если бы включить их в общую ограду, протяжение последней не уступало бы обводу крупной европейской столицы. В бездне собранного в них богатства нельзя всего увидеть, и приходится поневоле делать выбор. Кроме того, душливый зной, пыль, толпы народа — все это действует угнетающе на душу и тело.

Я забыл упомянуть о городе кашемирской шерсти. Глядя на неприятную на вид, связанную в огромные тюки шерсть, я думал о роскошных плечах, которые она в один прекрасный день покрывает, когда чудесным образом превратится в платки и шали.

Словом «город» я пользуюсь нарочно, потому что только это слово может дать понятие о колоссальных размерах этих складов, придающих ярмарке положительно грандиозный характер. Конечно, такой любопытный коммерческий феномен возможен лишь в России. Для того чтобы создать Нижегородскую ярмарку, понадобилось стечение целого ряда исключительных обстоятельств, которых нет и не может быть в европейских государствах: огромность расстояний, разделяющих наполовину варварские народы, испытывающие уже, однако, непреодолимую тягу к роскоши, и климатические условия, изолирующие отдельные местности в течение многих месяцев в году, отсутствие удобных и скорых средств сообщения и т. д., и т. п. Но, думается мне, можно предвидеть, что не в очень далеком будущем прогресс материальной культуры в России сильно уменьшит значение ярмарки в Нижнем Новгороде. Теперь же, повторяю, это величайшая ярмарка на земном шаре.

В предместье, отделенном рукавом Оки, расположилась целая персидская деревня, лавки которой наполнены исключительно персидскими товарами. С удивлением любовался я там великолепными коврами, суровым шелком и термоламой, родом шелкового кашемира, который, говорят, выделяется только в Персии. Впрочем, я бы не удивился, если бы оказалось, что русские выдают за персидскую мануфактуру подделки своих фабрик. Должен оговориться, это лишь мое предположение, не подтвержденное фактами.

Меня заставили прогуляться по городу, целиком отведенному под склады сушеной и соленой рыбы, привозимой из Каспийского моря для соблюдающих посты набожных русских. Последние поглощают эти морские мумии в огромном количестве: четыре месяца воздержания москвитов обогащают магометан Персии и Татарии. Распластанные тела морских чудищ расположены на земле, висят на особых стойках и частью скрываются в трюмах доставивших их сюда судов. Если бы трупы на этом рыбьем кладбище не насчитывались миллионами, можно было бы вообразить, что вы попали в кабинет естественной истории. Даже на открытом воздухе рыбы эти издают пренеприятный запах.

Имеется на ярмарке и кожаный город. Кожи — предмет большого значения в обороте ярмарки, удовлетворяющей спрос всей Европейской России по этой части. Потом идет город мехов. Тут пред вами шкуры всех ре-

шительно пушных зверей — от соболя, голубой лисицы и некоторых видов медведя (шубы из названных мехов обходятся в двенадцать тысяч франков) до обыкновенной лисицы и волка, цена которым грош. Приставленные к охране этих сокровищ люди устраивают на ночь палатки для своих товаров — варварские юрты, имеющие очень живописный вид. Хотя эти люди и живут в холодных странах, однако они довольствуются малым. Одеты они довольно скудно и спят, когда стоит хорошая погода, под открытым небом. Когда же идет дождь, они скрываются под грудой своих товаров, заползая во все дыры. Настоящие северные лаццарони, они далеко уступают своим неаполитанским собратьям в веселости и беспечности.

Как я уже упоминал, внутренняя часть ярмарки резко отличается от только что описанных ее предместий и менее интересна, чем последние. Там, во внешней части, грохочут повозки, тачки, телеги, раздаются крики, песни, шум и гам, словом, господствуют свобода и беспорядок. Здесь, внутри, все чинно, спокойно, тихо, здесь царит безлюдье, порядок, полиция — словом, здесь Россия!

Бесконечные ряды лавок отделены один от другого широкими улицами, которых, кажется, всего двенадцать или тринадцать. Они упираются в собор и двенадцать китайских павильонов. Чтобы обойти все улицы и лавки, нужно сделать десять лье, так, по крайней мере, мне говорили. В этом-то тихом оазисе, охраняемом казаками, похожими в часы дежурства на немых стражей сераля, мы и спаслись от сутолоки и сумятицы ярмарочных предместий. Несметные суммы поглотила почва, менее всего подходящая для устройства всероссийского торжища, и в царствование Александра, и при его преемнике. Благодаря неслыханным усилиям и ни с чем не сравнимым затратам территория ярмарки теперь обитаема в летнее время, а большего для коммерции и не нужно. Но она по-прежнему вредна для здоровья, покрыта в сухую погоду толстым слоем пыли и от нескольких капель дождя превращается в непроходимое болото.

Главные торговые деятели ярмарки — крепостные крестьяне. Однако закон запрещает предоставлять кредит крепостному в сумме свыше пяти рублей. И вот с ними заключаются сделки на слово на огромные суммы. Эти рабы-миллионеры, эти банкиры-крепостные не умеют ни читать, ни писать, но недостаток образования восполняется у них исключительно сметливостью.

В России народ не знает арифметики. Со стародавних времен он считает при помощи костяшек, движущихся по прутьям в деревянных рамах. Каждая линия другого цвета — так различаются единицы, десятки, сотни и т. д. — чрезвычайно простой и быстрый способ подсчета. Не забывайте, что те, кому принадлежат рабы-миллионеры, могут в любой день и час отобразить у последних их состояние. Правда, такие акты произвола редки, но они возможны. В то же время никто не помнит, чтобы крестьянин обманул доверие имеющего с ним торговые дела купца. Так в каждом обществе прогресс народных правов исправляет недостатки общественных учреждений. Наряду с этим могу привести и такой слышанный мною рассказ: некий граф, ныне благополучно здравствующий (я чуть было не сказал: «благополучно царствующий»), обещал как-то одному из своих крепостных «вольную» за непомерную сумму в шестьдесят тысяч рублей, и что же? Он взял деньги, но не отпустил на волю ограбленную семью.

Таковы уроки честности и добросовестности, получаемые русскими крестьянами в школе аристократического деспотизма, который их угнетает, и деспотизма авторитарного, который ими правит. Императорское тщеславие довольствуется словами, внешними формами и цифрами. Аристократическое властолюбие смотрит в корень вещей и дешево ценит слова. Нигде монарху сильнее не льстят и нигде его меньше не слушаются, чем в России. Никого так не обманывают, как так называемого самодержца всероссийского. Правда, непослушание — это дело рискованное. Но страна необъятно велика, а пустыня безмолвствует.

Все дорого на Нижегородской ярмарке. Время большой разницы в ценах по отдельным районам миновало безвозвратно, и теперь повсюду знают цену деньгам. Татары, приезжающие из Центральной Азии в Нижний закупать по баснословной цене предметы роскоши, привозимые из Парижа и Лондона, прекрасно знают в свою очередь, сколько стоят их собственные товары. И купцы не запрашивают, выражаясь языком лавочников, но и не уступают. Они невозмутимо назначают высокую цену, и их профессиональная честность состоит в том, чтобы ни в коем случае не отдать товара дешевле. С финансовой точки зрения значение ярмарки растет из года в год, но если смотреть на нее как на собрание редкостных товаров и иностранных лиц, то нельзя не сознаться, что она становится

под таким углом зрения все менее и менее интересной. В общем, она разочаровывает тех, кто ожидал увидеть живописное зрелище. Все сумрачно и натянуто в России. Даже души здесь вытянуты по ранжиру. Только редко-редко прорываются наружу страсти, и тогда все летит вверх ногами. То барин женится на крепостной, то крепостные, доведенные вечными жестокостями и издевательствами до отчаяния, хватают барина, сажают его на вертел и поджаривают на медленном огне. Но такие пертурбации остаются почти незамеченными — расстояния в России огромны, а полиция неусыпно бдительна. Бессильные вспышки не нарушают обычного порядка, покоящегося на безмолвном синониме тоски и гнета.

В сумерках равнина приобретает более живописный характер. Горизонт заволакивается туманной дымкой, которая позже превращается в росу. Летающая в воздухе песчаная пыль окрашивается розоватым светом. Постепенно в густеющей тьме возникают фантастические отблески, многое множество фонарей зажигается на торговых биваках, окружающих ярмарку. Со всех сторон несетя гул голосов. Они долетают даже из окрестных лесов, даже с рек, превращенных в человеческий муравейник. Какое внушительное сборище людей! Какое смешение языков, какие контрасты нравов и обычаев! Но какое вместе с тем единство чувств и стремлений! У всех собравшихся сюда сотен тысяч людей только одна цель — нажива. В других странах жадность народа скрывается под покровом его природной веселости. Здесь надо всем господствует ничем не прикрытая алчность коммерсанта.

Бродя ночью по ярмарке, я видел ярко освещенные трактиры, балаганы, маленькие театры, кофейни, чайные. Но изо всех этих горящих множеством огней мест слышался только заглушенный гул голосов. Контраст между яркостью иллюминации и молчаливостью людей поражает и кажется положительно сверхъестественным. Вас окружает народ, замороженный волшебной палочкой чародея.

Густой лес мачт ограничивает с двух сторон развертывающееся пред глазами зрелище и в некоторых местах даже закрывает небо. С третьей стороны — равнина... Мало-помалу (звезды) гаснут и наконец вовсе исчезают. Мрак и безмолвие сходят на землю. Все, что еще недавно оживляло движением и красками пустыню, забывается и словно перестает существовать. Неясные воспоминания сменяют пеструю картину, и одинокий путник остается один на один с русской полицией, делающей тьму ноч-

ную еще страшнее. Чудится, что все дневные впечатления были лишь сном наяву, и вы добираетесь до ночлега с душой, полной поэзии, т. е. смутного страха и тягостных предчувствий.

ГЛАВА XXVI

Денежная реформа.— Губернатор «кротко» беседует с купцами.— Деспотическое мошенничество.— Император перестраивает Нижний.— Господа и рабы.— Отсутствие правосудия.— Шпион-телохранитель.— Фальсификация истории.— Нижегородские лагеря

В этом году в день открытия ярмарки губернатор пригласил к себе крупнейших русских коммерсантов, собравшихся в Нижнем Новгороде, и во всех подробностях изложил им давно признанные и весьма печальные неудобства, проистекающие из существующей в империи денежной системы. Как вы знаете, в России средством обмена служат, с одной стороны, бумажные деньги и, с другой, серебряная монета. Но вы, быть может, не знаете, что ценность последней непрерывно изменяется, тогда как ассигнации сохраняют постоянно одну и ту же стоимость — странность, не имеющая аналогии в финансовой истории. Отсюда вытекает, что в России деньгами являются ассигнации, тогда как они были введены в качестве суррогата серебра и лишь таковым считаются по закону. Изложив все это своим слушателям, губернатор прибавил, что его величество в неусыпных заботах о благе подданных решил положить предел финансовому беспорядку, грозящему подорвать основы торговли и промышленности империи. Единственным средством против такого зла является окончательное и непреложное установление ценности серебряного рубля. Указ императора произвел эту революцию — на бумаге, по крайней мере, — в один день. И губернатор закончил свою речь призывом немедленно осуществить реформу, проведение которой поручено ему, губернатору, и всем должностным лицам империи. Он, губернатор, надеется, что никакие соображения личного характера не возобладают над долгом немедленного и беспрекословного повиновения монаршей воле.

Мудрые эксперты ответствовали, что мера эта, сама по себе превосходная, может, однако, подорвать самых крепких купцов, ежели применить ее к прежде того

заключенным сделкам, платежи по которым должны быть произведены на нынешней ярмарке. Благословляя государя и преклоняясь пред его глубокой мудростью, они почтительнейше указали губернатору на то обстоятельство, что те из купцов, которые продали товары на прежние рубли, могут потерпеть огромные убытки, если им уплатят новыми денежными единицами, хотя эти платежи и будут законными по новому указу. Поэтому, говорили купцы, если указ получит обратное действие, то это повлечет за собой множество частичных и полных банкротств.

Выслушав мнение негоциантов, губернатор с чрезвычайной кротостью заявил собравшимся, что он вполне понимает опасения гг. купцов, но что, в конце концов, столь печальные последствия финансовой реформы угрожают только некоторым частным лицам, которых, впрочем, в достаточной степени охраняют существующие законы против банкротов, тогда как отсрочка действия указа походила бы на сопротивление и повлекла бы за собой гораздо более опасные последствия, нежели несостоятельность нескольких отдельных лиц. Такой пример, поданный важнейшим торговым центром империи, нанес бы удар самым жизненным интересам государства. Он означал бы подрыв основ существующего строя. Поэтому, закончил губернатор, он надеется, что господа коммерсанты постараются всеми силами избежать чудовищного упрека в том, что они интересы государства приносят в жертву своим личным выгодам.

В результате этого дружественного собеседования ярмарка открылась под знаком обратного действия пресловутого указа, который был торжественно опубликован по получении согласия и соответствующих обещаний первых негоциантов империи.

Все это рассказал мне сам господин губернатор в стремлении доказать, с какой мягкостью работает административная машина деспотического правительства, столь оклеветанного в либеральных странах Европы.

Я спросил у моего обязательного и любезного наставника в делах азиатской политики, каков же был результат правительственного мероприятия и рыцарского способа его проведения в жизнь.

— О, он превзошел все мои ожидания,— ответил губернатор с удовлетворенным видом.— Ни одного банкротства, все новые сделки заключались по новой денежной системе. Но удивительней всего то, что ни один должник не воспользовался предоставленной законом воз-

возможностью погасить старые долги со злым убытком для кредитора. Такой результат, должен сознаться, казался мне сначала поразительным. Но, подумав, я увидел здесь обычное русское лукавство: закон обнародован, и ему повинуются... на бумаге. Этому правительству довольно. Современное политическое положение в России можно определить в нескольких словах: это страна, в которой правительство говорит что хочет, потому что оно одно имеет право говорить. Так, в данном случае правительство говорит: «Вот вам закон — повинуйтесь», но молчаливое соглашение заинтересованных сторон сводит на нет те его статьи, применение которых к прежним долгам было бы вопиющей несправедливостью. Таким образом, ловкость и смелость подданных исправляют грубые и жестокие ошибки власти.

Я хранил молчание и видел, что Бутурлин наслаждается моим изумлением.

— Невозможно составить себе представление о величии императора, — продолжал губернатор, — пока не увидишь плодов его усилий, в особенности в Нижнем, где его величество совершает чудеса.

— Я преклоняюсь, — ответил я, — перед прозорливостью монарха.

— Ваше преклонение еще увеличится, когда мы с вами посетим работы, выполняемые по приказу его величества. Вы увидите, как урегулирование денежной системы, которое в любой стране потребовало бы массы усилий, у нас благодаря энергии и широте взглядов государя совершается словно по волшебству.

Администратор-царедворец был скромнен и не выдвинул своих собственных заслуг в этом деле. Равным образом, он не дал мне времени повторить то, что твердят втихомолку злые языки, а именно, что финансовая операция, проведенная теперь русским правительством, дает высшей власти большие выгоды, о которых никто не смеет заикнуться вслух и которые должны возместить частной казне государя суммы, извлеченные оттуда на постройку, за его личный счет, Зимнего дворца. В свое время с великодушием, приведшим в восторг Европу и Россию, царь отверг предложения целого ряда городов и частных лиц, наперебой домогавшихся чести внести свою лепту в стоимость реконструкции национального памятника архитектуры — национального потому, что является резиденцией монарха. Теперь царь вознаграждал себя сторицей за свой великодушный порыв.

По этому образчику деспотического мошенничества вы можете судить о том, как низко здесь ценят правдивость и как нельзя верить высокопарным фразам о долге и патриотических чувствах. Чтобы жить в России, скрывать свои мысли недостаточно — нужно уметь притворяться. Первое полезно, второе необходимо.

Губернатор сдержал свое слово. Он во всех деталях показал мне работы, производимые в Нижнем по указу императора и имеющие целью исправить ошибки истории этого города. Великолепная улица будет проложена от берега Оки в верхнюю часть города. Для этого предстоит засыпать пропасти, сгладить крупные склоны и взорвать скалы. Огромные подземные сооружения поддерживают площади, улицы и здания. Мосты, эспланады и террасы превратят Нижний в один прекрасный день в красивейший город в России. Все это грандиозно! Но вот что, наоборот, производит комическое впечатление: губернатор должен представлять на благовоззрение государя самое ничтожное изменение утвержденных планов, равно как и каждую деталь любой постройки или изменение фасада любого здания. «Что за человек!» — восклицают русские... «Что за страна!» — сказал бы я, если бы осмелился.

Дорогою Бутурлин сообщил мне интереснейшие сведения о русской администрации и о тех улучшениях, которые с каждым днем вносятся в положение крепостных общим прогрессом нравов и обычаев в России. В настоящее время крепостной может даже приобретать землю на имя своего господина, который не станет нарушать моральных обязательств, связывающих его с состоятельным рабом. Лишить этого раба плодов его труда и бережливости было бы злоупотреблением властью, на которое не решится ни один самый деспотический боярин в царствование императора Николая. Но кто мне докажет, что он не решится на это при другом монархе? Кто мне докажет, что даже при сем справедливейшем из справедливых (по словам Бутурлина) царе нет алчных рабовладельцев, открыто не грабят своих крепостных, но втихомолку и потихоньку присваивающих себе их богатства?

Нужно побывать в России, чтобы оценить значение учреждений, ограждающих свободу граждан вне зависимости от тех или иных душевных свойств монархов. Правда, разоренный помещик может защитить своим именем состояние разбогатевшего крепостного, которому

закон не позволяет владеть ни клочком земли, ни даже заработанными им деньгами. Но это двусмысленное покровительство зависит всецело от прихоти покровителя. Живообразны эти отношения между господином и рабом! С трудом верится в долговечность общественного строя, породившего столь причудливые социальные связи. И тем не менее строй этот прочен.

В России ничто не называется своим именем — слова и названия только вводят в заблуждение. В теории все до такой степени урегулировано, что говоришь себе: «При таком режиме невозможно жить». Но на практике существует столько исключений, что, видя порожденный ими сумбур противоречивейших обычаев и навыков, вы готовы воскликнуть: «При таком положении вещей невозможно управлять!»

По словам же милейшего нижегородского губернатора — нет ничего проще. Все дело в том, что злоупотребления властью стали чрезвычайно редки именно вследствие крайней строгости законов, на которых покоится общественный порядок. Каждый понимает, что, дабы сохранить уважение к этим насущно необходимым для сохранения целостности государства законам, их должно применять лишь изредка и осторожно. Потому-то все носители власти очень редко прибегают к крутым мерам. Например, если какой-либо помещик позволяет себе предосудительные действия, начальник губернии не раз и не два сделает ему частным образом внушение, прежде нежели вмешаться официально. Если ни то ни другое не подействует, дворянский суд пригрозит помещику отдачей под опеку и, только если и предупреждение не возымеет действия, осуществит свою угрозу.

Весь этот избыток предосторожностей кажется мне не слишком утешительным для крепостного, который успеет сто раз умереть под палкой, прежде чем его господина, должным образом предупрежденного, наставленного на путь истинный, заставят дать отчет за все жестокости и издевательства. Правда, и помещик, и губернатор, и судьи могут быть на следующий же день сосланы в Сибирь. Но такая очень редко реализуемая возможность представляется мне скорее способом утешения несчастного народа, чем действительной гарантией против произвола.

В России низшие классы редко обращаются в суд за разрешением своих тяжб. Это инстинктивное нерасположение к суду кажется мне верным признаком не-

справедливости судей. Немногочисленность судебных процессов может быть следствием двух причин: либо духа справедливости у подданных, либо духа несправедливости у судей. В России почти все тяжбы прекращаются вмешательством администрации, которая советует сторонам закончить дело мировой сделкой, одинаково невыгодной и тягостной для обеих. Поэтому спорящие стороны стараются не прибегать к суду и предпочитают полюбовное соглашение даже в тех случаях, когда оно связано с необходимостью поступиться самыми законными притязаниями, ибо такой исход лучше, чем судебные мытарства. Отсюда видно, как мало имеют русские оснований гордиться редкостью судебных процессов в стране произвола и насилия.

Губернатор пожелал во что бы то ни стало показать мне всю ярмарку, но на этот раз мы ограничились быстрой прогулкой по ней в экипаже. Впрочем, я успел полюбоваться прекрасным видом на всю территорию средоточия русской торговли: панорама, развернувшаяся перед нами с вышки одного из китайских павильонов, была действительно великолепна.

На следующий день гостеприимный начальник губернии заехал за мной в своем экипаже, чтобы показать мне достопримечательности древнего города. Он был со своими слугами, что избавило меня от новых неприятностей с фельдъегерем, притязания которого губернатор находит заслуживающими уважения. Фельдъегеря моего, обладающего к тому же на редкость неприятной наружностью, я положительно не выношу. Меня преследует мысль, что в его лице я имею шпиона-телохранителя, которого побаивается сам всемогущий губернатор. Если этот высший представитель власти не смеет приказать курьеру занять отведенное ему по роду службы место в экипаже, то, спрашивается, чем можно объяснить подобную странность? Мы увидим сейчас, что даже сама смерть не служит залогом покоя в этой несчастной стране, беспрестанно терзаемой прихотями произвола.

Минин⁵⁸, освободитель России, чья память особенно прославляется после нашествия французов, похоронен в Нижнем Новгороде. Его могила находится в соборе среди могил удельных князей. Знамя Минина и Пожарского⁵⁹ — реликвия, высоко почитаемая в России, — хранилось в деревне между Ярославлем и Нижним. В тысяча восемьсот двенадцатом году, когда понадобилось подогреть энтузиазм солдат, эту хоругвь послали в армию,

причем торжественно обещали ее хранителям, что по миновании надобности она будет возвращена. Однако после победы знамя это, вопреки всем обещаниям, было помещено в Московский Кремль на хранение, а обманутым крестьянам дали копию чудотворной святыни, причем снисходительно объяснили им, что копия эта в точности соответствует оригиналу. Вот вам недурной образчик честности русского правительства.

Этого мало. К исторической истине в России питают не больше уважения, чем к святости клятвы. Подлинность камня здесь так же невозможно установить, как и достоверность устного или письменного слова. При каждом монархе здания переделываются и перестраиваются по прихоти нового властелина. И благодаря дикой мании, величаемой гордым титулом прогресса цивилизации, ни одно сооружение не остается на том месте, где его воздвиг основатель. Буря царских капризов не щадит даже могил. Император Николай, разыгрывающий из себя московского архитектора и перепланировывающий по своему вкусу Кремль, не новичок в этом деле. Нижний уже видел его за работой.

Войдя сегодня утром в собор, я почувствовал волнение от веющей в нем древности. Так как в нем покоится прах Минина, то его, думалось мне, не трогали по крайней мере лет двести. И эта уверенность еще увеличивала мое почтение к старинному зданию. В благоговейном молчании стояли мы перед усыпальницей героя.

— Это, безусловно, одна из самых прекрасных и самых интересных церквей, посещенных мною в вашей стране, — сказал я губернатору.

— Я ее выстроил, — ответил мне Бутурлин.

— Как? Что вы хотите этим сказать? Вы ее, очевидно, реставрировали?

— Ничего подобного. Древняя церковь совсем обветшала, и император признал за благо, вместо того чтобы отремонтировать, отстроить ее заново. Еще года два тому назад она стояла шагов на пятьдесят дальше и, выдаваясь вперед, нарушала правильность распланировки нашего кремля.

— Но прах Минина?! — воскликнул я.

— Его вырыли, так же, как и останки князей. Теперь они покоятся в новом месте погребения, которое вы в настоящую минуту обозреваете.

Я воздержался от реплики, дабы не произвести ре-

волюции в уме верноподданного слуги императора, и молча последовал за ним, продолжая осмотр нижегородского кремля.

Вот в каком смысле понимают здесь почитание усопших, уважение к памятникам старины и культ изящных искусств. Но император, зная, что все древнее вызывает к себе особое благоговение, желает, чтобы выстроенная вчера церковь почиталась как старинная. Что же он делает? Очень просто: она древняя, говорит он, и церковь становится древней. Новый собор в Нижнем Новгороде древний, и если вы сомневаетесь в этой истине, значит, вы бунтовщик.

По выходе из кремля губернатор повез меня в лагерь: мания смотров, парадов и маневров имеет в России характер повальной болезни. Губернаторы, подобно государю, проводят жизнь за игрой в солдатики. Любимейшее их занятие — командовать военными экзерцициями, и чем больше у них солдат, тем сильнее они гордятся своим сходством в этом отношении с императором. В лагерях под Нижним стоят полки, состоящие из солдатских детей. Шестьсот человек пело молитву, и в надвигающихся сумерках этот хор рабов хватал за душу. А издалека глухо доносились ружейные залпы, своеобразно вторившие религиозным песнопениям.

ГЛАВА XXVII

Язвы, разъедающие империю. — Невольничество. — Кюстин вспоминает анекдоты. — Репетирующий ротмистр. — Плачевный отъезд из Нижнего. — «А почему он болен?» — Город Владимир. — Канцелярские недра. — Опять в Москве. — Встреча государя. — Бородинские торжества

Крестьянские волнения растут: каждый день слышишь о новых поджогах и убийствах помещиков. На днях мне передавали об убийстве одного немца, недавно приобретшего имение и вздумавшего заниматься агрономическими улучшениями. Но пока до вас успеет дойти известие о каком-либо случае такого рода, проходит столько времени, что вы воспринимаете его как нечто давно прошедшее, и это ослабляет впечатление. И кроме того, сколь ни многочисленны подобные события, они остаются изолированными явлениями. Спокойствие государства в общем не нару-

шается, глубоких потрясений нет и, вероятно, еще долго не будет. Я уже говорил, что необъятность страны и военная правительством политика замалчивания способствуют успокоению. Прибавьте к этому слепое повиновение армии: «надежность» солдат основана главным образом на полнейшем невежестве крестьянских масс. Однако это невежество является, в свою очередь, причиной многих язв, разъедающих империю. И неизвестно, как выйдет нация из этого заколдованного круга. Можете себе представить, какая расправа уготована для виновников! Впрочем, всю Россию в Сибирь не сослать! Если ссылают людей деревнями, то нельзя подвергнуть изгнанию целые губернии:

Отмечу мимоходом своеобразное смешение понятий, укоренившихся в умах русского народа благодаря крепостному праву. При таком порядке вещей (если к невольничеству вообще может быть применено слово «полюдок») человек чувствует себя связанным тесными узами с землей, потому что его продают вместе с ней. И вот, вместо того чтобы признать, что это он к ней прикреплен, что он принадлежит, так сказать, к земле, при помощи которой другие люди распоряжаются им, крестьянином, как вещью, вместо этого он воображает, что земля принадлежит ему. Конечно, такая концепция является в сущности оптической иллюзией: ибо хотя он и считает себя землевладельцем, он тем не менее не может себе представить, что можно продать землю, не продавая тех, кто на этой земле живет. Поэтому при каждом переходе в руки нового господина он не говорит себе, что землю продали новому хозяину, а воображает, что сначала продали его самого и затем уже, в виде какого-то неизбежного приложения, передали его собственную землю, на которой он родился, которую он возделывает трудами рук своих.

Пропасть между рабом и господином здесь так велика, что у последнего положительно начинает кружиться голова. Он настолько выше простых смертных, что не на шутку считает себя сделанным из иного теста, нежели другие, «простые» люди. Следующий случай служит к этому недурной иллюстрацией.

Один невероятно богатый русский барин ехал однажды из Италии в Германию. По дороге в каком-то городишке он довольно опасно заболел. Позвали лучшего местного эскулапа. Сначала больной подчинился предписанному лечению, но спустя несколько дней, когда, не-

смотря на лечение, болезнь усилилась, ему наскучило послушание. Он вскочил с постели и закричал во весь голос: «Не понимаю, как этот шарлатан меня пользует! Вот уже три дня меня пичкают лекарствами, и все без толку! Что это за доктора ко мне послали? Он, очевидно, не знает, кто я такой!»

Раз я уже начал рассказывать анекдоты, позволю себе привести еще один, совсем в другом духе, но тоже характерный в своем роде. Он показывает, какое ребячество мыслей господствует в высшем кругу русского общества. Дело происходило в подмосковном имении знатного и богатого русского барина, человека пожилого и пользующегося большим уважением всей округи. В имении был расквартирован гусарский эскадрон вместе с офицерами. Приближалась Пасха, празднуемая русскими с большой торжественностью. Все члены семьи, а также их друзья и соседи присутствуют на богослужении, происходящем ровно в полночь. Магнат, о котором идет речь, ожидал большого съезда гостей в этот день, тем более что он недавно роскошно отделал приходскую церковь.

И вот дня за два или за три до праздника он просыпается среди ночи, разбуженный топотом лошадей и шуршанием колес на плотине. Его дворец, по распространенному в России обычаю, стоит на самом берегу небольшого пруда. Церковь расположена на другой стороне пруда, в конце плотины, соединяющей дворец с приходским храмом.

Изумленный необычными ночными звуками, хозяин дома встает с постели, бежит к окну, и что же он видит при свете многочисленных факелов? Великолепную коляску, запряженную четверкой лошадей, в сопровождении верховых. Он узнает с иголки новый экипаж и его владельца — одного из живущих у него в доме гусарских офицеров, молодого сумасброда, недавно разбогатевшего благодаря полученному наследству. Увидев, как он в полном одиночестве разъезжает глубокой ночью в открытом ландо, старый князь решил, что его гость сошел с ума. Со страхом он провожает глазами элегантный выезд и группу окружающих его всадников и видит, что необычайный кортеж направляется к церкви. Перед папертью все останавливаются, гусар торжественно выходит из коляски, причем слуги бросаются к дверцам и бережно поддерживают барина, хотя последний гораздо моложе и проворнее их. Едва коснувшись сту-

пенек паперти, гусар столь же торжественно вновь входит в экипаж, который объезжает вокруг, вторично останавливается у церкви, и вся церемония начинается сначала. Такое времяпровождение продолжалось до рассвета. С первыми лучами зари офицер возвратился во дворец, отпустил лошадей, и все успокоилось.

Утром старый князь первым делом спросил у молодого ротмистра, что означали эти ночные путешествия.

— Ничего особенного, — отвечивал без малейшего смущения бравый гусар. — Видите ли, мои лакеи — новички в своем деле, а я, зная, что к вам на Пасху съедется множество знатных гостей, хотел сделать репетицию моего прибытия в церковь.

Мне остается рассказать о своем отъезде из Нижнего. Он был гораздо менее блестящ, нежели ночная прогулка гусарского ротмистра. Накануне отъезда я был с губернатором в театре, где почти в пустом зале смотрел переведенный с французского водевиль, а после невыносимо скучного спектакля отправился с одним знакомым к цыганам. Там я получил большое эстетическое удовольствие от их песен и плясок и любовался не одним прелестным личиком. Между прочим, говорят, что женщины эти, хотя и полные огня, отнюдь не продажны и часто отвергают с презрением самые выгодные предложения.

Было далеко за полночь, когда мы ушли от цыган. Грозовые тучи неслись по небу, дождь лил как из ведра, и температура резко упала. Я был без пальто и дрожал как осиновый лист в открытом экипаже.

— Вот и лету конец, — заметил мой спутник.

— Я это слишком хорошо чувствую, — ответил я.

Днем я задыхался от жары, теперь же холод пронизывал до костей. Когда на следующее утро я хотел встать с кровати, у меня закружилась голова, и я без сил упал на подушку. Неожиданное нездоровье было мне тем неприятнее, что я уже нанял судно для поездки в Казань, куда фельдъегерь должен был отправиться в моем тарантасе: обратно я предполагал ехать на лошадях.

Губернатор был так любезен, что навестил меня в моей берлоге. Наконец на четвертый день, видя, что недомогание увеличивается, я решил позвать врача.

— У вас нет лихорадки, — сказал он мне, — вы еще не больны, но наверное серьезно заболеете, если останетесь в Нижнем еще в течение трех-четырех дней. Я

знаю влияние местного климата на некоторые организмы. Уезжайте поскорей: стоит вам отъехать на каких-нибудь двадцать — тридцать верст, как вы почувствуете облегчение. А на следующий день вы будете здоровы.

— Но я не могу шевельнуться от страшных головных болей. А что будет со мной, если я принужден буду остановиться в пути?

— Пусть вас отнесут на руках до коляски. Начнутся осенние дожди. Повторяю вам: я за вас не отвечаю, если вы останетесь в Нижнем.

Этот врач был человек опытный и знающий. Я последовал его совету, и на другой же день под проливным дождем, гонимый ледяным ветром, я выехал из Нижнего. Такая погода могла бы испугать и вполне здорового путешественника. Однако уже на второй станции предсказание доктора оправдалось, мне стало легче дышать, а на следующее утро я встал здоровым человеком.

В то время как я лежал, прикованный к одру болезни в Нижнем, мой телохранитель-шпион томился вынужденным бездействием. Однажды утром он явился с визитом к Антонио, и между ними произошел такой диалог:

— Когда мы выезжаем?

— Не знаю. Мосье болен.

— Он действительно болен?

— А как вы думаете, он ради своего удовольствия лежит в постели и не выходит из комнаты — из той шикарной комнаты, которую вы ему нашли?

— Что с ним такое?

— Понятия не имею.

— А почему он болен?

Это «почему» достойно быть отмеченным. Фельдгерер не может мне простить сцены в экипаже. С того дня он резко изменил свое поведение, и это доказывает мне, что даже у самых отъявленных лицемеров сохранились в глубине души остатки искренности. Мне даже нравится его злопамятность, ибо прежде я считал его недоступным никаким человеческим чувствам.

Город Владимир часто упоминается в истории, но он как две капли воды похож на другие русские города. И местность, по которой мы едем, все одна и та же: это лес без деревьев, перемежающийся городами без жителей. Когда я говорю русским, что их леса истребляются беспорядочно и что им грозит остаться без топлива, они смеются мне в лицо. Они высчитали, сколько десятков и сотен тысяч лет потребуется для того, чтобы

вырубить лес, покрывающий огромную часть страны, и вполне удовлетворены такими статистическими выкладками. В отчетах губернаторов говорится, что в такой-то губернии имеется столько-то десятин леса. Отсюда путем простого сложения получаются головокружительные цифры. Но никому не приходит в голову проверить на месте, что представляют собой зарегистрированные на бумаге леса. В противном случае чаще всего наткнулись бы либо на тощий кустарник, либо на топи, поросшие камышом и папоротником. Между тем уже заметно обмеление рек, причина коего лежит в хищнической рубке деревьев вдоль их течения и в бессистемном сплаве леса. Но русские довольствуются пухлыми папками с оптимистическими отчетами и мало беспокоятся о постепенном оскудении важнейшего природного богатства страны. Их леса необъятны... в министерских департаментах. Разве этого не достаточно? Можно предвидеть, что настанет день, когда им придется топить печи ворохами бумаги, накопленной в недрах канцелярий. Это богатство, слава Богу, растет изо дня в день.

Между Владимиром и Москвой мы повстречали оригинальнейшую процессию: колоссального слона, окруженного кавалькадой всадников, кажущихся рядом с индийским элефантом кузнечиками, в сопровождении целого каравана верблюдов. Это подарок шаха персидского императору Николаю. Встреча с этим кортежем едва не стоила мне жизни. Лошади, напуганные невиданным чудовищем, понесли, и нас спасло только присутствие духа отважного Антонио: когда лошади, свернув с дороги, бросились на крутой скат выемки, в глубине которой лежало шоссе, и гибель казалась неминуемой, Антонио умудрился выскочить из тарантаса и в последний момент остановил лошадей. Я отделался только испугом, а наш экипаж — пустячными повреждениями. Спустя четверть часа все было приведено в порядок, и мы могли пуститься дальше. Антонио спал безмятежным сном.

В Москве по-прежнему стояла тропическая жара, лето выдалось совершенно исключительное. Над городом неподвижным облаком повисла красноватая пыль, которая при заходе солнца давала замечательные эффекты освещения, напоминающие бенгальские огни. Особенно великолепен был в эти минуты Кремль, выделявшийся

своими фантастическими очертаниями на кровавом фоне вечерней зари.

В Кремле идет лихорадочно-спешная работа, да и вся Москва взволнована до последней крайности: ждут приезда государя, присутствующего на торжествах в Бородине. Император неподалеку отсюда и может прибыть с минуты на минуту. Уверяют, что он был вчера в Москве инкогнито. А вдруг он и сегодня здесь? Может быть, он приедет завтра. Эта неизвестность, эта надежда, это ожидание волнуют все сердца, оживляют все вокруг, словом, меняют всех и все. Москва, вчера торговый степенный город, сегодня сходит с ума от волнения, как мещанка, ожидающая большого вельможу. Три недели тому назад на улицах Москвы можно было встретить одних купцов, торопившихся по делу в тряских дрожках; сегодня Москва кишит роскошными каретами, раззолоченными мундирами. В театрах толпится знать и ее челядь. Дворцы, всегда пустые и заброшенные, чистятся и сияют огнями. Цветники покрываются свежими цветами. Словом, Москвы не узнать. Наваждение так заразительно, что я сам боюсь превратиться в царедворца, если не из расчета, то из любви ко всему чудодейственному.

Вчера я любовался иллюминированной Москвой. По мере того как сгущалась тьма, город расцветивался огнями. Его магазины, театры, улицы выступали вереницами лампад из мрака. Этот день совпал с годовщиной коронации — вторая причина иллюминации (первая — бородинские торжества). Вообще у русских столько поводов чуть не ежедневно радоваться, что на их месте я бы даже не трудился гасить плашки.

Сам маг и волшебник в настоящую минуту творит чудеса в Бородине. Там только что возник целый город, и этот город, едва успевший родиться среди пустыни, исчезнет через неделю. Даже насадили парк вокруг дворца. Деревья, которым суждено умереть спустя несколько дней, были доставлены издалека с немалыми издержками. В уменье подделывать работу времени русские не знают себе соперников. Как выскочки, у которых нет прошлого, они эфемерными декорациями заменяют то, что по самой своей природе внушает мысль о длительном существовании: вековые дубы — выкорчеванными деревьями, старинные дворцы — дощатыми сараями, обитыми роскошными тканями, сады — размалеванным холстом. На Бородинском поле было выстроено несколько театров и между воинственными пантомимами ра-

зыгрываются комедийные интермедии. Это еще не все: по соседству с городом императорским и военным возник город буржуазии. Но лица, построившие эффектные гостиницы, разорены полицией, с большим трудом выдающей разрешения на проезд в Бородино.

Программа торжества состоит в точном воспроизведении Бородинской битвы, называемой нами сражением под Москвой. Для того чтобы как можно ближе подойти к исторической действительности, со всех концов империи созвали всех ветеранов 1812 года, принимавших участие в знаменитом сражении. Можно себе представить удивление и горе несчастных стариков, отторгнутых вдруг от близких, от лона семьи, где они мирно доживали свой век, вспоминая минувшие славные дни. Они должны разыграть на потеху зрителям страшную трагедию битвы, в которой они проливали кровь за родину. Если бы кто хотел нарисовать карикатуру на военное дело, он бы не мог выдумать лучшего сюжета. Почти все эти старики, грубо пробужденные на краю могилы, уже много лет не садились на коня. И вот в угоду монарху, которого они в глаза не видели, они принуждены вновь исполнять давно забытые роли, совсем отвыкнув от своего ремесла. Бедняги так боятся не угодить своему повелителю, что, говорят, предстоящая имитация сражения пугает их больше, чем в свое время настоящий бой. Это никому не нужное представление, эта комедия войны добьет солдат, пощаженных битвами и годами, — жестокое развлечение, достойное преемника того царя, который впустил живых медведей на маскарадной свадьбе своего шута. Царь этот звался Петром Великим. Подобные развлечения имеют один источник — презрение к человеческой жизни.

Император мне разрешил, т. е., иначе говоря, приказал, присутствовать на бородинских торжествах. Но я чувствовал, что недостойн такой милости: во-первых, мне сначала не пришло в голову, как трудна будет роль француза в этой исторической комедии; далее, мне пришлось бы восхищаться варварскими работами — постройкой нового дворца, — грозящими обезобразить чудесный Кремль, и, наконец, я не могу забыть несчастную княгиню Трубецкую. По всем этим причинам я решил остаться забытым, что было не столь трудно. Гораздо труднее, пожалуй, было бы добиться разрешения на проезд в Бородино, судя по хлопотам многих французов и других иностранцев, тщетно добывающихся разрешения.

Дело в том, что полиция бородинского лагеря вдруг стала необычайно строга. Сугубые предосторожности, по слухам, объясняются тревожными известиями. Под пеплом свободы везде тлеет огонь мятежа. При таких обстоятельствах я сильно сомневаюсь, удалось ли бы мне добиться пропуска, несмотря на личное приглашение государя, сказавшего мне на прощальной аудиенции в Петергофе: «Я буду очень рад увидеть вас в Бородине».

Однако я вижу в Москве целый ряд приглашенных, которых тем не менее не пустили в Бородино. Только несколько избранных англичан и члены дипломатического корпуса получили пропуска, все же остальные — старые, молодые, военные, дипломаты, иностранцы и русские — возвратились восвояси ни с чем. Я написал одному приближенному к императору лицу, что, к глубочайшему сожалению, не могу воспользоваться милостью его величества, позволившего мне присутствовать на маневрах, и указал на болезнь глаз как на причину моего вынужденного отказа. И действительно, глаза мои болят до сих пор, а на Бородинском поле, говорят, стоит такая невероятная пыль, что я, пожалуй, рисковал бы ослепнуть.

ГЛАВА XXVIII

Приготовление к отъезду. — Злоключения соотечественника. — Тщетные попытки освободить Пернэ. — Участие Баранта. — Рассказ Пернэ. — Московские застенки. — Беседа с Бенкендорфом⁶⁰. — Прощальное слово России

В ту минуту, когда я собирался покинуть Москву, случилось происшествие, поглотившее все мое внимание и заставившее меня отложить отъезд на некоторое время.

Я заказал почтовых лошадей к семи часам утра. К величайшему моему удивлению, Антонио разбудил меня в четыре часа. На мой вопрос, чем объясняется такая странная спешка, он ответил, что хотел, не откладывая, сообщить мне только что полученное им известие, представлявшееся ему чрезвычайно серьезным. Вот в нескольких словах его рассказ.

Только что был арестован один француз, г. Луи Пернэ, приехавший в Москву несколько дней тому назад. За ним явились среди глубокой ночи, отобрали его корреспонденцию и отвели в городскую тюрьму, где поса-

дили в карцер. Об этом случае рассказал слуга нашей гостиницы моему камердинеру. Антонио узнал также, что Пернэ — молодой человек лет двадцати семи, отличающийся слабым здоровьем, что он жил уже в прошлом году в Москве, даже гостил в имении у одного своего знакомого русского, который в настоящее время куда-то уехал, так что у несчастного арестованного нет никого, кто бы мог о нем позаботиться, кроме некоего господина Р., с которым он, говорят, путешествовал по северу России. Фамилия господина Р. показалась мне знакомой. Я припомнил, что видел его на обеде у нижегородского губернатора, где он поразил меня своим бронзовым мужественным лицом и чрезвычайной молчаливостью. От всей его фигуры веяло несокрушимой силой и спокойствием. История, рассказанная Антонио, показалась мне довольно фантастической. Однако я поспешил встать и лично расспросил слугу, принесшего эти сведения. Тот мне подтвердил рассказ Антонио слово в слово. Оказывается, он был в гостинице в момент ареста господина Пернэ и собственными глазами видел полицию и арестованного.

Едва успев одеться, я отправился к господину Р., живущему в одной гостинице с попавшим в беду французом. На этот раз бронзовый великан не блистал спокойствием. Я застал его уже одетым. По-видимому, он был сильно взволнован. Узнав о цели моего раннего визита, он заметно смутился.

— Правда, — сказал он, — я путешествовал с господином Пернэ, но это объясняется чистой случайностью. Мы встретились в Архангельске и оттуда выехали вместе. В пути я оказывал ему кое-какие услуги, так как он человек болезненный. Вот и все. Я отнюдь не принадлежу к числу его друзей и почти его не знаю.

— Я знаю его еще меньше, чем вы, — возразил я, — однако мы все трое — французы и должны помогать друг другу в стране, где каждому из нас угрожает подобная участь.

— Может быть, — продолжал Р., — господин Пернэ навлек на себя эту кару каким-нибудь неосторожным поступком. Я здесь человек чужой, иностранец, никто меня не знает, — чем я могу ему помочь? Если он невиновен, арест не будет иметь никаких последствий. Если он виновен, он понесет заслуженное наказание. Я ничего не могу для него сделать и вам, мосье, не советую вмешиваться в эту историю.

— Но кто будет судить о его виновности? — воскликнул я. — Прежде всего его нужно было бы повидать, чтобы лично от него услышать, чем он объясняет свой арест, и узнать, что можно для него сделать.

— Вы забываете, в какой стране мы с вами находимся. Он сидит в карцере. Как до него добраться? Это совершенно невозможно.

— Также невозможно и то, — сказал я, вставая, — чтобы французы покинули своего соотечественника на произвол судьбы в таком критическом положении, не пытаясь даже узнать о причине случившегося с ним несчастья.

Уйдя от этого осторожного и осмотрительного субъекта, я начал думать, что случай с господином Пернэ более серьезен, чем мне показалось с первого взгляда. Поэтому я решил отправиться к французскому консулу, дабы выяснить истинное положение дела. Я приказал отправить обратно почтовых лошадей, нанял карету и около десяти часов утра уже сидел у консула.

Но официальный защитник французских граждан оказался еще благоразумнее и осторожнее Р. Очевидно, за время пребывания в России консул основательно обрусел. Я так и не понял, продиктованы ли его ответы страхом, основанным на знакомстве с нравами и обычаями страны, или уязвленным самолюбием.

— Господин Пернэ, — сказал мне консул, — прожил пять месяцев в Москве и за все это время не счел нужным даже засвидетельствовать свое почтение французскому консулу. Поэтому теперь он должен рассчитывать только на себя, чтобы выпутаться из положения, в которое он попал благодаря собственной беспечности. Это слово, — прибавил он с ударением, — быть может, недостаточно сильно. — И в заключение повторил, что он не должен, не хочет и не может вмешиваться в это дело.

Все мои доводы и уговоры были тщетны. Господин консул твердо стоял на своем. В общем мой второй визит оказался еще неудачнее первого.

Однако я не мог на этом успокоиться. Мое живое воображение рисовало всякие ужасы, и, хотя я и знал, что русские тюрьмы выстроены в классическом стиле, как и все прочие общественные здания, я почему-то представлял себе темницу бедняги француза в виде подземелья готического замка с соответствующим ассортиментом пыток. Жуткие видения обступали меня со всех сторон, и я чувствовал, что должен во что бы то ни стало помочь

несчастному и сделать все, что было в моих силах. Проникнуть к нему в тюрьму было невозможно, попытка была бы и бесполезна, и даже, быть может, опасна. После долгих и мучительных размышлений я остановился на другом плане действий. Будучи знаком с некоторыми влиятельными лицами, я решил переговорить откровенно с одним из них, внушавшим мне наибольшее доверие. Само собой разумеется, я не могу здесь назвать его фамилию.

Увидев меня, г. N сразу понял, что меня к нему привело, и, не давая мне раскрыть рта, он поспешил сообщить, что лично знает г. Пернэ, считает его ни в чем не повинным и не понимает, в чем дело. Но, добавил он, только политическими соображениями можно объяснить его арест, так как русская полиция лишь в крайних случаях сбрасывает маску. По-видимому, думали, что никто не знает молодого француза. Теперь же, когда гроза уже разразилась, его друзья могут только ему повредить, так как при наличии «покровителей» постараются как можно скорее его удалить. Поэтому в интересах самого «пациента» нужно действовать как можно осторожнее. «А если его сошлют в Сибирь, — воскликнул г. N, — то один Бог знает, когда он вернется!» Затем этот господин постарался мне растолковать, что он сам ничего не может предпринять в пользу арестованного, так как его самого подозревают в либеральном образе мыслей и его заступничества было бы достаточно, чтобы отправить узника на край света. Закончил он так: «Вы ему не друг, не враг, для вас он только попавший в беду единоплеменник. Все, что вы могли, вы уже сделали для него — вы говорили с его знакомым, с консулом, со мной. Теперь, поверьте мне, лучшее, что вы можете сделать, это уехать в Петербург и там ходатайствовать за него перед вашим посланником. Меры, предпринятые через министра таким человеком, как господин Барант, окажутся гораздо действительнее, чем все ваши попытки в Москве. Здесь абсолютно ничего нельзя поделывать».

Я попробовал возражать, но скоро понял, что моя настойчивость только раздражает г. N, как он ни старался скрыть свою досаду обычной вежливостью. Пришлось смириться и отложить дальнейшие хлопоты до Петербурга. Поблагодарив г. N, терпение которого, видимо, почти уже истощилось, за добрый совет, я откланялся и поспешил заняться приготовлениями к отъезду. Проволочки моего фельдъегеря, решившего, очевидно, на прощание

свести со мной счеты, привели к тому, что выехали мы только около четырех часов дня. Злая воля фельдъегеря породила всякого рода инциденты, случайные или вызванные этой злой волей; нехватка лошадей, задержанных на всех станциях для свиты государя и курьеров, непрерывно сновавших между Петербургом и Москвой, — все это сделало мое путешествие медленным и тягостным. В своем нетерпении я не хотел останавливаться на ночлег, но выгадывал на этом немного. Только на четвертый день добрались мы до Петербурга.

Прямо с дороги я бросился к господину Баранту. Он ничего не знал об аресте Пернэ и очень удивился, узнав, что мое путешествие длилось четыре дня. Его удивление усилилось, когда я рассказал ему о поведении французского консула в Москве.

Участие, с которым господин Барант выслушал мой рассказ, его уверения, что он примет все меры к выяснению всего дела несчастного Пернэ и до тех пор не успокоится, пока не распутает всех нитей интриги, его внимательное отношение к участи французских граждан во всех случаях и в особенности тогда, когда дело идет о достоинстве Франции, успокоили мою совесть и рассеяли преследовавшие меня страшные призраки. Судьба господина Пернэ была в надежных руках его естественного покровителя и защитника. Я чувствовал, что я, скромный путешественник, сделал все, что было в моих силах, и что мои хлопоты не пропали даром. В течение нескольких дней моего последнего пребывания в Петербурге я считал своим долгом больше не упоминать имени господина Пернэ в присутствии господина французского посланника и уехал из России, не зная, чем закончилась трагическая история, начало которой так сильно заняло мои мысли и чувства.

Но в то время как моя коляска быстро и свободно неслась по направлению к Франции, мысли мои невольно возвращались к темницам Москвы. Если б я знал, что там происходит, волнение мое было бы еще сильнее...

Чтобы не оставить читателя в неизвестности относительно судьбы московского узника, расскажу о том, что я узнал о нем шесть месяцев спустя, уже живя в Париже.

Однажды в конце зимы 1840 года мне доложили, что меня желает видеть какой-то неизвестный. Я просил узнать его фамилию. Мне говорят, что он хочет назвать ее лично мне. Я отказываюсь его принять. Мне приносят записку без подписи. В ней сказано, что я не могу не принять человека, обязанного мне своею жизнью. Я приказываю

впустить незнакомца. Войдя, он обращается ко мне со следующими словами:

— Мосье, я только вчера узнал ваш адрес и сегодня поспешил к вам. Моя фамилия Пернэ. Я пришел вас благодарить, потому что в Петербурге мне сказали, что своим освобождением и, следовательно, жизнью я обязан вам.

Вот что он мне рассказал.

Он пробыл в московской тюрьме три недели, из которых четыре дня — в карцере. Первые два дня его оставляли без пищи. Представьте же себе его душевное состояние! Его никто не допрашивал, он сидел в одиночке. В течение сорока восьми часов он думал, что его ожидает смерть. Единственными доносившимися до него звуками были удары розог, которыми с пяти часов утра до позднего вечера секли крепостных, отправляемых в тюрьму их господами для телесного наказания. Прибавьте к этим страшным звукам вопли, плач и крики жертв, ругань и угрозы палачей — и вы получите слабое представление о нравственных пытках несчастного Пернэ. Он был уверен, что ему суждено до конца своих дней сидеть в этой тюрьме, иначе, рассуждал он, его не держали бы в таких условиях, ибо эти люди больше всего на свете боятся разоблачения их зверств. Только тонкая перегородка отделяла его от места, где происходили экзекуции. Розги, заменяющие теперь обычно кнут, при каждом ударе сдирают кожу так, что на пятнадцатом жертва почти всегда теряет силу кричать и слышатся лишь протяжные и подавленные стоны. Ужасное хрипение истязаемых разрывало сердце нашего узника и предвещало ему участь, о которой он страшился даже думать.

Господин Пернэ знает русский язык, поэтому он понимал, за что наказывают несчастных. Сначала привели двух девушек, работавших у модной в Москве модистки. Их стегали в присутствии хозяйки, понукавшей палачей бить посильнее. Мегера обвиняла их в том, что они имеют любовников и осмеливаются — подумайте, какая дерзость! — приводить их к себе домой, т. е. в дом модистки! Одна из девушек попросила пощады; было видно, что она умирает, что она исходит кровью. И тем не менее экзекуция продолжалась. Ведь она имела наглость утверждать, что виновата не больше самой хозяйки!.. Господин Пернэ уверял меня, что каждая из несчастных получила в несколько приемов по ста восьмидесяти розог. «Я слишком мучился, считая, поэтому не мог ошибиться в сум-

ме», — прибавил он. Далее бесконечной вереницей шли крепостные, наказываемые за разные поступки, а чаще всего — из мести какого-нибудь приказчика или барина. Сплошная цепь диких зверств и насилий! Заключенный ждал ночи, как манны небесной, потому что только ночью за перегородкой воцарялась тишина.

Наконец после двух дней таких нравственных и физических мук Пернэ извлекли из карцера и опять-таки без каких бы то ни было объяснений перевели в другую часть тюрьмы. Оттуда он написал Баранту письмо через одного генерала, на дружбу которого имел основания рассчитывать.

Это письмо не дошло до адресата, и тогда через несколько дней Пернэ спросил у генерала, почему он не переслал письмо по назначению. Тот дал весьма сбивчивые объяснения и в конце концов поклялся на Евангелии, что письмо не попало и никогда не попадет в руки Департамента полиции. Такова была небольшая услуга, оказанная Пернэ его другом.

Прошло три недели, мучения заключенного возрастали, ибо он имел все основания думать, что о нем вообще забыли. Три недели показались ему вечностью, и вдруг в один прекрасный день его выпустили без всяких объяснений причин ареста.

Повторные запросы, обращенные к начальнику московской полиции, нимало не осветили дела. Ему сказали только, что французский посланник потребовал его освобождения, и предложили покинуть пределы империи. По его просьбе ему было разрешено ехать через Петербург. Там он явился к посланнику, чтобы принести свою благодарность за избавление от тюрьмы и узнать наконец причину всей этой истории. Господин Барант уговаривал его не ходить к шефу жандармов Бенкендорфу, но напрасно: Пернэ испросил аудиенцию и получил таковую. Он сказал графу Бенкендорфу, что, потерпев столь серьезную кару, он хотел бы узнать, за что он был ей подвергнут, прежде, чем покинуть Россию. Шеф жандармов коротко ответил, что советует не углубляться в этот предмет, и отпустил его, повторив приказание немедленно выехать из России.

Таковы сведения, сообщенные мне господином Пернэ. Этот молодой человек, как и все, кто жил некоторое время в России, принял чрезвычайно таинственный вид и говорит намеками и недомолвками. В России, можно сказать, таинственность заражает всех и все. Мне только удалось выпытать у него, что еще перед прибытием

в Петербург, на пароходе, он откровенно излагал свои либеральные взгляды на русский деспотизм в присутствии неизвестных ему лиц. Он заверил меня, что не может вспомнить никакого другого обстоятельства, могущего объяснить его московские злоключения. Мы распрощались, и больше я его не видел.

Когда солнце гласности взойдет наконец над Россией, оно осветит столько несправедливостей, столько чудовищных жестокостей, что весь мир содрогнется. Впрочем, содрогнется он несильно, ибо таков удел правды на земле. Когда народам необходимо знать истину, они ее не ведают, а когда наконец истина до них доходит, она никого уже не интересует, ибо злоупотребления поверженного режима вызывают к себе равнодушное отношение. Мысль, что я дышу одним воздухом с огромным множеством людей, столь невыносимо угнетенных и отторгнутых от остального мира, не давала мне ни днем ни ночью покоя. Я уехал из Франции, напуганный излишествами ложно понятой свободы, я возвращаюсь домой, убежденный, что если представительный образ правления и не является наиболее нравственно чистым, то, во всяком случае, он должен быть признан наиболее мудрым и умеренным режимом. Когда видишь, что он ограждает народы от самых волюющих злоупотреблений других систем управления, поневоле спрашиваешь себя: не должен ли ты подавить свою личную антипатию и без ропота подчиниться политической необходимости, которая в конце концов несет созревшим для нее народам больше блага, нежели зла?

Никогда не забуду я чувства, охватившего меня при переправе через Неман. В эту минуту я вполне оценил слова любекского хозяина гостиницы. Птичка, выпорхнувшая из клетки или ускользнувшая из-под колокола воздушного насоса, испытывает, вероятно, меньшую радость. Я могу говорить, я могу писать что думаю!.. «Я свободен!» — восклицал я про себя.

Прекрасные дороги, отличные гостиницы, чистые комнаты и постели, образцовый порядок в хозяйстве, которым заведуют женщины, — все казалось мне чудесным и необыкновенным. Особенно меня поразила независимый вид и веселость крестьянского населения. Их хорошее настроение почти пугало меня — оно свидетельствовало о чувстве свободы, и я боялся за них: до такой степени я забыл европейские условия жизни. Безусловно, Пруссию трудно назвать страной вольности и распушенности, но, проезжая по улицам Тильзита и Кенигсберга, я думал —

уж не попал ли я в Венецию во время карнавала? И я вспомнил одного своего знакомого немца, который, прожив несколько лет в России, покидал ее наконец навсегда. Ехал он вместе со своим другом. И вот, едва взойдя на английский корабль, уже поднимавший паруса, они бросились друг другу в объятия и воскликнули, плача от радости: «Хвала Господу, мы можем свободно дышать и думать вслух!»

Не я один, конечно, испытываю такие чувства, вырвавшись из России, — у меня было много предшественников. Почему же, спрашивается, ни один из них не поведал нам о своей радости? Я преклоняюсь перед властью русского правительства над умами людей, хотя и не понимаю, на чем эта власть основана. Но факт остается фактом: русское правительство заставляет молчать не только своих подданных — в чем нет ничего удивительного, — но и иностранцев, избежавших влияния его железной дисциплины. Его хвалят или, по крайней мере, молчат о нем — вот тайна, для меня необъяснимая.

Нужно жить в этой пустыне без покоя, в этой тюрьме без отдыха, которая именуется Россией, чтобы почувствовать всю свободу, предоставленную народам в других странах Европы, каков бы ни был принятый там образ правления.

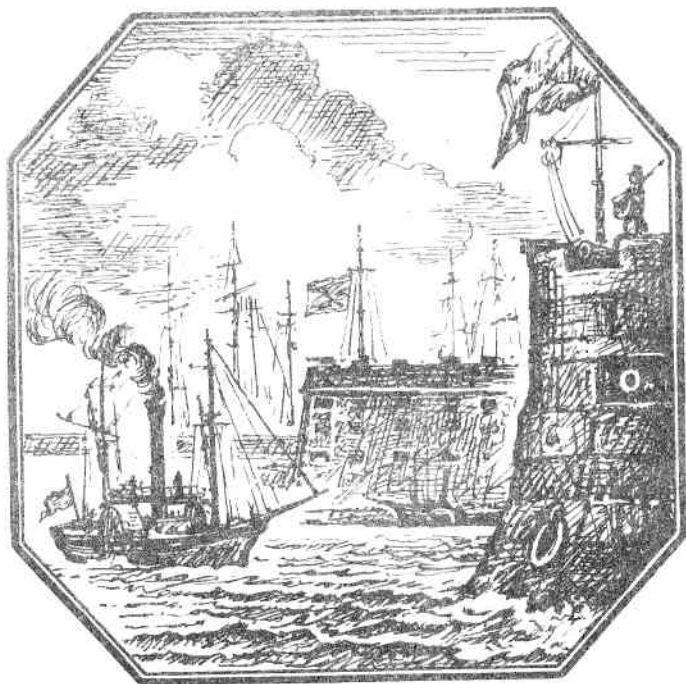
Когда ваши дети вздумают роптать на Францию, прошу вас, воспользуйтесь моим рецептом, скажите им: поезжайте в Россию! Это путешествие полезно для любого европейца. Каждый, близко познакомившийся с царской Россией, будет рад жить в какой угодно другой стране. Всегда полезно знать, что существует на свете государство, в котором немислимо счастье, ибо по самой своей природе человек не может быть счастлив без свободы.

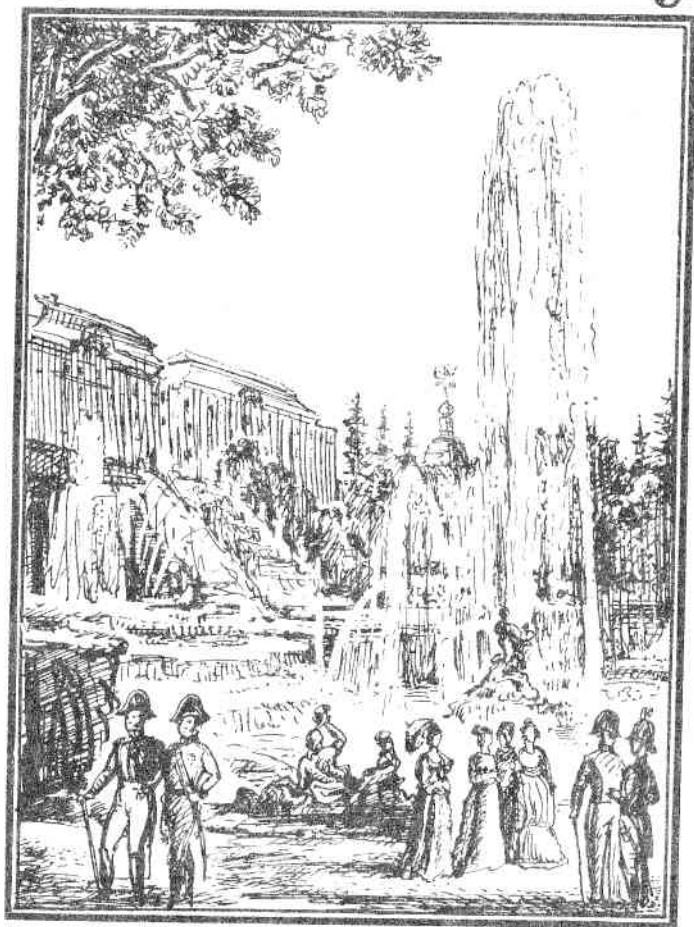

ФРИДРИХ ГАГЕРН

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО РОССИИ
в 1839 году

В 1839 году нидерландский король назначил полковника Гагерна состоять при принце Александре¹ для сопровождения его во время поездки по России ко двору императора Николая. Принц посетил С.-Петербург, Москву, лагерь русских войск при Бородине и Варшаву.

Дневник, составленный Гагерном по возвращении в Голландию, конечно, не предназначался для печати, и потому отзывы и впечатления, записанные этим даровитым, высокообразованным человеком, заслуживают тем большего с нашей стороны внимания.

<...>

Не лишнее будет представить здесь характеристику принца Александра Оранского, сделанную Гагерном: «Это был молодой человек 21 года, здоровый, сильный, хорошо сложенный, не избалованный, не питавший еще страстных увлечений к женщинам. Черты лица его — совершенно немецкого — не имели отличительного выражения, хотя характер его уже вполне обрисовывался ими. Нельзя не признать в нем холодность, настойчивость до упрямства, здравый смысл (если он не стеснен предубеждениями), наблюдательность, желание учиться — с односторонним предпочтением ко всему военному, гордость, даже тщеславие, высокое мнение о себе и ничем не сдерживаемый эгоизм. В нем замечается совершенное отсутствие теплоты...

События и последствия бельгийской революции пробудили в нем такую склонность к деспотизму и ненависть к свободным учреждениям, что перед ними бледнеют все воспоминания, составляющие основание славы Оранского дома».

Путешественники отправились в дорогу ночью с 23 на 24 июля, и по достижении Любека в 76 часов они совершили морем переезд из Травемюнде в Кронштадт. Обратимся теперь к самому рассказу Гагерна и приведем из него некоторые выдержки...

Н. К. ШИЛЬДЕР²

ПРИЕЗД В РОССИЮ

29-го числа (июля), утром, мы увидели остров Борнгольм и Готландский материк³, а 30-го числа — Ревельское побережье⁴. Вскоре затем мы заметили русские фрегаты и вблизи острова Готланда встретили весь русский флот, 26 выпелов, в числе которых находились три 80-пушечных трехдечных корабля, — прекрасное и величественное зрелище! В 1814 году я видел английский флот в устье р. Шельды⁵ и с тех пор не встречал большого числа судов. Мы проехали через русский флот, который встретил принца королевским салютом.

Граф Х.* высказал довольно откровенно свое мнение об этом флоте: это дорогая игрушка императора и, собственно говоря, не имеет цели (?). Большую часть времени года он замкнут льдами Финского залива; он не может выйти из Балтийского моря и не в состоянии выдержать борьбы с английским флотом. Эта критика показалась мне слишком резкою. Прежде всего русский Балтийский флот содействует к удержанию Швеции в зависимости; затем, присутствием его достигается и другая немаловажная выгода: господство над балтийским побережьем флота, в соединении с русскою армиею.

30-го числа, в 11 часов ночи, мы подошли к Кронштадту, но таможня препятствовала войти в гавань. Мы воспользовались ночью, чтобы облечь себя в полную парадную форму в ожидании прибытия рано утром адъютанта императора, который бы повез нас в Петергоф.

Едва рассветало, как появилась императорская паровая яхта, на которой находились кронштадтский комен-

* Один из русских пассажиров на пароходе, сопутствовавших Гагерну; ранее он упоминает, что это поляк, зять графа Н. (Н. Ш.)

дант адмирал Беллингаузен и граф Сухтелен (генерал свиты императора), равно как и г<-н> Геверс, нидерландский поверенный в делах, за отсутствием посланника графа Шмельпенинка.

ПЕТЕРГОФ, ОРАНИЕНБАУМ, МАРЛИ И МОНПЛЕЗИР

31 июля. Мы высадились в петергофской гавани, где находились две линейки, которые повезли нас через парк в Cottage, в местопребывание императорской фамилии. В парке мы увидели почерневшие леса большой иллюминации, сожженной по случаю бракосочетания в<еликой> кн<ягини> Марии Николаевны с герцогом Лейхтенбергским⁶.

Едва успели мы выйти из экипажей у Cottage, как подъехал император в коляске и весьма любезно поздоровался с принцем Александром. Император обратился также весьма милостиво ко мне и к Риго*, и затем все мы вошли в Cottage. Император тотчас же повел принца Александра к императрице; остальные — граф Сухтелен, Риго и я — оставались в приемной, где находилась также графиня Гауке, фрейлина императрицы. Вскоре затем мы были приглашены к императрице и представлены ей, равно как и великим княжнам Ольге Николаевне⁷ и Александре Николаевне⁸.

Затем начался ряд визитов с принцем Александром к вдовобрачным, к в<еликой> кн<ягине> Марии Николаевне и к герцогу Лейхтенбергскому; в Ораниенбаум к в<еликому> кн<язю> Михаилу⁹ и в<еликой> кн<ягине> Елене Павловне¹⁰, сестре герцогини Нассауской; наконец, к наследнику¹¹, который жил в ферме, где была в том же доме приготовлена квартира для принца Александра.

Мы (т. е. Риго и я) жили вблизи, в так называемой maison gothique**, где помещались также эрцгерцог Альбрехт¹², сын эрцгерцога Карла, и его многочисленная свита.

Принц обедал сегодня за семейным столом у в<еликой> кн<ягини> Марии Николаевны; мы оба, Риго и я, с графом Сухтеленом сделали визит министру императорского двора князю Волконскому и обедали затем за гофмаршалским

* Другой спутник Александра. <Прим. авт.>

** Готический дом (фр.). <Здесь и далее перевод с французского Н. Е. Колосова.>

столом. На этом обеде гостей принимал гофмаршал князь Николай Долгорукий; я встретил там, между прочим, оберштальмейстера князя Василия Долгорукого, обер-церемониймейстера князя Головкина и множество адъютантов императора, начиная от генерал-лейтенантов и кончая подпоручиками, между которыми находились П а т к у л ь, Розен, Толстой и др. Гофмаршальский стол был сервирован в Петергофском дворце, построенном еще Петром Великим.

После обеда мы совершили с Сухтеленем прогулку по парку и посетили Марли и Монплезир, которые полны еще воспоминаниями о Петре Великом. Его гардероб, его палки, привезенная им из Голландии посуда и фарфор сохраняются в Марли и показываются иностранцам.

После этой прогулки мы поспешили в *maison gothique* и были весьма рады отдохнуть после довольно утомительного путешествия.

Прежде чем продолжить мое повествование, я сделаю характеристику членов императорской фамилии или, вернее, передам впечатление, произведенное ими на меня. Впоследствии я буду иметь еще неоднократно случай дополнить эту характеристику отдельными чертами.

При русском дворе император Н и к о л а й — самое выдающееся лицо, не только потому что он государь, но и по своей личности, которая весьма замечательна, даже если привести к голой правде похвалы, которые лесть столь щедро расточает могущественному монарху мира.

Император — очень красивый человек, профиль его отличается благородством и величием. Бесчисленное множество имеющихся портретов его весьма похожи, хотя и представляют его слишком молодым. Было время, когда императора, может быть, справедливо называли красивейшим мужчиною в своем государстве; но если нечто подобное было верно в продолжение около двадцати лет, то наступает наконец время, когда оно перестает быть истинною, и я надеюсь, что император смотрит без большого сожаления на приближение времени, когда придется сложить с себя венец красоты. Привычка императора появляться в один и тот же день в пяти и даже в шести мундирах — есть (недостаток). Но при той необыкновенной деятельности, которая всеми за ним признана, он, как говорят, находит время на все. В продолжение нескольких месяцев я видел его большею частью в дороге или занятым (военными экзерцициями).

Что же касается до характера императора Николая, то я намерен высказать все то, что я слышал об этом от бес-

пристрастных лиц, — похвалу и порицание; я лично не могу иметь об этом никакого мнения.

Император проявляет необыкновенную деятельность и энергию, сам делает и наблюдает многое, входит даже в подробности; со времени вступления своего на престол он дал государству такой толчок и многие отрасли правления сделали такие успехи, что совершенно затемнили царствование Александра. Но при этом его упрекают в том, что вмешательство его переходит часто в суровость, что он слишком требователен (*qu'il tend trop les cordes**), а между тем не искореняет главных недостатков.

В нем хвалят, что он охотно выслушивает правду со стороны лиц, пользующихся его доверием. Среди лиц, чистосердечно высказывающих ему истину, называют графа Орлова, графа Бенкендорфа, прусского полковника Рауха. При многих слабостях император отличается открытым, рыцарским характером; он не таит в себе долго подозрения (в чем упрекают императора Александра Павловича), а если полагает иметь на то причину, велит тотчас исследовать дело и является строгим судьей.

Очень тягостный и неприятный недостаток для его приближенных — это его обыкновение переходить от большой фамильярности к отталкивающей гордости и являться в один и тот же день для одного и того же лица совсем различным человеком: то другом, то императором.

Желание себя выказать в малых и ничтожных вещах доходит у него даже до крайности. К величайшим его слабостям принадлежит утомительная страсть к военным эзерцициям и маневрированию, хотя он лично того убеждения, что не годится в полководцы. Если с величайшею осторожностью выражаются при русском дворе о самом императоре, то относительно этого сознаются все его адъютанты, что парады, лагеря и полевые маневры им (очень тяжелы).

Император — хороший супруг и отец, в особенности с императрицею обращается он с величайшею внимательностью и нежностью.

Императрица Александра Федоровна имеет болезненный вид; нервы ее весьма расстроены; ее движения и ее разговор отличаются чем-то отрывистым. При этом одевается она как молодая. Ее профиль, хотя немного суровый, все еще прекрасен. Императрица пользуется большою любовью за свою доброту и за то, что действует всегда на

* Что он слишком натягивает веревки (*фр.*).

государя успокаивающим образом; поэтому опасаются ее утраты. Она очень любит императора...

Наследник цесаревич, как говорят, отличается большим добродушием. Некоторые не признают за ним достаточной энергии, чтобы держать бразды правления столь твердою рукою, как его отец. Здоровье его, как говорят, пострадало от многих утомительных путешествий, которые он должен был предпринять еще в юношеском возрасте в обществе своего отца, и грудь его несколько слаба.

Второй сын, великий князь Константин Николаевич¹³, очень умен, он предназначается для флота. Оба младшие сыновья еще дети.

Все три великие княжны красивы, но совершенно не похожи друг на друга.

Старшая, великая княгиня Мария Николаевна, супруга герцога Лейхтенбергского, мала ростом, но чертами лица и характером — вылитый отец. Профиль ее имеет также большое сходство с профилем императрицы Екатерины в годы ее юности. Великая княгиня Мария — любимица своего отца, и полагают, что в случае кончины императрицы она приобрела бы большое влияние. Вообще, кто может предвидеть будущее в этой стране? Великая княгиня Мария Николаевна обладает, конечно, многими дарованиями, равно как и желанием повелевать; уже в первые дни замужества она приняла в свои руки бразды правления.

Герцог Лейхтенбергский — красивый молодой человек; хвалят также и его характер...

Вторая великая княжна, Ольга Николаевна, любимица всех русских; действительно, невозможно представить себе более милого лица, на котором выражались бы в такой степени кротость, доброта и снисходительность. Она очень стройна, с прозрачным цветом лица, и в глазах тот необыкновенный блеск, который поэты и влюбленные называют небесным, но который внушает опасение врачам. В Петербурге носился слух, что она предназначена в супруги эрцгерцогу Альбрехту, сыну эрцгерцога Карла; но во все время моего пребывания я ничего не мог заметить, что подтверждало бы это предположение.

Самая младшая великая княжна — Александра, 13 лет, и в ней еще есть что-то детское; она очень жива, шаловлива и обещает быть красивейшей среди сестер. Она часто дразнила принца Александра.

Брат императора, великий князь Михаил, которому я был особенно рекомендован принцем Оранским и который знал меня еще со времени наших лагерных сборов при

«R e u e p», принимал меня постоянно весьма милостиво. Внешность его непривлекательна; в нем есть что-то мрачное и суровое, но в сущности его можно назвать «L e b o u g g u b i e n f a i s a n t»*; о нем рассказывают случаи, где он проявил прекрасные черты великодушия. Он начальник гвардейского корпуса и всей артиллерии, но имеет мало влияния, и в действительности император сам командует гвардией. Великий князь Михаил иногда очень остроумен. В делах, как говорят, он также мало имеет влияния, да и здоровье его страдает. В Петербурге у него свой собственный дворец, летом же он живет в Ораниенбауме или в Павловске.

Его супруга, великая княгиня Елена, урожденная принцесса Вюртембергская и сестра герцогини Нассау, была очень красива, даже, можно сказать, красива теперь (1839 г.). Она весьма умна. Ей также ставят в упрек, что она не всегда владеет своим остроумием и живостью, поэтому ее боятся. Когда я был представлен ей в Ораниенбауме, она сказала:

— О, вы нассаусец, я хорошо знаю ваше семейство; вашего отца я часто встречала при нассауском дворе, он пожилой, но очень живой человек; у вас есть еще брат в Дармштадтской палате; не правда ли, ведь это ваш брат?

При этом я должен упомянуть, что вскоре после моего приезда я заметил, что политические воззрения моих отца и брата хорошо известны при русском дворе, и так как меня окрашивали в те же политические цвета, то я мог как бы читать на всех лицах вопрос: «Как могло случиться, что этакое избрали в спутники принца Александра?»

В течение моего пребывания это отчуждение все более и более уменьшалось. Почему? Частью это будет видно из продолжения моего рассказа; главную же причину могло быть лишь то, что люди, о которых положительно знаешь, чего можно ожидать от них, во всяком случае покойнее, чем совершенно неизвестные величины. Что я не опасаясь признать свой цвет, в этом скоро можно было убедиться, и многим это нравилось.

ПЕТЕРБУРГ

1 августа. Принцу Александру на все время пребывания его в России в должности адъютанта и постоянного провожатого назначен был генерал-адъютант граф Су х-

* Благодетельный нелюдям (фр.).

те л е н. Он должен был заботиться о всех наших нуждах. Так как он был нашим путеводителем и советником, то постараюсь его обрисовать.

Пятидесятилетний, но красивый, хорошо сохранившийся человек, изящный и все еще со всеми притязаниями юности, легкомысленный, расточительный, добродушный, чистосердечный и открытый, он вполне *galant homme**, несмотря на тщеславие, с которым он выставляет свои успехи у женщин. Один друг его юности, который, судя по его манерам и внешности, уже совершенно старый человек, обращаясь к нему, всегда называет его *mon cher sous-lieutenant***. Он голландского происхождения; отец его, инженер, вступил на русскую службу при Екатерине, был у ней в большой милости и, как начальник Главного штаба и посланник в Стокгольме, оказал государству важные услуги. К хорошим качествам Сухтелена принадлежит уважение к памяти отца и брата, которые уже умерли. Он любит говорить: «*Mon père et mon frère étaient des hommes d'un si grand mérite, que je suis doublement honteux de n'en avoir aucun****». Я скоро стал к нему в самые лучшие отношения.

Мой первый дружеский разговор с ним был следующий. Он заметил: «Ваш принц поздно приехал, ему следовало бы приехать к бракосочетанию великой княгини Марии. Государю очень неприятно, что к этому торжеству не явился ни один из принцев родственных домов; он это поставил бы очень высоко также и потому, что этот брак находил оппозицию в самой России и не нравился иностранным дворам».

Я отвечал: «Принц Александр не мог бы уехать от свадьбы своего брата, которая была одновременно со свадьбой герцога Лейхтенбергского». В подобном же роде после говорили со мной совершенно откровенно другие придворные лица, например князь Николай Долгорукий и й.

К 1 августа император Николай отправился к флоту, чтобы произвести ему маневры. Так как принц Александр пожелал сопровождать его, но государь не хотел согласиться на это, потому что принц был еще утомлен путешествием, то мы должны были воспользоваться днями отсут-

* Галантный мужчина (фр.).

** Мой дорогой лейтенант (фр.).

*** «Мой отец и мой брат были настолько достойными людьми, что мне вдвойне стыдно не иметь никаких достоинств» (фр.).

ствия императора, чтобы осмотреть Петербург, где для этой же цели находился эрцгерцог Альбрехт.

Таким образом, к 1 августа мы отправились в Петербург и остановились в новом Зимнем дворце, вновь выстроенном после пожара в невероятно короткое время почти в том же самом виде, как прежде; фасады не из красивейших, и здесь главным было желание идти наперекор стихии, отважившейся разрушить императорский дворец. Вообще русские очень рады, когда они могут похвалиться: «Мы имеем самое большое», что бы то ни было — дворец, театр или крепость; или еще: «Никогда столь большое здание не было возведено в столь короткое время». Величина и скорость для них значат больше, чем доброкачественность и красота (?). Наполеон справедливо заметил о них: «Soulevez l'épiderme et vous trouverez le tartare»*. Невыгодные последствия столь большой поспешности повсюду видны в Зимнем дворце: сырые, нездоровые стены; все комнаты летом много топились для просушки, поэтому уже во многих апартаментах стало невозможно жить (1839 г.).

Должно ли мне начать рассказывать о наших поездках по Петербургу и дать описание всех достопримечательностей, которые мы осмотрели?

Оно было бы слишком скучно, и всякий путеводитель может лучше исполнить это. Я только кратко перечислю, что некоторым образом нам было разрешено осмотреть.

Прежде всего мы обошли Зимний дворец, который так велик, что в нем легко запутаться. Более красивыми и изящными являются там апартаменты императрицы в мавританском вкусе; образцом здесь послужила Альгамбра; образцом русской пышности может служить здесь зимний сад, в особенности же маленькие перегородки или красивые деревянные решетки, по которым вьется свежий плющ; ванная комната императрицы — тот же зимний сад.

В ее комнатах мы замечаем некоторые воспоминания о Пруссии: так, например, большую ширму, на которой представлен во весь рост прусский гренадер из гвардии великанов Фридриха-Вильгельма I¹⁴.

Потом мы осмотрели Эрмитаж, где так многое оживает в памяти частную жизнь императрицы Екатерины. Картинная галерея Эрмитажа особенно богата произведениями художников нидерландской школы: Рембрандта, Рюисдаля, Вуверманса.

*«Поскребите его шкуру — и вы найдете татарина» (фр.).

В Зимнем дворце находится фельдмаршальская зала; в ней висят портреты Потемкина (в его молодости), Румянцева, Суворова, Кутузова, Дибича, Паскевича. Еще два места не заняты; кто назовет их имена?

Перед этим дворцом на большой неотесанной гранитной глыбе стоит конная статуя Петра Великого с простою надписью: «Петру Первому Екатерина Вторая».

Из церкви мы видели Казанский собор, несколько своеобразной архитектуры; полукруглая колоннада образует вход в церковь. В соборе находится массивный серебряный иконостас, дар казаков из отбитой у французов добычи, которые сами награбили это серебро из церквей. Потом осмотрели новый Исаакиевский собор, построенный французским архитектором Монферраном, собор коринфского ордера, гранитные колонны 42 футов высотой, свод купола — из железа. Здание обезображено четырьмя небольшими колокольнями на четырех углах; эти колокольни, мне кажется, требуются греческим обрядом, потому что как архитектурные украшения они не были бы, конечно, употреблены строителем. Этот господин Монферран, должно быть, очень интересный человек; на массу приобретенных от больших построек денег он ведет разгульную жизнь, и в доме его собираются все иностранные художники.

Леса Исаакиевского собора еще стояли; Монферран повел нас наверх, и с этой высоты нам представилась прелестнейшая панорама Петербурга.

Петербург, в отношении главных улиц, выстроен расходящимися линиями, которые все направлены к крепостной башне. Громадный город, но, конечно, тепличное произведение... Население его составлено из всех наций. Перестань Петербург быть столицей огромного государства, он очень скоро пришел бы в упадок. Климат в высшей степени нездоровый, к этому присоединяется возможность наводнения, против которого нет никаких средств защиты. Вообще Петербург может нравиться только *par géflexion**, именно когда подумаешь, что все это создание одного столетия.

После обеда мы сделали визит эрцгерцогу Альбрехту, его не застали, а через полчаса сам он отдал нам визит. Это еще молодой человек, не очень привлекательной на-

* По размышлении (фр.).

ружности, с австрийской висячей губой, но своей просто-гой и любезностью скоро вселивший во всех русских убеждение, что *voilà un véritable grand seigneur**. Составлявшие его свиту, князь К а р л Л и х т е н ш т е й н, генерал R i g é d e B i h a i n, майор граф Г р ю н н е, капитан барон В е р н г а р д т и ротмистр К р а л ь, были нашими хорошими знакомыми во все время пребывания в России, и я еще часто буду упоминать о них. То обстоятельство, что раньше я служил в Австрии, много способствовало нашему сближению.

После посещения эрцгерцога мы отдали визит принцу Ольденбургскому и графу Нессельроде¹⁵, но ни одного из них не застали дома.

Затем мы совершили прогулку на острова. Эти острова представляют собою петербургский Пратер¹⁶ или *Champs-Élysées***, но печальная растительность, состоящая из берез и елей, елей и берез, вовсе не такого свойства, чтобы вызвать восхищение. При этом климате садоводство не удастся, несмотря ни на какие старания.

Кроме растительности и человеческая раса здесь также очень безобразна. Длинные бороды, придающие всегда лицу мужчин характер и выражение, некоторым образом скрадывают у них безобразие, но среди простого народа не заметишь сносного женского лица: все не только безобразно, но еще и очень рано стареются.

Русские бородатые кучера с их длинными армяками и низкими круглыми шапками, дрожки с их упряжью часто были уже описываемы; они тем более относятся к картине местной жизни, что в Петербурге почти каждый ездит.

Мы закончили день в Каменноостровском театре, где французские актеры представили довольно сносно «*Ecole des vieillards****».

2 августа. День рождения принца Александра; по принесении ему наших поздравлений мы продолжали наш объезд Петербурга.

Сегодня мы видели:

Домик Петра Великого, ему придали вид часовни, в которой великого человека почитают как святого (?).

Крепость и в ней Петропавловский собор, заключающий в себе гробницы императорской фамилии. Особен-

* Вот по-настоящему большой барин (фр.).

** Елисейские Поля (фр.).

*** «Школа стариков» (фр.).

ность их составляют памятники, имеющие вид гробов, покрытые богатыми материями и стоящие посреди церкви, а не под сводами. Настоящие могилы находятся под этими памятниками.

В этой же крепости мы видели первый русский корабль, построенный самим Петром Великим, — по крайней мере, он прикладывал к нему свои руки. Этот кораблик есть зачаток русского морского могущества.

Затем мы отправились в Главный штаб, очень громадное учреждение, во главе которого находится генерал Шуберт. Здесь мы видели чертежную, в которой исполняются планы по системе Лемана¹⁷, затем сеть триангуляции¹⁸, произведенной в Русской империи. Генерал Шуберт говорил, что нельзя было продолжать триангуляцию далее по степям, прежде всего по недостатку там матерьяла для постройки сигналов и обсерваторий; при этом я вступил с ним в небольшой спор о возможности и полезности употребления маленьких земляных пирамид, которые могли бы служить сигналами в степях. Он закончил словами: «Это стоило бы испытать».

К особенностям Петербурга принадлежит деревянная мостовая, которая устроена местами на широких улицах. Это не что иное, как еловые куски, образующие шестиугольник и пригнанные друг к другу, как ячейки; ездить по ним очень мягко и удобно, но они очень дороги, так как их часто нужно возобновлять.

Сегодня мы возвратились обратно в Петергоф и посетили по пути графа Орлова, живущего на полдороге, в Стрельне, в своей новой готической даче.

Граф Орлов, потомок одного из фаворитов императрицы Екатерины, пользуется большим значением у государя; он доверенный советник в политических вопросах и как таковой пользуется большим влиянием, чем граф Нессельроде, более заботящийся о текущих делах Департамента иностранных дел. Орлов употреблялся в важных дипломатических миссиях; он заключил Ункиар-Скелесский трактат¹⁹; его посылали в Гаагу, чтобы побудить короля к принятию статей Лондонской конференции²⁰.

Большая милость, которою он пользуется, начинается с очень опасного возмущения военных поселений близ Новгорода. Нужно было быстро усмирить его; для этого был послан граф Орлов, имеющий внушительную наружность. Он оставил позади себя своих адъютантов и один,

в полной парадной форме, появился среди возмущившихся. Приказав выступить зачинщикам, он говорил с ними от имени императора очень энергически. Когда один из них хотел заговорить своевольно, Орлов ударил его кулаком и скомандовал прочим: «Направо, кругом!» Все повиновались словам команды, и возмущение прекратилось.

Граф Орлов кроме этого присутствия духа и своего уместного красноречия славится еще той чистосердечностью, с которою он высказывает государю истину.

Впрочем, Орлов невыносимо высокомерен и трудно представить себе его надменный вид. В этом его превосходит при русском дворе один граф Чернышев, военный министр, у которого ко всему этому присоединяется тщеславие бывшего красавца и хвастливость, с которою он рассказывает о своих довольно незначительных подвигах в 1813 году.

Тотчас по приезде в Петергоф мы вместе выкупались в большом бассейне, где нашли много придворных. Купанье очень освежило нас в эту удушливую жару; и не помню, чтобы где-нибудь в моей жизни я перенес такую жару, как в этом году в Петергофе. После купанья пообедали за гофмаршалским столом в обществе австрийцев. Сюртук с эполетами, фуражка, без сабли — служат обыкновенной формой в Петергофе, если не бывает особого приказа.

Затем был вечер у старой графини Разумовской, вдовы, разорившейся, как говорят, на праздниках и постройках. Ее новая дача в готическом стиле была великолепно иллюминирована; императорская фамилия присутствовала на торжестве. При этом я в первый раз услышал пение графини Россси (Генриетты Зонтаг); познакомился я с нею еще в Гааге, но никогда не слышал ее пения. Государь заговорил со мною и говорил довольно долго об организации русских драгун; принц Оранский письменно просил его доставить мне случай ближе познакомиться с этим родом (кавалерии).

Кроме того, я познакомился сегодня с принцем Петром Ольденбургским²¹, супругом принцессы Нассауской, который справедливо высоко ценится в России, потому что он занимается более важными, чем другие, делами, именно — улучшением правосудия и администрации. Лицо принца серьезно и задумчиво, даже почти с выражением болезненности. Супруги его не было, она нездорова. Воздав должное принцу Ольденбургскому, я должен присовокупить, что он был со

мной необыкновенно холоден во все время моего пребывания; кажется, он со мной заговорил только один раз, случайно это или преднамеренно — я решить не могу.

Потом я увидел графа В о р о н ц о в а, одесского генерал-губернатора, находящегося в отпуску при дворе. Мать его была англичанка, и сам он также воспитывался в Англии. Он выделяется среди прочих русских приятными чертами лица, привлекательным обращением и любезностью.

ПЕТЕРГОФ. КРАСНОЕ СЕЛО.

ДУДЕРГОФ. НИКОЛЬСКОЕ.

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ. РОПША. ПАВЛОВСК

3 августа. Сегодня день тезоименитства великой княгини Марии. Сначала парад Кадетскому корпусу в присутствии государя; он сам командовал, и они прошли церемониальным маршем. Затем обедня, а в заключение всего *baise-main* * у великой княгини. Здесь увидел я в первый раз генерала Жомини, английского генерала лорда *Anglèse n'a* (который при Ватерлоо, под именем лорда *Uxbridge*, потерял ногу) с его тремя сыновьями, графа Брагэ etc. После *baise-main* Риго, секретарь нидерландского посольства Геверс и я отправились с визитами и оставляли свои карточки. Дорогой мы повстречали австрийского генерала, которого не тотчас узнали; это был сам император в австрийском генеральском мундире, ездивший с визитом к эрцгерцогу Альбрехту. Эти *changements de décoration* ** случаются с императором очень часто; час спустя он появился в прусском мундире, так как сегодня день рождения короля прусского.

Во время моих разъездов я заметил в Петергофе большое число новых готических домов. Готический стиль теперь *à l'ordre du jour* ***; все богатые русские люди желают иметь готические дома, которые, однако, строятся чисто по-русски, именно целиком из дерева: зубцы, архитектурные украшения — все деревянное. Подобный дом стоит несколько сот тысяч рублей и годится на 20, самое большее на 30 лет. Мотовство, блеск без прочности, недолговечные постройки и изменчивость вкуса характеризуют

* Целование руки (фр.).

** Перемены декораций (фр.).

*** Главенствующий стиль (фр.).

русских (дворян). Никто не строит для своих детей: никто не может знать, как долго будет нравиться жить в Петергофе. Вот почему строят изящные карточные домики в готическом стиле.

Сегодня я обедал за гофмаршалским столом и имел очень интересный разговор с моим соседом, генерал-адъютантом Шильдером*; он немец и начальник инженеров гвардейского корпуса. Сухтелен сказал о нем: «C'est un fou plein de génie»**.

Генерал Шильдер сказал мне: «Я знаком с южными русскими губерниями, берегами Дуная и с Турцией; прекрасные страны, если бы только цивилизация могла там прочно утвердиться! Но зависть держав всему препятствует. Долго так оставаться не может; из густо населенных частей Европы выселяются к антиподам, между тем как такие близкие и такие плодородные страны остаются незаселенными. Турецкая империя падает и не может продержаться более 25 лет. Так как тогда ни одна из держав не позволит другой занять Константинополь, то он, вероятно, обратится в маленькую республику под покровительство великих держав, как Краков или Гамбург. Другого выхода я не вижу». Так говорил генерал Шильдер.

Потом он продолжал: «Я вполне понимаю, каким образом могла голландская армия потерпеть неудачу под Брюсселем; тот, кто знаком с народной войной, никогда не произнесет сурового приговора. Видел же я в Польше, как немного недоставало, чтобы польский мятеж²² подломил великую русскую силу. Было дано три кровопролитных сражения; имей Хлопицкий²³ более решительный политический характер, не медли он и не колеблись, преследуй он одержанные успехи до того мгновения, когда Литва взволновалась, а третий (литовский) армейский корпус готов был изменить,— Польша и Литва были б для нас потеряны. И самый штурм Варшавы удался потому только, что поляки были твердо убеждены, что мы не рискнем на него, и вследствие этого третья часть их армии была отделена по ту сторону Вислы».

Этот же взгляд развивали мне потом другие: один сказал при этом: «К счастью, пруссаки построили нам через Вислу ослиный мост». Но ослом-то был не тот, кто им

* Генерал Шильдер скончался 23(11) июня 1854 года под Силистрией после ампутации. (Ред.)

** «Глупец, полный гениальности» (фр.).

воспользовался! Генерал Шильдер, которого я часто потом встречал, относился ко мне всегда с величайшею откровенностью.

Сегодня был придворный бал. При русском дворе праздники следуют один за другим, но редко узнаете заранее, что происходит, где, как, в какой форме быть. Все это делается известным обыкновенно часа за два, и тогда постоянно поднимается тревога и торопливость, чтобы знать все это в точности. В особенности на дачах места увеселений меняются постоянно, и в большинстве случаев сам государь назначает их в последний момент. Здесь совсем не необычайно, что должно переодеваться раз пять или шесть в день. Многие предполагают, что это делается не из прихоти, но преднамеренно: хотят не дать отдохнуть и постоянными волнениями и развлечениями воспрепятствовать заниматься политикой или много говорить о ней.

Я говорил уже, что обращение государя с государыней отличается постоянной величайшею внимательностью; это счастливый брак. Одна придворная дама сказала мне: «*Chez l'empereur la lune de miel dure toujours*» *.

Императрица любит окружать себя красивыми женщинами, составляющими украшение ее двора.

В России обычай, чтобы во время собраний и балов мужа не обращали бы вовсе внимания на своих жен; только при возвращении домой они опять сходятся.

На балу я долго разговаривал с генералом Черным, командовавшим при Кульме²⁴ конными гренадерами. Во время ужина моими соседями были г-жа Баранова, обер-гофмейстерина, и генерал Адлерберг (ее брат), в юности товарищ игр императора, а теперь его генерал-адъютант. Он пользуется влиянием и употреблялся государем в требующих доверия делах.

На балу я видел также... Татищева, русского посла при венском дворе, он самый противный, отвратительно противный из всех виденных мною в жизни людей, но тем не менее он очень умен и хитер. Я с удовольствием наблюдал, как держит себя князь Лихтенштейн относительно русских вельмож: прост, учтив и очень скромен — он отклоняет всякую фамильярность.

* «У императора постоянный медовый месяц» (фр.).

4 августа. Воскресенье. Сегодня был церковный парад кадетам, стоящим лагерем близ Петергофа; ими командовал снова сам император; в общем они выглядят хорошо и бодро, хотя их держат строго. Существует несколько кадетских корпусов для различных родов оружия: пехоты, артиллерии, флота. Молодые люди из первых фамилий вместе с тем назначаются пажами, но этому отличию рождение способствует, как говорят, гораздо менее, чем хорошее поведение. Так, например, лучшие ученики Морского корпуса назначаются товарищами великого князя Константина. После церемониального марша была литургия. Сегодня в церкви мне указывали на одного генерал-адъютанта, еще молодого человека, который, как поверенный императора, заседает в святейшем Синоде и имеет *votum suspensivum* *, чем подавляются обыкновенно в самом зародыше все пререкания духовенства.

Сегодня был в Петергофе большой обед, на котором присутствовали государь и императорская фамилия. При этом случае мне припоминается, что я еще не назвал красивейших придворных дам, но я ограничусь при этом только замужними, а о фрейлинах после. Красивейшие суть: г-жи Крюденер, Пашкова, урожденная Баранова, княгиня Юсупова, Бутурлина, потом еще Баратынская (но не Барятинская), армянка по рождению, принцесса Або-Мелик, чисто восточной красоты, черные глаза и шелковистые ресницы которой напоминают нам байроновские идеалы. Дамские туалеты очень просты, но свежи и изящны; модные цвета — белый и лиловый.

За столом моим соседом был Толстой, гофмаршал принца Ольденбургского; он много говорил о французской армии, которую он видел недавно и воздавал ей должное.

— Elle n'est pas très belle en ce moment, mais avec le caractère national français toute armée est bientôt excellente lorsqu'elle est bien commandée **.

Русские всегда охотно хвалят все с высоты своего величия...

За обедом я ел прославленную стерлядь, волжскую рыбу величину со щуку; доставленная к императорскому столу, говорят, стоила от 300 до 400 рублей; она должна быть очень вкусна, но это уже переходит мое

* Право решающего голоса (лат.).

** В настоящий момент она не очень хороша, но, имея французский национальный характер, любая армия становится великолепной, когда ею хорошо командуют (фр.).

понимание, и мой язык говорил мне только одно, что это действительно рыба.

Вечером в Петергофе был французский спектакль, на который мы получили именные билеты. Пьесы были следующие: «Le protégé» et «La chanoinesse» *. Играли превосходно, но во время второй пьесы молодые дамы должны были удалиться; она из новых парижских пьес, il y a beaucoup de licence et même beaucoup d'indécence **. Первыми актерами были m-r et m-e Аллан из парижских театров.

После театра я совершил большую прогулку по парку с генералом Будбергом, назначенным к эрцгерцогу Альбрехту, как Сухтелен к нашему принцу. Я разговаривал с ним о восточной войне и о турецкой кавалерии, но немногому от него научился. Будберг, как мне кажется, более придворный, чем солдат, и слывет за соглядатая. Мы оба всегда чувствовали взаимную антипатию.

5 августа. Утром мы посетили кадетский лагерь, потом бумажную и гранильную фабрики, обязанные своим возникновением императору Александру. Самое замечательное там — малахитовые вазы; мне кажется, что они приготавливаются в одной только России. Затем мы выкупались и пообедали за гофмаршальским столом. Соседями моими были графы Воронцов и Грюнне. Последний говорил много о Венгрии и графе Szecheny, которого я знал еще в 1813 году адъютантом Шварценберга. Вечером поездка в maison rustique ***, где собралась императорская фамилия; потом совершили прогулку по берегу моря, прекрасно освещенного заходящим солнцем и сверкавшего как бы от электрических искр. Затем в Монплезире был ужин под открытым небом. Монплезир — дача у моря, из которой Екатерина вместе с Орловым отправилась в Петербург, чтоб произвести переворот, доставивший ей престол. Еще теперь указывают ту комнату, где стояла ее постель, и то место, где она села в лодку. Государь приветливо заговорил со мной; за столом он имел соседкой г-жу Крюденер, а я графиню Гаукэ ****, фрейлину, дочь польского генерала Гаукэ, бывшего польским военным министром и убитого в Варшаве в 1830 году во

* «Протеже» и «Канонисса» (фр.).

** В ней много вольностей и даже непристойностей (фр.).

*** Сельский домик (фр.).

**** Мать нынешнего болгарского князя Александра Батенбергского. (Н. Ш.)

время восстания. Ночью мы отправились в Красное Село, где нам было отведено прежнее помещение императора Александра.

6 августа. Рано утром, в 4 часа, был маневр и артиллерийская стрельба в цель из 20 батарей; о меткости трудно было судить; все чисто военно-техническое я соединю в один мемуар, так как это не каждого интересует.

Сегодня я видел массу иностранцев, между ними также прежнего учителя герцога Лейхтенбергского, баварского капитана Шу (Schuh), сделавшего меткое замечание, что русские хотя и показывают армию свою, но при этом допускают видеть лишь то, что им кажется хорошим. Шу жаловался, что его часто вводили в заблуждение, в особенности когда он желал ближе познакомиться с администрацией и продовольствием армии.

Сегодня обедало за гофмаршалским столом очень много: соседом моим был опять генерал Шильдер. Вечером маневры, причем коннопионеры в семь минут навели понтонный мост на 8 понтонах. Затем по этому мосту пронеслась галопом одна батарея, причем мост так раскачался, что один зарядный ящик провалился в воду вместе с ездовым. Его с трудом спасли, но лошади потонули. Вечером была зоря, к чему сигнал подан ракетами. Затем проббили вечернюю зорю более чем 600 барабанов и флейт, но очень согласно. Все русские офицеры очень вежливы с нами; я познакомился с генералом Кнорингом, который командовал всей гвардейской кавалерией. Император очень много думает о своем маневрировании; он говорит: «Я ввел лагеря и большие полевые маневры; при императоре Александре видели только парады». Император неутомим; адъютанты его должны бы проявлять ту же деятельность.

Интересным для меня знакомством была встреча с киргизским князем Большой Орды, прибывшим предложить императору свои услуги. Он явился с двумя сыновьями, со своим братом, с главным судьбою и с секретарем. Князь и его второй сын, говорят, очень умны; никогда я не считал возможным встретить на чисто монгольской физиономии такой отпечаток ума и хитрости. Отношения киргизской орды к России очень своеобразны. Киргизы еще кочевники, живут они то на русской, то на китайской границе; кочуют по степи, живя в палатках, называемых кибитками, очень удобно устроен-

ных; богатство их состоит из лошадей; существуют они скотоводством и отчасти разбоем; не платят ясака, но делают время от времени подарок лошадьми. Русский император велел выстроить для князя дворец, в котором тот живет дня два в году, из уважения и вежливости. Затем император назначил для него телохранителей, которыми командует русский офицер; офицер этот вместе с тем надсмотрщик и контролер.

В случае похода против ост-индской компании киргизы могут иметь громадное значение для России. Из различных дорог, которыми может пойти русская армия, одна ведет через Хиву и Балк на Бухару, и многие, хорошо знающие страну и все обстоятельства, отдают предпочтение этому пути. В случае его выбора киргизы, как легкая кавалерия, могли бы оказать большую помощь при конвоировании и прикрытии караванов и снабжении перевозочными средствами, так как они владеют массой верблюдов.

Я забыл упомянуть, что киргизы ведут с Россией через Оренбург большую торговлю, запрещено только продавать им оружие. Киргизы по происхождению и языку татары; одежда их состоит из пирамидальной шапки, послужившей, кажется, образцом остроконечных шутовских колпаков, кафтана, широких шаровар и остроконечных сапог. Они ездят очень скоро на легких, так называемых венгерских, седлах; их лошади взнуздываются только трензелем, очень быстры и крепки.

7 августа. Утром в 4 часа был большой маневр гвардейской кавалерии, а именно трем дивизиям — двум легким, одной тяжелой, итого 12 полкам, в составе почти 8000 человек. Первая шеренга кирасир вооружена пиками, конные гренадеры и драгуны имеют ружье на перевязи. Император сам руководил всеми движениями.

После маневра я посетил генерала Шильдера, который рассказывал мне о турецком походе; он был опять вполне откровенен: император испытал неудачу при командовании армиею; он сам сознает теперь, что он не создан для него, и едва ли опять решится принять его. Император придает этому религиозный оттенок: *que ce n'est pas la volonté de Dieu qu'il se distingue à la tête de ses armées* *. Он в поле хотел поддерживать педантическую

* Бог не хочет, чтобы он отличился во главе своих войск (фр.).

правильность и методичность; так, например, он запрещал солдатам, носящим длинные шинели, доходившие до самых лодыжек, затыкать в мешки концы их, что они привыкли делать, чтобы удобнее маршировать.

После обеда генерал Шильдер показывал еще свои *pontons cylindriques* *, покрытые непромокаемую тканью. Вечером пили чай в Дудергофе. Дудергоф — местный Монблан, т. е. высотой около 400 футов. Гора, видимая на большом расстоянии, замечательна своею прекрасною растительностью, далеко превосходящею окрестную, чего я не умею вполне объяснить: по всей вероятности, эта гора имеет особенную почву. На этой горе находится швейцарский домик, принадлежащий государыне, которая сама принимала гостей, а молодые великие княжны предлагали нам, иностранцам, молоко и фрукты с любезностью, заставлявшей позабыть придворный этикет. Потом опять присутствовали в лагере при вечерней молитве и зоре, после чего большинство присутствовавших разъехались.

Я просидел несколько часов с одним офицером, хорошо знающим шведские дела, и услышал в этот вечер несколько интересных подробностей, так, например, о рождении Густава IV. Король Густав III был очень *débauché* **; один из его фаворитов, Мунк, был, с ведома короля, отцом Густава IV. Все Мунки в известном возрасте становились глупее, то же самое случилось с Густавом IV.

Тот же самый офицер высказывал в следующих словах свое неудовольствие на немцев, находящихся в русской армии: «Немцы нелюбимы в нашей армии, всего же менее курляндцы и лифляндцы; они интриганы, эгоисты и держатся друг за друга, как звенья одной цепи. В армии им дано прозвище «*Lieber Bruder*»***, потому что таким образом называют они друг друга. Большой ошибкой является то, что им покровительствуют; это пробуждает много зависти и неудовольствия. Немцы суть «ремешки» и педантичные «экзерцирмейстеры»; мы, русские, ненавидим прусские экзерциции, как заразу; этим сражения все-таки не выиграешь.

Правда, немцы служат пунктуально, имеют образование, но они горды, скупы, боязливо-осторожны, чтобы

* Цилиндрические понтоны (фр.).

** Развратный (фр.).

*** «Дорогой брат» (нем.).

никогда не сказать ни слова, могущего не понравиться, и водворись однажды немец в каком-либо полку, скоро все его семейство со всеми двоюродными братьями будет там обеспечено.

Русские обладают другим характером; они необразованнее и обращаются часто со своими подчиненными с беспощадною суровостью, но на другой день все это опять загладят, приветливо обратившись к солдатам. Русские воруют, но они не копят денег и живут открыто; они более естественны и, при известной *laissez aller**, не руководствуются холодным расчетом».

Затем говорил он о браке наследника с принцессой Дармштадтской. Так как сам император прожил в счастливом браке, то ему хочется, чтобы каждый сын заключил бы подобный же. Наследник имеет очень хороший характер и очень строго воспитан, громадная ответственность лежала на воспитателе его, генерале К а в е л и н е.

Накопец наступила полночь, но была чудная южная ночь, очень редкая в России.

8 августа. Утром был маневр всей гвардии, 48 батальонам и 3 кавалерийским дивизиям, в общем участвовало от 40 до 50 тысяч человек. Государь велел драгунам спешиться и сражаться в пешем строю; потом был совершен переход через речку. В русской армии заведены известные боевые порядки для дивизий, как пехотных, так и кавалерийских; эти порядки имели номера, а также названия, как то: растянутый, тесный, маскированный, резервный...

Русская пехота очень хорошо марширует, и вся эта масса была собрана вместе, чтобы полковыми колоннами пройти церемониальным маршем; всего было четыре ряда пехоты, каждый из 12 батальонов в сомкнутых колоннах, так что вся гвардия занимала по фронту пространство около 700 шагов, а в глубину около 600 шагов. Когда император двинул всю эту массу вперед, он обратился к иностранцам, сказав: «*Voyez, messieurs, ceci est très remarquable, voyez comme tout s'est formé en un clin d'oeil*»**.

Император сам командовал и сам также обращался к войскам для выражения им своего одобрения. Ответы сол-

* Безалаберности (фр.).

** «Смотрите, господа, это весьма впечатляюще, смотрите, как все преобразуется в одно мгновение» (фр.)

дат заучены и всегда состоят из одних и тех же слов, например (имер): «Спасибо, ребята!» Ответ: «Рады стараться».

Живое воображение императора Николая во время маневров рисует ему, быть может, выигранное сражение.

Молодой Розен, флигель-адъютант императора, рассказывал мне сегодня, как пользуется государь своими: адъютантами во время маневров. Он подзывает одного из них и говорит: «Видите ли там сильные неприятельские массы, угрожающие обходом правому крылу генерала N? Быстро произведенная перемена фронта может спасти его! Приведите ему тотчас же на помощь дивизию X., прежде чем он не уничтожен!» Будучи высказано прозою, оно значит: «Я предполагаю, что правому крылу генерала N угрожает сильный неприятель; N должен произвести поэтому перемену фронта; дивизия X. должна подкрепить его». Вообще говорят, что и в других случаях воображение императора рисует ему то, чего не существует; у него это унаследовано от императора Павла.

Потом я слышал многое о лошадях и тех чудовищных ценах, которые платят за них в России; самая обыкновенная цена (?) за очень красивую и сильную лошадь 2500 рублей; особенно красивые и хорошо выезженные лошади стоят до 5000, даже до 8000 рублей.

Император ездит преимущественно на английских лошадях. Лучшие русские конные заводы большею частью не существуют, потому что от неблагоразумных скрещиваний они пришли в упадок. Еще существуют Орловский (принадлежащий графине Орловой-Чесменской) и императорский Яновский в Польше.

Возвратясь в Петергоф, мы хотели выкупаться, но купальня была занята прекрасным полом. За обер-гофмаршалским столом соседом моим с одной стороны был австрийский генерал Пирэ, с другой же — барон Розен. Многие из адъютантов высказывали, что маневры весьма утомительны. *C'est bien heureux pour l'Europe que l'Empereur trouve plaisir à choisir ses champs de bataille si près de Petersbourg, tandis qu'il pourrait en faire changer à l'Europe**. На сегодняшний вечер ожидали тревоги

* Большое счастье для Европы, что император находит удовольствие выбирать поля битв так близко к Петербургу, в то время как он мог бы сменить их на европейские (*фр.*).

в кадетском лагере, но она была отменена. День закончился небольшим фейерверком.

9 августа. Утром писал письма; затем отправился с принцем на бумажную и гранильную фабрики для совершения некоторых покупок, а после — в швейцарский домик, выстроенный по приказанию императора Павла и где вписывают свои имена побывавшие там иностранцы. Обед за гофмаршалским столом; соседями моими были русский статский советник, поэт Жуковский и австрийский ротмистр Краль. Краль рассказывал о совершившихся в австрийской армии переменах. После обеда была охота на фазанов, затем ужин в Никольском, в русской крестьянской избе; здесь уже неоднократно принимал гостей сам император, в качестве русского инвалида. Сегодня опять он был очень приветлив. Здесь же находилась также принцесса Ольденбургская и подозвала меня. Так как она хорошо знала, что я уже не в прежних отношениях с ее отцом, герцогом Нассауским, то разговор должен был выйти принужденным и неловким. С тех пор я не видел больше ее, так как скоро после этого она наложила глубокий траур вследствие кончины своего отца.

После ужина была тревога в кадетском лагере; под командой императора кадеты выступили из своего лагеря с пушками и на половине дороги к Ораниенбауму выставили аванпосты. Место, которое назначил император, было близ одной дачи... Император провел всю ночь на аванпостах. Я был пешком, в сопровождении генерала Кауелна, воспитателя наследника; он очень учтивый человек, от которого я узнал много интересного, но только не об аванпостной службе, но о народном образовании, о промышленности и о тех громадных успехах, которые делает в России цивилизация. Я должен был улыбнуться, когда он говорил о «l'aptitudes et les dispositions naturelles de la nation russe»*, и на мой вопрос: «Dans quelle branche des sciences de l'industrie ont-ils fait le plus de progrès?»** он отвечал: «Dans toutes les branches, car ils ont surtout le génie de l'imitation»***. Le génie de l'imitation — новый совсем род гениальности!

*«Способностях и естественных наклонностях русской нации» (фр.).

**«В какой области наук или промышленности они добились наибольших успехов?» (фр.)

***«Во всех областях, ибо они в особенности обладают гением подражания» (фр.).

10 августа. Риго один отправился в Петербург по денежным делам, а я сделал в Ораниенбауме визит великому князю Михаилу, который продержал меня целых два часа; к нему я проезжал через аванпосты кадет. Разговор с великим князем шел о кавалерии, драгунах и артиллерии. (...) Я могу заметить, что великий князь Михаил не считает безусловно прекрасным творение императора — драгун. Все комнаты великого князя наполнены солдатами под стеклом — деревянными, раскрашенными. — это вовсе не военные сцены и картины, а простое изображение всех русских мундиров, так сказать, род военного модного журнала или кабинета естествознания.

Я сидел возле великого князя Михаила на диване, и он в течение нашего разговора выкурил пару сигар. При прощании он сказал мне: «У нас будут еще несколько дней полевые маневры, на которых я должен присутствовать как посредник; по окончании этого вы должны посетить меня в Павловске».

Относительно слова «посредник» я замечу здесь, что император при всех полевых маневрах, где должны были действовать два отряда один против другого, назначал двух известных генералов посредниками, т. е. беспристрастными судьями. Они носили зеленые ветви на шляпах, но их обязанности сводились к нулю, потому что сам император все решал и всем руководил.

Обед за гофмаршалским столом, потом охота на медведей. Об этом я должен рассказать. М-ме Х. стреляет хорошо, поэтому она одна из всех дам участвовала в охоте. Стрелки стояли около одной башни, куда были приведены два ручных медведя, долго уже сберегавшихся в клетке для этого удовольствия. Медведи, когда они находились вблизи м-ме Х., были убиты ею. Вечером Риго говорил об этой охоте с одной русской дамой: «Je ne savais pas que les dames russes vont à la chasse des ours»*. Дама отвечала: «Oh, cela n'est pas du tout russe, cela est de Munic»**.

Вечером было собрание у императрицы; играли в небольшие игры, причем принимала в них участие императорская фамилия. Нельзя быть проще и приветливее. Я долго разговаривал с г-жой Барановой, которая упрекала меня за мой серьезный вид и острила над этим.

Домой я отправился «en ligne»*** (чисто русский эки-

*«Я не знал, что русские дамы охотятся на медведей» (фр.).

**«О, это совсем не по-русски, это по-мюнхенски» (фр.).

*** Линейкой (фр.).

паж, в котором похвалить разве то, что там могут сидеть много лиц) с лордом Paget'ом, сыновьями маркиза Anglesen'a; мы жили под одной и той же крышей в maison rustique. Эти три брата мне понравились; старший — лорд Paget tout court lieutenant-colonel des gardes anglaises (blues)* — прекрасный молодой человек; другой — лорд Clarence Paget capitaine de vaisseau очень умен; лицо его отражает это. Я стал довольно близок с ним, мы часто бывали соседями за столом, и он должен был высказать мне свое мнение о русском флоте. Третий же — лорд Edward Paget, еще молодой человек. Меня радовала их английская непринужденность и откровенность, часто граничившая с наглостью, но мне это нравилось. Почти всегда являлись они к столу в износившихся или оборванных мундирах и отзывались очень грубо о ганноверском короле, как только мог бы говорить крайне радикальный листок...

11 августа. Было воскресенье; был длинный разговор с N, которого я встретил в парке. Он рассказывал мне всякую всячину, между прочим — об императоре Александре. Император Александр был воспитан Лагарпом²⁵ и сделался un peu idéologue** (слово, которое любят употреблять русские). Лагарп внушил ему в особенности ненависть (?) к дворянству и аристократии. То же замечается отчасти у императора Николая, однако он старается поднять исторические фамилии или, лучше сказать, не дать им совершенно пропасть; так еще недавно было с Суворовым, состояние которого пришло в расстройство.

Администрация в упадке; правосудие продажно; без денег и влияния не найдете для себя справедливости. В России нет майоратов, как в Польше; они не запрещены, но не в обычае. Строгая цензура; пример этому я нашел сегодня в русской грамматике Таппе. В конце этой грамматики находится русская история in pise***, где самые известные факты или совершенно умалчиваются, или совершенно искажаются... Затем зашел разговор о конфискации польских имений. Некоторые из русских генералов — между прочим, Чернышев — получили из них надель. Мы отправились в Красное Село, позавтракали там, а затем сели на лошадей, чтобы поздно ночью, с императором во

* Паже, коротко говоря, подполковник английских гвардейцев (голубых) (фр.).

** Слегка идеологичным (фр.).

*** В сокращении (фр.).

главе авангарда, отправиться на рекогносцировку неприятеля. Иностранные посланники, принимавшие в этом участие, вовсе не очарованы всем этим. Домой я возвращался рядом с графом Воронцовым и лордом Кланрикардом. Кланрикард сказал Воронцову: «Tomorrow we shall have an other exhibition?» — «Good god, yes!» — было ответом, сопровождаемым глубоким вздохом*.

Киргизский князь опять был на маневрах; при этом случае я узнал, что он может доказать свое происхождение в прямой линии от Чингисхана.

Маневры производятся где попало; все причиненные этим убытки оцениваются и вознаграждаются.

Так как в следующие дни должны были происходить маневры второго корпуса (отпечатанную диспозицию я имел в руках), мы рано поужинали в Александровском и отправились затем на покой.

12 августа. Продолжение маневра, преследование неприятеля, кавалерийские атаки в каре и т. п. Наша главная квартира была в той самой Ропше, где скончался Петр III.

Во время сегодняшнего маневра я ближе познакомился с генералом Жомини; он признался мне, что приглашен не был и не имеет никакой квартиры; это приводило его в сильное смущение, так как на этих днях он хотел откланяться, чтобы по получении отпуска отправиться в Париж. Он жаловался на эгоизм русских; будь он главнокомандующий, никто бы не стеснился дать ему место на одну или две ночи. Я предложил ему поделиться моею комнатою, на что он наконец после долгих отговорок и согласился. Таким образом, я прожил с ним два дня в одной комнате и пользовался возможностью поболтать с ним.

Разговоры были длинны и разнообразны; о самых интересных мне хочется упомянуть. Но прежде всего опишем наружность этого человека: сухощавый карлик, профиль его имеет сходство с вольтеровским, желтый цвет лица, маленькие черные живые глаза, чисто французские манеры и французская живость.

Жомини рассказал мне о начале своей карьеры. Он был швейцарским подполковником, без должности, во французской армии, но в начале кампании 1805 года находился как волонтер при главной квартире маршала Нея. Перед Ульмским делом Мюрат, под начальством кото-

*«Завтра у нас будет другая выставка?»—«Да, о милостивый Боже!» (Англ.).

рого состоял Ней, предписал последнему движение, совершенно не соответствовавшее инструкциям Наполеона и всем началам стратегии. Ней повиновался и донес об этом рапортом Наполеону; однако Жомини убедил своего генерала изменить диспозицию Мюрата и маневрировать более в духе Наполеона, т. е. удержать занятым левый берег Дуная. Как только Наполеон получил первое донесение о неправильном движении Нейя, он как сломя голову, сопровождаемый одним лишь адъютантом, прискакал к Нейю, несмотря на ужасные дороги и погоду, чтобы поправить дело. Велика была его радость, когда он услышал, что это уже сделано, и он воздал большую похвалу тому, кто был причиной, что ошибка исправлена, когда не было еще слишком поздно. Таким-то образом выдвинулся Жомини.

Затем Жомини рассказал мне, как формировались французские драгуны. Именно в лагере при Булони, когда еще серьезно подумывали о высадке в Англию, Наполеон спешил одну кавалерийскую дивизию, чтобы посадить на суда, пользоваться ею сначала в пехотном строю, а потом в Англии снабдить ее, при удобных обстоятельствах, лошадьми. Начавшаяся австрийская война заставила его дать этим войскам другое назначение. При Эльхингене драгуны сражались посредственно, потому что их командир, генерал Hautpoult (Гопуль), не отличался храбростью. Наполеон часто имел пристрастие к красивым людям с воинственною наружностью; поэтому в данном случае и еще несколько раз он вдался в обман относительно их. Позднее Гопуль обратился к дипломатии.

Затем Жомини стал говорить о булонском лагере. Наполеон приказал производить линейное учение не более как одной только дивизии (12 батальонов), чтобы вселить в солдат уверенность и умение маневрировать. О больших полевых маневрах Наполеон и слышать ничего не хотел. *Napoléon n'aimait les manoeuvres de guerre et n'en faisait pas faire. Cela donne de fausses idées au soldat; cela lui apprend à céder à la supériorité du nombre. Comment voulez-vous qu'il y ait l'image de la guerre lorsque l'élément principal — le moral n'y est pas représenté**.

* Наполеон не любил военных учений и не заставлял их проводить. Это внушает солдату ложные представления. Это приучает его уступать численному превосходству. Как вы хотите, чтобы он получил там представление о войне, когда главный элемент, моральный, там не представлен? (Фр.)

Я спросил его о его взгляде на восточный вопрос. Ответ его был вполне чистосердечен: «L'uniforme que je porte m'empêche de vous répondre»*. После он дал мне понять, что как раз теперь он представил государю мемуар о восточных делах. Содержание его я мог угадать: русско-французский союз и, таким образом, общее господство над Европой. (...)

Теперь уже 25 лет, как Жомини находится на русской службе, но он остался французом и не знает ни единого русского слова. Жомини, как я уже говорил раньше, был очень разговорчив, как большинство старых людей, раньше игравших важную роль, а теперь удаленных от дел. Он часто возвращался к разговору о Востоке, и всегда просвечивался в нем «le partage»**. Потом я заговорил о турецком походе, в котором он участвовал, и он рассказывал о бесконечных трудностях турецкого похода, которые могут быть сведены в три пункта: 1) убийственный климат; 2) дурные дороги и недостаток в воде; 3) трудность продовольствия.

Климат так пагубен для европейцев, что очень скоро появляются болезни, которые бóльшую часть армии приводят в госпиталь или же в могилу, — дизентерия и чума. Русская армия, в продолжение двух турецких походов — 1828 и 1829 годов — потеряла 115 000 человек, из которых 100 000 человек — от болезней. Армия почти разложилась, когда пришла к Адрианополю.

Дороги мало годны для перевозки, и те делаются бездонными в дурную погоду; кроме того, везде недостаток воды, так что места для лагеря указываются и обуславливаются немногими ручьями и источниками.

Затем, трудно продовольствие, требующее огромных перевозочных средств. В стране ни на что нельзя рассчитывать. Турки привыкли к умеренности и лишениям, которых не может перенести северный житель.

Генерал Жомини говорил откровенно также о способе государя заниматься: «Il veut tout décider lui même et cependant il ne peut pas tout connaître, ni tout voir. Il est donc obligé de se faire présenter des résumés sur lesquels il se décide. Il n'est pas facile de faire ces résumés avec la précision nécessaire, et de présenter les questions en peu de mots sous leur véritable point de vue. D'ailleurs cela

* Муидир, который я ишу, не позволяет мне ответить вам (фр.).

** «Раздел» (фр.).

прête à toute sorte de partialité et de malveillance. Celui qui a fait le résumé, peut toujours trouver une excuse pour les omissions ou le faux jour, sous lequel il a présenté une affaire. Exemples tirés des affaires personnelles au g-l Jomini»*. Я заметил скоро, что Жомини не в ладах с военным министром Чернышевым.

Я должен еще упомянуть, что на сегодняшнем маневре генерал Бенкендорф упал в одном овраге с лошади и был ею придавлен. С тех пор я не видел генерала Бенкендорфа, а раньше не имел случая с ним познакомиться. Он мне не понравился; казалось, он избегал меня. Лицо его выразительно, и о нем самом я слышал лишь хорошее. Он шеф жандармов и начальник тайной полиции; эту трудную и неприятную обязанность он выполняет, как говорят, с большою добросовестностью и искусством. Говорят, что он многих предупреждает, никогда не возбуждает у государя подозрения по поводу незначущих доносов, но скорее его успокаивает. Он принадлежит к лицам, которые высказывают и смеют высказывать императору истину.

13 августа. Сегодняшний день — день отдыха, по случаю русского праздника водосвятия. Оно совершается два раза в год, летом и зимою, и было исполнено с большою торжественностью на большом пруду в Ропше. Греческие священники с длинными бородами и в богатых облачениях издали имеют очень внушительный вид. После освящения я предпринял с майором Браущицем длинную прогулку по прекрасному ропшинскому саду, во время которой встретили государя. Ропша принадлежит императрице. Был большой придворный обед. Соседками моими за столом были княгиня Барятинская, урожденная графиня Келлер, и гувернантка великой княжны Ольги Николаевны, англичанка, как мне кажется.

Во время обеда принц Александр сидел рядом с великой княжной Ольгой; она была с ним очень приветлива.

* Он хочет все решать сам, но тем не менее он не может все знать и все видеть. Поэтому он вынужден требовать представлять ему резюме, на основании которых он решает. Нелегко сделать эти резюме с необходимой точностью и представлять вопросы в немногих словах с правильной точки зрения. Впрочем, это ведет ко всякого рода пристрастиям и недоброжелательству. Тот, кто сделал резюме, всегда может найти извинения за упущения или неправильное освещение дела. Примеры, взятые из личных дел у генерала Жомини (фр.).

Вечером придворный бал и ужин. Я сыграл партию в шахматы с одним старым русским генералом; на ужин моим соседом был английский генерал Arbutnoth; он служил в Америке, т. е. в Канаде, против Соединенных Штатов.

Я должен еще раз упомянуть о предупредительной вежливости большинства русских офицеров; во всех чинах и во весьма редкими исключениями они учтивы с иностранцами и стараются прийти с ними в соприкосновение. Но они очень любят, когда сам иностранец заговорит с ними.

Генерал Arbutnoth много говорил об Англии и о герцоге Веллингтоне; он стареется. Сам Arbutnoth кажется мне не первой молодости и недостаточно хитрым, чтобы быть английским разведчиком.

14 августа. Большой маневр и большое сражение, причем полил дождь; мы остались под ливнем. Так как все эти маневры похожи друг на друга, мне не хочется останавливаться на них. Я ездил повсюду, чтобы увидеть различные диспозиции, при этом мне несколько раз замечали: «Eh bien, colonel, est-ce que vous n'en avez pas encore assez des manoeuvres?»*

Я должен рассказать здесь небольшое *intermezzo*. В одном низком и тернистом кустарнике казаки атаковали линию черкесов. Один черкес свалился с лошади и лежал без чувств. Товарищи положили его на спину, один из них плюнул ему в лицо, между тем как другой, держа в руке кинжал, описал вокруг него на земле круг. После этой церемонии они положили упавшего в лазаретную фуру; мало-помалу он пришел в себя. Великий князь Михаил, случившийся при этом падении, воскликнул: «Haha — voilà ces hordes barbares dont on dit qu'elles vont se ruer sur l'Europe. En attendant elles se ruent sur elles — mêmes»**. Когда черкес был положен, великий князь Михаил спросил у фельдшера: «Quomodo valet?»*** Но простак фельдшер сделал немой поклон — он не понял латинской фразы.

Во время маневра вместе с прусским майором Брауцицем я посетил две крестьянские избы. Какая нищета! В одной из них я нашел прекрасную, да, замечательно пре-

* «Ну что, полковник, вам еще не надоели эти маневры? (Фр.)»

** «Вот толпы варваров, о которых говорят, что они готовы наброситься на Европу. Пока же они набрасываются сами на себя» (Фр.).»

*** «Как самочувствие больного?» (Лат.)»

лестную молодую женщину, единственную красивую крестьянку, виденную мной в России, но, очевидно, иностранного происхождения; настоящая белокурая головка мадонны.

Государь до ночи остался под ливнем, чтобы дожидаться результатов движения, которого он не мог видеть. Только что он получил донесение, что такая-то колонна пришла на такую-то высоту и вследствие этого неприятель отступил, как он воскликнул: «*Je m'y attendais, voilà le résultat que je voulais obtenir; l'affaire est gagnée, retournons au quartier général*»* .

За столом я был соседом князя Волконского и его сына. Он говорил со мною довольно откровенно об английской политике и ясно дал заметить свою ненависть. Князь Волконский — министр императорского двора; его титулы находятся в придворном альманахе, который я привез с собою. Он занимал этот пост еще при императоре Александре, и ему поставлено в заслугу, что он ввел большую бережливость при дворе.

После обеда в сопровождении генерала Жомини я осмотрел ропшинские теплицы, очень большие и пользующиеся славой, что доставляют превосходнейшие фрукты. У русских считается роскошью иметь за столом во всякое время изобилие в редчайших фруктах: ананасы, виноград, вишни, персики, земляника, дыни не должны переводиться во весь год. Плоды эти частью получают из теплиц, частью доставляются из южных провинций с огромными издержками за провоз.

Вечером был придворный концерт и ужин; m-me P o c и исполняла немецкие песни. За ужином я сидел против одного русского полковника, удивительно похожего на императора Александра; его зовут P e б е н б а у м.

15 августа. Мы отправились в путь под ужасным ливнем, чтобы присутствовать при большом сражении, которое должно было быть дано сегодня, но по случаю отвратительной погоды маневр был отменен. Мы отправились домой; два часа спустя, по окончании дождя, войска прошли перед Ропшинским дворцом. Я удивился, когда, несмотря на размокшую почву, увидел их проходящими церемониальным маршем стройно, скорым шагом и в веселом расположении духа. Я заметил только, что было при

*«Я этого ожидал, вот результат, которого я желал достичь; дело сделано, вернемся в штаб» (фр.).

этом мало офицеров, самое большое по 6 или 8 на батальон.

Вообще в гвардии офицеров мало; трудно найти их в достаточном количестве, потому что для этого надобно значительное состояние. Пехотный гвардейский офицер по крайней мере должен иметь 5000 руб⟨лей⟩, кавалерийский — 15 000 руб⟨лей⟩ дохода, а кавалергардский — еще более. Эти господа не стесняются; у всякого несколько экипажей, и многие воспользовались ими, чтобы пред дефилированием отправиться домой. Обоз гвардейских полков невероятен, он представляет необозримый ряд телег.

Обед и завтрак у императрицы. Несмотря на свое слабое здоровье, она охотно присутствует при маневрах и в эти дни несколько раз совершенно промокла. Утром, перед завтраком, графиня Р о с с и пропела опять несколько немецких песен.

Мои соседками за столом были фрейлина Ф р е д е р и к с и г-жа Н е л и д о в а. На завтраке была г-жа П а ш к о в а — грекрасна — очень живая красавица.

Вечером вернулись в Петергоф. В Ропше у нас было несколько театрально одетых крестьянских девушек, которые убрали комнату. Так как наш отъезд еще несколько отсрочился, то мы были свидетелями, как эти пастушки снимали свои наряды и надевали будничную ветошь. В России почти все бьет на внешность, от разукрашенных деревень и декораций князя Потемкина-Таврического до этих ропшинских пастушек.

16 августа. Утро было спокойно; Риге и я воспользовались им, чтобы взглянуть на немецкие колонии в Петергофе, основанные императором Александром. Дома деревянные, построенные по одному и тому же плану, и содержатся чисто. Летом колонисты отдают обыкновенно внаем комнаты две иностранцу. Немецкий язык у них еще чист и приятен, но воспоминания о родине исчезли, так как уже наступило второе и третье поколение; император Александр вызвал этих колонистов не из Германии, но из внутренних колоний в России. Они лютеране, имеют пастора и, если верить их словам, довольны своим положением; они, должно быть, вюртембергского происхождения; разведение овса и картофеля — главные виды их промышленной деятельности; новые поселенцы в течение 10 лет свободны от податей и воинской повинности; для детей устроена немецкая школа. Дома, которые приказал построить импе-

ратор Александр, стоили 7000 рублей вместе со службами. Лошадь для земледелия стоит 200—250 рублей.

Дружественное отношение к эрцгерцогу Альбрехту увеличивается. Он жалуется, что принц Александр дает заметить свою ненависть ко всему немецкому: «Dans ma famille je me regarde comme en pays ennemi, parceque j'entends toujours parler allemand»*. Он объявляет, что хочет остаться в Берлине только три дня.

ПЕРЕВ(ЕЛ) И СООБЩ(ИЛ) Н. К. ШИЛЬДЕР

*«В моей семье я чувствую себя как во враждебной стране, ибо я постоянно слышу немецкую речь» (фр.).

ПРИМЕЧАНИЯ

В комментарии включены сведения о важнейших событиях и деятелях эпохи.

Угловыми скобками в текстах отмечаются сокращения и пояснения составителя.

1812 год Баронесса де Сталь в России

Печатается по изданию: Мадам де Сталь. 1812 год// Пер. с франц. Надежды Ржиго. Русский архив. 1912, кн. 2, № 8.

¹ 14 июля 1789 года — день взятия Бастилии, начало Великой французской революции.

² Наполеон Бонапарт (1769—1821) — император Франции (1804), выдающийся государственный и военный деятель. В начале своей карьеры активно участвовал в революционных войнах, в конце XVIII в. совершил поход в Египет, стараясь нанести удар интересам Англии, в которой видел главного врага Франции. Став первым консулом, а затем и императором, Наполеон проводит реорганизацию управления страной, вносятся изменения в Конституцию, систему судопроизводства («Кодекс Наполеона»), структуру местной власти (институт префектуры). Эти реформы были направлены на укрепление абсолютизма, граничащего с военным деспотизмом. Внешняя политика Франции при Наполеоне имела имперский характер, что приводило к многочисленным войнам на Европейском континенте. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. стал началом заката как самой карьеры императора, так и наполеоновской империи.

³ Александр I (1777—1825) — российский император (1801), сын Павла I. Начало его правления ознаменовалось либерализацией павловского режима, стремлением провести реорганизацию управления, что проявилось в расширении прав Сената, образовании министерств и пр. В области внешней политики Александр стремился к расширению границ Российской империи, упрочению ее положения в Европе. Здесь интересы России сталкивались с интересами Франции, что явилось причиной многочисленных вооруженных столкновений между ними. После разгрома

наполеоновской империи император России возглавил «Священный союз», направленный против освобождения Европы от реакционных режимов. К концу 10-х — началу 20-х гг. внутренняя политика Александра I отличается непоследовательностью, в ней нередко преобладает реакционная направленность, а сам император становится все более склонен к религиозному мистицизму. Смерть Александра I в Таганроге в 1825 г. явила собой начало междоусарствия.

⁴ Тильзитский договор — мирный договор (1807), заключенный в Тильзите между Францией и Россией, согласно которому Россия получила свободу действий в отношении Швеции и Турции, а Наполеон — такую же свободу в Западной Европе. Кроме того, Россия должна была согласиться на участие в континентальной блокаде, направленной против Англии, и на разрыв дипломатических отношений с этой страной.

⁵ Румянцев Николай Петрович (1754—1826) — старший сын знаменитого П. А. Румянцева-Задунайского, российский фельдмаршал. При Павле I Н. П. Румянцев — сенатор, при Александре I — министр коммерции, в 1808 г. — министр иностранных дел.

⁶ Шампаньи Жан Батист (1756—1834) — герцог Кадорский, французский политический деятель, в 1801 г. — посланник Франции в Вене, в 1804—1811 гг. — министр иностранных дел Франции.

⁷ «Кастильцы Севера» — имеется в виду сопротивление жителей испанской провинции Кастилья наполеоновской армии. Действия кастильцев отличались большим мужеством и самопожертвованием.

⁸ Ришелье Арман Эммануэль дю Плесси (1766—1822) — герцог, французский и русский государственный деятель, участник штурма Измаила в 1790 г., с 1795 г. жил в России, в 1803 г. — градоначальник Одессы, в 1805—1814 гг. — генерал-губернатор Новороссийского края; большое внимание уделял благоустройству вверенных ему территорий. В 1814 г. возвратился во Францию.

⁹ Ричард Львиное Сердце (1157—1199) — английский король, участвовал в III крестовом походе (1189—1192), проводил активную внешнюю политику, воевал с Францией, захватил остров Кипр и крепость Акру в Палестине.

¹⁰ Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825) — генерал от инфантерии, участник Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова, кампании 1805—1807 гг. В 1812 г. командовал различными соединениями, с 1818 г. — военный губернатор Петербурга; смертельно ранен на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. декабристом П. Г. Каховским.

¹¹ Дидеро (Дидро) Дени (1713—1784) — выдающийся французский просветитель, философ, один из руководителей издательства «Энциклопедии наук, искусств и ремесел». Изобличал тезис о божественном происхождении монархии и сословного неравенства. Считал, что общество создается в результате сознательной деятельности людей, наиболее приемлемая форма управления — ограниченная монархия, наиболее действенное оружие в борьбе со злом — разум.

¹² ...*благородное мужество Баярдов и Персиев...* — Баярд Пьер дю Терайль (1476—1524) — французский военный, участник многих сражений, прославился своей храбростью. Персий — здесь, вероятно, Пер-

сей — один из героев древнегреческого аргосского цикла, победитель Медузы Горгоны, совершил немало подвигов.

¹³ Людовик XIV (1638—1715) — французский король (1643), произвел крупные преобразования в системе административного управления, финансах, податной политике, что привело к полной победе абсолютизма в стране, стремительному развитию промышленности и торговли. В области внешней политики Франция этого времени претендовала на ведущее положение в системе европейских государств, проводила курс на расширение своих колониальных владений.

¹⁴ Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826) — русский государственный деятель, в 1812 г. был назначен военным губернатором и главнокомандующим Москвы; не проявил необходимой распорядительности в снабжении армии продовольствием и провиантом, препятствовал созданию народного ополчения.

¹⁵ Павел I Петрович (1754—1801) — русский император (1796), проводил политику укрепления полицейского и административного аппарата как в центре, так и на местах, одновременно ограничивая дворянские вольности, стремился к усилению неограниченного самодержавия; в области внешней политики был сторонником борьбы с революционной Францией, с которой, однако, после прихода к власти Наполеона Россия заключила союзные соглашения. Убит в результате заговора, составленного в придворных и гвардейских кругах.

¹⁶ Марат Жан Поль (1743—1793) — один из видных деятелей Великой французской революции, публицист, ученый, издавал газету «Друг народа», выражал и защищал интересы широких слоев населения, пользовался большой популярностью; убит Шарлоттой Кордэ.

¹⁷ Ганзейский союз — торгово-политический союз северонемецких городов XIV—XV вв. во главе с Любеком, осуществлял посредническую торговлю между Западной, Восточной и Северной Европой.

¹⁸ Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585—1642) — герцог, кардинал, выдающийся политический деятель Франции, стремился к укреплению государственной власти, ее централизации, ослаблению и ликвидации аристократической оппозиции; во многом благодаря его усилиям Франция превращается в абсолютистское государство. Во внешней политике добивался «естественных границ» для Франции: Пиренеи — на юго-западе, морское побережье — на западе, на востоке — частично левый берег Рейна. Во многом ему удалось решить эту задачу.

¹⁹ *В 1470 году... городом завладел царь Иван Васильевич...* — имеется в виду поход на Новгород Ивана III Васильевича (1440—1505), который состоялся не в 1470 г., а в 1471-м, после чего Новгород стал «отчиною» Москвы.

²⁰ *...статуя Петра I...* — имеется в виду знаменитый «Медный всадник» — произведение известного скульптора Э. Фальконе (1716—1791).

²¹ Екатерина II Алексеевна (1729—1796) — российская императрица, стремилась к укреплению абсолютной монархии, расширению прав дворянства, дальнейшему усилению закрепощения крестьянства. Во внутренней политике наблюдается интенсивное развитие экономики, культуры, просвещения. Проводилась активная внешняя политика, победоносно завершились русско-турецкие войны, позволившие России укрепиться на Черном море, нейтрализованы Австрия и Пруссия (правда, ценой

разделов Польши), оказывалось активное противодействие Англии (поддержка американской революции).

²² Елисавета (Елизавета) Петровна (1709—1761) — российская императрица (1741), была возведена на престол в результате дворцового переворота при активном участии гвардии, проводила активную внешнюю и внутреннюю политику, в годы ее правления наблюдается оживление экономики и культуры страны.

²³ Орлов Григорий Владимирович (1777—1826) — граф, сенатор, долгое время жил в Париже, автор работ по истории итальянской живописи и музыки.

²⁴ ...*Дед Александра чувствовал подобное преклонение перед личностью Фридриха Второго...* — здесь имеется в виду преклонение перед прусским королем Петра III Федоровича (1728—1762), русского императора (1761), который своей антинациональной реакционной политикой вызвал всеобщее недовольство и был свергнут гвардией, поддержавшей заговор Екатерины, его жены, будущей императрицы.

²⁵ Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — граф (1774), генерал-фельдмаршал (1784), выдающийся государственный и военный деятель России, фаворит Екатерины II, принимал активное участие в проведении внутренней и внешней политики, президент Военной коллегии, член комиссии по выработке нового Уложения; в войнах, которые вела Россия с Турцией, руководил хозяйственным освоением Северного Причерноморья, строительством Черноморского торгового и военного флотов, провел реформы русской армии, способствовал развитию торговли, укреплению авторитета России на международной арене.

²⁶ Имеется, в виду усыпальница российских императоров и императриц в соборе Петра и Павла, построенном по проекту известного итальянского архитектора Д. Трезини (1670—1734) в 1733 г. Собор является частью архитектурного ансамбля «Петропавловская крепость».

²⁷ Барклай де Толли Михаил Богданович (1761—1818) — генерал-фельдмаршал русской армии, участник многих кампаний конца XVIII—начала XIX в. В 1810—1812 гг. занимал должность военного министра, в 1812 г. командовал 1-й Западной армией; а во время Бородинского сражения — первым флангом русских войск.

²⁸ Клинггер Фридрих (Федор Иванович) (1752—1831) — немецкий поэт, офицер, на русской службе с 1770 г., в 1801 г. — директор Кадетского корпуса, а с 1802 г. — Пажеского корпуса; в 1811 г. — генерал-лейтенант; литературные произведения Клинггера, особенно романы, пользовались в России немалым успехом.

²⁹ Иван Грозный — Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) — русский царь, крупнейший политический деятель России XVI в., в своей внутренней политике стремился опереться на широкие круги мелкого и среднего дворянства, составившего социальную основу опричнины, вел борьбу с остатками уделов за усиление централизации страны, нередко сопровождал свои акции террором и репрессиями. Во внешней политике стремился обеспечить выход страны к Балтийскому морю, а также расширить территории на востоке и юге; первого добиться не удалось (поражение в Ливонской войне), но Казанское и Астраханское ханства были разгромлены, осуществилось продвижение в Сибирь.

³⁰ Або — шведское название г. Турку (Финляндия) до 1918 г.

³¹ Бернадотт(е) Батист (1763—1844)— маршал Франции, участник наполеоновских походов, в 1810 г. был избран шведским парламентом наследником престола, в 1813 г. примкнул к антинаполеоновской коалиции, в 1818—1844 гг.— шведский король, основатель династии Бернадоттов.

³² Бертье Луи Александр (1753—1815)— маршал Франции (1804), участник наполеоновских походов, в 1799—1807 гг.— военный министр, до 1814 г.— начальник штаба Наполеона.

³³ Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813)— выдающийся полководец, фельдмаршал, ученик А. В. Суворова, участник походов под его командованием, в 1805 г. руководил русскими войсками в кампании против Наполеона, в 1811 г. успешно действовал против турок, в 1812 г. командовал русской армией, сыграл большую роль в изгнании французской армии из России.

³⁴ Густав IV Адольф (1778—1837)— шведский король, участвовал в войнах против Наполеона, потерпел серьезные неудачи на внешнеполитической арене, в 1809 г. арестован и изгнан из Швеции, долгое время жил в Швейцарии.

³⁵ Эрик IV (1533—1577)— шведский король (1560—1568), укреплял королевскую власть, вел активную внешнюю политику, участвовал в Ливонской войне, в борьбе со своим братом Юханом потерпел поражение, был заточен в темницу, где и умер.

³⁶ Имеется в виду Аландский архипелаг в Балтийском море, на одном из островов которого в 1718—1719 гг. велись переговоры между Россией и Швецией. Они были прерваны из-за того, что не удалось достичь договоренности по территориальным вопросам.

Французы в России

1812 год

по воспоминаниям современников-иностранцев

Печатается по изданию: Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1—3. Сборник составлен С. П. Мельгуновым, А. М. Васютинским, А. К. Дживелеговым. М., 1912.

¹ Фриан Луи (1758—1829)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал пехотной образцовой дивизией I-го корпуса Даву (см. прим. 5).

² Огюст Коленкур Жан Габриэль (1772—1812)— французский генерал, младший брат Армана Коленкура, посла Франции в России в 1807—1812 гг. Во время Бородинского сражения О. Коленкур заменил командира 2-го кавалерийского корпуса Монбрена и во главе кирасирской дивизии штурмовал батарею Раевского. Во время этой атаки был убит.

³ Принц Невшательский — титул маршала Бертье Луи Александра (1753—1815). С 1805 по 1814 г. был начальником штаба наполеоновской армии (см. также прим. 32 к тексту де Сталь).

⁴ Король Неаполитанский — маршал Мюрат Иоахим (1767—1815), один из известных военачальников армии Наполеона. Принимал учас-

тие в войнах с Австрией, Пруссией, Россией. В 1812 г. командовал кавалерией резервной армии.

⁵ Прини Экмюльский — титул маршала Даву Луи Николая (1770—1823). Принимал участие почти во всех крупных сражениях наполеоновских войн. В 1812 г. командовал 1-м корпусом французской армии.

⁶ Вильна — старинное (с XIV в. до 1917 г.) название г. Вильнюса.

⁷ Ковно — старинное (с XIV в. до 1917 г.) название г. Каунаса.

⁸ Великое герцогство Варшавское — вассальное государство в системе наполеоновской империи. Было образовано в результате заключения договора в Тильзите в 1807 г. Включало территории, ранее принадлежавшие Польше, но потерянные ею при трех разделах в конце XVIII в. и переданные Австрии и Пруссии, а затем вновь возвращенные ей уже Наполеоном.

⁹ Герцог Бассано — титул Марэ Хуго Бернарда (1763—1839), французского политического деятеля, соратника Наполеона; в 1811 г. — министр иностранных дел Франции; беспрекословно подчинялся воле императора.

¹⁰ Имена представителей польской королевской династии: Владислав I (1260—1333), Владислав II (1350—1434), Владислав III (1424—1444), Владислав IV (1595—1648); Сигизмунд I (1467—1548), Сигизмунд II (1520—1572), Сигизмунд III (1566—1632).

¹¹ Ягеллоны — династия литовских князей, стоявших во главе Великого княжества Литовского, и польских королей.

¹² Имена представителей польской королевской династии: Казимир I (1016—1058), Казимир II (1138—1394), Казимир III (1310—1370); Собеский Ян (1629—1696).

¹³ Витгенштейн Петр Христианович (1768—1842) — русский генерал, фельдмаршал, участник войн с Наполеоном 1805—1807 гг. В 1812 г. командовал 1-м корпусом, прикрывавшим направление на Петербург.

¹⁴ Удино Николая Шарль (1767—1847) — маршал Франции, принимал участие в войнах 1805—1807 гг. В 1812 г. командовал 2-м корпусом, наступавшим на Петербург.

¹⁵ Сен-Сир Лорен Жанвильон (1764—1830) — маршал Франции, воевал в Италии и Испании. В 1812 г. командовал 6-м корпусом, действовавшим на Петербургском направлении. Его именем названо престижное военное учебное заведение Франции.

¹⁶ Даву — см. прим. 5.

¹⁷ Великий князь Константин (1779—1831) — сын Павла I, участник Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова. В начале войны 1812 г. командовал 5-м пехотным корпусом; с 1815 г. — наместник царства Польского.

¹⁸ Шарпантье Анри Франсуа Мари (1769—1831) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал различными соединениями.

¹⁹ *...погибло бы, как колонисты в Сан-Доминго.* — здесь имеется в виду один из многочисленных случаев выступления местного населения восточной части острова Таити против колонизации.

²⁰ Чичагов Павел Васильевич (1764—1849) — русский адмирал, начальник Черноморского флота и командующий молдавской армией. В 1812 г. он должен был отрезать отступление французской армии, но

был обманут искусным маневром Наполеона и позволил ускользнуть остаткам его войск.

²¹ Макдональд Этьен Жак (1765—1812) — маршал Франции, ветеран наполеоновских походов, в 1812 г. командовал 3-м корпусом, наступавшим на Петербургском направлении.

²² *...история Карла XII была у него в руках, не вольтеровская...* — имеется в виду одна из исторических работ Вольтера (Франсуа Мари Аруэ) (1694—1778) — выдающегося философа, писателя, просветителя.

²³ Здесь имеется в виду дневник походов шведского короля Карла XII, составленный военным писателем Адлерфельдом, погибшим при Полтаве в 1709 г. Эти материалы вошли в основу его «Истории Карла XII».

²⁴ Сегюр Филипп Поль (1780—1873) — французский военный деятель, писатель, участник наполеоновских походов, в том числе и 1812 г.

²⁵ Ларрей Жан Доминик (1766—1842) — известный врач, главный хирург французской армии.

²⁶ Понятовский Жозеф Антон (1763—1813) — маршал Франции, племянник последнего польского короля, участвовал в многочисленных сражениях французской армии, в 1812 г. командовал 5-м корпусом главных сил, состоящим из польских и саксонских войск.

²⁷ Ней Мишель (1769—1815) — маршал Франции, один из лучших полководцев наполеоновской армии, участник многих крупнейших сражений 1805—1810 гг., в 1812 г. командовал 3-м корпусом главных сил.

²⁸ Паскевич Иван Федорович (1782—1856) — русский генерал, участник кампании 1805 г. и боевых действий на Дунае в 1806—1810 гг. В 1812 г. командовал 26-й пехотной дивизией корпуса Н. Н. Раевского.

²⁹ Раевский Николай Николаевич (1771—1829) — русский генерал, участник войн с Турцией, Персией, Польшей в конце XVIII в., а также кампаний 1807—1810 гг. В 1812 г. командовал 7-м корпусом армии Багратиона.

³⁰ Дохтуров Сергей Дмитриевич (1756—1816) — русский генерал, участник кампании 1805—1807 гг., а также войны со Швецией 1808—1809 гг. В 1812 г. командовал 6-й пехотной дивизией армии Барклая де Толли.

³¹ Гиллемино Арман Шарль (1774—1840) — французский генерал, участник наполеоновских войн, в 1812 г. командовал соединениями в корпусе Богарнэ.

³² Жюно Жан Андош (1773—1813) — французский генерал, участник Египетского похода, кампании 1805 г. В 1812 г. командовал 8-м корпусом главных сил.

³³ Багратион Петр Иванович (1765—1812) — выдающийся русский военачальник, участник войн с Турцией, Польшей, Итальянского похода А. В. Суворова. В 1812 г. командовал 2-й Западной армией. В Бородинском сражении командовал левым флангом русской армии, получил тяжелое ранение и вскоре умер.

³⁴ Барклай де Толли — см. прим. 27 к тексту де Сталь.

³⁵ Корф Федор Карлович (1774—1823) — русский генерал, участник войны с Польшей, а также кампании 1805—1807 гг. В 1812 г. командовал 2-м кавалерийском корпусом армии Барклая де Толли.

³⁶ Герцог Эльхингенский — титул маршала Нея (см. прим. 27).

³⁷ Доманже Жан Батист (1769—1848)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал кавалерийской бригадой дивизии Шастеля.

³⁸ Разу Жан Николя (1772—1820)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал пехотной дивизией 3-го корпуса.

³⁹ Моран Шарль Антон Луи Алексис (1771—1835)— французский генерал, участник крупнейших сражений наполеоновской армии, в 1812 г. командовал пехотной дивизией корпуса Даву.

⁴⁰ Гюден Шарль Этьен (1768—1812)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал 3-й пехотной дивизией корпуса Даву, в сражении при Валутиной горе был смертельно ранен.

⁴¹ Мюрат — см. прим. 4.

⁴² Бертье — см. прим. 3.

⁴³ Шварценберг Карл Филипп (1771—1820)— герцог Крумадский, австрийский фельдмаршал, участвовал в войнах Австрии с Наполеоном, был посланником в Париже, в 1812 г. командовал вспомогательным австрийским корпусом.

⁴⁴ Герцог Виченцкий — титул Армана Коленкура (см. прим. 2).

⁴⁵ Тормасов Александр Петрович (1752—1819)— русский генерал, участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг., в 1812 г. командовал 3-й Западной армией.

⁴⁶ Герцог Беллуно (Беллунский)— титул маршала Франции Виктора Клода Виктора Перина (1764—1841), участника наполеоновских походов, в 1812 г. командовавшего 9-м корпусом главных сил; особенно отличился при переправе через Березину, прикрывая отступление французской армии.

⁴⁷ Рапп Жан (1771—1821)— генерал-адъютант Наполеона.

⁴⁸ Герцог Абрантес — титул Жюно (см. прим. 32).

⁴⁹ Ледрю Франсуа (1770—1844)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал пехотной дивизией корпуса Нея.

⁵⁰ Маршан Жан Габриэль (1765—1851)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал пехотной дивизией корпуса Нея.

⁵¹ ...носить «орла»...— здесь: поощрение отличившегося полка правом носить фигуру императорского орла на полковом знамени.

⁵² Вильсон Роберт Томас (1777—1849)— английский генерал, с 1812 г. поступил на русскую службу, участвовал в сражениях с французскими войсками.

⁵³ Вице-король — принц Евгений Богарнэ (1781—1824), вице-король Италии, пасынок Наполеона, в 1812 г. командовал 4-м корпусом главных сил.

⁵⁴ Нарбонн Луи Мари Жак Амальрик (1755—1813)— французский генерал, в 1791—1792 гг. — военный министр, в 1812 г. находился на различных военных и административных должностях.

⁵⁵ Коновницын Петр Петрович (1764—1822)— русский генерал, участник войн со Швецией 1788—1790 гг., 1808—1809 гг., в 1812 г. командовал 3-й пехотной дивизией армии Барклая де Толли, арьер-

гардом русской армии при отступлении; после оставления Москвы — дежурный генерал штаба Кутузова.

⁵⁶ Компан Жан Доминик (1769—1845) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал пехотной дивизией корпуса Даву, в Бородинском сражении был тяжело ранен.

⁵⁷ Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745—1826) — русский генерал, участник войн с Турцией, Польшей, Персией, кампании 1805—1807 гг. В августе — сентябре 1812 г. — начальник штаба Кутузова, затем отстранен от должности за интриги против главнокомандующего; командовал русскими войсками в битве при Тарутино.

⁵⁸ Беллиар Август Даниэль (1769—1832) — французский генерал, участник Египетского похода, начальник штаба кавалерии Мюрата (1805—1808), в 1812 г. состоял при штабе всей французской кавалерии.

⁵⁹ Монбрен Луи Пьер (1770—1812) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал 2-м кавалерийским корпусом, погиб в Бородинском сражении.

⁶⁰ Ромеф Жан Луи (1766—1812) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. — дежурный генерал штаба 1-го корпуса, погиб в Бородинском сражении.

⁶¹ Жерар Морис Этьен (1773—1852) — маршал Франции, участник кампании 1805—1807 гг., в 1812 г., будучи генералом, командовал пехотными соединениями корпуса Богарнэ.

⁶² Д'Антуар Шарль Николая (1773—1852) — французский генерал, участник наполеоновских войн, в 1812 г. командовал артиллерией 4-го корпуса.

⁶³ Дельзон Алексис Жозеф (1775—1852) — французский генерал, участник Египетского похода, кампании 1809 г., в 1812 г. командовал пехотной дивизией корпуса Богарнэ.

⁶⁴ Плезон (Планзон) Луи (1774—1812) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал пехотной бригадой корпуса Богарнэ, погиб в Бородинском сражении.

⁶⁵ Принц Евгений — см. прим. 53.

⁶⁶ Тассо Торквато (1544—1595) — гениальный поэт эпохи Возрождения.

⁶⁷ Ариосто Людовико (1474—1533) — гениальный поэт эпохи Возрождения, автор знаменитой поэмы «Неистовый Роланд».

⁶⁸ Бонами Шарль Август (1764—1830) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал пехотной бригадой корпуса Даву, в сражении при Бородино попал в плен.

⁶⁹ Мармон Август Фредерик Луи (1774—1852) — маршал Франции, герцог Рагузе, командовал французскими войсками в Испании.

⁷⁰ Кутайсов Александр Иванович (1784—1812) — русский генерал, участвовал в войне 1805—1807 гг., в 1812 г. командовал артиллерией армии Барклая де Толли, погиб в Бородинском сражении.

⁷¹ Бруссье Жан Батист (1766—1814) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал пехотной дивизией корпуса Богарнэ.

⁷² Орнано Филипп Антуан (1784—1863) — маршал Франции, в 1812 г., будучи генералом, командовал кавалерийской дивизией корпуса Богарнэ.

⁷³ Уваров Федор Петрович (1769—1824)— генерал от кавалерии, участник кампании 1805—1807 гг., в 1812 г. командовал 1-м кавалерийским корпусом армии Барклая де Толли.

⁷⁴ Платов Матвей Иванович (1751—1818)— генерал от кавалерии, атаман Войска Донского, участник многих войн конца XVIII— начала XIX в. В 1812 г. командовал арьергардом русской армии.

⁷⁵ Литуар Франсуа Луи (1751—1817)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал соединениями инженерных войск корпуса Богарнэ.

⁷⁶ Лихачев Петр Гаврилович (1758—1812)— русский генерал, участник Закубанского похода А. В. Суворова, в 1812 г. командовал пехотной дивизией корпуса Дохтурова, в Бородинском сражении попал в плен.

⁷⁷ Тучков Николай Алексеевич (1776—1812)— русский генерал, участник войн конца XVIII— начала XIX в., в 1812 г. командовал 3-м пехотным корпусом армии Барклая де Толли, смертельно ранен в Бородинском сражении.

⁷⁸ Дюфур Франсуа Мари (1769—1815)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал пехотной дивизией корпуса Богарнэ.

⁷⁹ Нансутти Этьен Мари Франсуа (1768—1815)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал 1-м кавалерийским корпусом резервной армии.

⁸⁰ Сен-Жермен Антуан Луи (1761—1835)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал 1-й кавалерийской дивизией 1-го корпуса.

⁸¹ Пажоль Клод Пьер (1772—1844)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал дивизией конных егерей.

⁸² Шуар Луи Клод (1771—1843)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал бригадой карабинеров.

⁸³ Лагуссе Арман Лебрен (1768—1846)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал дивизией тяжелой кавалерии корпуса Груши.

⁸⁴ Груши Эмануэль (1766—1847)— маршал Франции, участник наполеоновских походов, в 1812 г., будучи генералом, командовал 3-м корпусом кавалерии резервной армии.

⁸⁵ Шастель Луи Пьер (1774—1826)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал дивизией конных егерей 1-го корпуса.

⁸⁶ Думер (Думерк) Жан Пьер (1767—1847)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал кирасирской дивизией 1-го корпуса кавалерии.

⁸⁷ Тири Николая Мари (1769—1827)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал бригадой конных егерей корпуса Груши.

⁸⁸ Строганов Павел Александрович (1774—1817)— русский генерал, участник кампаний 1805—1807 гг., 1808—1810 гг., в 1812 г. командовал 1-й гренадерской дивизией армии Барклая де Толли.

⁸⁹ Воронцов Михаил Семенович (1782—1856)— русский генерал,

в 1812 г. командовал 2-й сводной гренадерской дивизией армии Багратиона.

⁹⁰ Себастиани Гораций Франсуа Бастиен де ла Порта (1772—1851) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал кавалерийской дивизией корпуса Монбрена.

⁹¹ Жифленг (Жифленга) Александр (1775—1830) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал стрелковой бригадой корпуса Богарнэ.

⁹² Клапаред Мишель Мари (1770—1842) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал различными пехотными соединениями.

⁹³ Сорбье Жан Бартельми (1762—1827) — французский генерал, один из ветеранов наполеоновской армии, в 1812 г. командовал артиллерией императорской гвардии.

⁹⁴ Лефевр Франсуа (1775—1820) — маршал Франции, командовал пехотой старой гвардии.

⁹⁵ Потемкин Яков Александрович (1781—1831) — русский генерал, участник кампаний 1805—1807 гг., 1809—1810 гг., в 1812 г. командовал пехотной бригадой армии Баркляя де Толли. В дневнике Боссе явная ошибка — Потемкин в плен не попал.

⁹⁶ Бресанд Жозеф (1770—1813) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал пехотными соединениями.

⁹⁷ Фредерикс Жан Пьер (1773—1813) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал пехотной дивизией корпуса Даву.

⁹⁸ Нури Анри Мари (1771—1839) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал артиллерией 12-го корпуса главных сил.

⁹⁹ Петровский дворец — одно из лучших произведений выдающегося русского зодчего М. Ф. Казакова (1738—1812).

¹⁰⁰ Ареопаг — уголовный суд в древних Афинах, названный по месту, на котором происходили его заседания, — холму Ареса возле Акрополя.

¹⁰¹ Минерва — древнеримская богиня войны и мудрости.

¹⁰² Готфрид Бульонский — герцог Нижней Лотарингии, один из руководителей первого крестового похода 1095 г., отличился во время штурма Иерусалима.

¹⁰³ Андрей Гоффер (1767—1810) — руководитель вооруженной борьбы тирольских крестьян против баварских властей и французской оккупации.

¹⁰⁴ Брюйер Пьер Жозеф (1772—1813) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал дивизией конных егерей корпуса Даву.

¹⁰⁵ Ростопчин — см. прим. 14 к тексту де Сталь.

¹⁰⁶ Делаборд Анри Франсуа (1764—1833) — французский генерал, ветеран наполеоновских походов, командовал различными соединениями, в 1812 г. — комендант Смоленска.

¹⁰⁷ Пашковский дворец — лучшее творение известного русского архитектора В. И. Баженова (1737—1799), известно больше как «дом Пашкова».

¹⁰⁸ Дери Пьер Сезар (1768—1812) — французский генерал, участник

наполеоновских походов, в 1812 г. командовал кавалерийской бригадой дивизии Себастиани.

¹⁰⁹ Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.) — один из крупнейших государственных деятелей, полководцев, писателей Древнего Рима. При нем была установлена военная диктатура, проведены антидемократические мероприятия — все это выражало его стремление ликвидировать республиканский строй и установить единоличную власть. Совершил успешные походы в Британию и Германию, завершил завоевание Галлии. Убит в результате заговора.

¹¹⁰ Брут Марк Юний (85—42 до н. э.) — римский политический деятель, вместе с Кассием участвовал в заговоре против Цезаря и убийстве последнего.

¹¹¹ Жанна д'Арк (1412—1431) — героиня французского народа, возглавила борьбу против англичан в ходе Столетней войны (1337—1453). В результате предательства коменданта Компьена была пленена бургундцами, судима, обвинена в колдовстве и сожжена на костре в г. Руане.

¹¹² Мортье Адольф Эдуард (1768—1835) — маршал Франции, в 1812 г. командовал молодой гвардией, губернатор Москвы.

¹¹³ Мильо Эдуард Жан Батист (1766—1833) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. — на различных командных должностях.

¹¹⁴ Герцог Тревизский — титул Мортье (см. прим. 112).

¹¹⁵ Дюронель Антуан (1771—1849) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал различными кавалерийскими соединениями, комендант Москвы, командующий гарнизоном.

¹¹⁶ Лессепс Жан Батист Бартельми (1766—1834) — французский путешественник, коммерсант, дипломат, совершил путешествия в Сибирь и на Камчатку, консул в Петербурге, в 1812 г. назначен интендантом Москвы.

¹¹⁷ Лористон Жан Александр (1766—1828) — маршал Франции, в 1811 г. был послом Франции в России, в 1812 г. вел переговоры о заключении мирного договора с Россией, но неудачно.

¹¹⁸ Виктор — см. прим. 46.

¹¹⁹ Здесь имеется в виду нахождение царя Ахемендской державы, сына Кира II, в Лидии, древнем государстве на западе Малой Азии, в конце VI в. до н. э. и переход Александра Македонского через пустыню Гедрозию из Белуджистана к Индийскому океану в 325 г. до н. э.

¹²⁰ Шампаньи — см. прим. 6 к тексту де Сталь.

¹²¹ Кларк Анри Жан (1765—1818) — герцог Фельтре, маршал Франции, участник наполеоновских походов, с 1807 г. — военный министр Франции, один из первых изменивший Наполеону.

¹²² Вольтер — см. прим. 22.

¹²³ Руссо Жан Жак (1712—1788) — выдающийся французский философ, писатель эпохи Просвещения, один из основоположников сентиментализма; исходил из положения, что все противоречия в жизни порождены незнанием законов, а также частной собственностью; в книге «Об общественном договоре» обосновал право народа на свержение абсолютизма; осуждал клерикализм.

¹²⁴ Ле-Клерк Николай Гавриил (1726—1798) — французский ученый, медик, историк, автор ряда работ по истории России.

¹²⁵ Левек Пьер Шарль (1737—1812) — французский историк, автор нескольких работ, касающихся истории России.

¹²⁶ Мольер Жан Батист (1622—1673) — выдающийся французский драматург, актер, режиссер; в своих сатирических пьесах высмеивал пороки современного ему общества, невзирая на сословия и чины.

¹²⁷ Пирон Алексис (1689—1773) — французский поэт, драматург, автор многочисленных сказок, поэм, острых эпиграмм.

¹²⁸ «Дух законов» — произведение знаменитого французского писателя, философа Монтескье Шарля Луи (1689—1755).

¹²⁹ Рейналь Гийом (1713—1796) — французский историк, философ эпохи Просвещения, автор «Истории английского парламента», «Истории Европы» и др.

¹³⁰ Парис — в греческом эпосе сын царя Трои Приама, похититель супруги спартанского царя Менелая Елены, что явилось причиной Тройнской войны, приведшей к гибели Трои.

¹³¹ Бессьер Жан Батист (1768—1813) — маршал Франции, в 1812 г. командовал императорской гвардией.

¹³² Винценгероде Фердинанд Федорович (1770—1818) — генерал от кавалерии, гессенец на русской службе, участник суворовских походов, в 1812 г. командовал различными соединениями, попал в плен, но вскоре был отбит казаками.

¹³³ Рейнский союз — конфедерация германских государств под протекторатом Наполеона (1806—1813).

¹³⁴ Милорадович — см. прим. 10 к тексту де Сталь.

¹³⁵ Бараге д'Илье Луи (1764—1813) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал дивизией корпуса Виктора; губернатор Смоленска.

¹³⁶ Домбровский Жан Анри (1755—1818) — польский генерал, в 1812 г. командовал пехотной дивизией корпуса Понятовского.

¹³⁷ Фуше Луи Франсуа (1762—1835) — французский генерал, в 1812 г. командовал артиллерией 3-го корпуса.

¹³⁸ Пуатевен Жан Этьен Казимир де Морелон (1772—1829) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал артиллерией 4-го корпуса.

¹³⁹ Заговор Мале и Лагори — попытка низвержения Наполеона и установления республики, предпринятая в октябре 1812 г. группой генералов, в числе которых были Мале (организатор заговора) и Лагори.

¹⁴⁰ Роге Франсуа (1770—1846) — французский генерал, командовал различными соединениями, в 1812 г. — командир дивизии молодой гвардии.

¹⁴¹ Друо Антон (1774—1847) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал артиллерийской бригадой.

¹⁴² Дюрок Жерар Кристоф Мишель (1772—1813) — маршал французского императорского двора, герцог де Фриуль, участник наполеоновских походов, в 1812 г. находился на различных командных должностях.

¹⁴³ Дарю Пьер Антуан (1767—1829)— граф, французский государственный деятель, находился на различных военных, административных и финансовых должностях, государственный секретарь.

¹⁴⁴ Эбле Жан Батист (1758—1812)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал инженерными частями. Под его руководством французские саперы, стоя по пояс в ледяной воде, наводили мосты через Березину при отступлении наполеоновской армии.

¹⁴⁵ Вреде Карл Филипп (1767—1838)— баварский фельдмаршал, участник кампаний 1805, 1809 гг., в 1812 г. командовал баварскими войсками корпуса Сен-Сира.

¹⁴⁶ Корбино Жан Батист Ювенал (1776—1848)— французский генерал, участник наполеоновских войн, в 1812 г. командовал кавалерийской дивизией корпуса Удино.

¹⁴⁷ Кастекс Бертран Пьер (1771—1842)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал бригадой конных егерей корпуса Удино.

¹⁴⁸ Партуно Луи (1770—1835)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал дивизией корпуса Виктора, при отступлении французской армии под Борисовом его дивизия была окружена, а сам он сдался в плен.

¹⁴⁹ Кондра Жак Лазар (1768—1842)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал пехотной бригадой в дивизии Мерля.

¹⁵⁰ Легран Клод Жюс Александр (1762—1815)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал кавалерийской дивизией корпуса Удино.

¹⁵¹ Зайончек Жозеф (1762—1820)— польский генерал, командовал соединениями корпуса Понятовского.

¹⁵² Дендельс Герман Вильгельм (1763—1818)— французский генерал, в 1812 г. командовал различными соединениями.

¹⁵³ Фурнье (Сарлювос) Франсуа (1773—1827)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал бригадой и дивизией конных егерей.

¹⁵⁴ Хохберг Г.— баденский бригадный генерал.

¹⁵⁵ Дамас Франсуа Этьен (1764—1828)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г.— на различных командных должностях.

¹⁵⁶ Лефевр-Денуэтт Шарль (1773—1822)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал конными егерями гвардии.

¹⁵⁷ Шабо Хуго Луи (1779—1824)— французский генерал, в 1812 г. служил в штабе французской армии.

¹⁵⁸ Делетр Антон Шарль (1766—1838)— французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал кавалерийской бригадой 9-го корпуса.

¹⁵⁹ Линг (скорее, Лион) Жан Дюдон (1771—1840)— французский генерал, участник наполеоновских войн, в 1812 г. командовал гвардейскими конными егерями.

¹⁶⁰ Гейтер Жан Мишель (1769—1834) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал различными пехотными соединениями.

¹⁶¹ Луазон Луи Анри (1771—1816) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал пехотной дивизией 3-го корпуса.

¹⁶² Грасьен Жозеф (1768—1812) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал пехотной дивизией.

¹⁶³ Герцог Данцигский — это Лефевр (см. прим. 94).

¹⁶⁴ Герцог Реджио — это Удино (см. прим. 14).

¹⁶⁵ Куриаль Жан Николая (1774—1827) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал различными кавалерийскими соединениями.

¹⁶⁶ Лалеманд Анри Доминик (1777—1823) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал артиллерией.

¹⁶⁷ Булар Жан Франсуа (1776—1842) — французский генерал, участник наполеоновских походов, в 1812 г. командовал артиллерийскими и пехотными соединениями в армии и гвардии.

АСТОЛЬФ де КЮСТИН

Россия
в 1839 году

Печатается по изданию: Маркиз де Кюстин. Россия в 1839 г./ Пер. с франц. Л., 1930 (С сокращениями).

¹ Герберштейн Сигизмунд (1486—1566) — австрийский дипломат, побывавший в России в 1517 и 1526 гг. Автор знаменитого сочинения «Записки о московитских делах» (1549), ставшего для Западной Европы первым источником по истории, географии и этнографии России.

² Николаевская Россия — Россия периода правления Николая I Павловича (1796—1856) — русского императора (1825). Начало своего царствования ознаменовал разгромом выступления декабристов на Сенатской площади 14 декабря. Во внутренней политике придерживался курса на создание мощного административного, полицейского аппарата, укрепление местной и центральной бюрократии, подавление оппозиционных выступлений. Внешняя политика России была направлена на расширение сфер своего влияния на Кавказе, Черном море, Ближнем и Дальнем Востоке. В Европе Николаевская империя претендовала на роль «жандарма» континента, и небезуспешно, о чем свидетельствует участие русских полков в разгроме Венгерской революции 1848—1849 гг. В результате столкновения колониальных интересов России, Франции и Англии (отчасти и Австро-Венгрии) на Балканах и Ближнем Востоке началась Крымская война 1853—1856 гг., закончившаяся для России поражением, что явилось прологом в складывании революционной ситуации 1859—1861 гг.

³ Английская набережная — старое название современной набережной Красного Флота.

⁴ Реомюр (1783—1757) — французский ученый-натуралист, физик, в 1734 г. разработал тип спиртового термометра со шкалой, разделенной на 80 градусов (для сравнения: шкала Цельсия имеет 100 градусов).

⁵ См. прим. 13 к тексту де Сталь.

⁶ Исаакиевский собор — памятник архитектуры позднего классицизма, одно из монументальных зданий Петербурга; его строительство осуществлялось первоначально по проекту известного французского архитектора О. де Монферрана (1786—1858), но затем в этот проект были внесены исправления и добавления, сделанные комиссией под руководством В. П. Стасова. Строительство собора велось с 1818 по 1858 г.

⁷ Лувр и Тюильри — резиденции французских королей в Париже.

⁸ Версаль — резиденция французских королей недалеко от Парижа.

⁹ Максимилиан I (1459—1519) — император Священной Римской империи (1493), австрийский герцог, положил начало реальному объединению Габсбургов, стремился сделать Германию центром Габсбургской империи, проводил политику, направленную на централизацию административного управления, поощрял развитие искусств.

¹⁰ Карл V (1500—1566) — император Священной Римской империи (1519—1566), испанский король Карлос I (1516—1556), принц Нидерландов (1516—1556), король Сицилии Карл IV (1516—1556), стремился к созданию всемирной христианской монархии на основе воинствующего католицизма, жестоко подавлял освободительное движение в Испании и Нидерландах.

¹¹ Великий князь Василий Иванович (1470—1533) — правитель Руси (1505), завершил объединение земель вокруг Москвы.

¹² Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — известный русский писатель, публицист, историк, автор литературных произведений сентименталистского направления («Бедная Лиза» и др.), издатель «Московского журнала» и «Вестника Европы», создатель «Истории государства Российского» в 12-ти томах. В основе исторического процесса, по мнению Карамзина, лежит борьба Разума с Невежеством. Содержание истории России составляет история самодержавия, которое является первоосновой жизни русского народа. Карамзин был сторонником норманнской теории, вместе с тем он считал, что процессы, происходившие на Руси (дробление на княжества, централизация при Иване III), имели место и во многих европейских странах. Для написания своей «Истории» Карамзин использовал большое количество источников, многие из которых были им впервые введены в научный оборот.

¹³ Михайловский замок — построен по проекту архитекторов В. Ф. Бренна и В. И. Баженова, последняя резиденция Павла I, который прожил в ней всего несколько месяцев, до переворота 1801 г., приведшего к его убийству и воцарению Александра I.

¹⁴ Михайловский дворец — построен по проекту архитектора К. И. Росси (1775—1849) в 1819—1825 гг.

¹⁵ Великий князь Михаил Павлович (1798—1849) — генерал-фельдцейхмейстер, начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии.

¹⁶ Пален Петр Алексеевич (1745—1826) — государственный деятель

России, граф, генерал, участник русско-турецких войн конца XVIII в. С 1798 г. — петербургский военный губернатор, был одним из руководителей заговора против Павла I и убийства его.

¹⁷ Понятовский Станислав (1732—1798) — последний польский король, находился в большой зависимости от России. В его царствование Польша переживает три раздела, после чего Понятовский был вынужден отречься от престола.

¹⁸ Моро Жан Виктор (1763—1813) — французский генерал, участник республиканских войн, один из соперников Наполеона, был арестован и выслан в США, в 1813 г. — на русской службе, убит в битве при Дрездене.

¹⁹ Великая княжна Мария (1819—1876) — дочь Николая I, в 1839 г. вступила в брак с герцогом Лейхтенбергским, принимала активное участие в управлении женскими учебными заведениями, после смерти своего супруга (1852) стала президентом Академии художеств, председателем «Общества поощрения художества».

²⁰ Герцог Лейхтенбергский Максимилиан Евгений Иосиф (1817—1852) — представитель Лейхтенбергского герцогского дома, был женат на великой княжне Марии Николаевне; президент Академии художеств, заведующий Горным институтом, автор работ по гальванопластике.

²¹ Поль де Кок (1794—1871) — французский писатель, автор романов, содержанием которых были в основном сцены из жизни финансистов, студентов, гризеток. Автора интересовала в первую очередь внешняя канва событий, в то время как психологические образы героев оказывались довольно размытыми. Де Кок являлся также автором нескольких водевилей, а также либретто для опер.

²² Шнитцлер Иоганн-Генрих (1802—1871) — немецкий историк и статистик, в 20-е гг. жил в России в качестве домашнего учителя и собрал обширный материал по истории, статистике и географии страны, легший в основу его работ по этим дисциплинам.

²³ Князь Репнин — Волконский Николай Григорьевич (1778—1845) — малороссийский губернатор (1816—1834), был необоснованно обвинен в казнокрадстве, подал в отставку и выехал за границу.

²⁴ Граф Воронцов-Дашков Иван Илларионович (1790—1845) — член Государственного совета, обер-церемониймейстер.

²⁵ См. прим. 1 к тексту де Сталь.

²⁶ Граф Пален Петр Петрович (1773—1864) — сын бывшего военного губернатора Петербурга П. А. Палена, одного из организаторов переворота 12 марта 1801 г. П. П. Пален — участник многих войн первой половины XIX в., с 1834 г. становится послом России во Франции, показал себя незаурядным дипломатом, член Государственного совета, генерал-инспектор русской кавалерии.

²⁷ Великая княжна Ольга (1822—1892) — дочь Николая I, королева Вюртембергская, была известна своей благотворительностью.

²⁸ Мейербер Джакомо (1791—1864) — крупнейший представитель романтического театра во Франции. Автор музыки к операм «Ромильда Констанца», «Роберт-Дьявол», «Африканка», «Гугеноты», «Пророк» и др.

²⁹ Венский конгресс — совещание европейских государств в 1814—1815 гг. по вопросам территориального устройства Европы после раз-

грома Наполеона и падения Французской империи. Страны-победительницы имели взаимоисключающие интересы. Заключительный акт Венского конгресса оформил ряд территориальных изменений в Европе и других частях света. Россия, в частности, закрепила за собой значительную часть Польши с Варшавой.

³⁰ Это Елизавета Алексеевна (1779—1826) — жена Александра I; была известна своей благотворительностью.

³¹ Великая княгиня Елена Павловна (1806—1873) — урожденная принцесса Вюртембергская, жена великого князя Михаила Павловича, отличалась разносторонностью интересов, образованностью, высокой культурой, была тесно связана с кругом известных литераторов и композиторов, в числе которых были А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, А. Г. Рубинштейн.

³² Ге София (1766—1852) — французская писательница, автор романов, в которых главные действующие лица, как правило, представляли придворные круги.

³³ Константин — см. прим. 17 к тексту «Французы в России...».

³⁴ Кимвры — древний германский народ.

³⁵ Марий Гай (155—86 до н. э.) — известный римский полководец и политический деятель, участник многих войн как с внешними врагами Римской республики, в частности с кимврами, так и внутри нее, со своими политическими противниками; неоднократно избирался консулом, провел известную военную реформу, в результате которой в римскую армию записывались бедняки Рима и всей Италии, соблазненные жалованием и земельными участками, наделение которыми должно было происходить после 16-летней службы.

³⁶ Принцесса Ольденбургская (1817—1871) — урожденная принцесса Нассауская, дочь герцога Вильгельма, с 1837 г. была замужем за принцем П. Г. Ольденбургским, племянником по матери Николая I.

³⁷ Троицкий мост — старое название современного Кировского.

³⁸ Петергофский дворец — построен в 1716—1717 гг. французским архитектором Леблонем, создателем первого плана застройки Санкт-Петербурга.

³⁹ Армида — одна из героинь поэмы «Освобожденный Иерусалим» знаменитого итальянского поэта XVI в. Т. Тассо.

⁴⁰ Семирамида — жена ассирийского царя Нина (VIII в. до н. э.), украсившая свою столицу Вавилон висячими садами, которые считались одним из семи чудес света.

⁴¹ Английский дворец — построен в 1826—1828 гг. известным зодчим Менеласом.

⁴² Имеется в виду восстание в Польше 1830—1831 гг.

⁴³ Здесь речь идет об ораниенбаумском Большом дворце, который был построен в 1712—1720 гг. немецким мастером Г. И. Шеделем, работавшим также и над строительством василеостровской резиденции петербургского генерал-губернатора А. Д. Меншикова. Ораниенбаумский дворец также принадлежал ему.

⁴⁴ Буше Франсуа (1703—1770) — французский живописец, представитель стиля рококо, на его творчество большое влияние оказали работы А. Ватто. Основными темами полотен Буше были жанровые пас-

торали, сюжеты мифологии; художник делал также эскизы для шпалерных мануфактур и гравюры для книг.

⁴⁵ Имеется в виду выход в свет 15-го тома (1832) «Свода законов».

⁴⁶ Александровская колонна — одно из лучших произведений О. Монферрана. Была установлена в 1829—1834 гг.

⁴⁷ Рембрандт Харменс ван Рейн (1606—1669) — величайший голландский живописец, для его творчества характерны необычайная широта тематического диапазона, постоянные поиски наиболее выразительных художественных средств, непревзойденное техническое мастерство. Среди наиболее известных полотен художника: «Автопортрет», «Автопортрет с Саскисей на коленях», «Святое семейство», «Возвращение блудного сына», «Даная», «Поклонение волхвов» и др.

⁴⁸ Речь в данном случае идет о М. Ю. Лермонтове.

⁴⁹ Шлиссельбург — название, данное Петром I старинной русской крепости Орешек, которая после Столбовского договора 1617 г. стала называться Нотебург. В 1702 г. в последний раз, и окончательно, вошла в состав России.

⁵⁰ Коцебу Август (1761—1819) — немецкий писатель, драматург, неоднократно бывал в России, в 1800 г. был отправлен в ссылку за памфлет на Павла I, позже возвращен из ссылки и в 1802 г. находился во главе управления столичных театров. Вернувшись на родину, проявив себя сторонником жесткого реакционного курса. В 1819 г. убит студентом К. Зандом.

⁵¹ Граф Чернышев Александр Иванович (1786—1857) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант, игравший видную роль в процессе над декабристами, с 1827 г. — военный министр, а позже и председатель Государственного совета.

⁵² Иван VI Антонович (1740—1764) — внучатый племянник императрицы Анны Иоанновны, сын Мекленбургской принцессы Анны Леопольдовны, которая, в свою очередь, была дочерью Екатерины Иоанновны и герцога Мекленбургского. В годовалом возрасте был возведен на престол, согласно воле Анны Иоанновны, но в результате переворота 25 ноября 1741 г. на царствование была возведена Елизавета Петровна, а маленький император вместе со своими родителями был арестован, заключен в крепости Динамюнде, откуда отправлен в Холмогоры, а затем и в Шлиссельбург, где в 1764 г. был убит при попытке освобождения, предпринятой караульным офицером В. Я. Мировичем.

⁵³ Мадам де Жанлис (1746—1830) — французская писательница и общественная деятельница времен революции. В 1825 г. издала свои мемуары «Воспоминания Фелисии».

⁵⁴ Трубецкой Сергей Петрович (1790—1860) — князь, полковник, один из активных участников движения декабристов, член «Северного общества» (один из его руководителей); во время подготовки к восстанию был назначен в диктаторы, но в решающий момент на площадь не явился и участия в восстании не принимал. Осужден и приговорен к каторжным работам навечно (срок потом был сокращен — сначала до 15, а затем до 13 лет). Его жена, графиня Екатерина Ивановна Лаваль (1800—1854), последовала за ним в Сибирь, где и проживала вплоть до своей кончины.

⁵⁵ Лафонтен Жан Батист (1621—1695) — знаменитый французский баснописец и поэт.

⁵⁶ Императрица Анна Иоанновна (1693—1740) — русская императрица (1730), дочь брата Петра I Ивана Алексеевича, принимала незначительное участие в управлении страной, всецело доверяясь своему фавориту курляндцу Э. Бирону (отсюда и название периода правления Анны — «бирановщина»). В годы «бирановщины» были преданы забвению многие начинания и преобразования Петра I, приведена в расстройство финансовая система, пришел в упадок флот, наблюдалось засилье немцев на многих ключевых должностях. Оппозиционное движение против существующего режима в стране жестоко подавлялось («дело Волинского»). В царствование Анны Иоанновны Россия принимала участие в благополучно закончившейся войне с Турцией 1735—1739 гг.

⁵⁷ Борис Годунов (1552—1605) — русский царь (1598), вел борьбу с представителями боярства, продолжал политику Ивана Грозного в отношении укрепления позиций служилого дворянства, чем было вызвано издание нескольких указов, усиливающих, по существу, крепостную зависимость крестьянства. Это, в свою очередь, вызвало обострение классовой борьбы (восстание Хлопка). В конце царствования Годунова начинается «смута», одним из этапов которой явился поход Лжедмитрия на Москву.

⁵⁸ Минин Кузьма Иванович (ум. до 1616-го) — нижегородский земский староста, один из организаторов 2-го земского Нижегородского ополчения, участник освобождения Москвы осенью 1612 г.

⁵⁹ Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1641) — один из активных участников событий начала XVII в., герой освободительной борьбы 1611—1613 гг., сражался с поляками в мартовских боях 1611 г. в Москве, один из организаторов 2-го земского Нижегородского ополчения.

⁶⁰ Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844) — создатель и шеф корпуса жандармов, начальник III отделения.

ФРИДРИХ ГАГЕРН

Дневник путешествия по России в 1839 году

Печатается по изданию: Фридрих Гагерн. Дневник путешествия по России в 1839 г. // Русская старина. Спб., т. 51, с. 23—54.

¹ Принц Александр (1817—1849) — старший сын принца Оранского и великой княгини Анны Павловны. Принц Оранский (1792—1849) — будущий нидерландский король Вильгельм II (1840), участник сражений с Наполеоном в 1815 г.; будучи на престоле, пытался провести податную и финансовую реформы.

² Шильдер Николай Карлович (1842—1902) — русский историк, генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с 1899 г. — директор Публичной библиотеки, в 1892—1893 гг. — редактор журнала «Русская старина», составитель сборников документов

по истории России, автор фундаментальных работ о Павле I, Александре I и Николае I.

³ Борнгольм и Готландский материк — острова в Балтийском море.

⁴ Ревельское побережье — прибрежные районы современного Таллина.

⁵ Шельда — река, протекающая через территории Франции, Бельгии и Нидерландов.

⁶ См. прим. 19 и 20 к тексту де Кюстина.

⁷ См. прим. 27 к тексту де Кюстина.

⁸ Великая княжна Александра Николаевна (1825—1844) — младшая дочь Николая I, жена Фридриха Гессен-Касальского, скончалась при родах.

⁹ Великий князь Михаил — см. прим. 15 к тексту де Кюстина.

¹⁰ Великая княгиня Елена Павловна — см. прим. 31 к тексту де Кюстина.

¹¹ Это будущий император (1855) Александр II Николаевич (1818—1881). Отменил крепостное право (1861), провел ряд буржуазных реформ. Убит народовольцами.

¹² Эрцгерцог Альбрехт Фридрих Рудольф (1817—1895) — старший сын австрийского эрцгерцога Карла, принимал участие в войнах империи.

¹³ Великий князь Константин Николаевич (1827—1892) — второй сын императора Николая I, активно участвовал в проведении реформ 60—70-х гг., с 1865 по 1881 г. — председатель Государственного совета.

¹⁴ Фридрих-Вильгельм I (1688—1740) — прусский король, заложил основы прусского милитаризма, отличался самодурством, негативным отношением к интеллигенции, назван «фельдфебелем на троне».

¹⁵ Нессельроде Карл Робертович (Васильевич) (1780—1862) — граф, государственный деятель, министр иностранных дел России (1816—1856), с 1844 г. — канцлер; придерживался курса на сближение России с Австрией и Пруссией, переоценивал степень противоречий между Францией и Англией, что ясно проявилось в Крымской войне.

¹⁶ Пратер — один из живописнейших районов Вены.

¹⁷ Система Лемана — имеется в виду метод немецкого картографа Иоганна-Георга Лемана (1765—1811), в основе которого — изображение почвы на карте в вертикальном разрезе, степень наклона почвы обозначается штриховкой.

¹⁸ Треангуляция — создание на земной поверхности системы опорных пунктов, служащих для топогеодезических съемок.

¹⁹ Ункяр-Скелесский (Ункяр-Искелесский) трактат — договор о военном сотрудничестве между Россией и Турцией, подписанный в 1833 г. в Ункяр-Искелеси (населенный пункт недалеко от Константинополя); закреплял господство России на Черном море.

²⁰ Лондонская конференция — состоялась в 1830—1831 гг. с участием представителей России, Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции в связи с отделением Бельгии от Нидерландского королевства. Независимость Бельгии была признана участниками конференции.

²¹ Принц Ольденбургский Петр Георгиевич (1812—1881) — наследник Ольденбургского герцогского дома, по приглашению Николая I

прибыл в Россию, где продолжил свое образование, участвовал в разработке проектов усовершенствования юридического и военного образования; на его личные средства были учреждены новые больницы и приюты.

²² Польский мятеж — имеется в виду восстание в Польше в 1830—1831 гг., направленное против жесткой политики Николая I, грубо нарушавшего конституцию 1815 г. и притеснявшего поляков.

²³ Хлопицкий Иозеф Гжегож (1771—1854) — польский генерал, сподвижник Костюшко, участвовал в наполеоновских войнах и в событиях 1830—1831 гг.

²⁴ Кульм — населенный пункт в Чехии, где в августе 1813 г. был окружен и капитулировал наполеоновский генерал Вандамм.

²⁵ Лагарп Фредерик Цезарь (1754—1838) — швейцарский государственный и политический деятель, воспитатель великих князей Александра Павловича и Константина Павловича; принимал участие в составлении проектов реформ начала XIX в.

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Примечания
Ю. Лимонов. Россия в западноевропейских сочинениях первой половины XIX в.	3	
1812 год. Баронесса де Сталь в России	19	697
Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев	65	701
Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году	421	711
Фридрих Гагерн. Дневник путешествия по России в 1839 году	661	716

Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев/Сост. Ю. А. Лимонов.— Л.: Лениздат, 1991.— (Библиотека «Страницы истории Отечества»).—719 с.
ISBN 5-289-00944-2

Сборник хронологически является продолжением вышедших в 1986 и в 1989 гг. книг «Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев» и «Россия XVIII в. глазами иностранцев». В него вошли воспоминания баронессы де Сталь о посещении России перед нашествием Наполеона, записки иностранцев, участников Отечественной войны 1812 г., сочинение известного французского писателя Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» и «Дневник путешествия по России в 1839 году» полковника Фридриха Гагерна, совершившего поездку к петербургскому двору в свите голландского принца Александра Оранского.

Р 4703010400—165
M171(03)—91 184—91

84.34(4)

**РОССИЯ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.
ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ**

Составитель
ЛИМОНОВ Юрий Александрович

Заведующий редакцией А. И. Белинский

Редактор Л. Л. Решетникова

Художник Д. К. Титов

Художественный редактор Б. Г. Смирнов

Технический редактор Л. П. Никитина

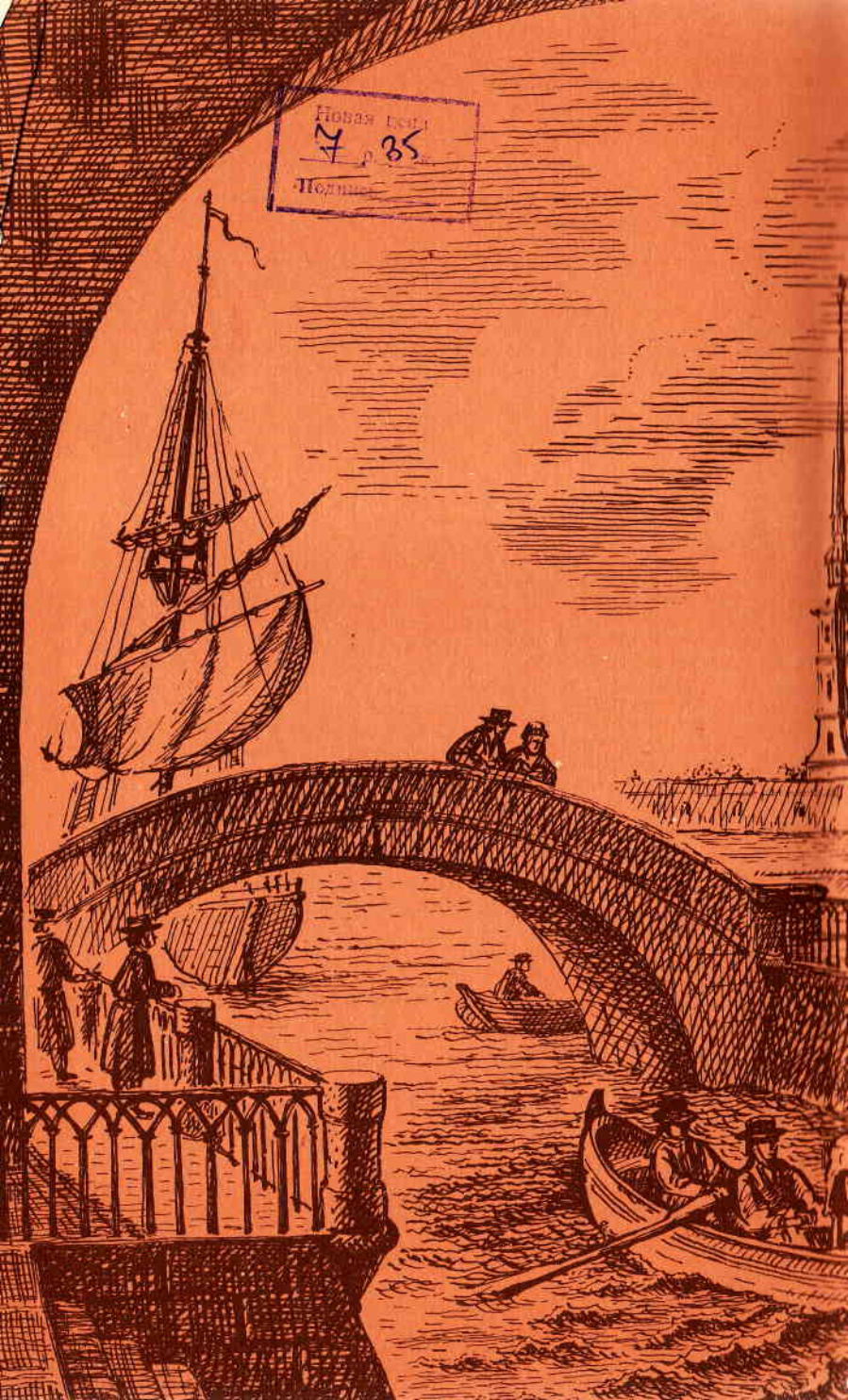
Корректор Н. Н. Фоменко

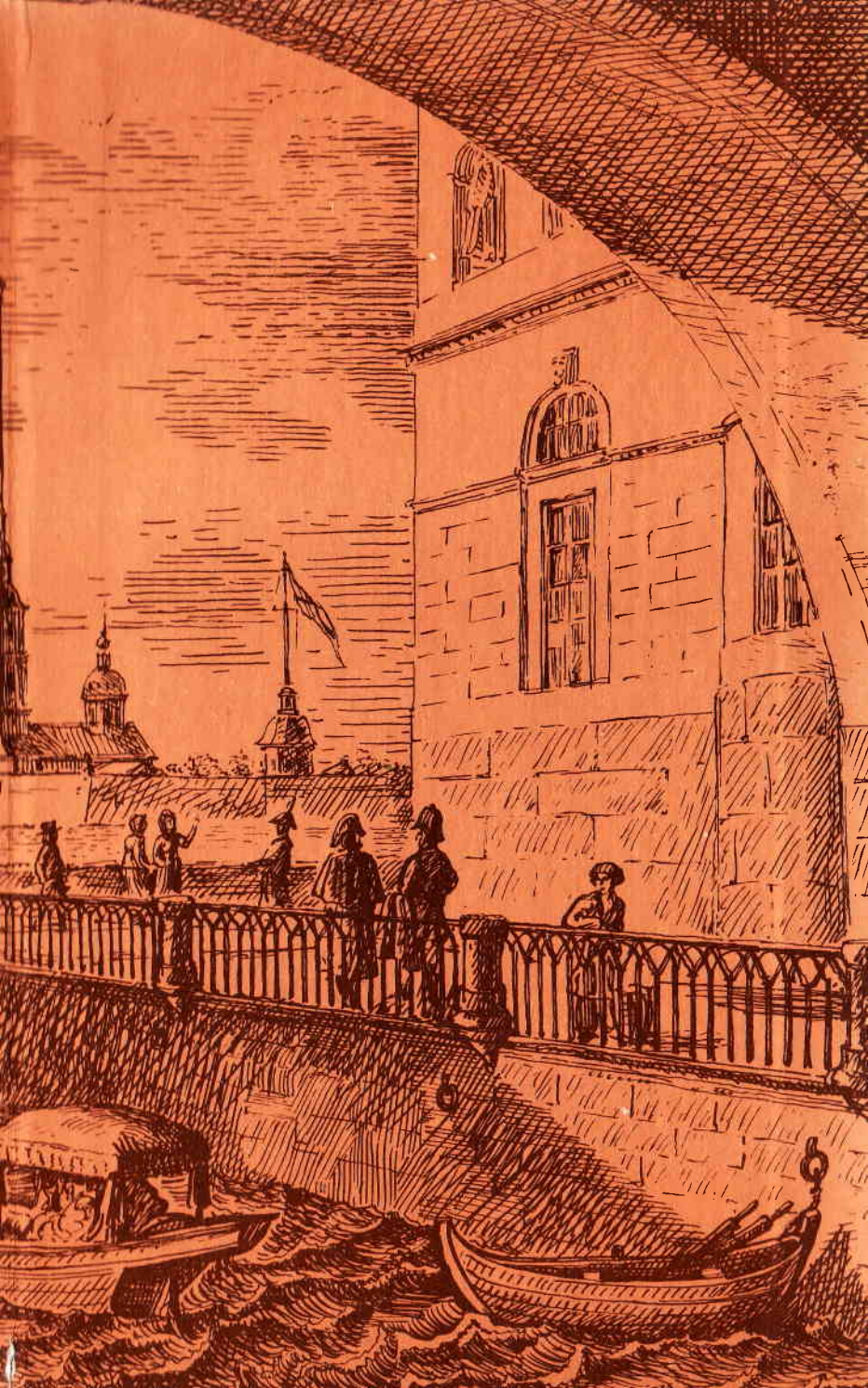
ИБ № 5397

Сдано в набор 15.03.91. Подписано к печати 21.10.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,80. Усл. кр.—отт. 38,22. Уч.-изд. л. 40,95. Тираж 200 000 экз. Заказ № 744. Цена 7 руб.

Лениздат, 191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

Fiobas 1851
7 p 85
Hozm...

7 руб .